БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

ПРИРОДА
ФУНКЦИИ
МЕТОДЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ

IV

NATURE
FUNCTIONS
METHODS
OF STUDY

THE UNCONSCIOUS

THE UNCONSCIOUS

NATURE
FUNCTIONS
METHODS
OF STUDY

Edited by

A. S. Prangishvili
ACADEMY OF SCIENCES OF THE GEORGIAN SSR

A. E. Sherozia
TBILISI STATE UNIVERSITY

F. V. Bassin
INSTITUTE OF NEUROLOGY, USSR ACAD. SCI.

«METSNIEREBA»
PUBLISHING HOUSE
TBILISI
1985

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

ПРИРОДА
ФУНКЦИИ
МЕТОДЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Под общей редакцией

А. С. Прангишвили
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

А. Е. Шерозия
ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ф. В. Бассина
ИНСТИТУТ НЕВРОЛОГИИ АМН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1985

Б $\frac{0304000000}{М 607 (06)—85}$ 202—85

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСКУССИИ

CONTENTS

VOLUME FOUR

RESULTS OF THE DISCUSSION

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСКУССИИ

VOLUME FOUR

RESULTS OF THE DISCUSSION

ПАМЯТИ АПОЛЛОНА ЕПИФАНОВИЧА ШЕРОЗИЯ

Скоропостижно, в расцвете творческих сил скончался Аполлон Епифанович Шерозия — философ, психолог, один из ярких представителей грузинской психологической школы Д. Н. Узнадзе. Безвременный его уход из жизни — тяжелая утрата для всех, кто соприкасался с ним в процессе научной работы.

А. Е. Шерозия родился в 1927 году в селе Ушапати Цхакаевского района. В 1950 году он окончил Тбилисский государственный университет, а в 1954 году — аспирантуру АН Груз. ССР. С 1955 г. работал научным сотрудником Института философии АН Груз. ССР. Его публикации, посвященные анализу вопросов, пограничных с философией и психологией, проблем теории познания и истории философии, стали известны научной общественности, начиная с конца 50-х годов. Им были опубликованы труды «К вопросу филогенезиса психического» и «Разносферные закономерности психического и проблема бессознательного». Последняя из этих работ четко определила направление его научной деятельности в дальнейшем. В 1962 г. он защитил кандидатскую, а в 1967 г. — докторскую диссертацию, с 1968 г. стал профессором Тбилисского университета. В 60-х годах им была написана монография «Философская мысль в Грузии в первой четверти XX века». Эта книга в значительной степени способствовала расширению и систематизации представлений об особенностях философской мысли в Грузии в начале нашего столетия, которые освещались в русской литературе того времени лишь фрагментарно.

В дальнейшем А. Е. Шерозия уделял много внимания, наряду с научной и педагогической работой также организационно-литературной деятельности, выполняя обязанности заведующего редакцией философии Грузинской советской энциклопедии, участвуя в создании многотомных изданий, подготовленных Институтом философии АН СССР («История философии» в 6-ти томах, «История философии народов СССР» в 5-ти томах и др.).

Исключительная энергия и целеустремленность, всегда отличавшие А. Е. Шерозия, позволили ему одновременно подготовить и опубликовать свой капитальный труд «К проблеме сознания и бессознательного психического» в 2 томах (1969, 1973). В этой работе была изложена оригинальная, предложенная ее автором, концепция взаимоотношений, существующих между системой сознания и бессознательным психическим. Концепция эта тесно связана с психологическими и философскими традициями школы Д. Н. Узнадзе, всегда оказывавшими на А. Е. Шерозия как на теоретика и исследователя очень глубокое влияние. В свою очередь, идеи А. Е. Шерозия стимулировали развитие в советской психологии направления, побудившего к созыву АН Грузии, Тбилисским университетом и Институтом психологии им. Д. Н. Узнадзе в 1979 г. в г. Тбилиси II Международного симпозиума по проблеме бессознательного.

А. Е. Шерозия в качестве зам. председателя Оргкомитета этого

симпозиума и председателя его Программного комитета очень много сделал в процессе многолетней подготовки и проведения этого крупного совещания. Им, совместно с другими редакторами, была подготовлена к изданию в 1978 г. трехтомная коллективная монография «Бессознательное: природа, функции, методы исследования», содержащая материал, исходный для дискуссий на симпозиуме. В этой монографии представлен ряд статей, написанных А. Е. Шерозия как самостоятельно, так и в сотрудничестве с другими авторами, и обосновывающих концептуальный подход к проблеме бессознательного с позиции философии диалектического материализма. Этот подход четко противостоит, как это хорошо известно, преобладающим в западной литературе идеалистическим трактовкам данной проблемы.

Труды А. Е. Шерозия, опубликованные в Советском Союзе и за рубежом (Франция, ФРГ), его роль и выступления на Тбилисском симпозиуме сделали его имя широко известным не только среди советских психологов и философов, но также среди прогрессивных, дружественно относящихся к Советскому Союзу ученых других стран. Это обстоятельство нашло свое выражение, в частности, в избрании А. Е. Шерозия членом Германской Академии психоанализа (Западный Берлин) и представителем Советского Союза в Международной Ассоциации динамической психиатрии. За большой вклад в развитие науки Аполлон Шерозия был посмертно удостоен золотой медали Германской Академии Психоанализа (Западный Берлин).

Последним трудом, опубликованным А. Е. Шерозия незадолго до его кончины, была монография «Психика. Сознание. Бессознательное» (1979), в которой он обобщил подход к проблеме бессознательного, разрабатывавшийся им на протяжении всей его жизни. Ему же принадлежат многие идеи, положенные в основу ряда статей, содержащихся и в настоящем IV томе монографии. Неожиданная кончина жестоко оборвала эту его последнюю работу...

Приведенные факты дают представление о научной деятельности А. Е. Шерозия. Их, однако, недостаточно, чтобы обрисовать необыкновенную привлекательность его как человека: его беззаветную преданность науке, его принципиальность и бескомпромиссность в отстаивании идей марксистско-ленинской философии и психологии, его мужество и искренность, проявлявшиеся в поступках и оценках, его скромность и обаяние, его доброту, производившие глубокое впечатление на всех, кто имел счастье с ним общаться.

Аполлону Епифановичу суждено было жить недолго. Но он оставил глубокий след в истории нашей науки. Память о нем и о его научном пути неизгладима. Она сохранится надолго и будет вызывать чувство благодарности к нему за все, что он совершил.

Редколлегия IV тома монографии

А. Е. ШЕРОЗИЯ

«Мы попытаемся предпринять концептуальный анализ современного научного понимания проблемы бессознательного психического, избрав при этом в качестве исходного пункта теорию психоанализа и теорию неосознаваемой психологической установки. Сопоставление этих направлений облегчает рассмотрение интересующей нас проблематики, ибо, в отличие от других направлений, психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки предоставляют в наше распоряжение два совершенно разных способа оперирования феноменом бессознательного в его связях с психикой в целом. Одновременно

и то и другое направление предпринимают попытку выдвинуть наряду с сознанием идею бессознательного как особой формы отношения к действительности, которую можно проследить во всем диапазоне основных проявлений личности.

Психоанализ рассматривает сознание и бессознательное как взаимоисключающие — при их функционировании — элементы психики, утверждая их непримиримый антагонизм. Тем самым разрушается феноменологическая целостность не только системы «сознание — бессознательное», но и самой личности. Бессознательное выступает при этом только как отрицательный элемент, только как отрицательное качество данной системы. Психология же установки, наоборот, в лице открытого ею феномена установки предлагает положительное определение и наиболее адекватное на сегодня представление о способе существования исходной целостности психики.

В противоположность психоанализу, психология установки рассматривает отношения в системе «сознание — бессознательное» не только и не столько в свете идеи антагонизма, сколько в свете неустранимым образом проявляющегося в них синергизма. Ибо, в отличие от психоанализа, психология эта опирается на представление о **фундаментальном единстве** человеческой личности, выражаемом как своеобразной моделью феноменом установки.

Отсюда достаточно ясно вытекают преимущества психологического концепта установки как научной основы интересующей нас сейчас общей теории сознания и бессознательного психического, этих неразрывно, хотя и противоречиво, связанных между собой образований человеческой психики. Мы постараемся поэтому, выдвинув в качестве непосредственной исходной единицы предстоящего анализа психологию установки, в основном именно с этой точки зрения и противопоставить ее психоанализу, в научной дискуссии с которым она в свое время сложилась как одно из основных направлений советской психологии, исходящее одновременно из трех фундаментальных категорий — личности, установки и деятельности. Ибо с момента ее возникновения и вплоть до наших дней психология установки выступает у нас как **психология деятельности и личности** в их нерасчленимом единстве, только благодаря которому и то и другое — деятельность и личность — превращаются в предмет психологии.

Из книги А. Е. Шерозия «Психика. Сознание. Бессознательное», Тбилиси, «Мецниереба», 1979, стр. 21—22.

УСТАНОВКА КАК НЕОСОЗНАВАЕМАЯ ОСНОВА ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ

А. С. ПРАНГИШВИЛИ

Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Грузинской ССР, Тбилиси

На страницах трехтомной коллективной монографии «Бессознательное: природа, функции, методы исследования» [6] выдвинуты следующие негативные положения о связи понятия установки с проблемой бессознательного: 1) бессознательное реально лишь как форма существования физиологических процессов; 2) бессознательное — это категория, использование которой несовместимо с диалектико-материалистической методологией психологической науки, и 3) отождествление понятия установки (в понимании Д. Н. Узнадзе) с психологическим понятием бессознательного делает понятие установки лишним для психологии как объясняющей науки (ср. [6, т. I, 74]). Рассмотрим некоторые аспекты этих положений.

Если проблема бессознательного — это проблема психологии (а это, безусловно, так), то совершенно ясно, что она может быть решена лишь с помощью методов научного психологического исследования; тем самым основой для дискуссии о психологическом понятии бессознательного могут служить только научные, экспериментальные данные. В этом плане мы и будем обсуждать положения, занимающие нас в данном случае.

1. Начнем с попыток редуцировать бессознательное до уровня только физиологического состояния.

Работы школы Узнадзе, имеющей полувековую историю, и множество других наблюдений, обобщений и фактов совершенно ясно показали, что к составляющим экспериментальных закономерностей активности сознания необходимо отнести действия факторов направленности, ориентированности, значимости и т. д., т. е. психологических установок, которые не даны в сознательных переживаниях, но без которых, вместе с тем, не раскрываются закономерности осознаваемой психической деятельности.

К примеру, остановимся на результатах выполненного Д. И. Рамишвили в Институте психологии им. Д. Н. Узнадзе исследования природы процесса выделения того или иного явления посредством слова в речевой деятельности человека. В опытах Рамишвили все испытуемые на вопрос о том, является ли фиалка травой, категорически заявляли, что фиалка не трава, а цветок; что же касается аналогичного вопроса о клевере, то они отвечали, что клевер — трава, хотя и имеет цветок. По данным Рамишвили, однозначное применение слов, обозначающих повседневные понятия, как правило, обусловливается вполне объективным фактом, а именно, ролью определенных явлений в социальной практике данного языкового коллектива. Трава, например, — все то, что применяется как зеленая масса. Все, что противоречит это-

му применению, исключается из категории травы. Но в сознании субъекта не отражена данная закономерность, определяющая употребление этого слова при сознательном процессе речевой деятельности. Субъект не осознает, что он называет травой. Однако из-за неосознаваемости эта закономерность не лишается признаков психического — осмысленности и т. д. Выяснилось, что при практическом контакте человека с предметами, на уровне скрытых от сознания связей, закрепляются общие объективные отношения, например, травы как растения, используемого в качестве зеленой массы [6, т. III, 179].

Результаты опытов, проведенных в школе Узнадзе, ясно свидетельствуют о том, что неосознаваемая психическая деятельность скрытым образом «соучаствует» как предпосылка и регулирующий фактор в становлении любой формы активности сознания.

В редакционной статье к т. I монографии «Бессознательное», написанной в соавторстве с Ф. В. Бассиным и А. Е. Шерозия, мы отмечали: «Если для бессознательного характерно такое соучастие, то очевидно, что редуцировать бессознательное до уровня «только физиологических состояний» или факторов столь же нелогично, как требовать редукции до этого самого сознания на том основании, что любой акт осознаваемой психической деятельности реализуется физиологическими механизмами [6, т. I, 76].

2. Теперь относительно того, что бессознательное психическое — это категория, использование которой несовместимо с диалектико-материалистическим учением. Некоторые психологи полагают, что гипотеза о реальности бессознательной психики означает отрицание мозга как материального субстрата психики и признание субстратом психических явлений самой психики минус сознание.

Утверждение, что психическое есть функция мозга, не может означать и не означает, что психика является изнутри детерминированным отправлением мозга, его клеточной структуры. Как правильно отметил С. Л. Рубинштейн, представление о психическом как об отправлении мозга ведет к физиологическому идеализму.

Продолжая эту мысль, С. Л. Рубинштейн пишет: мозг — только орган психической деятельности, а не ее источник [9, 6]. Отправная же точка для преодоления субъективистского понимания психической деятельности заключается в признании того, что внешний, объективный мир, воздействующий на мозг, изначально участвует в детерминации психических явлений [9, 9]. Правильно поставленный вопрос о связи психических явлений с мозгом, отмечает Рубинштейн, неизбежно переходит в вопрос о зависимости психических явлений от взаимодействия человека с миром, от его жизни [9, 30]. В этой системе взаимоотношений человека с миром стержневым моментом является деятельность человека, направленная на активное, соответствующее его потребностям преобразование мира. Согласно основному принципу материалистической психологии, «деятельность человека составляет субстанцию его сознания» [7].

Классики марксизма на примерах изучения процессов формирования у людей их принципов, идей и т. д. как отражения бытия, реальной действительности показали, что сознание не следует понимать как единственную форму существования психического и, тем более, не следует отождествлять природу психического отражения с сознательным процессом познания. Это показано Марксом на примере анализа природы товарного фетишизма; факт участия неосознанных форм отражения в формировании поведения человека констатируется, когда Маркс характеризует личностные черты капиталиста как персонификацию сущностных свойств капита-

ла, когда он отмечает, что торговец минералами не видит их красоты и т. д.

Факт реализации человеческой активности посредством сознания, писал Энгельс, еще не свидетельствует о ее зависимости исключительно от сознания [1].

Итак, исходя из диалектико-материалистической методологии психологической науки, вполне закономерно задачей психологии считать исследование качественного различия функции сознаваемого и неосознаваемого в управлении деятельностью человека.

3. Остановимся теперь на связи установки в понимании Д. Н. Узнадзе с психологическим понятием бессознательного и на ее научной значимости.

Признание реальности бессознательного, того, что неосознаваемая психическая деятельность «скрытым образом» соучаствует в становлении любой психической деятельности, требует определения исходных постулатов психологического исследования и разработки категориального аппарата, адекватно отражающего специфику бессознательного и своеобразие его закономерностей.

По отношению к проблеме категориального аппарата психологии бессознательного релевантными могут быть «гипотетические конструкты», аналогичные разрабатываемым другими науками (механикой, физиологией и т. д.), относительно выводных сущностей, не выступающих в виде непосредственных переживаний сознания.

Как известно, в советской психологии начало обоснования категориального аппарата, способного отразить качественное своеобразие бессознательного, было положено Д. Н. Узнадзе и его школой в непосредственной связи с разработкой теории психологической установки, широко освещенной во многих трудах представителей грузинской школы советских психологов.

Позволим себе лишь напомнить логику разработки в советской психологии теории неосознаваемой психологической установки как концептуального фундамента представлений о бессознательном.

Исходя из положения о том, что факт реализации человеческого действия посредством сознания не свидетельствует о ее зависимости исключительно от сознания, что «истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему не известными», Ф. Энгельс сформулировал психологически ориентированный вопрос относительно форм и путей образования процессов сознания на основе источников, не зависящих от сознания [I, 83]. Перефразировав положение А. Н. Леонтьева, отметим, что в данном случае факт признания неосознаваемого не выражает собой признание некоего особого начала, таящегося в глубинах психики. Неосознаваемое имеет ту же детерминацию, что и всякое психическое отражение: реальное бытие, деятельность человека в объективном мире [7, 204]. А. Н. Леонтьев пишет: «Осуществленная деятельность богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание. При этом для сознания субъекта вклады, которые вносятся его деятельностью, остаются скрытыми; отсюда и происходит, что сознание может казаться основой деятельности» (выделено мною — А. П.) [7, 129].

Концепция установки грузинской школы психологов тем и обогащает анализ поведения, что установка как переменная считается промежуточной именно в смысле специфического уровня и формы отражения бытия, т. е. реальной действительности. Концепция Узнадзе исходит из постулата, лежащего в основе трехчленной схемы анализа деятельности, согласно которой всякое поведение, как бы и где бы оно ни возникло, определяется воздействием окружающей действительности не непосредственно, а прежде всего опосредовано, через целостное

отражение этой последней в субъекте деятельности. Значит, психология должна начинать свои исследования с изучения субъекта деятельности. В активные отношения с действительностью вступает субъект, а не отдельные акты его психической деятельности, являющиеся лишь модификациями субъекта деятельности.

Отсюда ясно, что прежде всего следует установить, «в каком качестве психология должна включить индивид в свое методологическое исследование» [3, 77]. Ценный анализ этой методологической проблемы предложила К. А. Абульханова-Славская, позицию которой мы разделяем. Рассматривая вопрос «о качестве индивида как субъекта жизнедеятельности, которое делает его субъектом психической деятельности», она проводит такую аналогию: даже применительно к организму существует проблема поддержания его некоторой специфической целостности. Последняя обеспечивается некоторыми регуляторными механизмами, сохраняющими эту качественно своеобразную целостность при всех изменяющихся соотношениях организма со средой, при изменении самого организма, не говоря о его развитии. Тем более вероятно, отмечает К. А. Абульханова-Славская, говорить о необходимости поддержания целостности и качественного своеобразия индивидного способа существования в его социальных связях [3, 78—79].

Автор считает, что эта особенность жизнедеятельности создает объективную необходимость в некоторой функции, которая заключалась бы в постоянном возобновлении, поддержании и установлении связей с другими людьми при сохранении качественного своеобразия индивида.

«Марксизм, вопреки утверждениям экзистенциалистов, — пишет К. А. Абульханова-Славская, — отнюдь не отрицает индивида «в его собственном способе существования», он отрицает лишь возможность объяснения личности из нее самой, распространяет на нее социологическое объяснение, связывая ее развитие с развитием общества» [4, 61]. Проблема не сводится, как правильно отмечает автор, к констатации случайности каждого отдельного индивида, она заключается в исследовании закономерности этого уровня организации, этой формы бытия человека в ее соотнесенности с бытием рода [4].

Итак, в свете основных положений марксистско-ленинской теории психологии проблема сущности целостного субъекта психической деятельности (поскольку эта целостность получает выражение в деятельности субъекта, личности и может быть раскрыта и исследована нашими обычными научными методами) выступает как исходная проблема конкретной психологии.

Постановка проблемы целостного субъекта психической деятельности выдвигает вопрос о способе психической организации индивида как определенным образом слаженной системы, связной последовательности его опыта и поведения, его относительной структурной устойчивости в условиях постоянного изменения обстоятельств деятельности.

Д. Н. Узнадзе предложил метод «фиксированной установки» как экспериментальный, адекватный этой проблеме. Естественно, мы не будем останавливаться на его детальном рассмотрении. Отметим только следующее: результаты опытов свидетельствуют о том, что реакции происходят не случайно и наряду с действующими стимулами определяются также промежуточной переменной (т. е. расположенной между стимулом и реакцией внутренней организацией индивида). В иллюзиях восприятия и их аналогах установка как преориентация и диспозиция к определенной форме реагирования выступает в качест-

ве общего конституирующего фактора внутренней, психической организации индивида.

Эксперименты выявили наличие в структуре установки ряда различных характеристик, как-то: возбудимость, статичность-динамичность, пластичность-ригидность и т. д. В отмеченных исследованиях грузинских психологов (восприятия, навыка, воображения, мышления и т. д.) показано, что в то время, как отдельные системы действия, являющиеся компонентами активности, которые различаются своими модальностями (перцептивными, экспрессивными и т. д.), претерпевают разнообразные изменения, установка неизменно выступает как целостная структура с постоянным набором характеристик. Это значит, что установка является системной особенностью индивида как субъекта психической деятельности.

Представляя собой диспозицию к определенной форме реагирования — психологическую организацию внутренней среды индивида, установка выступает как характеристика целостного состояния субъекта психической деятельности в каждый дискретный момент его активности. Целостное состояние субъекта психической деятельности — это прежде всего организация «конечного общего пути», по которому развивается одна система активностей и одно выявляющееся поведение.

Это значит, что аттитюды, мотивы, черты личности, концепты и подобные факторы деятельности не изолированно друг от друга и не «поштучно» определяют выявляющееся поведение, а подчиняются регулирующей функции установки — высшего уровня организации процессов переживаний и действий, имеющих место при осуществлении деятельности.

Установка — понятие единицы целостно-личностного измерения, к которому сводится действующий субъект в каждый дискретный момент его активности. В каждый дискретный момент деятельности индивида избирательно-направленные процессы его восприятия, памяти, воображения, решения задачи и т. д., проявляя определенную внутреннюю связность и последовательность, выступают как процессы, управляемые единой промежуточной переменной — готовностью к определенной форме реагирования — установкой, т. е. выступают как процессы, протекающие в определенной целостной форме психической организации.

Правильно отметил Г. Оллпорт: без такой направляющей установки индивид был бы растерян и сбит с толку. Никакая деятельность не может актуализироваться без готовности к определенной форме реагирования, побуждающей его действовать именно таким образом, а не каким-либо иным.

Индивид постольку является субъектом деятельности, поскольку он организуется не в самый момент деятельности, а предуготовлен к ней. Это значит, что реакция осуществляется не по принципу стимул-реакция, а как преломленная через всю систему психической организации индивида, т. е. реакция осуществляется как «обобщенный ответ».

В то же время «система психической организации», «система-индивид» не дана субъекту непосредственно как факт сознательных переживаний. (Как известно, Маркс одной из ошибок гегелевской феноменологии считал идеалистическое отождествление личности с сознанием и самосознанием).

«Совершенно естественно считать, — пишет Д. Н. Узнадзе, — что если что-либо у нас и протекает действительно бессознательно, так это, в первую очередь, установка, состояние субъекта в целом, которое не может быть отдельным актом сознания» [10, 178]. Но это не

мешает психологическим установкам оставаться активными силами, направляющими деятельность субъекта в ту или иную сторону. Будучи ее субъектом, эту направляющую активность установки мы никогда непосредственно не переживаем. Лишь наблюдая за возникновением, течением и угасанием «эффекта» установки, мы судим о ее закономерностях и динамике.

При подходе к установке как форме целостности психической организации индивида, как определенным образом слаженной системе, отмечаем мы в коллективной статье в соавторстве с Ф. В. Бассиным и А. Е. Шерозия, было облегчено объективное изучение таких, например, ранее трудно уловимых целостных психологических феноменов, как формирование намерений и последствия их нереализуемости; зарождение, развитие и угасание антагонизмов переживаний, понимаемых как конфликты установок, и т. д. [5].

Такого рода целостные сдвиги в душевной жизни становятся более доступными для объяснения, «поскольку движение всех этих психологических феноменов неразрывно связано со становлением и преобразованиями... установок» [5, 86] — высшего уровня психической организации модуса субъекта деятельности в целом в каждый дискретный момент его активности, модуса, на базе которого возникает деятельность с определенной направленностью.

Установка выступает как фактор негэнтропического порядка. Выражая собой порядок, организацию, она является основой определенности поведения, поэтому, если установка не реализуется, нарушается порядок в организации переживаний и действий субъекта, имеющих место при осуществлении деятельности, «в них возникают дезорганизация и конфликты... Установка — фактор, всегда исходно ориентированный негэнтропически, т. е. чтобы минимализовалась вероятность возникновения «беспорядка» как в отношениях между человеком и миром, так и в душевной жизни самого человека» [5, 90].

Изучены закономерности установки, позволяющие объяснить направленность поступков и действий людей, связанных с преобразованием значимости для субъекта элементов его среды. Можно привести много примеров того, что «закономерные изменения установок — это одновременно закономерные изменения обусловливаемых установками значений.... преобразования значимости для субъекта тех или иных аспектов окружающего мира» [5, 91].

, А. В. Запорожец в свое время отметил, что в условиях опытов с фиксированной установкой возникновение ассимилятивной и контрастной иллюзий связано с закономерностями обусловливаемого установками изменения отношения к вещам субъекта, того смысла, который эти вещи имеют для него [8].

С психологическими закономерностями изменений, обусловливаемых установками, мы встречаемся во всех, по существу, областях личностной активности. Как отмечено нами в цитируемой выше коллективной статье в соавторстве с Ф. В. Бассиным и А. Е. Шерозия, в ответах личности, например, на возникновение неблагоприятных для нее обстоятельств улавливаются закономерности «психологической защиты» как разнообразные формы специфической перестройки личностных установок, изменяющие значимость для субъекта («личностный смысл») того, что его окружает [5]. Приведенных примеров достаточно для того, чтобы показать, насколько неправильна точка зрения, отрицающая научное значение установки как категории бессознательной психики.

Концепция установки отнюдь не приводит к недооценке активной роли сознания. Понятие установки является релевантным по отношению к понятиям «образующих» сознания, по отношению к функции, ко-

торую каждая из этих образующих выполняет в процессе объективации субъектом картины мира.

Экспериментальные данные показали, что неосознаваемая установка как направляющая психические процессы промежуточная переменная, со своей стороны, постоянно коррегируется на основе той информации, которая поступает в порядке обратной связи в результате сознательной активности, развернутой в плане объективации. Но план объективации возникает при задержке реализации установки, не соответствующей актуальной ситуации. В свете теории установки так представляется синергия неосознаваемых и осознаваемых форм психического отражения. Тем самым теория установки занимает позицию, предельно далекую от психоаналитической концепции, пытающейся утвердить в человеческой деятельности гегемонию областей, в которые сознание не проникает, и принцип антагонизма как исходный для понимания продуктивной связи между сознанием и бессознательным.

Установка относится к сфере психического, ибо она, выражая психологическое содержание взаимодействия потребности и ситуации — этих двух детерминантов деятельности, в самом общем виде отражает «смысл ситуации» и определяет направленность деятельности и процессов сознания. Тем самым установка как таковая не исчерпывается физиологической характеристикой процесса. Закономерности установки не допускают редукцию к физиологии, не выводимы из закономерностей нейрофизиологических процессов.

Мы попытались показать, что качественная особенность функции неосознаваемого психического в теории установки Д. Н. Узнадзе раскрывается в плане определенной закономерности: общепсихологическая сущность субъекта деятельности открывается нам, по словам Д. Н. Узнадзе, в каждом дискретном случае его активности в определенных модификациях установки, не принимающих форм, характерных для содержания сознания [10].

Как отмечено в нашей коллективной статье в соавторстве с Ф. В. Бассиным и А. Е. Шерозия, подобного рода модификации установок имеют характер своеобразных закономерностей собственно психологического типа. Тем самым эти изменения — модификации установок «становятся принципами, выполняющими функцию объяснения смысловой стороны, функцию объяснения на-направленности поступков и действий конкретных людей» (выделено мною — А. П.) [6, т. III, 728].

Итак, лишена всякого основания точка зрения, согласно которой трактовка установки в понимании Д. Н. Узнадзе как психологического понятия бессознательного будто бы делает понятие установки лишним для психологии как объясняющей науки.

SET AS THE UNCONSCIOUS BASIS OF MENTAL REFLECTION

A. S. PRANGISHVILI

The D. N. Uznadze Institute of Psychology, Tbilisi

SUMMARY

Materialistic psychology must start its research with the study of the subject of activity. The statement of the problem of the integral subject of activity raises the question of the way of the mental organization of the individual. Set as an integral structure with permanent characteristics serves as

the overall constitutive factor of the individual's mental organization. Being a systems specificity of the individual, set emerges as a factor of non-entropic order. The individual is a subject of activity inasmuch as he/she becomes organized not at the very moment of activity but is prepared for it in advance. At the same time, set—as a system of mental organization—is not available to the subject immediately as a fact of conscious experiences. In each discrete instance of the individual's activity his set undergoes a definite modification that does not assume forms characteristic of the content of consciousness. However, set is continuously adjusted on the basis of the feedback information arriving as the result of the activity of consciousness occurring on the plane of objectification. This is how the synergy of the unconscious and conscious forms of mental reflection are visualized in the light of the theory of set. The nature of mental reflection should certainly not be identified with the conscious process of cognition.

ЛИТЕРАТУРА

1. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф., Соч., т. 39, М., 1966.
2. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф., Немецкая идеология, Соч., т. 3, М., 1955.
3. АБУЛЬХАНОВА-СЛАВСКАЯ К. А., Соотношение индивидуального и общественного как методологический принцип психологии личности. В Сб.: Теоретические проблемы психологии личности, М., 1974.
4. АБУЛЬХАНОВА-СЛАВСКАЯ К. А., Существует ли для психологии проблема индивида? Вопросы философии, 1972, № 7.
5. БАССИН Ф. В., ПРАНГИШВИЛИ А. С., ШЕРОЗИЯ А. Е., О перспективах дальнейшего развития научных исследований в психологии (к проблеме бессознательного и собственно психологической закономерности). Вопросы психологии, 1979, 5.
6. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: ПРИРОДА, ФУНКЦИИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, т.т. I—III, Тб., Мецниереба, 1978.
7. ЛЕОНТЬЕВ А. Н., Деятельность, сознание, личность, М., 1975.
8. ПРАНГИШВИЛИ А. С., Исследования по психологии установки, Тб., 1967.
9. РУБИНШТЕЙН С. Л., Бытие и сознание, М., 1975.
10. УЗНАДЗЕ Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, Тб., 1968.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И УСТАНОВКА

В. В. ГРИГОЛАВА

Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе
АН Грузинской ССР, Тбилиси

Симпозиум по проблеме бессознательного психического, состоявшийся в Тбилиси в октябре 1979 года, — этапное явление в истории советской психологии, и это, несомненно, заслуга организаторов симпозиума — А. С. Прангишвили, Ф. В. Бассина, А. Е. Шерозия.

На этом симпозиуме, материалы которого опубликованы в трех фундаментальных томах монографии (на русском, английском, немецком и французском языках), были представлены почти все существующие в зарубежной и советской психологии взгляды на бессознательное психическое.

Известно, что обычно сторонники той или иной теории приглашают на научные форумы только тех, кто в принципе согласен с ними хотя бы по основным вопросам. Организаторы симпозиума не пошли по этому пути. В трехтомной монографии представлены не только те взгляды и теории, которые пытаются обосновать законность бессознательного психического в психологии, но и радикально противоположные мнения. В этом смысле Тбилисский форум можно признать уникальным. В работе симпозиума приняли участие свыше 70 известных ученых из 16 зарубежных стран и 166 представителей различных областей советской науки.

Особо следует подчеркнуть также, что на этом форуме впервые бессознательное психическое стало предметом столь широкого обсуждения в международном масштабе. Организация симпозиума, несомненно, была полезным делом, и можно с уверенностью сказать, что, благодаря ему, советская психология в настоящее время стала международным центром исследования этой фундаментальной проблемы.

Безусловно, организаторам форума пришлось иметь дело с весьма многообразным материалом, и для приведения его в порядок потребовалась многолетняя кропотливая работа, но они с честью справились с этой трудной задачей. Многие вопросы освещены, многое осталось неразрешенным или не до конца ясным, но в целом симпозиум полностью оправдал цели, намеченные его организаторами. Можно с уверенностью сказать, что материалы симпозиума, несомненно, войдут в золотой фонд советской психологии.

Проблема бессознательного психического — одна из самых сложных и трудноразрешимых проблем в психологии. Следует сказать, что, несмотря на внутреннюю противоречивость учения Фрейда, в нем, безусловно, есть то рациональное зерно, которое, по-видимому, должна использовать научная психология, что еще в 40-е годы особо подчеркивал Д. Н. Узнадзе.

В данной работе мы попытались рассмотреть проблему бессозна-

тельного психического с позиций Д. Н. Узнадзе и постарались осветить отдельные вопросы, которые, по нашему мнению, не были решены на симпозиуме. Насколько нам удалось выполнить хотя бы частично эту трудную задачу, судить не нам.

По мнению В. Вундта, история психологии уже миновала тот этап, когда утверждали, что «понятие психического факта и факт сознания по их содержанию полностью совпадают» [22, 140]. За этим последовала совершенно противоположная реакция в буржуазной психологии, а именно, бихевиористическая психология, которая вообще отрицала сознание, подменив его понятием объективного поведения, под которым подразумеваются или физиологические процессы, или целостные действия субъекта, имеющие определенный целевой смысл [10].

Совсем по-другому подошел к критике интроспекционизма т. н. психоанализ (психология бессознательного).

«Открытое» З. Фрейдом бессознательное можно считать вторым серьезным наступлением, предпринятым против сознания в психологии. Согласно теории психоанализа, «бессознательному» приписывалось такое «динамическое», движущее поведением значение, что рядом с ним сознание выглядело почти как эпифеномен.

Многие авторы отметили противоречия, содержащиеся в учении Фрейда. Д. Н. Узнадзе противопоставил фрейдовскому «бессознательному психическому» свою концепцию, где он преодолел противоречия, неразрешимые в рамках теории Фрейда.

Как пишет Д. Н. Узнадзе, с точки зрения традиционной психологии, «все многообразие явлений нашей психической жизни, в основном, распадается на три отличающиеся друг от друга группы: познание, чувство и воля... Субъект, переживающий какой-нибудь познавательный акт или какое-нибудь эмоциональное содержание или совершающий какой-либо волевой поступок, сопровождает все эти переживания определенными актами, делающими их вполне сознательными психическими содержаниями. С этой точки зрения, нет сомнения, что психика и сознание вполне покрывают друг друга: все психическое сознательно, и то, что сознательно, является по необходимости и психическим» [12, 135].

При таком понимании психики, по мнению Д. Н. Узнадзе, психика четко отграничивается от всего того, что лишено сознания, и тогда совершенно непонятен вопрос о развитии психики: если предположить, что психическая деятельность ограничивается только сознанием, то следует думать, что психика вообще резко отличается от остального живого мира и образует самостоятельную, независимую, совершенно замкнутую сферу действительности в виде сознания.

Как мы знаем, известно и другое направление, которое по существу иначе решает этот вопрос. Согласно этому направлению, наша душевная жизнь вовсе не исчерпывается сознанием. Наоборот, сознательные явления выполняют совсем незначительную роль в психической активности человека, которой управляют именно «бессознательные» психические явления.

Можно подумать, что психика, согласно этой концепции, проходит две ступени развития, из которых первая является ступенью «бессознательного», а следующая — ступенью сознательной душевной активности. Однако, сторонники указанного направления — психоанализа — рассуждают иначе. По мнению самого видного представителя этого направления З. Фрейда, сферы сознательного и бессознательного никак нельзя представить как этапы развития. Правда, есть случай, когда какое-нибудь психическое состояние из бессознательного переходит в сознательное, но нередки явления, когда происходит обратное: созна-

тельный процесс переходит в бессознательный, и это обстоятельство часто ложится в основу психических заболеваний человека [14].

Допустим, у человека возникло желание, которое он для себя считает постыдным. Согласно учению Фрейда, личность изгоняет такое желание из своего сознания, будто забывает его. На самом же деле это желание не навсегда изгоняется, не окончательно забывается, но переходит в бессознательное и там продолжает свою активность, часто более сильную, чем это могло быть в сознательных условиях, между тем субъект о его существовании ничего не знает.

Что происходит с этим вытесненным «бессознательным» психическим переживанием, когда оно переходит в сознательное состояние? Ответ Фрейда ясен: как только это желание становится сознательным, оно для субъекта делается обыкновенным сознательным желанием, что ведет к освобождению субъекта от гнетущего воздействия «бессознательного», вызвавшего психическое нарушение личности. «Психология бессознательного определяет бессознательное душевное состояние лишь отрицательно, т. е. как душевное состояние, лишенное сознательности, как бессознательное душевное состояние... Психология бессознательного обозначает процессы... лишь как нечто бессознательное. Что касается его положительной характеристики, то такой попытки... не встречается вовсе, потому, что этой возможности у нее вообще нет» [13, 9].

Выходит, что бессознательное до его «изгнания»» в бессознательное и после возвращения в сознание является одним и тем же, а в какой форме оно продолжает свое существование там, в бессознательном состоянии, об этом ничего не сказано.

Эту трудность чувствует и сам Фрейд, когда старается доказать существование бессознательного психического по аналогии. Так, он говорит: психические процессы, протекающие в других людях, нам не даны непосредственно, но, несмотря на это, по поведению других людей мы заключаем об их психических состояниях. Если человек бледнеет и у него дрожат руки, напрягается лицо, то мы знаем, что он испытывает страх, а если он смеется, мы знаем, что он радуется и т. д. Следовательно, по Фрейду, несмотря на то, что то или иное психическое состояние другого человека нам не дано, т. е. оно бессознательно, мы все же знаем о том, каково его психическое состояние.

Подобная аргументация лишена строгой научной основы. Следует отметить, что понимание чужого психического состояния происходит не по умозаключению по аналогии, как это утверждают Фрейд и некоторые другие психологи, а на основе некоторых врожденных механизмов, каковыми, например, являются смех при удовольствии или плач при неудовольствии. Что этот механизм (способность) врожденный, видно из простого наблюдения: ребенок, пока еще не обладающий способностью умозаключения по аналогии, воспринимая чужую мимику или жест, прекрасно понимает, когда его ласкают и когда упрекают.

Еще более убедительные доводы приводит П. К. Анохин: «В течение 15 лет мои сотрудники изучают живой плод человека, начиная с трехмесячного возраста, изъятый по различным медицинским показаниям. Когда мы смотрим на пятимесячное существо, помещающееся на ладони и весящее всего лишь 500—600 г. и уже имеющее образ человека, то трудно отделаться от впечатления, что это человек. Это существо выражает своей мимикой абсолютное неудовольствие, что его вынули, плачет и всхлипывает, выражая все специфические черты неудовольствия и обиды. Возникает вопрос: как мимика, специфически человеческое качество, могла передаться в генотип, идти через все стадии онтогенеза и стать впоследствие мимикой взрослого человека?

Изучая взрослых людей, рожденных слепыми и ставших потом

глухонемыми, я смог заметить, что их мимика отнюдь не остается детской. Она весьма адекватно отражает уровень переживаний, хотя, конечно, и не имеет полной выразительности. Но ведь эти люди не могли приобрести мимику, благодаря подражанию. Откуда она у них?» [I, 301—302].

Выше мы отмечали, что, согласно концепции Фрейда, бессознательное желание и до своего образования, т. е. до того, как оно станет бессознательным, и после того, как освобождается от бессознательного состояния, является обыкновенным сознательным переживанием и совершенно не меняется по своему содержанию. По этому вопросу другого мнения придерживается В. Л. Какабадзе: «Мы считаем лишенным основания тезис: для З. Фрейда бессознательное— такое психическое, которое после вытеснения из сознания не теряет связи с сознанием, вернее, форму сознания. Положение дела у Фрейда как раз не таково: бессознательное является ни таким психическим, которое за пределами сознания обладает формой сознания, ни таким, какое само по себе обнаруживается в пределах сознания» [3, 69].

Если рассматривать вопрос по существу, то бессознательное, по З. Фрейду, является ничем иным, как сознательным, изменившим «местонахождение», «что же касается их самих, то внутренняя природа и структура их остаются в обоих случаях одинаковыми» [12, 178].

Если бы это было не так, если бы бессознательное по своему содержанию отличалось от сознательного, то психоанализу никак не удалось бы применить концепцию Фрейда на практике: психоаналитик, согласно Фрейду, излечивает психическое заболевание тем, что данное в бессознательном в виде вытесненного желания проводит в сознание больного, освобождая этим пациента от разрушающего психического воздействия желания, вытесненного в бессознательное, «в существовании которого мы убеждены, хотя и не воспринимаем его сами» [17, 188]. Что касается предупреждения Фрейда, «чтобы мы не отождествляли восприятие сознания с бессознательным психическим процессом» [17, 188], нам кажется, что он имел в виду не различие в их содержаниях, а различие в степени обладания психической силой — бессознательное гораздо сильнее по своему воздействию на субъект, чем сознательное.

Если бы бессознательное по своему содержанию было чем-то иным, чем сознательное, было бы принципиально невозможно его возвращение в сознание и этим самым излечение субъекта. Цензуру, которая так скрывает содержание сновидения, что трудно его обнаружить, Фрейд рассматривает по аналогии с деятельностью швейцарской полиции: «Комиссии (т. е. полиция — В. Г.), назначение которых охранять границы, в этом отношении хитрее... В поисках документов и набросков планов они не довольствуются тем, что осматривают папки и карманы, а принимают во внимание также и возможность, что шпионы и перебежчики могут спрятать такие запрещенные вещи в самых сокровенных местах своей одежды, где им, безусловно, не место, например, между двойными подошвами сапог» [14, 242]. Эта аналогия, приведенная Фрейдом, указывает именно на то, что бессознательное по своему содержанию идентично сознательному, только оно скрыто (например, в сновидении), что обнаружить его трудно, хотя не невозможно.

Как известно, одним из основных средств обнаружения бессознательного психического для психоаналитика является сновидение. Не случайно Фрейд сравнивает сновидение с древними языками, которые нельзя понять, основываясь на современной грамматике. «Китайский... язык состоит, так сказать, из одного только сырого материала, подобно тому, как язык, которым мы выражаем наши мысли, благодаря устранению

выражения отношений, разлагается работой сновидения на сырой материал. В китайском языке во всех тех случаях, когда имеется неопределенность, выбор предоставляется пониманию слушателя, который при этом руководствуется общим смыслом» [14, 241—242]. «Мы должны, однако, сознаться, — продолжает Фрейд, — в системе выражения сновидения положение гораздо менее благоприятно, чем во всех этих древних языках и письменах. В основе своей эти языки предназначаются для обмена мыслей, т. е. рассчитаны на то, чтобы какими бы то ни было путями быть понятными при помощи каких бы то ни было средств. Но как раз у сновидения нет этой особенности. Сновидение не хочет никому ничего сообщить, оно не является средством сообщения мыслей, наоборот, оно рассчитано на то, чтобы оставаться непонятным» [14, 242].

Эту пространную выписку из лекции Фрейда мы привели для того, чтобы показать, какой «глубинный характер» имеет бессознательное Фрейда и как сложно обнаружить его содержание при обращении к самому арсеналу психоаналитического вооружения.

Согласно Фрейду, то, что по существу известно о бессознательном в психоанализе, получено из интерпретации сновидений. Факт сновидения для психоанализа имеет не только решающее значение как средство для подхода к бессознательному психическому, но он является и пробным камнем для теории бессознательного психического.

Что из себя представляет бессознательная психика?

Ответ Фрейда на этот вопрос ясен: бессознательная психика является психикой, существующей независимо от сознания, а психоанализ — это учение о недоступных прямому наблюдению глубоко лежащих процессах. И Фрейд тут же отмечает, что психоанализ является фундаментом для психологии [17, 189].

Более умеренными выглядят воззрения Т. Липпса о природе бессознательного. Он, например, говорит, что существует довольно большое количество психических фактов, которые не воспринимаются, их существование и сознание не покрывают друг друга.

Согласно Липпсу, бессознательный процесс можно назвать душевным (психическим) на том основании, что он непосредственно связан с содержаниями сознания, и бессознательные психические процессы не только существуют рядом с сознанием, но и ложатся в основу сознательных процессов и сопутствуют им. По Липпсу, сознательное (психическое) возникает из бессознательного и туда же возвращается. Бессознательное так же способно оказать влияние на субъект, как и сознательное [20, 30]. В работе, опубликованной позднее, Липпс развивает более радикальный взгляд о значении бессознательного психического: по его мнению, факторами психической жизни являются не содержания сознания, а бессознательные психические процессы. Задача психологии состоит в том, чтобы из свойств содержания сознания выводить заключения о природе бессознательных процессов. Современная психология, говорит он, является теорией подобных процессов, однако она скоро убедится в том, что существуют такие, совершенно иного рода своеобразия, которые не представлены в соответствующих содержаниях сознания [19, 123].

По Фрейду, существуют три сферы психического: сознательное, предсознательное и бессознательное. Предсознательное Фрейд назы-

вает и потенциально сознательным, поскольку оно близко к сознательному психическому. Эта близость, по Фрейду, заключается в том, что оно (предсознательное) может проникнуть в сознание без всяких препятствий. Для Фрейда действительным бессознательным является вытесненное бессознательное, неспособное вступить в сознание со своей естественной природой, и если оно и вступает туда, то только как представитель вытесненной бессознательной психики (сновидение и т. д.).

Можно с уверенностью сказать, что Фрейд под предсознательным подразумевает то, что в современной психологии в основном называют неосознанным психическим. Бессознательная психика, по Фрейду, не является ступенью развития психики, слабым сознанием, минимумом сознания и т. д. По его мнению, психика бессознательна постольку, поскольку она существует без сознания. Нельзя представить положение вещей так, будто переход из сознательного в бессознательное психическое состоит в снижении интенсивности. Если бы это было так, то исключался бы вообще вопрос о влиянии бессознательной психики на сознательную [18, 242].

Для Фрейда совершенно неприемлемо мнение, будто латентная мысль **является несознательной из-за своей слабости и она сразу же осознается, как только повышается ее интенсивность.** Наоборот, согласно Фрейду, существуют такие латентные мысли, которые не могут проникнуть в сознание, какими бы интенсивными они ни стали. Более того, бессознательное психическое, по Фрейду, потому именно и является особенно сильным (например, вытесненное бессознательное), что оно бессознательно [18, 408].

Внесение Фрейдом в психологию понятия бессознательного в определенной мере служило цели утверждения принципа непрерывности психической действительности. Как известно, с такой же целью Лейбниц внес в психологию понятие «малое восприятие» [5]. «Малое восприятие», по мнению Лейбница, восполняет пробел, когда сознание не подтверждает факта существования психики в субъекте. Таким образом, для Лейбница бессознательная психика является фактором, восполняющим и связывающим фрагментности сознательной психики, и целостный и непрерывный характер психики обеспечивается непрерывной последовательностью сознательных и бессознательных психических состояний. Бессознательная психика (т. н. «малое восприятие») является ступенью, непосредственно предшествующей возникновению сознательной психики. Кроме того, прекращение сознательной психики означает не ее ликвидацию, а переход в бессознательное психическое состояние.

Достойно внимания то обстоятельство, что психика, перешедшая в бессознательное, для Лейбница является не чем-то «глубинным», как это у Фрейда, а просто продолжает свое существование в виде ослабленного сознательного, т. н. «малого восприятия».

Что означает понимание таким образом бессознательного или «малого восприятия»?

По теории Д. Н. Узнадзе [12, 247—257], посредством акта объективации субъект повторно воспринимает объект с целью его «более детального, более четкого» [12, 248] отражения, и она (объективация) «предшествует любому познавательному акту» [12, 249] и определяет его протекание.

Следовательно, согласно учению Д. Н. Узнадзе, то, что с помощью объективации субъект воспринимает вновь, было им воспринято и до этого, однако после акта объективации это восприятие стало «более детальным, более четким» (Д. Н. Узнадзе), точнее — сознательным. Ясно, что восприятие предметов, происшедшее до объективации, впол-

не достаточно (ясно, четко) для выполнения обычных действий на уровне установки. Однако, когда на пути протекания обычного действия возникает какое-нибудь препятствие и для его беспрепятственного продолжения уже недостаточно отражения какого-либо объекта на уровне установки, то становится необходимым повторное, более детальное восприятие предметов, имеющих отношение к поведению, т. е. осознание. После того, как с помощью мышления субъект установит причину задержки, поведение завершится обыкновенным путем. На этом основании можно предположить, что то, что Лейбниц подразумевает под своим бессознательным или «малым восприятием», является именно тем, что Д. Н. Узнадзе назвал отражением на уровне установки. Именно поэтому, на наш взгляд, Д. Н. Узнадзе обратил особое внимание на «малое восприятие» Лейбница еще в 1919 году, хотя тогда же отмечал, что «сам Лейбниц не совсем ясно осознавал психологическое значение «малых восприятий» как элементов душевной жизни» [13, 82].

По нашему мнению, понятие «установка» имеет определенное преимущество перед «малым восприятием». Совершая обычное действие, человек совершенно ясно, достаточно, хотя и неосознанно, отражает все предметы, имеющие отношение к данному акту поведения, — он ясно воспринимает шкаф, где висит его костюм, воспринимает двери шкафа, которые надо открыть, чтобы найти костюм, и т. д. Здесь мы нигде не встречаемся с «малым восприятием», которое, кстати, не могло бы обеспечить точную дифференциацию висевшей в шкафу одежды. Во всех таких случаях перед нами всегда действительное, полное восприятие, хотя никогда не требуется вмешательства сознания. Однако, если, скажем, на привычном месте, где висел его костюм, окажется другая одежда, то именно потому, что он ясно воспринимал все предметы, он не станет надевать эту другую одежду, и в его поведение сразу включается объективация. С этого момента его поведение осуществляется при помощи сознания — поведение, которое проходило на уровне установки, уступает место другому поведению, а именно, поведению, опосредованному объективацией.

Однако следует отметить, что Лейбниц, несомненно, правильно указал, что сознание и психика не покрывают друг друга, что они не идентичны, и для восполнения пробела между ними он ввел понятие «малых восприятий».

За последнее время в советской психологии порой отождествляют «бессознательное» и «неосознанное», что, по нашему мнению, является смешением понятий. В действительности «неосознанное психическое» ничего общего не имеет с «бессознательным психическим», которое было внесено и прочно внедрено в науку Фрейдом, и т. н. «глубинной психологией» вообще.

Наряду с другими трудностями, которые возникают перед понятием «бессознательное», есть трудность, связанная с терминологией. Термином «бессознательное» разные авторы очень часто обозначают разные явления, иногда столь разные, что трудно найти что-нибудь общее между ними. Ясно, что терминологическая неточность обусловлена прежде всего неопределенностью содержания самого понятия.

Со своей стороны, статус бессознательного как психического феномена среди других психических явлений вызывает трудность определения его понятия. Характерным для бессознательного, как и для установки, является то, что оно не дается его носителю-индивиду в виде сознательного феномена, как это бывает в случае других психических явлений. Можно говорить о сходстве между бессознатель-

ным и установкой по этому признаку, однако совершенно недопустимо их отождествление, к которому иногда прибегают.

Что такое неосознанный психический феномен и как он появляется в сознании? В. С. Ротенберг приводит такой пример: «Так, читающие эти строки не осознают в момент чтения, что бумага, на которой написан текст, сделана из того же материала, что и стол, за которым сидит читающий субъект. Но достаточно нам сейчас обратить внимание на этот факт, как он тотчас осознается» [8, 71].

В суждении Ротенберга все ясно: в процессе нашей деятельности мы множество вещей не осознаем, но как только возникает необходимость в их осознании, мы беспрепятственно, обычно без чужой помощи осуществляем это.

Однако было бы большой ошибкой назвать этот процесс осознанием бессознательного. Согласно психоанализу, бессознательное может осознаваться через чужое вмешательство: сперва это делает обязательно психоаналитик, а потом, в известных условиях, и сам субъект — носитель бессознательного (больной).

Рассмотрим случай сомнабулизма — своеобразного нервного заболевания. Лунатик в состоянии сна может ходить по таким опаснейшим местам, на преодоление которых в бодрствовании вряд ли осмелится нормальный человек. Лунатик ясно, можно сказать, чрезвычайно ясно воспринимает окружающие раздражители (без этого невозможно преодолеть тот сложный путь, который он проходит), однако у него нет сознания воспринятого. Как будто создается странное положение: лунатик ясно, чрезвычайно «сознательно» воспринимает все в окружающем, и вместе с тем он никак не осознает того, что воспринимает. Восприятие, которое имеется у человека в таком состоянии, близко к восприятию, характерному для животного, однако не тождественно ему, хотя бы потому, что при прохождении опасного пути даже животное испытывает страх, тогда как лунатик полностью лишен его.

Следовательно, нет никакого основания говорить о бессознательном поведении лунатика, хотя все его поведение осуществляется без участия сознания. Однако, как тогда понять, что лунатик совершает такие целесообразные и вместе с тем сложнейшие и точнейшие движения? Ответ Д. Н. Узнадзе на этот вопрос вполне ясен: все поведение лунатика происходит на уровне установки, которая позволяет ему без участия сознания осуществлять точнейшее восприятие каждого предмета или препятствия, которые ему приходится использовать или преодолевать. Однако, если в протекание такого действия вмешается внимание (объективация), оно не только не будет способствовать осуществлению действия, но может привести к гибели лунатика.

Таким образом, в жизни человека не исключены и такие моменты, когда сознательное восприятие предметов и явлений окружающей среды не только не способствует осуществлению целесообразного поведения, но, наоборот, может сорвать его.

Следовательно, когда говорим, что то или другое состояние субъекта (например, установка) не представлено в сознании, это вовсе не означает, что оно «бессознательно». «Неосознанное» и «бессознательное» — разные понятия. Установка не осознана, однако она не есть бессознательное.

Рассмотрим еще один случай смешения понятий «бессознательное» и «неосознанное». «Носорог» по-грузински называется «марторка» (что в переводе означает «единорог»). Дети, говорящие на грузинском языке и знающие это слово, обычно не осознают, что оно состоит из двух независимых слов («марто» и «рка»), т. е. обозначает живот-

ное, у которого только один рог, в отличие от других животных, обладающих двумя рогами. Однако достаточно появиться потребности узнать, почему это животное по-грузински называется «марторка», а по-русски «носорог» или случайно обратить внимание на состав этого грузинского сложного слова, чтобы слово «марторка» из простой суммы слогов превратилось в два независимых друг от друга слова—«марто» и «рка». Пока ребенок не догадывается о таком составе этого слова, можно ли говорить, что он «бессознательно» знает это? Конечно, нет! Он ни сознательно, ни бессознательно не знает состава этого слова. Когда он открывает (или ему объясняют), что это слово состоит из двух самостоятельных слов, он просто овладевает новым знанием, и нельзя говорить, что он в этом случае осознал то, что раньше знал «бессознательно».

Существование таких несознательных психических содержаний не отрицается никем. Поэтому, когда «неосознанное» отождествляют с «бессознательным» и содержание, характерное для «неосознанного», приписывают «бессознательному», это является лишь непониманием.

Подтверждением этого являются, по-нашему, следующие слова: «Вопрос о бессознательном, то есть о существовании, о роли «неосознаваемой» психологической деятельности...» — отрывок, из которого видно, что «бессознательное» и «неосознаваемое» употребляются в значении «неосознанного» (подчеркнуто нами — В. Г.). Речь идет о замечаниях редакторов (А. С. Прангишвили, Ф. В. Бассин, А. Е. Шерозия) [7, 57].

К статье А. Т. Бочоришвили «О бессознательном», помещенной в монографии «Бессознательное», редакторы пишут: «А. Т. Бочоришвили считает, что как только психике приписывается существование вне сознания, психика превращается в субстанцию... основная проблема философии — «что раньше?» снимается и победу одерживает учение о двух равноправных субстанциях — метафизический дуализм». «На этой основе им (А. Т. Бочоришвили) отвергается «гипотеза о бессознательной психике», а неосознаваемость рассматривается как синоним непознаваемости» [2, 189]. Следовательно, «неосознаваемость» здесь эти авторы (редакторы) применяют не в значении «непознаваемого», а в значении «неосознанного» (в противном случае они не отрицали бы синонимности «бессознательного» и «непознаваемого»). Что это так, подтверждает следующее их воззрение: «Однако, — пишут они, — его (А. Т. Бочоришвили — В. Г.) можно твердо заверить, что когда мы говорим о бессознательном как о неосознаваемой психической деятельности, то мы отнюдь не отождествляем сознание и психику. Мы подразумеваем при этом лишь существование таких форм психической деятельности человека, которые осознаются им смутно или даже не осознаются вовсе (подчеркнуто нами — В. Г.)... Что касается отождествления «неосознаваемого» с вообще «непознаваемым», то, насколько мы понимаем, нет абсолютно никаких лингвистических оснований рассматривать их как синонимы» [2, 189].

Отсюда, по нашему мнению, ясно, что авторы примечания как «бессознательное», так и «неосознаваемое» употребляют в значении неосознанного.

Однако, если это так, теряет всякий смысл противопоставление «неосознанного» понятию бессознательного Фрейда, ибо это последнее является таким психическим, которое само по себе вряд ли может без помощи психоаналитика всплыть в сознании.

С другой стороны, если «бессознательное» и «неосознаваемое» мы

будем понимать в значении «неосознанного», то не останется основания для спора о бессознательном.

Это характерно для большинства материалов, помещенных в вышеуказанных монографиях, где очень часто идет речь то о бессознательном психическом, то о неосознаваемом или неосознанном восприятии, но так, что совершенно непонятно, где между ними проходит четкая граница.

Так же отождествляет понятия «бессознательное» и «неосознанное» Ш. Н. Чхартишвили: «Объективную ценность вещи впервые мы постигаем только сознанием. Однако, будучи раз осознанной, она продолжает при необходимости существовать для нас и бессознательно (неосознанно)» [15, 33].

Известно, что о неосознанных восприятиях или неосознанной психической деятельности в свое время говорили многие исследователи.

А. Н. Леонтьев пишет: «Осознаю ли я неровности мостовой, когда иду по ней, людей, идущих навстречу мне, предметы, выставленные в витринах магазинов, на которые падает мой взгляд, и т. д. в то время, когда я занят беседой со спутником? Нет. В приведенном случае предметом моего сознания является только содержание рассказа моего спутника. Но значит ли это, что я не воспринимаю того, что происходит вокруг меня? Мои действия на улице, все мое поведение в точности соответствуют тому, что требует от меня окружение, значит, я их воспринимаю» [6, 10—11].

Примерно такого же взгляда придерживается Е. В. Шорохова. Она пишет: «Осознанность и неосознанность являются качествами психического отражения человека. Психическое содержание в человеке не всегда находится на уровне сознания, в частности, восприятие, ощущение — формы психического отражения, но они не всегда осознаны» [16, 47].

С. Л. Рубинштейн в связи с этой проблемой пишет: «Различные уровни регуляции... связаны с различными уровнями психической деятельности — неосознанной, осознанной и сознательной. Различные же уровни психической деятельности связаны с разной ее качественной характеристикой, которую психическая деятельность приобретает в разных формах жизни» [9, 272].

Как явствует из этих слов, С. Л. Рубинштейн ясно указывает на неосознаваемую психическую деятельность, противопоставляя ей лишь сознательное психическое.

Итак, все вышеназванные авторы четко различают «бессознательное психическое» и «неосознанное психическое», чего нельзя сказать о некоторых статьях, опубликованных в указанной монографии («Бессознательное: природа, функции, методы исследования»).

Основная заслуга Д. Н. Узнадзе заключается именно в том, что он не только признавал существование психического «вне сознания», но и раскрыл его психологический механизм в виде установки.

О том, что Д. Н. Узнадзе в принципе отвергает законность «бессознательного психического», говорит то обстоятельство, что в качестве заглавия параграфа он приводит свой основной тезис — «Ненужность понятия бессознательного» [11, 178][1]. Заслуживает внимания и то, что этот параграф непосредственно следует за параграфом под заглавием: «Установка не является феноменом сознания» [11, 176]. Отсюда явствует, что для Д. Н. Узнадзе понятия «бессознательное» и «не является феноменом сознания» представляют собой совершенно разные понятия.

[1] В оргинале: «Понятие бессознательного—излишнее понятие» (Д. Н. Узнадзе, Экспериментальные основы психологии установки. Труды, т. VI, стр. 43, «Мецниереба», Тбилиси, 1977).

В параграфе «Установка не является феноменом сознания» Д. Н. Узнадзе ни разу не употребляет для характеристики установки термин «бессознательное». Это, подчеркиваю, факт не случайный: Д. Н. Узнадзе категорически отрицает законность понятия «бессознательное» в психологии и вводит новое понятие — «установка», делающее понятным феномены, не характеризующиеся признаком сознания.

Единственная заслуга Фрейда, по мнению Д. Н. Узнадзе, заключается в том, что «сознательные процессы далеко еще не исчерпывают всего содержания психики и что поэтому возникает необходимость признания процессов, протекающих вне сознания» [11, 180].

Если разделить этот взгляд Д. Н. Узнадзе, то не останется никакого сомнения в том, что для понятия «бессознательная психика» в психологии установки не найдется никакого места и «оно должно быть отброшено» (Д. Н. Узнадзе) как излишнее. Всякое изменение содержания «бессознательного» с целью приспособить его к учению Д. Н. Узнадзе — совершенно ненужное занятие и ничем не обогащает психологию установки.

Ответ на эту статью был опубликован А. С. Прангишвили, Ф. В. Бассиным и П. Б. Шошиным в журнале «Вопросы психологии» № 6, 1984 г.

THE UNCONSCIOUS AND SET

V. V. GRIGOLAVA

The D. N. Uznadze Institute of Psychology, Tbilisi

SUMMARY

The view is current in Soviet psychology according to which set in D. N. Uznadze's theory and the unconscious mental are identical concepts. In reality, set—according to Uznadze—is an explanatory theory of the behaviour of living organisms, including man; it has nothing in common with depth psychology, and hence, with the unconscious. In Uznadze's view Freud's only contribution lies in his discovery of the fact that "unconscious processes by far fail to exhaust the total content of the mind, and that the need arises for recognizing processes occurring outside consciousness".

ЛИТЕРАТУРА

1. АНОХИН П. К., Социальное и биологическое в природе человека. В сб.: «Соотношение биологического и социального в человеке», Материалы к симпозиуму в г. Москве, сентябрь, 1975, М., 1975.
2. Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1979.
3. КАКАБАДЗЕ В. Л., Теоретические проблемы глубинной психологии, Тбилиси, Мецниереба, 1982.
4. КАКАБАДЗЕ В. Л., Философские основы глубинной психологии (Критический анализ). Автореферат докторской диссертации, Тбилиси, 1974.
5. ЛЕЙБНИЦ Г. В., Новые опыты о человеческом разуме, кн. 2, М., 1936.
6. ЛЕОНТЬЕВ А. Н., Психологические вопросы сознательности учения. Известия АПН РСФСР, №7, 1947.
7. ПРАНГИШВИЛИ А. С., БАССИН Ф. В., ШЕРОЗИЯ А. Е., О проявлении активности бессознательного в художественном творчестве. Вопросы философии, №2, 1978.

8. РОТЕНБЕРГ В. С., Разные формы отношений между сознанием и бессознательным. Вопросы философии, № 2, 1978.
9. РУБИНШТЕЙН С. Л., Бытие и сознание, М., 1957.
10. ТАБИДЗЕ О. И. Философские основы науки о поведении, Тбилиси, Мецниереба, 1974 (на груз. яз.).
11. УЗНАДЗЕ Д. Н., Место „Petites Perceptions" Лейбница в психологии. Вестник Тбилисского университета, № 1, 1919 (на груз. яз.).
12. УЗНАДЗЕ Д. Н., Психологические исследования, М., 1966.
13. УЗНАДЗЕ Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки. Труды, т. VI, Тбилиси, 1977.
14. ФРЕЙД З., Лекции по введению в психоанализ, М., 1923.
15. ЧХАРТИШВИЛИ Ш. Н., Проблема бессознательного в советской психологии, Тбилиси, Мецниереба, 1968.
16. ШОРОХОВА Е. В., Проблема сознания в философии и естествознании, М., 1961.
17. FREUD S., Die Frage der Laienanalyse, Bd. XIV.
18. FREUD S., Psychoanalyse. Gesammelte Werke, Bd. VIII.
19. LIPPS Th., Grundtatsachen des Seelenlebens,. Bonn, 1883.
20. LIPPS Th., Komik und Humor. Hamburg-Leipzig, 1893.
21. REHMKE J., Die Seele des Menschen. Leipzig, 1920.
22. WUNDT W., System der Philosophie, Leipzig, 1907.

ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО И ТЕОРИЯ УСТАНОВКИ ШКОЛЫ УЗНАДЗЕ

Т. Т. ИОСЕБАДЗЕ

Тбилисская городская психиатрическая больница

Т. Ш. ИОСЕБАДЗЕ

Тбилисский государственный университет

«Чем является, по существу, то, что следует считать бессознательным? Мы думаем, что в этом случае дело имеем с одной из наиболее основных проблем, от того или иного решения которой зависит все наше психологическое мировоззрение...».

Д. Узнадзе [32, 160].

К постановке вопроса

Проблема бессознательного красной нитью проходит через историю формирования и развития теории установки школы Узнадзе, хотя она нередко оттеснялась, уступая место иным, порой также немаловажным проблемам.

Еще в своих ранних публикациях «Что такое теория познания» [28] и «Индивидуальность и ее генезис» [29] Д. Узнадзе затрагивал эту проблему и даже использовал некое понятие «нейтрального состояния сознания», характеризуемое минимумом, «слабостью» сознания и исчезновением индивидуальных свойств переживаемых явлений. В дальнейшем в работе «Место „petites perceptions" Лейбница в психологии» [30] проблема бессознательного стала объектом особого внимания Д. Узнадзе. Сопоставляя позиции Локка и Лейбница в связи с проблемой анализа сознания, Д. Узнадзе в этои работе указывает на наличие достоинств и недостатков в обоих взглядах, но все же предпочтение отдает подходу Лейбница, который для объяснения факта сознания вынужден был выйти за рамки самого сознания. Затем в работе „impersonalia" [31] в связи с проблемой восприятия им было выдвинуто понятие «подпсихическое»: «...объединение психического материала в виде определенного комплекса восприятия... определяет... подпсихическая область, которая выступает посредником между... объектом и ощущением и в чисто психическом (в комплексе ошущений) представляет транссубъективное..., для которого противоположные полюсы субъективного и объективного совер-

шенно чужды и в котором мы имеем дело с фактом их внутреннего, нерасчлененного единства» [31, 67]. В качестве эквивалентов «подпсихического» Д. Узнадзе в те годы использует понятия «ситуация» и «биосфера». «Когда мы говорим о ситуации, мы не должны подразумевать только раздражитель, только объективное обстоятельство... вместе с сиюминутным состоянием субъекта внешний раздражитель создает действительную ситуацию: кусок мяса для голодной собаки—одна ситуация, для сытой—другая, а для спящей он вообще не составляет никакой ситуации» [32, 171]. Или «... если в основе целесообразности свободной реакции лежит только объединяющее объективный и субъективный моменты расположение, выходит, что это последнее должно составлять принцип жизни, поэтому, на наш взгляд, ... в его лице имеем дело с неизведанной до наших дней сферой действительности, которую можно обозначить биосферой. То, что нами подразумевалось под названиями «ситуация» или «объединенное расположение», все это, надо думать, является состоянием, вызванным в биосфере...» [32, 178]. Впоследствии отмеченные понятия постепенно выкристаллизировались в виде категории «установка», которая образовала ядро психологической теории школы Узнадзе.

Сущность категории установки сама по себе уже содержит постановку проблемы бессознательного и определенную позицию по отношению к ней.

Согласно этой теории, установку в общих чертах можно охарактеризовать как конкретное состояние целостного субъекта, его модус, его определенную психофизиологическую организацию, его модификацию в той или иной конкретной ситуации, готовность к совершению определенной деятельности, направленность на удовлетворение актуальной потребности. Являясь отражением субъективного (внутреннего) и объективного (внешнего), а также будучи целостным состоянием субъекта, установка предстает в качестве опосредствованного звена, «принципа связи» как между отдельными его состояниями, функциями, элементами (в интрасубъектной сфере), так и между этими последними (или же целостным субъектом) и транссубъектной реальностью. Немаловажным является и то положение Д. Узнадзе, что установка содержит не только «каузальный» (побуждение к деятельности, потребность), но и «целеподобный» момент в виде общей проспективной неразвернутой модели будущей деятельности, своеобразно отражающей ее конечный результат. Следовательно, установка как модификация целостного индивида, определяемая субъективным (внутренним — актуальная потребность, прошлый опыт, в его широком понимании, особенности данного индивида) и объективным (внешним — конкретная ситуация) факторами, отражает не только настоящее и прошлое, но и будущее. С отмеченными характеристиками установки непосредственно связаны еще два основных ее признака, согласно которым установка определяет и регулирует любую деятельность живого существа, и она в силу всего вышесказанного не может быть феноменом сознания: «Установка не может быть отдельным актом сознания субъекта, она лишь модус его состояния, как целого, поэтому совершенно естественно считать, что если что у нас и протекает действительно бессознательно, так это в первую очередь, конечно, наша установка» [33, 178].

Анализ работ Д. Узнадзе с достаточной очевидностью свидетельствует о тесной связи проблемы бессознательного с теорией установки Узнадзе. Необходимо однако отметить, что все теоретикоспекулятивные

изыскания самого Д. Узнадзе и его последователей следует рассматривать лишь как предпосылки, или как моменты, сопутствующие основному направлению исследований, развиваемых в русле экспериментальной традиции. Именно благодаря разработке экспериментального метода фиксированной установки стало возможным создание и развитие подлинно научного направления, сформировавщегося в виде психологической теории установки. Это направленние по своей сути, очевидно, представляет собой одну из стройных систем психологических знаний, развиваемых в русле той традиции, которая H. Ellenberger квалифицируется как экспериментальный подход в развитии идей о бессознательном [45]. Этот подход, согласно указанному автору, восходит своими корнями к работам Лейбница, Гербарта и, что особенно обращает наше внимание, к лабораторным экспериментам Фехнера.

В то же время, несмотря на апелляцию к идее бессознательного в теории Узнадзе, по сути дела она не была создана как теория собственно о бессознательном. Д. Узнадзе, в сущности, занимался проблемой познания, восприятия, а позднее и поведением индивида. Тем самым он пытался объяснить факты, связанные именно с этими проблемами. Само же введение и разработка понятия неосознаваемого психического (установки) было обусловлено, по-видимому, тем, что Д. Узнадзе не удовлетворяли бытовавшие в то время в психологии представления (преимущественно либо механистического, либо виталистического толка), которые пытались объяснить факты отражения действительности, а также поведение живого существа. Он нашел нужным выделить в сфере активности индивида определенную функцию, выполнить которую не в состоянии был ни один известный до того научно установленный психический, а тем более не психический феномен. Для осуществления этой функции и было выдвинуто понятие «установка», как неосознаваемое психофизиологическое состояние целостного субъекта, в котором (как это явствует из характеристики) психическому отводится решающее значение. Таким образом, мы придерживаемся мнения, что введение, отграничение неосознаваемого психического (установоки) в школе Узнадзе было осуществлено на основе функционального критерия.

Идея об установке в теории Узнадзе, как было отмечено выше, по существу, развивалась в русле экспериментальной традиции, и, естественно, имеет тесную связь прежде всего с теми исследованиями, которые касались проявлений факта установки, тех или иных ее аспектов. Подразумеваются работы Фехнера, Мюллера, Шумана, Шарпантье, Аха, Марбе и др. Однако было бы неправильным игнорировать и влияние некоторых философских и психологических направлений. В частности, можно обнаружить некое влияние иррационалистического подхода, персонализма, гештальттеории и др. Однако особо следует выделить марксистско-ленинскую философию, которая выступила не только в качестве детерминирующего фактора, но и составила методологическую основу данной теории. Именно положения диалектического материализма, и прежде всего принцип объективного детерминизма, который нашел конкретное воплощение в виде принципа двухсторонней детерминации, представил возможность Д. Узнадзе разработать научную общепсихологическую теорию, пытающуюся преодолеть ограниченность, односторонность, с одной стороны, субъективистских, а с другой—механистико-материалистических

подходов. Особая важность этого принципа заключается и в том, что благодаря ему стало возможно вполне обоснованное возведение «установки» в ранг объяснительного понятия, как механизма любой формы деятельности. А это, в свою очередь, определило существенное отличие обсуждаемой теории от западных концепций установки («Einstellung», «attitude», «set»): «... ни один из западных теоретиков не использовал установку как основной объяснительный конструкт, а также ни один из них не дал адекватное объяснение природы и роли установки в человеческой деятельности» [46, 132].

Зарубежные ученые фактически трактуют установку как определенное предрасположение, готовность, диспозицию индивида (применяя ее нередко относительно частных, отдельных сфер его активности), которая возникает в результате приобретенного опыта или прирожденных его особенностей. Они в отличие от толкования узнадзевской школы первичной установки не наделяют ее общей отражательной функцией объективного и субъективного в данной конкретной ситуации, тем самым теряют подходящую почву для рассмотрения ее в качестве объяснительного понятия.

Теория установки Узнадзе зародилась и развивалась как теория, пытающаяся объяснить явления восприятия (отражения действительности) и поведения живого существа, но далее все очевиднее становилось, что рассматриваемые ею факты и закономерности по своей природе общепсихологические. Поэтому теория установки стала претендовать на роль общепсихологической концепции. Наряду с этим, что важно с точки зрения обсуждаемого вопроса, она предстала и в качестве определенной психологической концепции о бессознательном, противопоставившей себя психоанализу (как ведущей теории о бессознательном на Западе). Именно стремление реализовать себя, с одной стороны, в роли общепсихологической теории, а с другой — в роли теории о бессознательном психическом — выявило определенные недостатки узнадзевской теории, касающиеся прежде всего понимания неосознаваемого психического. Попытки преодоления этих недостатков отмечены зарождением новых тенденций, нового этапа в развитии идей о неосознаваемом психическом в школе Узнадзе, да и вообще в советской психологии. Эти новые тенденции проявились уже в конце 60-х годов, но заметно очерченные контуры приобрели в 70-х годах, которые ознаменовались выходом в свет трехтомной коллективной монографии о бессознательном [11; 12; 13], а также международным симпозиумом, посвященным этой проблеме. Таким образом, зародилось новое направление мысли, которое не только значительно меняет устоявшиеся в советской психологии представления относительно понимания собственно неосознаваемой психической области, но и затрагивает такие фундаментальные вопросы этой науки как сущность психической жизни человека и способы ее постижения. Формирование этого нового направления мысли, которое вполне можно назвать «новой ориентацией», обусловлено, как мы полагаем, не только логикой развития теории установки, но и всем ходом эволюции научной мысли. В частности, возникновению «новой ориентации» способствовали работы А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассина, а также С. В. Цуладзе, А. С. Прангишвили, В. Г. Норакидзе и др., отправляющиеся от разных дисциплинарных посылок (психологических, философских, медицинских). В свою очередь они были стимулированы тем фактическим материалом, который свидетельствовал о том, что существующий в советской психологии в связи с проблемой бессознательного концептуальный аппарат не охватывает многообразную гамму феноменов неосознаваемо-

го психического. С ними не раз сталкивались не только психологи, но и представители других областей (медики, биологи, педагоги, юристы и др.).

Стало очевидным, что ряд неосознаваемых явлений психики человека невозможно подвести под категории и закономерности установки. Это и побудило представителей «новой ориентации» попытаться обосновать необходимость включения подобных явлений в круг научных исследований и постараться теоретически осмыслить их [5; 40; 41 и др.]. Указанные явления психической жизни человека обычно обозначаются такими терминами как: «бессознательное психическое», «неосознаваемая психическая деятельность», «постсознательные образования» и т. п. При этом следует заметить, что отличие этих феноменов от осознаваемых не сводится только к их неосознанности, а заложено оно гораздо глубже, в их сущности, в их особой функциональной роли. К примеру, неосознаваемый мотив — это не просто мотив, минус признак сознания, а по определенным причинам сдерживаемый, подавленный, неудовлетворенный мотив, который проявляется особым образом и выполняет совсем иную роль в функциональной структуре человеческого поведения, чем подобный ему по содержанию мотив сознательный.

Некоторые представления, развиваемые советскими исследователями, относительно «бессознательного психического» («постсознательных образований») в определенном смысле приближаются к пониманию бессознательного в психоанализе, который, несомненно, оказал влияние на формирование этих представлений.

Известно, что отношение к психоанализу в советской психологии выразилось по существу в двух позициях: одни ученые заявили о его методологической неприемлемости, другие — признали в нем рациональное зерно и выступили за переосмысление его положительных сторон на основе марксистско-ленинской методологии. Что же касается, в частности, теории установки школы Узнадзе, то в истории ее развития можно обнаружить три тенденции: вначале выражена была позиция полного отрицания фрейдовского учения[1], затем появилась попытка ассимилировать его некоторые достижения (их описание и объяснение с помощью концептуального аппарата теории установки) и, наконец, третья тенденция проявилась в признании за психоанализом особого взгляда на область неосознаваемых явлений и в допущении необходимости дополнения им развиваемых в школе Узнадзе представлений (заранее освободив психоанализ от научно недостаточно обоснованных толкований). Особое внимание заново привлекло психоаналитическое понимание области неосознаваемого психического. Как известно, занимаясь изучением явлений истерии, З. Фрейд обнаружил целый ряд феноменов психического порядка, не подпадающих под категорию сознания, которые существенно влияли как на этиопатогенез болезненных состояний, так и на человеческое поведение вообще. Выделяя в психике человека определенную область — область неосознаваемых психических явлений — и пытаясь в теоретическом плане осмыслить их, З. Фрейд тем самым стремился преодолеть ограниченность представлений, бытовавших в психиатрии и психологии его времени. В качестве теоретического базиса отграничения неосознаваемого психического З. Фрейд применил т. н. «топографическую» модель психического аппарата («сознание», «предсознательное», «бессознательное»). Можно сказать, что в основу отграничения внесознательной пси-

[1] Эта позиция, как нам кажется, в свое время сыграла положительную роль в формировании теории установки. Не отвергнув теорию З. Фрейда, Д. Узнадзе вряд ли создал бы свою, оригинальную концепцию о бессознательном (установке).

хической области от сознания в эту модель, по существу, были положены два признака: 1. Феноменологический (признак переживания, осо нания, «восприятия» — «...различия между сознательным и бессознательным есть в конечном счете вопрос восприятия, на который приходится отвечать или «да» или «нет» [34, 10]) и 2. «Динамический» при нак в аимодействия психических явлений — «...есть двоякое бессознательное: скрытое, но способное стать сознательным («предсознательное» — Т.Т.И.), и вытесненное, которое само по себе и без дальнейшего[2] не может стать сознательным («бессознательное» — Т.Т.И.)» [34, 9]). Таким образом, фрейдовское понимание бессознательного это, если можно так выразиться, феноменолого-динамическое толкование. Топографическая модель, предложенная З. Фрейдом, вместе со связанной с ней теоретической конструкцией, несомненно, сыграла немаловажную роль в развитии психологии. Однако, как известно, эта модель вскоре была несколько отодвинута в теории психоанализа на задний план «структурной» моделью психического аппарата («оно», «я», «сверх-я»), которая и поныне считается преобладающей моделью психоаналитических исследований и терапии. Вряд ли можно не согласиться с мнением, что разработка структурной модели имела большое начение для дальнейшего развития психоаналитической теории, для расширения и углубления ее взгляда на психическую жизнь человека. Эта модель заслуживает внимания и с точки зрения научного по нания вообще как одна из интересных попыток отражения факторов, детерминирующих психическую, как и любую иную, деятельность человека, т. е. явления биологического, социального и собственно психического порядка. Удачно был найден З. Фрейдом и «язык» психики в качестве основы для характеристики единства и взаимодействия упомянутых различных сфер. Но, по-видимому, примечательной особенностью новой, «структурной» модели по сравнению с «топографической» является все же то, что «по существу эта модель психического аппарата рассматривалась с точки зрения его функции» [11, 259—260]. Однако следует заметить, что функциональный подход был применен с целью выделения определенных инстанций и структурных элементов, а не в связи с разграничением сознательных и бессознательных явлений. Отграничение от феноменов сознания явлений внесознательной психической области в психоанализе и в настоящее время по сути дела реализуется на основе упомянутого феноменолого-динамического и мерения. Следует отметить, что психоаналитическая трактовка бессознательного представляет собой наиболее яркую и стройную систему представлений в истории развития идей о бессознательном, сформировавшуюся в русле клинического подхода. Этот подход, как указывает H. Ellenberger, фактически уходит своими корнями к началу XIX века, к опытам с «месмерическим сном» (названным позднее гипнозом).

Представители «новой ориентации», основываясь на критическом анали е ошибочных положений фрейдовского учения, как с методологической, так и с конкретной научной позиции, стремятся вобрать в свою концепцию и развить ценные находки психоанализа (прежде всего его толкование бессознательного как образованной на основе принципа вытеснения своеобразной психической области, которой присущи своя феноменология, свой «язык» и собственные закономерности). Они предпринимают попытки синтезировать психоаналитический подход к психической жизни, как определенный образ мышления, сформирован-

[2] Очевидно здесь ошибка в переводе. Вместо «без дельнейшего» должно быть «без допольнительных хлопот» (Without more ado) согласно английскому переводу (приведено по книге: Psychology of Personality: Readings in Theory. Ed. by W. S. Sahakian. Chicago, (1965).

ный в русле клинического подхода, с достижениями советской психологической науки, главным же образом, с теорией установки школы Узнадзе (как наиболее стройной системы знаний о бессознательном в советской психологии, опирающейся на экспериментальный подход)[3]. Необходимо подчеркнуть, что это взаимодополнение подразумевает не простое эклектическое объединение двух теорий (психоанализа и теории Узнадзе), а творческий синтез определенных достижений двух традиций в развитии знаний о бессознательном.

Попытка введения представлений об особой области неосознаваемого психического в советскую психологию, так же, как в свое время понятия установки, опирается, главным образом, на функциональный критерий. Именно своей ролью и функцией в приспособительной деятельности человека отличаются друг от друга сознание, установка и бессознательное психическое (постсознательные образования). Разработка проблемы бессознательного на основе функционального признака способствует не только более убедительному обоснованию существования неосознаваемого психического, но и интра- и интер-дифференциации последнего. Кроме того, функциональный подход, на наш взгляд, дает возможность преодолеть тормозящий в какой-то степени развитие психологии, постулат «атрибутивности переживания», который подразумевает необходимость присутствия признака переживания (осознания) в любом психическом явлении [10; 21 и др.].

Следует заметить, что развиваемая в советской психологии характеристика бессознательного не исчерпывается только функциональным планом, а отражает и другие аспекты бессознательного (феноменологический, динамический, генетический и т. д.). Однако, по нашему мнению, именно функциональный подход к проблеме бессознательного составляет наиболее существенную черту, главную ось развития представлений об этой области в советской науке.

Введение новых представлений о бессознательном психическом в советскую психологию сопряжено с немалыми трудностями: «Учет этой реальности создает новое видение не только объекта психологических исследований, но в определенном отношении и самой психологии как научной дисциплины, поскольку он позволяет по-новому осмыслить ее категориальный аппарат — характерные для нее понятия и формулируемые ею закономерности» [8, 89—90]. Вполне понятно, что в таком случае нельзя обойти вопрос о специфических закономерностях, присущих феноменам неосознаваемой психической жизни, который Ф. В. Бассин, А. С. Прангишвили и А. Е. Шерозия рассматривают в контексте вопроса о собственно психологических закономерностях. Выделяя этот последний, как особо важный вопрос, эти авторы связывают проявления собственно психологических закономерностей с личностной активностью вообще, а главным образом, с фактами «психологической защиты» и эмоциональной жизни человека [8].

Выше было отмечено, что «новая ориентация», возникшая в связи с анализом проблемы бессознательного, является чем-то гораздо большим, чем простой синтез отдельных положений, касающихся тех или иных вопросов этой проблемы. Ее вполне можно представить в виде определенной теоретической конструкции. Мы попытаемся далее в целях уяснения некоторых особенностей этой конструкции сопоста-

[3] Особенно выражена эта тенденция в работах А. Е. Шерозия. Вспомним хотя бы его трехчленную модель психического аппарата: сознание, уставовка и бессознательное психическое. А. Б. Добрович в этой связи высказывает следующее убеждение: «...не отрицание фрейдовского «бессознательного» и не подмена его установкой, но именно конструктивный синтез того ценного, что содержится в обоих учениях есть столбовая дорога современной психологической науки» [17, 109].

вить по ряду существенных моментов ее основные положения с представлениями традиционного направления теории установки как исходной базы развития указанной ориентации.

Традиционное направление теории установки школы Узнадзе

Основная цель — раскрыть сущность, механизмы целесообразной и нецелесообразной деятельности. Реализуя эту цель, теория Узнадзе пытается преодолеть недостатки как механистического, так и виталистического подхода.

Основные принципы — традиционное направление, по существу, опирается на принципы: «двухсторонней детерминации», «динамичности», «единства психики и деятельности», «опосредственности», «целостности», «развития», «активности».

В связи с пониманием принципа опосредствованности, видимо, требуются некоторые уточнения. Одну из главных причин ограниченности и порой несостоятельности представлений традиционной психологии Д. Узнадзе усматривал в самом ее основании, в способе ее осмысления, фундамент которого составляет, по его мнению, так называемый «постулат непосредственности». Как известно, этот постулат подразумевает признание непосредственной связи между физическими и психическими, или между собственно психическими явлениями. Именно для его преодоления и была выдвинута Д. Узнадзе идея об опосредствованной связи между указанными явлениями, осуществление которой было возложено на «Установку». Нам кажется, что не совсем правильно интерпретирует эту мысль один из известных интерпретаторов советской психологии и психиатрии Н. Роллинс: «При развитии своей теории установки, как концепции о граничащем между психическим и физическим, Узнадзе отвергал принцип психического детерминизма или физической[4] каузальности» [11, 271]. Это, по мнению Н. Роллинс, не соответствует фактам, ибо «...во многих случаях одно психическое состояние определяет следующее за ним психическое состояние, а также часто психическое состояние вызывает физическое изменение в теле (и наоборот)» [11, 271]. Это явное недоразумение. Дело в том, что Д. Узнадзе и его последователи отрицают не сам факт существования указанных взаимодействий, а непосредственный характер этой связи. Согласно основному положению теории установки Узнадзе, связь с действительностью устанавливает живое существо как целостный субъект, а не отдельные его функции, и взаимодействие тех или иных психических феноменов или сторон психической активности также опосредуется субъектом, их носителем. Выдвинутые Д. Узнадзе понятие и теория установки не противоречат фактам психического и психосоматического взаимодействия, а, наоборот, делают их более понятными, благодаря разработке опосредующего звена — установки (модуса субъекта).

Основные понятия — «потребность», «ситуация», «установка» (последнее часто употребляется с прилагательными «фиксированная», «актуальная», «первичная», «унитарная»), «фиксированная установка», «уровень установочной (импульсивной) деятельности», «уровень объективации» и т. д.

Что касается понятий «потребность» и «ситуация», хотим обратить внимание на следующие трудности их понимания. В те-

[4] Вероятно, здесь опечатка. Скорей всего вместо „физической» (physical) должно быть «психической» (psychical).

ории Узнадзе эти понятия рассматриваются как образующие факторы установки. Поэтому у представителей этой школы нередко мы можем встретить утверждение: «Для того, чтобы сформировалась установка, необходимо наличие актуальной потребности и ситуация ее удовлетворения». При толковании данного положения некоторые исследователи усматривают определенное противоречие[5], что обусловлено, по-видимому, смешением двух планов анализа: логического и фактического. Согласно теории, потребность и ситуация как предпосылки установки предшествуют ей в логическом смысле, а не реально, во времени. Уже сам факт нахождения живого существа в той или иной среде в силу его биологической сущности непременно предполагает наличие постоянной связи, взаимодействия индивида со средой. Это взаимодействие в конкретных условиях преобразует индивида в субъекта определенного поведения, т. е. формирует соответствующую установку, а это значит, что, с одной стороны, среда́ преобразуется, структурируется (как в физическом, так и в психологическом смысле) в виде ситуации (что-то выделяется, четко воспринимается, приобретает большее значение для субъекта, что-то оттесняется, искажается, не воспринимается и т. д., а в целом, среда, в зависимости от конкретного состояния субъекта, наделяется определенным смыслом); с другой стороны, одновременно со структуризацией внешней среды происходит структурирование внутренней, психической сферы (актуализируются определенные потребности, те или иные психические содержания, активируются определенные психические функции, когнитивные и диспозиционные образования и т. д.). Другими словами, так же как и установка определяется внешними и внутренними факторами, сами эти факторы не существуют сами по себе, а выделяются на основе взаимодействия внутренних и внешних детерминант одновременно в самом процессе формирования установки. Отмеченное обстоятельство, как нам кажется, является одним из существенных преимуществ рассматриваемой теории по отношению к тем, которые при психологическом анализе поведенческого акта за исходное берут отдельно либо внешние воздействия (стимулы), либо внутренние побуждения (потребности, инстинкты и т. д.), а не их взаимодействие.

Представляется уместным кратко остановиться здесь и на некоторых существенных моментах понимания установки в советской психологии. В настоящее время иногда оперируют несколько специфическими интерпретациями этого понятия, которые не в равной степени имеют отношение к узнадзевскому пониманию. Прежде всего следует сказать о разногласиях относительно природы установки. В этой связи выделяются три взгляда: согласно одному — установка является непсихическим (физиологическим) фактом (А. Т. Бочоришвили, В. Л. Какабадзе); второй, который в некотором смысле связан с ранними представлениями Д. Узнадзе, — рассматривает установку как нечто особое, являющееся и не собственно физиологическим и не собственно психическим (Н. И. Сарджвеладзе; В. Н. Зинченко, М. К. Мамардашвили[6]); и, наконец, третий взгляд, который видит суть уста-

[5] «Парадокс состоит в следующем.... для того, чтобы возникла установка, должна быть отражена ситуация удовлетворения потребности, но ситуация не может быть отражена без установки» (3, 29).

[6] «...он (Д. Узнадзе — Т. Т. И.) и прилагал аналитические понятия «целого», «установки», «личностного единства» и т. д., рассматривал их как проявление глубокого бытийного или онтологического, а не психологического уровня. Поэтому «установка» не могла быть для него психическим явлением или, тем более, проявлением «психически бессознательного». Психическим мог быть для него лишь материал на котором экспериментально могли засекаться вторжения или «эмердженции» этого бытийного или онтологического уровня...» /18/.

новки в ее собственно психической природе (напр., А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассин).

Не вдаваясь в подробный сопоставительный анализ приведенных позиций, по понятным причинам, мы отметим лишь следующее. Уже сам факт существования теории установки школы Узнадзе как психологической теории, как направления психологической мысли (а не собственно физиологической или философской), на наш взгляд, свидетельствует о правомерности психологического понимания феномена установки. К тому же, по нашему мнению, по своей сущности узнадзевское понятие установки более соответствует природе психического (подробнее об этом см. 40).

Еще один аспект, которого мы хотим коротко коснуться в связи с толкованием установки, это психические уровни и структуры. Как известно, Д. Узнадзе выделил два уровня психической деятельности: импульсивный (установочный) и уровень объективации. Ш. А. Надирашвили, пытаясь развить точку зрения Д. Н. Узнадзе, выделяет три уровня с соответствующими установками. В частности ,согласно мнению этого автора, человек может предстать как индивид, как субъект и как личность. Соответственно, данный исследователь различает практическую, теоретическую и социальную установки [25]. Вторая точка зрения, которую развивает А. Г. Асмолов, опирается на теорию деятельности. По его мнению, в связи с разными уровнями активности человека (деятельность, действие, операция) следует различать, соответственно смысловую, целевую и операциональную установки [3]. Иную иерархическую структуру установки предлагает В. А. Ядов, который стремится разработать т. н. диспозиционную концепцию личности. По мнению этого исследователя, установки существуют в виде системы иерархических диспозиций. Низший уровень этой иерархии составляют «элементарные установки», затем идет «система социальных установок», следующий уровень образуют «базовые социальные установки», и, наконец, высший уровень иерархии представляет «система ценностных ориентаций» [44].

Несмотря на различия в подходах структурирования установок, мы не ставим вопрос о правильности какого-либо из них. Возможно они и не исключают друг друга, а в каком-то смысле дополняют. Одно несомненно, каждый из них отражает определенные тенденции, детерминирован теми или иными направлениями поисков, конкретными задачами. Поэтому научная оценка этих взглядов требует специального анализа. Однако хотелось бы указать на ту трудность, с которой непременно столкнутся исследователи при развитии отмеченных взглядов. Если мы признаем наличие разных видов установок, соответствующих определенным уровням, структурам, то что же определяет тогда их единство, взаимодействие и конкретное проявление того или иного из них, что же создает целостность? Очевидно, эту функцию не может выполнить «частная», «локальная» установка, репрезентант какого-либо уровня, компонент системы. Как известно, в советской психологии данный вопрос часто выступает в виде проблемы «системообразующего фактора» (Н. К. Анохин). Не задерживаясь на анализе этого дискуссионного вопроса, отметим следующее: Разделяя мнение о том, что узнадзевскому пониманию установки больше других понятий соответствует роль системообразующего фактора (А. Прангишвили, А. Шерозия, Р. Сакварелидзе и др.), мы думаем, что это ценное ее качество теряется, когда выделяют какие-то локальные, специфические для того или иного вида деятельности установки. Особенность человека, как сложной живой системы, вынуждает его быть в постоянной специфической двусторонней связи с внешней средой. При этом функционирование этой системы зависит как от внешней среды, так и

от внутренних детерминант, от наличных особенностей и изменений в них. Благодаря таким признакам как «двухсторонняя детерминация», «принцип связи», «динамичность» и в то же время, «определенная устойчивость», «целостность» и т. д., установка в данном понимании больше соответствует роли системообразующего фактора, чем такие понятия как «цель», «задача», «мотив» и т. д. (претендующие на эту роль). Недостаток этих последних обнаруживается не только в том, что в их дефинициях мы не находим необходимые для системообразующей роли признаки, но и в том, что эти образования как компоненты системы обычно сами являются продуктами определенной целостной организации, преобразования системы. Вообще следует признать, что особая научная ценность предложенного школой Узнадзе понятия установки, главным образом, в единстве ее характеристик. И если мы отказываемся от какой-либо из них, то можем потерять именно то положительное, которым обладает данное понятие. Однако известно множество фактов, когда понятие «установка» используется в более узком смысле в отношении отдельных проявлений активности субъекта (сенсо-моторная, мыслительная, социальная и т. д. установки). Сказанное наводит на мысль о необходимости дальнейшей более четкой дифференциации феноменов, охватываемых термином «установка». Возможно, в связи с этим понадобится введение новых понятий. Следует также заметить, что бедность категориального аппарата научной психологии и, что главное, закономерности, обусловливающие существование отмеченных частных трактовок установки, по-видимому, все же оправдывают применение последних. Не следует только смешивать их с узнадзевским пониманием установки как целостной модификации субъекта.

В связи с обсуждаемым вопросом, думается, необходимо затронуть и одну особенность понимания «фиксированной установки»[7], что порой нивелируется теми, кто в плане социально-психологического анализа пытается отождествить данное понятие с толкованием аттитюда в трехкомпонентной теории западных исследователей. Наряду с признанием определенных достоинств, научной ценности понятия аттитюда и некоторой схожести его с понятием социальной фиксированной установки, все же надо подчеркнуть наличие таких отличительных черт последней, как ее неотделимость от определенной конкретной ситуации и конкретизированность ее поведенческого компонента. Другими словами, понятие «фиксированная установка» следует рассматривать не как вообще отношение, позицию к какому-либо предмету, явлению, человеку, а как диспозицию — готовность к определенному поведению в конкретной ситуации. Это понятие, так же как и «первичная установка», выражает конкретную связь между внутренним и внешним. Поэтому мы можем иметь один, например, отрицательный аттитюд к какому-нибудь человеку, но множество (возможно даже исключающих друг друга) фиксированных установок по отношению к этому индивиду для различных конкретных ситуаций (вспомним известный парадокс Ла Пьера, когда хозяин одной гостиницы, имея отрицательный аттитюд к китайцам, все же принимал их в своей гостинице). Таким образом, наличия какого-либо аттитюда недостаточно, для того, чтобы имело место соответствующее ему поведение в данной конкретной ситуации, тогда как в подобном случае соответствую-

[7] Касаясь «фиксированной установки», нельзя не упомянуть мнение Ш. Чхартишвили. Выступая против попыток некоторых исследователей свести теорию Узнадзе к учению о фиксированных установках, он сам впал в другую крайность, признав полное различие между «актуальной» и «фиксированной» установками /38/.

щая фиксированная установка непременно гарантирует свою реализацию (если только ситуация в ее психологическом смысле не изменена)[8].

Взаимоотношение между сознанием и неосознаваемым психическим. Анализ этого вопроса в школе Узнадзе основывается в общем на представлениях об их взаимодополнении и взаимокомпенсации[9].

Выше было отмечено, что установка определяет любую деятельность человека, в том числе и сознательную. Это положение теории установки в различных формулировках не раз встречается в работах представителей узнадзевской школы, в ряде случаев дает повод зарубежным исследователям для утверждения, будто в теории установки Узнадзе, если не явно, то имплицитно признается «гегемония» бессознательного над сознанием. В частности, Н. Роллинс совершенно неправомерно проводит аналогию в этом вопросе между теориями З. Фрейда и Д. Узнадзе [11]. Не вдаваясь в подробности, укажем, что анализ проблемы бессознательного в теории установки дает основание для утверждения неадекватности даже самой постановки этого вопроса в данной теории. О какой гегемонии может идти речь во взаимоотношении между конкретной модификацией целостного «индивида», «субъекта конкретной деятельности» (т. е. установкой — бессознательным) и одним из видов деятельности этого субъекта (сознанием)?.

Методы исследования. Из разных методических приемов, разработанных в рамках школы Узнадзе, вероятно, следует выделить следующие: «классический» (модельный) метод фиксированной установки» (Д. Узнадзе, Б. Хачапуридзе) [33; 36], «метод нейтрального шрифта» (З. Ходжава) [37], «метод вариации потребности» (Ш. Чхартишвили) [39], «формирование установки воображением» (Р. Натадзе) [23], «формирование установки посредством субсенсорных раздражителей» (Б. Хачапуридзе) [35], «формирование установки в результате ирелевантных воздействий — метод опознаний материала» (В. Григолава) [15].

Вопрос формирования и изменения личности. В узнадзевской школе попытка решения этого вопроса опирается, с одной стороны, на учение о формировании и изменении фиксированных установок, с другой стороны — на учение об уровнях психической деятельности («уровень установочной деятельности» и «уровень объективации»), их взаимоотношений [9; 33 и др.].

---

[8] Занимаясь формированием и изменением фиксированных установок во время групповой психотерапии, мы нашли целесообразным выделить три компонента, однако несколько в ином понимании чем составляющие аттитюда. В частности, поведенческий (конкретный акт поведения), феноменологический (какие переживания наличествуют в данной ситуации — эмоции, чувства, содержания восприятия, воспоминания и. т. д.), и компонент рефлексивного сознания (как объясняется, как истолковывается индивидом деятельность, переживания и. т. д. в данной ситуации). С помощью создания, моделирования определенных ситуаций или акцентрирования тех или иных моментов в естественной ситуации нам удавалось выявить и объективировать отмеченные компоненты фиксированной установки. При этом использовались методические приемы, исходящие из фундаментальных ориентаций психотерапии (психодрамы, поведенческой терапии, феноменологического и психоаналитического направлений).

[9] Д. Узнадзе отмечал, что сознательная деятельность, осуществляемая на уровне объективации», вступает в действие, когда на уровне установочной (неосознаваемой) деятельности индивид сталкивается с трудностью, препятствием в реализации какого-либо конкретного акта поведения. Как известно, приблизительно в то же время сходные идеи были высказаны Клапаредом.

Новая ориентация

Основная цель. В отличие от традиционного направления школы Узнадзе, центр внимания несколько сместился с проблемы целесообразности поведения и его регулирования на проблему бессознательного как таковую. Предпринимается попытка раскрыть сущность всей сложной и многообразной сферы бессознательного, определить ее место и значение в общей системе человеческой деятельности. Конечной же целью является более полное представление о психической реальности как единстве сознания и бессознательного, в ее сложнейших и многообразных проявлениях. Следуя этой цели, представители «новой ориентации» пытаются преодолеть слабые стороны, односторонность, главным образом, как психоаналитических, так и бытующих в советской психологии взглядов, касающих неосознаваемого психического.

Основные принципы. Наряду с принципами традиционного направления теории установки на передний план выдвигаются принцип диалектического единства сознания и бессознательного (как единство взаимоисключаемых и в то же время взаимодополняемых явлений психической жизни, их синерго-антагоническое взаимодействие) и принцип дополнительности (как один из основных конкретно-гносеологических принципов исследования психики).

Относительно принципа дополнительности следует сказать, что речь идет о принципе, который впервые был введен Н. Бором в квантовую физику. А. Е. Шерозия попытался применить этот принцип с целью построения общей теории сознания и бессознательного психического: «расчленив... всю сферу проявления психики... на сознание, бессознательное психическое (при их совместной модификации через единую унитарную установку индивида) и на эту самую единую унитарную установку, как некое изначально данное психическое, мы вводим в систему конкретных методов в общей методологии изучения принцип «дополнительности», который способен воспроизвести целостную картину каждого из названных проявлений психики в отдельности и всех трех вместе взятых...» [13, 752].

Как известно, после Н. Бора многие исследователи отстаивали мысль о целесообразности применения этого принципа в той или иной науке, например, в биологии, лингвистике, психологии [4; 16 и др.][10].

Однако принцип дополнительности, как один из основных конкретнометодологических принципов частных наук, пока еще не занял надлежащее ему по праву место в психологии. Развитие концепции дополнительности в этой науке, очевидно, пойдет по собственному пути в соответствии с ее проблемами, задачами, спецификой предмета исследования.

Основные понятия. У представителей этой ориентации часто фигурируют понятия: «сознание», «установка», «бессознательное психическое» (неосознаваемая психическая деятельность, постсознательные психические образования), «значимость», «значимые пережи-

---

[10] Приложение концепции допольнительности к области психиатрии, вероятно могло бы оказать значительную услугу и ей. В этой связи вполне актуальна мысль высказанная в свое время В. А. Гиляровским: «Не подлежит сомнению, что все перечисленные направления в изучении психиатрии (генеалогическое, психологическое, чисто психиатрическое и. т. д. — Т. Т. И.) не исключают друг друга, а более или менее дополняют. Каждое из них дает что-либо особенное, присущее только ему. Все они поэтому имеют известное значение при условии критического подхода и преодолевания ошибочных положений той или иной концепции» (14, 267).

вания», «психологическая защита», «отношение» и т. д. Понятия структурной модели — «фундаментальные отношения личности к себе, к другому, к суперличности» (А. Е. Шерозия)[11]. Характеристики всех этих понятий можно найти в редакционных статьях коллективной монографии о бессознательном [11; 12; 13[, а также в ряде других работ [5; 42 и др.].

Взаимоотношение сознания и неосознаваемого психического. Представители данной концепции исходят, с одной стороны, из принципа диалектического единства сознания и неосознаваемого психического, их взаимодополняемости и взаимокомпенсируемости, а с другой стороны, опираются на необходимость дифференцированного подхода при определении роли и значения феноменов сознания и неосознаваемого психического в каждом конкретном случае.

Так, к примеру, касаясь вопроса о «гегемонии» бессознательного, Ф. В. Бассин и А. Е. Шерозия отмечают: «Если ставится, например, вопрос, что именно — сознание или бессознательное играет «ведущую» роль в регулировании монотонной психической деятельности или в провоцировании невротических и психических болезней, то, очевидно, надо указать на бессознательное. Если же аналогичный вопрос ставится в отношении социальной активности человека, то столь же очевидно, в качестве «гегемона» здесь должно быть сознание» [7].

Методы исследования. Одной из слабых сторон традиционного направления школы Узнадзе иногда считают некоторое расхождение между учением об установке в целом и методами, разработанными в русле этой теории. Эти методы позволяют выявить определенные характеристики субъекта (по выражению В. Норакидзе, его формально-структурную сторону), что способствовало их широкому применению при исследовании установки как в общей, так и в дифференциальной психологии [24; 27; 33 и др.]. Однако в этой теории всегда чувствовалась необходимость разработки более широкого метода, который позволил бы выявить всю сложность и многосторонность установки как модуса субъекта конкретной деятельности. В конкретно-методическом плане попытка создания такого метода связана с именем В. Норакидзе. Он разработал т. н. комплексный метод изучения установки, объединяющий, наряду с методом фиксированной установки, методы клинической беседы, тематической апперцепции, методы Роршаха, Айзенка и некоторые другие [26]. Что же касается методологического аспекта рассматриваемого вопроса, то в этой связи необходимо упомянуть попытку А. Е. Шерозия наметить определенный метод исследования человеческой психики и развиваемый Ф. В. Бассиным своеобразный психологический подход к исследованию «значимых переживаний».

Разрабатываемый А. Е. Шерозия метод, который основывается на концепции дополнительности, претендует на роль не только основного метода теории установки, но и одного из основных методов психологии вообще. Суть данного метода, насколько мы понимаем, сводится к следующему. Данные, добытые тем или иным конкретным методом, нельзя рассматривать как окончательные результаты, достаточные для того, чтобы судить о сущности конкретного сложного психического явления, ибо они отражают неизбежно только определенный аспект, определенную сторону явления и к тому же носят отпечаток инструмента, способа исследования. Поэтому для создания более полного, более

[11] Эти структурние характеристики в определенном смысле напоминают регистры отношений личности С. В. Цуладзе («отношения «Я» к собственному телу, к предметам и лицам, к действительности»), трехчленую схему психики Вернике, классификации уровней личности Шелера, Лерша, Мерло-Понти.

правильного представления о психической жизни необходимо вслед за применением разных методов осуществить так называемый «мысленный эксперимент». Этот последний, будучи надстройкой над другими методами, предполагает сопоставительный анализ данных, полученных разными методами, учитывая при этом условия, в которых они добывались. Однако это сопоставление должно производиться не в русле традиционного способа мышления, который при обнаружении противоречия пытается разрешить его логически альтернативным путем (либо «А», либо не «А»), а на основе принципа дополнительности, не исключающего возможность объединения противоречивых данных в единое целое. Этот метод стремится преодолеть так остро иногда ощутимое в психологии противоречие между методами «субъективными» (интроспекция, психоанализ, клиническая беседа, «понимание», «феноменологическая редукция» и др.) и «объективными» (эксперимент в его классическом понимании). Метод мысленного эксперимента подразумевает признание неустранимой односторонности как исключительно «субъективной», так и исключительно «объективной» ориентации в психологии. К тому же метод дополнительности, налагая определенные ограничения на три фундаментальных методических подхода, существующих в психологии (интроспекцию, наблюдения за внешними проявлениями психики и психоанализ[12]), в то же время создает методологический базис для более эффективной их реализации.

Что касается психологического подхода, развиваемого Ф .В. Бассиным, то вкратце о нем можно сказать следующее. При традиционной форме лабораторно-психологического эксперимента, исследователь фигурирует (как в естественных науках) в роли информационно-пассивного, безучастно наблюдающего лица, использующего односторонне направленную от обследуемого к обследователю значимую информацию. При исследовании же значимых переживаний, согласно Ф. В. Бассину, психолог и испытуемый осуществляют двухстороннюю «значимую» для каждого из них связь, которая единственно может обеспечить успех исследовательско-психотерапевтического процесса и подлинное раскрытие содержаний душевной жизни обследуемого.

Вопрос формирования и изменения личности (естественно как и ряд других) еще нуждается в более тщательном анализе с позиции «новой ориентации», однако вряд ли подлежит сомнению то, что развитие представлений о «бессознательном психическом», «значимых переживаниях», «психологической защите», «символизации» и т. д., позволило дополнить и углубить наши познания относительно данной проблемы [5; 6; 42 и др.].

В связи с вопросом об изменении личности следует также отметить, что основательной разработки требует принцип дополнительности применительно и к психотерапии. По мнению Ehrenwald (с которым солидаризуется и чешский психотерапевт С. Кратохвил), это дает возможность слить несовместимые и все же оправдывающие себя элементы некоторых теорий в единое целое, подобно тому, что сделал Н. Бор в физике [47].

Считаем необходимым сказать, хотя бы вкратце и о том, как представители «новой ориентации» толкуют осознание содержаний бессознательного психического в плане изменения личности, в плане устранения патогенности психических образований. Суть этого вопроса достаточно полно представлена в следующем суждении Ф. В. Бассина: «Осознание, влекущее терапевтический эффект, отнюдь не эквива-

[12] Как способ, раскрывающий символическую природу того или иного психологического феномена или клинического синдрома, выявляющий скрытое за феноменологией его подлинное значение.

лентно простому вводу в сознание информации о «вытесненном событии». Оно означает гораздо скорее включение представления о событии в систему определенной преформированной установки или же само создает такую установку и тем самым вызывает, уже как вторичное следствие, изменение отношения больного к окружающему миру. Только при подобных условиях осознание оказывается способным устранить патогенность «неприемлемой идеи»... [5, 95]. О недостаточности одного лишь осознания тех или иных психических (как и психопатологических) образований для их изменений, для достижения терапевтического эффекта свидетельствуют как опыт клинической психиатрии, так и опыт экспериментальной психологии, в частности, данные школы теории установки Узнадзе[13]. Об этом же говорят и некоторые психоаналитики. Так, по мнению С. Ариети, «именно целостная психика должна быть исследована и переориентирована психоаналитической терапией. Более того, процедура восстановления в сознании того, что было бессознательным во многих случаях терапевтически недостаточна. Терапия должна также ставить себе целью гармонично реинтегрировать то, что стало доступно сознанию, с остальной частью Я (self)» [13, 50].

Представленная нами общая характеристика «новой ориентации», думается, вполне достаточна, чтобы выделить два основных ее аспекта. С одной стороны, представители этой ориентации стремятся устранить недостатки, обусловленные проблемой бессознательного, и тем самым наметить предпосылки для развития общей, единой психологической теории сознания и бессознательного. С другой стороны, «новая ориентация» — это своеобразный подход к области психических явлений, выступающий в виде одной из форм конкретной реализации диалектического принципа единства противоположностей, применительно к психической жизни. На его основе, как нам представляется, наметилась конкретно-научная методологическая концепция психологии. В этом смысле она может противостоять экзистенциональной психологии. Последняя на современном (третьем) этапе своего развития стала претендовать на роль методологической основы всей персоналистической западной науки (A. Van Kaam). Хотя экзистенциальная психология выдвинула ряд интересных, заслуживающих внимания положений для преодоления ограниченности отдельных направлений в западной психологии, она сама не смогла полностью избежать этой ограниченности. Как детище феноменологической экзистенциальной философии она получила в наследство, если можно так выразиться, постулат примата чисто субъективного в психической жизни, который берется за основу при постижении психических явлений. Представители же «новой ориентации» исходят из факта диалектического единства чисто субъективного и транссубъективного в психической жизни и за основу познания психических явлений предлагают принять сопоставительный анализ данных, полученных разными методическими средствами (как «субъективными», так и «объективными»). На наш взгляд благодаря этому преодолевается существенный недостаток (определенный субъективизм) экзистенциальной психологии как конкретно-методологической теории. Однако, с точки зрения «новой ориентации», было бы ошибочным отрицать научную ценность экзистенциальной концепции—направления, также уловившего своеобразные и важные аспекты психологии человека.

[13] Вспомним классические опыты этой школы, которые показывают, что сознание прямым путем не в силах помешать реализации фиксированной установки.

Завершая характеристику «новой ориентации», хотелось бы отметить, что в советской науке в связи с проблемой бессознательного существует немало разных тенденций, на которые в большей или меньшей степени опирается «новая ориентация» и которые прямо или косвенно в ней отражены. Среди этих тенденций можно было бы выделить психотерапевтические школы Ленинграда, Москвы, Харькова, Тбилиси; систему групповой психотерапии А. Е. Алексейчика; систему психотерапии логоневрозов В. М. Шкловского; исследования психологических защитных и компенсаторных механизмов (Ф. В. Бассин, В. Е. Рожнов, М. Е. Бурно, В. М. Блейхер, Л. И. Завилянская, А. Б. Добрович, Р. А. Зачепицкий, В. М. Воловик, В. Д. Вид, Ю. Л. Нуллер и др.); гипнологические изыскания, при которых пытаются использовать гипноз не только в связи с лечебными целями, но и как метод психологических исследований, а также в качестве средства выявления и развития тех или иных задатков, способностей человека (В. М. Бехтерев, К. И. Платонов, М. М. Асатиани, И. З. Вельвовский, В. Е. Рожнов, М. С. Лебединский, К. М. Варшавский, Н. И. Буль, А. П. Слободяник, А. М. Свядощ, В. Л. Райков, Л. П. Гримак и др.); работы с проективными методами (С. В. Цуладзе, В. Г. Норакидзе, Л. Ф. Бурлачук, И. Г. Беспалько, И. Н. Гильяшева, Е. Т. Соколова и др.); направления исследований, проводимые под руководством В. В. Налимова; определенные психофизиологические исследования (Н. П. Бехтерева, Э. А. Костандов, Т. Н. Ониани, Л. П. Латаш, В. С. Ротенберг, Т. В. Гершуни и др.); поиски в области искусства, литературы и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Направление исследований, обозначенное нами как «новая ориентация», не только не исключает, но, напротив, подчеркивает важность и необходимость углубления и других направлений советской психологической мысли, каждая из которых сосредотачивается на особом, специфическом для него аспекте психического. Так, если теория деятельности делает упор на законах формирования и проявления деятельности (С. Рубинштейн, Л. Выгодский, А. Леонтьев, В. Зинченко, А. Асмолов и др.), то теория отношений — на определенных сложных психических образованиях, психологических связях (А. Лазурский, В. Мясищев, А. Личко, Р. Зачепицкий, Б. Карвасарский и др.), а так называемый естественно-научный подход — на изучении биологических основ психической деятельности (И. Павлов, В. Бехтерев, П. Анохин, Н. Бернштейн, Н. Лурия, Б. Теплов, В. Небылицын и др.) и т. д. Касаясь основных направлений советской психологии, нельзя не упомянуть и о существующих в ней комплексных, системных подходах, отражающих стремление к интеграции психологических знаний в интра- и в интердисциплинарном плане (Б. Ананьев [1], П. Анохин [2], Б. Ломов [22], А. Зурабашвили [19], М. Кабанов [20] и др.).

Не вдаваясь в подробные сопоставления «новой ориентации» с уже сложившимися, традиционными направлениями и концепциями советской психологии, что выходит за пределы задачи настоящей статьи, нам бы хотелось, однако, подчеркнуть следующее: представители обсуждаемой ориентации, с одной стороны стремятся восполнить определенные пробелы в советской психологии, существующие в связи с проблемой бессознательного, а с другой, исходя из факта наличия и необходимости существования различных подходов, пытаются наметить теоретический, конкретно-методологический базис для их сближения и более плодотворного сотрудничества (основываясь, в частности, на принципе дополнительности), будь то в отношении бессозна-

тельного, или же проблемы понимания психической жизни человека в целом.

«Новая ориентация» делает пока первые шаги, и, естественно, в ней просматривается немало пробелов и спорных вопросов. Однако вряд ли было бы правильным недооценивать уже сегодня выявляющуюся ее ценность. Как особый подход к психической реальности она дает возможность расширить научный кругозор, намечая новые пути познания одной из все еще во многом недостаточно для нас ясных областей действительности — психической жизни человека, со всеми ее внутренними противоречиями и трудно постигаемыми скрытыми закономерностями.

THE PROBLEM OF THE UNCONSCIOUS AND THE THEORY OF SET OF THE UZNADZE SCHOOL

T. T. IOSEBADZE

Tbilisi City Psychiatric Hospital

T. Sh. IOSEBADZE

Tbilisi State University

SUMMARY

The paper gives a general outline of the problem of the formation and development of Uznadze's theory of set in relation to the problem of the unconscious. The authors of the paper attempt to outline a new direction of thought in Soviet psychology which clearly took shape in the 1970s and is here referred to as «New orientation». The authors develop the idea that this new orientation not only alters the view, established in Soviet psychology, regarding the unconscious mental proper, but also deals with such basic problems of psychology as the essence of man's psychic life and the ways of gaining insight into it. With a view to characterizing the «New» orientation» as a definite theoretical construct, the ideas developed within this new approach are juxtaposed—in regard to a number of essential problems—with the propositions of the traditional line in the theory of set of Uznadze's school, the latter theory serving as the starting point in the formation of the indicated new orientation.

ЛИТЕРАТУРА

1. АНАНЬЕВ Б. Г., Человек как предмет познания, Л., 1969.
2. АНОХИН П. К., Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.
3. АСМОЛОВ А. Г., Деятельность и установка, МГУ, 1979.
4. АЛЕКСЕЕВ И. С., Концепция дополнительности. Историко-методологический анализ. М., 1978.
5. БАССИН Ф. В., Проблема бессознательного, М., 1968.
6. БАССИН Ф. В., РОЖНОВ В. К., РОЖНОВА М. А., К современному пониманию психической травмы и общих принципов ее психотерапии. В кн.: Руководство по психотерапии, М., 1974.

7. БАССИН Ф. В., ШЕРОЗИЯ А. Е., Познание - поиск истины. «ЛГ», 30. II, 1977.
8. БАССИН Ф. В., ПРАНГИШВИЛИ А. С., ШЕРОЗИЯ А. Е., К вопросу о дальнейшем развитии научных исследований в психологии (к проблемам установки, бессознательного и собственно психологической закономерности). Вопросы психологии, 1979, №5.
9. БЖАЛАВА И. Т., Проблема сознания и бессознательного психического в психологии установки, Тбилиси, 1976.
10. БОЧОРИШВИЛИ А. Т., Проблема бессознательного в психологии, Тбилиси, 1961.
11. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: природа, функции, методы исследования, т. I, Тбилиси, 1978.
12. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: природа, функции, методы исследования т. II. Тбилиси, 1978.
13. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: природа, функции, методы исследования, т. III. Тбилиси, 1978.
14. ГИЛЯРОВСКИЙ В. А., Психиатрия, М., 1938.
15. ГРИГОЛАВА В. В., К вопросу восприятия ирелевантных признаков предмета. Экспериментальные исследования по психологии установки, т. V, Тбилиси, 1971.
16. ГУРЕВИЧ И. И., ФЕЙГЕНБЕРГ И. М., Какие вероятности «работают» в психологии? В кн.: Вероятностное прогнозирование в деятельности человека, М., 1977.
17. ДОБРОВИЧ А. Б., Установка и бессознательное в свете проблем психотерапии. «Мацне» (Известия Академии наук Грузинской ССР), 1982, №4.
18. ЗИНЧЕНКО В. П., МАМАРДАШВИЛИ М. К., Изучение высших психических функций и эволюция категории бессознательного (рукопись).
19. ЗУРАБАШВИЛИ А. Д., Теоретические и клинические искания в психиатрии, Тбилиси, 1976.
20. КАБАНОВ М. М., Реабилитация психических больных, Л., 1978.
21. КАКАБАДЗЕ В. Л., Проблема бессознательного в классической глубинной психологии. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. I, Тбилиси, 1978.
22. ЛОМОВ Б, Ф., О системном подходе в психологии. Вопросы психологии, 1975, №2.
23. НАТАДЗЕ Р. Г., Установочное действие воображения, Тбилиси, 1958.
24. НАТАДЗЕ Р. Г., Экспериментальные основы теории установки Д. Н. Узнадзе. В сб.: Психологическая наука в СССР, т. II, М., 1960.
25. НАДИРАШВИЛИ Ш. А., Понятие установки в общей и социальной психологии, Тбилиси, 1974.
26. НОРАКИДЗЕ В. Г., Методы исследования характера личности, Тбилиси, 1975.
27. ПРАНГИШВИЛИ А. С., Проблема установки на современном уровне ее разработки грузинской психологической школой. В сб.: Психологические исследования, посвященные 85-летию Д. Н. Узнадзе, под редакцией А. С. Прангишвили. Тбилиси, 1973.
28. УЗНАДЗЕ Д. Н., Что такое теория познания, «Сахалхо газети», № 102 и 164, 1910.
29. УЗНАДЗЕ Д. Н., Индивидуальность и ее генезис, «Сахалхо газети», № 101 и 102, 1910.
30. УЗНАДЗЕ Д. Н., Место „petites perceptions“ Лейбница в психологии, «Вестник Тбилисского университета», т. I, Тбилиси, 1919.
31. УЗНАДЗЕ Д. Н., Impersonalia. Научн. сб. «Чвени Мецниереба», Тбилиси, 1923.
32. УЗНАДЗЕ Д. Н., Основы экспериментальной психологии, Тбилиси, 1925.
33. УЗНАДЗЕ Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961.
34. ФРЕЙД З. Я и Оно, Л., 1924.
35. ХАЧАПУРИДЗЕ Б. И., Образование установки воздействием невоспринимаемых раздражителей. Труды Тбилисского университета, т. 97. 1962.
36. ХАЧАПУРИДЗЕ Б. И., Проблемы и закономерности действия фиксированной установки. Тбилиси, 1976.
37. ХОДЖАВА З. И., Проблема навыка в психологии, Тбилиси, 1960.
38. ЧХАРТИШВИЛИ Ш. Н., Некоторые спорные проблемы психологии установки, Тбилиси, 1971.
39. ЧХАРТИШВИЛИ Ш. Н., Потребность и установка. Материалы XIV симпозиума по

экспериментальному исследованию установки. XVIII Международный психологический конгресс,. 1966.
40. ШЕРОЗИЯ А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт исследования на основе данных психологии установки, т. I. Тбилиси, 1969.
41. ШЕРОЗИЯ А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт интерпретации и изложения общей теории, т. II, Тбилиси, 1973.
42. ШЕРОЗИЯ А. Е., Психика. Сознание. Бессознательное. Тбилиси, 1979.
43. ЭЛИАВА Н. Л., Проблема установки в психологии мышления. Тбилиси, 1964.
44. ЯДОВ В. А., О диспозиционной регуляции социального поведения личности. В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
45. ELLENBERGER H. F., "The Unconscious", In: Encyclopaedic Handbook of Medical Psychology. Ed. by S. Krauss. London, 1976.
46. HERTZOG R. L. and UNRUH W. R., Toward a Unification of the Uznadze Theory of Set and Western Theories of Human Functioning. В сб.: Психологические исследования, посвященные 85-летию Д. Н. Узнадзе, под ред. А. С. Прангишвили, Тбилиси 1973.
47. KRATOCHVIL S., Psychotherapie, Praha, 1970.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И УСТАНОВКА: ЕЩЕ РАЗ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ НЕОСОЗНАВАЕМОЙ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. И. САРДЖВЕЛАДЗЕ

Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН ГССР, Тбилиси

Судьба научных понятий такова, что на определенном этапе своего применения они становятся неким зафиксированным значением, отраженным в «автоматизмах» научных высказываний: понятие употребляется автоматически без специального осмысления его сущности. На смену такой ситуации неминуемо приходит момент саморефлексии науки, что связано не только с выяснением и уточнением собственных методологических позиций, но и с тем, что на более высоком уровне четкости и ясности определяются базовые понятия, использование которых стало привычным и стереотипным. Материалы трехтомной коллективной монографии «Бессознательное: природа, функции, методы исследования» не только содержат отдельные работы, касающиеся такой саморефлексии. Знакомство с ними дает все новые и новые импульсы к осмыслению и переосмыслению сущности таких базовых понятий психологии и смежных с ней наук, как бессознательное, установка, неосознаваемая психическая активность и т. д. Особенно четко и остро задача указанной саморефлексии вырисовывается при постановке следующих вопросов: 1). Каков онтологический статус бессознательного психического или феномена установки? Какова природа той сферы реальности, к которой они относятся или которую они образуют? 2). Если учесть, с одной стороны, то, что понятие «бессознательное»» у З. Фрейда и понятие «установка» в общепсихологической теории Д. Н. Узнадзе имеют объяснительные притязания, а с другой стороны, то, что психологическая наука при объяснительных задачах с необходимостью приходит к какому-либо из видов редукции [Ж. Пиаже], то какова же природа реалии, отраженной в понятиях бессознательного психического или установки? Как осмыслить объяснение и редукцию при применении этих понятий?

Постановка таких вопросов тем более правомерна, что в большинстве работ трехтомной монографии некритически признается психичность установки и наиболее распространенным выражением является «неосознаваемая психологическая установка», тогда как историческая ретроспектива пути развития теории установки Д. Н. Узнадзе показывает, насколько неоднозначно решался вопрос о «вещественной» природе искомой «особой реальности», выступающей в разное время в трудах Д. Н. Узнадзе в обличии таких разных терминологических обозначений, как «биосфера», «подпсихическая реальность», «ситуация» и «установка» [15]. Тут же следует отметить, что в материалах трехтомной монографии более чем достаточно дается анализ развития идей бессознательного в психоаналитическом учении З. Фрейда и в

неофрейдизме [5; 6; 11; 16; 17; 18; 19; 20; 22 и др.], а истории становления идей бессознательного и установки в учении Д. Н. Узнадзе в столь представительной коллективной монографии специально не посвящается ни одна статья. Правда, этот пробел восполнен фундаментальными исследованиями А. Е. Шерозия [15], но думается, что в рамках первого тома материалов, название которого гласит «развитие идей», было бы целесообразно представить историю развития теории установки Д. Н. Узнадзе, ибо историческая ретроспектива — это не простой взгляд на хранилище идей, а способ выработки нового подхода к сложнейшим научным проблемам.

Прежде всего представим вкратце основные позиции авторов трехтомной монографии по проблеме бессознательного психического и установки. Преобладающее большинство авторов понятие бессознательного психического считает вполне правомерным и научно-продуктивным понятием, и разница между ними состоит лишь в том, в рамках каких общетеоретических позиций определяется сущность бессознательного (психоанализ, теория установки, теория деятельности...). Однако в первом томе монографии представлены работы А. Т. Бочоришвили и В. Л. Какабадзе, в которых выражается мысль о методологической несостоятельности попытки допущения бессознательного психического и его дальнейшем научном изучении [3, 5]. В этих статьях в суммированном виде четко представлены три следующих основных положения против идеи бессознательного психического, о которых ясно говорится и которые научно опровергаются в редакционной статье А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия и Ф. В. Бассина [10, стр. 74]: «(а) бессознательное реально, но только как форма существования процессов физиологических, (б) неосознаваемая психическая деятельность — это понятие внутренне противоречивое, малопродуктивное и, в конечном счете, фиктивное и, наконец, (в) тезис, подчеркиваемый отдельными советскими авторами: бессознательное психическое — это категория, пользование которой несовместимо с диалектико-материалистическим (марксистским) пониманием». Вполне можно согласиться с системой рассуждения авторов редакционных статей, касающейся критики оппонентов идей бессознательного психического, подчеркивающей несостоятельность (а) отождествления сознания с психикой и (б) редукции бессознательного до уровня «только физиологических» состояний. Если придерживаться схемы анализа причинности и объяснения в психологии Ж. Пиаже, то позицию, занимаемую А. Т. Бочоришвили и В. Л. Какабадзе, можно принять за «органистское объяснение вообще, сводящее психологическое к физиологическому» [8]. Думается, что следовало бы дополнить аргументацию А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия и Ф. В. Бассина следующими положениями: когда А. Т. Бочоришвили неосознаваемость рассматривает в качестве синонима непознаваемости или же когда В. К. Какабадзе утверждает, что «наука о психике должна исходить из положения, что ...познающий разум не в силах установить действительную причину бессознательного», то тут налицо рассмотрение сознания с гносеологической точки зрения, т. е. в качестве объекта анализа имплицитно берется гносеологический субъект с присущим ему нацеленным на познание вещей и явлений сознанием. Если бы проблема существования неосознаваемой психической активности была поставлена в ракурсе анализа гносеологического субъекта, то позиция указанных авторов была бы верной, ибо для «познающего разума» (т. е. гносеологического субъекта) всякое трансцендентное к сознанию становится имманентным для сознания, неосознаваемое принципиально исключается в свете всеосознающего «познающего разума». Но вопрос о бессознательном психическом ставится не в гносеологическом, а в пси-

хологическом ракурсе; неосознаваемая психическая активность является реальностью и объектом научного исследования не в плане изучения гносеологического субъекта, а конкретного реального человека, субъекта конкретной деятельности. Реальный человек несводим к «познающему разуму», а субъект конкретной деятельности — к гносеологическому субъекту или саморефлексирующей об истоках собственной активности системе.

Итак, бессознательное психическое — это реальность, подлежащая научному исследованию. Но какова ее онтологическая природа и как она существует? В свое время Д. Н. Узнадзе, критикуя учение о бессознательном З. Фрейда, указывал на порочность учения бессознательного, понятого как «психика минус сознание» (А. Е. Шерозия), и стремился заменить такое негативное понятие введением и обоснованием сферы реальности, имеющей позитивное значение. Как указывает Ш. Н. Чхартишвили [14], трудности концептуального аппарата своего учения о бессознательном осознавал сам З. Фрейд. Вот, что пишет Ш .Н. Чхартишвили: «По мнению Фрейда, бессознательное психическое есть реальность, по своей внутренней природе мало нам понятная... Анализ явлений сознания, говорит он, позволяет заключить о той функции, которую выполняет бессознательное психическое, но у нас нет и не может быть никакого представления о форме существования бессознательного психического... Употребляемые психоаналитиками «бессознательное желание», «бессознательное стремление», бессознательное представление», «бессознательный страх» и т. д. нельзя понимать в их прямом значении. Здесь, как говорит Фрейд, перед нами «безвредная небрежность выражения» [14, 106].

Далее Ш. Н. Чхартишвили высказывает мысль, общепринятую в школе Д. Н. Узнадзе, что нерешенную задачу З. Фрейда решил Д. Н. Узнадзе, найдя и обосновав особую сферу реальности — установку, которая имеет свое позитивное содержание и выступает в качестве искомой формы существования бессознательного психического. Но среди последователей Д. Н. Узнадзе в трехтомной монографии все же отмечаются разногласия по некоторым принципиальным пунктам, из которых можно выделить 2 момента:

1) Ставить или не ставить знак равенства между установкой и бессознательным психическим? В статьях Ш. Н. Чхартишвили [14], А. С. Прангишвили [9], Ш. А. Надирашвили [7] высказывается мысль о том, что бессознательная психическая активность проходит в форме установки; тем самым эта последняя полностью включает в себя всю сферу бессознательного психического. В противоположность этой позиции в редакционной статье А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассина читаем: «Мы приходим, таким образом, в итоге к выводу, что «бессознательное» — это понятие во всяком случае гораздо более широкое, чем «психологическая установка». Неоспоримо однако, что в ряду форм конкретного выражения неосознаваемой психической деятельности психологическим установкам отводится очень важное место» [10, 79—80]. Эта мысль более конкретно выражена в работе А. Е. Шерозия [15, 16], который в своей статье в I томе коллективной монографии [16] следующим образом резюмирует свою позицию: «...Интерпретируя теорию неосознаваемой психической установки, мы опираемся на трехчленную схему анализа человеческой психики «установка — сознание — бессознательное психическое», вместо двучленной «установка — сознание». (разрядка наша — Н. С.). Таким образом, А. Е. Шерозия, в отличие от других представителей школы Д. Н. Узнадзе, не отождествляет установку и бессознательное психическое, считая их отдельными, но взаимосвязанными реалиями При этом установка, по А. Е. Шерозия, выполняет функцию связь

между (а) психическим и транспсихическим, (б) отдельными сознательными психическими актами и (в) сознательными и бессознательными психическими процессами.. Однако, как это будет показано ниже, при таком толковании, да и при других интерпретациях, объявление установки в качестве психической реальности, как нам кажется, является по меньшей мере непоследовательным шагом.

2) Разница в понимании относится к вопросу о том, мыслить ли установку как психическое явление (состояние). В работах А. Е. Шерозия, А. С. Прангишвили, В. Г. Норакидзе, Ш. А. Надирашвили, В. П. Зинченко, А. Г. Асмолова, несмотря на разное понимание природы установки и ее отношения к сознанию, личности или деятельности, по интересующему здесь вопросу выдвигается в сущности одна и та же мысль: установка — явление психологического порядка. Вот какое итоговое определение дается в статье А. С. Прангишвили: «Установка (направленность субъекта, не принимающая форм, характерных для содержания сознания) относится к сфере психического [разрядка наша — Н. С.], ибо она как «промежуточная переменная», с одной стороны, является отражением объективной ситуации поведения, а с другой стороны, определяет направленность процессов сознания и деятельности. Ясно, что эта промежуточная переменная, как содержательная категория, не может быть исчерпана физиологической характеристикой процесса» [9, 93]. Можно согласиться с А. С. Прангишвили, что природа установки явно не исчерпывается физиологической характеристикой, но, тем не менее, совершенно правомерно возникает вопрос: верно ли в методологическом плане положение: «установка относится к сфере психического»? То, что физиологическими характеристиками не исчерпывается содержание установки как «промежуточной переменной», может ли это однозначно указывать на то, что психологическими характеристиками исчерпывается ее содержательная сторона? Подобные вопросы тем более правомерны, что сам Д. Н. Узнадзе в разное время своей научной деятельности по-разному истолковывал вопрос об онтологическом статусе установки в связи с вопросом ее «вещественной» природы. Такие же вопросы возникнут и при чтении статьи Ш. А. Надирашвили [7], который пишет: «В общепсихологической теории Д. Н. Узнадзе установка считается бессознательным психическим явлением и делается попытка ее обоснования [7, 113]» (разрядка наша — Н. С.). «В целом можно сказать, что в человеческой активности бессознательное психическое действует в основном в виде фиксированной установки» [7, 115]. «Нередко наличие ...фиксированных установок и их участие в активности остается совершенно неизвестным их субъекту. И это понятно, поскольку фиксированная установка — психическая структура, участвующая в активности индивида, не будучи им осознаваема» [7, 116] (разрядка наша — Н. С.). Совершенно другое понимание выдвигает Н. Ш. Чхартишвили в статье, посвященной вопросу об онтологической природе бессознательного [14]. Хотя Ш. Н. Чхартишвили прямо не адресует свои контраргументы вышеуказанным авторам, защищающим идею психичности установки, однако заключительная часть его статьи все же носит полемический характер. Автор защищает позицию, согласно которой сущность установки не сводится ни к психическому и ни к физиологической реальности; при характеристике понятия установки Д. Н. Узнадзе он «имеет ввиду первичную, реально не расчлененную целостность, из которой наука путем абстракции выделяет физиологическое и психическое». В подтверждение указанного положения Ш. Н. Чхартишвили приводит несколько цитат из разных работ Д. Н. Узнадзе: «Возник-

новению сознательных психических процессов предшествует состояние, которое ни в какой степени нельзя считать непсихическим, только физиологическим состоянием» [13, 88]; «Человек, как целое, является не суммой психики и тела, психического и физиологического или их соединением, так сказать, психофизическим существом, а независимой своеобразной реальностью, которая имеет свою специфическую особенность и свою специфическую закономерность. И вот, когда действительность воздействует на субъект, он, будучи некой целостностью отвечает ей как эта специфическая, эта своеобразная реальность, которая предшествует частному психическому и физическому и к ним не сводится» [12]; «В процессе взаимоотношения с действительностью, определенные изменения возникают, в первую очередь, в субъекте, как в целом, а не в его психике или в акте поведения вообще» [12]; «Это целостное изменение, его природа и течение настолько специфичны, что для его изучения непригодны обычные понятия и закономерности ни психического, ни физиологического» [12]. Эти выдержки совершенно ясно иллюстрируют основную мысль Д. Н. Узнадзе о принципиальной несводимости сущности установки ни к физиологической, ни к психической сфере. В таком случае спрашивается: почему же многие последователи и ученики Д. Н. Узнадзе (А. С. Прангишвили, В. Г. Норакидзе, Ш А.. Надирашвили, Д. И. Рамишвили и др.) категорически относят феномен установки к психической реальности и при этом настойчиво ссылаются на самого создателя теории установки? Дело в том, что Д. Н. Узнадзе на протяжении всей своей научной деятельности до 1949 г. защищал идею о *своеобразности* той реальности, которую он имел в виду при введении и обосновании понятия установки, имеющей в качестве своих «предшественников» понятия «биосфера», «подпсихическая сфера», «ситуация». Лишь в своей последней монографии «Экспериментальные основы психологии установки» (1949 г.) Д. Н. Узнадзе объявил установку психической реальностью (состоянием, но не процессом). Сам по себе такой поворот мысли является интересным объектом изучения, тем более, что при внимательном ознакомлении с теорией установки и историей ее развития трудно уловить методологические мотивировки или экспериментальные факты, с логической необходимостью диктующие отнесение установки к психической реальности. Скорее, наоборот. В таком случае остается допустить версию, согласно которой такое изменение изначальной позиции можно объяснить какими-либо научно-биографическими фактами или событиями из жизни автора этой теории, ибо из социологии науки известны многочисленные примеры детерминации научной позиции ученого психосоциальными отношениями внутри научного сообщества. Но в данный момент отодвинем на задний план этот аспект вопроса, так как его решение относится к области недокументированных рассуждений и догадок. Поставим вышеуказанный вопрос заново, но добавим к нему следующее: является ли достаточным осонованием для объявления установки психической реальностью то, что в последней своей работе автор теории придерживался такого же мнения? Ведь нельзя категорически доказывать, что последнее слово ученого ближе к истине, чем предыдущее. *Мы придерживаемся мнения, что для адекватного решения проблемы о том, как мыслить «вещественную» природу установки в рамках теории Д. Н. Узнадзе и для ее развития, следует скорее обратиться к анализу той общей и основной инвариантной парадигме научного мышления и исследования, которой придерживался автор теории в разные периоды своей научной деятельности.* С этой точки зре-

ния, малоэффективной является ссылка лишь на один какой-то период развития научной мысли Д. Н. Узнадзе и фиксация на нем.

Итак, возникает вопрос о научной парадигме всего теоретического построения и экспериментального исследования теории установки Д. Н. Узнадзе. Вопрос этот не из простых, но, тем не менее, со всей уверенностью можно сказать: научная парадигма Д. Н. Узнадзе возникла на основе глубокого осознания философской несостоятельности картезианского дуализма и связанных с ним порочных предпосылок построения научно-психологических теорий в рамках традиционной психологии. Декартовское разобщение души и тела, материи и сознания «тяжелым бременем легло на науку психологии». (Ш. Н. Чхартишвили). Сформировалась и господствовала парадигма научно-психологического мышления, согласно которой психологическое (сознание) — онтологически и причинно-следственно замкнутая в себе субстанция, ибо психическое и транспсихическое, внутреннее и внешнее, психическое и физиологическое, субъект и объект — разделены глубокой пропастью. В такой ситуации допускалось лишь два вида связи между изначально разобщенными субстанциями души и тела: психофизический (психофизиологический) параллелизм и психофизическое (психофизиологическое) взаимодействие. Д. Н. Узнадзе неоднократно возвращался к анализу дуалистических постулатов традиционной психологии и указывал, что психофизическая проблема успешно решается лишь при условии ликвидации постулата о принципиальной разобщенности души и тела, внутреннего и внешнего. Глубоко диалектический способ мышления автора теории установки с логической необходимостью направлял к поиску изначально целостной реальности, модус существования которой означал бы диалектическое снятие противоположностей и органическое единство противоположных полюсов психического и транспсихического, души и тела, субъекта и объекта, внутреннего и внешнего, потребности и ситуации ее удовлетворения, наследственного и приобретенного. Сначала понятия «биосферы», «подпсихического» и «ситуации» указывали на своеобразность сферы реальности, которая далее более четко отобразилась в понятии «установки». Таким образом, была подмечена и далее экспериментально изучена «особая», по выражению самого Д. Н. Узнадзе, сфера реальности, являющаяся «переориентацией к поведению» (А. С. Прангишвили), «для которой совершенно чужды «противоположные полюсы» психического (субъективного) и физиологического (объектного)» (А. Е .Шерозия). Понятие «установка» не просто устанавливало мосты между психическим и транспсихическим, психическим и физиологическим, а означало ненужность таких мостов, ибо задача их установления возникла бы при констатации принципиальной разобщенности внутреннего и внешнего, души и тела. Изначальная целостность и органическое единство противоположных полюсов установочной реальности означали «своего рода целостно-личностную организацию внутренней готовности индивида к осуществлению той или иной предстоящей актуальной («здесь и сейчас») деятельности» (А. Е. Шерозия). Установка, возникшая на основе потребности и ситуации ее удовлетворения, не сводилась ни к потребности, ни ситуации, а выражала «чрезвычайный акт» (А. Н. Леонтьев) их встречи. Также не сводилась она ни к психическому, ни к физиологическому, ибо целостно-личностную организацию нельзя ограничивать ни психической, ни физиологической сферой.

Исходя из вышесказанного, парадигму научного мышления Д. Н. Узнадзе следует определить как парадигму диалектического единства внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, психического и физиологического. Такая парадигма единства прослеживается так-

же в связи с временными характеристиками установки, а именно, тогда, когда она определяется как актуальное («здесь и сейчас») состояние, включающее в себя как прошлый опыт, так антиципацию будущего («опережающее отражение»); эта парадигма налицо и при определении сущности психического развития, как процесса дифференциации изначального диффузного целого, а также при введении понятия «возрастной среды», означающей единство психофизических сил развития и факторов среды в онтогенезе ребенка. Парадигма единства в учении Д. Н. Узнадзе совершенно наглядно «работает» при рассмотрении вопроса о связи психики с деятельностью субъекта.

Задача преодоления психофизического (психофизиологического) дуализма особо ярко выразилась в известной критике Д. Н. Узнадзе догматического постулата непосредственности традиционной психологии, о чем А. Г. Асмолов совершенно справедливо пишет: «Задача преодоления постулата непосредственности должна по праву войти в историю психологической науки под именем «задачи Узнадзе» [1, 148]. Как известно, «роковой» постулат непосредственности традиционной психологии допускал непосредственность воздействия (а) физического на психическое или (б) одного психического явления на другое. Нетрудно уловить, что в варианте (а) постулата непосредственности допускалась связь между разобщенными самостоятельными субстанциями материи и духа, а в варианте (б) между отдельными психическими явлениями внутри замкнутого «пространства» психики, оторванного от материального мира; в обоих вариантах налицо «действие» принципов метафизического дуализма. Позиция, занятая Д. Н. Узнадзе по преодолению «рокового» для традиционной психологии постулата непосредственности, полностью отвечала принципам диалектико-материалистического монизма. Допущение «особой» реальности, опосредствующей связь между (а) психическим и транспсихическим или (б) отдельными психическими процессами, не сводилась к введению «фиктивной» или «гипотетической» переменной, а означала выделение новой ипостаси — живого, целого и конкретного индивида, субъекта деятельности; установка мыслилась поэтому как модус существования реального и конкретного субъекта конкретной («здесь и сейчас») деятельности. С действительностью, по теории установки Д. Н. Узнадзе, вступает в связь не психика сама по себе или ее отдельные процессы, а целостный индивид; а модус существования последнего (установка) опосредствует такую связь. Следовательно, природа установки не только не сводима к физиологической сфере, но в равной мере она не сводима и к психической реальности. Именно в этом смысле является установка особой (по выражению Д. Н. Узнадзе) сферой реальности. Поэтому можно сказать, что введение понятия установки не ограничивалось лишь только соображениями методологического характера в плане изучения уже известных объектов научного исследования и указывало на новую сферу научного поиска, которая имеет совершенно определенный и особый онтологический статус.

Задача преодоления психофизического дуализма выразилась также в критике Д. Н. Узнадзе еще одного догматического постулата традиционной психологии, о котором не так уж часто упоминается в работах по истории теории установки. Имеется в виду «эмпирический» постулат традиционной психологии, согласно которому между предметами и психическими явлениями существует глубокая пропасть и предметы внешнего мира постигаются психикой путем эмпирического принципа «пробы и ошибок». Эмпирический постулат, как и постулат непосредственности, преодолевается именно узнадзевской парадигмой единства: опосредствуя связь между предметами внешнего мира и

психикой, установка отражает в себе как транссубъективный мир предметов, так и субъективное состояние; при этом установочное отражение носит опережающий (антиципирующий) характер и оно не ограничивается созерцательным («контемплятивным») моментом, а представляет собою предиспозицию предметной деятельности субъекта. В этом смысле установка первична относительно развернутой деятельности человека.

Мы схематично представили основную парадигму научно-психологического мышления автора теории установки. Теперь возвратимся к поставленным в начале статьи вопросам и дадим анализ того, к каким последствиям приводит положение о том, что «установка относится к сфере психического». По нашему мнению, отнесение установки к сфере психического влечет за собой методологические трудности и получается, что постулат непосредственности (да и эмпирический постулат) традиционной психологии далеко не преодолевается: ведь не может же опосредовать связь физического с психологическим то, что само по себе «относится к сфере психического», или как мыслить опосредующую функцию установки между отдельными психическими процессами и состояниями, если она сама является психическим состоянием? Если установку мыслить в качестве психической реальности, то получается, что единство и целостность психического и транспсихического, субъективного и объективного, внутреннего и внешнего редуцируется на одну из сторон такого единства, а это в свою очередь можно квалифицировать как объяснительный принцип све́дения психического на психическое, по Ж. Пиаже [8]. Насчет такого рода редукции, но в несколько иной редакции и ином контексте, весьма примечательны слова В. Л. Зинченко: «Следует сказать, что подмена целостности каким-либо из конституирующих ее компонентов, утверждение его примата провоцируется аксиоматическим характером классического научного знания и служит основанием любой из многочисленных форм редукционизма, существующих в современной психологии. Редукционизму необходимо противопоставить стратегию амплификации, обогащения психической реальности» [4, 137]. С другой стороны, мы уже отмечали общую философско-методологическую задачу Д. Н. Узнадзе в плане преодоления принципов метафизического дуализма души и тела, материи и сознания, а сведение сущности установки на психическую реалию обесценивает огромные результаты такого преодоления. В узнадзевскую парадигму единства внутреннего и внешнего, физического и психического никак не вписывается такого рода редукция психического на психическое. В узнадзевском понимании понятие установки олицетворяет диалектическое снятие противоположностей между психическим и транспсихическим, душой и телом, но такое снятие не приводит к допущению «психофизически нейтральной», третьей реальности, а, напротив, оно признает законные права и вводит в качестве объекта исследования онтологически совершенно определенного конкретного человеческого индивида — субъекта деятельности. Если традиционно субъект сводился к сознанию и самосознанию (Гегель), то в учении Д. Н. Узнадзе, основанном на марксистско-ленинской научной методологии, субъект выступает в своем реальном бытии, а все психические функции, процессы и состояния представлены как отдельные «органы» целостного субъекта, не сводимого ни к физиологическому, ни к психической реальности. И, повторяясь, в этом контексте следует заявить: у с т а н о в к а должна мыслиться как

модус существования именно такого не сводимого к отдельным своим сторонам, живого и реального субъекта конкретной деятельности.

С точки зрения системы этих рассуждений, несколько непонятным представляется, например, позиция И. Г. Беспалько, согласно которой функция установки значительно сужается и связывается лишь с проблемой объяснения автоматизмов в психической деятельности [2 56—60]. Более того, в контексте вышесказанного несколько внутренне противоречивой представляется предложенная А. Е. Шерозия и им же совершенно ясно обоснованная трехчленная схема «установка—сознание—бессознательное психическое», если одновременно вслед за ним онтологический статус установки ограничить психической сферой [16]. А. Е. Шерозия четко показывает, что психическое не приравнивается к сознанию, что психическое существует как в виде содержаний психических переживаний, презентированных сознанию, так и в виде неосознаваемой психической деятельности; сверх того, он же дает обоснование положению, согласно которому связь между сознательно-психическим и бессознательным психическим опосредуется установкой, которая им объявляется психической реальностью. Представляется, что установка не может опосредовать связь между сознанием и бессознательным психическим, если она той же «фактуры», что и эти последние; в этом случае скорее следовало бы говорить не об опосредованности связи, а о непосредственности связи между психическими явлениями установки, сознания и бессознательного психического. Поэтому следует подчеркнуть, что, выходя из определений онтологической природы установки за пределы психического (как и физиологического), установка, как модус существования целостного субъекта конкретной деятельности, действительно выступает как «принцип связи» между сознанием и бессознательным психическим.

Следует отметить, что научной парадигме единства физического и психического Д. Н. Узнадзе созвучны идеи известного французского психиатра Е. Ей, который теоретически в весьма насыщенной статье вводит понятие «психического тела» («corps psichique») для преодоления психофизического дуализма [21, 553—554]. Наконец, резюмируя основной пафос наших размышлений по поставленным в начале статьи вопросам, хотелось бы процитировать слова Н. Ш. Чхартишвили: «Ввиду того, что установка является первичным целостным модусом, из которого путем абстракции физиология и психология вычленяют свои объекты исследования, понятие установки обладает неоценимыми методологическими и научными преимуществами перед всеми теми понятиями, которые вводились в нашу науку с целью определения психологических закономерностей поведения, в структуре которого функционирует бессознательное психическое.

Теория установки в том смысле, который придал ей Д. Н. Узнадзе, является глубоко научной и оригинальной теорией бессознательной деятельности психики в связи с основными проблемами поведения» [14, 109].

THE UNCONSCIOUS AND SET: AGAIN ON THE ONTOLOGICAL STATUS OF UNCONSCIOUS PSYCHICAL ACTIVITY

N. I. SARJVELADZE

The D. N. Uznadze Institute of Psychology, Tbilisi

SUMMARY

Many followers of Uznadze's theory of set interpret it as a psychical phenomenon. At the same time its unconscious nature is assumed. According to this view, set is the unconscious psychical. Uznadze himself interpreted set as a subpsychical sphere of an individual's activity: this position resulted from his scientific paradigm, namely, unity and integrity, ex ternal and internal, subjective and objective, physiological and psychical. D. N. Uznadze overcame the Cartesian dualism and elaborated a monistic position in the study of the psychology of personality. Although in his latter work Uznadze equated psychics and set, his initial position seems to have been more correct, for it is precisely his initial position that helps to overcome the postulate of immediacy of the traditional psychology.

ЛИТЕРАТУРА

1. АСМОЛОВ А. Г., Об иерархической структуре установки как механизма регуляции деятельности. Бессознательное: природа функции, методы исследования, т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 147—157.
2. БЕСПАЛЬКО И. Г., О некоторых аспектах теории установки и проблема бессознательного. Бессознательное, т. III, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 56—61.
3. БОЧОРИШВИЛИ А. Т., О бессознательном. Бессознательное..., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 187—190.
4. ЗИНЧЕНКО В. П., Установка и деятельность: нужна ли парадигма? Бессознательное..., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 133—146.
5. КАКАБАДЗЕ В. Л., Проблема бессознательного в классической глубинной психологии. Бессознательное..., т. I. Тбилиси, Мецниереба, 1978, 191—200.
6. ЛЕЙБИН В. М., З. Фрейд и К. Юнг. Попытки психоаналитического решения проблемы бессознательного. Бессознательное..., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 358—369.
7. НАДИРАШВИЛИ Ш. А., Закономерности формирования и действия установки различных уровней. Бессознательное..., т. I. Тбилиси, Мецниереба, 1978, 111—122.
8. ПИАЖЕ Ж., Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм. Экспериментальная психология, под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже, М., 1966, 157—194.
9. ПРАНГИШВИЛИ А. С., К проблеме бессознательного в свете теории установки: школа Д. Н. Узнадзе. Бессознательное..., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 84—91.
10. ПРАНГИШВИЛИ А. С., ШЕРОЗИЯ А. Е., БАССИН Ф. В., Основные критерии рассмотрения бессознательного в качестве своеобразной формы психической деятельности. Вступительная стетья редакции. Бессознательное..., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 71—83.
11. СТОЕВ С. Г., Проблема бессознательного в современном неофрейдизме. Бессознательное..., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1778, 290—298.
12. УЗНАДЗЕ Д. Н., Основные положения теории установки. Труды т. 6, Тбилиси, Мецниереба, 1977, 263—326.
13. УЗНАДЗЕ Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961.

14. ЧХАРТИШВИЛИ Ш. Н., К вопросу об онтологической природе бессознательного. Бессознательное..., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 95—110.
15. ШЕРОЗИЯ А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт исследования на основе данных психологии установки, т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1969.
16. ШЕРОЗИЯ А. Е., Психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки: итоги и перспективы. Бессознательное..., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 37—64.
17. ШЕРТОК Л., Бессознательное во Франции до Фрейда: предпосылки открытия. Бессознательное..., т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 347—357.
18. ALTHUSSER L. La decouverte du docteur Freud dans ses rapports avec la theorie marxiste:. Бессознательное..., т. I, 139—253.
19. ANSBACHER T., Alfred Adler's Views on the Unconscious. Бессознательное..., т. I, 370—383.
20. CREMERIUS J., Dicscussion über den heutigen Stand der Theorie des Unbewussten in der Psychoanalyse. Бессознательное..., т. I, 445—454.
21. EY H., Le probleme de l inconscient. Вессознательное..., т. I, 540—556.
22. JOSEPH E. B., Evolving Concept of the Unconscious in Psychoanalysis. Бессознательное..., т. I, 254—265.

ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО НА МЕЖДУНАРОДНОМ СИМПОЗИУМЕ «БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ» В г. ТБИЛИСИ

М. А. САКВАРЕЛИДЗЕ

Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Груз. ССР, Тбилиси

Материалы коллективной монографии, посвященной проблеме бессознательного, наглядно выявляют значительные разногласия, имеющиеся в современной психологии не только в отношении понимания специфики указанной проблемы, но даже в отношении вопроса о законности постановки ее в качестве психологической проблемы вообще.

Если один ряд опубликованных в монографии статей направлен на обоснование необходимости привлечения понятия бессознательного как фактора, неотвратимого для реализации любой психической активности вообще, то в ряде других исследований надобность применения указанного понятия допускается лишь в случаях некоторых отдельных психических явлений и, следовательно, суть проблемы бессознательного сводится к объяснению лишь этих частных видов психической действительности. Встречаемся мы, наконец, и с такими исследованиями, авторы которых, не допуская даже самой возможности существования какой бы то ни было бессознательной психики, считают, что проблему бессознательного следует отнести к числу иррелевантных для психологии и мнимых по своей сути проблем.

Но ведь сам факт возникновения в психологии проблемы бессознательного обусловлен наличием процессов и явлений психической действительности, с необходимостью требующих ее постановки. И к категории таковых относится, в первую очередь, само сознание, точнее говоря, процессы сознания, целесообразность и направленность возникновения и течения которых не могут определяться самим сознанием, самими актуальными процессами такового.

Конечно, немаловажную роль в становлении проблемы бессознательного сыграли и наблюдаемые в психологии, а особенно в патопсихологии, отдельные феномены, вынуждающие признать наличие сферы, действующей за пределами самого сознания. Однако эти феномены так же, как и указанная выше направленность процессов сознания, подтверждают законность проблемы бессознательного не только в качестве частной проблемы, возникающей лишь в отношении указанных отдельных психических явлений, но и в качестве проблемы, правомерной с точки зрения общепсихологической природы сознания и возможности реализации его активности вообще.

К сожалению, именно этот диапазон проблемы бессознательного и упускается из виду авторами ряда как зарубежных, так и советских исследований. Некоторые из указанных авторов, как уже отмечалось выше, не видят необходимости привлечения понятия бессознательного вообще. Так, напр., по мнению П. А. Гальперина, к понятию бессознательного в психологии прибегают лишь для объяснения авто-

матических явлений, вовсе не нуждающихся в психической активности и тем самым подтверждающих ненужность этого понятия в психологии [I, т. I, 201—204].

Другая группа авторов, не отрицая необходимости постановки проблемы бессознательного, при исследовании последней ограничивается лишь поисками отдельных т. н. «неосознаваемых компонентов» психики, отдельных видов неосознаваемых переживаний или действий с целью сужения, а порой как бы расширения сферы бессознательного, и не учитывает того, что существование таковых уже ставит проблему о природе психики вообще. Так, напр., согласно Д. Д. Федотову, к области бессознательного следует относить лишь такие находящиеся за пределами сознания психические явления, которые в прошлом являлись вполне сознательными, а впоследствии стали автоматизированными формами психической активности [I, т. II, 437—441]. Подобное ограничение сферы действия бессознательного является, на наш взгляд, следствием недопонимания проблемы бессознательного.

Недооценка удельного веса участия бессознательного в регуляции сознательных процессов и всей психической активности вообще проявляется и в виде тенденции к увязке бессознательного или с патологическими формами психической активности, или с фактами сновидения, или, наконец, со смутными, как бы недоразвитыми стимулами человеческой личности. Даже для А. Эя, вся статья которого направлена на обоснование существования бессознательного, самым тесным образом связанного с сознательной сферой, и который подчеркивает, что «утверждая реальность сознания, мы тем самым утверждаем и реальность бессознательного», последнее в конечном счете является сферой слепых желаний, которые конкурируют с сознанием, сопротивляются и все же подчиняются ему, а в случаях высвобождения из под контроля последнего проявляются лишь в своей болезненной, патологической форме [I, т. II, 540—556].

Нельзя не усмотреть определенного сходства между последним положением А. Эя и соображениями некоторых авторов относительно состояния сна, которое, ввиду выраженного «отключения сознания», имеющего место, по мнению этих авторов, во время сна, должно рассматриваться как «сфера доминирования бессознательной психической активности» [I, т. II, 88—100], или как «физиологическое состояние, в котором бессознательное играет значительно большую, чем при любом другом состоянии, роль [I, т. II, 112—120].

Подчеркивая особую роль бессознательного лишь при вышеуказанных состояниях, мы тем самым закрываем глаза на вклад бессознательного в реализацию процессов сознания и всей психической активности и, следовательно, недооцениваем общепсихологическую природу бессознательного. Конечно, и случаи патологического проявления психической активности, и сновидения здорового человека представляют весьма выгодный для изучения бессознательного материал. Однако не потому, что распоясавшееся в этих условиях бессознательное дает себе волю и, якобы поэтому играет особо большую роль именно только при отмеченных состояниях, а потому, что указанные состояния наглядно выявляют не только возможность существования бессознательных форм психической действительности,но и — что особенно важно — исключительно важную их роль в процессе протекания сознательной и всей психической активности человека. Ведь вырвавшиеся из тисков сознания и ставшие патологическим фактом процессы начинают затем, по данным этих же исследователей, сами управлять не только патологическими явлениями, наличествующими в сознании, но в определенных случаях и всей активностью сознания. Одно дело, что налицо имеются патологические действия и пережи-

вания, а другое, что эти действия и переживания также указывают на факторы, стоящие и за ними и за всякой областью сознания. Сам патологический характер процесса не раскрывает природу такового и стимуляций его осуществления. Наглядным подтверждением вышесказанного служат, например т. н. периодические амнезии с альтернативными содержаниями сознания.

Довольно ярким в этом отношении примером из области патологии является и т. н. шизофреническое мышление. В настоящее время патопсихология располагает значительным количеством установленных целым рядом исследователей фактов, которые удостоверяют, что в случаях шизофрении не исключено правильное решение порой даже довольно сложных мыслительных задач. Эти факты наглядно доказывают, что наблюдаемые в процессе мыслительной деятельности больных шизофренией, отклонения не являются результатом нарушения соответствующей функции и тем самым лишний раз подтверждают, что сами познавательные процессы как таковые даже в случаях их ненарушенности и нормального состояния не могут обеспечить своей адекватной направленности и что механизмы как адекватной, так и неадекватной их направленности следует искать за пределами сознания.

В этой связи следует указать на опубликованные в монографии работы Э. С. Бейн, которые являются, на наш взгляд, прекрасным примером правильного, с точки зрения проблемы бессознательного, подхода к патологическим видам психической деятельности. Исследуя механизмы патологического изменения восприятия и речи при некоторых видах агнозии, афазии и парафазии, автор пытается показать важность таких исследований для выявления роли бессознательного в организации процессов восприятия и речевой деятельности здорового субъекта [I, т. II, 322—330; т. III, 313—318].

Примечательно в этом отношении и исследование С. Ариети, который на основе анализа ряда случаев нормальной и патологической психической активности приходит к выводу, что сфера действия бессознательного переходит границы инстинктивных или нереализованных стремлений, распространяясь на ряд процессов высшего психического уровня, и что, следовательно, «рамки бессознательного охватывают намного более обширную область, чем это полагал Фрейд» [I, т. III, 47—55]. Приходится только сожалеть, что автор говорит о расширении фрейдовского бессознательного, а не о специфических формах бессознательного, с необходимостью участвующих в любой психической деятельности человека.

Можно перечислить неисчерпаемое количество отдельных, довольно разнообразных и психологических, и патопсихологических явлений, свидетельствующих о наличии определенных бессознательных механизмов, присутствующих в психической активности человека. Кстати сказать, на симпозиуме по вопросам бессознательного примеры таких явлений изобиловали в ряде выступлений зарубежных исследователей. Они даже как бы упрекали советскую психологию в том, что, имея претензии на значительные достижения в области психологии бессознательного, она мало занимается исследованием отдельных случаев его проявления, причем в качестве примеров указывали на недостаточное внимание, уделяемое советскими исследователями индивидуальным случаям различных реактивных состояний или вопросу о неосознанных и осознанных взаимоотношениях между родителями и ребенком. Конечно, изучение указанных явлений имеет большое самостоятельное, и что особенно важно, практическое значение. Однако нельзя сводить проблему бессознательного к выявлению механизмов отдельных феноменов нормальной или патологической психической деятельности. Все эти явления представляют частные случаи, выража-

ющие общую закономерность, проявляющуюся в направленном характере процессов сознания субъекта и всей его психической активности.

Но если процесс сознания имеет направленный характер, т. е. если он направлен на что-то, это значит, что течение процесса направляется именно тем, на что он нацелен, к чему он и стремится и куда он и должен прийти. Следовательно, процесс сознания определен и направлен тем, чего у него пока нет. Это возможно лишь при условии предварительного досознательного отражения тех отношений, которые определяют направленность процесса. У сознания должен быть закон, который заставляет его идти по определенному пути. И самый активный процесс сознания требует досознательного отражения.

В этой связи особое внимание следует уделить опубликованной в трехтомной монографии работе Д. И. Рамишвили, в которой в результате анализа ряда собственных экспериментальных фактов автор убедительно доказывает, что «нигде необходимость допущения процесса бессознательной психики не дает так неотвратимо и наглядно о себе знать, как при рассмотрении высших функций человеческого сознания...» [I, т. III, 173—186].

Итак, именно направленный характер самого процесса сознания с необходимостью вынуждает допустить предварительную досознательную данность того, чем по существу и направляется сам этот процесс.

Если одной из основных особенностей любой психической активности является ее направленный характер, то необходимо принять следующее положение: есть формы психической активности, которые могут протекать и носить направленный характер без участия сознания, и есть формы психической активности, которые требуют активного участия сознания. Однако нет таких форм психической активности, которые могут осуществляться помимо участия бессознательного, а именно: помимо предварительного, досознательного отражения объекта.

Таким образом, направленность и целесообразность являются такими основными признаками всей психической деятельности, которыми и определяется не только возникновение, но и общепсихологическое значение проблемы бессознательного. Исследователи, считающие, что проблема эта правомерна лишь в отношении некоторых форм психической активности или ограничивающие роль бессознательного, допуская его участие лишь в патологических случаях его проявления, не видят всего значения проблемы бессознательного в аспекте специфики возникновения и течения сознательного процесса вообще.

С позиции, признающей определяющий фактор бессознательного в психике, на симпозиуме выступил ряд психологов, исходивших из теории видного советского ученого Д. Н. Узнадзе. Огромной заслугой последнего перед современной психологией является, в первую очередь, то, что, показав необходимость признания понятия бессознательного для решения проблемы специфики — направленности и целесообразности — всей, в том числе и сознательной психической активности, он вводит в психологию понятие «установка», служащее решению именно этой проблемы. Установка — это предварительное досознательное отражение объекта в состоянии субъекта как единого целого, осуществленное на основе взаимоотношения живого существа — носителя всех своих психических и биологических возможностей, всего уже закрепленного у него опыта, и тех объективных условий, в которых он нуждается для реализации имеющейся у него в данный момент потребности. Установка является целостным субъектным состоянием, в котором весь субъект в целом, все его психические и физические силы и

возможности настроены и мобилизованы соответственно тем конкретным объективным условиям, которые и определяют возникновение и становление этого состояния. Адекватность психической активности в отношении объекта, ее направленный и целесообразный характер обеспечиваются именно тем, что она строится на базе, отражающей этот объект установки. В каждом конкретном случае адекватного своего проявления активность человека является активностью субъекта, настроенного сообразно отраженным в его установке объективным закономерностям.

Однако, по мнению некотрых авторов трехтомника, ряд основных положений теории установки вызывает возражения. Особенно спорным, с их точки зрения, остается вопрос о взаимоотношении установки и сознния и, главным образом, тезис о принципиальной неосознаваемости установки. Надо отметить, что с критикой указанного тезиса мы встречаемся не только на страницах трехтомной монографии. Так, в одной из своих работ Ф. В. Бассин, явно не разделяя указанный тезис, высказывает даже сомнение в отношении принадлежности его самому автору теории установки [2]. Ведь из допущенной Д. Н. Узнадзе возможности существования неосознаваемых установок, пишет Ф. В. Бассин, вовсе не следует с необходимостью представление о принципиальной их неосознаваемости!

Конечно, возможность существования неосознаваемых установок является хоть и необходимым, но вовсе не достаточным основанием для утверждения неосознаваемости установок вообще. Но разве указанный тезис в теории установки опирается всего лишь на факт существования неосознанных установок? Положение о принципиальной неосознаваемости установки с необходимостью следует из специфики самого этого понятия, никак не сводимой к одной лишь возможности существования ее у субъекта в неосознанной форме. Тезис о том, что «Установка не является феноменом сознания» [3, 39] следует понимать не в том простом смысле, что она может не осознаваться, а в том, что она является *специфической, качественно отличной от любого содержания сознания формой отражения действительности.* «Сознавать, это значит — представлять и мыслить, переживать эмоционально и совершать волевые акты. *Иного содержания, кроме этого, сознание не имеет вовсе»* (3, 41). Установка же как состояние целостного субъекта, а не его отдельных функций и возможностей «принципиально отличается от всех его дифференцированных психических сил и способностей» (3, 171). Она является не субъективным состоянием наподобие, скажем, эмоционального состояния, а состоянием субъекта или, как указывает Узнадзе, «*не субъективным*», а «*субъектным*» состоянием, и именно как таковая не может осознаваться. И если считать правильным положение Узнадзе о том, что «в активные отношения с действительностью вступает непосредственно сам субъект, но не отдельные акты его психической деятельности», то должно быть принято положение о том, что результат этих взаимоотношений, эффект воздействия действительности на субъекта, имеющего такое содержание и объем всего своего опыта, характеризующегося такими своими особенностями и, что главное, соответствующими ему потребностями, может наличествовать лишь в виде целостного состояния субъекта, которое само не может стать содержанием сознания. Оно определяет последнее, но само, как таковое, ни в какой стадии не может быть им. Каждый здоровый человек знает, что он может видеть, мыслить, запоминать, вспоминать, чувствовать, и знает он об этом в силу непосредственной данности в его сознании указанных психических явлений в самом процессе их реализации. Однако ни один чело-

век, за исключением специалистов, знакомых с понятием установки, не знает о наличии у него целостного состояния, отражающего объективные отношения действительности, ибо в непосредственном опыте оно не было и не могло быть дано даже самому автору теории установки.

Здесь было бы уместно вспомнить о выдвигаемом некоторыми исследователями положении о том, что утверждение относительно невозможности осознания, иначе говоря, непосредственного переживания установки равносильно отрицанию и возможности ее научного исследования. Неужели авторы, придерживающиеся этого положения, нуждаются в разъяснении того, что быть предметом непосредственного опыта и стать объектом научного познания это не одно и то же?! А может быть они полагают, что предметом научного познания может стать лишь то, что является непосредственной данностью сознания исследователя? Ни одному человеку на земле не довелось ощутить и пережить в своем непосредственном опыте вращение земного шара вокруг солнца. Однако это не помешало научному познанию установить факт указанного вращения.

В вышеуказанной работе Ф. В. Бассина приводится следующий отрывок из последнего исследования Узнадзе: «...Обычно эти установки не осознаются...». Не является ли это, пишет Ф. В. Бассин, «намеренным указанием на то, что психологические установки неосознаваемы только в большинстве случаев («обычно»), но не принципиально, не всегда» [2, 46]. Надо отметить, что с аналогичными высказываниями мы встречаемся и в некоторых других исследованиях Узнадзе. Однако ни контекст этих высказываний, ни основные принципы теории установки не дают каких-либо оснований для допущения осознаваемости установки в теории Узнадзе. Наоборот, при таком допущении мы с необходимостью приходим к отрицанию основного положения указанной теории, согласно которому установка является специфической, принципиально отличной от всех других психических способностей субъекта, формой предварительного отражения действительности, приходим к редуцированию ее именно к этим отдельным психическим процессам и тем самым лишаем ее возможности служить разрешению той проблемы, для решения которой она призвана. Ибо именно потому, что установка является такой формой отражения объективных отношений, которая не относится к категории сознательных переживаний, она и может определять и направлять течение этих переживаний.

Но если в установке как в целостно-субъектном состоянии отражен и определяющий это состояние объект, то это значит, что она, как это подчеркивает Узнадзе, является не только формальным, но и содержательным понятием. Это и дает ей возможность определять не только соответствующую объективным условиям направленность поведения, но и соответствующие им содержания сознния. «...В каждый данный момент в психику действующего субъекта проникает из окружающей среды и переживается им с достаточной ясностью лишь то, что имеет место в русле его актуальной установки» [3, 100]. Иначе говоря, содержанием сознания может стать лишь отраженный уже в установке объект. Именно в этом смысле она и определяет конкретную активность сознания. И если мы и говорим относительно осознания в случаях установки, то имеем в виду не осознание самой установки как целостного субъектного состояния, созвучного данным конкретным условиям, как психологического механизма активности психики, а переживание в сознании отраженного в установке объекта. Ведь установка этой цели и служит!

Стать непосредственной данностью сознания может не сама установка как таковая, а отраженные в ней объективные отношения. Конечно, содержание установки не всегда реализуется в виде определенных содержаний сознания, что, кстати сказать, в ряде случаев не мешает ей направлять активность субъекта соответственно себе. И во всех редких случаях, если Д. Н. Узнадзе и говорит об «осознанных» или «неосознанных» установках, мы имеем дело лишь с не совсем удачным выражением, а фактически речь идет об установках, которые либо реализовались, либо не нашли своей реализации в виде содержания сознания, т. е. отраженные в установке закономерности объекта либо стали непосредственной данностью сознания, либо остались за его пределами.

Однако, согласно ряду исследователей, принятие тезиса о принципиальной неосознаваемости установки создает внутренние противоречия в рамках самой теории установки. Так, напр., А. Г. Асмолов считает, что указанный тезис противоречит представлениям Узнадзе об установке, сформированной в плане объективации и являющейся продуктом сознательной деятельности человека [I, т. I, 147—157]. Точно так же Ф. В. Бассин, анализируя суждение Узнадзе относительно отношений между установкой и волевыми процессами, полагает, что в этом случае «речь идет об установке, которая еще до ее актуализации стала объектом сознания». Как же иначе, по мнению Бассина, понять такие высказывания Узнадзе, как напр., «...воля оказывается в силах сделать установку к воображаемой деятельности актуальной», или «...мышление определяет установку, на почве которой субъект, руководствуясь своим волевым усилием, осуществляет признанную им целесообразной деятельность». «Может ли волевое усилие быть направленным на нечто неосознаваемое|», спрашивает Бассин. Правда, сам Бассин усматривает здесь не противоречие, а скорее дальнейшее развитие теории установки, предполагая, что в рассматриваемой работе автор теории установки, возможно, меняет свою позицию в отношении проблемы взаимоотношения установки и сознания, допуская, наряду с неосознанными, существование и осознанных, непосредственно данных в сознании субъекта установок. Вряд ли, однако, можно согласиться с указанным предположением Бассина. Дело в том, что, во-первых, на страницах той же последней работы Узнадзе мы читаем: «Установка не может быть отдельным актом сознания субъекта...» [3, 178] «не может переживаться в виде ряда отдельных содержаний» [3, 41]. И, во-вторых, с указанным выше решением вопроса о взаимоотношениях установки и воли мы встречаемся впервые не на страницах рассматриваемой Ф. В. Бассиным работы, а, напр., и в «Общей психологии», опубликованной еще в 1940 г. Поэтому нет никаких оснований сомневаться в том, что положение о принципиальной несознаваемости установки остается в силе и в последнем исследовании Узнадзе. Следовательно, мы должны либо вместе с Асмоловым сделать вывод о действительно имеющихся в теории установки противоречиях, либо допустить, что усматривание этих противоречий является следствием не совсем правильной интерпретации положений Узнадзе относительно установки, действующей в плане объективации.

В этой связи мы считаем необходимым остановиться на одном немаловажном, на наш взгляд, обстоятельстве.

В некоторых исследованиях, а также и в публичных дискуссиях по вопросам теории установки нередко в качестве выдвинутых Узнадзе положений излагаются соображения, явно не принадлежащие автору теории установки и неприемлемые с точки зрения указанной теории вообще. Так, напр., полагают, что, согласно теории установки, созданная под воздействием актуальной ситуации установка может

определять адекватное течение практического поведения, удовлетворяющего, главным образом, витальные потребности субъекта. Что же касается протекающих на фоне его сознания переживаний субъекта, они являются результатом объективации, т. е. могут возникать лишь на втором, специфически человеческом уровне психической активности. Такое представление указывает на полное непонимание теории установки. Поводом для этого служит, очевидно, положение Узнадзе о наличии у человека первого уровня психической деятельности, который является характерным и для животного, и на котором адекватное поведение человека может осуществляться без активного участия его высших психических процессов. Отсюда вывод: содержания сознания человека могут возникать лишь на высшем уровне психической деятельности.

Конечно, в работах Узнадзе неоднократно подчеркивается, что на первом уровне, на уровне импульсивного поведения, активность человека определяется установкой, основными факторами которой, так же, как и в случаях с животным, служат актуальная потребность и непосредственно данная конкретная актуальная ситуация. Такая определяемая актуальной установкой активность и в случаях с животным, и в случаях с человеком без промедления находит свою реализацию в соответствующем поведении субъекта. Поэтому деятельность человека в этих случаях находится в полной зависимости от непосредственно наличествующей у него потребности и непосредственной актуальной ситуации. Однако «в условиях импульсивного поведения у действующего субъекта могут возникать достаточно ясные психические содержания... На основе актуальной... установки в сознании субъекта вырастает ряд психических содержаний, переживаемых им с достаточной степенью ясности и отчетливости...» [3, 100]. Являясь реализацией все той же актуальной установки, они включаются в процесс импульсивного поведения, способствуя адекватному течению последнего. Указанные психические содержания, точно так же, как и поведение, подчиняющиеся актуальной установке, протекают помимо активного участия сознания субъекта, помимо его воли, но на фоне его сознания. Вышеуказанное обстоятельство не мешает адекватному течению развернутой на первом уровне психической активности: в каждодневной жизни, а также в относительно простых новых ситуациях актуальная установка субъекта оказывается в силах направить психическую активность субъекта в должную в этих объективных условиях сторону и обеспечить возникновение соответствующих этим условиям содержаний.

Необходимость же в объективации, как указывает Узнадзе, «возникает лишь в случаях осложнения обстоятельств — в случаях затруднения решения задачи, и акты мышления становятся необходимыми лишь в этих случаях» [3, 116].

Таким образом, выдвигаемое некоторыми психологами положение о том, что возникновение переживаний субъекта на фоне его сознания требует предварительного акта объективации, явно противоречит взглядам Узнадзе и является следствием в корне неправильной интерпретации теории установки. Наоборот, реализация акта объективации, а затем и мыслительных и волютативных процессов сознания возможна лишь при условии предварительной данности в установке того объекта, в отношении которого должен осуществиться акт объективации, объекта, на котором должен сосредедоточиться процесс мышления. Без этого предварительного отражения ни акт объективации, ни процесс мышления не могут осуществиться. Именно этот отраженный в установке объект и становится предметом мышления субъекта, содержанием его активного сознания. Однако под воздействием этого уже

отраженного в сознании объекта, под воздействием определенного установкой содержания сознания, оттачивается, дифференцируется или же перестраивается и модифицируется и сама установка. И каждый новый шаг мышления, определенный отраженным в установке объектом, способствует поступательному процессу отражения объекта. Следовательно, факторами установки, обеспечивающей адекватное течение этого поступательного процесса отражения, в случаях мышления остаются опять-таки определенные объективные условия и определенная потребность субъекта. Однако объективным фактором установки в этом случае служит уже отраженное в сознании содержание установки, субъективным же фактором становится вполне осознанная познавательная потребность субъекта. Но ни сама отраженная в сознании ситуация и ни сама познавательная потребность не могут и не переживаются субъектом в качестве факторов установки, факторов возникновения механизма, который должен привести его к успешному разрешению задачи. Вся сознательная активность субъекта направлена не на выработку в себе соответствующей установки, а на разрешение возникшей перед ним задачи. Точно так же и в случаях волевого поведения — волевое усилие субъекта сознательно направлено не на актуализацию в себе той или иной установки, а на выполнение поставленной перед собой цели.

Конечно, согласно Узнадзе, в этих случаях установка актуализируется вследствие активности самого субъекта [4, 218]. Путем активных познавательных процессов он анализирует ситуацию, в которой должны найти свою реализацию сложившиеся в течение всей его жизни высшие осознанные им познавательные или моральные потребности, которым он должен подчинить имеющиеся у него в данных конкретных условиях актуальные потребности. Следовательно, необходимые для возникновения установки условия в случаях волевого поведения создаются в результате активности самого субъекта. Однако Узнадзе тут же, на той же странице, подчеркивает, что указанная активность вовсе не заключается в том, что субъект сам непосредственно вызывает в себе установку — «этого он и не может и не старается делать» [4, 218].

Таким образом, и в случаях мышления, и в случаях волевого поведения, т. е. на высшем уровне психической активности субъекта, факторами установки, обеспечивающей адекватное течение указанных процессов, становятся вполне осознанные психические содержания. Однако из признака осознанности последних вовсе не следует осознанность возникшей на их основе установки. В опубликованном в трехтомнике исключительно интересном исследовании Ф. В. Бассина речь идет о т. к. невербализованных, неосознанных формах мышления, предваряющих возникновение оречевленных, осознанных ее форм [I, т. III, 735—750]. Касаясь вопроса о характере взаимоотношения между вербализованными и неоречевленными формами мыслительной деятельности, Ф. В. Бассин отмечает, что необходимые для становления вербализованной мыслительной деятельности неосознаваемые мыслительные процессы «...в свою очередь не в меньшей мере «зависят» от поведения человека, от его отношений к окружающему его миру, опирающихся на активность его вербализованной мысли» [I, т. III, 745]. Но ведь не станем же мы, указывая на зависимость неосознаваемой мысли субъекта от активности его вербализованной, сознательной мысли, утверждать, что субъект сознательно направлен на актуализацию в себе неоречевленных,

неосознанных мыслей, которые ввиду осознанности способствующей им вербализованной мысли будут носить осознанный характер.

Следовательно, нет никаких оснований усматривать какие-либо противоречия между тезисом о принципиальной неосознаваемости установки и положением Узнадзе относительно особенностей становления установки на высшем плане психической активности. Сама установка как психологический механизм, определяющий любую психическую деятельность субъекта, согласно теории Узнадзе, остается неосознанным, нефеноменальным состоянием субъекта и в случаях его мыслительной, и в случаях его волевой активности. Наоборот, допущение тезиса о принципиальной осознаваемости установки вообще или установки, возникшей на базе объективации, приводит не только к явным противоречиям в рамках самой теории установки, но и создает непреодолимые трудности при решении вопросов, связанных с психологическими особенностями течения процессов высшего психического уровня.

THE PROBLEM OF THE UNCONSCIOUS AT THE TBILISI INTERNATIONAL SYMPOSIUM ON THE UNCONSCIOUS

M. A. SAKVARELIDZE

The D. N. Uznadze Institute of Psychology

SUMMARY

The paper deals with the critique of those studies presented at the symposium which regard the category of the unconscious either as some irrelevant and even illegitimate psychological problem or as a problem valid only with respect to some particular cases of normal or pathological mental activity.

It is argued that the character of mental activity in general, and the nature of the processes of consciousness in particular, points to the inevitable involvement of the unconscious as a leading factor. The concept of set implying a specific form of preconscious reflection of objective reality and necessarily anticipating literally every kind of mental process (D. N. Uznadze) is shown to exemplify a convincing solution of the problem of the unconscious.

ЛИТЕРАТУРА

1. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: ПРИРОДА, ФУНКЦИИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, тт. I, II, III. Тбилиси, «Мецниереба», 1978.
2. БАССИН Ф. В., К проблеме осознаваемости психологических установок. Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе, Тбилиси, 1973.
3. УЗНАДЗЕ Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961.
4. УЗНАДЗЕ Д. Н., Общая психология, Тбилиси, 1940.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ПУТЕЙ К ИЗУЧЕНИЮ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА: БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ, УСТАНОВКА, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. Г. АСМОЛОВ

Московский государственный университет, факультет психологии

Может ли анализ сферы бессознательного на основе такой категории советской психологии, как категория деятельности, углубить представления о природе неосознаваемых явлений? И есть ли вообще необходимость в привлечении к анализу сферы бессознательного этой категории?

Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем провести мысленный эксперимент и взглянем глазами участников первого симпозиума по проблеме бессознательного (1910) на прошедший по этой же проблеме симпозиум в Тбилиси (1979). По-видимому, Г. Мюнстерберг, Т. Рибо, П. Жане, Б. Харт не почувствовали бы себя на этом симпозиуме чужими. Г. Мюнстерберг, как и в Бостоне (1910), разделил бы всех участников на три группы: широкую публику, врачей и психофизиологов. Представители первой группы говорят о космическом бессознательном и о сверхчувственных способах общения сознаний. Врачи обсуждают проблему роли бессознательного в патологии личности, прибегая к различным вариантам представлений о раздвоении сознания, расщеплении «я». Физиологи же утверждают, что бессознательное есть не что иное как продукт деятельности мозга. Лишь положения двух теорий оказались бы совершенно неожиданными для Г. Мюнстерберга. Это — теория установки Д. Н. Узнадзе и теория деятельности Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурия. Принципиальная новизна состоит прежде всего в исходном положении этих концепций: для того, чтобы изучить мир психических явлений, нужно выйти за их пределы и найти такую единицу анализа психического, которая сама бы к сфере психического не принадлежала.

Если это требование не соблюдается, то мы возвращаемся к ситуации бостонского симпозиума. Дело в том, что пытаться понять природу неосознаваемых явлений либо только из них самих, либо исходя из анализа физиологических механизмов или субъективных явлений сознания — это все равно, что пытаться понять природу стоимости из анализа самих денежных знаков [1, 93]. В натуре индивида можно, разумеется, обнаружить те или иные динамические силы, импульсы, побуждающие к поведению. Однако, как показывает весь опыт развития общепсихологической теории деятельности (см. А. Н. Леонтьев, 1983; С. Л. Рубинштейн, 1973), лишь анализ системы деятельности индивида, реализующей его жизнь в обществе, может привести к раскрытию содержательной характеристики многоуровневых психических явлений. С предельной четкостью эта мысль выражена А. Н. Леонтьевым. Он пишет: «Включенность живых организмов, системы процессов их органов, их мозга в предметный, предметно-дискретный мир приводит

к тому, что система этих процессов наделяется содержанием, отличным от их собственного содержания, содержанием, принадлежащим самому предметному миру.

Проблема такого «наделения» порождает предмет психологической науки!» [20, 261].

Любые попытки понять содержание и функции сознания, бессознательного, установки вне контекста реального процесса жизни, взаимоотношений субъекта в мире с самого начала обессмысливают анализ этих уровней отражения действительности. Рассматривать сознание, бессознательное и установку вне анализа деятельности — это значит сбрасывать со счетов ключевой для понимания механизмов управления любой саморазвивающейся системы вопрос, поставленный Н. А. Бернштейном: «...для чего существует то или иное приспособление в организме...»? [см. 326]. Психика в целом, сознание и бессознательное в частности представляют собой возникшие в ходе приспособления к миру функциональные органы деятельности субъекта. Эволюция деятельности живых существ привела к появлению сознания и бессознательного, как качественно отличающихся уровней ориентировки в действительности. Для обслуживания деятельности они с необходимостью появились; вне деятельности их просто не существует. Поэтому-то логическая операция их изъятия из процесса взаимоотношений субъекта с действительностью перекрывает дорогу к изучению закономерностей осознаваемых и неосознаваемых психических явлений. Одним из следствий подобной операции является то, что исследователи бессознательного до сих пор ограничиваются чисто отрицательной характеристикой этой сферы психических явлений. «Что такое бессознательное?» — спрашиваете вы и получаете из всех психологических словарей ответ, который, если отбросить многочисленные вариации, сводится к следующему: «Бессознательное... характеристика любой активности или психической структуры, которую индивид не осознает» (Инглиш, 1958, с. 569).

Подобный ответ — это не только безобидная тавтология, подчиненная формуле «бессознательное — это то, что не осознается». В этом определении полностью отсутствует указание на то, что детерминирует неосознаваемые явления. За данной дефиницией бессознательного проступает хорошо известный образ обитающего в сознании гомункулюса, который пристально разглядывает одни развертывающиеся в психической жизни события, а на другие закрывает глаза. Приблизиться же к пониманию природы бессознательного можно лишь при том условии, что будут выделены детерминирующие бессознательное различные обстоятельства жизнедеятельности человека — побуждающие субъекта предметы потребностей (мотивы), преследуемые субъектом цели, имеющиеся в ситуации средства достижения этих целей, многочисленные, не связанные прямо с решаемой человеком задачей, изменения стимуляции и т. п. О необходимости выделения детерминирующих неосознаваемые процессы явлений действительности прозорливо писал С. Л. Рубинштейн: «...Бессознательное влечение — это влечение, предмет которого не осознан. Осознать свое чувство — значит не просто испытать связанное с ним волнение, а именно соотнести его с причиной и объектом, его вызвавшим». (Рубинштейн, 1956, 160). Тем самым, как минимум, в определение бессознательного должны быть включены те детерминанты, принадлежащие предметному миру, которые определяют содержание этой формы отражения действительности. Тогда первоначальная дефиниция бессознательного примет следующий вид: «Бессознательное представляет собой совокупность психических процессов, детермини-

руемых такими явлениями действительности, о влиянии которых на его поведение субъект не отдает себе отчета». Подчеркнем, что в эту первоначальную характеристику бессознательного указание на то, что субъект не отдает себе отчета о детерминантах поведения, вводится лишь как указание на тот рабочий прием, через который психолог узнает о бессознательном, а не раскрывающая природу этой формы отражения особенность. Для выявления сущностной позитивной характеристики бессознательного необходимо обратиться прежде всего к двум специфическим чертам бессознательного. Первая из этих черт — нечувствительность к противоречиям: в бессознательном действительность переживается субъектом через такие формы уподобления, отождествления себя с другими людьми и явлениями, как непосредственное эмоциональное вчувствование, идентификация, эмоциональное заражение, объединение в одну группу порой совершенно различных явлений через «сопричастие» (классический пример Л. Леви-Брюля о том, что индейцы бразильского племени бероро отождествляют себя с попугаями арара), а не познается им через выявления логических противоречий и различий между объектами по тем или иным существенным признакам. И вторая черта — вневременной характер бессознательного: в бессознательном прошлое, настоящее и будущее сосуществуют, объединяются друг с другом в одном психическом акте, а не находятся в отношении линейной необратимой последовательности. Причудливые сцепления событий в сновидениях и фантазмах; спрессованность прошлого, настоящего и будущего в некоторых клинических симптомах и проявлениях повседневной жизни в одно, не знающее причинных связей видение мира — все это отнюдь не мистические, а реальные факты. И весь вопрос заключается в том, как подойти к этим фактам.

Если исходно взять за образец закономерности сознания, в частности, подчиненность некоторых видов понятийного рационального мышления формальной логике, то указанные факты будут восприняты как еще один аргумент в пользу чисто негативной дефиниции бессознательного по отношению к сознанию: в сфере сознания господствует логика; бессознательное — царство алогичного, иррационального и т. п. Подобное восприятие указанных выше феноменов исходит из такой типичной установки позитивистского мышления, как эгоцентризм в познании сложных социально-культурных и психических явлений. Ведь именно эгоцентризм, и в первую очередь, такая его форма как «европоцентризм», заставляет принимать логику европейского мышления за образец и превращать ее в натуральную, естественную характеристику сознания, при этом благополучно забывая, что сама эта формальная логика есть культурное приобретение. А если логика не дана сознанию от природы, а задана культурой, то правомерно и применительно к сознанию допустить наличие нескольких сосуществующих логик. Несмотря на фундаментальные исследования Л. С. Выготского, А. Р. Лурия (1930) и Леви-Брюля (1930), посвященные анализу мышления в разных культурах, шоры европоцентризма вынуждают одномерно плоско трактовать не только закономерности бессознательного, но и сознания. Однако на этом приключения позитивистской мысли, попавшей в рабство эгоцентризма, не заканчиваются. Изучению качественного своеобразия бессознательного препятствует еще одна форма научного эгоцентризма, названная нами «эволюционный снобизм». Исходя из «эволюционного снобизма», исследователи нередко расценивают формы психического отражения, предшествующие сознанию, как более примитивные, архаичные и т. п. Так, даже если на словах признается, что функционирование бессознательного не просто алогично,

а подчинено иной логике, то эта логика интерпретируется как архаичная [19]. Таким образом, вновь осуществляется возврат к чисто негативному пониманию бессознательного по отношению к сознанию. Из-за «эволюционного снобизма» такие проявления бессознательного в детском мышлении, как его аутистический характер, слабость интроспекции, нечувствительность к противоречиям [26], воспринимаются как алогичность инфантильных форм мышления, их примитивность, в отличие от форм понятийного мышления и т. п. А эти инфантильные формы — не примитивнее и не грубее. Они — другие, иные, чем те, которые присущи сознанию.

Если мы с самого начала нацелим свои поиски на выявление качественного своеобразия неосознаваемых форм психического отражения и сумеем преодолеть косность научного эгоцентризма, то увидим, что указанные выше феномены и такие характеристики бессознательного, как отсутствие противоречий и вневременной характер, свидетельствуют не об ущербности, алогичности бессознательного, а об *иной его логике*, или, точнее, *об иных логиках*, стоящих за всеми этими проявлениями. Причем, иных логиках не в смысле их архаичности и таинственности в стиле С. Леклера [19], а иных логиках функционирования бессознательного в деятельности субъекта, обеспечивающих полновесный адаптивный эффект.

Существует ли такой критерий, который бы позволил отнести самые различные проявления бессознательного к одному общему классу явлений, выявить их функциональное значение в процессе регуляции деятельности субъекта и дать их позитивную характеристику по отношению к сознанию? Давайте повнимательнее вглядимся в такие, казалось бы, не связанные друг с другом феномены, как аутизм детского мышления, слабость интроспекции, нечувствительность к противоречиям. Давайте прибавим к этому пестрому ряду такие факты, как «...особая продуктивность неоречевленной (неосознаваемой, предречевой) мысли, проявляющаяся во «внезапных» решениях...; неоднократно подвергавшаяся изучению в клинике шизофрении (Б. В. Зейгарник и др.) причудливость, множественность, разнообразие, «странность» смысловых связей (легкое увязывание всего со всем, феномен «смысловой опухоли» и т. п.) как бы высвобождаемых в условиях распада нормально вербализуемой мыслительной деятельности; оправданность применяемой иногда очень оригинальной методики и т. н. «мозгового штурма», при которых нахождение оригинальных решений обсуждаемой проблемы достигается путем стимуляции генеза множества «недодуманных до конца», не оречевленных полностью проектов решения и т. п..» [7, 741]. За всеми этими феноменами просматривается один позволяющий отнести их к общему классу критерий. И слабость интроспекции, и нечувствительность к противоречиям, и запрет на рефлексию в методике «мозгового штурма», и аутизм... — звенья одной цепи, главным стержнем которой является *отсутствие противопоставленности в неосознаваемых формах психического отражения субъекта и окружающей его действительности*. В *неосознаваемом психическом отражении мир и субъект образуют одно неделимое* целое. На наш взгляд, слитность субъекта и мира в неосознаваемом психическом отражении представляет собой сущностную характеристику всей сферы бессознательного, конкретными выражениями, проявлениями которой служат перечисленные выше факты. Так, например, причина слабости интроспекции ребенка лежит в невыделенности его «Я» из окружающей действительности. Нечувствительность к противоречиям как в инфантильных формах мышления, так и в сновидениях имеет в своей основе ту же самую причину — отсутствие про-

тивопоставления в этих формах психической реальности субъекта и окружающего его мира. Ведь действительность сама по себе не знает логических противоречий. Причина эффективности методики «мозгового штурма» — своеобразное уравнивание в неосознаваемых формах психического отражения самых невероятных, «безумных» вариантов и привычных вариантов решения задачи вследствие установки на полное снятие любого контроля по отношению к своим высказываниям и таким образом слияния своего «я» с процессом решения задачи. Перечень феноменов, глубинная причина которых лежит в нерасчлененности субъекта и действительности, можно было бы продолжить. Но уже из сказанного следует, что выделенная нами характеристика бессознательного позволяет объяснить сходство внешне несвязанных между собою явлений и дать общую позитивную характеристику неосознаваемой формы психического отражения. Качественное отличие этой формы психического отражения от сознания проявится еще более явно, если мы напомним, что сознание представляет собой «...отражение предметной действительности в ее отделенности от наличных отношений к ней субъекта... В сознании образ действительности не сливается с переживанием субъекта: в сознании отражаемое выступает как «предстоящее субъекту» [20, 237]. Та же характеристика сознания красочно описывается Д. Н. Узнадзе при анализе специфики механизма объективации. Функция присущего только человеку механизма объективации, по выражению Д. Н. Узнадзе, проявляется в том, что человек видит, что существует мир и он в этом мире [29, 452]. Итак, отраженные в сознании предметы и явления мира отделены от наличных отношений субъекта к действительности; отраженные в бессознательном события окружающего мира слиты в одном узле с наличными отношениями субъекта в действительности, образуют одно нераздельное целое с этими отношениями. Каждый из этих уровней психического отражения вносит свой вклад в регуляцию деятельности субъекта; каждый из этих уровней приспособлен для решения своего специфического класса жизненных задач. Так, благодаря слитости субъекта с миром в бессознательном субъект непроизвольно воспринимает мир и запоминает его, не отдавая себе отчета об этом. Однако регуляцией непроизвольных непреднамеренных актов, а также автоматизированных видов поведения тип жизненных задач, для которых необходимо бессознательное, функция бессознательного не исчерпывается. Упоминаемые выше проявления продуктивности доречевого мышления недвусмысленно говорят о том, что бессознательное, не зная «логики» сознания, именно в силу этого незнания открыто бесконечному количеству «иных логик» действительности, которые еще пока не стали достоянием цивилизации.

При анализе сферы бессознательного в контексте общепсихологической теории деятельности открывается возможность ввести содержательную характеристику этих качественно отличных классов неосознаваемых явлений, раскрыть функцию этих явлений в регуляции деятельности и проследить их генезис. Если, опираясь на положения школы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурия, бросить взгляд на историю становления взглядов о бессознательном, то мы увидим, что разные аспекты проявлений бессознательного разрабатывались при анализе четырех следующих проблем: проблемы передачи опыта из поколения в поколение и функции этого опыта в социально-типическом поведении личности как члена или иной общности; проблемы мотивационной детерминации поведения личности; проблемы непроизвольной регуляции высших форм поведения и автоматизации различных видов деятельности субъекта; проблемы поиска диапазона чувст-

вительности органов чувств. На основании анализа этих проблем представляется, на наш взгляд, возможным выделить четыре особых класса проявлений бессознательного: надындивидуальные надсознательные явления; неосознаваемые побудители поведения личности (неосознаваемые мотивы и смысловые установки); неосознаваемые регуляторы способов выполнения деятельности (операциональные установки и стереотипы); неосознаваемые резервы органов чувств (подпороговые субсенсорные раздражители).

Далее мы попытаемся выделить те направления, в которых шло исследование этих классов неосознаваемых явлений, дать краткое описание основных особенностей каждого класса и показать, что в каждом из этих классов проявляется основная черта бессознательного — слитость субъекта и мира в неосознаваемом психическом отражении.

1. Надындивидуальные надсознательные явления

Начнем с описания надындивидуальных надсознательных явлений, поскольку, во-первых, эти явления всегда были покрыты туманом таинственности и служили почвой для самых причудливых мифологических построений; во-вторых, именно на примере этих явлений наиболее рельефно открывается социальный генезис сферы бессознательного в целом.

С нашей точки зрения, реальный факт существования класса надсознательных надындивидуальных явлений предстает в разных ипостасях во всех направлениях, затрагивающих проблему передачи опыта человечества из поколения в поколение или пересекающуюся с ней проблему дискретности — непрерывности сознания [25].

Для решения этой фундаментальной проблемы привлекались такие понятия, как «врожденные идеи» (Р. Декарт), «архетипы коллективного бессознательного» (К. Юнг), «космическое бессознательное» (Судзуки), «космическое сознание» (Э. Фромм), «бессознательное как речь Другого» (Ж. Лакан), «коллективные представления» (Э. Дюргейм, Л. Леви-Брюль) и «бессознательные структуры» (К. Леви-Стросс, М. Фуко).

Принципиально иной ход для решения этой проблемы предлагается в исследованиях выдающегося мыслителя В. И. Вернадского. Если все указанные авторы, будь то Р. Декарт, Э. Фромм или К. Юнг, в качестве точки отсчета для понимания надындивидуальных надсознательных явлений избирают отдельного *индивида*, то В. И. Вернадский видит источник появления нового пласта реальности в коллективной бессознательной работе *человечества*. Он называет этот пласт реальности — ноосферой. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — в *ноосферу*», отмечает В. И. Вернадский [11, 19]. Однако и идеи В. И. Вернадского о ноосфере, несмотря на подчеркивание им социального, материального характера возникновения ноосферы, до сих пор с большим трудом пробивают себе дорогу в мышлении современных ученых и порой воспринимаются как изящная фантазия.

А вопросы о природе надындивидуальных надсознательных явлений так и остаются только вопросами. Как проникнуть во все эти надындивидуальные бессознательные структуры? Каково их происхождение? В большинстве случаев ответ на эти вопросы очень близок к их сказочному решению в «Синей птице» Мориса Метерлинка. В этой волшебной сказке добрая фея дарит детям чудодейственный алмаз. Стоит лишь повернуть этот алмаз, и люди начинают видеть скрытые души вещей. Как и в любой настоящей сказке, в этой сказке есть боль-

шая правда. Окружающие людей предметы человеческой культуры действительно имеют «душу». И «душа» эта — не что иное, как поле значений, существующих в форме опредмеченных в процессе деятельности в орудиях труда схем действия, в форме ролей, понятий, ритуалов, церемоний, различных социальных символов норм, социальных образцов поведения [20].

Надсознательные явления, действительно, имеют социальное происхождение. В их основе лежит объективно существующая и являющаяся продуктом совместной деятельности человечества система значений (А. Н. Леонтьев), опредмеченных в той или иной культуре в виде различных схем поведения, социальных норм и т. п. Надсознательные явления представляют собой усвоенные субъектом как членом той или иной группы образцы типичного для данной общности поведения и познания, влияние которых на его деятельность актуально не осознается субъектом и не контролируется им. Эти образцы (например, этнические стереотипы), усваиваясь через такие механизмы социализации, как подражание и идентификация, определяют особенности поведения субъекта именно как представителя данной социальной общности, т. е. социально-типические особенности поведения, в проявлении которых субъект и группа выступают как одно неразрывное целое. В советской психологии представления о «надсознательном» и его роли в творческой деятельности развиваются М. Г. Ярошевским (1978), который показывает, что творческая активность ученого детерминируется присущими его научной группе или науке его времени в целом надсознательными категориальными установками аппарата познания, воплощающимися в выдвигаемых ученым гипотезах и проектах их решения.

Таким образом, идеи о потоке сознания, об архетипах коллективного бессознательного и т. п. имеют вполне земную основу. За всеми этими представлениями стоит реальный факт существования надындивидуального надсознательного, имеющего четко прослеживаемый социальный генезис и представляющего собой усваиваемые субъектом образцы поведения и познания, порожденные всей совокупной деятельностью человечества.

2. Неосознаваемые побудители деятельности (неосознаваемые мотивы и смысловые установки личности)

Неосознаваемые побудители деятельности личности всегда были центральным предметом исследования в традиционном психоанализе. Они принимают участие в регуляции деятельности, выступая в виде смысловых установок. Не пересказывая здесь развиваемых нами представлений об иерархической уровневой природе установок как механизмов стабилизации «цементирования» деятельности личности, напомним лишь, что в соответствии с основными структурными единицами деятельности (деятельность, действие, операция) выделяются уровни смысловых, целевых и операциональных установок, а также уровень психофизиологических механизмов установки (Асмолов, 1979). Общая функция установок любого уровня в регуляции деятельности характеризуется тремя следующими моментами: а) установка определяет устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности и выступает как механизм стабилизации деятельности личности, позволяющий сохранить ее направленность в непрерывно изменяющихся ситуациях; б) установка освобождает субъекта от необходимости при-

нимать решения и произвольно контролировать протекание деятельности в стандартных, ранее встречавшихся ситуациях; в) (фиксированная) установка может выступать в качестве фактора, обусловливающего инерционность, косность динамики деятельности и затрудняющего приспособление к новым ситуациям.

Таковы основные особенности функции установок любого уровня в регуляции деятельности. И об этих особенностях мы можем сегодня говорить как о научно обоснованном факте, благодаря фундаментальным исследованиям Д. Н. Узнадзе и его школы. Что же касается специфических проявлений смысловых, целевых и операциональных установок в деятельности, то они определяются прежде всего тем, какое содержание — личностный смысл или значение (А. Н. Леонтьев) — выражает установка в деятельности субъекта. И здесь еще раз хочется выделить одно положение, без которого мы будем постоянно путаться при рассмотрении в одной связке категорий «установка» и «бессознательное», «установка» и «сознание», «установка» и «деятельность». Для более явного выявления связи между всеми этими категориями необходимо всегда помнить весьма полезное, введенное в лингвистике, различение: план содержания и план выражения. Установка как готовность к реагированию есть своего рода носитель, форма выражения того или иного содержания в деятельности субъекта. Если фактор, приводящий к актуализации установки, осознается субъектом, то установка, соответственно, выражает в деятельности это осознаваемое содержание. В тех же случаях, когда какой-либо объективный фактор деятельности, например, мотив деятельности, не осознается, то актуализируемая им смысловая установка выражает в деятельности неосознаваемое содержание, в случае смысловой установки — вытесняемый субъектом личностный смысл происходящих событий.

Итак, ко второму классу проявлений бессознательного относятся неосознаваемые мотивы и смысловые установки — побуждения и нереализованные предрасположенности к действиям, детерминируемые тем желаемым будущим, ради которого осуществляется деятельность и в свете которого различные поступки и события приобретают личностный смысл. О существовании этого класса явлений стало известно благодаря исследованиям остроченного постгипнотического внушения, приводящего к выполнению действия, импульс которого не известен самому совершившему это действие после выхода из гипнотического состояния человеку. Подобные явления в психопатологии описывались как раздвоение сознания, симптомы отчуждения частей собственного тела, выполняемых в сомнабулическом состоянии действий при истерии, определяемые «отщепленными» от сознания личности побуждениями. Эти явления были обозначены термином «подсознательное» (П. Жане). Впоследствии для объяснения природы этих явлений, а затем и для понимания разноуровневых мотивационных структур личности в целом основателем психоанализа З. Фрейдом было введено понятие бессознательное в узком смысле слова — «динамическое вытесненное бессознательное». Под бессознательным понимались нереализованные влечения, которые из-за их конфликта с социальными запросами общества не допускались в сознание или изгонялись, отчуждались из него с помощью такого защитного механизма психики как вытеснение. Будучи вытеснены из сознания личности, эти влечения образуют сферу бессознательного — скрытые аффективные комплексы, предрасположенности к действиям, активно воздействующие на жизнь личности и проявляющиеся порой в непрямых символических формах (юморе, сновидениях, забывании имен и наме-

рений, обмолвках и т. п.). Существенная и часто выпускаемая из виду черта динамических проявлений бессознательного состоит в том, что осознание личностью причинной связи нереализованных влечений с приведшими к их возникновению в прошлом травматическими событиями не приводит к исчезновению переживаний, обусловленных этими влечениями (например, страхов), так как узнанное субъектом воспринимается им как нечто безличное, чуждое, происходящее не с ним. Эффекты бессознательного в поведении устраняются только в том случае, если вызвавшие их события переживаются личностью совместно с другим человеком (например, в психоаналитическом сеансе) или с другими людьми (групповая психиатрия), а не только узнаются ею. Особо важное значение для понимания этого класса проявлений бессознательного и приемов его перестройки имеют феномены и механизмы бессознательного в межличностных отношениях, связанных с установлением эмоциональной интеграции, психологического слияния взаимодействующих людей в одно нераздельное целое (см. Бассин, 1982). К этим феноменам относятся эмпатия, первичная идентификация (неосознанное эмоциональное отождествление с притягательным объектом, например, младенца с матерью), трансфер (возникающий в психоаналитическом сеансе перенос нереализованных стремлений пациента на психоаналитика, обеспечивающий их эмоциональное единение, некритическое принятие ими друг друга), проекция (неосознанное наделение другого человека присущими данной личности желаемыми или нежелаемыми свойствами). Во всех этих проявлениях бессознательного побуждающий субъекта мир и сам субъект представляют одно неразрывное целое.

Личностные смыслы, «значения-для-меня» тех или иных событий мира составляет как бы сердцевину описываемого класса неосознаваемых явлений — класса неосознаваемых мотивов и смысловых установок [32, 4].

Явления этого класса не могут быть преобразованы под влиянием тех или иных односторонних вербальных воздействий. Это положение, основанное на целом ряде фактов, полученных в экспериментальных исследованиях А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца (1945), Е. В. Субботского (1977) и др., в свою очередь, вплотную подводит нас к особенности смысловых образований, определяющей методические пути их исследования. Эта особенность состоит в том, что *изменение смысловых образований всегда опосредствовано изменением самой деятельности субъекта* [5]. Именно учет этой важнейшей особенности смысловых образований (системы личностных смыслов и выражающих их в деятельности смысловых установок) позволяет пролить свет на некоторые метаморфозы в развитии психоанализа, объяснение которых выступает как своего рода проверка предлагаемой нами классификации.

Во-первых, неэффективность психотерапии, ограничивающейся чисто вербальными односторонними воздействиями, т. е. той терапии, которую столь ядовито высмеял еще З. Фрейд в своей работе «О «диком» психоанализе» (1923), как раз и объясняется тем, что по самой своей природе смысловые образования нечувствительны к вербальным воздействиям, несущим чисто информативную нагрузку. Повторяем, что смыслы изменяются только в ходе реорганизации деятельности, в том числе и деятельности общения, в которой происходит «речевая работа» (Ж. Лакан). Не случайно поэтому Жак Лакан, выдвинувший лозунг «Назад к Фрейду», перекликается в этом пункте с основоположником психоанализа, замечая: «Функция языка заключается не в информации, а в побуждении. Именно ответа другого я ищу в речи. Именно мой вопрос констатирует меня как субъекта» (Ж. Ла-

кан, цит. по Автономовой, 1978). Иными словами, только деятельность, в том числе и деятельность общения, выражающая те или иные смыслообразующие мотивы и служащая основой для эмоциональной идентификации с Другим, может изменить личностные смыслы пациента. Во-вторых, в неэффективности влияния указанного типа вербальных воздействий на сферу смыслов — воздействий, которыми часто подменяется диалог между психоаналитиком и пациентом, — следует искать, на наш взгляд, одну из причин явно наметившегося сдвига от индивидуальных методов к групповым методам психотерапии, например, к таким методам, как психодрама, Т-группы и т. п., в которых так или иначе реконструрируется деятельность, приводящая в конечном итоге к изменению личностных смыслов и выражающих их в деятельности смысловых установок.

Подытоживая представления о природе неосознаваемых побудителей деятельности, об их сущности, перечислим основные особенности динамических смысловых систем личности:

1) производность от деятельности субъекта и его социальной позиции в системе общественных отношений;

2) интенциональность (ориентированность на предмет деятельности: смысл всегда кому-то или чему-то адресован, смысл всегда есть смысл чего-то);

3) независимость от осознания (личностный смысл может быть осознан субъектом, но самого по себе осознания недостаточно для изменения личностного смысла);

4) невозможность воплощения в значениях (Л. С. Выготский, М. М. Бахтин) и неформализуемость (Ф. В. Бассин).

5) феноменально смысловые образования проявляются в виде кажущихся случайными, немотивированными «отклонений» поведения от нормативного для данной ситуации (например, обмолвки, лишние движения и т. п. (Асмолов, 1979).

3. Неосознаваемые регуляторы способов выполнения деятельности (операциональные установки и стереотипы)

В основе регуляции непроизвольных и автоматизированных актуально неконтролируемых способов выполнения деятельности субъекта (операций) лежат такие проявления бессознательного, как неосознаваемые операциональные установки и стереотипы. Они возникают в процессе решения различных задач (перцептивных, мнемических, моторных, мыслительных) и детерминируются неосознанно предвосхищаемым образом событий и способов действия, опирающимся на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях. Динамика возникновения этих актуально-неосознаваемых форм психического отражения красочно описывалась в психологии сознания как переход содержаний сознания из фокуса сознания на его периферию (В. Вундт). Для обозначения разных стадий этих проявлений бессознательного в регуляции деятельности привлекались два круга терминов, фиксирующих либо неосознаваемую подготовку субъекта к действию с опорой на прошлый опыт — «бессознательные умозаключения» (Г. Гельмгольц), «преперцепция» (В. Джемс), «предсознательное» (З. Фрейд), «гипотеза» (Дж. Брунер), «вероятностное прогнозирование» (И. М. Фейгенберг) и т. п.; либо непроизвольный контроль уже развертывающейся активности субъекта — «динамический стереотип» (И. П. Павлов),

«схема» (Ф. Бартлетт), «акцептор действия» (П. К. Анохин), и т. п. Функция этих проявлений бессознательного со-состоит в том, что субъект может одновременно перерабатывать информацию о действительности на нескольких различных уровнях и сразу совершать целый ряд актов поведения (запоминать и отыскивать решения задач, не ставя осознанных целей решать и запоминать; обходить препятствия, не утруждая себя отчетом об их существовании; «делать семь дел сразу» и т. п.).

Пожалуй, одна из первых попыток вывести общий закон, которому подчиняются неосознаваемые явления этого класса, принадлежит Клапареду. Он сформулировал закон осознания, суть которого заключается в следующем: чем больше мы пользуемся тем или иным действием, тем меньше мы его осознаем. Но стоит на пути привычного действия появиться препятствию, как возникает потребность в осознании, которая и является причиной того, что действие вновь попадает под контроль со стороны сознания. Однако закон Клапареда описывает лишь феноменальную динамику этого класса явлений. Объяснить же возникновение осознания появлением потребности в осознании — это то же самое, что объяснить происхождение крыльев у птиц появлением потребности летать (Выготский, 1956).

Кардинальный шаг в развитии представлений о сущности неосознаваемых регуляторов деятельности был сделан в советской психологии. Не излагая здесь всего массива экспериментальных и теоретических исследований этого пласта бессознательного, укажем только на те два направления, в которых велись эти исследования.

В генетическом аспекте изучение «предсознательного» было неразрывно связано с анализом проблемы развития произвольной регуляции высших форм поведения человека. «Произвольность в деятельности какой-либо функции является всегда оборотной стороной ее осознания», — писал один из идейных вдохновителей и родоначальников этого направления Л. С. Выготский [12]. В свете изложенного выше понимания бессознательного как формы психического отражения, в которой субъект и мир представляют одно нераздельное целое, особенно очевидной становится необходимость столь жесткого увязывания Л. С. Выготским между собой произвольности и осознанности деятельности человека. Ведь произвольность всегда предполагает контроль со стороны субъекта за своим поведением при наличии намерения осуществить желаемый им акт поведения, подчинить то или иное поведение, например, запоминание своей власти. Но для такого контроля, как минимум, необходимо как бы бросить взгляд на свое собственное поведение со стороны, противопоставить себя окружающей действительности. Там, где нет произвольного контроля, там нет противопоставления себя миру, а тем самым нет осознания. Проблема произвольности — осознанности поведения была подвергнута глубокому анализу в известных работах по произвольной и непроизвольной регуляции деятельности [15, 16].

В функциональном плане изучение неосознаваемых регуляторов деятельности непосредственно вписывается в проблему автоматизации различных видов внешней и внутренней деятельности. Так, А. Н. Леонтьевым проанализирован процесс превращения в ходе обучения действия, направляемого осознаваемой предвидимой целью, в операцию, условия осуществления которой только «презентируются» субъекту. В основе осознания, таким образом, лежит изменение места предметного содержания в структуре деятельности, являющееся следствием процесса автоматизации — деавтоматизации деятельности. Это

положение радикально отличается от представлений о динамике осознания в интроспективной психологии сознания. Если интроспективный психолог ищет причину изменения состояний сознания внутри самого сознания, то для представителей деятельного подхода к «физиологии активности» ключ к изменению состояний сознания — в самом движении деятельности, ее развитии, ее автоматизации и дезавтоматизации. В ходе процесса автоматизации происходит стирание грани между субъектом и объектом, растворение субъекта в деятельности. Н. А. Бернштейн приводит яркий пример такого слияния субъекта с миром, происходящего в процессе автоматизации деятельности, обращаясь к фрагменту из произведения Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: «Чем далее Левин косил, тем чаще и чаще чувствовал он минуты забытья, при котором уже не руки махали косой, а *сама коса двигала за собой*... полное жизни тело, и как бы по волшебству, без мысли о ней, работа, правильная и отчетливая, делалась сама собой» (Л. Н. Толстой).

В основе функционирования автоматизированных форм поведения лежат операциональные установки и стереотипы. Проведенные с позиции представлений об уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности исследования позволили экспериментально выявить две существенно отличающиеся неосознаваемые формы регуляции автоматизированного поведения [23]. Было показано, что традиционно изучавшиеся классическим методом фиксации установки Д. Н. Узнадзе относятся к так называемым *установкам на целевой признак*, т. е. признак сравниваемых установочных объектов, который с самого начала осознается субъектом. Установки на целевой признак лежат в основе «сознательных операций» (А. Н. Леонтьев), которые возникли вследствие автоматизации действия. Такого рода сознательные операции возникают в ходе неоднократных повторений действия, например, при обучении вождению автомобиля, косьбе или письму. Содержание цели действия, вначале осознаваемое субъектом, занимает в строении другого, более сложного действия место условия его выполнения. Вследствие изменения места цели в структуре деятельности, сдвига цели на условие, происшедшего при автоматизации действия, данное действие превращается в сознательную операцию. По своему происхождению сознательные операции появляются вследствие автоматизации действий; по способу регуляции сознательные операции — потенциально произвольно контролируемые; по уровню отражения — вторично неосознаваемые (при появлении затруднений в ходе их осуществления могут осознаваться); по динамике протекания — гибки, лабильны. Таковы черты сознательных операций. Установки на целевой признак, регулирующие протекания сознательных операций, если говорить в терминологии Д. Н. Узнадзе, исходно принадлежат плану объективации. Иными словами, основной массив экспериментальных исследований школы Д. Н. Узнадзе посвящен изучению особенностей именно этих лишь *вторично неосознаваемых установок*, установок на целевой признак. От вторично неосознаваемых установок на целевой признак принципиально отличаются *операциональные установки на неосознаваемый признак* (иногда говорят «иррелевантный признак»). Эти установки регулируют *приспособительные операции*. Приспособительные операции относятся к реактивному иерархически самому низкому уровню реагирования в структуре деятельности субъекта. Они возникают в процессе непроизвольного подражания или прилаживания, подгонки к предметным условиям ситуации, например, приспособления ребенка к языковым условиям, в результате которого усваиваются различные грамматические формы, используе-

мые в речевом общении. Приспособительные операции характеризуются тремя следующими свойствами: по способу регуляции приспособительные операции — непроизвольны; по уровню отражения — изначально неосознаваемы; по динамике протекания — косны, ригидны. В экспериментальном исследовании М. Б. Михалевской было выявлено, что установки, выработанные на побочный неосознаваемый признак, существенно отличаются от установок на целевой признак по выраженности иллюзии фиксированной установки. Оказалось, что установочный эффект, обусловленный установкой на неосознаваемый признак, гораздо сильнее и потому дольше сохраняется, чем эффект установки на целевой признак [23]. Полученные данные представляют троякий интерес. Во-первых, четко выявлена зависимость основных свойств установки от места установочного признака в структуре деятельности. Во-вторых, показано, что за установками на целевой признак, изучаемыми в школе Д. Н. Узнадзе, стоит иная психологическая реальность, чем за установками на операциональный иррелевантный признак. Эти факты, тем самым, подтверждают положение о существовании разных установок по параметру степени осознанности того признака, на который они фиксируются, и, тем самым, переводят в плоскость экспериментальных исследований старую дискуссию о неосознаваемых и осознаваемых установках [67]. В-третьих, в будущем выделенные установочные эффекты могут быть использованы в качестве лакмусовой бумажки того, с каким уровнем деятельности в экспериментах мы имеем дело — с действием, автоматизировавшимся в сознательную операцию, т. е. с пластом активной регуляции в деятельности, или же с приспособительной операцией, выражающей пласт реактивной адаптации субъекта к действительности.

4. Неосознаваемые резервы органов чувств

При анализе проблемы определения порогов ощущения, диапазона чувствительности человека к разным внешним раздражителям были обнаружены факты воздействия на поведение таких раздражителей, о которых он не мог дать отчета (И. М. Сеченов, Г. Т. Фехнер). Для обозначения разных аспектов этих субъективно неосознаваемых подпороговых раздражителей предложены понятия «предвнимания» (У. Найссер) и «субсенсорная область» (Г. В. Гершуни). Процессы «предвнимания» связаны с переработкой информации за пределами произвольно контролируемой деятельности, которая, непосредственно не затрагивая цели и задачи субъекта, снабжает его полным неизбирательным отображением действительности, обеспечивая приспособительную реакцию на те или иные еще не распознанные изменения ситуации (например, так называемый феномен «шестого чувства» — что-то остановило, что-то заставило вздрогнуть и т. п.). Психофизиологической основой процессов предвнимания являются субсенсорные раздражители. Субсенсорной областью названа зона раздражителей (неслышимых звуков, невидимых световых сигналов и т. п.), вызывающих непроизвольную объективно регистрируемую реакцию и способных осознаваться при придании им сигнального значения. Изучение процессов предвнимания и субсенсорных раздражителей позволяет выявить резервные возможности органов чувств человека, зависящие от целей и смысла решаемых им задач. На примере анализа проявлений этого класса неосознаваемых психических процессов явно выступает адаптивная функция бессознательного в целенаправленной деятельности человека.

Развитие представлений о природе бессознательного, специфике

его проявлений, механизмах и функциях в регуляции поведения человека является необходимым условием создания целостной объективной картины психической жизни личности.

*
* *

Самое важное и вместе с тем очевидное, к чему мы приходим при анализе сферы бессознательного с позиций деятельного подхода, заключается в том, что три пути к изучению психики человека вовсе не представляют собой трех параллельных прямых, которым не суждено пересечься в пространстве научного мышления современной психологической науки. Сегодня совершенно ясно, что благодаря взаимопроникновению подходов, связанных с исследованием бессознательного, деятельности и установки, каждый из них в буквальном смысле слова обретает свое второе дыхание. Деятельностный подход, если он и дальше будет настороженно относиться к богатейшей феноменологии бессознательного, окажется не в состоянии объяснить многие факты, касающиеся закономерностей развития и функционирования мотивационно-смысловой сферы личности, познавательных процессов, различных автоматизированных видов поведения. Ведь старый образ, олицетворяющий сознание с верхушкой айсберга, в процессе психической регуляции деятельности, — это не только красивая метафора. Он наглядно отражает реальное соотношение осознаваемого и неосознаваемого уровней психики в регуляции деятельности, в жизни человека. Вот поэтому исследования познания, личности, динамики межличностных отношений, оставляющие за бортом неосознаваемый уровень регуляции деятельности, являются по меньшей мере однобокими. В свою очередь, только выявив функциональное значение бессознательного и установки в процессе регуляции деятельности, мы сможем глубже проникнуть в природу этих проявлений психической реальности. Именно анализируя бессознательное и его функцию в деятельности человека, мы приходим к позитивной характеристике бессознательного как уровня психического отражения, *в котором субъект и мир представлены как одно неделимое целое.* Установка же выступает как форма выражения в деятельности человека того или иного содержания — личностного смысла или значения, которое может быть как осознанным, так и неосознанным. Функция установки в регуляции деятельности — это обеспечение целенаправленного и устойчивого характера протекания деятельности личности.

Анализ бессознательного с позиций теории деятельности позволяет, во-первых, наметить те проблемы и направления, в русле которых изучались явления выделенных нами классов (проблема передачи и усвоения опыта; проблема детерминации деятельности; проблемы произвольной регуляции высших форм поведения и автоматизации различных видов внешней и внутренней деятельности; проблема поиска диапазона чувствительности), во-вторых, вычленить в пестром потоке этих явлений четыре качественно различных класса (надиндивидуальные надсознательные явления, неосознаваемые мотивы и смысловые установки личности, неосознаваемые механизмы регуляции способов деятельности, неосознаваемые резервы органов чувств) и обозначить генезис и функцию явлений разных классов в деятельности субъекта. Необходимость содержательной характеристики бессознательного как формы психического отражения, в которой субъект и мир представляют одно неразрывное целое, а также подобной классификации неосознаваемых явлений состоит в том, что нередко встречающееся противопоставление всех трех разнородных явлений ужи-

вается с полной утратой их специфики, что существенно затрудняет продвижение на нелегком пути их изучения. Между тем лишь выявление общих черт и специфики этих «утаенных» планов сознания (Л. С. Выготский) позволит найти адекватные методы их исследования, раскрыть их функцию в регуляции деятельности и тем самым не только дополнить, но и изменить существующую картину представлений о деятельности, сознании и личности.

AT THE CROSSROADS OF THE STUDY OF THE HUMAN MIND: THE UNCONSCIOUS, SET, GOAL-DIRECTED ACTIVITY

A. G. ASMOLOV

Moscow State University, Department of Psychology, Moscow

SUMMARY

The author considers the genesis, functions, and specific features of different unconscious phenomena in the light of the general psychological theory of acting. A positive definition of the unconscious as a special level of psychical reflection is proposed, in which the subject and the world present one indissoluble whole. The interrelations of goal-directed acting, the unconscious and set are discovered. Proceeding from the fundamental principles of the theory—assumptions that psychological activity is thing-bound and that psychical reflection of an object is determined by its place in the structure of the action performed by the reflecting person—the author outlines three classes of unconscious phenomena: (a) supraindividual supraconscious phenomena, (b) unconscious motives and personal meaning attitudes, and (c) unconscious mechanism of the subject's control of his actions and operations. The problem and directions of research in the context of which the phenomena corresponding to these classes have been studied are described—particularly the problem of acquisition and transfer of experience, the problem of determination of activity at the personality level, the problem of voluntary control of higher forms of behaviour, and the problem of automatization of different kinds of internal and external activity.

ЛИТЕРАТУРА

1. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф., Соч., т. 23, с. 93.
2. АВТОНОМОВА Н. С., О некоторых философско-методологических проблемах психологической концепции Жака Лакана. В коллективной монографии: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. 1. Тбилиси, «Мецниереба», 1978, с. 418—425.
3. АСМОЛОВ А. Г., Деятельность и установка, М., 1979, 151.
4. АСМОЛОВ А. Г., Основные принципы психологического анализа и теории деятельности. Вопросы психологии, 1982. № 2, 14—27.
5. АСМОЛОВ А. Г., О предмете психологии личности. Вопросы психологии, 1983, № 3, 116—125.
6. БАССИН Ф. В., Проблема «бессознательного», М., 1968, 449.
7. БАССИН Ф. В., У пределов распознаного: к проблеме предречевой формы мышления. В коллективной монографии: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III. Тбилиси, «Мецниереба», 1978, 735—750.

8. БАССИН Ф. В., О современном кризисе психоанализа. В кн.: Шерток Л.—Непознанное в психике человека, М., 1982, 5—27.
9. БАССИНА Е. З., НАСИНОВСКАЯ Е. Е. Роль идентификации в формировании альтруистических установок личности. Вестник Московского университета, Серия, 14, Психология, 1977, № 4, 33—41.
10. БЕРНШТЕЙН Н. А., Очерки по физиологии движений физиологии активности, М., 1966, 352.
11. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Размышления натуралиста, М., 1977, 192.
12. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Избранные психологические произведения, М., 1956, 520.
13. ВЫГОТСКИЙ Л. С., ЛУРИЯ А. Р. Этюды по истории поведения, М.—Л., 1930, 231.
14. ГЕРШУНИ Г. В. О количественном изучении пределов действия неощущаемых звуковых раздражителей. Проблемы физиологической акустики, т. 2. 1950.
15. ЗАПОРОЖЕЦ А. В. Развитие произвольных движений, М., 1960, 200.
16. ЗИНЧЕНКО В. П., Непроизвольное запоминание, М., 1961, 564,
17 ЗИНЧЕНКО В. П., Деятельность и установка: нужна ли парадигма? В коллективной монографии: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. I, Тбилиси, 1978, 133—146.
18. ЛЕВИ—БРЮЛЬ Л., Первобытное мышление, М., 1930, 341
19. ЛЕКЛЕР Ж., Бессознательное: иная логика. В колл. монографии: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. 3, Тбилиси, 1978.
20. ЛЕОНТЬЕВ А. Н., Избранные психологические производения в 2-х томах, М., 1983.
21. ЛЕОНТЬЕВ А. Н., ЗАПОРОЖЕЦ А. В. Восстановление движений, М., 1945, 332.
22. ЛОССКИЙ П. О., РАДЛОВ Э. Л., (ред.). Бессознательное. Новые идеи в философии. 1914, № 5, 144.
23. МИХАЛЕВСКАЯ М. Б., Экспериментальное исследование эффектов установки в русле теории деятельвости. В сб.: А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983 183—191.
24. НАЙССЕР У., Познание и реальность, М., 1981, 226.
25. НАЛИМОВ В. В., Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. В колл. монографии: «Бессознательное: природа, функции, методы исследования», т. III Тбилиси, 1978, 286—292.
26. ПИАЖЕ Ж., Речь и мышление ребенка, М.—Л., 1932.
27. РУБИНШТЕЙН С. Л., Принципы и пути развития психологии, М., 1959.
28. СУББОТСКИЙ Е. В., Изучение у ребенка смысловых образований. Вестник Московского университета, Серия 14, Психология. 1977, № 1, 62—72.
29. УЗНАДЗЕ Д. Н., Психологические исследования, М., 1966.
30. ФРЕЙД З., Я и Оно, М., 1924.
31. ФРЕЙД З., О «диком» психоанализе. В кн.: З. Фрейд. Методика и техника психоанализа. М., 1923, 46—51.
32. ШЕРОЗИЯ А. Е., Сознание, бессознательное психическое и система фундаментальных отношений личности: предпосылки общей теории. В колл. монографии: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III. Тбилиси, 1978, 351—389.
33. ЯРОШЕВСКИЙ М. Г., Надсознательное в научном творчестве и генезис психоанализа Фрейда. В колл. монографии: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III, Тбилиси, 1978, 414—421.
34. A Comprehensive Dictionary of Psychological and Psychoanalytical Terms (Ed. by H. B. English and A. Ch. English), Longmann, 1958, p. 594.

О ПРИНЦИПЕ «СОЦИАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ» Г. АММОНА

(Некоторые сопоставления методологических категорий и их анализ)

Ф. В. БАССИН, В. С. РОТЕНБЕРГ, И. Н. СМИРНОВ

НИИ неврологии АМН СССР, Москва
I Московский медицинский институт, Москва
Институт философии АН СССР, Москва

ОТ РЕДАКЦИИ

Проф. Г. Аммон, являющийся директором Германской Академии Психоанализа и Президентом Международной ассоциации динамической психиатрии, был участником Тбилисского симпозиума по проблеме бессознательного, и выступил на нем с докладом (основные обосновываемые Г. Аммоном идеи изложены им во многих статьях и в нескольких крупных монографиях, в частности, в Handbuch der Dynamischen Psychiatrie, Bd. 2. 1982, München, Er. Reinhardt Verlag). Настоящая статья является откликом на некоторые идеи Г. Аммона и его сотрудников и была опубликована в журнале Dynamische Psychiatrie, 1983, №№ 1—2. На русском языке статья публикуется впервые.

1. Основные теоретические представления т. н. динамической психиатрии были созданы Г. Аммоном и его школой в результате длительно накапливавшегося и успешного опыта лечения больных с психическими и соматическими нарушениями. Эти представления могут способствовать преодолению наблюдающегося в наши дни характерного кризиса психоанализа и открывают перспективы для более глубокого понимания природы психики, поведения и болезней человека.

Сдвиги эти оказались возможными потому, что Г. Аммон сумел преодолеть догматизм как ортодоксального психоанализа, так и некоторых традиционных психологических и психиатрических трактовок и оригинально подойти к проблемам, которые на протяжении уже десятилетий страстно (но не очень продуктивно) обсуждаются в рамках т. н. «глубинной» психологии. Мы хотели бы сразу же отметить и то обстоятельство, что исходные концепции Г. Аммона оказались в некоторых отношениях принципиально близкими к методологическим положениям, неоднократно выдвигавшимся ведущими советскими психологами (Д. Н. Узнадзе, Л. С. Выготским и его учеником А. Н. Леонтьевым, а также одним из наиболее ярких представителей советской нейрофизиологии Н. А. Бернштейном). Этот момент был отмечен самим Г. Аммоном в сообщении, сделанном им на Международном симпозиуме по проблеме бессознательного, состоявшемся в 1979 г. в г. Тбилиси.

Второе обстоятельство, на которое мы хотели бы указать в этой вступительной части настоящей статьи, заключается в том, что катего-

риальный аппарат динамической психиатрии оказался очень своеобразным и потому нелегким для ясного понимания. Думается, что именно этот факт обусловливает определенные трудности, на которые наталкиваются идеи динамической психиатрии при попытках сторонников этого направления расширить круг его влияния.

В этой связи мы хотели бы остановиться далее на одном из основных принципов динамической психиатрии — на принципе т. н. «социальной энергии», уточняя наше внимание этого оригинального принципа и роль, которую он призван, по-видимому, играть в дальнейшем развитии наук о природе, душевной жизни и поведении человека.

2. Не вызывает сомнений, что принцип «социальной энергии» — это одна из основных и вместе с тем наиболее трудных для адекватного осмысления теоретических категорий всей созданной Г. Аммоном концептуальной системы. В чем причины этой трудности?

Чтобы лучше это понять, следует обратиться к некоторым уже пожелтевшим от времени страницам истории психоанализа.

Говоря о принципе социальной энергии, Аммон неоднократно дает его определение в простых, легко доступных, как бы нарочито «ненаучных» выражениях («социальная энергия — это сила и крепость, которые люди могут взаимно давать друг другу»; «передавать (другому) социальную энергию не означает ничего иного, как понимать этого другого, проявлять интерес к нему, участвовать в его жизни, серьезно к нему относиться, входя в его опасения, заботы, трудности и давая тем самым ему то, чего он, возможно, никогда в жизни не получал»; «социальная энергия — это межчеловеческая психическая[1] энергия... (она) всегда создается группой, обусловливая возможность развития «Я — структуры» конкретного человека, творя эту «Я — структуру»; «социальная энергия — это психологическая энергия, которая возникает на основе межчеловеческих отношений, связанных со значимыми (для данного человека) контактами»; «лишаясь социальной энергии, человек умирает, если он не располагает или еще не располагает силами и возможностями сам для себя эту социальную энергию добывать», и т. д. и т. д.).

Мы привели эти определения потому, что они косвенно обращают мысль к труднейшей проблеме, которая возникла перед Фрейдом еще на заре разработки им психоаналитической концепции, проблеме, над которой он бился, по существу, всю свою жизнь и которая так и осталась им не разрешенной. Мы имеем в виду концепцию «психической энергии», которая, по справедливому указанию Р. Р. Хольта, «центральна для всей фрейдовской метапсихологии» [7, 1].

Прослеживая последние работы Аммона, нельзя не обратить внимания на то, что он лишь очень бегло останавливается на отношении разработанной им категории энергии «социальной» к представлениям Фрейда об энергии «психической». И эту его позицию легко понять, поскольку было бы грубой ошибкой видеть в идее «психической энергии» Фрейда какой-то прототип или хотя бы «логический предстадий» формирования идеи энергии «социальной» Аммона. Гораздо правильнее понимать взаимоотношение этих идей как принциальное отрицание, отклонение Аммоном того смысла, который настойчиво пытался придать идее «психической энергии» Фрейд. Но именно поэтому для более глубокого понимания интерпретации Аммоном идеи энергии «социальной» важно отчетливо представлять, что именно имел в виду Фрейд, когда он говорил о реальности «психической энергии», и, главное, каковы причины, по которым, несмотря на всю проницательность ума этого, безусловно, крупного ученого,

[1] Разрядка наша. Авт.

превратить идею энергии психической в концепт «работающий», в продуктивное операциональное понятие психологии, ему, невзирая на огромные усилия, так и не удалось. Обратимся поэтому в двух словах к истории идеи «психической энергии» Фрейда.

3. Во многих работах по истории психоанализа эволюция этой идеи хорошо прослеживается и отчетливо показывается во вновь и вновь повторяющихся, явно мучительных для Фрейда сомнениях: как же все-таки эту идею следует раскрыть. Первый этап на этом пути это — «Проект». Здесь Фрейд выступает (это хорошо известно) как адепт довольно грубой механистической методологии, широко распространенной в конце XIX века. Психическая активность сводится для него, в своих субстратных основах, к движению материальных частиц, определяемому теми же видами энергии, которые существуют в мире неорганическом. Однако, согласно широко принятым в литературе толкованиям, Фрейд вскоре после создания «Проекта» отбрасывает механистическую доктрину физикалистской физиологии и создает теорию гипотетического психического аппарата, активность которого — психическая энергия — замещает для него концептуально на долгие годы активность реального мозга и физиологически понимаемой нервной системы.

Это был, несомненно, очень резкий поворот в развитии идей Фрейда. Но был ли он окончательным и бескомпромиссным? Р. Хольт, уделивший много внимания историческому аспекту этого вопроса, высказывает в этой связи интересные мысли. Чисто психологические схемы, говорит он, в которых законы поведения дедуцируются из свойств только психологически понимаемой «психической энергии», возможно выигрывают в отношении последовательности, внутренней логической непротиворечивости, но они осуждают исследователя на ограниченность возможностей приложения теоретических представлений, так как оказываются «работающими» в рамках только узкого круга вопросов, вытекающих из самой же этой «чисто психологической» интерпретации. И они очень мало продуктивны при анализе множества проблем, которые возникают, когда рассматривается реальное поведение человека в условиях нормы и особенно клинической патологии.

Фрейд при его способности к необыкновенно тонкому клиническому анализу не мог этого не видеть, и именно отсюда его многочисленные, повторяющиеся на протяжении многих лет оговорки, из которых следует, что его отказ от идей «Проекта» — это прием скорее тактический, чем стратегический, что пользование психологическими моделями и рассмотрение, в частности, «психической энергии» как категории чисто психологической — это для него вынужденное и временное «отступление» в процессе научного анализа, что «психическая топография» только «в настоящее время» не имеет отношения к анатомии и т. д. Приводя эти оговорки, Хольт резюмирует отношение Фрейда к «чисто» психологическим моделям в выражениях негативных и резких, подчеркивая, что эти модели как окончательный продукт анализа Фрейда никогда, если говорить строго, не удовлетворяли[2].

---

[2] „Our psychical topography has for the present nothing to do with anatomy"—Freud S. The Unconscious, 1915 (St. ed. L., 1957, v. 14, 175); „We must recollect that all our provisional ideas in psychology will presumably some day be based on an organic substructure" — Freud S. On Narcissism, 1914 (St. ed., L., 1957, vol. 14, 78); „The phenomena we have to deal with (in psychoanalysis) do not belong only to psychology; they have also an organic and biological aspect", — Freud S. An Outline of Psychoanalysis, N. Y., Norton, 1949, 103.

4. В чем же заключались причины этого своеобразного воздержания Фрейда от поспешной и последовательной «материализации» основных представлений психоанализа, крайняя осторожность, которую он при этом проявлял, хотя истолкование «психической энергии» как категории чисто психологической его явно не устраивало?

Этот вопрос вводит in medias res основной интересующей нас проблемы: проблемы взаимоотношения категорий «энергии социальной» и «энергии психической», т. е. взаимоотношения между позициями Аммона и Фрейда.

Чтобы его разрешить, мы вынуждены будем предпринять очень краткое отступление в область философии. Оно необходимо для дальнейшего.

Можно ли в одной фразе резюмировать то наследие, которое величественный в своих творческих достижениях XIX век передал нашему взволнованному, тревожному XX веку для дальнейшего развития как методологическое credo при рассмотрении психо-физиологической проблемы?

Мы вряд ли будем не точны, если определим это наследие как идею необходимости качественного разграничения между теми механизмами, которые реализуют мысль (психическую деятельность, душевную жизнь) и теми факторами, которые эту мысль направляют. Если первые уводят в область наук биологических (в их широком понимании), то вторые — в область столь же широко понимаемых наук социальных. Эта идея парадоксально как бы объединяла в философии первой половины нашего века направление диалектико-материалистическое с направлениями скрыто и явно идеалистическими (от Шпрангера до Сонди). В оппозиции к ней оставались течения только грубо механистической ориентации.

Но мыслилось ли такое разграничение как абсолютное, радикальное? Ну, конечно, нет. «Направлять» мысль могут факторы не только социальные, но и биологические (голод, страх, секс) и при том тем с большей силой, чем «витальнее» (жизненно необходимее) вызываемые ими формы активности. Но уже этими словами подчеркивается и противоположная тенденция: чем эти формы активности «выше», специфичнее для человека, тем в большей степени ведущая роль в придании им определенной содержательной направленности переходит к социальному. Единственная фраза Маркса, которую мы позволим себе в этой связи напомнить: «Сущность «особой личности» (разрядка наша. — Авт.) составляет не ее борода, не ее кровь, не абстрактная физическая природа, а ее социальные качества» [1, 242]. Здесь сказано скупо, но сказано все.

Конечно, теория этого разграничения между «реализующим» и «направляющим» требует, как и всякий другой философский подход, чувства меры и такта. Если же подобные качества исследователя не характеризуют, то легко возникает при рассмотрении «проблемы человека» смешение категорий «природы» и «сущности», соскальзывание на позицию либо упрощенного натурализма, либо вульгарной социологизации. И, возможно, именно поэтому так трудна эта проблема, стоящая в центре ожесточенных дискуссий на протяжение уже долгих десятилетий и тем не менее еще далекая от окончательного решения.

5. Было бы, конечно, недопустимым утверждать, что в системе представлений Фрейда не проводится определенная дифференциация между механизмами, реализующими активность бессознательного и сознания, с одной стороны, и факторами, направляющими каждую из обеих этих форм психической деятельности, с другой.

Однако — и это является одной из наиболее характерных особенностей всей исходной системы представлений Фрейда, по крайней мере Фрейда молодого, — обсуждая вопрос о природе факторов «направляющих», он, этот великий biologist of the Mind (название опубликованной недавно весьма интересной монографии Sulloway [11]) усматривает весьма часто, если не всегда, ближайшую детерминацию факторов, «направляющих» мысль, в теории тех же механизмов, которые эту мысль «реализуют», т. е. по существу в теории механизмов биологических. Объяснение, например, динамики вытеснений динамикой сопротивлений; объяснение причин движения и силы аффектов напряженностью лежащих в их основе катексисов; сведение Эдипова комплекса к системе генетически преформированных влечений; объяснение клинических синдромов врожденным механизмам коверсии, — и таких форм объяснения психологического и психопатологического через их *сведение* к физиологическому и биологическому у Фрейда множество.

Само по себе выявление ближайших физиологических детерминат психопатологических феноменов во многих случаях, конечно, весьма ценно, но беда в том, что мысль Фрейда обычно и останавливается на выявлении этих *ближайших* причин, не восходя к причинам, более отдаленным (т. е. социальным). Альтернативой такого понимания для Фрейда оставался только чистый «психологизм», методологическую слабость которого, как и неисчислимые трудности, которые вызывает опора на него, Фрейд, неоспоримо, хорошо понимал.

6. Теперь мы можем сформулировать ответ на основной поставленный выше вопрос. Коренным отличием позиции Аммона от исходных представлений Фрейда является то, что он (Аммон), проводя принципиальное разграничение между механизмами, реализующими работу мозга, и факторами, направляющими психическую жизнь человека, перешел к рассмотрению последних, как имеющих социальный характер и выражающихся, прежде всего, во влияниях, оказываемых на индивида микро- и макрогруппой, в состав которой индивид включен. В настоящем, ограниченном по объему, сообщении мы не станем, конечно, рассматривать широкий спектр этих влияний, их качественных различий, патогенетической и психотерапевтической роли. Все это многократно и талантливо было описано как самим Г. Аммоном, так и его учениками и последователями.

Нам хотелось бы в заключительной части настоящего сообщения задержаться поэтому на двух других моментах: на скрытом смысле самого, введенного Аммоном, термина «социальная энергия» и в тесной связи с этим вопросом — на духе глубокого гуманизма, которым проникнута вся созданная Аммоном концептуальная конструкция.

7. Мы видели, что основным предметом анализа являются для Аммона «влияния», оказываемые группой на составляющих ее индивидов. Но в какой степени философски и лингвистически допустимо определять эти влияния как эффекты *энергетические* — как «передачу» энергии, как «снабжение» ею, как ее «недостаток», «дефицит» и т. п.? Совершенно очевидно, что Аммон прибегает в данном случае к языку метафор. Но тому, кто подходит к этому языку без предубеждения, становится вскоре ясным, что за этими метафорами скрыта очень глубокая мысль, которая полностью оправдывает подобный образный стиль ее выражения.

Основной факт — назовем его условно «фактом Аммона»: человечное, сочувственное, серьезное отношение к индивиду, доброжелательное сопереживание с ним его забот и тревог, внимание к нему оказывает положительное влияние на поведение индивида, оптимизирует его связи с миром, раскрывает, активизирует его потенции, а если

речь идет о больном, то способствует и преодолению болезни. Такого рода эффекты возможны, однако, очевидно, только в том случае, если эмпатически ориентированные воздействия отвечают какой-то глубокой потребности индивида, способствуют удовлетворению этой потребности, которая может индивидом осознаваться ясно, осознаваться смутно и даже, отнюдь не теряя из-за этого своей остроты и настоятельности, не осознаваться вовсе.

Надо думать, что постулат существования у здорового человека и, тем более, у невротика потребности в такой эмоциональной связи с окружающим миром, такой «вписанности» в этот мир и, прежде всего, в мир окружающих его людей, — это логическая основа всего созданного Аммоном психологического подхода, подлинный теоретический фундамент всей разработанной им психотерапевтической системы. И это вместе с тем — серьезный шаг в направлении раскрытия основных принципов организации душевной жизни человека, игнорирование которых может иметь и уже неоднократно имело и в клинике, и в повседневной жизни неисчислимые отрицательные последствия.

Хорошо ли мы, однако, понимаем причины, порождающие эту неустранимую потребность в эмпатии, в сочувственном сопереживании с другим человеком того, что нас тяготит или тревожит? Хорошо ли мы понимаем, почему в клинике такое сочувственное отношение к больному — это первый шаг, с которого должно начинаться лечение, почему, говоря словами, которые Аммон заимствует у Тургенева, «перед чужим холодным взглядом душа раскрываться не станет»? Можем ли мы рационально разъяснить, почему адекватная, хотя бы и неосознаваемая, эмоциональная, «чувственная» связь с миром других людей — это витальная необходимость для человека, при длительном неудовлетворении которой он умирает (мы лишь повторяем здесь полемически заостренную формулировку Аммона, с которой принципиально согласны) так же, как он умирает при отсутствии воздуха и еды?

Это —огромная психологическая, культурно-историческая, социальная и клиническая проблема, научное исследование которой вряд ли может считаться на сегодня хотя бы только начатым. Вместе с тем, как мы уже упомянули, это — проявление одного из фундаментальных принципов организации душевной жизни человека, принципа, который долгое время оставался нераспознанным академической психологией, но мимо которого не могли пройти великие мастера художественного слова, отражающие душевную жизнь человека не столько в рациональных категориях, сколько в образах, творимых ими на основе интуитивного постижения правды окружающего их мира. И в классической художественной литературе мы находим тому бесконечный ряд ярких примеров.

Один из таких примеров мы и хотели бы сейчас привести. Это — истолкование, данное однажды Ф. М. Достоевским центральной идее его всемирно известного романа «Преступление и наказание». Оно содержится в письме, направленном Достоевским Каткову, редактору журнала «Русский вестник», с предложением опубликовать это произведение [5].

Характеризуя идею романа, Достоевский полностью связывает ее с существованием у Раскольникова сильнейшей нравственной потребности («примкнуть к людям», «примкнуть» любой ценой, хотя бы ценой гибели на каторге), которую Раскольников осознает, однако, только после того, как убивает старуху. Это было «чувство им не подозреваемое и неожиданное», «он ощутил его тотчас же по совершении преступле-

ния», и оно «замучило его». Мысль о том, что это не осознавшееся ранее чувство, этот «нравственный призыв» не порожден злодеяниями, а представляет собой, вопреки его неосознаваемости, неотделимый элемент морального облика Раскольникова и в период, предшествовавший убийству, подается Достоевским как центральная в этическом плане идея романа. Именно в этой мысли весь, по существу, пафос этого гениального произведения, гениального именно потому, что оно с небывалой яркостью раскрыло потрясающую мощь установок, влечений, которые могут существовать в душе человека, оставаясь, однако, до поры до времени совершенно не осознаваемыми их субъектом.

В данном случае это — нравственная установка именно на нерасторжимость эмоциональной связи с другими людьми, на невозможность жить, когда эта связь обрывается.

А если вдуматься, то разве не в сходном пробуждении ранее не осознававшейся потребности быть чувственно «слитым», эмоционально «спаянным» с другими людьми (или с другим человеком), потребности иметь «возможность эмоционального доступа» к другим людям — центральная идея и таких монументальных произведений, как «Воскресение» и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого?

8. Несколько слов по поводу психологических факторов и механизмов, объясняющих потребность индивида в эмоциональном «слиянии» с окружающим его миром и то примечательное обстоятельство, что потребность эта была впервые выявлена не учеными, психологами, врачами, а деятелями искусства, классиками художественной литературы. Этот исторический феномен обусловлен самой природой эмоционального общения, которое основано гораздо в большей степени на передаче и восприятии весьма порой трудно формализуемых многозначных «смыслов», чем однозначных формальных (абстрактных, «научных», дискретных) значений. Хорошо известные трудности, с которыми мы сталкиваемся при попытках вербализовать и однозначно определять эмоциональные отношения, также объясняются во многом именно этой их неформальной многозначительностью, их неразрывной связью с порождаемыми ими и представленными в их структуре «индискретными смыслами», а если говорить обобщенно, — их «смыслообразующей функцией» [2; 3; 4; 6].

Согласно нашим представлениям [9], специфика образного мышления, преобладающего у людей искусства, как раз и состоит в организации многочисленных и многозначных смыслообразующих связей между «Я» субъекта и явлениями объективного мира. Именно способность к организации подобных связей, без которой эмоциональное общение невозможно и которая развивается в процессе этого общения, обеспечивает интеграцию индивида с миром, чувство неразрывной слитности с последним, что является необходимым условием не только творческого взаимодействия с окружающим, но и поддержания физического здоровья. Когда субъект ощущает себя органичной частью мира, это делает невозможным существование антагонистических противоречий между ним и миром и смягчает аналогичные противоречия в душевной жизни самого субъекта. Кроме того, восприятие мира во всей его многозначительности способствует нахождению субъектом новых нетривиальных путей для разрешения любых его эмоциональных конфликтов.

В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что для больных неврозами и психосоматозами характерно обеднение именно образного мышления, ослабление способности к организации многозначных

«контекстуальных», трудно формализуемых связей. Исследования психоаналитиков, в том числе в рамках динамической психиатрии, указывают на нарушение эмоциональных связей в первичной группе как на возможную причину этого дефекта. Идентификация, лежащая в основе эмпатии, — это та же способность к восприятию многозначного смысла чужих переживаний, к установлению многозначных связей между собой и другими. Аммон поэтому, несомненно, прав, подчеркивая, что «социальная энергия» возникает в процессе установления эмоциональных связей, что для ее передачи важен телесный, чувственный контакт, язык жестов и тональности речи, а не только формально логическая сторона последней.

Известно также, что для больных психосоматозами характерна затрудненность непосредственного установления эмоционального контакта, элекситемия — неспособность воспринимать и сообщать другим свои ощущения, ограниченность воображения (фантазии), обеднение сновидений. И таких примеров скрытой связи нарушений образного мышления с различными формами психосоматической патологии можно привести немало.

9. Понимание роли социальных отношений в установлении многозначных связей с миром позволяет по-новому взглянуть не только на сущность и задачи психотерапии, но и более глубоко осмыслить наметившиеся в последние годы характерные особенности ее эволюции.

Хорошо известно, что в самой психоаналитической литературе наметился в наши дни серьезный кризис доверия к основным концепциям и постулатам, объясняющим достигаемые на основе психоанализа лечебные эффекты. На смену классическим теоретическим построениям, оперирующим такими понятиями, как символическая переработка переживаний, сопротивление устранению вытеснения, доведение до сознания неосознаваемых комплексов и мотивов, все чаще приходит парадоксально простая мысль, что основой любой формы психотерапии является взаимно положительный эмоциональный контакт врача с больным, доверие и приязнь больного к врачу, которые всегда являются только откликом на безошибочно угадываемую больным приязнь врача к нему, готовность понять его и помочь ему. Различия конкретных психотерапевтических методов не имеют в данном случае существенного значения, и классический психоанализ как метод исцеления не обнаруживает во всяком случае решающего преимущества перед другими, теоретически менее разработанными подходами, даже если он существенно превосходит их — а это неоспоримо — по глубине понимания причин болезней.

Говорят, что понять — это наполовину простить. Возможно. Но для того, чтобы помочь больному, недостаточно только его понять, т. е. рационально осмыслить мотивы его страданий и поведения. Необходимо прочувствовать его заботы и проблемы, как свои собственные, пережить их вместе с ним и более того — необходимо, чтобы между врачом и больным возникла та многозначная связь, которая называется эмпатией и которая далеко не всегда поддается рациональному объяснению. Эмпатия, эмоционально-чувственный контакт, связывающий больного и врача, — это как бы первая тонкая ниточка, восстанавливающая нарушенную связь человека с миром, устраняющая одиночество больного (больной почти всегда «одинок» в каком-то существенном для него смысле — это, однако, тема особая, в которую мы сейчас не будем вдаваться).

Является ли такой подход чем-то принципиально новым для теории психоанализа и психотерапии в целом? Ну, конечно, такое понимание было бы наивным и исторически неверным. Достаточно вспомнить известное высказывание Фрейда, что в основе исцеляющего эф-

фекта осознания вытесненного должно лежать «эмоциональное отреагирование», без которого психоаналитическая методика бесплодна.

В дальнейшем эта идея позитивной роли эмоций в психоаналитическом процессе была, как известно, преобразована Фрейдом в теорию трансфера. Однако, и это неоднократно подчеркивалось в литературе, концепция трансфера всегда оставалась в системе теории психоанализа как бы своеобразным инородным телом, не только не слившимся логически с другими элементами этой теории, но во многом противостоявшим этим элементам и практически и концептуально. И именно это обстоятельство во многом обусловило трудность всей последующей судьбы психоанализа, бесконечные раздоры и расхождения среди его адептов, а под конец — переживаемый им сейчас, уже упомянутый выше, тяжелый кризис.

При таком общем понимании неоспоримой и очень серьезной заслугой Аммона является произведенный им как бы обратный перенос акцентов: обращение внимания на роль социальных факторов, прежде всего как факторов эмоциогенных, неразрывно связанных с «пониманием» больного, с «доброжелательностью» к нему и «участием» в его заботах и тревогах, с «серьезным» отношением к его жалобам и сопереживанием их. Именно это, по Аммону, — основное, именно в этом-то — решающее звено психотерапевтического процесса, которое врач не должен упускать из виду никогда и за которым при его умелом использовании последуют все те врачебные сдвиги, которых психотерапевт добивается.

10. Понимание роли эмоциональных контактов в психотерапевтическом процессе — это, таким образом, все более широко выдвигающийся в современной психотерапии, становящийся почти универсальным, общий принцип. Во французской литературе это направление связывается в последние годы с именем Л. Шертока, автора психотерапевтической концепции, основанной на представлении о специфических эмоциональных отношениях («l'attitude»), создающихся между врачом и больным в процессе как терапевтической гипнотизации, так и психоаналитической процедуры; на идеях Рустана, подчеркивающего саногенную роль самого фактора эмоционально окрашенных высказываний больного, производимых последним в присутствии врача; на негативном отношении Видермана к принципу осознания вытесненного, рассматриваемому вне эмоционального аспекта переживаний и т. д.

Однако признание обязательности вовлечения эмоционального фактора в психотерапевтический процесс еще отнюдь не предопределяет, как истолковываются саногенная роль и саногенные механизмы такого вовлечения. Здесь существует много конкурирующих теорий. Достаточно известна точка зрения, по которой в основе любой психотерапии, в том числе и так называемой рациональной, лежит суггестия, некая разновидность гипноза. Не менее широко распространены и представления, по которым задачей психотерапии является перестройка психологических установок больного. Иногда утверждают, что благоприятный эффект возникает, если больному дают возможность просто высказаться о том, что его тяготит, в присутствии внимательного, доброжелательного, «все понимающего» психотерапевта (Рустан). Возможно, конечно, что каждое из этих представлений адекватно в каких-то специфических частных условиях, но на универсальность ни одно из них претендовать, естественно, не может. Единственное, что их имплицитно объединяет, — это все тот же принцип положительного эмоционального контакта между врачом и пациентом, который способствует восстановлению утраченной или ослабленной способности больного к непосредственно-чувственному восприятию ми-

ра во всей его многозначности, восстановлению ощущения неразрывной связи с ним. А их общей спорной чертой является выдвигаемое нередко представление, по которому каждое из них связано со своеобразной регрессией пациента к фило- и онтогенетически более раннему, «симбиотическому» типу связи с психотерапевтом, особенно с психоаналитиком. Мы полагаем, однако, что для объяснения этих особых отношений не обязательно привлекать понятие «регрессия». Ощущение органической включенности в мир и неразрывной «симбиотической» связи с ним отнюдь не является монопольной привилегией раннего детства. В младенчестве это, действительно, единственная форма общения с миром, поскольку у взрослого наряду с ней существует и рационально-логическая. Эта последняя может, как правило, у взрослого даже преобладать, но предпосылки для активного непосредственно-чувственного взаимодействия с миром у него, несомненно, также сохраняются и представлены образным, «правополушарным» мышлением. Именно поэтому у нас нет необходимости объяснять установление «симбиотических» связей как регресс, всегда гипотетический, к архаическим формам отношения.

11. И в заключение еще одно замечание. Классический психоанализ утверждает, что основной задачей лечения является доведение до сознания вытесненных, неприемлемых для «Супер-Эго», мотивов и комплексов, и, как только это удается, наступает излечение. Кратко эту мысль можно выразить формулой «излечение через осознание». Но в самой этой формуле содержится трудно разрешимое противоречие. Ведь механизм вытеснения, согласно тому же психоанализу, лежит в основе неврозов и психосоматозов, и субъект бессознательно, но очень активно, ценой психического напряжения и соматических расстройств, стремится не допустить в сознание вытесненные мотивы и комплексы. Как же удается психотерапевту преодолеть это сопротивление? Разве вытеснение было просто «ошибкой» бессознательного? Нет, психоанализ всегда и справедливо видел в вытеснении один из важнейших защитных механизмов, предотвращающих распад здоровья и поведения. Почему же этот механизм вдруг оказывается ненужным?

Но действительно ли это происходит «вдруг»? Известно, что попытки императивного введения в сознание вытесненных переживаний без предварительной систематической работы психотерапевта с больным, без предварительной работы *по укреплению ясно осознаваемых психологических установок больного* вызывают резкое сопротивление со стороны больного, обусловливают негативное отношение больного к процедуре и могут привести к утяжелению состояния больного (вплоть до суицидиума). Позитивно проявляющееся осознание наступает обычно только как результат длительной предварительной психотерапии. Мы полагаем поэтому, что осознание вытесненного является не столько *причиной*, сколько *следствием* и критерием излечения. Само же излечение происходит благодаря притоку «социальной энергии» (по Аммону), благодаря длительным эмпатическим контактам, восстанавливающим способность к чувственному отношению с миром, реабилитирующим защитные механизмы больного. Заострив эту мысль, ее можно выразить так: не излечение через осознание, а осознание через излечение. Это, несомненно, пересмотр одного из основных положений ортодоксального фрейдизма, но пересмотр, в обоснование которого могут быть приведены очень многие факты и теоретические соображения.

12. Можно было бы очень долго говорить о том, каковы истоки рассмотренной нами выше *глубокой нравственной потребности человека в эмпатии*, — потребности, редукция которой, вероятно, скорее, чем какой-либо другой признак, заставля-

ет думать о наиболее тяжелых, наименее курабельных формах шизофренической психопатологии. Мы, однако, не будем сейчас затрагивать эту очень специальную тему. В равной степени мы не станем углубляться в вопрос о том, в какой мере опора на важнейший, вскрытый Аммоном, принцип межличностных отношений (на принцип передачи и получения «социальной энергии» в его образной терминологии) заставляет взглянуть по-иному на самое существо психотерапевтического процесса. Это — тема, также требующая специального рассмотрения хотя бы потому, что она способна очень во многом осветить характер и причины трудностей, а если говорить точнее, тяжелый кризис, через который проходит современный психоанализ. Наша цель в настоящем сообщении была иной: изложить, во-первых, наше понимание принципа «социальной энергии» Аммона, охарактеризовав значение этого принципа как одной из ведущих на современном этапе развития психотерапии методологических категорий, и, во-вторых, подчеркнуть, как это уже было сказано выше, дух высокого гуманизма, широко вносимый Аммоном в современную психологию и психиатрию. Общественная значимость такого подхода очевидна.

В советской психиатрии идеи сходного типа разрабатывает академик А. Д. Зурабашвили, недавно награжденный Золотой медалью Германской Академии психоанализа (Западный Берлин), и эта близость исследовательских направлений, развивающихся в условиях разных культур, разных форм философского мировоззрения скорее, чем что-либо иное, говорит об их объективности, а вместе с тем об их высокой научной ценности и благоприятности перспектив их дальнейшего развития.

Для нас внутреннее родство упомянутого выше «факта Аммона» с приведенной основной мыслью, «фактом» Достоевского говорит, во всяком случае, очень о многом.

Представленный выше методологический анализ концепции «социальной энергии» Г. Аммона был опубликован, как уже было отмечено, на страницах журнала «Динамическая психиатрия» (1983, №№ 1—2). В наш адрес был высказан в этой связи сотрудниками Г. Аммона ряд критических замечаний [8; 10]. Поэтому в качестве дополнения к изложенному выше мы попытаемся ответить на эти замечания.

Б. Марсен начинает свое выступление с обоснования метафорического языка динамической психиатрии. Ссылаясь на Р. Якобсона, она утверждает, что метафоричность, неопределенность и некоторая полисемантичность используемой терминологии является необходимым атрибутом целостного холистического подхода к проблеме человека, характерного для школы Г. Аммона, и находится в неразрывной связи с творческой силой этой теории. Поэтому неправомочен брошенный якобы нами упрек в излишней метафоричности концепции Г. Аммона, затрудняющей понимание основных ее положений. Однако наши замечания по этому вопросу никоим образом не носили характера упрека. Напротив, отмечая, что Аммон прибегает к языку метафор, мы пишем, что за этими метафорами скрыта глубокая мысль, полностью оправдывающая образный стиль ее выражения. В статье не говорится, что метафоричность служит «камнем преткновения» в понимании концепции динамической психиатрии. По-видимому, это ошибка перевода. В статье сказано только, что категориальный аппарат динамической психиатрии своеобразен и поэтому не легок для понимания.

По существу же каждая глобальная концепция в процессе своего развития проходит путь от метафоричности к лапидарной четкости и точности. При этом, конечно, неизбежно происходит некоторое углубление и упрощение концепции, зато повышается возможность ее анализа и развития.

Б. Марсен и У. Штук отмечают, что в нашей статье социальная группа рассматривается как слишком общее понятие, без дальнейшей дифференциации. Мы согласны с этим замечанием, но хотели бы только подчеркнуть, что задачей нашей статьи была оценка лишь наиболее общих, методологических аспектов понятия «социальной энергии», что не требовало углубления в детали.

Заслуживающим более подробного обсуждения представляется нам замечание о необходимости диалектических отношений между потребностью в связи с другими людьми и потребностью в независимости, самодостаточности, выделении себя из среды. На этой стороне вопроса мы не останавливались в статье, ибо не это было основным предметом рассмотрения. Однако мы полагаем, что между интеграцией с миром и освобождением от симбиотических отношений со значимыми другими людьми нет противоречия. Более того, именно способность к установлению многозначных чувственных связей с миром в самых разнообразных проявлениях позволяет в конечном итоге преодолеть ограниченные симбиотические отношения с каким-либо одним человеком, освободиться от чрезмерной эмоциональной зависимости от него. Ощущение естественной и радостной «вписанности» в мир, столь тесно связанное с адекватным развитием образного мышления, дает человеку мощную поддержку во всех его жизненных проявлениях и является непременным условием становления индивидуальности и самодостаточности. Зависеть сразу от всего и от всех — значит не зависеть ни от кого в отдельности. Ведь в конечном итоге симбиотическая связь с конкретным лицом отражает неспособность к самостоятельному взаимодействию с миром и ощущение незащищенности перед ним. Человек, уверенный в своей силе и прочности своей позиции (а такая уверенность немыслима без глубокого ощущения гармонической связи с миром), не нуждается ни в ком до такой степени, чтобы отказаться от собственной индивидуальности. И мы не напрасно подчеркиваем, что при правильном развитии отношений в процессе психотерапии эмпатическое взаимодействие с врачом является только первым шагом на пути восстановления многозначных связей с миром. Разумеется, оно ни в коем случае не должно быть подменено симбиотической зависимостью. Еще раз нужно подчеркнуть отличие нашей позиции от точки зрения тех, кто считает отношения в процессе психотерапии формой регресса к симбиотическим отношениям больного («младенца») с терапевтом («родителем»). При таком регрессе подлинный и долговременный успех психотерапии (в смысле восстановления собственных защитных способностей человека) более чем сомнителен. Для достижения успеха психотерапевт должен выполнять в какой-то степени ту же функцию, что и мать на втором году жизни ребенка. Мать должна вводить ребенка в мир эмпатических и в то же время многозначных эмоциональных отношений не для того, чтобы накрепко привязать ребенка к себе, а для того, чтобы помочь ребенку в овладении миром, поддержать его, повысить его уверенность в себе, в конечном итоге — помочь ему оторваться от полной зависимости от самой матери. Точно также и психотерапевт должен ставить перед собой задачу возвращения субъекту мира во всей его многоцветности. Конечно, само по себе развитие образного мышления, способности к восприятию целостности и многозначности мира и собственных с ним отношений еще не гарантирует развития индивидуальности, а является лишь обязательной предпосылкой к такому развитию. Чтобы она реализовалась, необходимо направленное воспитание.

CONCERNING THE PRINCIPLE OF G. AMMON'S "SOCIAL ENERGY" (SOME COMPARISONS OF METHODOLOGICAL CATEGORIES AND THEIR ANALYSIS)

F. V. BASSIN, V. S. ROTENBERG, I. N. SMIRNOV

Institute of Neurology of the USSR Academy of Medical Sciences
Ist Moscow Medical Institute
Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences

SUMMARY

Günther Ammon's conception of the essence and functional purpose of "social energy" is juxtaposed with Freud's well-known views on the psychic energy. The principal difference and advantage of Ammon's conception lies in its emphasis on the special significance of the individual's social relations in the formation of his energetic potential. Account is also taken not only of verbal, formal logical contacts but non-verbal, emotionally charged forms of communication are regarded as still more important. Such an approach permits to relate the concepts of "social energy" to contemporary data on the functional asymmetry of the cerebral hemispheres. It is stressed that those interactions between persons that are considered by Ammon as decisive in the development of human personality can be best described in terms of the organization of an ambiguous context associated with the function of the right hemisphere. The basic task of psychotherapy, regardless of the particular school within which it is carried out, is to restore the individual's capacity for the formation of an ambiguous context as well as the reestablismhent—with psychotherapist's aid—of significant relations with the world. This provides for the normal functioning of the mechanisms of psychological defence. The rupture of these leads to various neurotic and psychosomatic disturbances. A reinterpretation of some of the fundamental propositions of psychoanalysis is proposed, in particular it is suggested that the psychoanalytic formula: "cure through insight" should be replaced by the formula: "insight through cure".

ЛИТЕРАТУРА

1. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф., Соч., т. I, 242.
2. БАССИН Ф. В., Вопросы психологии, 1973, №6, 13—24.
3. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Психология искусства, М., 1929.
4. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Мышление и речь, М., 1933.
5. ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М., Письма, т. I., М.—Л., Госиздат, 1930, 418.
6. НАЛИМОВ В. В., Вероятностная модель языка, М., 1959.
7. HOLT R., The Ego. Scient. Proceed. of the Amer. Acad. of Psychoanalysis. 1967, 11, 1.
8. MARSEN B., Dynamische Psychiatrie /Dynamic Psychiatry, 1983, 78/59, 49—51.
9. ROTENBERG V. S., Dynamische Psychiatrie /Dynamic Psychiatry, 1979, 59, 494—498.
10. STUCK U., Dynamische Psychiatrie /Dynamic Psychiatry, 1983, 58/59, 52—56.
11. SULLOWAY F., Freud — Biologist of the Mind (beyond the psychaoanalytic legend). Basic Books, N. Y., 1979.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРОБЛЕМЕ ВНУШЕНИЯ

Л. ШЕРТОК

Центр психосоматической медицины, Париж, Франция

За последние 20 лет ситуация в психотерапии сильно изменилась благодаря возникновению множества новых методик и концепций — сначала в США, затем и в Европе. Их количество и многообразие способно привести в замешательство. По словам Дж. Франка [9, 9], «можно только удивляться изобилию теорий и методик, которое сопровождается оглушительной какофонией соперничающих взглядов». В той же связи Х. Страпп (несомненно, с добрыми намерениями, но, пожалуй, проявляя чрезмерную склонность к администрированию) предложил даже создать некую официальную инстанцию, аналогичную американской Службе надзора за пищевыми продуктами и лекарствами, для защиты пациентов от бесполезного, а тем более опасного лечения» [32, 20].

Еще в 1961 году в своей, теперь уже классической, работе «Убеждение и лечение» [8] Франк начал поиск факторов, оказывающих целительное воздействие в психотерапии. Подобные поиски широко ведутся и другими американскими исследователями. Одновременно растет число новых методов психотерапевтического воздействия, которые мы здесь не будем перечислять, отсылая читателя к обзору, содержащемуся в обширном труде Гарфилда и Бергина [15]. Опираясь на работы последних 30 лет, М. Парлофф [24] констатировал, что действенность различных видов психотерапии примерно одинакова, причем невозможно определить роль отдельных факторов в каждом из них. Он подчеркнул, что во всех этих видах психотерапии есть общие неспецифические элементы, которые иногда могут играть решающую роль.

Построив классификацию различных видов психотерапии, Дж. Мармор [21] пришел к выводу, что «основой любого успеха в психотерапии является хороший контакт между врачом и больным» [21, 415]. К тому же заключению пришел и Т. Б. Карасу, президент комиссии, созданной Американской психиатрической ассоциацией для издания справочника по различным видам психотерапевтических методик. Он заявляет даже: «Важно не то, что именно делает психотерапевт; важно то, что он есть» [16]. Кстати, то же говорил еще З. Фрейд.

Отношение врач — пациент и трансфер

Отношение между врачом и пациентом-наиболее важный из неспецифических целительных факторов в психотерапии. Эта истина всегда признавалась и применялась на практике. Не кто иной, как Месмер два столетия назад ввел этот фактор в область «научного» эксперимента вмес-

те с понятием магнетического «флюида», который определялся им как материальная сила, связывающая врача с пациентом. Начиная с 1850 г. у Брейда, а затем у Льебо и Бернхейма слово «магнетизм» выходит из употребления и заменяется словом «гипноз», а вместо «магнетического флюида» они начинают говорить уже о «внушении» (suggestion). Термин «внушение» был весьма популярен вплоть до начала XIX века. В дальнейшем он употреблялся с большими ограничениями (за исключением области гипнотерапии и экспериментальной психологии). Парлофф [24] даже не называет его среди других неспецифических элементов, которые играют терапевтическую роль в различных видах психотерапии.

Можно только удивляться тому, что это слово ни разу не встречается в специально посвященной проблеме плацебо статье [25]. А ведь хорошо известно, что плацебо — это прежде всего внушение. «Плацебо — это психотерапия», — пишет Франк [10, 291], хотя к понятию внушения он не обращается.

Мармор называет внушение одним из лечебных факторов, но связывает его с убеждением (persuasion) и не считает его роль основной [21]. В этом плане он соглашается с тем определением убеждения, которое дает Франк в уже цитировавшейся работе [9]. Этот термин имеет свою историю в психотерапии. Его использовал еще Дюбуа [7] (ученик Бернхейма, восставший против своего учителя), считая внушение безнравственным и стремясь заменить его убеждением, т. е. рациональной процедурой, предполагающей участие воли и сознания пациента. У Франка, однако, слово «убеждение» имеет несколько иной смысл. Как и многие другие слова французского языка, перейдя в английский язык, оно подверглось определенному переосмыслению. Если по-французски это слово обозначает некую интеллектуальную процедуру, то английское слово persuasion обозначает некую «смесь» аффективных и рациональных элементов. Именно таков облик слова «убеждение» в трактовке Франка. Оно охватывает, наряду с другими факторами, и внушение, причем роль его различных составляющих остается довольно неопределенной. С таким многоликим понятием трудно работать.

Продолжая изучать изменения, наступающие в процессе психотерапевтического воздействия, Франк формулирует итоги и выводы в статье «Терапевтические факторы, общие для всех видов психотерапии» [9]. Автор стоит на точке зрения, согласно которой в различных видах психотерапии существуют общие целительные элементы. Они воздействуют на то, что Франк называет деморализацией, — феномен, обнаруживаемый у всех без исключения пациентов, каковы бы ни были симптомы их заболеваний. С деморализацией он рекомендует бороться, предлагая пациенту «помощь человека, который дает ему общую поддержку и одобрение» [9, 33].

Такая помощь может принимать различные формы — от исповедничества до тренировки самоконтроля. Действенность этих процедур, добавляет автор, зависит от хорошего контакта между пациентом и врачом. Но что в конечном счете кроется за этим «хорошим контактом», как не внушение (косвенное, как мы увидим далее)?

Термин «внушение» породил столько путаницы и предубеждений, что сегодня просто необходимо дать ему более четкое определение. Поначалу его использовали в психотерапии для обозначения преднамеренного влияния врача на пациента. Это влияние во многом зависит от

доверия пациента к врачу. Уже одно только доверие играет терапевтическую роль. Фрейд напоминает, что в древности считалось необходимым, чтобы перед посещением лекаря больной пребывал в состоянии «ожидания с верою». Фрейд объясняет это следующим образом: «Хотим мы того или нет, но на успешность лечения, проводимого врачом, влияет некий фактор, зависящий от психической предрасположенности пациента» [11, 258].

Воздействие подобного типа тоже называют внушением, добавляя такие определения, как косвенное, непреднамеренное (так что возникает даже некое противоречие, поскольку слово suggérer этимологически восходит к sub-gerer и, следовательно, предполагает волевое действие). Возникает потребность в новом термине, и мы еще вернемся к этому вопросу.

Разрабатывая свою концепцию и стремясь сделать ее научной, Фрейд попытался избежать внушения в обеих его формах: как прямого, так и косвенного. Он полагал, что, отказавшись от гипноза, он тем самым избавится и от прямого внушения. Что же касается внушения косвенного, то избежать его было гораздо труднее, поскольку, как признавал сам Фрейд, «его невозможно дозировать или хотя бы контролировать силу его воздействия» [11, 259]. Фрейд столкнулся, таким образом, с важнейшей проблемой: как можно овладеть этим неискоренимым, но неуловимым феноменом, научно его использовать? Ответ Фрейда таков: косвенное внушение постепенно растворяется в ходе анализа и истолкования трансфера. Подобное решение отвечало его рационалистической установке, ибо аффективное оказывалось подчиненным познавательному. Однако ныне такой ответ вызывает возражение: достаточно сказать, что трансфер не всегда растворяется в конце лечения и что между аналитиком и пациентом часто сохраняется аффективная связь. А это заставляет предположить, что чувства, которые пациент испытывает по отношению к врачу в процессе анализа, не всегда связаны по сути своей с трансфером. Они не всегда принимают форму повтора, не всегда вписываются в историю пациента, подчас они оказываются «привязанностью», аналогичной той, которая возникает на доречевой стадии. На чувство «привязанности» обратили внимание в своих работах Боулби [3] и ученые-этологи, о чем мы говорили в другом месте [6]. Очевидно, таким образом, что понятия трансфер и внушение не перекрывают друг друга полностью. Внушение является условием трансфера: без него трансфер не возникает. Однако внушение не входит целиком и полностью в трансфер, в нем остается нечто такое, что ускользает от анализа.

Более того, когда трансфер действительно имеет место, его истолкование не всегда обосновано. Оно должно опираться на историю пациента, однако, как показали Видерман [33], Рустан [27] и Спенс [31], сомнения возникают в связи с самой возможностью истинной реконструкции этой истории. Рустан говорит даже, что аналитик сам выдумывает те элементы, которых не хватает в истории пациента, навязывает их ему [27, 54]. А в этом случае внушение — опять-таки в прямой, волевой форме — вновь появляется в анализе.

Гипноз как парадигма влияния психотерапевтического отношения

Необходимо отметить, что после Второй мировой войны в трудах многих психоаналитиков (см., например, [3]), исследовавших отношение между врачом и пациентом, выявлены аффективные связи, аналогичные тем, которые существуют на ранних стадиях в отношениях ма-

тери и младенца. Со своей стороны, Кьюби [17] подчеркивал момент симбиотической слитности в гипнозе. Но разве этот момент не содержится в том, что мы до сих пор, за неимением лучшего термина, называли косвенным внушением?

Значимость этих симбиотических связей заставляет обратить внимание на целительную роль эмпатии. Данным термином обозначается аффективная связь во всей ее силе и глубине. Нужно, однако, признать, что об этом фундаментальном отношении, к которому приходится все чаще и чаще обращаться, мы почти ничего не знаем, несмотря на посвященную ему обширную литературу. Маннони говорит даже, что понятие эмпатии — ничего не объясняющая отговорка [20]. Оно связано с аффектом, относительно которого Фрейд говорил в 1920 г.: «Это наименее ясная и наименее доступная область психической жизни» [12, 44]. В своей недавно вышедшей книге Р. Шаффер [27] уделил много места процессу эмпатии. Словом «внушение» он не пользуется. Однако как можно говорить об эмпатии, не рассматривая аффективную связь, которая лежит в ее основе? Хотя Шаффер критикует натурализм Фрейда, его отношение к эмпатии воспроизводит отношение Фрейда к внушению: Шаффер полагает, что эмпатией можно управлять посредством истолкования. Здесь мы сталкиваемся с вопросом о том, какова соответственно доля когнитивного и аффективного в процессе психотерапевтического воздействия. Именно этот вопрос уже возникал по поводу катартического метода: что же все-таки вызывает исчезновение симптома — осознание или отреагирование? Как известно, роль истолкования — вопрос спорный. Некоторые считают ее совсем незначительной. Здесь мы имеем в виду прежде всего Рустана, для которого «длительный анализ есть постепенное, нить за нитью, плетение некоей симбиотической ткани, в которой бессознательные элементы все больше и больше (хотя и безмолвно) сообщаются друг с другом под покровом языкового анализа [27, 97].

Целительный элемент, несомненно, следует искать в аффективном отношении. Неясно, однако, как, собственно, происходит излечение; во всяком случае, наблюдать этот процесс трудно. Итак, существует такой воспроизводимый в эксперименте феномен, который свидетельствует о глубинных психофизиологических изменениях: это гипнотическое внушение, дающее иногда весьма впечатляющие результаты, такие, как анестезия, позволяющая проводить хирургические операции, возникновение внушенного ожога и т. д. [5]. Мы считаем, что этот феномен — парадигма того влияния, которое оказывает межличностное отношение.

Не случайно Фрейд придавал гипнозу первостепенную важность в разработке своей концепции: «Переоценить значение гипнотизма в развитии психоанализа невозможно» [14, 407]. Хотя в какой-то момент Фрейд по разным причинам отказался от гипноза в своей практике, это не мешало ему интересоваться гипнозом с теоретической точки зрения. В 1921 г. в работе «Психология толпы и анализ «Я»» гипноз все еще занимает ведущее место. Во всяком случае, верно, что Фрейд, по его собственному признанию, так и не смог решить загадку гипноза.

После кончины Фрейда его ученики уже не проявляли такого интереса к данной проблеме. Среди ортодоксальных психоаналитиков исследователей гипноза можно перечесть по пальцам (см., например, [17]). Но и их работы в данной области уже принадлежат истории, ибо в течение последних двадцати лет гипноз практически исчез с психоаналитической сцены. Историки и теоретики психоанализа считают, что уже само возникновение психоанализа упраздняет роль гипноза. Однако эпистемологически это серьезное заблуждение. Открытия

Фрейда, несомненно, были чрезвычайно важным моментом в истории гипноза, но ими проблема гипноза не исчерпывается. Перед нами открывается огромное поле исследований. Большинство же психоаналитиков закрывает глаза на эту реальность. Однако, как недавно заявил Гилл, психоаналитик всегда должен встречать проблему лицом к лицу, а не держать ее под спудом, как это поразительным образом делается с проблемой внушения.

Экспериментальные исследования

Отвергнутый психоаналитиками, гипноз стал областью исследований в экспериментальной психологии. Огромное количество публикаций свидетельствует о том, как много делается в этой области (особенно в лабораториях Орна, Барбера, Хилгарда). Однако это мало что прибавляет к нашим знаниям о гипнозе. Как признает Вайценхоффер, один из авторов станфордских шкал гипнабельности, «к 1900 году, а по сути и еще раньше, все основные данные о гипнозе уже были получены. Ничего нового с тех пор не прибавилось, и большая часть исследований, проведенных после 1900 г. (и в особенности после 1920 г.), характеризуется скорее переоткрыванием уже известного, нежели собственно открытиями» [34].

Как объяснить, почему столь многие исследования, несмотря на применение мощного научного аппарата, не привели к новым теоретическим открытиям? Причина этого, по нашему мнению, в том, что бихевиористски ориентированные исследователи стремились прежде всего квантифицировать явления, тогда как то, что в них наиболее важно, связано с субъектом, с отношением врач—пациент и не поддается исчислению. Никак не могли оказаться более плодотворными исследования, проводимые в позитивистской традиции, в наши дни уже устаревшей. Некоторые исследователи [23] стремятся сойти с протоптанных троп и включить в поле исследования также переживания субъекта.

Ряд экспериментаторов [30] уже начал вводить эти субъективные переживания в свои наблюдения. Тем же путем идем и мы в нашей лаборатории. Чтобы обнаружить субъективный опыт гипнотического переживания, мы принимаем во внимание не только «вертикальное» измерение гипноза (иначе говоря, не только его «глубину»), но также и «горизонтальное» измерение. В своей диссертации нашему сотруднику Мишо [22] удалось описать четыре формы гипноза, найти для каждой из них свой психодинамический коррелят. Любопытно что его данные согласуются с клиническими наблюдениями, проводившимися в течение всего XIX века (их глашатаем был Шарко).

Отметим, наконец, что в Москве Рожнов и Бурно [26] описали различные формы транса и специфику их субъективного переживания, соответствующую различным психическим структурам. Они справедливо возражают против понятия глубины гипноза. Могут ли располагаться на одном континууме мгновенно вызванное сомнамбулическое состояние и легкий транс?

Философские искания

Мы хотели бы теперь оставить твердую почву экспериментальных исследований и перенестись чуть ли не к антиподам, а именно, в область философии. Во Франции существует целое течение, которое опирается на гипносуггестию в поисках поддержки и обоснования своих собственных философских идей. Еще в XIX веке в Германии великие

философы — Гегель, Фихте, Шеллинг, Шопенгауер — проявляли живой интерес к «животному магнетизму», как в те времена называли гипноз. Вряд ли можно удивляться этому, поскольку феномен гипносуггестии непосредственно затрагивает и межличностное влияние, и внутриличностное отношение между телом и душой. Направление, о котором мы говорим, представлено прежде всего уже упоминавшимися психоаналитиками — Маннони и Рустаном (в прошлом — учениками Лакана), а также группой философов из Страсбургского университета (М. Борх-Якобсен, Ж. Л. Нанси, Э. Мишо [3]). Они критикуют философию субъекта и стремятся уничтожить само разграничение между «я» и «другим». У истоков этого течения мы находим таких мыслителей, как Бубер, Левина, Деррида (учитель Борх-Якобсена), Жирар.

Согласно сторонникам этого направления, гипноз создает благодатную почву для философского анализа, поскольку он дает возможность удивительным образом наблюдать воздействие внушения, которое оставалось для Фрейда загадкой[1]. Эта загадка вновь возникает и в психоанализе, хотя он исключает гипноз из своей практики. Еще в 1917 г. Фрейд заметил: «...мы отказались в нашей методике от гипноза только для того, чтобы вновь обнаружить внушение в форме трансфера» [13, 478]. Первой в 1950 г. обратила внимание на это высказывание Ида Макалпин [18] в ее, оставшейся тогда не замеченной, статье. Недавно Борх-Якобсен под впечатлением того же высказывания Фрейда посвятил ему в свою очередь пространный комментарий в книге «Фрейдовский субъект»: «Если трансфер и внушение — одно и то же, тогда загадка внушения неизбежно бросает тень и на трансфер и на все то, что подразумевается под этим словом в психоанализе. Иначе говоря — на все, на весь психоанализ»[2] [1, 190].

Со своей стороны, Маннони полагает, что, хотя Фрейд и ввел гипноз в психотерапию, он затем «растворил его в тумане трансфера» [20]. Между тем и другим, между трансфером и гипнозом, Маннони устанавливает родство, которое, если посмотреть на дело шире, позволяет вывести трансфер из одержимости: «Трансфер — это то, что остается от одержимости, он получается в результате ряда изъятий. Дьявол упраздняется — припадки остаются. Магический антураж упраздняется — «магнетизированные» Месмера остаются. Упраздняется месмеровский чан — остаются гипноз и связь врач—пациент. Упраздняется гипноз — остается трансфер» [19, 50].

Маннони завершает этот захватывающий исторический очерк психотерапии признанием, что трансфер ускользает от научного изучения, что «он поистине является не поддающейся теоретическому осмыслению частью анализа» [19, 48].

Рустан также замечает, что Фрейду не удалось построить теорию трансфера, и усматривает причину этого в нежелании Фрейда отказаться от традиционного понимания субъективного: «Фрейд не дает теории трансфера именно вследствие его солипсистского взгляда на область субъективного»; он не признает того, что «не существует субъекта без межличностного отношения, которое и придает субъекту сущность «другого» [48, 213].

Последние соображения уже, очевидно, являются чистой спекуляцией и могли бы стать предметом долгих дискуссий. Спор на эту

---

[1] У названных выше философов часто отмечается недифференцированное использование терминов «внушение» и «гипноз». это не удивительно, если учесть, что они—не практикующие врачи и что вовсе не специфика этих явлений привлекает их внимание. Их интересует то, что между этими явлениями общего — межличностное взаимодействие.

[2] Выше мы уже видели, что уподобление трансфера и гипноза вовсе не самоочевидно.

тему, однако, не входит в наши намерения. Заметим лишь, что, ополчаясь против идеи субъекта, упомянутые авторы, по-видимому, забывают, что внушение — это отношение между людьми, в котором каждый сохраняет свою телесную самотождественность. Уже Спиноза на свой лад постулирует неразрывность тела и аффекта. Заслуга этих авторов, однако, в том, что они подчеркнули значение внушения в психоанализе. Они побуждают нас вновь обратиться к вопросу, доселе не разрешенному, — к вопросу о роли, которую играет внушение в психоанализе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внушение, присутствующее во всех видах психотерапии, играет основную роль в процессе лечения. Это — признанный факт, хотя сам термин «внушение» используется не всегда. Каждый психотреапевтический метод, претендуя на оригинальность, подчеркивает свои специфические факторы, преуменьшая значение таких факторов в других методах. Так, психоаналитики хранят молчание относительно внушения, трактуя его на основе тех же предрассудков, что и гипноз, хотя, по словам самого Фрейда, психоанализ «распоряжается наследством» гипноза [14, 407]. Некоторые психоаналитики, однако, признают, что трансфер вышел из гипноза. Что же касается психологов-экспериментаторов, то они, конечно, много говорят о внушении, хотя, за несколькими исключениями, лишают его глубинного содержания, а именно, той аффективной связи, на которой так настаивал Фрейд, не пытаясь, правда, дать ей какое-либо объяснение.

Приходится признать, что мы и поныне не знаем об этом больше того, что было известно Фрейду. Невозможно отрицать, что речь идет о ключевой проблеме, и покуда она не разрешена, нечего и говорить о научности психотерапии. В наши дни, как мы видели, нельзя дать оценку наиболее действенным результатам психотерапевтического лечения. Как говорит Парлофф, «наиболее значимым открытием в области психотерапии будет то, которое позволит в конечном счете продвинуть вперед наше понимание механизмов лечения» [24, 292].

На нынешней стадии наша первоочередная задача заключается в том, чтобы ясно и прямо сформулировать те различные проблемы, которые возникают в связи с внушением. Прежде всего, полезно дать определение понятия внушения, которое сохранило бы все то, чему научила нас в этом отношении история. *Внушение — это телесно-аффективный процесс, неделимое психосоциобиологическое единство, функционирующее на очень древнем уровне бессознательного, по сю сторону трансфера, опосредующего влияние одного индивида на другого, и способное вызвать очевидные психологические или физиологические изменения.*

В качестве гипотезы мы можем представить себе внушение на манер первоначального отношения между матерью и младенцем, где аффект и тело составляют единое целое. Именно поэтому мы и говорим о «телесно-аффективном» процессе. Что же касается выражения «психосоциобиолгическое единство», то оно для нас обосновывается тем фактом, что в случае внушения один мыслящий, говорящий, чувствующий индивид оказывается связанным с другим индивидом, в способсобность которого исцелять он верит, аффективной связью, вписанной в генетический код.

Приведенное определение покрывает то, что выше было названо «ко-

свенным внушением»: мы предпочитаем во избежание двусмысленности заменить его выражением «первичное отношение» (relation primaire).

Конечно же, приведенное нами опредление не претендует на исчерпывающий и окончательный характер. Оно должно рассматриваться как орудие познания, которое, естественно, должно изменяться в ходе исследований. Эти исследования должны проводиться одновременно в различных дисциплинах, причем на скорые результаты рассчитывать не приходится. В ожидании этих результатов психотерапевтам придется работать в состоянии неуверенности, которое само по себе не должно вызывать отчаяния, если оно восполняется надежностью интуиции и прочностью опыта. Необходимо, однако, сознавать эту нашу неуверенность: согласно наставлению Сократа, «они должны знать, что́ они не знают». Иначе говоря, в области психотерапии, пока еще столь мало изученной, необходимо отказаться от догматизма, допустить наличие многих точек зрения, проявлять широту взглядов.

A RETURN TO SUGGESTION

L. CHERTOK

The Centre of Psychosomatic Medicine, Paris, France

SUMMARY

The author calls for reconsidering of the epistemological status of suggestion. The latter manifests itself in two forms—direct and indirect. Present in all psychotherapies, the indirect suggestion plays an important part in changes observed in experiments with hypnosis. This implies presence of affective ties, which are there all the time, but remain inexplicable and beyond control. Freud tried to solve the problem by merging suggestion into transference. Nevertheless, it persists in the psychoanalysis, its nature, being occult for the analyst. Suggestion is studied in psychological experiments, but, regretfully, without its interpersonal content. It is scarcely mentioned by researchers who admit the efficiency of psychotherapy. We should realise that the cognition of suggestion is indispensable for any scientifically-based psychotherapy. The author puts forward a provisional definition of suggestion in order to clarify the problem, to avoid confusions and to give a new momentum to research in this area.

ЛИТЕРАТУРА

1 BORCH-JACOBSEN M., Le Sujet freudien. Paris, Flammarion, 1982.
2. BORCH-JACOBSEN M., NANCY J. L., MICHAUD E., Hypnoses. Paris, Galilée, 1984.
3. BOWLBY J., Attachment et Perte. Vol. 1, L'Attachment, Vol. 2, La Séparation. Paris, P.U.F., 1978.
4. CHERTOK L., Freud et les théories de l'hypnose: Histoire et interrogations. Revue de Médecine Psychosomatique (1976), 18, 2, pp. 147—161.
5. ШЕРТОК Л., Непознанное в психике человека. М., Прогресс, 1982.
6. CHERTOK L., Suggestion Rediviva. Résurgence de l'Hypnose. Paris, Desclee de Brouwer, 1984, sous presse.
7. DUBOIS P. C., (de Berne) (1904) Les Psychonévroses et leur traitement moral. Paris, Masson, 19091.

8. FRANK J. D., Persuasion and Healing. Baltimore, John Hopkins University Press, 1973.
9. FRANK J. D., Therapeutic components shared by all Psychotherapies. Master Lecture Series, Vol. I: Psychotherapy Research and Behavior Change, Amer. Psychological Association, Washington D. C., 1982, pp. 9—37.
10. FRANK J. D., The Placebo is Psychotherapy. In: The Behavioral and Brain Sciences 6, 1983, pp. 291—292.
11. FREUD S., On psychotherapy. S. E. 7. pp. 256—268, 1904.
12. FREUD S., Au-delà du principe de plaisir. Essais de psychanalyse. Paris, PBP, 1981, pp. 41—115.
13. FREUD S., (1916—1917) Introduction a la Psychanalysis. Paris, Payot, 1947.
14. FREUD S., Kurser Abriss de Psychoanalyse (1923). (G.W. 13).
15. GARFIELD, Bergin. Handbook of Psychotherapy and Behaviour Change. New York, John Wiley and Sons, Inc., 1978.
16. KARASU T. B., In: Herrington: Psychiatric Therapies. An evaluation. Psychiatric News, October, 1981, pp. 6—7.
17. KUBIE L. Hypnotism: A focus for psychophysiological and psychoanalytic investigation. Arch. General Psychiat., 4, 1972, pp. 205—223.
18. MACALPINE I., The Development of transference. Psychoanalytic Quarterly, 19, 1950, pp. 501—539.
19. MANNONI O., Un Commencement qui n'en finit pas. Paris, Seuil, 1980.
20. MANNONI O., Communication personnelle. 1983.
21. MARMOR J., Recent trends in psychotherapy. Am. Journal of Psychiatry, 137, 4, 1980, pp. 409—416.
22. MICHAUX D., Aspects experimentaux et cliniques de l'hypnose. Dissertation du Doctorat du 3 ème cycle. Universitè de Paris, VII, 1982.
23. ORNE M. T., On the construct of hypnosis: How its definition affects research and its clinical application. In: G. D. Burrows and L. Dennerstein (Eds.), Handbook of Hypnosis and Psychosomatic Medicine. New York, Elsevier-North-Holland Biomedica Press, 1980, pp. 29—52.
24. PARLOFF M., Psychotherapy and Research: An Anaclinic Depression. Psychiatry, 43, 1980, pp. 259—293.
25. PRIOLEAU L., MURDOCK M., BRODY N., An analysis of Psychotherapy versus placebo studies. The Behavioral and Brain Sciences, 6, 1983, pp. 277—310.
26. РОЖНОВ В. Е., БУРНО В. Е., Гипноз в связи с искусственно вызванной индиви дуальной психологический защитой. Ж. Невропатологии и психиатрии, 1976, 9 1406—1408.
27. ROUSTANG F., Elle ne le lâche plus. Paris, Ed. de Minuit, 1980.
28. ROUSTANG F., Un discours naturel. Critique, 1984, pp. 201—214.
29. SCHAFER R., The Analytic Attitude. New York, Basic Books, 1983.
30. SHEEHAN P. W., McCONKEY K. M., Hypnosis and Experience: The explanation of phenomena and Process. New York, Lawrence Erlbaum Associate Publishers, Hillsday, 1982.
31. SPENCE D. P., Narrative Truth and Historical Truth. Meaning and interpretation in psychoanalysis. New York, W. W. Norton and C°, 1982.
32. STRUPP H., Psychotherapy research and practice. An overview. In /15/, pp 3—22.
33. VIDERMAN S., La Construction de l'Espace Analytique. Paris, Denoël, 1970.
34. WEITZENHOFFER A., In search of hypnotism. Glasgow, International Congress, 1982, sous presse.

ЛАКАН: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ КОНЕЦ ПСИХОАНАЛИЗА?

Н. С. АВТОНОМОВА

Институт философии АН СССР, Москва

Жизненный и творческий путь Жака Лакана уже завершен, однако Лакан и поныне не принадлежит всецело истории: споры о нем продолжаются, и уже одно это свидетельствует о незаурядности, своеобразии его творческой личности. Он был ученым и «шаманом», поэтом и математиком, актером и философом. В нем сосуществовали, но постоянно спорили между собой разные люди, один из которых вел семинар, публиковал свои работы, сначала устно произносившиеся (так возник и сборник «Тексты»[1], сделавший его знаменитым), создавал школу и строил здание концепции, напоминавшей своей величественной бессистемностью индийский храм, а другой отличался страстью к эпатированию, шокингу, которую не всегда могли объяснить даже преданные ученики, — это приводило к ситуации перманентного раскола французский психоанализ, а его самого — к одиночеству. Нельзя не видеть, что своеобразие личности многое объясняет и в теоретических построениях Лакана, и в дальнейшей судьбе его идей, оказавших большое влияние на целое поколение французской интеллигенции.

Подобная личность могла проявиться лишь в своеобразной обстановке, на определенном этапе развития французской философской и научной мысли. Кризис субъективистских мыслительных схем вызвал объективную потребность в научном знании о человеке. Этому требованию эпохи следует и Лакан, пытаясь сделать психоанализ наукой, освободить знание о бессознательном от иррационализма, субъективизма, психологизма. Однако осуществить этот замысел оказалось далеко не просто. В поисках метода Лакан отказывается как от ортодоксальных трактовок знания о бессознательном, ориентирующихся на медицину, биологию и физиологию, так и от «неортодоксального» англо-американского неофрейдизма, считая его модель психики прагматической, направленной на приспособление больного к социальному окружению любой ценой. Образцом, альфой и омегой научности стала для Лакана гуманитарная наука структурно-семиотической ориентации (особенно этнология, лингвистика), а также логика и математика. Именно в методах структурного анализа Лакан видит средство онаучивания психоанализа. Однако область наличных знаний о бессознательном оказалась недостаточно развитой, не подготовленной для сколько-нибудь строгой формализации (для Лакана формализация — это синоним научности), а принципиальная аисторичность структуралистского метода заведомо исключала некоторые, быть может, более эффективные для анализа бессознательного, возможности. Вследствие

[1] Lacan J. Ecrits. P., Seuil, 1966.

всего этого лакановский психоанализ и был обречен на «недонаучность», непоследовательность и на восполнение этой нехватки научности другими, вненаучными, средствами. Судить об этом мы можем и по теории, и по практике Лакана.

Основные идеи Ж. Лакана уже были освещены в нашей философской литературе[2], и потому мы вкратце остановимся здесь лишь на самом главном, отвлекаясь от этапов становления его идей, от периодизации лакановского творчества.

1. Бессознательное сконструировано как язык. Это — определяющий тезис. Предполагается, что по особенностям языка, речи больного (повторы, «сгущения», «смещения», умолчания) можно, независимо от его воли и сознания, судить о тех событиях его жизни, которые были вытеснены и забыты, превратившись в симптомы болезни. В языке шифруется болезнь, но в языке осуществляется и излечение. Работа с языком — восстановление пропущенного и распутывание запутанного — позволяет врачу построить на месте прерывистого, клочковатого рассказа больного связную и упорядоченную историю, а больному — признать эту историю своей и соответствующим образом перестроить свой образ и поведение.

2. Бессознательное субъекта — это речь Другого. Бессознательное предстает как абсолютное другое, инаковое по отношению к «я», сознанию, субъективности, как то, что действует на «другой сцене». Инаковое здесь не внутреннее (тайники души) и не внешнее (механически давящее), оно должно быть помыслено вне оппозиции внутреннего и внешнего (один из лакановских образов бессознательного — лента Мёбиуса, лишенная верха и низа, внутреннего и внешнего). Бессознательное есть, однако, такое Другое, которое способно «говорить», то есть проявлять себя в дискурсивном, структурированном виде. Бессознательное есть то в субъекте, что без его ведома структурировано Другим — культурой, языком.

3. Реальное — воображаемое — символическое (у Фрейда триаде, примерно соответствует «вторая топика»: id, ego, superego). Эта триада связана с предыдущим тезисом. Другое — это и есть символическое, это порядок (языка, культуры), объективная структурирующая сила, господствующая и над реальным (оно у Лакана «вне игры»), и над воображаемым. Если символическое — это культурное, объективное (и доступное объективному познанию), универсальное, безличное, то воображаемое — это своего рода индивидуальная вариация символического — субъективное, иллюзорное, организованное вокруг «я».

4. Означающее есть то, в чем объективно представлено символическое. Это срез языка, который одновременно и материален (эта материя может быть акустической, графической и т. д.) и формален — лишен смысла. Смысл означающего — означаемое — вытеснен, он проявляет себя лишь косвенно, в «игре» означающих (ведь и буква, и даже слово сами по себе лишены смысла, они приобретают смысл, входя в структуру фразы). Объективность познания означающего есть степень его формализованности.

5. Десубъективированный субъект есть то, что «включено в систему, но исключено из игры», то, что одно означающее представляет другому означающему, — связка в отношениях между означающими, между означающим и означаемым, между реальным, воображаемым и символическим. Такой субъект лишен самодостаточно-

---

[2] См., в частности, посвященные Лакану статьи в I томе трудов «Бессознательное: природа, функции, методы исследования», Тбилиси, «Мецниереба», 1978.

сти, он выступает как функция детерминирующих его факторов — «Другого», «символического», «означающего».

Вся эта система понятий, связанных круговыми определениями, скрепляется в единство языком. Бессознательное, обнаруживающее себя как «речь Другого», как символический Порядок, как игра означающих, раскрывается только через язык. Эта широко понимаемая аналогия между языком и бессознательным позволяет, как полагал Лакан, ухватывать позитивную определенность бессознательного, объективно интерпретировать ее[3].

Очевидно, что установка на научное познание предполагала выявление объективных структур бессознательного, а затем формализацию структурированных содержаний психического. Однако в самой практике психоанализа трудно было найти опору для подобных устремлений к научности. Одно дело — работа Лакана-теоретика, другое дело — работа Лакана-практика: чем последовательнее удавалось, скажем, структурировать и формализовать психоаналитический опыт в одних его аспектах, тем очевиднее проступали в этом опыте все те мистические, фантастические, интуитивные моменты, которые изгонялись за пределы теории; чем строже становился «язык» бессознательного на одном полюсе, тем весомее оказывались несводимые к языковым проявлениям слои бессознательного на другом полюсе, а при насильственном натягивании языка (метода) на бессознательное (объект) и сам язык становился иррациональным, лишался возможности рационализировать бессознательное. То же относится и к практике Лакана: реальная помощь больному, облегчение его страданий, терапевтический эффект игры с означающим не вытекают как следствие из теории и метода работы с бессознательным как с языком (отсюда, кстати, и некоторая неясность относительно того, что же представляет собой терапевтическая практика Лакана — «лечение словом» или «лечение молчанием», к позднему Лакану, по-видимому, относится, скорее, второе). Терапевтический эффект достигается, таким образом, не благодаря теории и методу, но как бы вопреки им или независимо от них.

Все это свидетельствует о том, что аналогия между языком и бессознательным — основа лакановского онаучивания психоанализа и рационализации бессознательного — может использоваться лишь с оговорками и требует сопутствующего размышления о границах его применения. А пока модель психоанализа как науки, основанная на языке, выступает в виде еще одной метафоры в ряду других метафор — вслед за биологической, энергетической метафорикой, которой в духе своего времени пользовался Фрейд[4].

По-видимому, все это в какой-то степени понимал и сам Лакан. Отсюда — и «темный» стиль Лакана, ставший притчей во языцех. Можно предположить, что лакановская темнота — это не столько «поза» или «мода», сколько признание неразрешенности (или неразрешимости) главной задачи, намек на не поддающиеся рационализации слои бессознательного и методы работы с ним в психоаналитическом сеансе.

Лакановская теория и лакановская практика не находили опоры

---

[3] Лакан был не столько первооткрывателем, сколько «ритором», искусным прежде всего во взаимопереводе понятий из разных областей и увязывании их в некое новое единство. Так, идея бессознательного как языка содержалась, хотя и в виде намека, у Фрейда; идея бессознательного как речи Другого инспирирована переосмысленным Гегелем; трактовка символического обнаруживает приямое воздействие К. Леви-Стросса; трактовка означающего многим обязана Ф. де Соссюру и т. д. Clement C. Vies et légendes de Jacques Lacan P., Grasset, 1980, p. 58.

[4] L'École freudienne de Paris (1964—1980).

друг в друге. Лакан попытался опереться на нечто третье — на созданную им школу[5], которая должна была стать рупором его идей и цитаделью борьбы с догматизмом официального психоанализа. Создание школы не было внешним фактом, безразличным к судьбе собственно теоретических его идей: она была нужна Лакану как поддержка, как способ взаимоувязывания того, что не согласовывалось внутри него самого. Однако школа не стала средством разрешения противоречий, не разрешенных в его собственном творчестве: учитель оказался глубже и тоньше многих своих учеников, догматизирующих и абсолютизирующих осколки его противоречивой мысли.

Так, одни ученики видят зерно истины в Лакане «светлом» (дискурсивном, рациональном, логизирующем) и пытаются привести все содержание лакановской мысли к ясности и логичности или — что еще хуже — представить лакановскую концепцию как единоличное воплощение научности современного психоанализа. Другие ученики Лакана видят зерно истины в Лакане «темном», в мистическом опыте, таящемся под покровом схем и формул. По сути вся проблематика противоречивого единства теории и практики Лакана обсуждается в двух руслах: с одной стороны, это вопрос о том, какова теория Лакана, можно ли считать «лаканизм» научным или нет (если нет, то здесь большой спектр возможных ответов с акцентами на религии, мифе, искусстве, морали, политике и проч.), с другой стороны, это вопрос о том, какова практика Лакана, можно ли считать ее авторитарной или, напротив, антиавторитарной в отношении к пациентам, коллегам, обществу? Конечно, оба направления неизбежно пересекаются, то или иное решение вопроса о теории Лакана небезразлично для оценки его практики, и наоборот. Споры по обоим вопросам приходят в конечном счете к решениям в языковой плоскости: так, спор о Лакане научном или ненаучном, «светлом» или «темном», рациональном или иррациональном упирается в проблему двойственности символического (символ «алгебраический» или символ «мистический»), а спор о Лакане авторитарном или антиавторитарном упирается в проблему интерпретации основных идеологических функций языка (язык как средство отчуждения или язык как средство освобождения человека).

А теперь попытаемся почувствовать накал страстей и представить себе ожесточенные баталии, бушевавшие вокруг лакановского наследия в последние годы его жизни и после смерти. Одна за другой выходят статьи, памфлеты, книги. По одним только их названиям можно судить об их полемической заостренности: «Сыновья Фрейда устали», «Жизни и легенды Жака Лакана», «Психоаналитические машины», «Психоанализ — мать и шлюха», «Судьба, столь печальная», «Он вас не отпустит» (речь идет о психоанализе), «Теория как вымысел» и пр.[6]

---

[5] Поэтому вряд ли правы те исследователи, которые пытаются строго разграничить Лакана как главу школы и Лакана как теоретика: если школа и «плоха» (авторитарна догматична), то это-де не бросает тень на теорию. Ср. в этой связи высказывания С. Видермана (Viderman S. La machine dé-formatrice. — Confrontation, Cahiers 3, 1980, p. 34). Наивность такой позиции справедливо подчеркивает Ф. Рустан (Roustang F. ...Elle ne le lâche plus. P., Minuit, 1980 p. 176).

[6] Clément C. Les fils de Freud sont fatigués. P., Grasset, 1978; idem. Vies et légendes de Jaques Lacan. P., Grasset., 1980; Confrontation, Cahiers 3, Les machines analytiques. P., 1980; Roudinesco E., Deluy H. La psychanalyse: mère et chienne. P., Union Générale d'Edition. 10/18, 1979; Roustang F. Un destin si funeste. P. Minuit 1976; idem. ...Elle ne le lâche plus. P., Minuit, 1980; Mannoni M. La théorie comme fiction. P. Seuil, 1979.

Роспуск Лаканом своей школы и попытка организации новой школы[7] лишь обострили эту борьбу.

Трудно было подумать, что один из некогда активных участников лакановского семинара, приобретший репутацию человека, солидно владеющего методами структурного психоанализа, некто Франсуа Жорж, сотрудничавший вместе с Сартром в экзистенциалистском журнале «Тан модерн», тайно и не без умысла проникший «в стан врагов», подложит под здание лаканизма бомбу столь большой взрывчатой силы. Вышедший в 1979 году памфлет Ф. Жоржа[8] с остроумием и не без ехидства высмеивал секту лаканистов на основании личного опыта. Общее критическое содержание памфлета вполне укладывается в схемы экзистенциалистской полемики со структурализмом (любые «объективистские» способы постижения человека объявляются неаутентичными, а признание существования бессознательного как силы, управляющей человеком, — отчуждением, нарушением постулата о безграничной человеческой свободе), однако в нем очерчивались и новые моменты старого спора.

Основные понятия лакановской концепции, — считает Ф. Жорж,—это своего рода «а-концептуальные» (термин Ж.-А. Миллера) определения, недоступные ни трезвой критике, ни экспериментальной проверке. Они вводят нас в сферу двусмысленности как методического принципа. Этот лакановский эзотеризм—не невинная игра, поскольку он скрывает внутренний «порядок», выступающий (в соответствии с игрой смыслов французского термина „ordre“) и как «принуждение». И порядок, и принуждение —это, согласно Ф. Жоржу, — не только внутренние моменты теоретической концепции Лакана, но и реальные силы, которые необходимы Лакану для поддержания определенной структуры власти, для отбора посвященных и изгнания непосвященных.

Казалось бы, — продолжает Ф. Жорж, — формалистическая трактовка основных лакановских понятий, и, прежде всего, понятия означающего, должна заведомо исключать всякий мистицизм. Однако «обожествление» означающего, преувеличение роли означающего в человеческой судьбе и упование на формализацию означающего как единственное условие научности психоанализа как раз и ведут к мистицизму, а затем и к собственно религиозным интерпретациям. Формализованная и потому даже аскетичная интерпретация человека как «говорящего существа», человеческого желания как бесконечного и асексуального, человеческого языка как бесплотного, оторванного от живого чувственного опыта, делает Лакана скорее последователем Оригена и христианских мистиков, нежели наследником мысли Фрейда[9]. Психоанализ оказывается, по Ф. Жоржу, не механизмом снятия невроза, но механизмом «продолжения невроза другими сред-

---

[7] „La Cause freudienne“.

[8] George F. L'Effet' Yau de Poêle de lacan et des lacaniens. P., Hachette, 1979.

[9] «Означающее, по сути, отсылает к единственно истинному и подлинно Присутствующему» (George F., op. cit., p. 93), к трансцендентным условиям человеческого бытия. Подтверждение подобных выводов Ф. Жорж находит в работах одного из участников лакановского семинара, священника Дени Васса (ibidem, p. 92—93).

Конечно, аргументация, касающаяся, например, сходств и различий между верой религиозной и верой в психоанализ, может быть выписана гораздо тоньше, нежели это сделано у Ф. Жоржа (cf. Roustang F. Un destin si funeste, pp. 31—37 sq), однако сама возможность интерпретации Лакана в религиозном ключе остается: как достаточно серьезная тенденция она осуществилась, например, в работах Ф. Дольто.

ствами» — путем создания квази-религиозных сект и проповеди идеологических догм.

Филиппики Ф. Жоржа вызвали сложные чувства не только в душах правоверных лаканистов. С одной стороны, не замечать очевидных изъянов лакановского подхода к бессознательному было просто невозможно. С другой стороны, слишком многое в памфлете напоминало действия осла, лягающего умирающего льва, и уже одно это обстоятельство окрашивало все перипетии дальнейшего спора. Один из наиболее резких отзывов на памфлет Ф. Жоржа принадлежит перу К. Клеман[10]: хотя период увлечения лакановской мыслью остался для нее позади, она в принципе не может согласиться с трактовкой лакановского наследия Ф. Жоржем.

Ответ Клеман на острый памфлет Жоржа выглядит внешне респектабельно и спокойно. Искушенная в тонкостях публицистической полемики, К. Клеман прибегает к незамысловатому, но эффектному литературному приему: по форме ее книга представляет собой как бы попытку объяснить дочери — человеку другого поколения, — чем были для предшествующего поколения Лакан и его школа. Клеман мысленно возвращается к этапам творческой биографии Лакана, успевшего при жизни стать «легендой», подчеркивает противоречивость его интересов и занятий. Многие замечания К. Клеман по адресу лакановского психоанализа по видимости сходны с упреками Ф. Жоржа, однако основные акценты в обоих случаях расставлены по-разному. Лакановский авторитаризм дозволяет религиозной секте учеников лишь одну любовь — любовь к Мэтру, — считает Ф. Жорж. Нет, Лакан, как всякий крупный мыслитель, учил любви в высоком философском смысле, и этот урок — едва ли не главное, что остается в душе бывших учеников, даже тогда, когда они уже успели разочароваться в его идеях, — возражает К. Клеман. Критика Ф. Жоржа упускает из виду духовные поиски Лакана, не учитывает ситуацию трудного рождения знания, сводит внешние перипетии лакановской судьбы к желанию властвовать. К. Клеман пытается представить те же события как боренье духа, как поиски человека, по-новому почувствовавшего требования эпохи в решении ряда познавательных проблем, но осужденного на полунаучность.

К. Клеман — не новичок в области психоанализа. В вышедшей несколькими годами раньше книге «Сыновья Фрейда устали» (1978) она рисует острый, не лишенный сатирических красок социологический портрет современных психоаналитиков (подразумевается здесь прежде всего школа лаканистов, хотя прямо о Лакане речь не идет). «Сыновья Фрейда» — психоаналитики — это своего рода нувориши в области беллетризма и высокого интеллектуализма: они «устали» от своей трудной профессии и стыдятся честного ремесла — лечить людей; они ищут более респектабельных форм самоосмысления и самовыражения. Психоаналитику более импонирует роль изгоя, отверженного, чья социальная миссия заключается в разрушении системы, в которую он оказывается включенным[11], либо, что гораздо характернее, роль творца в сфере изящной словесности, или беллетриста (тем более, что повседневное общение с гениальным творцом — бессознательным — дает много яркого материала). Вопрос только в том, в каких формах словесности следовало бы запечатлевать речь бессо-

[10] Clément C., Vies et légendes de Jacques Lacan.

[11] Одну из причин такого маргинального самосознания К. Клеман видит в том, что французский психоанализ лишен самостоятельного юридического статуса: например, даже попасть в систему социального страхования психоаналитики могут лишь по ведомству психиатрии или психологии, с которыми они ведут ожесточенную борьбу.

знательного: во всяком случае романический жанр, наиболее часто используемый психоаналитиками для этого, не подходит, ибо никакой сон, никакой фантазм не рассказывается в столь ритуализованной и конвенциональной форме[12]. Даже лучшие книги по психоанализу, — сетует К. Клеман, — напоминают слоеное пирожное: слой клиники, слой иллюстративного материала, слой художественной словесности по случаю и т. д. Клеман предлагает свое, полушутливое объяснение страсти психоаналитиков к беллетризму. Психоаналитик, вместе с ученым и литератором, путешествуют по той пограничной области, которая отделяет в любом обществе норму от патологии. Все трое становятся контрабандистами, которые перевозят социально опасный, «запрещенный» товар, находя те или иные социально приемлемые формы его обращения. Бок о бок с ученым и с литератором, подражая им, в особенности последнему, работает и психоаналитик, который перевозит чужие слова и мысли в языке бессознательного и затем расшифровывает их. Таким образом, для К. Клеман, в отличие от Ф. Жоржа, деятельность психоаналитика сродни скорее художественной, нежели религиозной деятельности. (Впрочем, такой позиции К. Клеман придерживалась не всегда; люди, следившие за скачками в эволюции взглядов К. Клеман, конечно, поостерегутся предсказывать очередной поворот в ее суждениях и оценках).

Почему же вообще оказывается возможным такой разброс мнений в оценке психоанализа: с одной стороны, психоанализ как наука, с другой стороны, психоанализ, как религиозная или художественная деятельность? Очевидно, что в психоанализе есть нечто, допускающее различные интерпретации, но все же что в нем важнее — научно формализуемое, мистически невыразимое или выразимое, но не научными (допустим, художественными) средствами? Важное уточнение по этому вопросу мы находим в работе В. Декома «Двусмысленность символического»[13].

Проблема символического всегда была очень важна для Лакана. Символическое — это главная детерминация человека, это сфера наиболее аутентичных его проявлений; возможность объективации и структурирования сферы символического выступает как условие возможности науки о человеке вообще. При этом сфера символического предстает у Лакана как нечто единое, как некий символический Порядок, доступный формализации в духе К. Леви-Стросса. Единство это скрывает, однако, различные и даже взаимопротивоположные значения термина «символ»: одно дело — символ «алгебраический», другое дело — символ «мистический». Если соотнести оба типа символа с языковым выражением, то символ в первом значении есть нечто надъязыковое (если речь идет и в самом деле об алгебраических символах) или же собственно языковое, во всяком случае это символ-конвенция, символ-результат социального установления, пусть даже и не осознанного, а символ во втором смысле есть нечто доязыковое, довербальное, это источник символизации, творческой деятельности сознания вообще. Таким образом, все заботы Лакана и его учеников об объективации и формализации означающего относятся к сфере символа «алгебраического», а все, что остается за рамками рационализации — интуитивное, фантастическое, «ненаучное», — относится к сфере символа «мистического». Подобная недорасчлененность сферы симво-

---

[12] Как показывают беллетристические эксперименты в уже упоминавшейся книге Э. Рудинеско и А. Делюи, для этого не годятся и наиболее утонченные жанры средневековой куртуазной поэзии, некогда использовавшиеся трубадурами и труверами.

[13] Descombes V., L'Equivoque du symbolique. In: Confrontation, Cahiers 3, 1980, pp. 77—95.

лического в психоанализе обусловлена его теоретической незрелостью, при которой строгая дифференциация значений термина «символическое» и однозначный выбор того или иного значения оказывается преждевременным и потому трудно выполнимым требованием[14].

Все споры о научности психоанализа происходят не в вакууме, а в определенном идейном контексте. Это обусловливает наличие постоянного идеологического и политического фона при обсуждении всех проблем психоанализа, его теории и практики, а подчас и выдвижение на первый план вопросов, связанных с соотношением сил, с господством и подчинением. Крах голлистских идей сильной власти и авторитарного режима, кризис экономической модели патернализма, все более обнаруживающие себя явления манипулирования сознанием, призрак грозящей инфляции — все это приводит к реанимации правых тенденций в политической жизни общества, к господству в социальной мысли «новых правых» тенденций, к концу очередных либерально-буржуазных иллюзий. Специфику этой ситуации необходимо учитывать, когда мы стремимся понять сложность позиций в спорах о Лакане, вышедших за рамки собственно психоаналитических проблем. Таковы были споры и на Тбилисском симпозиуме 1979 года, где даже либеральная позиция французских интерпретаторов Лакана была идеологически крайне заострена и выступала в своем политическом обличьи. Конечно, споры о том, кому — «правым» или «левым» лучше служит лакановский психоанализ, начались не здесь. Так, некоторые представители новых правых, например, Г. Лардро и К. Жамбе усматривали у Лакана культ сильной личности (и здесь они вполне могли бы, заметим, сослаться на знаменитую венсанскую речь Лакана перед некогда бунтовавшими студентами[15]). Напротив, представители либеральной интеллигенции склонны видеть в лаканизме протест против репрессивной машины государства и авторитаризма в человеческих отношениях.

Характерно, что основные аргументы и в этом споре черпаются опять-таки из языковой области. Как правило, позиция тех, кто видит в лаканизме воплощение авторитаризма, опирается на трактовку языка как орудия социального порабощения. Эта трактовка близка экзистенциалистской: как известно, Ж.-П. Сартр считал язык частью овеществленного «практико-инертного» мира и одним из условий человеческого отчуждения[16]. Противоположная позиция — трактовка психоанализа как средства освобождения индивида от репрессивного общества — подкрепляется аргументацией, согласно которой язык есть некое неотчуждаемое «базисное» явление; если надстроечные структуры выступают как механизм «порабощения», то «базисность» неотчуждаемо присущего, врожденного каждому индивиду языка воспринимается как средство избавления от «господ, богов, тиранов». Различные варианты этого подхода представлены в докладах ряда французских участников Тбилисского симпозиума — С. Леклера, Э. Рудинеско, Р. Мажора, несмотря на все нюансы индивидуальных различий между их позициями[17].

---

[14] Cf. Roustang F. ... Elle ne le lâche plus, p. 68.

[15] Lacan J. L'Impromptu de Vincennes. — Magazine littéraire, numero spéc. 121. Jacques Lacan, fév. 1977, p. 24: «То, что привлекает вас своей революционностью, есть на самом деле Мэтр. Так вы его и получите».

[16] Cf. J.—P. Sartre. L'Écrivain et la langue. — Revue d'Esthêtique, nouv. série, 1965, no 18, pp. 306—334.

[17] Cf. Leclaire S. Un soulévement de questions. Le mouvement psychanalytique animé par Jacques Lacan (Texte du rapport prêsenté au Symposium de Tbilissi — octobre 1979) — Confrontation, Cahiers 3, 1980, pp. 69—76; Major R. L'Inconscient: une dé-

Так, С. Леклер виртуозно и вполне в лакановском стиле продемонстрировал игру означающих в психотерапии, аргументируя в терминах психоанализа один из главных тезисов всей современной буржуазной философии: самое важное в человеке—не сознание или разум, но язык и тело, они сходны своей расчлененностью (этимологически, настаивает С. Леклер, слово «секс» восходит к латинскому „sectus“ — расчлененный, разделенный). Соответственно освобождение тела через освобождение языка, овладение языком как неотчуждаемой символической собственностью и есть средство более общего социального освобождения. Вряд ли нужно особо доказывать, что при этом воспроизводятся и некоторые весьма зыбкие аргументы фрейдо-марксизма.

Итак, споры о психоанализе как теории (наука или не наука), равно как и споры о психоанализе как практике (авторитарная или антиавторитарная) оказываются во многом логомахией — борьбой, ведущейся вокруг языка и средствами языка. Помогает ли нам, однако, осознанное учетверение термина «язык» (в одном случае язык (точнее — символ) «алгебраический» или «мистический», в другом случае — язык «отчуждающий» или «освобождающий») разрешить изначальную лакановскую антиномию между теорией и практикой психоанализа ,между исследованием бессознательного и терапевтическим управлением им? Лишь отчасти, ибо в стороне все же остается за детализацией позиций главное: область единства теоретического и практического в психоанализе как область ДЕЙСТВЕННОСТИ СИМВОЛИКИ (термин К. Леви-Стросса) — в ней коренится условие возможности психоанализа как специфической деятельности, связанной одновременно и с пониманием и с практическим преобразованием, лечением. Между теорией и практикой психоанализа есть связи, но они более тонкие и вместе с тем более реальные, нежели те, которые дает нам вычленение языковых аспектов того и другого.

Внеязыковая сфера властно входит в отношения между врачом и пациентом в форме знаменитой проблемы трансфера. Ф. Рустан утверждает даже, что «психоанализ возник из попыток построения теории весьма специфического опыта, связанного с феноменом трансфера»[18]. Трансфер — это перенос на врача в рамках психотерапевтической ситуации патогенных эмоций больного, относящихся в его истории к каким-то другим лицам (как правило, к лицам, облеченным властью, и прежде всего — родителям). Этот перенос позволяет больному вновь пережить эти эмоции, а затем, совершив определенную внутреннюю работу (в ней участвует не только рефлексивное сознание, но и силы сопротивления сознанию, и силы, позволяющие снять это сопротивление), освободиться от этих эмоций и от влияния врача, найти в себе способность для дальнейшего самоконструирования. Таким образом, конец лечения, как подчеркивали и Фрейд, и Лакан, должен совпадать со «снятием трансфера», с выходом в сферу реальных межличностных отношений.

Привлекает внимание тот факт — он много и разносторонне обсуждался в спорах о Лакане и лаканизме, — что при обучении будущих психоаналитиков (оно происходит путем личного анализа, проводимого опытным психоаналитиком — «дидактом») такого снятия трансфера и выхода за пределы психотерапевтической сферы не полу-

---

cision politique (Texte du rapport présenté au Symposium de Tbilissi), ibidem, pp. 175—178. Для Р. Мажора бессознательное—не столько место осуществления власти, сколько выхода за пределы всякой власти или силы, место, где царит „L'anarché“, — ibidem, p. 178.

[18] Roustang F., Un destin si funeste, p. 79.

чается. Напротив, конец курса и пожизненное «посвящение» в психоаналитики блокирует будущему аналитику выход в реальную непсихоаналитическую ситуацию, по крайней мере, в сфере профессиональной деятельности. Вследствие этого сами психоаналитики подчас оказываются людьми с «неснятым трансфером», с бациллой авторитаризма в душе, причем речь идет не только о рядовых психоаналитиках, которые почему бы то ни было не преуспели в самоанализе и очищении собственного бессознательного, но и о фигурах столь крупных, как Лакан и даже сам Фрейд. Анализ биографии Лакана и судьбы его школы неизбежно приводил к сопоставлению с биографией Фрейда и судьбой его учеников. Биография основателя психоанализа оказалась при более близком рассмотрении полна мелких ссор и дрязг, споров о приоритете, взаимных уличений в плагиате, кровопролитных битв на идейной и личной почве (не случайно Фрейд называл своих учеников «дикой ордой»), вплоть до душевных болезней и самоубийств его учеников, — все эти факты по-новому осветили и образ Фрейда и последующую историю фрейдизма[19]. В биографии Фрейда стали видеть отражение дальнейшей судьбы его школы и подтверждение того, что подобная судьба обусловлена самой природой психоанализа; на этом фоне и судьба лакановской школы начинает трактоваться как нечто абсолютно закономерное и даже предопределенное.

В свете этих исканий особое значение приобрели работы Ф. Рустана. Не ограничиваясь историческими параллелями и переоценками, он проводит и эпистемологически обосновывает ряд идей, свидетельствующих о резко критическом отношении к лакановскому психоанализу. Ф. Рустана характеризует та «эпистемологическая озабоченность», которая необходима для анализа реальной проблематики лакановского психоанализа и которой, как отмечает Ф. Рустан, как раз и нехватает современным психоаналитикам. Именно поэтому Рустану удалось зафиксировать суть проблем психоаналитической теории и психоаналитической практики в их единстве. Ни те, ни другие проблемы не решаются в языке, — так возражает Ф. Рустан Ж. Лакану.

Сравнивая тезисы рустановской концепции бессознательного с соответствующими тезисами программы Лакана, мы обнаруживаем вполне последовательное расхождение позиций. Можно ли представить бессознательное как язык? Нет. Эта аналогия уместна только по отношению к сознанию и предсознанию, говорит Ф. Рустан, апеллируя к Фрейду; собственно бессознательное есть некий гипотетический предел мыслимого и сущего[20] — предел, лишенный какой-либо структурированности, не говоря уже о языкоподобной дискурсивности. Может ли психотерапевтическая практика сводиться к языковым процедурам, к игре с означающим? Нет, психотерапевтическое отношение врача и пациента не развертывается в языке: язык, речь выступают только как средство, условие возможности[21] трансфера. Можно ли сказать, вслед за Лаканом, что человек есть «говорящее существо» (parlêtre)? Можно, если иметь в виду факт подчинения человека порядку означающего; нельзя, если подразумевать при этом, как большинство психоаналитиков лакановской ориентации, что все в человеке определя-

---

[19] Яркие, острые экскурсы в историю психоанализа, детальное освещение взаимоотношений Фрейда со всеми его учениками см. в вышеназванных работах М. Маннони, Э. Рудинеско, Ф. Рустана, в целом ряде статей, опубликованных в альманахе «Конфронтасьон».

[20] Roustang F., ... Elle ne le lâche plus, p. 152, 153, 170.

[21] Ibidem, p. 151.

ется языковыми отношениями[22] и т. д. и т. п. Само эффективное использование языка в психотерапии свидетельствует, по Рустану, о том, что оно опирается на некие более глубокие уровни структурирования, которые по самой своей природе неязыковы и не языком устанавливаются.

Психоаналитическая теория бессознательного зависит, следовательно, от опыта, в котором реализуются не только языковые отношения, но и отношения, к языковым не сводимые, например, внушение, гипноз (говоря о роли внушения и гипноза в психоанализе, Ф. Рустан опирается на работу Л. Шертока[23]). Открытая к неязыковому опыту психоаналитическая теория не может существовать в виде законченного свода знаний, усвоение которых само по себе давало бы практический эффект. Каждый новый анализ — это и новая версия теории, и новая практика. Так же «обречен на новизну» и психоаналитик: он не может сказать о себе: «Я — создатель теории», но лишь: «Я есмь теоретизирующий»[24]. Следовательно, и объединение теоретизирующих психоаналитиков в какую бы то ни было организацию со своим уставом — это противоречие в определении: психоанализ недогматический может быть только «а-социальным».

Эпистемологическая задача психоанализа, как ее понимает Ф. Рустан, заключается в том, чтобы на основе конкретных ситуаций вычленять общезначимое и вводить в сферу коммуникации то, что, казалось бы, недоступно сообщению и передаче от одного лица к другому (именно такой нередко представляется «монофемная» речь больного). Это стремление к общезначимому логическому выражению индивидуального опыта, к «приручению» иррационального дает психоанализу место в «поле науки». Однако на нынешней ступени своего развития психоанализ наукой не является. В самом деле, ведь научная теория предполагает возможность выдвижения гипотез и их экспериментальной практической проверки. О какой же научной теории бессознательного можно вести речь, если и общая теория бессознательного (скажем, фрейдовская или лакановская), и тем более конкретные «теории», которые аналитик вынужден строить в каждой практической опытной ситуации (Фрейд и вслед за ним Рустан называют такие теории «конструкциями»), по сути никакой опытной проверке не подлежат? Конструкция врача есть его гипотеза относительно тех или иных эпизодов реальной истории больного — забытых, или вытесненных. Хорошо, если «конструкция» помогает больному вспомнить реальное событие (это и есть подтверждение теоретической конструкции). А если нет? Тогда врачу приходится действовать убеждением, внушением, а больному принимать предлагаемую ему версию собственной истории на веру — а ведь сам механизм внушения эпистемологически не выверен и не свободен от более или менее явного манипулирования сознанием. Есть и третья возможность: больной не вспоминает реального события, не принимает на веру и доводы врача — он отказывается признать конструкцию врача частью собственной истории. Заставляет ли это врача изменить свою конструкцию? Сомнительно: как правило, врач объясняет подобное упорство неснятым сопротивлением осознанию. И кто же оказывается в данном случае судьей? Человек с «неснятым трансфером»: в нем живут свои комплексы, которые при случае тоже могут переноситься на больного (т. н. «контртрансфер»).

---

[22] Ibidem, p. 151, 156.

[23] Roustang F., ... Elle ne le lâche plus, pp. 107, 130. Ср. Шерток Л. Непознанное в психике человека. М., «Прогресс», 1982.

[24] Roustang F., Un destin si funeste, p. 99.

Мы говорим здесь так подробно обо всех перипетиях психоаналитического познания-практики, чтобы понятнее стал тот вывод, к которому в конце концов приходит Рустан. Главная цель психоанализа — излечение — достигается не столько теоретической работой аналитика, сколько собственной творческой работой бессознательного, раскрывающейся в снах или фантазмах и создающей причудливый узор, который как бы живет собственной жизнью — не только самодостаточной, но и способной послужить точкой отсчета и опоры при самосозидании возрождающегося, выздоравливающего человека. Рустан показал, что художественное творчество может рассматриваться как научный (терапевтический) акт. Потому-то относительно психоанализа и не верна оппозиция или-или: или искусство, или наука.

Таким образом, лакановское противоречие между теоретическими и практическими аспектами психоанализа не страшит Ф. Рустана. Теория психоанализа существует, поскольку в психоаналитическом знании о бессознательном есть момент детерминизма, без которого невозможна никакая наука; теория психоанализа не существует, поскольку цепь причин и следствий нарушается моментом открытости, необходимостью интерпретации всякий раз новой конкретной единичной ситуации. Ф. Рустан фиксирует здесь противоречие любого, не только лакановского, психоанализа, любого психоаналитического опыта: психоанализ не может существовать, не стремясь быть наукой, однако, если бы эта тенденция к научности осуществилась, если бы была построена в конце концов формализованная теория психоанализа, то это было бы не высвобождением психоанализа из мистических одежд прошлого, не научным ВОЗРОЖДЕНИЕМ того, что существовало ранее на уровне фантастических предположений и интуитивных догадок, но КОНЦОМ психоанализа — концом всего того, что есть в нем теоретически истинного и практически эффективного. Вряд ли это заключение Рустана можно счесть справедливым. Если бы встреча каждый раз с новой ситуацией означала дезавуирование научного подхода, то тогда не могла бы существовать никакая наука, и в частности, психология, медицина и проч.

Психоанализ, по-видимому, выступает как бесконечный процесс опосредования уже имеющегося знания о бессознательном в той или иной конкретной ситуации межличностного общения — общения, которое вряд ли может быть объектом строгой науки, хотя и содержит в себе возможность косвенного выявления реальных социальных отношений — более широких, нежели собственно психотерапевтические отношения врача и пациента. В этом более широком контексте приобретает свой позитивный смысл и попытка выявления языковых аспектов бессознательного как ступеней, ведущих от до-языковой мысли к мысли, выраженной в языке[1].

Общие итоги нашего рассмотрения сводятся к следующему. Споры вокруг лакановского наследия имеют серьезное позитивное содержание, ибо за каждой репликой этих споров стоит уже достаточно разработанная концепция, которая лишь затемняется, но не упраздняется идеологическими коннотациями. Тбилисский симпозиум и полемика вокруг него сделали очевидными не только для французской, но и для мировой психоаналитической мысли те разнообразные возможности, которые открывает анализ идей и трудов Лакана для понима-

---

[25] Ср. Бассин Ф. В., У пределов распознанного: к проблеме предречевой формы мышления. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III, Тбилиси, 1978, 735—749.

ния проблемы бессознательного вообще. Вместе с тем они лишний раз показывают, что ни одно явление столь крупного масштаба, каким предстает Лакан и лаканизм, не может избежать включения в идеологические коллизии современного мира: за разговорами о «реабилитации» бессознательного в СССР стоит вполне определенное идеологическое осмысление всей проблемы бессознательного. Именно эту идею ясно и прозорливо отстаивали в свое время советские исследователи.

На вопрос же о том, был ли лаканизм возрождением или концом психоанализа, вряд ли возможен однозначный ответ. Очевидно, что «конец» психоанализа — это обожествление Школы, Позиции, Лидера — словом, всего того, что уводит его теорию в мистицизм, а его практику — в авторитаризм. В психоанализе есть, однако, и другие возможности; они связаны прежде всего с экспликацией дорефлексивных аспектов реального опыта, с выявлением общезначимого смысла различных жизненно-практических ситуаций, с осмыслением взаимосвязей между до-языковыми и собственно языковыми формами мышления —с развитием тех тенденций, которые способны противостоять в психоанализе магии слова и магии власти. Будущее покажет, какие именно фрагменты лакановского наследия окажутся наиболее перспективными для дальнейшего развития в этом плане. С уверенностью можно утверждать лишь, что такие фрагменты в концепции Лакана есть.

LACAN: THE RENAISSANCE OR THE END OF PSYCHOANALYSIS?

N. S. AVTONOMOVA

Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences, Moscow.

Summary

The main contradiction of J. Lacan's psychoanalysis is seen here as a contradiction between the rational and irrational aspects of his work, between his theory (structural) and practice (transferential). Far from overcoming this difficulty, Lacan's followers go into smaller controversies, discussing e. g. whether Lacan's theory is scientific or not (mythical, religious, product of fiction, etc.), and whether Lacan's practice is authoritarian or "liberating". The answer in both cases is sought within the sphere of language—understood broadly. The dangerous trend of modern psychoanalysis is connected with a tendency to the personification of the Leader's theoretical position as the ultimate truth. However, there are also other potentialities in psychoanalysis which enable it to escape this fallacy and to go on with its therapeutic job proper by applying our present-day knowledge of the unconscious in unique concrete situations of real interpersonal relations.

ЛИТЕРАТУРА

1. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: ПРИРОДА, ФУНКЦИИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, т. т. I.—III, ТБИЛИСИ, МЕЦНИЕРЕБА, 1978.
2. ШЕРТОК Л., Непознанное в психике человека, М., Прогресс, 1982.
3. CLEMENT C., Les fils de Freud sont fatigués. P., Grasset, 1978.
4. CLEMENT C., Vies et légendes de Jacques Lacan. P., Grasset, 1980.

5. DESCOMBES V., L'Equivoque du symbolique. In: Confrontation, Cahiers 3, 1980.
6. GEORGE F., L'Effet 'Yau de Poêle de Lacan et des lacaniens. P., Hachette, 1979.
7. LACAN J., Ecrits. P., Seuil, 1966.
8. LECLAIRE S., Un soulévement de questions. Le mouvement psychanalytique animé par Jacques Lacan. In: Confrontation, Cahiers 3, 1980.
9. MAJOR R., L'Inconscient: une décision politique. In: Confrontation, Cahiers 3, 1980.
10. MANNONI M., La théorie comme fiction. P., Seuil., 1979.
11. ROUSTANG F., Un destin si funeste. P., Minuit, 1976.
12. ROUSTANG F., ...Elle ne le lâche plus. P., Minuit, 1980.

ПОНИМАНИЕ «БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО» В. КРЕЧМЕРОМ

Н. П. РАПОХИН

ВНИИ комплексных проблем АН СССР, Москва

Анализ современного состояния теории неосознаваемых форм психической деятельности на Западе показывает, что психологические проблемы, бывшие ранее объектом изучения исключительно в рамках психоанализа, привлекают внимание многих и непсихоаналитически ориентированных исследователей. Среди них встречается немало ученых, которые не приемлют исходные идеи фрейдизма, подвергают их резкой критике. Одним из таких серьезных западных исследователей проблемы бессознательного является В. Кречмер[1].

Важное место в концепции бессознательного В. Кречмера занимает критика психоаналитических взглядов на эту проблему. Критический анализ фрейдистской трактовки бессознательного он начинает с рассмотрения представлений о соотношении сознания и «бессознательного» в историческом плане. Для этого им в истории философии выделяются две характерные линии анализа психических явлений: рационалистическая философия и романтическое мышление.

В эпоху рационалистической философии (Кант, Гербарт, Вундт), когда главным содержанием сознания считались представления, ставился вопрос о том, что детерминирует их появление, течение и исчезновение. Откуда появляются представления, когда мы вспоминаем что-то, куда они исчезают, когда мы забываем это? При каких обстоятельствах они становятся недоступны даже для активного поиска, а когда незванно врываются в сознание? Ответы на подобные вопросы предполагали существование неосознаваемых явлений. Но поскольку психика понималась как расчлененная на отдельные элементы, не было необходимости в «бессознательном» как интегральном образовании.

Предметом исследования романтической школы (Шлегель, Шеллинг) становятся комплексные субъективные явления сознания: чувства, интуиция, фантазия, эстетические и нравственные переживания, религиозные идеи, сновидения и т. п. Для раскрытия сущности этих явлений требовались большая свобода и гибкость мысли, учет наряду с ясно очерченным размытого и нечеткого, наряду с жестко фиксированным формирующегося, т. е. границы сознания расплывались. В. Кречмер считает, что «романтикой, понимавшей душевное как нечто текущее и непостоянное, были заложены предпосылки для интегральной психологии более позднего времени. Одновременно с целостным пониманием психики, охватывающим всего субъекта, возникло требование считаться с тем, что находится за кулисами сознания, от чего оно зависит и что поставляет ему материал...» [4].

---

[1] Вольфганг Кречмер (род. в 1918 г.), видный западногерманский психиатр и психотерапевт, автор ряда работ по теоретическим проблемам клинической психиатрии и психологии.

Бессознательное определялось как двойственное явление, которое, с одной стороны, по строению и функциям аналогично сознанию, а с другой — его полярная противоположность. Оно компенсирует процессы сознания, дополняет их, а иногда творчески обогащает. Для В. Кречмера важно, что здесь «подчеркивается целостность психики, имеющей и светлые и теневые стороны, как, например, сон и бодрствование, которые только при определенных экстремальных обстоятельствах вступают в резкое противоречие друг с другом» [4].

Фрейд не воспринял идеи романтического направления, а возвратился к анализу отдельных представлений и аффектов. Исходя из психопатологии, он пришел к выводу об абсолютном противоречии между сознательными намерениями и неосознаваемыми влечениями. Душевная жизнь сужается им до биологических потребностей и агрессивных импульсов. «Проблема бессознательного также чрезмерно редуцируется, потому что, по представлению психоаналитиков, бессознательное функционирует лишь как резервная станция для неприемлемых пищевых, сексуальных и агрессивных желаний. Механизм взаимодействия между «сознанием» и «бессознательным» исследуется только с точки зрения отрицания или принятия деликатных примитивных импульсов, чувства вины или страха перед наказанием. Другие биологические или психологические отношения упускаются из виду... В психологии Фрейда «бессознательное» представляет собой лишь подобие примитивной сознательной душевной жизни с противоположными ценностными знаками. Здесь не существует ничего высокоценного. «Бессознательное» не имеет никакой продуктивной биотической или специфически человеческой функции. Игнорируется проблема воли. Теоретически фрейдизм таким образом мало что дает» [4].

В. Кречмер отмечает непоследовательность психоанализа в двух важных направлениях, сулящих прогресс теории «бессознательного». Во-первых, психоанализ не встал на путь экспериментальной разработки механизмов формирования представлений и построения движений, хотя теоретически на него ссылался. Во-вторых, неизбежно рассматривая в духе романтического подхода значения, смысловой опыт и ценности субъекта, психоанализ отрицает их, втискивает их проявления в неадекватную логическую схему механистического мышления. Указанная непоследовательность обрекает психоанализ теоретически и практически на провал.

Более плодотворный подход к исследованию проблемы бессознательного представлен, по мнению В. Кречмера, в работах Э. Кречмера и А. Адлера. Ими была воспринята и развита идея продуктивной целостности осознаваемой и неосознаваемой жизнедеятельности. За этой идеей стоит романтическое понимание полярности строения организма, которая отражается и в структуре психики. В результате систематического наблюдения над истериками Э. Кречмер пришел к выводу, что «бессознательное» — это «негативная величина». Неосознаваемыми он называл все процессы, степень актуальной или ретроспективной осознанности которых находится в обратном отношении к произвольному воздействию на поведение. Проведенные им исследования истерических судорог и параличей выявили, например, резкое противоречие между осознанным намерением пациента нормально передвигаться и лишь косвенно предполагаемым «желанием» быть парализованным или двигаться ненормально. Сознательная воля оказывалась позитивно направленной, жизненно устремленной, а «бессознательное» — изолирующей, ограничивающей субъекта тенденцией. Ее влияние на поведение увеличивается по мере усиления эмоций, особенно страха.

«Примечательно, что Э. Кречмер никогда не говорит обобщенно о «бессознательном», а говорит только о психических процессах и влечениях, о чувствах и мотивах и т. п., которые более или менее осознаны. Э. Кречмер предполагает целостность организма или личности и считает, подобно Адлеру, что основную тенденцию индивида по отношению к жизни, несмотря на амбивалентные чувства и разнонаправленные установки, можно определить по внешним, наблюдаемым проявлениям. Противоречие между сознательно познанным, желаемым и вытесненным в «бессознательное», каким бы резким оно ни казалось в определенные моменты, — все же относительно и является тем не менее выражением одного и того же субъекта. Таким образом, психическую жизнь можно понять и описать, не прибегая к категории «бессознательного...» [5]. Суть взгляда Э. Кречмера на «бессознательное» состоит в том, что «бессознательное» не образует как таковое нечто определимое, а представляет собой косвенно выводимые из феноменов поведения и сознания формальные детерминанты движений и психических процессов, а также содержательной стороны воспоминаний.

Исходным тезисом собственной трактовки В. Кречмером проблемы бессознательного является признание им исключительной важности той роли, которую играет в жизни человека неосознаваемая психическая деятельность. Говоря о месте и значении неосознаваемого, В. Кречмер отмечает, что все человеческое, в том числе и психическая жизнь субъекта, базируется на неосознаваемости, вернее, на том, что постоянно происходит колебание между возникновением и исчезновением неосознаваемого. То, что осознается в данный момент, не было содержанием сознания в прошлом и вскоре вновь станет неосознаваемым. То, что еще не осознано, или то, что уже стало неосознанным, находится в потенции, или *готовности* и может намеренно или спонтанно (ненамеренно) актуализироваться в сознании.

Для понимания поведения и деятельности субъекта важно учитывать то, что имеются различные ступени осознания им происходящего, вплоть до неосознаваемого поведения. Фактически субъект в процессе жизнедеятельности постоянно «отрицает» сознание, т. е. осознаваемое непрерывно переходит в «бессознательное». Таким образом, «бессознательное» и предшествует сознанию и «следует за ним». В связи с этим вслед за Шеллингом и Э. фон Гартманом, согласно В. Кречмеру, «бессознательное» можно принять за основу действительности. Но при этом, правда, нужно иметь в виду, что речь идет о метафизическом, а не о психологическом аспекте проблемы, поскольку психология исходит из наблюдения за поведенческими феноменами.

Далее В. Кречмер обосновывает представление о «бессознательном» как о негативном понятии, которое по определению необъективируемо. С его точки зрения, можно лишь условно признать, что на «бессознательное» распространяются те же законы, что и на сознание, и что «бессознательное» функционирует аналогично сознанию с той только разницей, что оно незримо. Попытки психотерапевтов гипостазировать «бессознательное», т. е. приравнять его к телесному аппарату или скрытой личностной силе, неправомерны.

«Бессознательное» выступает перед исследователем через его проявления, т. е. через поведенческие феномены. Их можно констатировать объективно у другого человека (движение, речь), или он сам обнаруживает их у себя и сообщает об этом. Исследовать можно только объективные и субъективные феномены. «Бессознательная» же сфера человека с научной точки зрения является лишь абстракцией, построенной на базе феноменов, теоретическим принципом их объясне-

ния, интерпретации. «Когда мы остаемся в пределах сознания, тогда всякий способ исследования оправдан и результаты исследования можно интерпретировать. Но как только мы гипостазируем «бессознательное», то на каждом шагу наталкиваемся на противоречие» [4].

В. Кречмер выступает против признания существования «бессознательной сферы», где, по мнению психоаналитиков, располагаются «бессознательные тенденции» и «представления» и из которой они выходят наружу. Однако бессознательное, как впрочем и психика в целом, не пространство, а абстрактный принцип. О психических явлениях нельзя сказать поэтому, «откуда» они и «куда».

Когда говорят о «бессознательном», то имеют в виду различного рода психологические принципы, с помощью которых объясняются спонтанные психические процессы, интерпретируются физиологические и элементарные психические автоматизмы, в соответствии с принципами происходит формирование способностей, принципам подчиняются стремление к наслаждению и избегание неудовольствий (в особенности страха и вины), стремление к самоутверждению и общению, к жизненной полноте и познанию смысла. Подобное многообразие функций «бессознательного» указывает, по мнению В. Кречмера, на то, что слово «бессознательное» заменяет по существу слово «душа». Ведь понятие «душа» как раз и охватывает бессознательные принципы, в соответствии с которыми возникают и исчезают осознаваемые спонтанные явления. Душу невозможно зафиксировать, ее можно познать либо при помощи логической абстракции, либо почувствовать и раскрыть ее содержание мифически-поэтическим способом.

Все, что относят к «бессознательному», сводится, как правило, к врожденным или приобретенным в течение жизни установкам, возможностям субъекта, в рамках которых протекают спонтанные психические процессы (чувства, представления, движения). Интегральным выражением системы подобных установок являются понятия характера и темперамента.

Таким образом, «бессознательное» выступает для В. Кречмера в качестве объяснительного принципа всех субъективных явлений, оно по сути дела сближается им с понятием «души». Психоанализ, по его мнению, сильно сужает «бессознательное». Понятная для врача, но не состоятельная научно, ошибочная посылка Фрейда состоит в том, что он с *принципами* наблюдаемых феноменов (например, сновидения, невротические симптомы) обращался так, будто они сами являются воспринимаемыми *феноменами*. Поэтому он был вынужден вместо корректного понятия «неосознанное» использовать понятие «бессознательное».

Определяя «бессознательное» лишь как теоретический принцип, В. Кречмер, впрочем, полагает, что и сознание так же полно тайны, как и «бессознательное». Можно лишь описывать содержание сознания, контролировать происходящую в нем работу, но само оно, будучи понятийной абстракцией, не может быть непосредственно воспринято. С учетом этой гносеологической ситуации позволительно, по мнению В. Кречмера, а исходя из практических соображений, и целесообразно, говорить о сознании и «бессознательном».

При этом В. Кречмер отмечает, что категория «бессознательного» как корректная форма выражения разнообразных готовностей субъекта к деятельности уместна лишь в принципиальной философской дискуссии.

В общеупотребительной речи в интересах научной ясности целесообразно было бы отказаться от выражения «бессознательное» и говорить только о неосознанных явлениях, темах, тенденциях и значениях. Принципиально важно, говорит ли, например, врач: «бессознательное

блокирует процесс ходьбы больного», или он говорит: «больной, сам не зная об этом, не желает ходить».

В. Кречмер считает, что нет «никакой психологии бессознательного», которая отличалась бы от «психологии сознания», также нет и «глубинной» психологии, которая должна бы быть дополнением «поверхностной» психологии. Имеется только одна психология, исследующая различные содержательные области психики, например, спонтанное и произвольное, потребности и моральное поведение, восприятие и мышление, обучение и мировоззрение» [5]. Объект исследования психологии представляет собой осознанные исходные феномены и неосознаваемые, косвенно из них выводимые принципы.

Вне сознания существуют лишь внутренние процессы организма и наши внешние движения, которые в большинстве случаев нам неясны или неосознаваемы. «Помимо сознания, мы не находим ничего психического, то есть ни пространства, ни содержания, ни процессов, в буквальном смысле слова ничего... Тенденция, которую я не осознаю, не существует, точно также не существует и представление, которое выпало у меня из сознания. Если кто-то, например, ведет себя по отношению к определенному лицу отчужденно, сам того не замечая, то я фиксирую у него лишь поведение, которое интерпретирую как враждебное, но не тенденцию. Последняя познается тогда, когда она осознается субъектом» [5].

Кречмер отмечает, что во всех попытках доказать реальность «бессознательного» речь, по существу, идет не о том, осознанно или неосознанно что-либо, а о том, намеренно ли возникает осознанное или оно появляется спонтанно, а также о том, как структурировано осознанное. Различие между намеренными и спонтанными психическими явлениями состоит в том, что намеренные (произвольные) акты в мышлении и действиях последовательно и систематично направлены на достижение цели, спонтанные же процессы целостно и симультанно, непосредственно раскрывают существо происходящего.

Далее он высказывает очень важное положение. «Существенно не то, что имеется «бессознательное» со своим особым содержанием, а то, что нечто может появиться в сознании, может стать осознанным..., что имеются закономерные готовности, согласно которым у определенного индивида, группы людей или даже у всего человечества при определенных условиях в сознании актуализируются тенденции, представления и мысли. Исследование этого процесса дало бы намного больше, чем узкая перспектива психоанализа. В повседневной жизни и в психотерапии не играет роли осознана или нет субъектом его проблема, важно то, справляется ли он и как с теми или иными задачами своей жизнедеятельности» [5].

Через понятие намеренных и спонтанных психических процессов В. Кречмер вводит в рассмотрение проблемы «бессознательного» важнейшую категорию — категорию субъекта.

Намеренно субъект припоминает нечто, рассуждает, принимает решения, относится к самому себе и к другим. Спонтанно (ненамеренно) у него всплывают воспоминания, возникают фантастические образы во сне и наяву, появляются идеи, переживания, чувства, формируются настроения. При намерениях у субъекта возникает ощущение, что он сам вызвал их. При спонтанных процессах, которые особенно характерны для сна и невротических симптомов, ему кажется, что нечто образовалось само собой.

Спонтанные психические процессы вовлечены в мышление и устремления субъекта. Они выплывают из потока жизни, несут на себе печать прошлого и обращены в будущее. Их можно интерпретировать, т. е. приводить в смысловое соответствие с историей жизни. Однако,

замечает Кречмер, интерпретируется при этом не «бессознательное», а осознанное. Найденные значения и смысловые перспективы не находятся в «бессознательном» в готовом виде и не представляют собой никаких твердых «фактов», на которые можно было бы опереться. Они рождаются в процессе познания. Причем, не существует правильного или неправильного толкования, оно может только казаться имеющим смысл или бессмысленным.

Свойственные субъекту намеренные и ненамеренные психические процессы не являются полностью независимыми друг от друга. Они пересекаются между собой и регулируются субъектом. Субъект предстает перед нами как целостность, как центральный момент (точка схождения) потенциальных переживаний и произвольных актов. Насколько этот момент осознан в «Я», настолько субъект намеренно управляет собой. В связи с этим поведение субъекта характеризуется различными степенями осознанности. Намерения субъекта «по определению осознаны, его фантазии осознаны, но не намеренны, его действия отчасти намеренны и осознанны, отчасти ненамеренны и неосознаны. Знание и значение, воля и процесс связаны друг с другом в единстве субъекта и дополняют друг друга. Теория познания без теории воли не может образовать психологии или даже теории неврозов. Таким образом, противоречие между осознанностью и неосознанностью, между намерением и спонтанностью становится относительным» [5].

Такие спонтанные психические процессы, как сновидения, ошибочные действия и др., а также жизненные цели и планы часто неверно называют «бессознательными». На самом же деле они зависят от сознания, поскольку предполагают и реализуют эмоциональный и практический опыт субъекта. Сознательное существование субъекта намного важнее протекающих в нем бессознательных физиологических процессов, еще не актуализированного опыта и пока еще не раскрытых психологических связей. Бессознательная жизнь лишена индивидуально-личностной основы, она внеисторична. Поэтому все должно проходить через сознание и исходить из него.

Отдавая полный приоритет сознанию в его соотношении с «бессознательным», Кречмер, тем не менее, показывает ограниченность сознания. Сознание относительно и нестабильно, оно выходит из «бессознательного» и конструрируется им, проходя при этом различные степени отчетливости. Поэтому оно не может быть положено в основу психологии и в основу учения о воле. Сознание образует лишь предпосылку духовных противоречий, но не оказывает никакого влияния на психические установки. Это значит, что на шкале «сознание—бессознательное» не отражены такие основные формы отношений субъекта к миру, как, например, его эгоцентрические или альтруистические установки. Упущение Фрейдом из виду этих отношений привело психоаналитиков к роковому заблуждению, состоящему в том, что незнание или знание конфликта определяет судьбу индивида. На самом деле решающее значение для жизни человека имеет не степень осознанности конфликта, а его отношение к себе самому и к миру.

Субъект лишь о т ч а с т и отражается в сознании, в ц е л о м же он бессознателен. Ему не требуется постоянное и совершенное сознание, так как незнание не может приостановить процесс жизни. «Если мы будем исходить из представления о бессознательном субъекте, осознающем лишь избранные аспекты действительности, то мы не впадем в искушение признавать существование «мест», из которых приходят психические явления, или «фактов», с помощью которых можно было бы объяснить эти явления. Потому что, хочу ли я думать и действовать по собственному намерению, или что-либо возни-

кает во мне само собой, я должен признать, что и то и другое я вызвал сам, и мне не надо искать причину или оправдание этим явлениям ни в теле, ни в демоне «бессознательного». Ни нервные процессы, ни презумптивная бессознательная психика не объясняют исходного феномена, что я наделенный волей и переживаниями субъект, что я действую, что у меня есть фантазия. Только когда ставится под сомнение целостность существования субъекта — что постоянно находится под угрозой, — возникают предпосылки для исследования отдельных причинных связей на телесном и психическом уровнях» [6].

Поскольку субъект неделим, не существует психологии, которая занималась бы только сознанием, точно также не может быть и «глубинной» психологии, исследующей неосознаваемые процессы. Подлинная психология должна быть связана и с сознанием и с неосознанием, для нее должна быть существенна лишь смена сознания и неосознаваемого.

Таким образом, заключает Кречмер, без слова «бессознательное» можно было бы обойтись. Оно необходимо только для того, чтобы с его помощью обозначить осознанное со знаком минус и то, что определяет всю возникающую вне сознания спонтанную телесную и психическую активность. Но даже и это не всегда удается сделать. Поэтому лучше говорить о субъекте, который либо намеренно, либо произвольно, соответственно в большей или меньшей степени, формирует установки, определяющие его поведение.

Всеобщее негативное понятие «бессознательного», особенно когда оно гипостазируется, порождает путаницу, приводит к непониманию и заблуждениям. «Нам не нужно «бессознательное» ни как метафизический заменитель, ни как стыдливая гипотеза, появляющаяся там, где бессильно естественно-научное объяснение. Чем строже и последовательной мы придерживаемся почвы феноменов и чем меньше конструируем спекуляций, тем четче раскрывается человеческое своеобразие. Разделение на «сознание-бессознательное» недостаточно для психологического анализа, потому что оно ничего не дает, кроме того только, что нечто осознано или неосознано. К несчастью, Фрейду удалось убедить многих в том, что динамика приспособления к жизни и возникновения болезни является, главным образом, проблемой осознанности, и это до сих пор оказывает одностороннее влияние на дискуссию. Однако, если не избегать стремления к познанию и не игнорировать его результатов, то следует признать, что преимущественное значение для психологии имеет исследование структуры личности и направленности человека как субъекта, о чем постоянно говорили Э. Кречмер и А. Адлер» [6].

Даже беглый анализ взглядов В. Кречмера показывает, что они представляют собой оригинальное исследование рассматриваемой проблемы, самостоятельную концепцию бессознательного.

Эта концепция обрисовывается как весьма важное направление мысли, связанное с методологическим анализом проблемы в целом. Во многих отношениях она характеризуется адекватностью основных положений диалектико-материалистическому пониманию психического. Концепция В. Кречмера важна для нас тем, что, с одной стороны, она представляет собой последовательную критику кардинальных идей психоанализа по проблеме бессознательного, а с другой — тем, что образующие ее идеи созвучны взглядам на проблему, характерным для советской науки (философии, психологии, медицины и др.). Кратко остановимся на некоторых из них.

Особенно характерным для В. Кречмера является то, что во многих отношениях развиваемые им идеи близки концепции Д. Н. Узнадзе. В. Кречмер отводит центральное место в понимании соотношения

сознания и бессознтельного целостному и неделимому субъекту. Именно субъект, считает он, а не таинственная сфера «бессознательного», как в психоанализе, ответственен за совершаемые действия и поступки, в какой бы форме они не реализовывались. Здесь уместно вспомнить известное положение Узнадзе о том, что «в активные отношения с действительностью вступает непосредственно сам субъект, но не отдельные акты его психической деятельности, и, если принять в качестве исходного положения этот несомненный факт, тогда бесспорно, что психология, как наука, должна исходить не из понятия отдельных психических процессов, а из понятия самого субъекта, как целого, который, вступая во взаимоотношения с действительностью, становится принужденным прибегать к помощи отдельных психических процессов. Конечно, первичным в данном случае является сам субъект, а его психическая активность представляет собой нечто производное» [3, 166].

Близость концепции В. Кречмера к трактовке бессознательного Д. Н. Узнадзе и представителями его школы состоит в том, что он раскрывает бессознательное, главным образом, через категорию латентных детерминант поведения, функциональных готовностей субъекта к осуществлению определенной деятельности. В. Кречмер прямо указывает на то, что в понятии бессознательного обобщены все функциональные готовности человека в широком смысле этого слова. По его мнению, в такое понимание бессознательного вписывается и теория установки Д. Н. Узнадзе.

В. Кречмер совершенно правильно подмечает и точно описывает слабости и недостатки, присущие традиционному психоанализу и приведшие его к кризису. Заслуживает серьезного внимания критика им психоанализа за игнорирование экспериментального подхода к исследованию психической жизни человека. Весьма продуктивным представляется стремление В. Кречмера сделать объектом научного исследования, в отличие от психоанализа, не бессознательное как некое глобальное образование, отделенное от сознания, а неосознаваемые проявления психической деятельности.

С. Л. Рубинштейн отмечал, что сознание и бессознательное не являются двумя внешними по отношению друг к другу сферами. «Не существует у человека, обладающего сознанием, совершенно внеположных сознанию психических переживаний: если они полностью вне сознания, то это физиологические, а не психические процессы. Но лишь как об идеальном пределе можно говорить о такой полной сознательности, в которой не было бы ничего неосознанного» [Цит. по 2, 43].

Близки критическим взглядам советских ученых на психоанализ замечания В. Кречмера о неправомерности психоаналитиков представлять бессознательное как сферу, как пространство, к которому применимы векторные ориентации, позволяющие ставить вопросы типа «откуда» и «куда»; о неправомерности деления психологии на глубинную и «поверхностную», на психологию сознания и психологию бессознательного.

Следствием подобной критики является сформулированное В. Кречмером положение о том, что бессознательное — это отрицательная величина по отношению к сознанию, представляющая собой не гипостазированный феномен, а конструкт, косвенно выводимый из наблюдаемых проявлений поведения, что бессознательное — это по-существу только теоретический принцип, используемый для толкования психических явлений.

Особо следует отметить критику им центрального для психоанализа положения о том, что осознание пациентом проблем и конфлик-

тов, породивших болезненное состояние, приводит его к выздоровлению. По мнению В. Кречмера, осознание проблемы не приводит само по себе к избавлению от болезни. Главную роль в излечении играет активное отношение больного к стоящим перед ним жизненным задачам, его желание решать эти задачи.

В дополнение к этой мысли хотелось бы упомянуть положение, выдвигаемое советскими критиками психоанализа, заключающееся в том, что на выздоровление больного огромное влияние оказывает и такой фактор, как социально-психологические характеристики психотерапевтического процесса, в частности, особенности общения, складывающиеся эмоциональные отношения между врачом и больным. Поддерживая позицию Л. Шертока о несомненной близости методик психоанализа и гипноза, Ф. В. Бассин приходит к выводу о том, что «весь почти вековой путь психоанализа может завершиться идеей... что главная сила психотерапевта в... человечном отношении к больному, в его *желании* исцелять, в *«сердечности»* связей, которые возникают между ним и больным. При наличии этой аффективной тональности осуществится и лечебный эффект... относительно независимо *от того, какая методика, какая техника будет применена терапевтом.* А не будет этой тональности, не произойдет и исцеления, сколь бы глубоким ни было теоретическое осмысление врачом сложных законов психической жизни человека...» [1, 24].

Признавая вклад В. Кречмера в разработку теории бессознательного, необходимо отметить некоторую его непоследовательность во взглядах на роль и значение бессознательного психического. Указанная непоследовательность проявляется в том, что, с одной стороны, В. Кречмер высказывает мнение, что во многих отношениях бессознательное (или неосознаваемое) является важнейшим компонентом психики, без которого невозможно представить себе жизнь как отдельного субъекта, так и человеческого общества в целом. С другой — пытается отрицать реальность бессознательного, обосновывает ненужность этого термина для конкретно-научного знания. С последним вряд ли можно согласиться.

Что касается реальности бессознательного психического, то, как показывают материалы Тбилисского международного симпозиума, имеется множество доказательств существования неосознаваемой психической активности. Неосознаваемые формы психической деятельности неизменно включены в структуру человеческого поведения. И этот факт находит многократное подтверждение в экспериментальных исследованиях, проведенных как в условиях клиники под гипнозом, так и в условиях ясного сознания у психически здоровых испытуемых. Показана особая роль неосознаваемых психических явлений в регуляции поведения в экстремальных условиях, в актах творческого процесса. В психологической школе Д. Н. Узнадзе ведутся интенсивные экспериментальные исследования неосознаваемых психологических установок, влияние которых на поведение человека проявляется как в относительно элементарных психомоторных реакциях, так и в поступках, имеющих широкое социальное, морально-этическое содержание.

Представляется также, что в своих в целом справедливых критических оценках психоанализа В. Кречмер проявляет все же некоторую односторонность. Он подходит к психоанализу не как к целостной концепции бессознательного, упуская из виду некоторые полезные для современной науки положения. Нельзя согласиться, в частности, с его утверждением о том, что теоретически психоанализ малопродуктивен.

Несомненной заслугой психоанализа является именно обращение им внимания на незримые детерминанты поведения человека, открытие «бессознательного» как реального психологического феномена, прини-

мающего участие в регуляции практически всех проявлений активности субъекта. Оказалось, что без учета этого феномена невозможно по-настоящему раскрыть внутренний мир личности. Дальнейшие теоретические исследования (Ф. В. Бассин) показали, что сущностью «бессознательного» являются объективно действующие собственно психологические закономерности, управляющие поведением как индивида, так и социальных общностей. Фрейд был первым, кто прозорливо описал проявление этих законов, в частности, в виде механизмов т. н. психологической защиты (вытеснение, сублимация, проекция, рационализация, регрессия и т. п.).

Весьма продуктивно для углубления понимания нами психической жизни разработанное психоанализом представление о неосознаваемом стремлении к символизации субъектом своих эмоциональных переживаний. Опираясь на представление о символизации, можно более полно раскрыть механизмы формирования моральных установок личности, интерпретировать сложные эмоциональные отношения между людьми, вскрыть мотивы их деятельности, разработать наиболее эффективные способы оказания воздействия на личность и т. п.

Исследование психологических законов, определяющих отношение субъекта к миру, должно учитывать вопрос о том, одинаковы ли эти законы, когда они действуют на осознаваемом уровне или на неосознаваемом.

Выглядит несколько односторонней попытка В. Кречмера трактовать «бессознательное» исключительно как теоретический принцип, требуемый для объяснения и интерпретации психических явлений и фактов поведения. Подход к «бессознательному» с позиций материалистической диалектики предполагает рассмотрение его и как реального феномена человеческой психики и как теоретического конструкта, абстрактного объяснительного принципа.

В самом деле, обращение к категории «бессознательного» в науках, изучающих поведение, происходит, как правило, в двух случаях. Во-первых, когда необходимо описать совершенно реальные, но происходящие, тем не менее, без активного участия сознания акты восприятия, памяти, мышления, сферы чувств, эмоций, мотивации и т. п. Во-вторых, когда требуется увидеть за непосредственным миром психических явлений их детерминанты, более общие законы, которым подчиняются эти явления, регулирующие поведение, т. е. в том случае, когда речь идет о толковании поведения, о поиске связи актуального поведения с объективными законами, им управляющими. В первом случае «бессознательное» выступает перед исследователем как феномен психической активности, во-втором, как объяснительный принцип. По-видимому, одно невозможно отделить от другого. Кстати говоря, аналогичный статус среди психологических категорий имеют категории сознания, деятельности и личности (А. Н. Леонтьев).

Таким образом, гносеологическая роль категории «бессознательного» состоит в том, что, опираясь на нее, удается ближе подойти, глубже раскрыть суть психической деятельности человека, увидеть за проявлениями поведения их сущность, проследить подчиненность индивидуального социальному, субъективного и случайного объективным законам.

W. KRETSCHMER'S CONCEPTION OF "THE UNCONSCIOUS"

N. P. RAPOKHIN

All-Union Scientific Research Institute of Complex Problems, Acad. Sci. USSR, Moscow.

SUMMARY

The views of the well-known West-German psychiatrist and clinical psychologist on the problem of unconscious forms of mental activity are analysed in the paper.

The origins of the conception developed by Kretschmer are traced, and its strong and weak points are demonstrated. Special attention is given to Kretschmer's critique of the psychoanalytical interpretation of the unconscious. The closeness of some propositions of his conception to the views of Soviet researchers on the problem is stressed.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАССИН Ф. В., О современном кризисе психоанализа. В кн.: Шерток Л., Непознанное в психике человека, М., Прогресс, 1982.
2. МЫШЛЕНИЕ: ПРОЦЕСС, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОБЩЕНИЕ, М., Наука, 1982.
3. УЗНАДЗЕ Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961.
4. KRETSCHMER W., Zum Begriff des Unbewussten. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 174—179.
5. KRETSCHMER W. Widerspruche des „tiefen psychologischen" Begriffe des Unbewussten. Материал, присланный для публикации в IV томе коллективной монографии: Бессознательное: природа, функции, методы исследования.
6. KRETSCHMER W., Gibt es das „Unbewusste"? Материал, присланный для публикациии в IV томе коллективной монографии: Бессознательное: природа, функции, методы исследования..

ТБИЛИССКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

(1979, 1—5 октября)

Н. В. БАХТАДЗЕ-ШЕРОЗИЯ

Тбилисский государственный университет

Проблема бессознательного психического является одной из самых сложных и трудно разрешимых проблем, возникавших когда-либо перед науками о природе человека. Эта проблема вызывает острые, напряженные споры, которые длятся уже более столетия. Этим и обусловливается ее актуальность и большой интерес к ней. В разработке этой проблемы заинтересованы не только психологи, но и философы, психоневрологи, нейрофизиологи, педагоги, литературоведы, искусствоведы, психолингвисты и представители ряда других специальностей.

В России учение о бессознательном начало развиваться еще в XIX веке. «Мы отлично знаем... душевная психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного» (И. П. Павлов), и эти две составляющие мира психики были теоретически и экспериментально сопоставлены выдающимся грузинским ученым Д. Н. Узнадзе, создавшим теперь уже всемирно известную теорию психологической установки. В то же время Д. Н. Узнадзе является одним из самых крупных советских психологов, подметившим в теории бессознательного Фрейда положительное зерно, которое многие классики психологии не замечали, а именно, что психическая жизнь человека не исчерпывается только сознанием и что существует такая сфера психического, происхождение, законы, проявления которого нельзя искать только в рамках ясного сознания. Все это позволило Д. Н. Узнадзе обосновать и глубоко развить марксистско-ленинскую научную концепцию бессознательного психического.

«Концепция установки ясно показывает, что факты сознания — мысли, представления, воспоминания, желания, фантазии и т. д. не могут существовать где-то «вне сознания», в некоем подвале. Они «имманентны» сознанию, принадлежат только ему. Мысль, например, или осознается, или нет, но невозможно представить себе, чтобы она была «перемещена» куда-то в «подвал» и там, оставаясь мыслью, сделалась «бессознательной». Бессознательное, по Узнадзе, это то, что предшествует мысли, вызывает ее к жизни. Мысль — итог бессознательных процессов установки, а не «содержание» этих процессов. Она не «содержится» где-то внизу, а всякий раз рождается, пробуждается установкой. То же самое можно сказать о других феноменах сознания — о воспоминаниях, желаниях и прочем» (А. Е. Шерозия, цит. по [3]).

«Концепция установки, — говорит академик А. С. Прангишвили, — позволяет советским психологам заявить свои законные права на

сферу бессознательного... После множества публикаций нашей школы за рубежом, после того, как в наших трудах приняли участие исследователи из разных стран, от прославленного Ж. Пиаже до молодого канадского профессора Грицюка, стало ясно, что Тбилиси сегодня это именно тот город, где следует провести международный симпозиум по проблеме бессознательного» [3], и не удивительно, что именно в Тбилиси в 1979 году состоялся международный симпозиум по проблеме бессознательного, организаторами которого были советские ученые А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассин и многие годы тесно с ними сотрудничающий Л. Шерток из Парижского Центра психосоматической медицины.

Весть о проведении симпозиума быстро распространилась. Оргкомитетом симпозиума было получено множество писем. Некоторые скептически относились к идее проведения симпозиума. Другие рассматривали его как событие исключительное, хотя бы уже потому, что знаменитый первый (Бостонский) симпозиум состоялся около 70 лет назад, в 1910 году, и с тех пор не было ни одной достаточно широкой международной встречи, посвященной бессознательному.

Проведению научной дискуссии на симпозиуме предшествовала большая подготовительная работа, которая длилась 5 лет. В течение этого времени редакционная коллегия получила около 600 научных трудов советских и зарубежных авторов, 200 из которых были опубликованы в виде трехтомной коллективной монографии «Бессознательное: природа, функции, методы исследования», (Тб., Мецниереба, 1978); редакторами этой монографии являются А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассин.

Почти все существующие в советской и зарубежной психологии мнения о бессознательном психическом оказались так или иначе представленными в этих трех томах фундаментальной монографии. «Можно с уверенностью сказать, что материалы симпозиума несомненно войдут в золотой фонд советской психологии» [2].

Эмблемой симпозиума было выбрано изображение «Стрельца», взятое из грузинской рукописи 1188 года, изображавшее кентавра — полульва-получеловека. Профессор А. Е. Шерозия, один из редакторов трехтомника, выбравший это изображение в качестве эмблемы симпозиума, так объясняет эмблему: «Стрелец» целится в чудовище, не заложив в лук стрелы. Смысл этой подробности: она указывает на нерасторжимость «светлого» и «темного» в душе человека. Человек не способен убить в себе чудовище, но и оно не в состоянии пожрать человека; смерть одного означала бы конец другого; единственный исход борьбы между этими началами — достойное противостояние, длящееся вечно.

А. Е. Шерозия попросил художника поместить «Стрельца», доведеного до эмблематической графичности, внутри черного круга, «как бы ограничивающего, — по его словам, — возможности самопознания», но одновременно предлагает вывести переднюю лапу «человека-льва» за пределы круга, как символ шага в неведомое, в тайну, причем, этот шаг еще не осмыслен самим «Стрельцом». Его взгляд направлен назад, к голове дракона. Эмблема была помещена не на лицевой стороне тома, а позади, что, по замыслу А. Е. Шерозия, означает своего рода «точку» после прочитанного, но точку, знаменующую не конец мысли, а погружение в тайну [4]. И эта неразгаданная тайна — «бессознательное».

С 28 сентября 1979 года в Тбилиси начали приезжать гости и участники симпозиума. Из них более 250 специалистов из 17 стран мира, 150 советских и 100 зарубежных. Кроме участников, на симпозиум

приехали в качестве научных туристов 40 человек, в основном французские психоаналитики.

На улицах г. Тбилиси появились плакаты с необычным словом «Бессознательное» и эмблемой симпозиума. Такие же плакаты были помещены на стенах нарядно украшенного Дворца шахмат, где 1 октября произошло торжественное открытие симпозиума. Интерес к симпозиуму был настолько велик, что Дворец шахмат не мог вместить всех желающих.

В работе симпозиума приняли участие такие видные зарубежные ученые, как Р. Якобсон, Г. Поллок, Р. Роджерс, Н. Роллинс (США), Г. Аммон (ФРГ), С. Леклер, Л. Шерток, И. Бресс (Франция), Л. Гарай, Б. Буда (Венгрия), Т. Мейн (Англия), В. Иванов, С. Стоев (Болгария), К. Обуховский (Польша) и многие другие. Из советских ученых участвовали А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассин, Е. В .Шорохова, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, Т. В. Гамкрелидзе, В. М. Квачахия, Д. С. Адрианов, М. М. Кабанов, Д. И. Рамишвили, В. Г. Норакидзе, А. А. Леонтьев, В. С. Ротенберг, Вяч, Вас. Иванов, Н. С. Автономова, А. Д. Зурабашвили, Т. Н. Кечхуашвили, В. В. Григолава, Ш. А. Надирашвили, В. П. Зинченко и многие другие.

Программа симпозиума предусматривала обсуждение следующих аспектов проблемы бессознательного: 1. Проблема бессознательного в психологической концепции установки; 2. Роль категории бессознательного в системе научных знаний о психике; 3. Формирование научных представлений в рамках современного психоанализа; 4. Современные нейрофизиологические и клинические подходы к проблеме бессознательного; 5. Бессознательное и высшие формы психической деятельности; 6. Проблема научных методов и общей методологии исследования бессознательного; 7. Круглый стол симпозиума: о соотношении сознания и бессознательного.

На симпозиуме выступили представители самых различных направлений в трактовке бессознательного, вплоть до убежденных отрицателей самой идеи существования бессознательного психического: «От полного непризнания до попытки объяснить чуть ли не весь мир с позиции бессознательного — вот границы того поля, на котором, разгорались в Тбилиси научные баталии» [1].

Развернулся научный спор советской науки с широко распространенной на Западе психоаналитической теорией Фрейда. Советские ученые проявили свое критическое отношение к учению Фрейда, отправляясь от позиций философии и психологии диалектического материализма. Грузинская психологическая школа выступила с разъяснением теории установки Д. Н. Узнадзе, о которой у многих зарубежных ученых существуют, как оказалось, во многом превратные представления.

В первый день работы симпозиума на пленарных заседаниях были заслушаны следующие доклады: А. С. Прангишвили (СССР) по первой теме — «Проблема бессознательного в психологической концепции установка». Эта тема явилась одной из центральных тем симпозиума. А. С. Прангишвили подчеркнул, что установка, будучи принципиально неосознаваемой, определяет направленность процессов сознания и деятельности. «Работы школы Узнадзе, имеющей полувековую историю, и множество других наблюдений, обобщений и фактов совершенно ясно показали, что к составляющим экспериментальных закономерностей активности сознания необходимо отнести действия факторов направленности, ориентированности, значимости и т. д., т. е. психологических установок, которые не даны в сознательных переживаниях, но без которых, вместе с тем, не раскрываются закономерности осознаваемой психической деятельности».

Доклад Ф. В. Бассина и А. Е. Шерозия был посвящен теме «Роль категории бессознательного в системе современных научных знаний о психике». Этот доклад вызвал очень большой интерес. Особое внимание было обращено на теорию психологии установки, на достижения советской психологической школы Д. Н. Узнадзе. Сопоставляя две схемы — западную и советскую — развития представлений о бессознательном, докладчики пришли к заключению, что в этих схемах есть как элементы сходства, так и различия, что «...ни одна из этих схем еще не имеет завершенного характера, поскольку как на Западе, так и в Советском Союзе нет единомыслия ни в отношении признания реальности бессознательного как психологического феномена, ни, еще менее, в отношении того, как феномен бессознательного следует конкретно истолковать».

Здесь же было отмечено, что игнорирование бессознательного, вопреки огромному значению, которое оно имеет как детерминанта поведения и сознания, приводит к грубому искажению образа душевной жизни человека, что мешает психологическим исследованиям, а иногда даже прямо блокирует их. Только при учете закономерностей собственно психологического типа могут быть осуществлены понимание эмоциональной жизни человека и правильная постановка проблемы эмоционального конфликта. Игнорирование неосознаваемой психической деятельности повинно в отставании разработки психологической концепции личности. Трудно преувеличить вред, который оно наносит не только психологии, но и самым разнообразным областям науки. Бессознательное участвует в каждом акте восприятия, в каждом мыслительном процессе, в каждом переживании, в любом поведении, в любой деятельности. Поэтому связанными с разработкой идеи бессознательного оказываются теория интеллектуального и художественного творчества, педагогика, теория речи, теория общения, гипнология и современные концепции нормального сна, психосоматическая медицина, теория неврозов, психотерапия и многие другие области наук. Это говорит о необходимости разработки проблемы и междисциплинарного подхода к ней.

Вместе с тем сильной стороной работ советских ученых при анализе проблемы бессознательного является опора этих исследований на философию диалектического материализма, придающая концептуальное единство этим работам. А из этого концептуального единства вытекает и определенная единая стратегия подхода к проблеме бессознательного, выгодно отличающая общий стиль советских исследований неосознаваемой психической деятельности от стиля работ зарубежных ученых.

По теме «Формирование научных представлений в рамках современного психоанализа» были заслушаны доклады: Г. Поллока (США) — «О современном психоаналитическом подходе к проблеме бессознательного»; Н. С. Автономовой (СССР) — «О сдвигах в концептуальном аппарате философии, обусловленных разработкой идей бессознательного»; С. Леклера (Франция) — «О направлении в психоанализе, созданном Ж. Лаканом; Н. Роллинс (США) — «Об отношении западных исследователей к идеям школы Д. Н. Узнадзе».

Психоаналитическое направление на симпозиуме было широко представлено различными течениями внутри него — от последователей наследия Фрейда, отвергавших необходимость научной проверки психоаналитической концепции (Г. Поллок) и предлагавших ограничиться описью концептуального аппарата Фрейда (С. Леклер), до сторонников значительной реформации фрейдовского учения. С. Леклер, излагая основные положения предлагаемого Ж. Лаканом направления, призывал, как и Р. Мажор, «назад к Фрейду».

Н. Роллинс в своем докладе пыталась сопоставить теорию Д. Н. Узнадзе с теорией и практикой психоанализа, и она продемонстрировала глубокое понимание концепции Узнадзе. «Наибольшее своеобразие советского вклада, по-моему мнению, — писала она на страницах «Литературной газеты», — заключается в мысли, что сознательная и бессознательная активность качественно различны. Западной психологии и психотерапии следовало бы отнестись к этой мысли всерьез. В частности, к тому, что сознательное и бессознательное регулируются и связываются «психологической установкой» [6].

Некоторые представители психоанализа выступили с попыткой реабилитировать фрейдизм путем искусственного «синтеза» его учения с диалектическим материализмом. Л. Альтюссер (Франция) представил Фрейда «материалистом и диалектиком», Т. Ансбахер (США) указывал на «близость подходов» А. Адлера и Д. Н. Узнадзе.

По всем этим докладам была проведена оживленная дискуссия. Против научности такого подхода выступили советские ученые Ф. В. Бассин, В. В. Давыдов, Е. В. Шорохова и др.

На второй день были проведены два секционных заседания.

На первом заседании, посвященном теме: «Современные нейрофизиологические и клинические подходы к проблеме бессознательного» — были заслушаны интересные доклады Г. Аммона (Зап. Берлин) — «О влиянии группы на развитие личности»; Э. А. Костандова (СССР) — «О результатах электрофизиологических исследований активности бессознательного»; М. М. Кабанова (СССР) — «О постановке проблемы психологических факторов в современной клинической медицине»; Г. Шеврина (США) — «О возможностях экспериментально-физиологического подхода к проблеме бессознательного».

Выступавшие приводили убедительные данные о проявлении бессознательного в сновидениях и в условиях блокирования связей между левым и правым полушариями мозга. Рассказывали о бессознательной психической деятельности в состоянии гипноза, об объективной электрофизиологической регистрации функционирования бессознательного, о проявлении бессознательного в клинике нервных и психических болезней.

На втором заседании по теме «Проблема научных методов и общей методологии исследования бессознательного» были подвергнуты обсуждению проблемы философского и методологического порядка: принципы экспериментального исследования неосознаваемых психологических установок (В. Г. Норакидзе, СССР), вопросы методологии исследования бессознательного (О. К. Тихомиров, СССР), экспериментальные суггестивные психосоматические феномены (Л. Шерток, Франция), теория методов психоанализа (И. Брес, Франция).

На плодотворность марксистского подхода к общей методологии исследования неосознаваемых психических процессов указали Н. С. Автономова (СССР), П. Брюно (Франция) и др.

С большим интересом встретили позицию А. Е. Шерозия о необходимости введения в психологию принципа дополнительности Нильса Бора. С этой позиции сознание и бессознательное должны рассматриваться как невыводимые друг из друга и несводимые друг к другу аспекты «единого психического».

В этот же день был проведен «Круглый стол» по теме «О соотношении сознания и бессознательного психического», на котором были сопоставлены различные существующие подходы к проблеме бессознательного. Обсуждались положительные и отрицательные влияния, оказанные психоанализом на развитие психологии, и разнообразные другие вопросы.

Большой интерес вызвала тема «Бессознательное и высшие формы психической деятельности: язык, творчество, структура личности», которую освещали на протяжение третьего дня симпозиума. Обсуждалась проблема активности бессознательного в языке и восприятии речи. О важности научного анализа явлений бессознательного говорили в своих выступлениях Р. О. Якобсон (США) — «О роли бессознательного в речи»; Д. И. Рамишвили (СССР) — «О проблеме бессознательного как особой формы отражения»; В. Н. Зинченко (СССР) — «О понимании бессознательного как одного из компонентов активности сознания в его широком смысле». С интересными докладами выступили также Вяч. Вс. Иванов, В. В. Налимов, А. А. Леонтьев (СССР), Г. Гайнрих (Австрия) и др.

О математическо-лингвистическом подходе к проблеме бессознательного говорили П. Б. Шошин, Д. И. Шапиро, М. А. Котик (СССР);

Проблема деятельности бессознательного в процессе художественного творчества и проявления его в структуре художественного произведения, а также в актерском и музыкальном творчестве были освещены в выступлениях П. В. Симонова, Р. Г. Каралашвили, Г. Н. Кечхуашвили, Л. И. Слитинской, В. В. Ивашевой (СССР), Ж. Нассифа (Франция) и др.

В четвертый день симпозиума на секционных заседаниях продолжались дискуссии по всем темам симпозиума. Наиболее важными из дискутируемых тем были — «О научности психоанализа»; «Вопрос о природе бессознательного»; «О необходимости изучения роли бессознательного в душевной жизни человека в условиях разных форм деятельности, творчества, болезни» и др. вопросы.

В этот же день состоялся второй внепрограммный «Круглый стол», созванный по желанию зарубежных участников симпозиума по теме: «Методы и техника психоанализа». В ней приняли участие советские и зарубежные ученые: Ф. В. Бассин, А. Е. Шерозия, В. С. Ротенберг, М. К. Мамардашвили, В. В. Мшвениеридзе, В. Г. Норакидзе, М. М. Кабанов, А. А. Леонтьев, А. Г. Асмолов, Е. В. Шорохова, В. В. Налимов (СССР), Л. Гарай, С. Стоев (Болгария), Б. Буда (Венгрия), С. Леклер, Л. Шерток, Р. Мармор, Ж. Насиф, С. Каэн, Э. Рудинеско (Франция), Г. Поллок (США), Т. Мейн (Англия) и многие другие.

5 октября на утреннем заседании после доклада А. Е. Шерозия и Ф. В. Бассина «Итоги дискуссии и перспективы дальнейшей разработки проблемы бессознательного» и заключительного слова председателя Оргкомитета академика АН Грузии А. С. Прангишвили симпозиум был закрыт.

Подводя итоги диалога, состоявшегося на симпозиуме, мы приводим выдержку из неопубликованной статьи безвременно ушедшего от нас профессора А. Е. Шерозия: «Обобщая обмен мнений, происходивший на симпозиуме, следует охарактеризовать его как развернутое сопоставление двух основных подходов к проблеме бессознательного, наметившихся на сегодня в мировой литературе: одного психоаналитического, явно доминирующего на Западе, и другого, сформировавшегося у нас в результате научных исследований целостно-личностных проявлений психики человека и всегда в той или иной степени связанного с общей теорией его неосознаваемых психологических установок. Несмотря, однако, на существенное различие этих подходов, между ними обнаружилось и определенное сходство, приведшее к тому, что в ходе дискуссии ряд зарубежных ученых поддержали наши принципиальные положения. В этом мы прежде всего обязаны тепло встреченному участниками симпозиума Роману Якобсону (Гарвардский университет), чье имя вот уже более полувека находится на переднем крае большой науки. Вместе с Р. Якобсоном нас

во многом поддерживали Г. Аммон (Германская Академия Психоанализа), Г. Поллок (Чикагский институт психоанализа), Г. Шеврин (Мичиганский университет), Н. Роллинс (Бостонский университет), Р. Роджерс (Калифорнийский университет), С. Крипнер (Сан-Францисский университет), В. Заварин (Станфордский университет), Т. Мейн (Лондонский университет), Е. Каэн (Марсельский университет), И. Брес (Парижский университет), Л. Гарай (Академия наук Венгрии), М. Кофта (Варшавский университет), С. Стоев (Академия наук Болгарии), А. Каценштейн (Лейпцигский университет), Б. Буда (Будапештский университет) и др.

Все эти исследователи, охотно поддержали нас в ходе работы симпозиума, отмечали «исключительно благоприятную перспективу, создаваемую опубликованной нами трехтомной коллективной монографией, для дальнейшего углубления научных исследований проблемы бессознательного... Это лишний раз подтверждает реальную возможность широкого международного сотрудничества ученых в разработке сложной проблемы бессознательного...».

Недостатки состоявшегося диалога?

«Их было немало. Довольно напряженным оказался происходивший на нем обмен мнений, причем ни одно из участвующих в нем направлений и научных школ не смогло проявить всех своих возможностей и в полной мере воспользоваться представленной нами программой. Но это не главное. Важнее первые шаги по исследованию междисциплинарных аспектов проблемы бессознательного, предпринятые совместно, ибо сделать их было гораздо труднее, чем наверстать упущенное» [7].

Симпозиум получил широкий резонанс как в нашей стране, так и за рубежом. Несколько лет после симпозиума на страницах крупнейших газет и журналов мира не прекращались отклики и обсуждения. Было получено много писем по поводу симпозиума из разных городов мира.

«Вернувшись домой, спешу поблагодарить Вас за полученное мною и женой приглашение... Мы хотели бы особо подчеркнуть всесторонне продуманную и согласованную деятельность Организационного комитета... Отныне грузинская психологическая школа с ее замечательной теорией установки прочно и не спеша вошла в международный и идейный оборот». Такое письмо прислал профессор Гарвардского университета Р. Якобсон президенту АН Грузинской ССР, академику Е. Харадзе. Дополнительно к этому письму он сделал и такое заявление: «Замечательный международный успех симпозиума обеспечил «теории установки» и всей советской науке прочное, неотъемлемое место в мировой науке. Лично для меня этот симпозиум навсегда останется глубоким, незабываемым переживанием» [8].

«Очень хочу участвовать в подготовке второго такого симпозиума в СССР и предлагаю свою посильную помощь в публикации томов, связанных с первым симпозиумом» — Г. Поллок, профессор Чикагского института психоанализа [8].

«Последствия симпозиума проявятся в ближайшее время в виде возможности совместной взаимно коррегирующей работы. Школа Дмитрия Узнадзе должна непременно сыграть свою положительную роль, влияя на западный психоанализ, а тот, в свою очередь, мог бы помочь фактами, накопившимися за десятилетия» — Г. Аммон, президент Немецкой Академии психоанализа [8].

Широкое обсуждение научных результатов Тбилисского симпозиума проходило на организационном одной из его участниц — Р. Роджерс совещании в Сан-Франциско в 1980 г. В этом же году итоги симпози-

ума обсуждались на международном симпозиуме Германской академии психоанализа в Мюнхене. Итоги симпозиума в Тбилиси были широко представлены также на XIII съезде американской психиатрической ассоциации в Нью-Орлеане в 1981 году.

Признание значения этого симпозиума выразилось и в том, что один из ведущих его организаторов проф. А. Е. Шерозия был избран членом Германской Академии психоанализа (Западный Берлин). Советские ученые Ф. В. Бассин, А. Е. Шерозия, В. С. Ротенберг вошли в редакцию Интернационального журнала «Динамическая психиатрия», издаваемого этой Академией.

THE INTERNATIONAL SYMPOSIUM ON THE PROBLEM OF THE UNCONSCIOUS, TBILISI, 1979

N. V. BAKHTADZE-SHEROZIA

Tbilisi State University

SUMMARY

The Tbilisi International Symposium was addressed by representatives of highly differing trends in the interpretation of the unconscious. The Symposium should be characterized as an extensive confrontation of the two basic approaches to the problem of the unconscious that had taken shape in modern world literature: (a) Psychoanalytic, dominant in the West and including the teaching of S. Freud and all present-day psychoanalytic trends (the scientific schools of G. Klein, G. Ammon, J. Lacan) and (b) Soviet, taking shape as the result of a study of the integral-personality manifestations of the human mind; the latter approach was invariably related—to a greater or lesser extent—to the general theory of man's unconscious psychological sets. D. N. Uznadze's theory of unconscious psychological set was chosen by the organizers of the Symposium as the initial position of approach to the problem. However, Uznadze's classical model: **set — consciousness** was reconstructed through its qualitatively new modification: **set—consciousness — the unconscious**, as proposed by A. E. Sherozia. According to Uznadze's classical model (set—consciousness), set is assumed to be not only the unconscious proper but also the only possible form and mode of existence of the unconscious. According to the model suggested by Sherozia, set is not identical with the concept of " the unconscious", but is one of the forms of manifestation of unconscious mental activity. The unconscious in itself is not uniform and — apart from set — it involves irrational "personal meanings" (the "unconscious" in the traditional understanding). This change of the methodological structure of the theory of unconscious psychological set permitted a critical approach to the scientific psychoanalytic orientations proper as well as to the scientific orientations of the theory of set, and instead of viewing these two lines of research as mutually exclusive to get down to their generalized consideration on an essentially new basis corresponding to Sherozia's theory of consciouseness and the unconscious mind.

In the scientific debate Soviet scientists and scholars set forth their attitude to Freud's classical heritage from the standpoint of dialectical mater-

rialism: Soviet science considers that Freud introduced categories into the theory of the unconscious that have a positive significance for the science of the mind, viz., those of repression, psychological defence, the symbol-forming acitivity of dreamlike altered consciousness, and so on. These concepts enabled the unravelling of major specificities of man's mental life, and to build entirely new views on their nature. At the same time Soviet science rejects Freud's idealistic attempts to render his conception universal by extending it to the area of social relations.

Notwithstanding the essential difference in the approach to the problem of the unconscious between the Psycholoanalytic trend and Soviet science, in the course of the discussion a number of major Western researchers supported our principled propositions. They noted also that the publication of the three-volume monograph „The Unconscious: nature, function and methods of study" (Tbilisi, 1978) created exceptionally favourable prospects for a further in-depth study of the problem of the unconscious.

The Tbilisi International Symposium mapped out a qualitatively new stage in the study of unconscious mental activity—that of interdisciplinary research.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАССИН Ф. В., В вестибюле осознания, «Знание — сила», 1982, № 10.
2. ГРИГОЛАВА В. В., Бессознательное и установка. Статья для IV тома монографии «Бессознательное».
3. ДОБРОВИЧ А. Б., Дорога начинается в Тбилиси, „Знание — сила", 1977, 12.
4. ДОБРОВИЧ А. Б., «Декоративное искусство», 1980, 4.
5. ДОБРОВИЧ А. Б., «Общественные науки», 1980, 3.
6. РОЛЛИНС Н., «Литературная газета», 30 ноября 1977 г.
7. ШЕРОЗИЯ А. Е., Психика. Сознание. Бессознательное, Тб., Мецниереба, 1981.
8. Журнал «Техника молодежи», 1980, 3.

О ДВУХ РАЗНОВИДНОСТЯХ НЕОСОЗНАВАЕМОГО ПСИХИЧЕСКОГО: ПОД- И СВЕРХСОЗНАНИИ

П. В. СИМОНОВ

Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР, Москва

Говорить о неосознаваемом психическом бессмысленно и непродуктивно без более или менее четкого определения того, что понимается под термином «сознание». Из всех существующих определений наиболее строгим и непротиворечивым в контексте обсуждаемой проблемы нам представляется мысль о сознании как знании, которое можеть быть передано, может стать достоянием других членов сообщества. Со-знание — это знание вместе с кем-то (ср. с со-чувствием, со-переживанием, со-трудничеством и т. п.). Осознать — значит приобрести потенциальную возможность научить, передать свои знания другому. Согласно современным данным, для осознания внешнего стимула необходима связь гностических зон новой коры большого мозга с моторной речевой областью в левом (у правшей) полушарии. Классические труды А. Р. Лурия, открытие Г. В. Гершуни класса неосознаваемых условных реакций, исследования пациентов с расщепленным мозгом, справедливо увенчанные Нобелевской премией Р. Сперри, и последовавшие затем серии работ, в том числе Э. А. Костандова, В. Л. Деглина, Н. Н. Брагиной, Т. А. Доброхотовой и других, ознаменовали поистине революционный скачок в изучении нейрофизиологических основ сознания человека.

Сформулированная выше дефиниция позволяет однозначно провести грань между осознаваемым и неосознаваемым в деятельности мозга. Если человек перечисляет детали предъявленной ему сюжетной картинки, а спустя определенное время называет фрагменты, отсутствовавшие в первом отчете, мы имеем все основания говорить о наличии неосознаваемого восприятия и непроизвольной памяти, то есть о следах, лишь позднее проникших в сферу сознания. Если тысячелетний опыт человечества побуждает отличать военную науку от военного искусства, то мы понимаем, что в военном деле существует нечто, чему можно научить, что можно сформулировать в виде правил, наряду с тем, чему научить в принципе невозможно. Разумеется, военное искусство, как всякое иное искусство, располагает своей технологией, зависит от ранее накопленного опыта и навыков, позволяющих использовать этот опыт наиболее эффективным образом. Вместе с тем в искусстве полководца присутствует тот элемент интуиции, который невозможно формализовать и передать другому в виде рационально обоснованного решения. Иными словами: можно научить правилам игры. Научить выигрывать нельзя.

В обширной сфере неосознаваемого психического необходимо различать минимум две группы явлений. К первой принадлежит все то,

что было осознаваемым или может стать осознаваемым в определенных условиях. К этой группе прежде всего относятся хорошо автоматизированные и потому переставшие осознаваться навыки и вытесненные из сферы сознания мотивационные конфликты, суть которых становится ясна только благодаря специальным усилиям врача-психотерапевта. За этим классом явлений целесообразно сохранить традиционный термин «подсознание».

В сферу подсознания входят и глубоко усвоенные субъектом социальные нормы, регулирующая функция которых переживается как «голос совести», «зов сердца», «веление долга». Важно подчеркнуть, что интериоризация внешних по своему происхождению социальных норм придает этим нормам ту чрезвычайную императивность, которой они не обладали до момента интериоризации. «Суд людей презирать нетрудно, — писал А. С. Пушкин, — суд собственный презирать невозможно». «Когда никто не увидит и никто не узнает, а я все-таки не сделаю — вот что такое совесть» (В. И. Короленко). «Совесть — есть память общества, усвоенная отдельным лицом» (Л. Н. Толстой). Межличностное происхождение совести закреплено в самом названии феномена: со-весть, то-есть весть, в которой незримо присутствует некто иной или иные, помимо меня, посвященные в содержание данной «вести». Нетрудно видеть, что «сверх-Я» Зигмунда Фрейда, безусловно, отличное от биологических влечений, целиком принадлежит сфере подсознания и не может рассматриваться как аналог сверхсознания, о котором подробнее речь пойдет ниже.

К подсознанию мы относим и те проявления интуиции, которые не связаны с порождением новой информации, но предполагают лишь использование ранее накопленного опыта. Когда знаменитый клиницист, мельком взглянув на больного, ставит правильный диагноз, он нередко сам не может объяснить, какие именно внешние признаки болезни побудили его придти именно к такому заключению. В данном случае он ничем не отличается от пианиста, давно забывшего, как именно следует действовать тем или иным пальцем. Заключением врача, как и действиями пианиста, руководит их подсознание.

Подчеркнем, что ранее осознававшийся жизненный опыт, будь то система двигательных навыков, знание симптомов тех или иных заболеваний, нормы поведения, присущие данной социальной среде и т. д., представляют отнюдь не единственный канал, наполняющий подсознание конкретным, внешним по своему происхождению содержанием. Имеется и прямой путь, минующий рациональный контроль сознания. Это — механизмы имитационного поведения. Именно прямое воздействие на подсознание приводит к тому, что пример взрослых и сверстников из непосредственного окружения ребенка нередко формирует его личность в большей мере, чем адресующиеся к интеллекту разъяснения полезности и социальной ценности того или иного поступка.

В процессе длительной эволюции подсознание возникло как средство защиты сознания от лишней работы и непереносимых нагрузок. Идет ли речь о двигательных навыках пианиста, шофера, спортсмена и т. д., которые с успехом могут реализоваться без вмешательства сознания, или о тягостном для субъекта мотивационном конфликте, — подсознание освобождает сознание от психологических перегрузок. Поясню сказанное примером, который я заимствую из работы И. С. Кона. Человек завидует другому, но сознает, что чувство зависти унизительно и постыдно. И тогда он бессознательно начинает искать те отрицательные черты, действительные и мнимые, которые могли бы оправдать его недоброжелательное отношение. Он искренне верит, что его неприязнь вызвана именно недостатками дру-

того, хотя на самом деле единственная причина недоброжелательности — зависть.

Подсознание всегда стоит на страже добытого и хорошо усвоенного, будь то автоматизированный навык или социальная норма. Консерватизм подсознания — одна из его наиболее характерных черт. Благодаря подсознанию индивидуально усвоенное (условно рефлекторное) приобретает императивность и жесткость, присущие безусловным рефлексам. Отсюда возникает иллюзия врожденности некоторых проявлений неосознаваемого, например, иллюзия врожденности грамматических структур, усвоенных ребенком путем имитации задолго до того, когда он осознает эти правила на школьных уроках родного языка. Сходство подсознательного с врожденным получило отражение даже в житейском лексиконе, породив метафоры типа «классовый инстинкт», «голос крови» и тому подобные образные выражения.

Теперь мы перейдем к анализу второй разновидности неосознаваемого психического, которую дихотомически к подсознанию и вслед за К. С. Станиславским можно назвать сверхсознанием или надсознанием, по терминологии М. Г. Ярошевского [6, 74]. В отличие от подсознания, деятельность сверхсознания не сознается ни при каких условиях: на суд сознания подаются только результаты этой деятельности. К сфере сверхсознания относятся первоначальные этапы всякого творчества — порождение гипотез, догадок, творческих озарений. Если подсознание защищает сознание от излишней работы и психологических перегрузок, то неосознаваемость творческой интуиции есть защита от преждевременного вмешательства сознания, от давления ранее накопленного опыта. Не будь этой защиты, и здравый смысл, очевидность непосредственно наблюдаемого, догматизм прочно усвоенных норм душили бы «гадкого утенка» смелой гипотезы в момент его зарождения, не дав ему превратиться в прекрасного лебедя будущих открытий. Вот почему за дискурсивным мышлением оставлена функция вторичного отбора порождаемых сверхсознанием гипотез, сперва путем их логической оценки, а затем в горниле экспериментальной производственной и общественной практики.

Деятельность сверхсознания и сознания в процессе творчества сопоставимы с функциями изменчивости и отбора в процессе «творчества природы» — биологической, а затем и культурной эволюции [3, 28]. Сразу же заметим, что сверхсознание не сводится к одному лишь порождению «психических мутаций», то есть к чисто случайному рекомбинированию хранящихся в памяти следов. По каким-то, еще неведомым нам, законам сверхсознание производит первичный отбор возникающих рекомендаций и предъявляет сознанию только те из них, которым присуща известная вероятность их соответствия реальной действительности. Вот почему даже самые «безумные идеи» ученого принципиально отличны от патологического безумия душевнобольных и фантасмогории сновидений.

Современная нейрофизиология располагает знанием ряда механизмов, способных привести к замыканию временных нервных связей между следами (энграммами) ранее полученных впечатлений, чье соответствие или несоответствие действительности выясняется лишь вторично путем сопоставления с объективной реальностью. Среди этих механизмов, подробно рассмотренных нами ранее [4], особое место занимает принцип доминанты А. А. Ухтомского. В настоящее время можно считать установленным, что сверхсознание (интуиция) всегда «работает» на удовлетворение потребности, устойчиво доминирующей в иерархии мотивов данного субъекта. Так, карьерист, жаждущий со-

циального успеха, может быть гениален в построении своей карьеры, но вряд ли подарит миру научные открытия и художественные шедевры. Здесь не следует впадать в дурную «одномерность». Великий художник (или ученый) может быть достаточно честолюбив, скуп, играть на бегах и в карты. Он — человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Важно лишь, чтобы в определенные моменты бескорыстная потребность познания истины и правды безраздельно овладевала всем его существом. Именно в эти моменты доминирующая потребность включит механизмы сверхсознания и приведет к результатам, недостижимым никаким иным рациональным способом. «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...», — А. С. Пушкин гениально угадал эту диалектику деятельности сверхсознания.

Подобно тому, как имитационное поведение способно адресоваться к подсознанию, минуя контроль рационального мышления, важнейшим средством тренировки и обогащения сверхсознания является детская игра. Будучи свободна от достижения утилитарных, а до определенного возраста и социально-престижных целей, игра обладает той самоцельностью и самоценностью, которые направляют ее на решение бескорыстно-творческих задач. Детская игра мотивируется почти исключительно потребностями познания и вооруженности. (Под последней мы понимаем потребность приобретения знаний, навыков и умений, которые понадобятся лишь в дальнейшем). Именно эти две потребности — познание и вооруженность — питают деятельность детского сверхсознания, делая каждого ребенка фантазером, первооткрывателем и творцом. По мере взросления потребности познания все чаще приходится конкурировать с витальными и социальными потребностями, а сверхсознанию — отвлекаться на обслуживание широкого спектра самых разнообразных мотиваций. Не случайно подлинно великие умы характеризуются сохранением черт детскости, что было замечено давно и не один раз.

В своей недавно вышедшей книге Е. Л. Фейнберг предложил различать интуицию-догадку (порождение гипотез) от интуиции — прямого усмотрения истины, не требующего формально-логических доказательств [5]. Примером интуиции последнего типа может служить заключение ученого о достаточности количества экспериментов или заключение судьи о достаточности объективных доказательств виновности. Напомним, что закон требует от судьи выносить приговор согласно «внутреннему убеждению», а не такому-то заранее предписанному количеству доказательств. Не случайно в законе, наряду с дискурсивной «буквой», присутствует интуитивный «дух». Мы полагаем, что в генезе двух разновидностей интуиции есть нечто принципиально общее, а именно: дефицит информации, необходимой и достаточной для логически безупречного заключения. В первом случае (интуиция-догадка) этой информации еще нет, ее предстоит найти в ходе проверки возникшего предположения. В случае с интуицией — прямым усмотрением истины получить такую информацию вообще невозможно, какое количество экспериментов ни поставил бы ученый и какое количество доказательств ни собрал бы судья. Для нас важно, что пример с интуицией — усмотрением истины еще раз оправдает термин «сверхсознание». В самом деле, дискурсивное мышление поставляет материал для принятия решения, предлагает сознанию реестр формализуемых доказательств, но окончательное решение принимается на уровне интуиции и формализовано быть не может.

Материал для своей рекомбинационной деятельности сверхсознание черпает и в осознаваемом опыте, и в резервах подсознания. Тем не менее, в сверхсознании содержится нечто именно «сверх», то-есть

нечто большее, чем сфера собственно сознания. Это «сверх» есть принципиально новая информация, непосредственно не вытекающая из ранее полученных впечатлений. Силой, инициирующей деятельность сверхсознания и одновременно канализирующей содержательную сторону этой деятельности, является доминирующая потребность. Экспериментально доказано, что при экспозиции субъекту неопределенных зрительных стимулов количество ассоциаций этих стимулов с пищей возрастает по мере усиления голода. Этот эксперимент может служить примером мотивационных ограничений, изначально наложенных на деятельность сверхсознания. Подчеркнем еще раз, что интуиция — отнюдь не калейдоскоп, не игра случайности, она ограничена качеством доминирующей потребности и объемом накопленных знаний. Никакое «генерирование идей» не привело бы к открытию периодического закона без обширнейших знаний свойств химических элементов.

Если позитивная функция сверхсознания заключается в порождении нового, то его негативная функция состоит в преодолении существующих и общепринятых норм. Ярким примером негативной функции сверхсознания может служить чувство юмора и его внешнее выражение в виде смеха. Смех возникает непроизвольно и не требует логического уяснения субъектом, почему смешное — смешно. Будучи положительной эмоцией, смех возникает по универсальной схеме рассогласования между прединформированностью (прогнозом) и вновь полученной информацией. Но в случае смеха поступившая информация не просто превосходит существовавший ранее прогноз, а отменяет, перечеркивает его. Классический пример тому — структура любого анекдота, всегда состоящего из двух частей — ложного прогноза и отменяющей его концовки. Мотивационную основу юмора составляют потребности познания и экономии сил. Остроумный ход ищущей мысли не только приближает к истине, но и ведет к решению логической задачи неожиданно коротким путем. В юморе всегда торжествует превосходство нового знания над несовершенством, громоздкостью и нелепостью устаревших норм. Вот почему, по образному выражению К. Маркса, человечество, смеясь, расстается со своим прошлым. Присоединение к потребностям познания и экономии сил других побочных мотиваций — биологических и социальных — придает смеху множество дополнительных оттенков, делает его добродушным, злорадным, надменным, умным, глупым, беззаботным и т. д., превращая тем самым смех в «самую верную пробу душ» (Ф. М. Достоевский) [2].

Неполное, лишь частичное осознание человеком движущих им потребностей снимает мнимое противоречие между объективной детерминированностью человеческого поведения и субъективно ощущаемой свободой выбора. Эту диалектику поведения в свое время проницательно разглядел Бенедикт Спиноза. Люди лишь по той причине считают себя свободными, — писал Спиноза, — что свои поступки они сознают, а причин, их вызвавших, не знают. Поведение человека детерминировано его наследственными задатками и условиями окружающей среды, в первую очередь — условиями социального воспитания. Науке не известен какой-либо третий фактор, способный повлиять на выбор совершаемого поступка. Вместе с тем вся этика и прежде всего — принцип личной ответственности базируются, как объяснил нам Гегель, на безусловном признании абсолютно свободной воли. Отказ от признания свободы выбора означала бы крушение любой этической системы и нравственности.

Вот почему эволюция породила и л л ю з и ю этой свободы, упрятав от сознания человека движущие им мотивы. Субъективно ощущаемая свобода и вытекающая из нее личная ответственность вклю-

чают механизмы всестороннего и повторного анализа последствий того или иного поступка, что делает окончательный выбор более обоснованным. Дело в том, что практическая мотивационная доминанта, непосредственно определяющая поступок («вектор поведения», по А. А. Ухтомскому), представляет интеграл главенствующей потребности, устойчиво доминирующей в иерархии мотивов данной личности (доминанта жизни или сверх сверхзадача, по К. С. Станиславскому), наряду с той или иной ситуативной доминантой, актуализированной экстренно сложившейся обстановкой. Например, реальная опасность для жизни актуализирует ситуативную доминанту — потребность самосохранения, удовлетворение которой нередко оказывается в конфликте с доминантой жизни — социально детерминированной потребностью соответствовать определенным этическим эталонам. Сознание (как правило с участием подсознания) извлечет из памяти и мысленно «проиграет» последствия тех или иных действий субъекта, скажем, последствия нарушения им своего воинского долга, предательства товарищей по оружию и т. п. Кроме того, в борьбу мотивов окажутся вовлеченными механизмы воли-потребности преодоления преграды на пути к достижению главенствующей цели, причем преградой в данном случае окажется инстинкт самосохранения. Каждая из этих потребностей породит свой ряд эмоций, конкуренция которых будет переживаться субъектом как борьба между естественным для человека страхом и чувством долга, стыдом при мысли о возможном малодушии и т. п. Результатом подобной конкуренции мотивов и явится либо бегство, либо стойкость и мужество. В данном примере нам важно подчеркнуть, что мысль о личной ответственности и личной свободе выбора тормозит импульсивные действия под влиянием сиюминутно сложившейся обстановки, дает выигрыш во времени для оценки возможных последствий этого действия и тем самым ведет к усилению главенствующей потребности, которая оказывается способной противостоять ситуативной доминанте страха.

Таким образом, не сознание само по себе и не воля сама по себе определяют тот или иной поступок, а их способность усилить или ослабить ту или иную из конкурирующих потребностей. Это усиление реализуется через механизмы эмоций, которые, как было показано нами ранее, зависят не только от величины потребности, но и от оценки вероятности (возможности) ее удовлетворения [4]. Ставшая доминирующей потребность (практическая доминанта) направит деятельность интуиции (сверхсознания) на поиск оптимального творческого решения проблемы, на поиск такого выхода из сложившейся ситуации, который соответствовал бы удовлетворению этой доминирующей потребности. Тщательный анализ военных мемуаров выдающихся летчиков Отечественной войны показывает, что виртуозное боевое мастерство с принятием мгновенных и неожиданных для противника решений человек проявлял при равной степени профессиональной квалификации (запасе навыков) не в состоянии страха (потребность самосохранения) и не в состоянии ярости (потребность сокрушить врага любой ценой), а в эмоционально положительном состоянии боевого азарта, своеобразной «игры с противником», то есть при наличии компонентов идеальной потребности творчески-познавательного характера, сколько бы страной она ни казалась в условиях борьбы не на жизнь, а на смерть.

Если главенствующая потребность (доминанта жизни) настолько сильна, что способна автоматически подавить ситуативные доминанты, то она сразу же мобилизует резервы подсознания и направляет деятельность сверхсознания на свое удовлетворение. Борьба мотивов

здесь фактически отсутствует, и главенствующая потребность непосредственно трансформируется в практическую доминанту. Примерами подобной трансформации могут служить многочисленные случаи самопожертвования и героизма, когда человек, не задумываясь, бросается на помощь другому. Как правило, мы встречаемся здесь с явным доминированием потребностей «для других», будь то «биологический» родительский инстинкт или альтруизм более сложного социального происхождения.

Формирование практической доминанты может оказаться тяжкой задачей для субъекта, когда главенствующая и ситуативная доминанты примерно равны по силе и находятся в конфликтных отношениях. Такого рода конфликты лежат в основе многих произведений классической литературы. С другой стороны, отсутствие практической доминанты (у пенсионера, у человека, оказавшегося не у дел) переживается отдельными личностями исключительно тяжело. Не менее печально по своим последствиям отсутствие главенствующей потребности (доминанты жизни), в результате чего человек становится игрушкой ситуативных доминант. «Отклоняющееся» поведение подростков, алкоголизм и наркомания дают множество примеров такого рода. Подчеркнем, что человек как правило не осознает подлинной причины тягостного для него состояния, давая самые разнообразные объяснения своему бесцельному и пустому времяпрепровождению.

Выше мы сравнили взаимодействие сознания и сверхсознания с ролью отбора и непредсказуемой изменчивости в процессе биологической эволюции. Подчеркнем, что речь идет не об аналогии, но об универсальном принципе всякого развития, который проявляется и в «творчестве природы» (приосхождении новых видов), и в творческой деятельности индивидуального субъекта, и в эволюции культуры. Здесь нелепо говорить о каком-то «перенесении» биологических законов на социально детерминированную психику или на историю человеческой цивилизации в целом. Наука не раз встречалась с подобного рода универсальными принципами. Достаточно вспомнить регуляторные функции обратной связи, которые обнаруживаются и в регуляции кровяного давления (даже в биохимических процессах!), и в управлении промышленным производством. Это отнюдь не значит, что мы «перенесли» физиологические эксперименты на экономику или законы общественного развития на биологические объекты. Дело не в «переносе», а в универсальности фундаментальных правил теории управления.

То же самое мы встречаем и в динамике происхождения нового, где бы это новое ни возникало: в процессе филогенеза, в индивидуальном (научном, техническом, художественном) творчестве человека, в истории человеческой культуры. Процесс возникновения нового с необходимостью предполагает наличие четырех обязательных компонентов: 1) эволюционирующую популяцию, 2) непредсказуемую изменчивость эволюционирующего материала, 3) отбор, 4) фиксацию (наследование в широком смысле) его результатов. В творческой деятельности человека этим четырем компонентам соответствуют:

1. Опыт субъекта, который включает присвоенный им опыт современников, равно как и опыт предшествующих поколений.

2. Деятельность сверхсознания (интуиция), то есть такие трансформации и рекомбинации следов (энграмм) ранее полученных впечатлений, чье соответствие или несоответствие реальной действительности устанавливается лишь позднее.

3. Деятельность сознания, подвергающего гипотезы (своеобразные «психические мутации») сначала логическому отбору, а затем экс-

периментальной, производственно-практической и общественно-практической проверке.

4. Закрепление результатов отбора в индивидуальной памяти субъекта и в культурном наследовании сменяющихся поколений.

В случае развития цивилизации эволюционирует культура в целом, однако новое (идея, открытие, изобретение, этическая норма и т. д.) первоначально возникает не в абстрактном межличностном и надличностном пространстве, а в индивидуальном материальном органе — мозге конкретного человека, первооткрывателя и творца. Это обстоятельство уместно сопоставить с тем фактом, что, хотя эволюционирующей единицей в биологии является популяция, отбор может действовать только через отдельных особей. Непредсказуемость открытия, его защищенность от вмешательства сознания и воли представляют необходимое условие развития, подобно тому, как непредсказуемость мутаций обязательна для биологической эволюции. Полная рациональность (формализуемость) и произвольность первоначальных этапов творчества сделали бы это творчество невозможным и означали бы конец развития цивилизации.

Поясним сказанное примером. Допустим, что успехи генной инженерии и усовершенствованная система воспитания позволили нам формировать «идеальных людей». Но ведь они будут идеальны с точки зрения наших сегодняшних, исторически преходящих и неизбежно ограниченных представлений об этом идеале. Тем самым, идеально запрограмированные люди могут оказаться крайне уязвимыми при встрече с будущим, которое потребует от них непредусмотренных нами качеств. К счастью, в области психофизиологии творчества мы встречаемся с одним из тех запретов природы, преодоление которых было бы нарушением законов этой природы, подобно скорости света в вакууме, закону сохранения энергии и принципу дополнительности. Вот почему все попытки формализации и кибернетизации творчества напоминают попытки создать вечный двигатель или одновременно определить импульс и положение электрона на орбите.

Поскольку сверхсознание питается материалом, накопленным сознанием и частично зафиксированным в подсознании, оно в принципе не может породить гипотезу совершенно «свободную» от этого опыта. В голове первобытного гения не могла родиться теория относительности или замысел Сикстинской мадонны. Гений нередко опережает свое время, но дистанция этого опережения исторически ограничена. Иными словами, человечество берется за решение только тех задач, к которым оно относительно подготовлено. Здесь вновь мы встречаемся с непредсказуемой неслучайностью «психических мутаций». Вместе с тем общественное развитие реализуется через активно преобразующую мир деятельность конкретных личностей, через деятельность их сверхсознания, где зарождаются научные и технические открытия, новые этические нормы и замыслы художественных произведений. Сугубо индивидуальная находка в области технологии позднее оборачивается промышленной революцией, в свою очередь меняющей ранее существовавшие производственные отношения. Так высшая нервная деятельность человека, ядром которой являются его витальные («биологические»), социальные и идеальные (творчески-познавательные) потребности, становится, по выражению В. И. Вернадского, великой планетарной и космической силой среди других природных сил [1].

Сверхсознание в несопоставимо большей мере, чем сознание (не говоря уж о подсознании!) реагирует на сдвиги тенденций общественного развития. В тот момент, когда сознанию все окружающее представляется незыблемым и устоявшимся на века, чувствительнейший

сейсмограф сверхсознания уже регистрирует подземные толчки надвигающихся изменений. И появляются идеи, столь странные и неожиданные с точки зрения господствующих норм, что сознанию современников трудно примириться с их предсказующей правотой.

Мы закончим свой краткий очерк формулировкой нескольких итоговых положений:

1. Высшая нервная (психическая) деятельность человека имеет трехуровневую структуру, включая в себя сознание, подсознание и сверхсознание.

Сознание оперирует знанием, которое потенциально может быть передано другому, может стать достоянием других членов сообщества. Для осознания внешних стимулов или событий внутренней жизни субъекта необходимо участие речевых зон больших полушарий, как это показали многочисленные исследования функциональной асимметрии головного мозга.

К сфере подсознания относится все то, что было осознаваемым или может стать осознаваемым в определенных условиях. Это — хорошо автоматизированные навыки, глубоко усвоенные (интериоризованные) социальные нормы и мотивационные конфликты, тягостные для субъекта. Подсознание защищает сознание от излишней работы и психологических перегрузок.

Деятельность сверхсознания (творческой интуиции) обнаруживается в виде первоначальных этапов творчества, которые не контролируются сознанием ни при каких условиях. Неосознаваемость этих этапов представляет защиту рождающихся гипотез («психических мутаций») от консерватизма сознания, от давления ранее накопленного опыта. За сознанием остается функция отбора этих гипотез путем их логического анализа и с помощью критерия практики в широком смысле слова. Нейрофизиологическую основу сверхсознания представляет трансформация и рекомбинация следов (энграмм), хранящихся в памяти субъекта, первичное замыкание новых временных связей, чье соответствие или несоответствие действительности выясняется лишь в дальнейшем.

2. Деятельность сверхсознания всегда ориентирована на удовлетворение доминирующей потребности, конкретное содержание которой канализирует направление «психического мутагенеза». Таким образом, «психические мутации» изначально носят непредсказуемый, но неслучайный характер. Вторым канализирующим фактором является ранее накопленный опыт субъекта, зафиксированный в его сознании и подсознании.

3. Неполное осознание субъектом движущих им потребностей снимает мнимое противоречие между объективной детерминированностью поведения человека наследственными задатками, условиями воспитания, окружающей средой и субъективно ощущаемой им свободой выбора. Эта иллюзия свободы является чрезвычайно ценным приобретением, поскольку обеспечивает чувство личной ответственности, побуждающее всесторонне анализировать и прогнозировать возможные последствия того или иного поступка. Мобилизация из резервов памяти такого рода информации ведет к усилению потребности, устойчиво главенствующей в иерархии мотивов данной личности, благодаря чему она обретает способность противостоять ситуативным доминантам, то есть потребностям, экстренно актуализированным сложившейся обстановкой.

4. Взаимодействие сверхсознания с сознанием есть проявление на уровне творческой деятельности человека универсального принципа возникновения нового в процессе биологической и культурной эволюции. Функции сверхсознания и сознания соответствуют взаимодейст-

вию непредсказуемой изменчивости и отбора в происхождении новых видов живых существ. Подобно тому, как эволюционирующая популяция рождает новое через отбор отдельных особей, эволюция культуры наследует в ряду сменяющихся поколений идеи, открытия и социальные нормы, первоначально возникающие в голове конкретных первооткрывателей и творцов.

5. Сведение психической деятельности человека к одному лишь сознанию не в состоянии объяснить ни диалектику детерминизма и свободы выбора, ни механизмы творчества, ни подлинную историю культуры. Только признание важнейших функций неосознаваемого психического с выделением в нем принципиально различных феноменов под- и сверхсознания дает возможность получить естественнонаучный материалистический ответ на самые жгучие вопросы человековедения. Только учет этих функций открывает путь к решению практических задач воспитания, профилактики и лечения нервнопсихических заболеваний.

TWO DIFFERENT TYPES OF UNCONSCIOUS PSYCHIC PHENOMENA: SUB- AND SUPRA-CONSCIOUSNESS

PAVEL V. SIMONOV

Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology, USSR Academy of Sciences, Moscow

SUMMARY

The author suggests major differences between two forms of the unconscious psychic phenomena: sub-concsiousness and supra-consciousness (according to K. Stanislavsky) or above-consciousness (according to M. Yaroshevsky). it is emphasized that these two forms of the unconscious developed in the evolutional process as the result of the dual nature of evolution, where the trend toward survival and preservation is in dialectical connection with the one toward development.

Sub- and supra-consciousness are defined along the following five parameters: 1) sub-conscious is something that was or can be realized; the activity of supra-consciousness is unrealizible in principle; 2) sub-consciousness is oriented toward the signals of highly probable events; supraconsciousness deals with lowly probable combinations of traces of previously received experiences; 3) subconsciousness "provides" for the need in preservation and survival; supraconsciousness—for that of development and growth; 4) subconsciousness is involved in the process of conflicts between biological and social needs; supra-consciousness, between social and ideal needs, between the available and the just; 5) subconsciousness is oriented toward the past, supraconsciousness toward the future.

According to the author the major theoretical result of the development of the concept of supraconsciousness is the definition of the problem "determinism and freedom of choice" as being groundless. Due to supraconsci-

ousness a person is relatively free at the stage of developing decision variants ("psychic mutations") and is not free when choosing between these variants. The phenomena of subconsciousness and supraconsciousness must be taken into account in education and in the treatment of neurosis.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВЕРНАДСКИЙ В. И., Биогеохимические очерки, М.—Л., Изд. АН СССР, 1980.
2. ЕРШОВ П. М., РУСАКОВА Е. А., СИМОНОВ П. В., Самая верная проба души, Наука и жизнь, 1982, №58.
3. СИМОНОВ П. В., Эмоциональное возбуждение и «психический мутагенез», В кн.: Второй симпозиум по проблеме «Человек и машина», М., 1966.
4. СИМОНОВ П. В., Эмоциональный мозг, М., Наука, 1981.
5. ФЕЙНБЕРГ Е. Л., Кибернетика, логика, искусство, М., «Радио и связь», 1981.
6. ЯРОШЕВСКИЙ М. Г., Категориальная регуляция научной деятельности. Вопросы философии, 1973, № 11.

РОЛЬ И МЕСТО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ОТРАЖАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОЗНАНИЯ

Д. И. РАМИШВИЛИ

Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН ГССР, Тбилиси

С точки зрения возникшей в психологическом обсуждении проблемы существования бессознательного психического процесса и, в частности, проблемы его определяющего участия в активности сознания, решающим представляется следующее обстоятельство. А что есть вообще психика? В чем ее основная природа?

Дело в том, что психика есть функциональное понятие, и каждый процесс в ней носит такой же характер. Иначе говоря, этот процесс может возникнуть, развиваться и упрочиться только в том случае, если он чем-либо служит и полезен жизненному процессу организма при его приспособлении к окружающему миру.

Ведущую роль в этом процессе приспособления психика выполняет тем, что она осуществляет отражение окружающей живое существо действительности, вернее, наличествующих в ней и нужных для него условий, поскольку психика есть собственно отражательная способность. Какое же место занимает в этом процессе бессознательное и **как** и **чем** оно способствует функции отражения и тем самым основному процессу развития живой действительности?

Именно с этой точки зрения особый интерес представляют достижения этологов, таких как Карл Фриш, Конрад Лоренц и Нико Тинберген, произведших переворот не только в своей области, но и в психологии вообще, главным образом, в понимании природы познавательных процессов. В частности, в гносеологических предпосылках этого понимания до самого последнего времени подразумевалось и считалось несомненным, что **отношения** как таковые, а значит и самое общее в явлениях, не могут войти в перцепцию и быть отражены в виде **абстрагированного,** — вернее было бы сказать **изолированного — инварианта,** данного в самых различных конкретных явлениях, и что это достижимо лишь на самой высокой ступени вербализованной психики, т. е. доступно только мыслительному процессу человека.

Между тем этологическое изучение, например, эксперименты Тинбергена, неопровержимо устанавливают, что **первое,** что отражается и, стало быть, и фиксируется в области психики из окружающей среды уже на самой ранней ступени возникновения психического отражения, **это именно отношения,** в частности, пространственные и временные соотношения между явлениями, могущие быть выражены в математических показателях. Данные, например, в виде определенной пропорции, они направляют действие живых существ — хотя бы таких как птенцы дрозда, — вызывая соответствующие реакции и в случае внешне весьма различных стимулов. Вместе с тем эти отношения,

т. е. самые общие моменты реальных процессов и явлений, обычно, как правило, в **последнюю очередь** выходят на передний план сознания и бывают выделены там в виде словесно **оформленного содержания** уже посредством собственно интеллектуальной активности.

И только лишь вышесказанным можно объяснить, что еще в 1960 г. Бюлер[1] выставил как «гениальную теоретико-познавательную» мысль (Einfall) Эйнштейна, высказанную им в его маленькой книге "Out of My Later Years" (1950), согласно которой физика—так же как и повседневное мышление о внешнем мире имеет дело среди психических процессов лишь с чувственными переживаниями и с «пониманием» («Begreifen») связей между ними.

Понимание при этом гениальный физик ставит в кавычки и поясняет, что он имеет в виду под понятием постигаемости (Begreiflichkeit) физического мира. Упорядоченный характер чувственных впечатлений, к которым сводится этот мир, с точки зрения Эйнштейна, есть дело нашей способности созидания. Постигаемость, говорит он, значит возможность посредством творческого порождения общих понятий и отношений между этими понятиями, а также между понятиями и чувственными переживаниями «установить **какой-либо порядок** (irgendeine Ordnung) между этими последними», т. е. чувственными переживаниями (подчеркнуто Эйнштейном—*Д. Р.*). Эти правила связывания «можно сравнить,—поясняет Эйнштейн,—с правилами игры, которые сами по себе **произвольны** (willkürlich) (подчеркнуто нами—*Д. Р.*), но лишь их определенность делает игру возможной[2].

В статье «О физике и реальности» Эйнштейн, опять-таки особо отмечает, что понятийная система может быть создана физикой лишь на основе **свободного изобретения** (auf freier Enfindung); это он подчеркивает и добавляет в скобках («инвенции, это значит, она не есть дистиллят из пережитого опыта»). Но эта понятийная система должна показать свою согласованность с опытом и тем подтвердить свою истинность. Истинное содержание системы опирается, говорит Эйнштейн, «на свидетельство опытно-оправдываемых теорем, которые, со своей стороны, ведут начало от чувственных впечатлений»[3] И такая согласованность этих последних с мыслительной системой, по мнению Эйнштейна, может быть понята лишь из факта **интуиции**. С точки зрения этой теоретико-познавательной позиции гениального физика, вполне закономерно, что то, что «мир наших чувственных впечатлений может быть понят», Эйнштейн считает «чудом». **«Навеки непостижимое в этом мире есть возможность его постижения»**,[4]—подчеркивает он.

Эту мысль Эйнштейна Бюлер считает гениальной, но, несмотря на это, старается ее «подправить». Он полагает возможным отклонить

---

[1] K. Bühler, Das Gestaltprinzip im Leben des Menschen und der Tiere, Stuttgart, 1960. Мы говорим здесь «еще в 60 году», имея в виду, что Эрнст Мах более ста лет тому назад рассказывал в своем «Анализе ощущений», как он в один прекрасный день раз навсегда понял, что и мир, и сам он состоят лишь из массы, связанных друг с другом ощущений

[2] Цитаты Эйнштейна и его выражения, приводимые в ковычках, даны из названной книги Бюлера, глава XI, с. 85—95.

[3] Там же, с. 86.

[4] Там же, с. 85.

полный хаос чувственного материала, из которого исходит Эйнштейн, и именно отклонить с помощью гештальта, который, по мнению Бюлера, может служить некоторым переходным мостом к понятиям. Таким образом, выражение Эйнштейна «интуитивно», согласно Бюлеру, может и должно быть понято как «наглядно данное», как способность наглядного постижения[5].

Тот факт, что Бюлер выставляет фактор гештальта, который на генетически ранней ступени, где еще нет вербальной, т. е. интеллектуальной психики, так или иначе отражает предметную данность, объект окружающего мира, — это само по себе удачное допущение Бюлера. Ведь гештальт включает восприятие отношений.

Конечно, не удивительно, что автор теории относительности не считает никакую познавательную ступень и никакие допущения в виде категорий абсолютными и окончательными. «Не существует никаких окончательных категорий в смысле Канта, — говорит и подчеркивает он. Но именно этот факт и свидетельствует не против, а в пользу теории отражения. Безграничности систем отношений объективного мира соответствует так же не знающее границ следование познавательного процесса, при котором одна ступень служит опорой другой и, как правило, включается в общую систему, а не бывает обычно выброшенной. Разве теория относительности устранила или снизила значимость механики Ньютона? Совершенно непонятно только одно — и вместе с тем все недоразумения идут отсюда, — а именно: почему-то процесс и принцип отражения понимается и приравнивается к зеркальному отражению[6], и считается, что отраженный, т. е. познанный объект, согласно теории отражения, должен быть точно воспроизведен и представлен приблизительно так, как он дается в зеркале, иначе говоря, без всякой субъективной формы. И вместе с тем именно последняя, ее обязательная данность при всех видах познания, выставляется вообще как аргумент против адекватности такового. Между тем, о познавательном процессе, т. е. психическом отражении, можно и имеет смысл говорить лишь при наличии субъекта вместе с его специфической способностью и с присущей ему при этом формой отражения.

В связи с этим Бюлер приводит так же рассуждения Конрада Лоренца о том, что рецепторный аппарат дает «неправильное» представление, «кривую» картину (он говорит „das schiefe Bild") физической реальности, поскольку направлен на сохранение рода, а не на постижение действительной природы физического мира, Одно из наглядных доказательств этого он видит в том, что определенные цвета нам кажутся контрастно-противопоставляющимися друг другу, что вовсе не обусловлено стоящей за ними физической природой электромагнитных волн. Он при этом приводит также качественное переживание единства белого цвета, чему в реальности опять-таки ничего столь простого (Einfaches) не соответствует. В статье «К пониманию субъекта и объекта в теории Д. Н. Узнадзе» (1973)[7], мы так же указывали, что, напр., пурпурный цвет, самый близкий по психическому качеству к красному цвету, на самом деле по

---

[5] Бюлер имеет в виду, что многое из того, что в аналитической геометрии определяется математически, т. е. понятийно, нам, в определенном смысле, дано и очевидно в наглядном постижении и что Евклидова геометрия в этом смысле не свободна от наглядной аргументации. Там же.

[6] Напр. см. Cassirer, Philosophie der symbolischen Formen, 1923.

[7] См. сборник—Психологические исследования, посвященный 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе, 1973, 316—316.

своим физическим составляющим дальше других отстоит от него. Но считали и считаем, что из этого можно и должно делать другие выводы.

Конрад Лоренц весьма справедливо отмечает, что весь аппарат восприятия направлен на то, чтобы субъект узнавал нужный ему предмет при всех случайностях его данности. И в качестве подтверждающего примера им приводится факт константности цвета. «Эта «объективирующая» функция, — говорит он, — нацелена исключительно на зрительный предмет, а не на свет как таковой». Пчеле совершенно все равно, что за реальность прячется за явлениями «света», ей надо узнать соответствующие цветы, узнать по их константно «прикрепленным свойствам», независимо от меняющихся условий световых отношений, замечает К. Лоренц. Кому придет в голову с этим спорить? Но он отсюда делает весьма несправедливое заключение о вынужденной двойственности познавательного подхода к общей проблеме психофизических отношений, где предметное восприятие создает нужную для существования определенного рода картину мира, не заботясь о ее адекватности, вернее, искажая реальность таковой.

Но что такое предмет? Это есть точка пересечения отношений, точка, которая узнается по ее месту в системе более общих отношений. Так, например, белый цвет, о котором говорит К. Лоренц, узнается лишь по его отношению к общему освещению и при отключении последнего в известном экспериментальном ящике выглядит отчетливо серым и даже темно-серым при малейшем сгущении падающей на него тени. Но ведь именно это обстоятельство, эта включенность цвета в общие отношения помогает нам не только узнавать предмет, но и выделять закономерности световых явлений и отношений. О какой искаженной картине говорит Конрад Лоренц, убежденный дарвинист, лучше всех показывающий процессы приспособления в мире биологии? О переживании чувственных качеств, которые неизвестно с какого времени и в каком виде даны как таковые на ранних ступенях психического отражения? Иначе как могли бы путать птенцы дрозда свою пернатую мать с двумя досками лишь по признаку равенства пропорций? Имеем ли мы право исходить из феноменологически данной нам картины чувственных впечатлений и приписывать ее к перцепции насекомых? Мы можем и должны говорить лишь о дискриминирующей способности животного в отношении того или иного цвета. И вместе с тем, не будет же К. Лоренц отрицать, что и снег, такой важный для эскимоса, и песок, важный для жителей пустыни, и сахар, из-за которого так с ума сходил мой подопытный шимпанзе, действительно даны как предметы в реальности нашего окружения.

Предметный мир и есть тот мир, который отражается в практике нашего существования и, что особенно важно и существенно, в нашей языковой практике. И именно там и даны начала теоретической мысли, из которой и выросла физика и, вообще, наука. А что касается субъективной формы, т. е. того, что мы видим сочную зеленую траву и красные пылающие маки в ней, так ведь эта «форма» кладет начало и эстетическому восприятию, а отсюда и художественному творчеству, и, вообще, большей части той реальности, которая называется человеческой культурой. Впрочем, этот «зеленый» цвет, со своей стороны, многое объясняет и ботанике. Откуда это «презрение» к предметному миру — источнику всей нашей познавательной активности? А почему же тогда Эйнштейн, чтобы объяснить свою теорию и ее зарождение Вертхаймеру, рисует ему ситуацию находящегося на платформе человека и движущихся в соответствующем направлении вагонов? Ведь это и есть предметный мир.

А разве сам факт существования процесса приспособления и опирающегося на него развития живого мира не свидетельствует с несо-

мненностью о том, что и перцепция букашки в какой-то мере адекватна, иначе говоря, отражает ту часть закономерности объективного мира, которая необходима для ее благополучия, а главное, для общего процесса развития, безусловно, господствующего в этом мире. И если это возможно, то возможно лишь благодаря тому, что начинается эта отражательная способность со способности схватить отношения, самый верный и не обманывающий компонент познавательного процесса, и именно потому с начала же философской мысли приписываемый лишь «вершине» этого процесса, особо нацеленному сознанию, а затем идеирующей абстракции, иначе, созерцанию сущности (Гуссерль).

В процессе развития объективного мира возникает определенная ступень, где в действие вступает субъект, т. е. носитель способности психического отражения, иначе говоря, отражения специфики и условий данности того или иного объекта и способности узнавать его. Этот объект и есть иррелевантный раздражитель, которому обычно совсем не обязательно находиться в окружении каждого субъекта этого вида. Он случайный по отношению к тому материальному процессу, в который он, тем не менее, включается, начиная направлять и определять его. Субъект же есть возникшая в развитии органического мира инстанция индивидуального опыта, накапливающая этот последний посредством критерия полезности и на этой основе узнающая соответствующие объекты, направляющие его поведение.

Но как все-таки возможно узнавание объекта в качестве индивидуального процесса, данного на ранних ступенях развития психики, тем более если этот объект иррелевантен с точки зрения протекающего в организме процесса?

Дело в том, что у каждого носителя психики, иначе, субъекта, есть способность выделения соответствующей **системы ориентиров**, данная в виде определенного биологического механизма. Если Карлу Фришу надо было сконструировать аппарат для того, чтобы убедить приехавшего к нему образованного коллегу, что в вербующем танце пчелы передается определенным углом направление, а темпом—длина пути, то у самого роя пчел есть свой врожденный биологический механизм, снабжающий их способностью выделять определенную систему ориентиров во внешнем мире, данную hic et nunc, и отвечать на конкретное место в ней соответствующей реакцией. Это возможно лишь благодаря тому, что в развитии познавательных процессов живого существа отражение отношений, как показало этологическое изучение, является первичным по сравнению с перцепцией сугубо материальных свойств стимула. Тем более симптоматично, что даже этологи—имеем в виду в этом случае К. Лоренца—продолжают спорить против теории отражения, будучи в плену предпосылок гносеологического дуализма.

По мере развития биологического мира эти механизмы становятся сложнее: системы отношений, отражаемые с помощью этих механизмов, обеспечивающих живое существо необходимыми ориентирами, множатся и делаются подвижнее и, следовательно, легче и чаще сменяют друг друга. Но всюду это, все-таки, есть или врожденный, или лишь в рамках такового приобретенный индивидуальный опыт[8], пока на ступени человека не наступит время чрезвычайного скачка, а имен-

[8] Мы говорим об «индивидуальном опыте» и в случае самых низших созданий, существующих в виде посредством деления размножающихся множеств, посколько новая ступень и в этом случае также появляется лишь за счет возникновения нового биологического качества.

но, начало фиксирования социального опыта в плоскости языковых процессов и возможности его передачи посредством системы условных знаков.

Лишь появление такого фиксированного социального опыта кладет начало ни местом, ни временем неограниченному росту отражения объективного мира в плоскости человеческой психики. И вместе с этим ростом выступает вперед и необходимая ведущая роль и участие **бессознательного психического процесса**. Уже довербальная психика не есть сознательная психика. И дафния Blees-а и инфузория реагируют на содержание сигнального раздражителя, но ничего не знают о нем. Иначе говоря, это есть процесс психики, но не сознания, т. е. не вербализованного и, тем самым, интеллектуализированного отражения.

Что же касается вообще вербальной психики, то направляющая роль бессознательного здесь уже носит категорический и вместе с тем иной характер по сравнению с бессознательным процессом животной ступени. Субъект сознательной психики может осуществить свою познавательную активность лишь опираясь на языковый помост, на весь тот социальный опыт, который накоплен и фиксирован в плоскости языка и из которого вырастают и новое содержание, и новые перспективы познания. И все это может быть ему дано лишь в виде отраженных и в недрах языка заложенных бессознательных возможностей осознания новых связей.

Ориентиры вербальной психики, направляющие индивидуальное сознание, даны в виде тех общих моментов, общих объективных закономерностей, которые вступают в плоскость языкового опыта, иначе говоря, в плоскость фиксирования социального опыта, направляя отсюда все виды активности индивидуального сознания. Все нарастающее движение социального опыта, а отсюда возникновение все новых и новых ориентиров, обеспечивает не останавливающееся развитие познавательного процесса, тем самым с необходимостью выявляя роль бессознательно отраженного содержания как определяющей и исходной основы в работе всякого индивидуального сознания. Конечно, фиксирование социального опыта в плоскости языка не может происходить без участия индивидуальной сознательной активности, но оно не направляется ею. Какое индивидуальное сознание может вместить и заранее знать все это, что движет им в его познавательной деятельности? И какое индивидуальное сознание может идти вперед без этой неисчерпаемости отраженного в языке содержания, всего того, что постепенно, с трудом и большим опозданием обнаруживается познавательным творчеством, а может и вовсе не обнаружится на определенной ступени познания?

Когда Пуанкаре, вставшему на подножку автобуса, пришла, как он рассказывает, внезапно в голову идея одного из его творческих достижений в математике, она как бы «выскочила» совершенно неожиданно в этот момент. В то же время дойти до этих наитий «обычно невозможно без долгой продолжительной и предварительной работы». То же самое и в других случаях и у него, и у Гаусса и у других[9]. Но это значит, что, конечно, в языковом фиксировании научных результатов уже должна была быть дана возможность возникновения этой творческой идеи. А откуда она могла «выскочить» в сознании пусть гениального математика? Но и эти достижения, как и всякие другие во всех областях научной мысли, никогда не обходятся без естественного языка, где даны самые общие и необходимые ориентиры для мыслительной работы.

---

[9] См. Ж. Адамар, Исследование психологии процесса изобретения в области математики, М., 1970.

И именно потому бессознательное не есть компоненты, вкрапленные в процесс сознания, а главная опора такового, которая снабжается накоплением социального опыта и питает всякую познавательную деятельность. Признание социальной природы нашей психики, социального характера содержания человеческого сознания уже с необходимостью требует признания ведущей роли бессознательного.

Это и есть то «чудо» мышления, о котором говорит Эйнштейн, имея в виду то, что содержание общих аксиом, не будучи еще дано его сознанию, направляло его мыслительную работу, а впоследствии, при изложении достигнутого, стояло уже в начале концепции в качестве предпосылок, из которых выводилась эта последняя.

Вышеозначенное обстоятельство являлось, кстати, психологической причиной и тех теоретических построений, которые делали «сознание вообще», «чистое сознание», «трансцендентальное сознание» и т. д. ответственными за то, что реальный мир представляет из себя упорядоченное целое.

И нельзя потому не считать положительным моментом теории Д. Н. Узнадзе, во-первых, то, что она исходит из факта существования познания, считая, что отрицать этот факт нельзя и что задачей психологии является установление того психологического механизма, в силу которого «закон объекта переходит в состояние субъекта» и направляет его. Это есть прорыв того имманентизма, который характеризовал традиционную психологию, исходящую из определенных гносеологических предпосылок. И, во-вторых, теория эта поведение всякого живого существа и активность человеческого сознания объясняет предварительным бессознательным отражением (в готовности субъекта к определенному действию) именно тех отношений, которые объективно наличествуют в окружающей среде. При этом данное отражение отношений в состоянии субъекта осуществляется всегда на основе потребности, опыта и особенностей данного индивида. Но, конечно, это не значит, что кто-нибудь может думать, что психология или начинается или кончается этой теорией, которая, как и всякая другая, есть продукт соответствующей ступени научного развития[10].

Мы хотели бы в этой связи вкратце коснуться обмена мнениями о природе и закономерностях психики между Б. Ф. Ломовым и Ф. В. Бассиным в «Психологическом журнале» от 1982 г. (в № 1 и № 6). В статье под названием «Об исследовании законов психики» Б. Ф. Ломов, отметив предварительно, в чем заключается сущность научного познания, дает перечень различных групп психологических законов, особо подчеркивая, что существуют законы различных уровней и, в связи с этим, решительно возражая — не называя адресата — против всяких попыток универсализации частных законов, попыток, которые, «обычно, кончаются печально». Нельзя спорить, что психолог может и должен интересоваться частными вопросами, скажем, процессом осязания и его особыми закономерностями. Развитие психологии, как науки, вообще, не может наличествовать без этого. Между тем, если даже взять этот самый процесс осязания, разве он осуществляется без субъекта, а не есть особая функция такового, служащая его потребности отразить соответствующие стороны объективного мира? И именно в силу этого обстоятельства нормальному человеку кажутся удивительными достижения слепых в этой области; а между тем, психологическое изучение показало, что у них такие же возможности в этом отношении, как и у зрячих, но все дело в их вынужденном преимуще-

[10] См. статью Б. Ф. Ломова «Ответ профессору Ф. В. Бассину», с. 152—153, Психологический журнал, 1982.

ственном применении лишенными зрения людьми, иначе говоря, дело касается не самого процесса осязания, а фактора субъекта, субъекта, имеющего самое прямое и непосредственное, не могущее быть игнорируемым, отношение к общей природе и специфике психологических явлений как таковых.

Между тем, если взять вышеназванную статью Б. Ф. Ломова, говорящего о законах психики и делящего их на разные «уровневые группы», то в ней автор почти нигде даже не упоминает субъекта (исключая его возражение на отклик проф. Ф. В. Бассина). А ведь статья называется «Об исследовании законов психики», причем, исследование стоит в единственном числе, что тем более обязывало автора коснуться основного момента и сущности психических явлений. Ведь психика не агрегат, не регулятор и даже не система оптимального управления в электронных кибернетических устройствах, и поэтому никакая ее часть, никакой составной процесс не может быть понят в своей изолированной закономерности как некий самостоятельный механизм, как это возможно в случае какого-либо физического устройства (вроде автомобиля, о котором говорит в своей статье Конрад Лоренц). И именно вследствие этого понятие субъекта, его редуцирование к элементарным психофизическим процессам, которые могут быть физикалистически объяснены, всегда составляло основную проблему и в то же время оставалось никогда не осуществимым идеалом всякого радикального бихевиоризма. Вместе с тем Б. Ф. Ломов в этой же статье борется против бихевиоризма.

Кому придет в голову спорить с тем, что целью всякого научного, а, следовательно, и психологического исследования является установление объективных законов? Смысл закона в его обязательной объективности. Об этом убедительно говорит в первой части своей статьи сам Б. Ф. Ломов. Но все дело в том, как надо понимать эту объективность. Разве включение субъекта в исследование психического процесса можно толковать как субъективирование закона? Или же, наоборот, понятие субъекта необходимо, чтобы показать, в силу какого механизма объективная реальность, объективное положение, объект, как таковой, ведет за собой, направляет и определяет развитие психики и ее носителя, т. е. субъекта?

В своем ответе на отклик Ф. В. Бассина («Еще раз о законах психики») Б. Ф. Ломов сожалеет, что Бассин, говоря о том, что логика рассмотрения проблемы Ломовым «одновременно и традиционна, и оставляет открытыми пути для дальнейшего развития мысли», не указывает, о каких традициях идет речь. «Для меня, — говорит Ломов, — это — традиции, заложенные трудами И. М. Сеченова и развитые позднее в советской психологии на основе диалектического материализма». Отнять у Сеченова или умалить его место в развитии науки очень трудно. Но Сеченов умер в 1905 году, когда положение психологии было таково, что он мог писать (в специальной статье в 1873 г.), что психику должен изучать физиолог. После этого прошло 100 с лишним лет. И неужели президент Общества психологов СССР по-прежнему думает, что психология есть область исследования физиологии и что человеческая психика, подчиненная социальным закономерностям, может быть объяснена физиологией?

Сеченов был слишком большим ученым, чтобы полагать, что наука должна остановиться в связи с каким-нибудь авторитетным именем. К тому же основным принципом диалектического материализма является принцип развития. Разве за этот столетний период психология не развивалась как наука и не прошла такой путь, что сейчас не видеть в ней роли субъекта, а следовательно, бессознательного (поскольку последнее связано с существованием субъекта, никак не сво-

димого к процессам сознания), — значит, не считаться с достижениями науки, в конечном счете всегда показывающей свое поступательное движение, каковы бы ни были отправные позиции отдельных исследователей?

Б. Ф. Ломов пишет, что для него реальность неосознаваемых компонентов психики несомненна, но не считает, что то или иное решение проблемы «соотношения осознаваемого и неосознаваемого» в реальности психического является обязательным требованием к любому психологическому исследованию (подчеркнуто Б. Ф. Ломовым). Нам кажется, что это звучит почти так, что он допускает применение в психологии соответствующих понятий, иначе говоря, субъекта и бессознательного, но считает возможным для себя при исследовании законов психики, при их перечислении и делении на соответствующие группы, просто обойти вышеназванные понятия. Но ведь перечень законов психики без показа сущности этой последней как собственной специфики субъекта и вытекающего отсюда единства этих законов сводится лишь к конгломерату этих последних[11].

И неужели решающий фактор объекта в отражательной активности субъекта и в его развитии, затем отрицание «постулата непосредственности», т. е. того, что один психический процесс может непосредственно воздействовать на другой без решающего участия субъекта, и, наконец, признание предварительного бессознательного отражения общих отношений предмета — фиксированных в социальном опыте соответствующего языкового коллектива и направляющих активность индивидуального сознания — не имеют права претендовать на характер общих законов психики и есть лишь непозволительная универсализация таковых?

THE ROLE AND PLACE OF THE UNCONSCIOUS IN THE REFLECTIVE PROCESS OF CONSCIOUSNESS

D. I. RAMISHVILI

The D. Uznadze Institute of Psychology, Acad. Sci. Georgian SSR. Tbilisi

SUMMARY

The author criticizes the gnoseological dualism, widespread in psychology, and demonstrates that the unconscious reflexion of systems of general relations and the recognition of a concrete object according to its place in the given system is the earliest process of psychological activity.

At the level of subverbal psychics, the reflection of these relations takes place on the basis of reference points established in the biological organization of an animal, which serves as the instance of individual experience. At this level of development qualitative changes in behaviour occur only at corresponding leaps in the biological nature of animal species.

As for the human or social psychics, here language is the instance of unconscious fixation of social experience from which the continuous and pro-

[11] Кстати, почему, например, вопрос взаимоотношения кратковременных и долговременных хранилищ относится Б. Ф. Ломовым к «элементарным законам», не требующим привлечения субъекта. Ведь долговременное хранилище это, по существу, опыт субъекта и онтогенетически и филогенетически присущий ему.

gressive reflexion of new systems of relations takes place, and which determines speech activity as well as the cognitive process of individual consciousness.

ЛИТЕРАТУРА

1. АДАМАР Ж., Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970.
2. ЛОМОВ Б. Ф., Ответ профессору Ф. В. Бассину. Психологический журнал, 1982.
3. РАМИШВИЛИ Д. И., К пониманию субъекта в теории Д. Н. Узнадзе. В сб.: Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе. Тб., Мецниереба, 1973.
4. BÜHLER K., Das Gestaltprinzip im Leben des Menschen und der Tiere. Stuttgart, 1960.

ПУТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

П. Б. ШОШИН

Московский университет, факультет психологии

В научной литературе на английском языке, где значительный рост или снижение любого количественного показателя принято (причем без малейшей иронии) величать «драматическим» (dramatic), а вопрос, чем-то заинтриговавший исследователя, уже непременно бросает ему «вызов» (a challenge), широко употребляется вызывающее своим драматизмом выражение «атаковать проблему» (to attack a problem), словно проблема— это некая крепость. По-русски мы обычно так не говорим, предпочитая в подобных контекстах несколько более сдержанные тона. Но вот в отношении Тбилисского симпозиума красочность, аффективная напряженность последней метафоры кажется как нельзя более уместной. Он и в самом деле видится как настоящий штурм проблемы бессознательного, развернутый к тому же по небывалому числу направлений. О масштабах предпринятой тогда попытки выйти на новые научные рубежи свидетельствует уже тот факт, что в ней участвовали представители многих, часто весьма далеких друг от друга специальностей—философы, психологи, врачи, физиологи, лингвисты, физики, инженеры, математики. Но и этот достаточно внушительный и пестрый перечень не идет ни в какое сравнение с многообразием представленных на симпозиуме школ, систем взглядов, научных концепций.

Такой плюрализм сыграл принципиально положительную роль: он позволил сконцентрировать в пространстве и во времени, свести лицом к лицу если не все без исключения, то очень многие из существующих в современной науке точек зрения на реальность и природу бессознательного, на методы его исследования, на возможности обращения к нему при решении прикладных задач. Уже само по себе столкновение стольких, иногда совершенно несовместимых взглядов сулит появление свежих, продуктивных идей — пусть даже в момент конфронтации ничто не предвещает конструктивного исхода дебатов.

Вместе с тем нельзя игнорировать существенных издержек стихийности, которой был отмечен плюрализм тбилисских дискуссий. Пожалуй, наиболее досадная из этих издержек состояла в отсутствии среди собравшихся стартового консенсуса по вопросу о том, что такое бессознательное. Расхождения в сформулированных определениях, а тем более в неявных трактовках ключевого слова «бессознательное» вырисовывались все явственнее по мере выхода в свет первых трех томов настоящей коллективной монографии и к моменту открытия симпозиума стали совершенно очевидными. Некоторым его участникам, осо-

бенно тем, кто был взращен в традициях психоаналитической субкультуры, этот факт представлялся до такой степени невероятным, что они какое-то время не могли полностью признать его реальности. Показательна в данном отношении осциллятивная реакция одного из героев штурма Пьера Брюно. Почти в самом начале своего доклада он недоуменно воскликнул: «Говорим ли мы об одном и том же бессознательном?». Но его ответ на этот, казалось бы, откровенно риторический вопрос не был безоговорочно отрицательным: «По-видимому, нет». И тут же он поспешил добавить, стремясь дезавуировать только что высказанную им озабоченность: «Однако, я не придаю этому недоразумению стратегического значения».

Увы, «стратегическое значение» такого рода «недоразумений» порой может быть весьма ощутимым и в принципиальном, и в практическом плане. Если иметь в виду стратегию научных завоеваний, то отсутствие одинаковых или по крайней мере сходных топографических карт и координат цели у участников штурма грозит распылить их силы по недопустимо большой территории. Ринувшись на покорение номинально одной и той же крепости, они неизбежно будут порознь штурмовать множество различных укрепленных постов, зачастую имеющих лишь косвенное касательство к первоначально объявленной цели-цитадели, которая в итоге может и не понести заметного урона.

Именно это, похоже, и произошло в Тбилиси. В результате сейчас даже нельзя с уверенностью установить, привел ли симпозиум к драматическим сдвигам в нашем коллективном знании о бессознательном — для этого нам как минимум потребовалось бы сначала договориться опять же о том, что̀ есть бессознательное. Несомненным, однако, остается факт, что проблема бессознательного (по крайней мере в том понимании, которое будет отстаиваться ниже) по-прежнему бросает нам вызов — пожалуй, не менее дерзкий, чем ранней осенью 1979 года, перед достопамятным штурмом.

Итак, на опыте Тбилисского симпозиума мы имели лишнюю возможность убедиться, насколько важно иметь если не единство, то хотя бы сходство взглядов на значение ключевого слова, обозначающего предмет обсуждения. Попробуем разобраться в существе имевшихся разнотолков и тем самым расчистить почву для будущего терминологического соглашения.

Среди многочисленных трактовок термина «бессознательное», представленных в соответствующей научной литературе (и в частности, в материалах симпозиума), можно выделить три крупных концептуальных кластера:

— бессознательное-1 (или сокращенно Б1) — антитезис сознания;

— бессознательное-2 (Б2) — совокупность процессов, протекающих вне сознания, помимо его контроля;

— бессознательное-3 (Б3) — один из специфических функциональных компонентов психики, по своей семантической модальности гомологичный сознанию.

В первом из названных качеств бессознательное выступает как преимущественно философская категория, образованная путем отрицания: бессознательное-1 есть то, что не есть сознание. В таком смысле (хотя и не обязательно в таком виде) концепция бессознательного вводится в древних и классических философских трудах (вспомним хотя бы Платона, Гербарта, Лейбница). Многое из подобной трактовки бессознательного сохранилось и в ряде современных работ (см., например, [9]), включая отдельные статьи, опубликованные в первых трех томах данной монографии [III, 16].

{Б 1}[1] представляет собой, напоминаем, целый кластер понятий, внутри которого имеется большое количество различных модификаций. Эта множественность проистекает из неоднозначности категории (феномена), определяемого вышеприведенной формулировкой. Чтобы эта неоднозначность стала предельно доступной восприятию и анализу, переведем данное выше определение в символьную форму:

$$Б\,1 = U / C;$$

здесь / — знак логического вычитания, а U — некий концептуальный универсум, содержащий концепцию сознания (C). Это может быть идеальный мир, система бытия, человеческое существо как [логическое] объединение материального и идеального начал, наконец, психика человека. Какое именно содержание вложено в универсум, почти никогда не оговаривается. Концептуальное наполнение U может быть (разумеется, с немалой степенью субъективного произвола) реконструировано читателем на основании контекста, комментариев, спорадических замечаний и обмолвок автора.

Недостаточное внимание, которое уделялось эксплицитному заданию универсума в большинстве источников, свидетельствует о распространенности недооценки содержательных пререквизитов отрицания. А между тем отрицание логически корректно, только если очерчено также и то, в пределах чего оно производится. Подобная недооценка, в частности, находит свое выражение в общепринятой трактовке отрицания как одноместной операции, что закреплено и в учебниках по математической логике (см., например, [3]). Последнее же есть очевидное следствие предполагаемой константности универсума в традиционных построениях.

Не менее существенным источником неоднозначности Б1 является полисемия другого компонента определяющей формулы — C. Упомянем в этой связи лишь некоторые, наиболее распространенные категории значений, обозначенным словом «сознание»: (1) способность идеального воспроизведения действительности [6]; (2) инстанция деятельного отражения материального мира в идеальном [5]; (3) совокупность знаний, эталонов, целей, мотивов, осознаваемых субъектом и формирующим его деятельность [I, 14]; (4) те же категории на уровне коллектива, общества [III, 190]; (5) функциональный компонент человеческой психики, определяемый рядом признаков [I, 21]; (6) в более узком смысле, часть психики, оперирующая исключительно вербальными и иными коммуникативными знаковыми средствами [III, 140]. Разумеется, внутри каждой из этих категорий можно проследить практически неисчерпаемое многообразие значений, причем в отдельных статьях, а тем более в монографиях может сосуществовать несколько, казалось бы, модально несовместимых трактовок термина «сознание». Концептуализация того, что автор вкладывает в этот термин, нередко затрудняется отсутствием определений или целенаправленных пояснений, что, как и в случае универсума, заставляет читателя искать необходимую информацию косвенными путями.

Мы видим, таким образом, что бессознательное-1 определяется через две неопределенности, и это, очевидно, является источником отмечаемых многими трудностей, на которые наталкивается концептуализация бессознательного, когда оно вводится путем отрицания [1]. И все же, если мы ограничимся рассмотрением лишь собственно психо-

[1] Здесь и далее в этой главе символ, заключенный в фигурные скобки, представляет некоторое множество (в математическом смысле слова). Тот же символ, но без фигурных скобок обозначает типичный элемент соответствующего множества.

логической литературы, то заметная часть отмеченной неопределенности снимается, т. к. в роли универсума U здесь почти всегда фигурирует человеческая психика, а в роли отрицаемого феномена C — пусть не один и тот же, но тем не менее компонент индивидуальной психики, выполняющий определенные функции.

Для того, чтобы подчеркнуть именно психологическую принадлежность бессознательного-1, некоторые авторы прибегают к предложенному А. Е. Шерозией [7] термину «бессознательное психическое». Однако чаще употребляется обозначение «неосознаваемая психическая деятельность» [2], по отношению к которому слово «бессознательное» выступает как бы в роли краткого, броского синонима, лишенного, однако, семантической четкости своего более развернутого эквивалента. Следует сразу же оговориться: синонимизация обоих терминов наталкивается на трудности формального свойства, так как область психики, каковой является бессознательное-1, не подлежит, строго говоря, отождествлению с разворачивающейся в ее пределах деятельностью. Однако нынешняя тенденция языковой стихии все более узаконивает подобное отождествление, а это в свою очередь служит размыванию семантической модальности того и другого термина, каждый из которых сейчас почти в одинаковой мере служит для обозначения как домена, так и действия.

Хотя, как только что отмечалось, бессознательное-1 в понимании большинства авторов не выходит за концептуальные границы психики, логика определения через отрицание неизбежно подталкивает исследователя к распространению этого понятия на нейрофизиологический домен. В комбинации с отрицанием психического вне сознания эта логика становится отправным пунктом для обоснования физиологической редукции бессознательного [I, 48].

Разнообразные когнитивные и исполнительные автоматизмы, независимо от того, обслуживают они работу сознания или бессознательного, образуют основу бессознательного-2, определение которого выглядело бы примерно так: Б2 есть все то, что [в пределах психики] имеет место вне контроля со стороны сознания. Сюда, следовательно, относятся также неосознаваемые процессы целеобразования, формирования и перестройки мотивов, ценностей, решений, неосознаваемые психолингвистические феномены и т. д. Особого упоминания в этой связи заслуживает феномен установки (по Д. Н. Узнадзе), который также принадлежит к категории {Б 2}.

Главное различие между бессознательным-1 и бессознательным-2 коренится в сфере семантической модальности: если в первом случае мы имеем дело с концептуальной категорией, то во втором — с процессуально-феноменальной. Это находит свое отражение в критериях, с помощью которых определяется принадлежность к бессознательному-1 и к бессознательному-2: для первого — это непринадлежность к домену сознания, а для второго — неосведомленность субъекта (т. е. отсутствие контроля со стороны сознания). Важное различие между сравниваемыми типами понятий имеет место в соотношении частей и целого: бессознательное-1 есть концепт[2], первичный по отношению к

[2] Термин «концепт» используется здесь для обозначения понятия, первично образованного как целое, в отличие от конструкта, который представляет собой понятие, синтезированное как [логическая] сумма ограниченного или бесконечного количества составных частей. Концепты и конструкты являются продуктами совместной деятельности некоторой общности людей (культуры). Понятие, принадлежащее к любой из этих категорий, идентифицируется с помощью имени (термина). Определение обязательно для конструкта. Концепт же может существовать и без определения. Однако в этом случае неизбежны существенные расхождения в трактовке концепта различными индивидами

своим компонентам, которые могут быть образованы лишь в результате структурирования исходного целого, тогда как понятие из кластера{Б 2}, наоборот, образуется как конструкт на базе первично определенных процессуально-феноменальных компонентов, к которым добавляется неконкретизированное множество «других подобных процессов или феноменов».

При всех отмеченных принципиальных различиях между бессознательным-1 и бессознательным-2, когда структурирование Б1 производится по процессуальному признаку (что на самом деле некорректно ввиду концептуального характера Б1), их объединение по логике вещей приобретает черты Б2, и различение обеих категорий становится затруднительным, поскольку структурирование и объединение формально представляют собой взаимно обратные операции и их совместное применение должно оставлять операнд неизмененным.

Соотношение между бессознательным-2 и часто встречающимся развернутым обозначением «неосознаваемая психическая деятельность» складывается по-иному, нежели в случае Б1. Поскольку в Б2 часто вкладывается значение с грамматической ролью субстантивированного прилагательного (бессознательным-2 является все то психическое, что не контролируется сознанием), а не полного существительного (как это было в случае Б1: бессознательное-1 есть область психики вне сознания), то слово «бессознательное» в смысле Б2 легко воспринимается как усеченный вариант термина «неосознаваемая психическая деятельность», что вполне оправдывает их взаимозаменяемость.

Несмотря на то, что в данное выше определение бессознательного-2 включено указание на его психологическую принадлежность, фактически в кластер {Б 2} входят конструкты, которые охватывают также (а иногда только) нейрофизиологическую инфраструктуру психической деятельности. Подобные тенденции были весьма заметны на отдельных заседаниях симпозиума в Тбилиси.

Третий из перечисленных ранее кластеров значений, которыми может обладать термин «бессознательное», восходит к психоаналитической традиции. Бессознательное-3 представляет собой функциональный компонент психики, «локализованный» вне сознания субъекта, оказывающий постоянное, иногда детерминирующее влияние на сознание и поведение субъекта, но тщательно и изощренно скрытый как от вторжения внешнего исследователя, так и от внутреннего аналитического взора самого субъекта.

Бессознательное-3, строго говоря, является гипотезируемой категорией: его существование доказывается лишь косвенно, а именно тем, что без обращения к нему не удается дать разумного, непротиворечивого объяснения многочисленным «парадоксальным» феноменам сознания и поведения. Точно так же существование многих небесных тел до их визуального открытия гипотезировалось по характерным аномалиям траекторий видимых объектов. Впрочем, у этой аналогии есть серьезный изъян: бессознательное-3 вряд ли когда-либо будет обнаружено «визуальными» средствами.

Существенным модально-семантическим свойством концепций, принадлежащих к кластеру {Б 3}, является то, что они фиксируются

в пределах одной и той же культуры. Отсюда стремление определить концепт — либо путем указания дефинирующих признаков, либо путем неявного структурирования исходного понятия с последующим явным воссоединением частей по образцу конструкта. Результат в обоих случаях редко совпадает хотя бы с одной из индивидуальных имплицитных интерпретаций исходного концепта, и последний перестраивается «в угоду» навязанному определению.

путем выделения специфической области смыслового универсума (в этой роли здесь неизменно выступает психика в целом), а не, как в случае {Б 1}, путем отсечения от универсума ранее фиксированной специфической области. Наличие данного свойства означает, что при аккуратной экспликации понятия типа Б3 нетрудно получить его определение, содержащее одни лишь или преимущественно положительные дефинирующие признаки (как это мы видим на примере только что приведенного определения бессознательного-3). Тем не менее, многие исследователи (а среди них и отдельные участники симпозиума [I, 10]) с сожалением отмечают, что бессознательному нельзя дать иного определения, кроме как состоящего из одних отрицаний. Конечно, такое утверждение в его категорической форме легко опровергается ссылкой на соответствующие дефиниции [8]. Но игнорировать его нельзя. Вероятно, его следует считать признаком недостаточной дифференцированности Б1 и Б3 в имплицитном сознании некоторых авторов.

Другое модальное свойство концепций, образующих кластер {Б 3}, состоит в том, что все они первично фиксируются как целое, а не как в случае Б2, синтезируются из количественно не ограниченного множества ранее зафиксированных составляющих, задаваемых с помощью небольшого числа эталонов, за которым следует шлейф «других подобных» элементов, обозначаемых также емким «и т. д.». Иными словами, в отличие от конструкта Б2, Б3 есть концепт.

Напомним, что концептом является также и Б1. С некоторыми оговорками можно даже считать, что Б3 входит в состав Б1, является его специфическим, относительно четко очерченным субдоменом. Оговорки же проистекают, в частности, из оттенка антропоморфности, или скорее *зоо*морфности, которым, в отличие от *а*морфного Б1, наделено бессознательное-3. Вспомним в этой связи почти синонимическую взаимозаменяемость терминов «бессознательное» и «Оно» в ряде трудов З. Фрейда.

Между прочим, подобное ситуационное отождествление следует расценивать лишь как попытку образного представления одной из функций бессознательного-3. В действительности же «Оно» не является единственным обитателем бессознательного-3 как психического домена. Там же, например, базируется своим установочным ядром и «Сверх-я». Похоже на то, что подлинных синонимов у Б3 нет. Во всяком случае, таковым никак не может считаться термин «неосознаваемая психическая деятельность».

Возникает вопрос: нельзя ли объединить все три рассматриваемых кластера концепций бессознательного, заменить их некоей интегральной, компромиссной концепцией, вбирающей в себя если не все, то хотя бы наиболее ценные свойства каждого из эвентуальных компонентов? Создание подобной эклектической концепции сулило бы очевидный выигрыш: усилия, вложенные ранее в исследование того, что каждый из нас по-своему называет «бессознательным», воспринималось бы тогда как некая координированная акция, а в будущем ни от кого не потребовалось бы сколько-нибудь существенного переосмысления этого ключевого понятия. Казалось бы, кластеры {Б 1}, {Б 2} и {Б 3} при всей их взаимной неоднородности отнюдь не изолированы друг от друга. Более того, нетрудно обнаружить определенные пересечения между ними, о чем уже говорилось выше.

Увы, эклектический синтез в нашем случае просто невозможен из-за принципиальных, модальных различий между тремя кластерами. Размытость, концептуальная открытость Б1 несовместима с относительной четкостью Б2 и Б3. Процессуально-феноменальная ориентация Б2 не поддается согласованию с концептуальной направленно-

стью Б1 и Б3. Обособление специфического функционального звена психики, являющееся определяющей чертой Б3, находится в непримиримом противоречии с функциональной неспецифичностью Б1 и Б2. Необходимо выбирать что-то одно. При этом выбор должен быть сделан в пользу той альтернативы, которая бы первенствовала по наибольшему числу критериев как инструмент научного познания. С этой точки зрения, выбор, несомненно, должен пасть на бессознательное-3. Вот вкратце несколько доводов в пользу такого решения.

(1) В отличие от Б1 и Б2, бессознательное-3 есть положительно-определенный концепт, т. е. в данном плане обладает наилучшими свойствами как средство научного исследования.

(2) Границы бессознательного-3 более четко очерчены, чем у его конкурентов.

(3) Концепция бессознательного-3 позволяет многое объяснить в функционировании других доменов психики (в первую очередь, сознания), а также в поведении индивида. С этой точки зрения концепции {Б 1} практически бесплодны, а обращение к Б2 каждый раз дает лишь сугубо локальные результаты.

(4) Прикладное значение Б3 намного превосходит практические результаты применения Б2. Роль Б1 в этом плане ничтожна.

(5) Для Б3 разработаны схемы его функционирования и взаимодействия с сознанием, чего нельзя сказать ни о Б1, ни о Б2.

К этим пяти меріторическим соображениям можно добавить еще одно, несколько лирического свойства. Употребление термина «бессознательное» в смысле Б3 явилось бы данью уважения к Зигмунду Фрейду, чьи исследования в этой области произвели такое воздействие на умы его современников и последующих поколений, с которым мог соперничать только фурор теории относительности Альберта Эйнштейна.

Учитывая приведенные соображения, условимся на протяжение оставшейся части этой статьи употреблять слово «бессознательное» преимущественно в смысле Б3. Для того, чтобы графически выделить терминологическую специфичность этого слова, будем, следуя опыту ряда зарубежных авторов, писать его с большой буквы. То же слово, написанное с малой буквы, закрепим за концепциями типа Б1, а выражение «неосознаваемая психическая деятельность» — за конструктами типа Б2.

Выбрав один из трех кластеров концепций бессознательного, мы тем самым существенно сократили неопределенность относительно значения ключевого термина. Однако это лишь первый шаг на пути уточнения понятия. Следующим шагом должна стать фокусировка понятия внутри кластера. Для этого также можно было бы идти по пути выбора. Ассортимент, из которого мы могли бы теперь выбирать, был бы почти столь же велик, как и число авторов, пишущих на тему о Бессознательном. Попытаемся, однако, на сей раз поступить несколько иначе, а именно, предложить еще одну (в дополнение к уже существующим) концепцию Бессознательного, в основу которой мы положим эвристический ход, сделающий ее, как можно надеяться, приемлемой и для многих сторонников психоанализа, и для какой-то части его противников.

Предлагаемый способ концептуализации направлен, среди прочего, на преодоление определенных принципиальных трудностей, с которыми сталкивается глубинно-психологическая трактовка Бессознательного как автономного функционального звена человеческой психики, существующего и действующего одновременно с сознанием. Постулирование отдельной, бессознательной психики со всем необходимым аппаратом познавательной деятельности, мотивации, целеобразо-

вания, принятия решений, их реализации, контроля их выполнения, с собственным языком представляется нереалистичным, особенно, если вслед за В. В. Ивановым полагать, что Бессознательное должно к тому же иметь отдельный нейрофизиологический субстрат. Но даже оставив в стороне проблему «материального базирования» сознания и Бессознательного, мы должны признать принципиальную неоптимальность психоаналитической модели с «экономической» точки зрения, ибо она допускает широкое взаимное дублирование если не деятельности обоих модулей, то их содержимого. Дополнительный вклад в неэкономичность традиционной психоаналитической схемы вносит постулирование существования предсознательного как еще одного автономного функционального модуля, обладающего своим сервисным аппаратом. С этой проблемой «трех автономных психик» мы попытаемся справиться, предложив наличие у них общей психической инфраструктуры, которая постоянно динамически перераспределяется между ними.

Другая проблема, сопряженная с применением традиционной схемы *Бессознательное — предсознательное — сознание,* состоит в том, что данная триада нередко трактуется как линейная вертикальная структура: предсознательное как бы расположено поверх глубин Бессознательного, а сознание непосредственно «покоится» на предсознательном и, главным образом, через него связано с Бессознательным. В такой схеме не остается места для более примитивных психических образований, составляющих содержательную и динамическую инфраструктуру как самих компонентов рассматриваемой триады, так и их взаимодействия. А поскольку подобные психические феномены и процессы, как правило, не осознаются субъектом, возникает подчас непреодолимый соблазн относить их к области Бессознательного. Не в том ли одна из важнейших причин той понятийной неурядицы, о которой говорилось выше?

Избавляться от такого соблазна (и его последствий) мы будем следующим путем. «Повернем» привычно «вертикальную» триаду *Бессознательное — предсознательное — сознание* «на 90°». Следуя семантике латеральности, обсуждаемой Л. Р. Зенковым в другой главе настоящего тома, указанный «поворот» мы произведем «по часовой стрелке», т. е. так, чтобы Бессознательное в итоге очутилось «слева», а сознание — «справа». Впрочем, осуществив этот «поворот», мы уже не будем считать себя в дальнейшем связанными «линейностью» исходной структуры. Предсознательное перестанет быть для нас «буфером» между Бессознательным и сознанием. Тем самым вся триада получит нечто вроде второго измерения, в итоге превращаясь из вертикальной линии в горизонтальный слой.

Пространство под этим слоем мы заполним горизонтальными же слоями, составленными из последовательно все более примитивных психических образований — тех, что не вписывались в первоначальную линейно-вертикальную схему. Каждый из этих слоев будет рассматриваться, с одной стороны, как психическая *инфраструктура* слоя, расположенного непосредственно над ним, а с другой стороны — как интегративное *надобразование* низлежащего слоя. Компоненты каждого слоя в нашей схеме являются продуктами *интеграции* — или, как мы их будем для краткости именовать, *интегратами* — тех или иных совокупностей элементов низлежащего слоя. При этом под интеграцией какой-либо совокупности элементов подразумевается формирование такого их единства, которое соотносится с исходными элементами, как целостный образ с отдельными его чертами, компонентами, качествами. Предполагается, что на ином уровне анализа элементы

интеграта сами могут выступать в роли интегратов по отношению к элементам более низкого уровня.

Несколько дополнительных замечаний по поводу только что введенного неологизма *интеграт*. Его соотношение с глаголом *интегрировать* — то же, что и между словами *конденсат* и *конденсировать*. Иначе говоря, суффикс *-ат* призван указывать на то, что образованное с его помощью существительное обозначает продукт соответствующего действия.

Интеграция может осуществляться как самим субъектом, так и его внешним исследователем. В первом случае ее продукт мы будем называть *субъективным,* а во втором — *экстрасубъектным* интегратом. Например, субъективным интегратом совокупности звуковых ощущений, вызванных предъявленным на слух словом, является воспринятое осмысленное слово. Примером экстрасубъектного интеграта может служить любая психологическая концепция — скажем, концепция мотива. Очевидно, что субъективный интеграт, идентифицируемый как таковой также внешним исследователем, является одновременно и экстрасубъектным интегратом.

Перейдем теперь к экспозиции предлагаемой модели. В самом начальном приближении психика человека может быть представлена в виде горизонтальной трехслойной структуры, относительно которой «вертикальный вектор», пронизывающий все три слоя снизу вверх, символизирует направление от служебных психических функций к более сложным, интегрированным образованиям. Самый нижний, *сервисный* слой этой структуры охватывает психические процессы, обеспечивающие формирование и существование *внутренних объектов,* из которых состоит средний, *объектный* слой. В свою очередь, внутренние объекты (называемые так для того, чтобы отличать их от внешних объектов, принадлежащих к окружению индивида) представляют собой операциональные единицы процессов, разворачивающихся в верхнем, или *экзистенциальном,* слое психики. Все три слоя функционируют как единое целое, ни один из них не может существовать в отрыве от остальных. Более того, их следует рассматривать как различные уровни концептуализации психических явлений в аналитической деятельности внешнего (по отношению к субъекту) наблюдателя — исследователя-психолога.

Центральную роль в гипотезируемой структуре играет объектный слой, интегрирующий определенные процессы (элементы) сервисного слоя в виде смыслонесущих единиц и составляющий содержательную инфраструктуру экзистенциального слоя. Внутренние объекты неоднородны по своему происхождению, функциям, структурным характеристикам, возможностям их синтеза, деления, модификации. Единственное, пожалуй, что их объединяет — это свойство каждого из них выступать в качестве внутренне интегральной (хотя и не обязательно неделимой) и вместе с тем достаточно обособленной единицы. Отсюда, с одной стороны, вытекает возможность использования внутренних объектов для построения структурированных композиций (наподобие построения предложения из слов), а с другой стороны — возможность их идентификации, что является необходимой предпосылкой анализа готовых композиций.

Рассмотрим чуть подробнее гипотезируемое устройство каждого из трех выделенных выше слоев. Начнем с объектного слоя, среди компонентов которого назовем, прежде всего, когнитивно-эффекторный, мотивационный и аффективный модули. Объекты, принадлежащие к когнитивно-эффекторному модулю, играют доминирующую роль в содержательном информативном обмене индивида с его окружением. В их число входят имплекты (см. [III, 204]), а также ментальные ре-

презентации внешних объектов, двигательных и прочих (за исключением знаковых) поведенческих актов и, наконец, знаков (образов слов, графических символов, жестов и прочих интенциально коммуникативных средств). В соответствии с этим в пределах когнитивно-эффекторного модуля следует различать имплицитный, предметно-образный, двигательный и знаковый подмодули. Операциональными единицами мотивационного модуля являются мотивации — влечения и фобии. Аффективный же модуль является «вместилищем» атомарных и сложных эмоций (удовольствия, дискомфорта, презрения, страха, эмпатии и др.). К перечисленным модулям объектного слоя следует еще добавить оценочный модуль, операциональными единицами которого являются абстрактные «величины», образующие в совокупности квазиконтинуум.

Все содержимое объектного слоя покрыто густой, постоянно модифицирующейся сетью ассоциаций. В результате, к примеру, каждый или почти каждый имплект связан с одним или несколькими мотивами, окрашен сложной, иногда внутренне противоречивой радугой эмоций, может быть спроецирован на шкалу оценок как сам по себе, так и через ассоциированные с ним эмоции. Более того, многие имплекты сопряжены с образами предметов, которые при необходимости могут выступать в роли знаков, а порой и с репрезентациями коммуникативных символов. С другой стороны, каждая эмоция (на уровне ментальных репрезентаций) «воплощена» в разнообразные двигательные акты, предметы, имплекты. Имеются определенные предметные ассоциаты (образцы) величин — например, предметный эталон «большого» (в разных планах, отнюдь не только в смысле геометрического размера) — и т. д.

Перейдем теперь к анализу экзистенциального слоя — того, который, собственно говоря, и образует психику в наиболее рафинированном смысле этого слова. Этот слой образуется из сознания, предсознания и Бессознательного. Наиболее доступный изучению компонент экзистенциального слоя — это, разумеется, сознание. Оно рассматривается как единство трех феноменов, совместно индицирующих наличие сознания: (1) чувства собственного существования; (2) чувства присутствия в данном месте и в настоящий момент; (3) идентификации себя в мире (различение себя и мира). Выпадение любого из этих компонентов означает деструкцию целого, т. е. исчезновение сознания. В сознании субъекта высвечивается какая-то часть мира и себя, причем объекты, на которых оно сфокусировано, нередко могут выбираться по его произволу. Как внешняя, так и внутренняя среда субъекта поддается структурированию, что обеспечивает восприятие отдельных объектов не только в составе, но и в отрыве от всего остального. Сознание наделено собственной волей, оно может формировать цели, принимать решения, действовать сообразно намеченному плану, контролировать и корректировать собственные действия, производить оценки; испытывать голод, удовлетворение, страх, радость, негодование и прочие чувства. Иными словами, сознание в данной трактовке представляет собой автономный антропоморфный компонент верхнего, экзистенциального слоя психики, являющийся интегратом осознаваемых элементов объектного слоя.

Следующий по счету компонент экзистенциального слоя — предсознание. Оно представляет собой автономный модуль, структурно изоморфный сознанию, но принадлежащий к концептуальной области бес-

[3] Созвучность (при отсутствии идентичности) этого слова фрейдовскому термину «предсознательное» призвана указывать на известную общность обоих концептов и, в то же время, на наличие определенных различий между ними.

сознательного (в смысле Б1). Предсознание оперирует всеми теми объектами, что и сознание. Непосредственное обращение к предсознанию возможно лишь тогда, когда сознание тем или иным способом выключено или отвлечено. Когда же сознание активно, предсознание уступает поле деятельности, территорию объектной инфраструктуры своему более напористому, более зрячему партнеру, охотно и кооперативно обмениваясь с ним неморбидными внутренними объектами. То, что уходит из «фовеальной зоны» сознания, автоматически поступает в распоряжение предсознания. По существу психические автоматизмы (автоматическое письмо, автоматическая речь), исследовавшиеся еще Пьером Жанэ, в рамках нашей схемы суть проявления активности предсознания. Перцепция на уровне предсознания возможна, например, в сеансах гипнопедии. Наличие предсознательного восприятия обнаруживается также в известных опытах по постгипнотическому внушению. Предсознательными являются также сновидения. Предполагается, что предсознание имеет более широкий доступ к внутренним объектам, нежели сознание. Ему, в частности, могут оказаться доступными некоторые морбидные имплекты. Однако впрямую сделать их достоянием сознания предсознанию обычно не под силу. По отношению к своей объектной инфраструктуре предсознание является экстрасубъектным интегратом потенциально доступных осознанию внутренних объектов.

Наконец, третий экзистенциальный модуль — Бессознательное — мыслится как экстрасубъектный интеграт совокупностей недоступных (по разным причинам) внутренних объектов, среди которых следует выделить, с одной стороны, сочетания морбидных объектов, ставших таковыми в результате болезненной конфликтности попыток реализовать те или иные внутренние объекты (в первую очередь, запрещенные, одиозные мотивации) в поведении или хотя бы только в сознании индивида, а с другой стороны — мотивы и эмоции, которые еще не обрели прочных и обильных ассоциативных полей в имплицитном или предметно-образном субмодуле. Пополнение Бессознательного новыми объектами, превращение отдельных ассоциатов объектов, ранее доступных сознанию, в источники морбидного напряжения, распространение, консолидация, метастазирование морбидных полей или, наоборот, снятие болезненности с каких-то внутренних объектов (спонтанное или как результат терапевтического вмешательства) — все это создает неповторимую индивидуальную картину Бессознательного, формирующего (в каком-то смысле подобно фотонегативу) и предсознание, и сознание, и поведение субъекта.

Отметим одну существенную черту содержательного наполнения сознания и предсознания, с одной стороны, и Бессознательного, с другой. В первом случае — это сами внутренние объекты, во втором — сложные комплексы внутренних объектов, запрещенных ассоциативных связей, имеющие, следовательно, иную информационную структуру, чем операциональные единицы сознания и предсознания. Однако представителями суперобъектных образований Бессознательного в сознании и предсознании являются часто объекты когнитивно-эффекторного модуля. Истолкование их экспликаций, добытых из сновидений, из рисунка свободных ассоциаций, из характерных подстановок одних объектов на место других в коммуникативном поведении индивида составляет основу техники классического психоанализа как терапевтической процедуры.

Краткое рассмотрение предлагаемой модели психики завершим несколькими замечаниями, касающимися сервисного слоя. Собственно говоря, это не столько слой, сколько «объемное образование», пронизывающее какой-то своей частью объектный и экзистенциальный

слои. Его содержимое составляют элементарные неосознаваемые психические процессы, обеспечивающие функционирование высших слоев психики, а также их взаимодействие с окружением индивида. В сервисном слое мы ограничимся выделением двух наиболее важных компонентов. Во-первых, назовем сервисный когнитивно-эффекторный модуль, операциональными единицами которого являются не представленные в сознании составляющие воспринимаемых объектов и не контролируемые сознанием репрезентации элементарных исполнительных актов, образующих то или иное поведенческое действие. Во-вторых, отметим психодинамический модуль, охватывающий стандартные операции объектного и экзистенциального слоев. В качестве примера таких операций сошлемся на рассматриваемые А. Б. Добровичем [4] динамизмы, экстрасубъектным интегратом которых является фрейдовская категория «Сверх-я».

Однако репертуар данного модуля отнюдь не исчерпывается динамизмами из области психоаналитической клиники. Так, к числу психических динамизмов следует отнести уже обсуждавшуюся выше интеграцию. Другим примером может служить непроизвольная антропоморфизация или зооморфизация готового интеграта. Оба динамизма реализуются не только в познавательной деятельности субъекта, но и в научном исследовании. Так, легко подвержена антропоморфизации категория сознания. Фрейдовская концепция «Оно» есть не что иное, как продукт зооморфизации экстрасубъектного интеграта тех компонентов Бессознательного, которые ответственны за реализацию первичных, биологических мотиваций субъекта. «Сверх-я» может рассматриваться как результат антропоморфизации интегратов этических динамизмов Бессознательного.

Попытаемся в заключение главы бегло продемонстрировать хотя бы некоторые динамические свойства экспонированной выше модели, испытывая ее в воображаемом взаимодействии с окружением. Психику новорожденного, очевидно, характеризует совокупность встроенных, унаследованных объектных структур, еще весьма примитивных как по количеству и ассортименту внутренних объектов, так и по составу ассоциативной сети. Подмодуль знаков еще пуст (хотя имеются все предпосылки для его наполнения); предметно-образный модуль содержит лишь отдельные недифференцированные праобразы; есть лишь начальные двигательные репрезентации; имплекты малочисленны и крайне расплывчаты.

На этом фоне наиболее мощными и дееспособными оказываются первичные мотивации и эмоции. Они ищут и скоро находят себе определенные предметные ассоциаты, которые, формируясь, приобретают все бо̀льшую четкость. Внешние объекты через их ментальные репрезентации, помимо своего прямого содержания, нередко приобретают функции знака. Из этих репрезентаций начинает формироваться знаковый подмодуль. Особенно велико в этом процессе значение акустических, а затем и визуальных объектов. Формируются, получают предметное, а затем и символьное обозначение имплекты, нераздельно связанные с вызвавшими их появление эмоциями, мотивациями. Первичными, доминирующими в имплектах оказываются именно эмоциональные и мотивационные составляющие, тогда как предметное, качественное, действенное содержание имплектов еще длительное время остается подчиненным компонентом. Роль последнего становится заметной лишь с развитием субъективной знаковой системы, достаточно изоморфной той, которая утвердилась в данной субкультуре.

Необходимость точного инструктирования окружающих и, с дру-

гой стороны, правильного выполнения *их* инструкций приводит к постепенному формированию и совершенствованию, повышению четкости и дифференцированности эксплицитного подмодуля когнитивно-эффекторной системы [III, 204]. Наиболее высокого уровня развитие этого подмодуля достигает в субкультурах, широко пользующихся предельно четкими коммуникативными средствами (например, в математической среде).

На экзистенциальном уровне онтогенез представляется следующим образом. Сознание (в том виде, в каком оно было представлено выше), поначалу отсутствует. Его витальные функции берет на себя предсознание. Бессознательное в основном неморбидно. На него отображается по существу весь объектный слой. Морбидные образования Бессознательного могут иметь лишь конгенитальное, пренатальное и перинатальное наполнение. Действия новорожденного, приводящие его в конфликт с окружением, или агрессия самого этого окружения, а вместе с тем и растущая дифференцированность объектной инфраструктуры приводит к качественному и количественному пополнению морбидного компонента Бессознательного.

Тем временем созревание объектной инфраструктуры, выражающееся в экстенсивном и интенсивном росте как множества внутренних объектов, так и сети ассоциаций между ними приводит, наконец, к устойчивой дифференциации себя и мира, что знаменует рождение сознания, которое теперь все чаще и решительнее берет на себя функции управления психикой в целом. Поле доступной ему объектной инфраструктуры растет, но вместе с тем множатся и препятствуют этому росту морбидные наслоения от нескончаемых болезненных конфликтов. Рост морбидного компонента Бессознательного и, в конечном счете, размер занятой им объектной инфраструктуры зависят от индивидуальных стартовых (врожденных) свойств субъекта, от степени субъективной болезненности конфликтов, от страха встречи с болезнетворным объектом, от способности спонтанно находить пути к внутреннему примирению, от структуры и поведения среды по отношению к субъекту. При неблагоприятном сочетании внешних обстоятельств и индивидуальных свойств субъекта могут возникнуть спонтанно не обратимые изменения, преодолеть которые субъект сам не в состоянии, и тогда он нуждается в терапевтической помощи извне.

Но если оставить в стороне невротическое развитие субъекта и сосредоточиться на ситуациях, благоприятствующих формированию здоровой психики, то в этом случае Бессознательное с его достаточно (но не чрезмерно) многочисленными и разветвленными отпугивающими, запрещающими, предостерегающими вехами оказывает благотворное влияние на функционирование субъекта в его среде, позволяет ему избегать ситуаций и внешних объектов, которые представляют опасность для его психического благополучия. Сознание и в этой ситуации и отнюдь не свободно в своей деятельности. Однако, ограничения в свободе не приводят к образованию новых конфликтов, т. е. достигается устойчивое равновесие между предсознанием и Бессознательным. В этих условиях сознание способно играть наиболее конструктивную роль в духовном развитии индивида и оказаться весьма продуктивным в творческом плане (особенно, если речь идет о научно-техническом творчестве).

Описанная на протяжение последних нескольких страниц концептуальная схема человеческой психики позволяет анализировать в присущих ей категориях поведение человека в самых различных аспектах, в особенности когда целью анализа является получение собственно психологической характеристики индивида, в которой выделялись бы глубинные инварианты и их взаимодействие. Именно такие компонен-

ты содержат в себе причины тех или иных специфических черт индивидуального поведения. Именно в них часто содержится ключ к пониманию аномалий поведения, невротических проявлений, трудностей общения, специфических речевых нарушений, не связанных с органическими поражениями центральной нервной системы.

Представленная здесь модель могла бы послужить почвой для примирения между сторонниками традиционного психоанализа и теми, кто его яростно отвергает. Однако предлагаемая точка компромисса — не «среднее арифметическое» или, лучше сказать, не «среднее эклектическое» противоборствующих позиций. Имплицитный центроид модели тяготеет к глубинной психологии. В ней (модели) лишь устранены наиболее навязчивые экстремизмы фрейдовского учения, навлекающие на него идиосинкратическую реакцию его противников, которые не видят в нем ничего, кроме смеси злого умысла, недобросовестности и некомпетентности.

Крайняя позиция отрицания концепции Бессознательного или замещение его содержания концепциями типа Б1 или Б2, как деликатно намекнули в своем докладе на симпозиуме В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили [10], нередко объясняется вытеснением данной проблемы из сознания исследователя. Надо думать, чем скорее будет осознано наличие самой невротической установки избегания Бессознательного, чем скорее будут выведены в наше эксплицитное сознание причины, ее сформировавшие, пути ее имплементации, тем больше надежд на то, что следующий штурм действительно позволит нам выйти на новые рубежи в исследовании этой, одной из самых таинственных и интригующих проблем современной науки.

TOWARDS CONCEPTUALIZATION OF THE UNCONSCIOUS

P. B. SHOSHIN

Moscow University, Department of Psychology

SUMMARY

Analysed and compared are three main approaches to conceptualization of the unconscious: (1) as psychic minus consciousness, (2) as a set of psychological phenomena and activities of which the subject is unaware, and (3) as a specific, positively-defined component of the psyche. It is shown that the latter approach is the most functional in both theoretical and applied studies. A three-layered conceptual scheme of human psyche is then outlined to substitute the classical vertical-line image of the unconscious—preconscious—consciousness triad. This triad now constitutes the upper layer, the medium one being made up of internal objects. The service layer, placed at the base of the whole scheme, represents the most primitive psychological phenomena, processes, and dynamisms.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАССИН Ф. В., Проблема бессознательного М., Медицина, 1968.
2. БАССИН Ф. В., РОЖНОВ В. Е., О современном подходе к проблеме неосознаваемой психической деятельности (бессознательного). Вопросы философии, 1975, № 10, 94—108.

3. ГИЛЬБЕРТ Д., АККЕРМАН В., Основы теоретической логики, М., Изд-во Иностранной Литературы, 1947.
4. ДОБРОВИЧ А. Б., Установка и бессознательное в свете проблем психотерапии. Известия АН Грузинской ССР, серия философии и психологии, 1982, № 4, 97—109.
5. ЛЕОНТЬЕВ А. Н., Деятельность. Сознание. Личность, М., Политиздат, 1977.
6. СПИРКИН А., Сознание. В кн.: Философская энциклопедия, т. III, М., Советская энциклопедия, 1970, 43—48.
7. ШЕРОЗИЯ А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического: Опыт интерпретации и изложения общей теории, Тб., Мецниереба, 1973.
8. DORSCH F., Psychologisches Wörterbuch. Hamburg: Meiner, 1970.
9. Psicanalisi e filosofia. Padova: Ed. Gregoriana, 1968.
10. SINTSCHENKO W. P., MAMARDASCHWILI M. K., Die Erforschung der huheren psychischen Funktionen und die Evolution der Kategorie des Unbewussten. Zeitschrift für Psychologie, 189 (1981) 255—267.

КАК ВОЗМОЖНО ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО?

В. В. НАЛИМОВ, Ж. А. ДРОГАЛИНА

Московский государственный университет, биологический факультет

Три тома трудов Международного симпозиума по бессознательному, дискуссии, происходившие на этом симпозиуме, и, наконец, книга Шертока [9] — все это свидетельствует о недостаточной концептуальной разработанности представлений о природе человека. Мы должны констатировать, что накоплен громадный экспериментальный материал, который не мог стать предметом обсуждения на симпозиуме[1], так как до сих пор остается не сформулированным подход, способный охватить все наблюдаемое многообразие явлений, относящихся к сфере бессознательного, несмотря на громадный вклад, сделанный Фрейдом, Юнгом и их последователями.

Наивный материализм Фрейда, редуцирующий проявления бессознательного к сексуальной доминанте, оказывается недостаточным. Об этом свидетельствует, в частности, и научная беспризорность гипноза, особенно во Франции, где фрейдизм укрепился, наверное, больше, чем в какой-либо другой стране. Хотя как раз «гипноз был главным ядром, вокруг которого произошло открытие бессознательного и межличностной психотерапии» [9]. И представление Юнга о коллективном бессознательном, несмотря на всю его привлекательную содержательность, — все же прежде всего редукция бессознательного к архаике, опыту эволюционного прошлого, находящего свое выражение в архетипах. Не могут на роль всеохватывающей теории претендовать и отдельные частные построения — будь то представление об установке Узнадзе [I, 4], [III, 142] или представление о лингвоцентристском структурализме Лакана [I, 34], [I, 35].

Мы нуждаемся именно во всеохватывающей теории бессознательного, без которой его осмысливание не может обрести статус научного знания[2].

---

[1] Трехтомник не затрагивает опыт, накопленный юнгианской, трансперсональной и гуманистической психологией; почти не касается медитационных исследований сознания, а также опыта тысячелетней эзотерической практики высокоразвитых религиозных систем (например, буддийской психологии); наконец, нет там и опыта архаических религиозных систем, скажем, шаманизма.

[2] Напомним здесь, что на Тбилисском симпозиуме с особой остротой обсуждался вопрос о том, обладает ли статусом научности психоанализ, остающийся, как это представляется многим, формой практической деятельности, лишенной серьезного концептуального обрамления. На самом деле отнюдь не просто сформулировать те требования, которые были бы необходимыми и достаточными для того, чтобы придать той или иной системе представлений статус научности. Одно из основных требований научности — это необходимость находиться в парадигме всего многообразия современных научных воз-

Сам образ бессознательного перед нами встает в более широком раскрытии, чем это было у Фрейда и даже у Юнга. В нашей системе представлений бессознательным оказываются все те глубинные процессы сознания, которые выходят за границы действия аристотелевой логики, оставаясь принципиально некомпьютеризируемыми. Можно ли охватить все их многообразие в ракурсе единой концептуализации? Недостаточность существующего в современной психологии подхода к пониманию природы человека со всей остротой изложена в книге [16], основанной на серии британских телевизионных передач, охватывающей интервью с пятнадцатью исследователями из различных областей знаний. Каждый из этих исследователей своим собственным путем подошел к раскрытию проблемы человека в новом ракурсе. Так же пытаемся поступить и мы, не будучи психологами по профессии.

2. Представление о семантическом поле

Правомерной может оказаться попытка построения модели бессознательного с позиций вероятностных представлений, которые предполагают задание меры (веса) в пространстве, обладающем определенными свойствами. В нашем случае мы будем говорить о *семантическом поле,* полагая, что все смыслы, которыми владеет или может владеть сознание, каким-то образом упорядочены на числовом континууме. Задание меры на семантическом поле позволяет описывать различные его проявления как изменения, происходящие в системах предпочтения, задаваемых функциями распределения, приписывающими различные веса разным участкам этого поля. Мы всегда будем иметь дело с дифференциальными функциями распределения, т. е. с плотностями вероятности.

Напомним, что в физике учение о поле стало развиваться трудами Фарадея и Максвелла еще в XIX веке. Сейчас это одно из основных понятий современной физики, опираясь на которое строится теория элементарных частиц. Психология, если ее фундаментальные представления сравнивать с представлениями физики, находится где-то на уровне ньютоновского миропонимания. Мир физики тогда состоял из отдельных материальных тел, находившихся в пустом, нейтральном для них пространстве, в котором было разрешено только дальнодействие. Не было поля — активной среды, через возмущение которого дискретные образования материи могли бы взаимодействовать сами с собой и друг с другом. Так обстоит дело сейчас в психологии. Сознание человека капсулизировано в физическом теле, помещенном в пустом — ньютоновском пространстве. Нет того психологического, или в нашей терминологии семантического, пространства, в котором могло бы раскрываться сознание само по себе или в своем взаимодействии с сознаниями других. Нет среды, в которой сознание может развиваться и в которой оно может изучаться. Капсулизированное в теле сознание приходится изучать через поведение тел в физическом пространстве — не отсюда ли бихевиоризм и недалеко ушедшая от него когнитивная психология с ее компьютерной метафорой[3] и редукция психического к нейрофизиологическому? И в основе психоанализа все та же капсулизация — для Фрейда «Я» — это прежде всего «Я» телесное [9]. Отсюда и неприятие психоанализом гипноза

зрений. Концепция Фрейда, конечно, не отвечает этому требованию — она никоим образом не опирается на те фундаментальные представления современной математики и физики, которые имеют общенаучное, т. е. мировоззренческое значение.

[3] Черты кризиса когнитивной психологии показаны в работе Величковского [2].

как трансперсонального феномена, выходящего за границы представлений о дискретной природе личности.

Чтобы конкретизировать представление о семантическом поле, посмотрим, как через него раскрывается механизм мышления. На сознательном уровне механизм мышления задается формальной логикой — идеализированной системой, классифицирующей и кодифицирующей мышление, осуществляемое в семантических дискретах — словах. Но чтобы обратиться к формальной логике, надо уметь выбрать исходные посылки. Эта процедура *предмышления* не охватывается логическим формализмом. Она относится к области бессознательного (если опираться на определение бессознательного, данное на стр. 186) и, строго говоря, оставалась вне научного анализа. В нашем понимании предмышление — это изменение весов в системе исходных (семантически размытых) ценностных представлений индивида в связи с некой вновь возникающей задачей.

Будем исходить из того, что система ценностных представлений человека задана априорно (т. е. опытом, предшествующим данной задаче) дифференциальной функцией распределения (плотностью вероятности $p(\mu)$, построенной на континууме[4]—шкале μ, охватывающей все многообразие семантики. При появлении новой нетривиальной проблемы y возникает (в результате свободного выбора) условная функция распределения $p(y/\mu)$, которую мы здесь будем называть фильтром пропускания, т. е. функциональным преобразователем, способным селективно изменять исходную функцию $p(\mu)$. Достаточно сильное—мультипликативное взаимодействие двух функций может быть задано формулой Бейеса:

$$p(\mu/y)=kp(\mu)\,p(y/\mu),$$

где $p(\mu/y)$—апостериорная функция распределения, отвечающая новой задаче y; k—константа нормировки.

Формула Бейеса отвечает всем требованиям силлогистики: из двух высказываний $p(\mu)$ и $p(y/\mu)$ с необходимостью вытекает третье $p(\mu/y)$, обладающее той же структурой, что и первые два. Таким образом, мы можем говорить о бейесовском силлогизме, противопоставляя его категорическому силлогизму Аристотеля. Формула Бейеса у нас приобретает новый смысл: из вспомогательной—вычислительной формулы, широко используемой в математической статистике, она превращается в логическую формулу, задающую правило построения высказываний. Применение формулы Бейеса, конечно, носит глубоко метафорический характер, и

[4] Семантика континуальна, смыслы не атомарны. Это положение обстоятельно обосновано в книге [5]. Обратим здесь внимание на некоторые важные для нас свойства континуума. Желая разбить семантический континуум на два подмножества, нужно задать точку разбиения. Такая точка может быть по произволу отнесена как к одному, так и к другому подмножеству: она является верхней границей одного из них и нижней другого (аксиома непрерывности Дедекинда). Никакой континуум нельзя разложить в объединение счетного семейства непересекающихся замкнутых множеств (теорема Серпиньского). Объединение двух континуумов, имеющих общую точку, есть континуум. Из сказанного следует, что семантика, заданная на континууме, недизъюнктивна. Обречена на провал всякая недиалектическая концептуализация, связанная с попыткой разбить семантическое поле на замкнутые, непересекающиеся подмножества так, чтобы отвечающие им понятия могли быть безусловно противопоставлены. Отсюда и необходимость обращения к развиваемому нами вероятностно ориентированному пониманию мира семантики, где разбиение континуума заменяется его взвешиванием.

это не должно нас смущать, поскольку обращение к математическому формализму при описании мира всегда носит метафорический характер — ранее этот вопрос обсуждался уже в работе [6].

Мы можем говорить о том, что задание вероятностной меры на семантическом поле открывает возможность для создания континуальной логики, порождающей с необходимостью размытые на континууме, вероятностно взвешенные утверждения. В наших построениях размытость оказывается синонимом случайности, а вероятность (не редуцируемая к представлению о частоте) становится мерой размытости. Отсюда становится ясным отказ от обращения к концепции размытых множеств Заде, которая представляется весьма искусственной — об этом мы уже подробно говорили в статье [7], а также в книге [17].

Развиваемые нами представления об использовании континуальной логики для описания бессознательного содержат ряд предпосылок, которые могут быть эксплицированы следующим образом:

1. Введение семантического поля задает представление о психологическом пространстве. Это пространство, будучи вероятностным, дает возможность описывать мир психологического через диалектику противостояния континуального дискретному (функция распределения, задающая вероятностную меру на континуальном по своей природе семантическом поле, дискретна — она определяется несколькими дискретно задаваемыми параметрами). Иными словами, мы обращаемся к двум *дополняющим* друг друга языковым началам — дискретному и континуальному. Сознательное, проявляющееся через дискретность, дополняется размытостью представлений бессознательного, о чем другими словами уже говорил А. Е. Шерозия [III, 212].

2. Описание сознания происходит вне категорий пространства действия и времени. Физическое пространство и время не являются аргументами тех функций распределения, через которые мы строим образ сознания. Здесь уместна аналогия с компьютером. Он функционирует во времени и пространстве — его деятельность проявляется через движение. Но продукты деятельности компьютера, скажем, теоремы, не раскрываются через те конкретные, упорядочивающие мир пространственно-временные представления, на которые опирается физика. Формальная логика так же, как и бейесовская семантика бессознательного, оказывается вневременной реальностью, хотя обе они находят свое проявление в пространстве и времени. (Напомним здесь, что и в понимании Фрейда бессознательное носит вневременной характер. Попытка экспериментального доказательства этого утверждения дана в [II, 77]).

3. Отказ от обращения к пространству и времени снимает с рассмотрения причинно-следственные связи и открывает возможность видения мира в спонтанности его проявления. Фильтр $p(y/\mu)$, отвечающий некоторой ситуации y, возникает спонтанно. Самой существенной характеристикой бессознательного оказывается его свобода, не связанная ни формальной логикой, ни причинно-следственными связами. Мы переходим здесь от привычного для Запада представления о Законе к древневосточному представлению о Дао — принципу спонтанности.

4. Силлогизм Бейеса можно рассматривать как дальнейшее развитие представления Узнадзе об установке, которому так много внимания уделено в трехтомнике «Бессознательное». Установка может быть отождествлена с фильтром.

Обычно, когда речь идет об уровне установки, имеется в виду ее «фильтрующее», регулирующее влияние на содержание сознания [III, 142],

В нашей концептуализации установка приобретает динамический характер. Происходит взаимодействие исходной ценностной установки (системы предпочтения) p (μ) с корректирующим фильтром p (y/μ), отвечающим данной конкретной ситуации.

В наших книгах [5], [17], [18] приведено множество примеров, показывающих, что силлогизм Бейеса обладает столь же высокой степенью общности при описании явлений, происходящих на глубинных уровнях сознания, отождествляемых нами с бессознательным, как и силлогизм Аристотеля при описании явлений, происходящих на сознательном, т. е. логически структурированном уровне. Не имея здесь возможности хотя бы кратко воспроизвести этот материал, мы прямо перейдем к рассмотрению природы личности и межличностных отношений. Теперь эту проблему мы можем осветить значительно подробнее, чем это было сделано в предыдущих публикациях.

3. Идентификация личности и межличностные отношения

Трудность в понимании межличностных отношений доставляет, по-видимому, особенно много беспокойств современной психологии [9]. И ясно, что теоретическое осмысливание того, что есть личность[5], должно быть построено так, чтобы оно включало в себя раскрытие природы межличностных отношений. Отсюда становится естественным обращение к представлению о семантическом поле, трансцендирующем личное начало к межличностному.

Мы отдаем себе отчет в том, что здесь нам приходится вступать в конфликт с доминирующим сейчас представлением о соматологической идентификации личности. Есть факты, которые, казалось бы, с неоспоримостью подтверждают правомерность такой идентификации. Один из них — всем известная удивительная похожесть проявлений сознания монозиготных близнецов. Но более внимательное рассмотрение громадной литературы, посвященной этому вопросу, показывает, что здесь далеко не все однозначно (см., например, [8]). Попытка осмыслить феномен близнецов в плане чисто логическом немедленно приводит к формулированию парадоксов [20]. Есть и множество фактов, явно противоречащих представлению о жесткой соматической капсулизации сознания. Гипноз — это только одно из проявлений межличностных отношений, где грани личности стираются. Другим проявлением, свидетельствующим о недостаточности современного представления о границах личности, являются хорошо документированные свидетельства о феномене так называемых реинкарнационных воспоминаний, когда человек как бы вспоминает события из своей прошлой жизни (см., например, трехтомник [21]). И, наконец, надо упомянуть все многообразие фактов, находящихся в поле внимания юнгианской и трансперсональной психологии[6].

[5] Обстоятельное хрестоматийное собрание высказываний о психологии личности дано в [3]. Обзор современных теоретических представлений о личности дан в редакционной статье [III, 177]. Эта статья начинается словами:

„Является трюизмом, что теория личности, несмотря на огромные усилия, затраченные на ее разработку, остается одним из наименее ясных теоретических разделов современной психологии, областью, в которой меньше единогласия и больше споров, чем в какой-либо другой“.

[6] Предмет и содержание трансперсональной психологии обрисованы в работе [11].

Здесь, наверное, уместно сделать небольшое отступление, обратившись к истории представлений о природе личности. Современная тенденция к соматологической идентификации личности уходит своими корнями в мифы глубокой древности. Истоки ее мы находим еще в мифологической антропологии Древнего Египта [23]. Правда, Египту противостояла эллинская мысль: орфико-пифагорейское учение о душе как эманации высшего начала (раннего представления о поле), включенной в общий круговорот жизни с переселением в разные существа и предметы. Этот круг идей был в какой-то степени воспринят Платоном, неоплатониками и даже патристикой раннего христианства. Но дальше, в результате развития христианства, возобладала идущая от иудаизма идея креационизма, которая вылилась в учение о безусловной ценности единичной и неповторимой, телесно капсулизированной личности в христианской мифологии. Личность, отождествленная с телесностью. Такой апофеоз тела — торжество мысли, идущей еще из Египта. Через это представление наивный материализм христианства прочно входит в парадигму западной научной мысли, трансформируясь в наши дни в поиск генотипической обусловленности личности или, в смягченном варианте, — в поиск взаимодействия генотипа и среды.

Введение представления о семантическом поле позволяет раскрыть проблему идентификации личности в системе абстрактно-символических построений, придавая всей проблеме многоаспектный характер, не замыкающийся на генетико-соматические особенности личности.

Будем рассматривать EGO человека как вероятностно заданную проявленность семантического поля. Индивидуальность человека оказывается представленной функцией распределения (точнее—плотностью вероятности) $p(\mu)$, построенной на шкале ценностей (μ). Функция распределения может быть иглоподобной, размытой или асимметричной — в зависимости от особенностей психики. В процессе жизни функции распределения вероятностей все время изменяются или хотя бы слегка флюктуируют относительно центра рассеяния (флюктуации системы предпочтений). Жесткое осознание своего EGO, задаваемого иглоподобной функцией распределения, может приводить к тому, что человек начинает ощущать «малые смерти при переходе от одного момента к другому». Отсюда и представление о черных дырах—патологических состояниях, порождающих боязнь жизни и смерти, играющее столь большую роль во всех проявлениях психопатологии (подробнее см. [24]).

Вглядываясь в природу человека, мы легко замечаем, что функция распределения $p(\mu)$ является хотя и существенной, но все же недостаточной характеристикой для идентификации личности. В привычных условиях EGO человека предстает перед нами как носитель более или менее установившихся селективно выраженных оценок. В экстремальных условиях, когда возникает необходимость принимать решения и действовать в критической ситуации y, решающим оказывается выбор фильтра предпочтения $p(y/\mu)$, когда личность может быть проявлена наиболее сокровенно. Именно этим примечателен Ф. Достоевский, предпочитающий исключительные ситуации для раскрытия своих героев.

Если EGO человека задается функцией $p(\mu)$, то функцию $p(y/\mu)$ уместно уже рассматривать как *мета*-EGO. Наверное, не имеет смысла говорить

о том, какая из этих двух функций в большей мере определяет личность —действуют они мультипликативно. Более того, функция $p(\mu)$ вырабатывается постепенно в результате прохождения через цепь критических ситуаций, порождающих фильтры $p(y/\mu)$ и эволюционную цепочку: априорная функция распределения $p_1(\mu)$ переходит в апостериорную $p_1(\mu/y)$, которая на следующем шаге выполняет уже роль априорной[7] функции $p_2(\mu)$. Вглядываясь в себя, в ретроспективе мы отчетливо осознаем, что неизменность нашего «я» во времени определяется не столько видом функции распределения $p(\mu)$, склонной к эволюции, сколько способностью выбирать в острых ситуациях y необходимый фильтр $p(y/\mu)$, способный мультипликативно взаимодействовать с $p(\mu)$, что по существу является нашей способностью к эволюции. И если эта способность утрачивается, то можно говорить о перерождении личности.

Мы уверенно можем сказать, что на начальное формирование функции распределения $p(\mu)$ существенное влияние оказывают как врожденные склонности, так и окружающая среда, воспитание и образование. Но что оказывает влияние на способность порождать нетривиальные фильтры $p(y/\mu)$? На этот вопрос с уверенностью ответить трудно. Ясно, однако, что эта способность в какой-то степени поддается воспитанию. Каждая культура настойчиво готовила своих будущих героев через инициации на материале мифов и эпоса.

В современной европейской культуре эту роль пыталась взять на себя художественная литература и, может быть, отчасти философия. Однако, несмотря на замечательность, например, героев Гюго и Толстого, тех, которые являются исполнителями нетривиальных решений в экстремальных ситуациях, литература — только квази-инициация, так как собственно инициация ценна и действенна непосредственностью действия (пребыванием в самой ситуации), а литература — только модель ситуации, театр, только сопереживание: участие в некоем, уже готовом (каноническом) решении, а не само решение, его порождение — собственный творческий глубинный процесс. Литература — пример (род умозрения), инициация — опыт (род действия, акт саморождения — своего «Я» в своих глубинах). А все психологические тесты, направленные на оценку личности, ни в коей мере не затрагивают принципиальной характеристики личности — способности порождения нетривиальных фильтров $p(y/\mu)$, существенно смещенных по отношению к функции $p(\mu)$. И это естественно, так как только сама жизнь (включая действие в ней субъекта), во всем многообразии ее превратностей, может выступать в роли тестовых ситуаций, раскрывающих и обогащающих человека[8].

---

[7] В бейесовской статистике функции распределения $p(\mu)$ считается априорной по отношению к некоторому новому опыту y, способному ее изменить в соответствии с теоремой Бейеса.

[8] Здесь наши представления перекликаются с тем направлением современной западноевропейской философской мысли, которое известно как французский персонализм. Там вводится понятие «интегрального героизма» и трагизм рассматривается как изначальная, недоступная рациональному познанию, предельность человека, расширяющая границы его личности (см., например, [1]). Еще раньше эта проблема была поставлена Ф. Достоевским в его парадоксально звучащем рассказе «Сон смешного человека» (см. «Дневник» писателя). В этой системе представлений трагизм (конфликтная ситуация) выступает как фактор, провоцирующий способность порождения нетривиальных фильтров.

Еще одна характеристика, существенная для идентификации личности, естественно предстает перед нами, если в рассмотрение включается многомерность семантического поля. Скажем, в двухмерном пространстве *эго* становится функцией распределения двух случайных величин — $p(\mu_1, \mu_2)$. Личность оказывается состоящей из двойниковой пары μ_1 и μ_2, связанной коэффициентом корреляции ρ. Если $\rho=0$, то мы имеем дело с абсолютно неупорядоченной расщепленностью личности, которая может носить даже патологический характер. На математическом языке это значит, что две линии регрессии $\mu_1=f(\mu_2)$ и $\mu_2=f(\mu_1)$ оказываются ортогональными. Личность ортогонально раздвоена. Когда $\rho=1$, то двухмерное распределение вырождается в одномерное—обе линии регрессии совпадают: челсвек продолжает существовать в своей нераспакованности. Все в нем метрически взвешено и отмерено, но ничто не различимо, оставаясь в жесткой упорядоченности, которая в случае $\rho=-1$ соединяет противостоящее (один показатель растет, другой—падает).

Если снова обратиться к литературе, то приходится констатировать, что все герои одного автора корреляционно связаны между собой. Образуя одну многомерную личность, они являются как бы его двойниками. Если степень коррелированности между ними велика, то двойники малоразличимы и потому неинтересны. Однако, при всем многообразии двойников за ними всегда угадывается личность автора, как бы многомерна она ни была. Самое яркое тому свидетельство — Ф. Достоевский. Он выступает перед нами как личность, раскрывающаяся в семантическом пространстве весьма высокой размерности. Многие поэты (И. Гёльдерлин, Н. Гумилев, А. Блок) сообщают нам о своей глубокой сопричастности культурам далекого прошлого, которую они переживают как часть своего бытия. Опять корреляционно связанные двойниковые личности. Расширение границ личности, происходящее при направленном соприкосновении с бессознательным, обычно сопровождается персонализацией ее двойников — они облекаются в мифологические образы и обретают свои имена. Юнг описывает свой собственный опыт взаимодействия с бессознательным, который в одном из случаев персонализировался в трех фигурах: старый человек с белой бородой — мужское начало — пророк Илия, слепая девушка — женское начало (анима) — Саломея и черный змей, двойник героя, постоянный мифологический персонаж. Будучи врачом-психиатром, Юнг сам делает следующее замечание о глубине (мы бы сказали — многомерности) бессознательного, на которой может раскрываться как богатство личности, так и ее патология [15, 188]:

«Здесь, конечно, проявляется ирония: я, психиатр, почти на каждом шагу своего эксперимента погружался в тот психический материал, который является содержанием психозов и появляется у больных. Это есть фонд бессознательного, фатально смущающий пациента. Но это в то же время является и матрицей мифопоэтического воображения, которое исчезло из нащего рационального века».

В этом отношении интересен религиозно-мистический опыт. В литературе мы постоянно сталкиваемся с образом монаха-аскета, стремящегося преобразовать свое EGO в соответствии с некоторым идеальным образом, расчленяя свое сознание и порождая двойниковую пару, в которой идеальному облику личности противопоставляется двойник — искуситель. Трагизм такого двойникования — в корреляционной связанности несовместимых начал личности. Преодоление этого трагизма — в ортогонализации этих двух начал (полном их расщепле-

нии). В математической модели такому преображению личности соответствует специальным образом выбранный поворот координатных осей, достигаемый линейным преобразованием переменных (μ_1 и μ_2). В мифологическом плане наиболее яркий пример такого раздвоения — притча об искушении Христа дьяволом во время сорокадневного поста. Две системы ценностных представлений оказались ортогональными — искушение не состоялось, и дьявол, как сказано, только «отошел до времени», т. е. в таком состоянии мог быть отброшен.

Двумерность сознания всегда проявляется как *дуальное* осознавание самого себя. Такое состояние сознания может наблюдаться в сновидениях.

Эта одновременность, или двойное осознавание EGO и его сновидческого состояния в психологии известна как «просветленное сновидчество» («lucid dreaming»). Просветленное сновидение — это такое состояние, в котором спящий осознает, что он видит сновидение и что это переживание отлично от обычного опыта активной жизни [19].

Питерс [19, 20] отмечает, что такое двойное осознавание достигаемо в шаманском трансе:

«...он (шаман) говорил, что он в состоянии транса сохраняет осведомленность о себе как об участнике ритуала и в то же время оказывается вовлеченным в другой мир, не видимый другим».

Если бы шаман в состоянии транса не достигал двойной осведомленности, то для описания его состояния достаточно было бы представления об одномерности семантического поля, по которому смещается функция распределения p (μ), задающая *эго.*

Представление о корреляционно связанном двойнике нашло свое выражение в образе *андрогина* — различные интерпретации этого образа мы находим, кажется, во всех развитых мифологиях мира[9] [12].

Опираясь на развиваемые здесь представления, мы можем рассматривать межличностные отношения как процессы, приводящие к образованию *гиперличности*, отрывающейся от локализации в одном, единственном теле. В простейшем случае гиперличность—это двумерная функция распределения p (μ_A, μ_B), где μ_A и μ_B—две случайные величины, характеризующиеся функциями *распределения* p (μ_A) и p (μ_B), *задававшими* две отдельные личности A и B, объединяются в гиперличность. Мы на самом деле не знаем того, как происходит такой процесс агрегирования —образование из двух или многих личностей одной метастабильной гиперличности. Поэтому ограничимся здесь лишь рассмотрением отдельных примеров, показывающих правомерность представления о гиперличности.

а) Любовь или хотя бы влюбленность. Силою чувства может создаваться гиперличность, если даже коэффициент корреляции между случайными величинами μ_A и μ_B оказывается близким или даже равным нулю. Но такая гиперличность неустойчива. Устойчивость может произойти только тогда, когда сила чувства оказывается достаточной для такой перестройки гиперличности, при которой коэффициент корреляции приобретает существенное значение, может быть, даже начнет приближаться к единице. Катастрофически большое количество разводов в наше время —

[9] ...в греческой мифологии Хаос и Эребус были бесполыми; Зевс и Геракл часто изображаются в женской одежде; на Кипре встречается бородатая Афродита; Дионис имеет женские черты; в Китае бог ночи и дня — андрогин... Шива изображается полумужчиной - полуженщиной... [12, 12/].

не является ли это свидетельством того, что индивидуализация личности стала столь глубокой что силы чувства больше не хватает для преодоления ортогональной расщепленности?

б) Тантризм в тибетском буддизме — детально разработанное, но нелегко поддающееся пониманию учение [10]. Практика тантризма направлена на слияние двоих в одну космическую пару (посредством сексуальной энергии), предваряемое глубокой ритуальной подготовкой, затрагивающей физическую, духовную и эмоциональную сферу человека (см., например, [13]).

в) Транстелесность в состояниях сновидений. Это состояние легко наблюдать, обращаясь к инкубаторным снам, в которых используется техника фокусирования на какой-либо подлежащей решению проблеме, сформулированной перед засыпанием. В книге [14], посвященной главным образом инкубаторным снам, есть параграф, называющийся «Изучение ощущения свободы от физического тела». Там мы читаем такое описание:

«Однажды, в конце сновидения, когда сознание было вполне ясным, я ощутила, что нахожусь в теле моего доброго друга! Испытать то, что я переживала как состояние его сознания — мирное и счастливое, и при том в свойственном именно ему проявлении, — было совершенно удивительно.

Я знала, что Джон только что побывал во внетелесном состоянии и пригласил меня побывать в его теле, чтобы увидеть, какое оно. Находясь внутри, я с удивлением обнаружила, что переживание счастья (способ этого переживания), которое я ощущала, было свойственно только ему. Мне нравилось видеть это изнутри. Меня удивило также ощущение обладания столь огромными легкими. Когда я дышала вместе с ним, мне казалось, что я ощущаю, что значит иметь такое (его) мускулистое тело, а не мое. Очень интересно. Потом я вышла из его тела через голову и тем же способом вернулась в свое тело».

Здесь, конечно, нам могут возразить — можно ли придавать подобному переживанию статус научного факта? А если нельзя, то не значит ли это, что науке вообще нельзя заниматься изучением сознания как такового? Несомненно одно: сознание человека не может быть редуцировано к физическому миру в понимании Эйнштейна, где все задано через измерение с помощью часов и трех линеек, отвечающих трехмерности пространства.

г) Особый интерес представляет так называемый взаимный гипноз. Он состоит в том, что субъект *A* гипнотизирует субъекта *B*, а последний, будучи в состоянии гипноза, в свою очередь, гипнотизирует *A*—эта процедура взаимного гипнотизирования воспроизводится циклично и, естественно, углубляется. Наиболее впечатляющим и пугающим пациентов результатом становится ощущение полного слияния друг с другом. Вот, что пишет об этом Тарт:

«Это было похоже на частичное расплавление личностей, на частичную потерю различия между «Я» и «Ты». В данный момент это воспринималось пациентами как нечто приятное, но затем стали воспринимать это как угрозу их автономности [22, 306]».

Чтобы разрушить такую искусственно созданную гиперличность, нужны усилия сильного гипнотизера. Тарт говорит, что ему известен и аналогичный результат слияния и потери индивидуальности при совместном приеме LSD двумя супружескими парами.

д) Что-то похожее, по-видимому, происходило в мистериях древности, которые одно время пытались возродить в Америке, сочетая

оглушающую музыку с приемом психоделических таблеток. Так же можно интерпретировать поведение возбужденной толпы в экстравагантных ситуациях, порождающих единство действия, часто очень жестокого и не объяснимого в ретроспективе для каждого отдельного субъекта с позиций его личностных ценностных представлений. И, наконец, так же приходится объяснять и нелепость детских крестовых походов в Средние века и безумие нацизма в наше время. Во всех этих случаях эмоционально насыщенная идея, находящаяся вне индивидуального контроля, оказывается объединяющим началом, порождающим гиперличность. Моделью поведения оказывается евангелическая притча об изгнанных бесах, которым было разрешено войти в стадо свиней. «И вот все стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде». Все образовали одну гиперличность.

е) И, наконец, последнее: мифы древности допускали как само собой разумеющееся представление о гиперличности, которая может проявлять себя и как нечто целое, состоящее из корреляционно связанных частей, имеющих и свое индивидуальное лицо. Троица — основной миф христианства; представление о тринитарности высшего начала мы находим и у Платона и Плотина, в иудаизме, буддизме (Будда, Дхарма, Сангха), у греков, римлян, кельтов, скандинавов [12].

Итак, мы видим, что межличностные отношения могут иметь два различных модуса. Один из них коммуникационный, являющийся типичным для нашей культуры. Человек взаимодействует с другими на деловом—логически структурированном уровне, оставаясь замкнутым на самого себя, сохраняя в неприкосновенности свою селективно взвешенную систему ценностных представлений $p(\mu)$. (Пример: в научных, религиозных и даже философских диспутах, несмотря на всю их напряженность, все может кончаться ничем— каждый остается в капсуле своих ценностных представлений $p(\mu)$). Другой модус взаимодействия—трансперсональный.

Это—размыкание индивидуализма, перестройка своих ценностных представлений, позволяющая создавать гиперличности. Здесь мы опять перекликаемся с представлениями французского персонализма, где человеческое общение—это «близость близкого», способность «встать на место другого», «заменить другого» [1].

Теперь мы можем еще раз вернуться к проблеме гипноза. Сопоставление гипноза со сном хотя бы в плане эвристическом сейчас, кажется, не вызывает возражения [II, 70]. Но мы все знаем по личному опыту, что во сне функция распределения $p(\mu)$, задающая значимость ценностных представлений, в значительной степени сглаживается—во время сновидений мы разрешаем себе поступки, которые никогда не совершили бы в состоянии бодрствования. В гипотизируемого, находящегося в таком состоянии, гипнотизер легко может впечатать свою систему ценностных представлений. Так создается гиперличность с одной доминантой. Шерток это явление описывает так:

«Гипнотизируемый воспринимает внушения гипнотизера так, словно они исходят не от другого лица, а от него самого. Как только эта ситуация достигнута, гипнотическое состояние уже достаточно углубилось и отношения с окружающей средой могут быть восстановлены без риска нарушить состояние гипноза: внешние стимулы проникают в сознание, но они теперь отфильтрованы, перестроены в соответствии с полученными внушениями» [19, 109].

В нашей терминологии это значит, что фильтр гипнотизируемого—его ценностная система $p(\mu_A)$—оказался замененным ценностной системой гипнотизера $p(\mu_B)$. Эту перестройку мы можем рассматривать как процесс, развивающийся на семантическом поле:

«Несмотря на многочисленные исследования, до сих пор не удалось обнаружить никакого физиологического признака, позволяющего определить, находится ли испытуемый под гипнозом или нет. Тем не менее, хотя мы не можем говорить о гипнотическом состоянии в строго физиологическом смысле, нам кажется несомненным, что гипноз представляет собой *особое состояние сознания, предполагающее определенное изменение психофизиологической реактивности организма»* [9, 106].

Теперь перейдем к обсуждению процедуры психоанализа, опираясь на книгу Шертока [9]. Это также углубление межличностных отношений. Психоанализ может рассматриваться и как «долговременное внушение», которое может осуществляться и на внеязыковом уровне — через молчание аналитика. Во всяком случае сама ситуация здесь не лишена гипногенных (а мы бы сказали и медитативных) элементов: «...сосредоточенность, молчание, положение лежа, тишина». В нашей системе представлений здесь опять идет речь о порождении гиперличности. Об этом свидетельствует и сам феномен трансфера: «...принцип которого состоит в том, чтобы никогда не отделяться друг от друга, оставаясь всегда соединенными друг с другом, образуя единое существо, или, вернее, находясь друг в друге» (слова Рустана, цит. по [9, 182])».

Примечательно то, что время, необходимое для порождения гиперличности, в технике психоанализа непрерывно увеличивается и теперь уже исчисляется десятилетиями [9, 224].

Итак, пытаясь идентифицировать личность, мы должны учитывать, по крайней мере, пять ее существенно различных начал: 1) телесное начало; 2) EGO, характеризующееся ценностной ориентацией $p(\mu)$; 3) *мета*-EGO—способность порождать нетривиальные фильтры $p(y/\mu)$ в критической ситуации; 4) многомерное раскрытие личности и ее корреляционную упорядоченность; 5) глубину межличностных отношений, трансцендирующихся в гиперличность. Личность выступает перед нами в своей многомерной многоликости. Проблема идентификации есть проблема раскрытия этой многомерности.

Хочется отметить, что развиваемая нами модель личности перекликается с представлениями буддийской психологии об иллюзорности личности—невозможности обнаружить какое-либо устойчивое, вневременное «Я» [4]. В нашей модели наиболее устойчивой характеристикой оказывается таинственная способность порождать нетривиальный фильтр $p(y/\mu)$, но она с трудом просматривается сквозь множество других—скользящих характеристик. Мы понимаем, почему христианская антропология остановилась на телесной капсулизированности и декларировала ее нетленный характер. Доминантой христианства является любовь—любовь всеобъемлющая, всеохватывающая, распространяющаяся и на «врагов наших». Для того, чтобы была возможна такая любовь, нужен вполне конкретный, отнюдь не иллюзорный, объект бытия.

Может быть, два взаимно исключающих подхода — Восточный и Западный — образуют те два диалектически дополняющих друг

друга принципа, вне которых мы не можем осмыслить реальность. Здесь мы столкнулись с основной проблемой метафизики — *проблемой существования.* Критерий существования не найден. Сама проблема существования приобретает сейчас, кажется, общенаучный характер — во всяком случае, из метафизики она уже перекочевала в современную физику.

4. Заключение

В этой работе мы пытались показать, как введение представления о семантическом поле может углубить наше понимание природы личности и межличностных отношений. Мы далеки от мысли о том, что всеобъемлющая теория личности может быть построена. Личность — это, в конце концов, всегда не более, чем некий создаваемый нами конструкт. Желая охватить все многообразие реально наблюдаемых явлений через это понятие, мы оказываемся стоящими перед проблемой идентификации. Нам надо идентифицировать наше представление о личности, глубоко погруженной в межличностные отношения. Но всякая попытка однозначно воссоздать образ личности в рамках какой-либо определенной концептуализации неизбежно будет ускользать от нас. Единственное, что можно сделать, — это попытаться раскрыть смысл проблемы и показать ее многоаспектность. Для этого на гипотетико-аксиоматическом уровне надо вводить новые представления. Одним из них и является представление о семантическом поле и его вероятностной проявленности.

Мы отдаем себе отчет в том, что введение новой аксиоматики, если и разъясняет некий круг проблем, то только за счет того, что перед нами с неизбежностью возникнут новые — иерархически стоящие выше, более сложные проблемы.

Обращение к математической модели, выступающей в психологии всегда в роли метафоры, позволяет в какой-то мере преодолеть эту нарастающую сложность, так как модель по существу является сверткой неизбежно разрастающейся концептуализации — ее компактным вариантом. Построенная с помощью символов, она позволяет создать образ, сделать взаимодействие с проблемой наглядным, более доступным.

HOW IS THE CONSTRUCTION OF A MODEL OF THE UNCONSCIOUS POSSIBLE?

V. V. NALIMOV and Zh. A. DROGALINA

Moscow State University, Laboratory of the Mathematical Theory of Experiment, Moscow

SUMMARY

A model providing for the identification of personality and interpersonal relations is elaborated proceeding from probabilistically oriented philosophy. The concept of semantic continuum is introduced, on which a probabilistic measure is given.

Bayes's theorem acquires the status of a syllogism determining the mechanism of processes occurring at the pre-logical level of consciousness. Per-

sonality is expressed through the Ego—the carrier of a probabilistically weighted system of value concepts—and through the meta-Ego—capable in critical situations of spontaneous change in value concepts. Personality may also manifest itself in multidimensional correlational constituents. Interpersonal relations (hypnosis, transfer, and other close contacts between personalities) form an unstable hyper-personality uniting various individualities into one correlationally linked field.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВДОВИНА П. С., Эстетика французского персонализма, М., Искусство, 1981.
2. ВЕЛИЧКОВСКИЙ Б. М., Современная когнитивная психоология, М., Изд-во МГУ, 1982.
3. ГИППЕНРЕЙТЕР Ю. Б., РОМАНОВА В. Я. (ред.). Психология индивидуальных различий, М., Изд-во МГУ, 1982.
4. ДАНДАРОН Б. Д., Буддийская теория индивидуального «Я». Труды Бурятского института общественных наук Б. Ф. С. О. АН СССР. Улан-Удэ, 1968, 3, 34—52.
5. НАЛИМОВ В. В., Вероятностная модель языка, М., Наука, 1979, V. V. Nalimov. In the labyrinths of language: A mathematician's journey. Philadelphia, Pa.: ISI Press, 1981.
6. НАЛИМОВ В. В., О возможности метафорического использования математических представлений в психологии. «Психологический журнал», 3 (1981), 39—47.
7. НАЛИМОВ В. В., Функция распределения вероятностей как способ задания размытых множеств: наброски метатеории, дискуссия с Заде. Автоматика, 6 (1979), 80—87.
8. РАВИЧ-ЩЕРБО И. В., Исследование природы индивидуальных различий методом близнецов. В кн.: Психология индивидуальных различий. М., 1982.
9. ШЕРТОК Л., Непознанное в психике человека, М., Прогресс, 1982.
10. BLOFELD J., The Tantric Mysticism of Tibet. New York: Dutton, 1970.
11. BOUCOUVALAS M., Transpersonal psychology: a working outline of the field. The Journal of Transpersonal Psychology, 12, 1 (1980) 37—46.
12. COOPER J. C., An Illustrated Encyclopedia of Traditional Symbolism. London: Thames and Hudson, 1978.
13. CYBELE. and COLD E. J., Beyond sex. IDHHB,, JNC and HOHM Press, 1978.
14. DELANEY G., Living Your Dreams. New York: Harper and Row, 1979.
15. JUNG K, Memories, Dreams, Reflections. New York: Vintage Books, 1963.
16. MILLER J., Thoughts on Thoughts: States of Mind, Pantheon, 1980. (см. рецензию на книгу: The New Yorker Review, August, 18, 1983).
17. NALIMOV V. V., Faces of Science. Philadelphia: ISI Press, 1981.
18. NALIMOV V. V., Realms of the Unconscious: The Enchanted Frontiers. Philadelphia, Pa: ISI Press, 1982.
19. PETERS L. G., An experimental study of Nepal Shamanism. The Journal of Transpersonal Psychology. 13, 1, (1981).
20. RAMACHANDRAN V. S., Twins, split brains and personal identity. In: Josephson B. D. and Ramachandran V. S. (Eds.). Consciousness and the psychical world. Oxford: Pergamon Press, 1981.
21. STEVENSON J., Cases of the reincarnation type, v. I: Ten cases in India: v. II: Ten cases in Sri Lanka; V. III: Twelve cases in Lebanon and Turkey. The University Press of Virginia, 1975, 1977, 1980.
22. TART Ch. T., Psychedelic experience associated with novel hypnotic procedure, mutual hypnosis. In: Tart Ch. T. (Ed.). Altered States of Consciousness. A Book of Reading. New York: Wiley, 1963.
23. WALLIS B. E. A., The Book of the Dead (The Papyrus of Ani). New York: Dover Publications, 1967.
24. WELWOOD J., Meditation and the unconscious: a new perspective. The Journal of Transpersonal Psychology, 9, 1 (1977), 1—26.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ПСИХОЛОГИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

А. А. ЛЕОНТЬЕВ

Институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва

Прошло уже более шести лет с того дня, когда в Тбилиси собрался Международный симпозиум по проблеме неосознаваемой психической деятельности, который не без основания все называли просто симпозиумом по проблеме бессознательного. Априори, очевидно, что результатом этого симпозиума должна была явиться не просто конфронтация разных философских и психологических позиций; смысл его созыва с самого начала был в том, чтобы проблема бессознательного повернулась к нам какими-то новыми, не разрабатывавшимися раньше сторонами, а главное — в том, чтобы мы смогли органично «вписать» ее в контекст тех более общих философско-психологических позиций, на которые все мы опираемся и с которых подходим к решению всех других методологических и конкретно-научных проблем.

В какой мере этот результат достигнут? Здесь едва ли можно рассчитывать на полный «консенсус» даже среди нас, в большинстве своем принципиальных единомышленников. Но явно пора попытаться понять, что изменилось в наших представлениях о бессознательном, и хотя бы в первом приближении сформулировать наметившиеся новые (или хорошо забытые) направления, над которыми стоит подумать, и выявить важнейшие расхождения во взглядах. Эту неблагодарную задачу поставил перед собой, в частности, и автор настоящей статьи — тем более, что сейчас, ретроспективно, можно это значительно легче сделать.

И, наверное, раздумья о проблеме бессознательного стоит начать с самого основного расхождения во взглядах на эту проблему, четко выявившегося буквально в первое же утро нашей встречи. Мы имеем в виду ту позицию, которую отстаивал в своем докладе один из ведущих представителей французской школы психоанализа, ближайший сотрудник Жака Лакана — профессор Серж Леклер. Остановимся на его концепции подробнее, так как она дает ключ к постановке некоторых нетривиальных философско-психологических вопросов.

О Лакане и лаканизме написано и напечатано на русском языке немало. Но, можно сказать, впервые мы столкнулись с живым лаканистом. Это было важно потому, что никакой текст не дает полного и адекватного представления о всей системе научного мировоззрения Лакана и его сторонников: герметичность их текстов превращает последние в своего рода зашифрованные сообщения, ключ к которым следует искать в них же.

Лакан принципиально непереводим на язык академической науки, как мы ее понимаем. И поэтому-то попытка популяризации его идей, сделанная Леклером, особенно важна.

Итак, первый тезис Леклера (Лакана): «В настоящее время, каждый день создается особый вид живого существа, каким является словщество, состоявшее не только из химических молекул, но одновременно, и не менее решающе, из слов, рассказов, истории, мифов, из грамматики и лексики. Язык не есть надстройка, добавленная к физико-химической системе: всякий объективный анализ показывает, что словщество материально состоит также из речи» [11, 5].

Словщество-неологизм, придуманный Лаканом (по-французски он звучит „parlêtre“). И за ним стоит не просто идея социальной природы личности—или, вернее, совсем не эта идея! Это выясняется очень скоро: «человек может» «зачать», то есть породить другого (словщество) в зависимости от слов (мифов, законов, речи), а не только вследствие поры спаривания ... фаллос представляет двуликий оператор, полу-тело, полу-слово, действие которого проявляется в каждодневных сношениях людей,... свидетель разделенной и противоречивой природы, импульсирующей движение, из которого состоит жизнь словщества» [11, 7—8].

Словщество, по Лакану и Леклеру, — «существо желания». Где корни этого желания? В диалектике «телесной материальности» и «значащей материальности». Обе они органичны для человека (словщества), и их взаимодействие как раз и есть жизнь, «реальное» (в терминологии Лакана). Это «реальное» принципиально «не поддается уловлению символикой», «ускользает от всякой попытки сведения к словам» [II, 8—9]: «для словщества не существует за-логики..., никакой надстройки, могущей объяснить структуру, состоящую из тела и слов... Не существует мета-языка» [11, 8].

Значит, не существует — и не может существовать! — мета-языка никакой науки о человеке, претендующей на раскрытие онтологии «реального». «Словщество» принципиально непознаваемо на научной, рациональной основе: «становится очевидным, что не существует никакой связи..., исходя из которой стало бы возможным полностью охватить продолжающийся процесс, каким является наша жизнь» [II, 9].

А где же все-таки здесь место желания? Сила желания (она же жизненная сила) «исходит из специфической экономии, управляющей психическими силами, зависящими от категорийных элементов, выдвинутых психоанализом: части тела..., значащие элементы (бессознательные представления), воображаемые представления..., субъективное скандирование (делание субъекта).... Потребность удовлетворяется обычным объектом..., в то время как объект желания, как это ясно указал уже Фрейд, состоит только в разнице между полученным удовлетворением и воспоминанием о первом, мифическом удовлетворении» [11, 9]. Бессознательное и есть «совокупность систем, управляющих силами желания» (там же).

Любой, кто знаком с движением зарубежной философской и психологической мысли в XX веке, легко усмотрит в этой по-своему стройной концепции аллюзии не только к Фрейду и «ортодоксальному» фрейдизму, но — не в меньшей степени — к экзистенциалистической феноменологии. Подробный анализ этих связей увел бы нас слишком далеко: ограничимся указанием на идею «непогрешимости ощущения», противопоставленного заблуждению рефлексии, у Г. Марселя, на сартровский тезис об абсолютности «субъекта конкретной реальности» ... «Мы сливаемся воедино с телом, больше нашего осведомленным об этом мире, о целях и способах его синтезирования» [22, 276] — разве это не аналог лакановской теории «словщества»? Наконец, и

«существо желания» придумано Сартром: «человек — это бесплодная страсть» [23, 708][1].

Мы не собираемся настаивать на прямом заимствовании Лаканом у экзистенциалистов их концепции человека, не о том речь. Гораздо важнее сходство в методологии построения модели человека, в тех исходных гносеологических постулатах, на которые — осознанно или нет — опираются и экзистенциалисты, и лаканисты.

Эта методология — применительно к лаканизму — может быть охарактеризована как своего рода научная мифология, свободная игра феноменологическими концептами, не имеющими иного содержания, кроме того, которое они получают в структуре модели, — как попытка онтологизации метафорического образа мира.

Поясним сказанное. Все мы — философы, психологи, лингвисты, специалисты точных и естественных наук — можно сказать, взращены на определенном стиле научного мышления, определенном представлении о структуре и языке науки. Стиль этот можно в первом приближении определить как рационализм научного мышления. Его основные черты — всеобщность, рефлективность, объективная системность. Другой вопрос, что в рамках разных философских систем и направлений, при решении основного вопроса философии и перед лицом других антиномий, нуждающихся в разрешении, рождаются разные категориально-понятийные системы, по-разному дается ответ на фундаментальнейший вопрос об отношении этих систем к действительности, к опыту, к мышлению (и об их отношении между собой). Вершиной рациональной науки нашего времени является, без сомнения, марксистский философский материализм, и классическим образцом этого рационализма научного мышления можно считать ленинскую мысль о единстве логики, гносеологии и теории познания. Но даже если брать немарксистскую философию, все три отмеченные основные черты стиля научного мышления характерны и для нее — пока мы остаемся в пределах рационализма, пусть понимаемого как угодно широко.

Но уже XIX век принес с собой философский иррационализм, немедленно сказавшийся и в «позитивной» науке. Одним из первых был Дильтей, выдвинувший концепцию «человека во всей его жизненной полноте» и изначальной целостности душевной жизни, расчленяемой научной психологией. Подлинного же расцвета иррационализм достигает в различных ответвлениях экзистенциализма, начиная со ставших классическими работ Хейдеггера. Именно ему принадлежит известный, много раз воспроизводившийся (в том числе и Лаканом) тезис, что «человеческое бытие всегда больше, чем оно фактически есть, чем то, в качестве чего оно, как наличествующее в своем бытийном состоянии, поддается фиксации» [21, 145][2]. Логическим развитием этого тезиса и является приведенное выше рассуждение Лакана—Леклера, в котором вообще отвергается эвристическая ценность «фиксации». Но так или иначе, иррационализм с самого начала отказывается от идеи рефлексивности — на место ее встает тезис о принципиальной недоступности для рефлексии наиболее важных, сущностнообразующих характеристик человека; логично следует из этого подмена объ-

[1] Далеким предшественником всех этих определений является, конечно, Спиноза, но ему чужда онтологизация желания, столь характерная для экзистенциализма. См. об этом [18, 143].

[2] Истоки этого тезиса ведут нас к Шопенгауэру с его дуализмом воли и представления,—отсюда хайдеггеровская категория «интенциональности». Сам по себя этот тезис не таит в себе никакого криминала, — он неверен лишь если превращать его в теоретическое оправдание агностицизма.

ективной системности субъективной целостностью. Но в таком случае возникает законный вопрос: если сущность человека принципиально не доступна рефлексии и факторы ее целостности лежат за пределами позитивного анализа, — «не поддаются фиксации», — правомерно ли говорить о некоторой, общей теории, имеющей достаточную объяснительную силу для каждого человека, учитывая уникальность его «бытия в мире» (Сартр)? Не превращается ли наука, ее категориальный аппарат (несущественно, идет ли речь о «чистой» философии, психологии или социологии — в этом случае все они оказываются в одинаковом положении) в субъективную систему мифологем, имеющую смысл только для ее творца? Именно так и происходит. Мы стоим перед парадоксом, принципиально неразрешимым; следуя по философскому лабиринту, натыкаемся на тупик, из которого нет и не может быть выхода. Логично приходя на этом пути к отрицанию всеобщности научного объяснения, но стремясь хоть как-то осмыслить самих себя, мы вынуждены способы этого осмысления заимствовать из областей, чуждых рациональной науке.

Это может быть, например, область веры, уход в религиозный агностицизм:

«...Озари, святой Иоанн, мой разум твоим пророческим, божественным экстазом!» [2, 490].

Конечно, христианский псевдорационализм, в частности, неотомизм — не единственная форма подмены науки теологией. Но так или иначе, всюду речь идет о том, чтобы построить трансцендентальную модель целостности человека, переложить задачу человеческого самопознания на «боженьку», как любил говорить В. И. Ленин.

Это может быть «нижний этаж» человеческого Я, трактуемый как сфера общечеловеческих, не поддающихся рефлексии, в конечном счете биологических влечений, задаваемых априорно и служащих основой объяснительной модели. Таков был путь философского фрейдизма, о котором мы не имеем возможности говорить здесь подробнее.

Это может быть область культуры, в частности — мифологии, которая, конечно, может «цементировать» личность лишь будучи иррационализована. Таков был, например, путь Гастона Башляра. Сходным путем идет Жак Лакан в своей теории метафоры, где, как известно, соединение двух означающих есть их смерть, превращение в означаемые: структура или цепь означающих формируется и существует по законам трансцендентального, иррационального плана. Кстати в обоих случаях налицо волюнтаристская, субъективистская «заданность» элементов модели, не требующая рационального объяснения и не способная его получить.

Еще один парадокс в том, что все описанные пути вполне успешно могут сочетаться один с другим. Впрочем, здесь нет, в сущности, парадокса — если брать объяснение «с потолка», его познавательная ценность и возможность комбинирования с другими объяснениями такого же происхождения определяются только личным убеждением исследователя. Отсюда рождаются религиозный экзистенциализм, психоаналитическая теория архетипов, лакановский неофрейдизм...

Но вернемся к докладу Леклера. Он производит впечатление бесспорной логической стройности и целостности излагаемой в нем концепции. Однако при внимательном рассмотрении мы обнаруживаем, что каждое из употребляемых в нем понятий имеет смысл только в рамках заданной логической системы. Даже если взять такое, казалось бы, общепринятое понятие, как «слово», оказывается, что его «порождающая потенциальность... бесконечно превосходит и знак и значимое ... Оно не поддается никакой возможности охвата» [11, 6]. Иначе говоря, в рамках данной системы это не слово как элемент язы-

ка, а некий иррациональный эквивалент слова. Единственное, что ограничивает эту «потенциальную» бессодержательность любого понятия — его взаимодействие с другими понятиями. Слову противостоит тело, понимаемое столь же неопределенно: «физико-химическая система». Их отношения рождают категорию «воображаемого», это последнее — при помощи категории символического, производной от понятия слова (языка, речи) — в свою очередь дают нам «субъект» и «реальное» и приводят к «силам желания». Но только вся эта система (мы описали всего лишь ее фрагмент) позволяет понять слово как ее элемент, в его сиюминутном контексте. К тому же «...автор представляет свою теорию на том самом языке, для анализа которого предназначается теория: если вы понимаете теорию, вы понимаете ее изложение, и наоборот» [24, 15]). Поэтому употребляемые им термины принципиально матефоричны: их сочетание превращает их в голые «означающие», означаемые же (и их взаимосвязь) уходят в область трансцедентальной веры. Мы не можем этой взаимосвязи *увидеть* и тем более ее *описать*: приходится верить на слово Лакану и Леклеру, что она существует и именно такова... Какова? На этот вопрос не ответит и сам Леклер: ведь любое его вмешательство в эту взаимосвязь уже ее нарушает.

Из сказанного видно, что дискуссия с Лаканом и лаканистами чрезвычайно затруднительна. С одной стороны, предмет дискуссии оказывается неуловимым. Действительно: бессознательное интерпретируется через бессознательное; рационально непознаваемое — через утверждение непознаваемости; предмет научного знания — через отрицание правомерности всякого научного знания ... С другой стороны, лаканизм (как и экзистенциализм) невозможно критиковать с позиций того, что можно назвать «вульгарным рационализмом» в психологии, и в этом — один из важнейших уроков дискуссии с ним.

Поясним нашу мысль. Утверждая примат рационального подхода в науке о человеке, мы стоим перед опасностью своего рода редукционизма. Речь идет о редукции сложной психической онтологии личности и деятельности к отдельным уровням и компонентам психической жизни, поддающимся дискретному рефлексному анализу; о редукции психики к сознанию; о сведении общего к частному. Конечно, никто из ведущих советских психологов, стремившихся к построению глобальной модели психики, сознания, деятельности, личности, — и в частности, ни С. Л. Рубинштейн, ни А. Н. Леонтьев, — не попадались в сети такого редукционизма; к сожалению, нельзя сказать того же о некоторых из тех, кто развивал их взгляды. Одной из причин этого является недостаточность самого понятийного аппарата современной психологии и необходимость на определенном этапе строить научную теорию в рамках понятийно-терминологической системы, не вполне адекватной этой теории. Отсюда такие новые для психологии понятия, как «интенциональные» и «операциональные» компоненты деятельности у А. Н. Леонтьева, и т. д. (см. об этом ниже); отсюда новый интерес психологов к бессознательному и к психологии искусства как своего рода исследовательскому полигону для расширения и обновления научного аппарата психологической теории — и так далее. Во всяком случае, сейчас бесплодность описанного выше редукционизма ясна любому думающему психологу, хотя конкретные пути к его преодолению еще не полностью определились. Психология стоит перед необходимостью заново определить свой предмет и, не уступая иррационализму базисных позиций, по-новому понять и саму научную рефлексию, и объективную системность психической жизни. Иначе мы будем метаться между Сциллой «рефлексивного» редукционизма (вульгарного рационализма) и Харибдой агностицизма и интуитивизма.

Иными словами, должна быть проведена четкая грань между философской проблемой субъективной целостности человеческого бытия (противопоставленной научному рационализму) и психологической проблемой онтологического единства личности и деятельности. Участниками в нашем диалоге выступили, с одной стороны, субъективистская, иррационалистическая квазифилософская антропология, с другой стороны, — научная, материалистическая, рациональная философия человека. И именно в этом, а не в отношении к Фрейду и фрейдизму и не в конкретно-психологических построениях той или иной научной школы состояло главное, принципиальное расхождение.

Кто же был вторым собеседником в этом диалоге, с каких позиций выступали и выступают сторонники рационалистического подхода к бессознательному? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется затронуть проблему бессознательного в двух ее аспектах, на двух уровнях: как проблему собственно философскую и как проблему психологическую.

Методологическое расхождение двух философских лагерей не исчерпывается принципиальным противостоянием научного рационализма и иррационалистической квазифилософской антропологии á la Лакан. Не менее острой является другая философская альтернатива: философский дуализм и диалектико-материалистический монизм.

В последнее время корни онтологического дуализма любой «глубинной» психологии успешно вскрывает В. Л. Какабаззе [10]. Он убедительно показал, в частности, органическую связь между интуитивизмом, агностицизмом и признанием психофизического параллелизма. Проделанный этим автором анализ взглядов З. Фрейда, К. Г.-Юнга и А. Адлера может быть легко продолжен применительно к любой иррациональной психологии прошлого, равно как и сегодняшнего дня.

Четкую методологическую альтернативу такому подходу предложил в 1926 году Л. С. Выготский в известной работе «Исторический смысл психологического кризиса». Напомним его основные положения.

Выготский констатирует, что существует две психологии — естественно-научная и спиритуалистическая, «то есть два разных, непримиримых типа науки, две принципиально разные конструкции системы знания. Борьба действительно происходит только между двумя тенденциями, лежащими и действующими за спиной всех борющихся течений ... Все остальное есть борьба внутри каждой из этих двух психологий» [7, 381].

Предметом материалистической, естественнонаучной психологии, по Выготскому, является психическое бытие. «Моя радость и мое интроспективное постижение этой радости — разные вещи» [7, 411]. «Что же мы должны изучать — этот (чувственный — А. Л.) акт сам по себе таким, как он есть, или таким, каким он является мне? Материалист..., не задумываясь, говорит: сам по себе объективный акт» [412].

Если мы будем идти этим путем, то кто же будет изучать психологические «кажимости»? Сама проблема, по Выготскому, поставлена неправильно. «Ведь в науке мы хотим узнать истинную, а не кажущуюся причину кажимости ... Если я буду знать физическую природу двух линий и объективные законы глаза, как они есть, сами по себе, я получу в качестве вывода из них объяснение кажимости, иллюзии» [7, 412]. Проще: субъективное не исчерпывает собой предмет психологии.

«В гносеологии кажимость есть, и утверждать о ней, что она есть бытие, — ложь. В онтологии кажимости нет вовсе. Или психологические феномены существуют — тогда они материальны и объективны, или их нет — тогда их нет и изучать их нельзя. Не-

возможна никакая наука только о субъективном, о кажимости, о признаках, о том, чего нет. Чего нет — того нет вовсе, а не полунет, полуесть. Это надо понять» [7, 415].

И далее: «субъективное само по себе как призрак должно быть понято ка кследствие, как результат ... двух объективных процессов. Загадка психики решится ... не путем изучения признаков, а путем изучения двух рядов объективных процессов, из взаимодействия которых возникают призраки как кажущиеся отражения одного в другом» [7, 416].

Это рассуждение как нельзя более ярко «высвечивает» материалистическую позицию в области бессознательного, и мы располагаем другой работой Выготского, где он прямо обратился к анализу этого вопроса, подчеркнув, что — при материалистическом подходе — психика выступает «как составное сложного процесса, который совершенно не покрывается его сознательной частью, и потому нам представляется, что в психологии совершенно законно говорить о психологически сознательном и психологически бессознательном: бессознательное есть потенциально сознательное» [8, 146].

Из этих тезисов Выготского следуют дальнейшие выводы, принципиально важные для нашей проблемы.

Первый из них: у бессознательного нет своей особой онтологии. Нет и не может быть — для философа или психолога — материалиста — особой «науки о бессознательном», — это была бы наука о кажимостях. Факт существования бессознательных явлений неоспорим; но нет никаких методологических или теоретических оснований выделять бессознательное в некий особый предмет. Выготский очень точно определил бессознательное как потенциально сознательное и — в другом месте той же статьи — заметил, что речь идет о разной степени сознательности и о сложных динамических взаимоотношениях в психике сознательных и бессознательных элементов.

Кстати, совершенно не случайно на Тбилисском симпозиуме оказалось, что среди советских участников, в сущности, не было «специалистов по бессознательному». Были специалисты по психотерапии неврозов, экспериментальной и теоретической психологии установки, психологии личности, уровням регуляции деятельности и т. д. и т. п.

На психологическом уровне положение об отсутствии у бессознательного собственной онтологии выступает уже в самой постановке основных проблем. Возьмем, например, такой вопрос, как уровни организации деятельности. Как известно, современная советская психология опирается в этом отношении на психофизиологическую теорию Н. А. Бернштейна, и в частности — на его положение о ведущем и фоновых уровнях [4, 99—100 и др.]. В собственно психологическом аспекте, применительно к уровням осознанности любой деятельности, мы располагаем здесь блестящим исследованием А. Н. Леонтьева [13].

По существу, этот, онтологический по Выготскому, подход свойственен — по крайней мере, в рамках психологической школы Выготского — трактовке всех проблем, где мы имеем дело с «несознательными» психическими процессами. Особенно существенен он при анализе бессознательных компонентов структуры личности, в первую очередь личностно-смысловых образований. Вообще динамика сознательного и бессознательного в структуре личности является, с нашей точки зрения, центральной проблемой психологии личности.

Возвращаясь к цитированным выше положениям Л. С. Выготского, можно увидеть в них оригинальную методологическую программу дальнейшего развития материалистической психологии, не получившую

до сих пор последовательной реализации в собственно психологических (теоретических и экспериментальных) исследованиях. Соглашаясь с Выготским в его принципиальной позиции по проблеме психической онтологии, мы, тем не менее, сплошь и рядом продолжаем оперировать психологическими «кажимостями». Причина этого в значительной степени в упрощенном, вульгаризующем понимании идеального и его взаимоотношения с субъективным.

Приведем конкретный пример. В книге К. К. Платонова «Система психологии и теория отражения» утверждается, что идеальное — всегда психическое, но не все психическое идеально. Автор сочувственно цитирует С. Л. Рубинштейна, писавшего, что характеристика психического, как идеального, относится к образу или идее, вообще продукту психической деятельности, в их отношениях к предмету или вещи. Развивая далее этот взгляд, К. К. Платонов считает, что «идеальное — это субъективное явление, которое существует в форме образа, связанного с понятием или понятиями и выражается словом или словами. Идеальное — высшая форма субъективного, ибо все идеальное — субъективно, но не все субъективное — идеально» [16, 160].

Обратимся к последнему изданию «Философского словаря». В полном соответствии с духом и буквой марксизма-ленинизма там говорится: «Субъективное в марксизме понимается не как внутренее (психическое) состояние субъекта, противоположное объекту, а как производное от деятельности субъекта, воспроизводящего в формах этой деятельности содержание объекта» [19, 358]. Первое марксистское определение субъективного, отнюдь не потерявшее своего значения, дал, как известно, Карл Маркс. Он сказал, что главный недостаток всего предшествующего материализма в том, что «предмет, действительность, чувственность берется ... не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [1, 1] — легко видеть, что «Философский словарь» здесь очень близок к мысли Маркса.

Итак, субъективное ни в коем случае не есть нечто «антиобъективное» или «антиобъектное». Это отображение объекта в деятельности человека, это характеристика деятельности с объектом. Оно и может существовать только в формах деятельности! Оно, как правильно пишет Ю. Ф. Бухалов, выступает как социальная характеристика целенаправленной практической и познавательной деятельности. «Субъект, исходя из своих потребностей и целей, ... сначала мысленно, а затем практически преобразует ее ... В этом процессе происходит и преобразование самого субъекта, складываются новые общественные отношения, потребности, цели, знания и т. д.» [6, 112]. Иначе говоря, мы должны понимать субъективное либо — в философском плане — как свойство деятельности, либо — в психологическом — как то, что направляет и определяет процесс деятельности, так сказать, со стороны субъекта. А это и есть то, что мы называем «психическим». Отсюда безусловна ошибочность понимания субъективного у К. К. Платонова как свойства, присущего животным, а не только человеку.

Ошибочна и его идея о том, что субъективное (в том числе идеальное) есть результат психического отражения[3]. Эта идея хорошо сочетается с его же мыслью о том, что «идеальное — всегда психическое»: но ведь идеальность «есть не что инеое, как представленная

---

[3] Кстати, даваемое им определение отражения звучит совершенно по-мольеровски: «отражение — это такое взаимодействие феноменов, при котором отраженный феномен, оставаясь существенно неизменным, создает в отражающей системе феномен отраженного как продукт процесса отражения» [16, 91].

в вещи форма общественно-человеческой деятельности» [9, 148], а «сознание и воля индивидов выступают как функции идеальности вещей» (там же). Они, как и другие психические феномены, суть психические формы выражения идеального. Выражения, а не существования! Их существование, как любил говорить А. Н. Леонтьев, связано с «экстрацеребральными» процессами.

Второй тезис, касающийся бессознательного и следующий из изложенной выше позиции Л. С. Выготского: нет разных концепций бессознательного — есть разное понимание отношений человека к миру, к предметной деятельности, есть, как говорит Выготский, «разные конструкции системы знания». Думается, одно из основных расхождений между участниками симпозиума по бессознательному как раз и заключается в различии их общих представлений о характере взаимоотношений человека с предметной реальностью и о месте психических процессов в этой системе взаимоотношений. В этом смысле прав Э. Амадо Леви-Валенси, подчеркнувший в своей статье об эпистемологии бессознательного, что «различные, казалось бы, противоречивые определения бессознательного отражают противоречия ученых и школ, но не противоречивость самой конкретной реальности» [III, 142]. Дополняя и углубляя эту мысль, можно выразить ее так: не просто школ, но различных методологических направлений.

Но если так, то первоочередная задача психолога-материалиста — «ввести в психологию такие единицы анализа, которые несут в себе психическое отражение в его неотторжимости от порождающих его и им опосредуемых моментов человеческой деятельности» [12, 12—13], и постараться интерпретировать бессознательное в системе таких единиц анализа. Готова ли к этому наша психология?

Задача, сформулированная здесь словами А. Н. Леонтьева из его последней монографии, была ясна ему уже в конце 30-х годов, когда он писал: «бытие психологического ... в наличии единого и неразложимого одушевленного жизненного процесса», то есть деятельности; «отсюда предмет психологии — «деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредованная отображением этой действительности» (рукопись, цит. по [15, 87]). В сущности, вся дальнейшая научная деятельность А. Н. Леонтьева и его учеников и была направлена на раскрытие такого понимания и разработку адекватных ему единиц анализа. Но работа эта осталась незаконченной. В нынешней концептуальной системе психологии деятельности мирно сосуществуют два ряда понятий и единиц: одни из них, как «единица» (Выготский), «уровень» (Бернштейн, А. Н. Леонтьев), «смысловая установка» (Асмолов), «активность» (В. А. Петровский), «мотив» (А. Н. Леонтьев, С. Д. Смирнов) являются результатом пересмотра концептуальной системы традиционной психологии под углом зрения методологической программы Выготского; другие, и их большинство, отражают картезианскую модель соотношения психического и объективно-предметного.

В основе упомянутого пересмотра психологических единиц лежат несколько отправных положений. Первое, как уже говорилось, — идея материалистического монизма. Второе — идея единства «экстрацеребрального» и «интрацеребрального» психического, при приоритете первого, то есть «деятельности субъекта по отношению к действительности». Третье положение, следующее из первых двух, — это тезис о динамической природе основных психологических единиц, необходимости их выведения из содержательного анализа и обобщения конкретных актов деятельности. Примером подобного анализа, приведшего к переосмыслению понятия мотива, является известная статья С. Д. Смирнова [17]. Четвертое исходное положение может быть сформулирова-

но следующим образом: базой для такого анализа должно служить реальное поведение человека в мире, а не условная, искусственно выделяемая и ограничиваемая ситуация «человек—предмет»; именно в этом направлении шли мысли А. Н. Леонтьева, касавшиеся «образа мира»: «всякое актуальное воздействие вписывается в образ мира, то есть некоторого целого» [14, 11].

Таким образом, и подход к феномену бессознательного требует не просто элиминации психологических мифов, «кажимостей», и обращения к целостной системе предметной действительности и опосредующих ее психических факторов, но — что принципиально важно — содержательно-психологического подхода к анализу деятельности, подхода динамического, процессуального, наконец, отталкивания от целостного образа мира и понимания отдельных единиц и процессов как разных форм и аспектов движения в едином психологическом пространстве. В этом отношении особенно острой является проблема «фона восприятия» и динамики сознательного и бессознательного при выделении из этого фона актуально осознаваемых и сознательно контролируемых компонентов образа мира. В конечном счете едва ли не главное в проблеме бессознательного — это как раз его вклад в функционирование человеческого образа мира, роль бессознательных компонентов в формировании этого образа и в системе психических процессов, им детерминируемых.

Третий вывод относительно психологии бессознательного связан с идеей Выготского об индивиде как «социальном микрокосме». Деятельность, о которой так много говорилось выше как о ключе к интерпретации психического вообще и бессознательного психического — в частности, — не просто нечто экстрацеребральное: при ее изучении необходимо исходить не из отдельного индивида и описания актов его индивидуального поведения, а из форм социальной деятельности и социальных отношений, присущих всей общественной системе в целом, которая задает содержание и формы этой деятельности [5, 61]. Поэтому мы не можем не прийти к положению о том, что бессознательное не может быть правильно понято вне конкретно-социального подхода к деятельности в целом. У этого положения есть, в свою очередь, две стороны. Во-первых, такой подход определяет наше общее понимание бессознательных феноменов психики, определяя трактовку тех исходных объективных процессов, которые в динамическом взаимодействии обусловливают возникновение субъективно-психических явлений. Это само по себе уже сложнейшая для интерпретации задача. Но, во-вторых, даже в феноменологии бессознательного существует целый ряд явлений, совершенно не поддающихся научному пониманию вне такого конкретно-социального подхода, — типа эмпатии и вообще субъективного переживания межличностных отношений, типа массовых социально-психологических процессов, в свое время хорошо исследованных А. С. Прангишвили на примере феномена паники, и т. д. В обоих случаях материалистическому пониманию здесь противостоит особого рода интеракционистская позиция, наиболее ярко выступающая в лакановской концепции «словщества».

«Рассмотрение учения о «бессознательном» в его наиболее общем плане с позиций диалектико-материалистической философии... является, по нашему убеждению, единственной стратегией, которая раскрывает перед этим учением широкие возможности дальнейшего развития» [3, 375], — писал Ф. В. Бассин в 1968 году. Подготовка к симпозиуму по проблеме бессознательного и ход этого симпозиума полностью подтвердили справедливость этих слов.

Хотелось бы лишь добавить, что условием реализации этой стра-

тегии является разработка методологически последовательной общепсихологической теории, частью которой и должна явиться психология бессознательных процессов или неосознаваемой психической деятельности.

METHODOLOGICAL ALTERNATIVES TO THE PSYCHOLOGY OF THE UNCONSCIOUS

A. A. LEONTYEV

A. S. Pushkin Institute of the Russian Language, Moscow

SUMMARY

S. Leclerc's paper presented at the Tbilisi Symposium clearly shows the fundamental difference between „metaphoric" irrationalism and the rationalism of scientific thinking. The basic characteristics of the latter being universality, reflexiveness, and use of objective systems. This rationalism, however, should avoid developing into reflexive reductionism.

Dualism and materialistic monism constitute the second methodological alternative. The place of the latter in the psychology of the unconscious is ascertained from an analysis of L. S. Vigotsky's methodological programme set forth in his book «Historical Significance of Psychological Crisis».

In the course of this analysis the following points are made:

a) the unconscious lacks its own special ontology;

b) there are no divergent conceptions of the unconscious, but only various attitudes of man to the material world;

c) the unconscious cannot be correctly understood outside of a concrete social approach to activity.

ЛИТЕРАТУРА

1. МАРКС К., Тезисы о Фейербахе. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 3, 1.
2. ЭНГЕЛЬС Ф., Библии чудесное избавление от дерзкого покушения. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, М., 1956.
3. БАССИН Ф. В., Проблема бессознательного, М., 1968.
4. БЕРНШТЕЙН Н. А., Очерки по физиологии движений и физиологии активности, М., 1966.
5. БУЕВА Л. П., Социальная среда и сознание личности. М., 1968.
6. БУХАЛОВ Ю. Ф., О диалектике субъективного и объективного. В сб. Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966.
7. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Исторический смысл психологического кризиса. Собрание сочинений, т. I, М., 1982.
8. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Психика, сознание, бессознательное. Собрание сочинений, т. I. М., 1982.
9. ИЛЬЕНКОВ Э. В., Проблемы идеального. ВФ, 1979, № 7.
10. КАКАБАДЗЕ В. Л., Теоретические проблемы глубинной психологии, Тбилиси, 1982.
11. ЛЕКЛЕР С., Жак Лакан и возглавляемое им психоаналитическое движение. Ротапринт (на русском языке), Тбилиси, 1979.

12. ЛЕОНТЕЬВ А. Н., Деятельность, сознание, личность, М., 1977.
13. ЛЕОНТЬЕВ А. Н., Психологические вопросы сознательности учения. В кн.: Деятельность, сознание, личность, М., 1977.
14. ЛЕОНТЬЕВ А. Н., Психология образа, «Вестник МГУ: серия психология», 1979, № 2.
15. ЛЕОНТЬЕВ А. А., Л. С. Выготский и предмет научной психологии. В кн.: Научное творчество Л. С. Выготского и современная психология. М., 1981.
16. ПЛАТОНОВ К. К., Система психологии и теория отражения, М., 1982.
17. СМИРНОВ С. Д., Психологическая теория деятельности и концепция Н. А. Бернштейна, «Вестник МГУ: серия психология», 1978, № 2.
18. ФИЛИППОВ Л. И., Философская антропология Жана Поля Сартра, М., 1977.
19. ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ, Изд. 4, М., 1981.
20. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: ПРИРОДА, ФУНКЦИИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, т. т., I—III, Тбилиси, 1978.
21. HEIDEGGER M., Sein und Zeit. Halle, 1941.
22. MERLEAU-PONTY M., Phénoménologie de la perception. Paris, 1945.
23. SARTRE J.-P., L'Etre et le Néant. Paris, 1943.
24. WILDEN A., System and Structure. N. Y., 1972.

СНОВИДЕНИЕ КАК ОСОБОЕ СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ

В. С. РОТЕНБЕРГ

I Московский медицинский институт

Теория формирования сновидений и их роли в психической жизни явилась краеугольным камнем психоаналитической концепции бессознательного. Прошло более полувека, и открытие физиологической основы сновидений — фазы быстрого сна — привлекло внимание психологов, психофизиологов и клиницистов. Между тем ученые, непосредственно занимающиеся проблемой бессознательного, за редким исключением не выразили интереса к открытиям в этой области. Эта тенденция проявилась и на Международном симпозиуме по проблеме бессознательного в Тбилиси, где было очень мало сообщений, посвященных проблеме сновидений. Такое невнимание к этой проблеме неадекватно ее значимости. Поэтому в настоящей статье мы не ограничимся рассмотрением материалов Симпозиума и постараемся привлечь к обсуждению другие наиболее примечательные публикации. Мы остановимся в этой статье на трех наиболее активно обсуждаемых аспектах проблемы, которые тесно связаны с основной тематикой данной коллективной монографии. Такими вопросами являются:

I. Особенности сознания в сновидениях.

II. Роль «правополушарного», образного мышления в сновидениях.

III. Функциональная роль сновидений и ее связь с характером сновиденческого мышления.

1. Сновидения характеризуются столь своеобразной психической активностью, что многие авторы затрудняются ее квалифицировать, и в литературе отсутствует даже единая точка зрения относительно состояния сознания во время «просмотра» сновидений.

Высказана, в частности, крайняя точка зрения о принадлежности сновидений целиком к сфере бессознательного психического на том основании, что субъект в этом состоянии не выделяет себя из реального окружающего мира и не осознает себя спящим и видящим сновидения [II, 112]. В других работах [9] так же подчеркивается отсутствие самосознания, активного контроля сознания над содержанием сновидений, пассивный характер их восприятия. Однако, признавая это, невозможно все же согласиться с безоговорочным отнесением сновидений к сфере неосознаваемой психической активности. Ведь это означало бы парадоксальное утверждение, что мы можем достаточно подробно отчитываться о переживаниях и представлениях, которые не осознаем. Кроме того, EGO-функция полностью сохранна и адекватна во время сновидений [9], а возможна ли такая полноценность функции «Я» в бессознательном состоянии?

Но если сознание во время сновидений сохранено, то оно, безусловно, претерпевает существенные изменения по сравнению с сознанием в бодрствовании [12]. Одним из основных отличий сновиденческо-

го мышления является его арефлексивность: у субъекта нет осознания себя спящим; нет осознания, что образы сновидений галлюцинаторны, нет дискриминации между сновидениями и реальностью [12]. Правда, короткие периоды арефлексии бывают и в бодрствовании, но для сновидений это наиболее характерно и продолжается гораздо дольше. Кроме того, сновидения нередко содержат такие образы, которые, если бы они возникали в бодрствовании, заставили бы субъекта очень удивиться и критично отнестись к их происхождению и своим переживаниям. В сновидении же они воспринимаются как естественные. Справедливо подчеркивается [12], что арефлексивность сознания не обязательное свойство образного мышления — при галлюцинациях, вызванных лекарственными препаратами, вторичный контроль сознания нередко сохранен. Из этого следует логический вывод, что не отсутствие рефлексии сознания вторично по отношению к галлюцинаторному характеру сновидений, а наоборот — специфическая галлюцинаторность сновиденческих образов является следствием арефлексии. Второй кардинальной особенностью сновидений отдельные авторы [12, 17] считают, как это ни парадоксально, некоторую «ограниченность» возможностей образного мышления. Имеется в виду следующее. В сновидениях, по мнению этих авторов, отсутствует симультанное восприятие нескольких образов. Приводится такой пример [12]: когда человек пишет в состоянии бодрствования, он одновременно с ярким представлением описываемых сцен воспринимает и все атрибуты самого процесса письма (стол, бумагу, чашку кофе на столе и т. п.). Внимательное наблюдение за какой-то реальной сценой (например, за спортивным состязанием) может сопровождаться яркими воспоминаниями событий, не имеющих к этой сцене никакого отношения. Во время же сновидений созерцание одной сцены практически полностью исключает представление другой. Только в 1% случаев испытуемые докладывают, что наряду с основным сюжетом сновидения они видели что-то еще, никак с этим сюжетом не связанное. Высказано предположение [17], что во время сновидений субъект сосредоточен каждый раз на каком-то одном, наиболее четком и изолированном от других образе и именно вокруг него когнитивно «достраивается» сюжет сновидений с использованием других образов, находящихся на периферии поля зрения.

Однако утверждение, что в этой особенности сновидений проявляется некоторая неполноценность образного мышления (что это — следствие неспособности к симультанному восприятию нескольких образов), с нашей точки зрения, является недоразумением. Когда субъект в бодрствовании представляет себе что-то одновременно с текущей деятельностью, это значит, что он способен отвлечься от этой деятельности и взглянуть на нее и самого себя как бы со стороны, — но ведь это и называется способностью к рефлексии.

По-видимому, субъект соответственно в меньшей степени личностно вовлечен в деятельность, от которой может отвлечься, чем он обычно вовлечен в просмотр своих сновидений. Что же касается симультанности восприятия, то, с нашей точки зрения, она становится фактором образного мышления только в том случае, когда симультанно воспринимаемые образы вступают друг с другом в многозначную контекстуальную связь [5]. Та же симультанность восприятия, о которой речь выше [12], предполагает рядоположение различных образов и представлений, не связанных друг с другом многозначными связями и не формирующих в итоге новое целостное представление.

Таким образом, арефлексивность сознания во время сновидений во многом определяет их специфику. Однако некоторые качественные

характеристики сновидений плохо объясняются арефлексивностью и могут даже восприниматься как противоречащие этому принципу. В частности, отсутствие самосознания, ослабление контроля сознания над содержанием сновидений парадоксальным образом сочетается с высокой EGO-функцией во время сновидений.

Действительно, ведь дезорганизованность и хаотичность снов, странность и нелепость некоторых их сюжетов, казалось бы, сами по себе должны свидетельствовать об ослаблении EGO-функции, но специальные исследования [9] показывают, что это не так. Преодолеть это противоречие пытаются с помощью предположения [9], что сновидения только *производят впечатление* дезорганизованных и регрессивных в силу неспособности субъекта запомнить и пересказать их целиком. Предполагается, следовательно, что в действительности сновидения лучше организованы и сюжетно связаны, чем это обычно удается выявить. Но при таком предположении упускается из виду одно очень существенное обстоятельство. Вне зависимости от того, насколько структурирован и логичен *отчет* о содержании сновидений, у субъекта, как правило, остается интуитивное ощущение, что пережитое сновидение значит для него гораздо больше, чем это можно выразить, понять и объяснить.

Следовательно, каким бы ни было манифестирующее содержание сновидений — предельно ясным и логически связным или совершенно непонятным, — личностный смысл сновидений все равно остается скрытым и для его сколько-нибудь адекватного понимания необходим дополнительный сложный психологический анализ, например, психоанализ.

Как это показал еще Фрейд, прямая связь между манифестирующим и латентным содержанием сновидений прослеживается далеко не всегда. Возникает определенная диссоциация между тем, что несет сновидение бодрствующему сознанию самого субъекта или любого другого слушателя, и тем, что оно значит для сновидно измененного сознания. Каким бы хаотичным ни воспринималось сновидение после пробуждения, в момент просмотра оно воспринимается как цельное и значимое. Отсутствие рефлексии может объяснить, почему субъекта не удивляют фантастические и несообразные события в сновидениях, но этого недостаточно для обеспечения субъективной значимости и цельности картин сновидения и тем более для обеспечения сохранности EGO-функции. Остается в то же время непонятным, почему сновидения так быстро забываются, несмотря на личностную значимость [12].

II. Что же в таком случае цементирует формально разрозненные картины и образы в измененном сознании субъекта и в чем особенность такого изменения сознания? Мы предположили, что для сновидения характерна своеобразная диссоциация сознания [4; 15; 16]. Мы исходим при этом из определения *сознания как знания о собственном знании объективной реальности, противостоящей познающему субъекту, и о себе как о субъекте познания.*

Из этого определения вытекают две основных функции сознания:

а) объективирование и закрепление в речи знания об объективной реальности и выделение из окружающей среды самого себя как субъекта познания этой реальности. С этой функцией сознания связано формирование *значений*;

б) выделение себя из окружающей среды в качестве субъекта — личности. Эта функция сознания обеспечивает возможность самовосприятия и самооценки, и с ней связано формирование *личностного смысла*.

В состоянии неизмененного бодрствующего сознания обе эти функ-

ции неразрывны, и сновидное изменение сознания сводится к утрате первой при сохранности второй. Действительно, человек не сознает себя видящим сновидение, т. е. в этот момент он не способен к отражению объективной реальности и выделению себя как субъекта познания. Поэтому он не критичен к содержанию сновидений и может воспринять как само собой разумеющееся все, что в бодрствовании вызвало бы крайнее удивление. Но выделение себя как субъекта-личности сохранено, сохранен образ «Я» и, благодаря этому, в сновидении сохранена EGO-функция, возможны самовосприятие и самооценка, (по крайней мере, на уровне представлений о «Я» как о действующем лице в сновидении). Эта самооценка может, как и в бодрствовании, приводить к самоосуждению, к появлению чувства вины или стыда. Именно благодаря этому все происходящее в сновидении имеет глубокий личностный смысл.

Психологические исследования [1] показали, что и в бодрствовании личностная оценка изображений, особенно недостаточно определенных, осуществляется по эмоциональным параметрам и не вполне совпадает с оценкой понятий, которые условно обозначают эти изображения. При этом оценивается не объект как таковой, а его отношения и связи. Такое рассогласование в оценке смыслов и значений тем более характерно для сновидений.

Но для того, чтобы сделать наш личностный смысл достоянием других людей или объектом анализа собственного бодрствующего сознания; его необходимо объективизировать и закрепить в значениях. Между тем описанная диссоциация сознания делает это затруднительным. Пока развертываются события сновидений, они плохо поддаются переводу в категорию значений. Такой перевод становится возможным в какой-то мере после пробуждения, но к этому времени от сновидений остаются в полном смысле слова одни воспоминания. Лишенные объективных значений, эти воспоминания, как правило, не несут бодрствующему сознанию никакой прагматически важной информации, ничего, что можно было бы включить в сформированную систему значений. Поэтому они довольно легко амнезируются.

Кроме того, смыслы всегда богаче и многограннее значений, так что при самом детальном запоминании событий и аффективной окраски мы никогда не сможем исчерпывающе проанализировать и пересказать все, что увидели. К механизмам этого явления мы вернемся несколько позже, пока же важно подчеркнуть, что простой пересказ сновидений (независимо от того, хаотичен ли их сюжет или логичен и строен) не в состоянии сообщить ни нашему аналитическому мышлению, ни слушателю личностный смысл сновидений.

III. Таким образом, арефлексия сознания во время сновидений — это проявление диссоциаций сознания. В чем смысл такой диссоциации и каков ее психологический механизм?

Одной из основных задач сновидений практически все авторы, как советские, так и зарубежные, считают психологическую защиту [6; 7; 8; 9; 10; 11].

В последние годы начинает проясняться конкретная роль сновидений в механизмах психологической защиты. Показано, что в сновидениях, которые способствуют восстановлению эмоционального равновесия, происходит переход от пассивного переживания субъектом ощущения потери, поражения, чувства беспомощности — к их преодолению, к поиску выхода [11].

В других исследованиях [7] показано, что после сновидений повышается готовность к взаимодействию с нерешенной проблемой, восстанавливается чувство компетентности, что аналогично преодолению чувства беспомощности.

Не трудно заметить, что эти положения, развиваемые клиницистами, в том числе и клиницистами психоаналитического направления, хорошо согласуются с развиваемой нами и В. В. Аршавским концепцией поисковой активности [13; 14]. Поисковая активность, направленная на изменение ситуации или изменение отношения к ней в условиях прагматической неопределенности, повышает резистентность организма и способствует адаптации. Снижение поисковой активности и особенно отказ от поиска снижает устойчивость организма к разнообразным вредным воздействиям и является неспецифической предпосылкой к развитию психосоматозов. Во время быстрого сна и сновидений осуществляется поиск, который компенсирует дефицит поисковой активности и восстанавливает потенциальные возможности организма (субъекта) к поиску в период бодрствования. Все эти положения получили разностороннее экспериментальное и теоретическое обоснование [13; 14].

Возникает важный вопрос: какова содержательная сторона поисковой активности во время сновидений? Совершается ли в сновидении творческий акт, приводящий к открытию нового? Происходит ли при этом поиск способов разрешения тех реальных задач и проблем, с которыми не удалось справиться в бодрствовании, в частности, осуществляется ли в сновидении поиск выхода из мотивационного конфликта, который во время бодрствования привел к состоянию отказа от поиска и вытеснению из сознания неприемлемого мотива [16]?

По-видимому, в отдельных случаях все это действительно имеет место. Так, открытие Менделеевым в сновидении бензольного кольца в своей таблице и некоторые другие случаи получили широкую известность. Но достаточно сопоставить частоту сообщений о таких открытиях с тем фактом, что каждый человек каждую ночь видит как минимум 3—4 сновидения, и станет очевидно, что решение творческих задач не может считаться основной функцией сновидений. Есть и серьезные теоретические аргументы против такого предположения [15], на которых мы не можем сейчас подробно остановиться.

Более сложен вопрос о разрешении мотивационного конфликта во время сновидений. Начиная с классического психоанализа, этой или сходной функции сновидений придавалось решающее значение. В течение ряда лет мы также предполагали, что во время сновидений происходит поиск способов взаимного «примирения» конфликтующих мотивов, с использованием возможностей образного мышления. Однако при таком подходе немедленно возникает следующий вопрос. Если сновидения регулярно обеспечивают подлинное «примирение» мотивов и в результате мотивационный конфликт действительно устраняется, то при функциональной полноценности сновидений можно было бы ожидать разрешения всех основных конфликтов буквально в течение нескольких ночей. Между тем психически адаптированные люди видят сновидения, как известно, из ночи в ночь. Трудно представить себе, чтобы ежедневно на смену только что разрешенным конфликтам возникали столь же значимые новые; клинический опыт подсказывает, что один и тот же конфликт может определять состояние и поведение человека на протяжение очень длительного времени.

Нельзя, следовательно, утверждать, что во время сновидений постоянно происходит разрешение эмоционального конфликта, во всяком случае, окончательное его разрешение. Но на что же в таком случае направлен поиск во время сновидений? Напомним, что, согласно предложенной концепции, задача сновидений заключается в преодолении отказа от поиска, в восстановлении поисковой активности, а не обязательно в окончательном разрешении самой конкретной проблемы, вызвавшей этот отказ. После функционально полноценных

сновидений субъект должен быть готовым к продолжению активного поиска в бодрствовании.

Эти представления хорошо согласуются с вышеупомянутыми наблюдениями, что восстановление эмоционального равновесия во время сновидений достигается переходом от пассивного переживания потери и поражения к активному функционированию в ситуации, из которой возможен выход [11]. Они также соответствуют выводу [7], что сновидения восстанавливают чувство собственной компетенции и повышают готовность субъекта к взаимодействию с нерешенными проблемами. При этом совершенно не обязательно, чтобы обнаруживался выход из той реальной жизненной ситуации, которая привела к появлению чувства беспомощности и обусловила капитуляцию. Чувство беспомощности в определенных условиях, сложившихся в бодрствовании, компенсируется ощущением способности справиться с совершенно другими обстоятельствами в сновидениях. Могут быть использованы воспоминания о более или менее сходных ситуациях в прошлом, которые удалось изменить в желаемом направлении. Иногда в таких случаях эта прошлая ситуация «переписывается» в сновидении так, чтобы ее преодоление выглядело более успешным [11]. Таким образом, в сновидении может решаться совсем не та, по формальным признакам, проблема, которая является основной причиной эмоционального напряжения. Можно, конечно, предполагать, что в сновидениях актуальная проблема предстает в некой символической форме, и сторонники классического психоанализа считают именно так. Но символизация, в сущности, и представляет собой своеобразную подмену. В бодрствовании такого рода подмена практически невозможна, ибо человек целиком поглощен конфликтом или нерешенной проблемой и не способен переключить свою поисковую активность на что-либо другое (не говоря уже о том, что состояние отказа от поиска иррадиирует на все поведение и интерферирует с любым видом деятельности).

Замечено, что в повторяющихся сновидениях отражаются повторные безуспешные попытки преодолеть не столько какое-то определенное препятствие или разрешить конфликт, сколько чувство собственной беспомощности. Добавим от себя, что конкретная причина его возникновения имеет меньшее значение. (Нельзя, разумеется, полностью отрицать принципиальной возможности полного и адекватного решения эмоциональной проблемы в сновидениях. Но это случается, по-видимому, не так часто, как предполагалось ранее нами и другими авторами, и более универсальной функцией сновидений является восстановление поисковой активности).

В этой связи представляют интерес различия между нашей концепцией и концепцией [11], согласно которой основной задачей сновидений является интеграция новой, необычной и эмоционально значимой информации с прошлым опытом. Мы уже указывали [II, 99], что с позиции этой гипотезы не вполне объяснимы некоторые экспериментальные данные, на которые опираются сами ее авторы. Кроме того, эта гипотеза, насколько мы понимаем, имплицитно предполагает, что интеграция новой информации (если речь идет именно о самой информации, а не о типе и стиле реагирования на нее) должна в том или ином виде быть представлена в сновидении. Если же сновидение может, как пишут сами авторы, успешно выполнить свою функцию, оперируя подставной, «подмененной» проблемой, содержащей только некоторые принципиальные черты сходства с реальной, то говорить об интеграции новой информации как таковой довольно трудно. С концепцией интеграции связан и ряд других теоретических противоречий, которые мы обсуждали в других публикациях [14]. Если сам процесс у с в о е н и я новой значимой информации (по-видимому, неосущест-

вимый без ее интеграции) требует участия сновидений и быстрого сна, то не понятно, почему достаточно высокий уровень обучения нередко достигается еще до увеличения быстрого сна. Если же быстрый сон и сновидения служат лишь для закрепления *уже усвоенной* информации в долговременной памяти, то не понятно, почему они необходимы только для закрепления необычной и значимой информации, коль скоро в процессе ее усвоения ее необычность уже должна была бы быть нивелирована. Поэтому, с нашей точки зрения, более продуктивно представление, согласно которому сновидение преодолевает состояние отказа от поиска, отрицательно сказывающееся на любых функциях, в том числе мнестических. Наконец, интеграция необычной и значимой информации — необходимое условие адаптации лиц любого психологического склада, между тем известно, что у здоровых короткоспящих снижена потребность в быстром сне, как и во время экстремальной творческой активности — хотя процесс творчества невозможен без интеграции новой информации. Все вышесказанное заставляет нас предположить, что сновидения лишь опосредствованно участвуют в процессе интеграции новой информации, восстанавливая необходимую для этого процесса поисковую активность и устраняя мешающую любым психическим процессам эмоциональную напряженность.

Но поисковая активность восстанавливается в сновидениях не только за счет подмены одной проблемы другой, но и благодаря тем особенностям мышления, которые расширяют потенциальные возможности для поиска. В чем же они состоят?

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть некоторые условия возникновения неразрешимого конфликта, того самого, который в конце концов приводит к отказу от поиска. Во время бодрствования мотивационный конфликт представляется неразрешимым главным образом потому, что целостное поведение субъекта строится по принципу альтернатив: какое-либо действие или отношение автоматически исключает другое, противоположное ему. Бодрствующее сознание функционирует на основе установления однозначных связей между предметами и явлениями [5].

Благодаря такой формально-логической упорядоченности информации белое не может быть (одновременно) черным, привлекательное — отталкивающим. Если «А» и «В» порознь равны «С», то они обязательно равны друг другу.

В столь жестких рамках четко очерченных координат поиск выхода из сложной ситуации затруднен и легко заходит в тупик, очень ограничены возможности нахождения компромиссов и преодоления противоречий.

В сновидениях эти возможности расширяются. В силу особенностей мышления, о которых пойдет речь ниже, в сновидениях отсутствует альтернативность, делающая противоречия неразрешимыми. В результате могут обнаружиться неожиданные аспекты ситуации, она перестает восприниматься как безнадежная, и открываются новые перспективы поиска.

Действительно, в большинстве случаев решение реальных или «подставных» проблем в сновидениях происходит не с помощью рационального анализа. Оно приходит как бы само собой, возникая из взаимного сцепления событий и образов. Можно согласиться с утверждением [17], что логическая связь между ними, обеспечивающая стойкость и сюжетную последовательность пересказа сновидения, его манифестирующего содержания, создается благодаря вторичному мыш-

лению. Однако вызывает возражение гипотеза, что в этой вторичной доработке и состоит основной функциональный смысл сновидений.

Главным в сновидении, с нашей точки зрения, является первичная связь между образами, связь, не поддающаяся рациональному анализу и основанная на принципах организации многозначного образного контекста.

Внимательный анализ содержания сновидений показывает, что переход от пассивного переживания к активной позиции, как и решение проблем, как правило, логически не вытекает из сюжета сновидений, из непосредственно предшествующих событий и носит характер творческого озарения. Многие сны, и особенно те, которые приводят к восстановлению поисковой активности и психического гомеостаза, имеют остродетективный сюжет, благодаря полной невозможности прогнозирования дальнейших событий. Тем не менее, сновидения при пересказе нередко выглядят более или менее стройными и сюжетно последовательными. Но является ли такая последовательность имманентным свойством сновидений или это результат вторичной когнитивной «доработки» содержания за счет вторичного мышления? Существует точка зрения [17], что в образной структуре сновидений нет никакой упорядоченности, что она не связана с эмоциональными установками; только благодаря вторичной когнитивной интеграции, которая осуществляется после «вспышек» зрительных образов, устанавливается связь как между самими образами, так и между образами и эмоциональным настроем, формирующимся в период бодрствования. Более того, основная функция сновидений усматривается именно в этой вторичной когнитивной интеграции, которая придает сновидениям логическую оформленность. Такая упорядоченность действительно необходима для вербального отчета о сновидениях, но можно ли считать такие логические связи единственными, обеспечивающими целостность сновиденческого конструкта и его значимость для субъекта? С нашей точки зрения, субъективная целостность и субъективная значимость сновидения мало зависит от этой вторичной интеграции и основана преимущественно на возможностях образного контекста [5].

Образный контекст создается благодаря установлению многочисленных симультанных связей между различными свойствами и гранями образов, что придает этому сплетению образов многозначность и семантическую неисчерпаемость. Одно и то же формальное сочетание образов может отражать разное состояние EGO, ибо возможности взаимодействия образов в рамках образного контекста неистощимо богаты. С позиций формальной логики в сновидениях действительно нет когерентности актуальных переживаний и образов с теми, которые были минуту назад [17]. Но ведь в процессе переживания сновидений нас редко удивляет их непоследовательность и бессвязность. Следовательно, работают какие-то иные психологические механизмы, обеспечивающие субъективную целостность сновидений[1]. Образный контекст сновидений отражает интеграцию образов и эмоционального настроя. Благодаря многозначности и многогранности связей, образное мышление не сковано рамками альтернатив, приводящих к неразрешимым конфликтам, и открывает новые возможности для поиска и решения задач, отсутствие рефлексии и рацио-

---

[1] Конечно, в сновидениях встречаются эпизоды и целые сюжетные линии, развивающиеся по законам логической последовательности. Но, во-первых, они легко и безо всяких переходов могут сменяться логически совершенно с ними не связанными сюжетами, а субъект не воспринимает эту смену как нечто невозможное. Следовательно, субъективная смысловая связь при этом сохраняется. Во-вторых, логически связной и последовательной может быть лишь манифестирующее содержание сновидений, которое, как из-

нального контроля как раз и обеспечивают такую раскованность образного мышления и поиск в более свободном семантическом поле, в котором возможны одновременное принятие и отвержение, притяжение и отталкивание и «А» не обязательно равно «В», даже если они порознь равны «С». Чем богаче связи, характерные для образного контекста, тем легче запоминаются и лучше воспроизводятся сновидения при пробуждении. Экспериментально доказана [1] тесная связь между эффективностью запоминания и оригинальностью порождаемого продукта. Способ субъективного структурирования предъявленного материала является тем общим фактором, который определяет и процессы восприятия, и процессы запоминания.

Особенность сознания в сновидениях заключается в том, что, хотя образы сновидений осознаются и даже формируется вторичная когнитивная связь между ними, основная функция сновидений — манипулирование образным контекстом для расширения возможностей поисковой активности — остается вне сознания, как и процесс созревания любого творческого решения. О. И. Никифорова (1975) [1] подчеркивает, что и в бодрствовании при образном обобщении сложных и своеобразных предметов не все их элементы осознаются. Мы полагаем, что не осознаются не столько сами элементы, сколько связи между ними и их связи с элементами других, простых и сложных предметов. В сновидениях мы нередко сталкиваемся с ситуацией, когда только что доминировало чувство страха и вдруг оно сменяется бесшабашной смелостью или радостью, которая не вытекает непосредственно из самих событий сновидения. Первичный язык образного мышления и является, по-видимому, тем «языком другого», о котором пишет Лакан, — по отношению к языку бодрствующего сознания это действительно язык другого. Эти особенности сновидений, определяющиеся богатством образного контекста, и создают основные предпосылки к преодолению отказа от поиска. При этом не так важно, имеет ли сновидение дело с реальной или подставной проблемой. Чаще всего выход даже из такой «подмененной» проблемы отыскивается не путем однозначного логического анализа, а с использованием возможностей образного мышления. Уже сама возможность использовать прошлый опыт в необычном ключе отражает богатую комбинаторику образного мышления.

Поскольку решение проблемы в сновидениях адекватно только сновидно измененному, но не бодрствующему сознанию, сюжетная сторона сновидения не столь существенна. Важно лишь, осуществляется ли поиск.

IV. Правомочен вопрос: как относится предлагаемая концепция с экспериментально обоснованными представлениями о том, что сновидения компенсируют механизм вытеснения и устраняют необходимость в последнем [II, 99]? Вытеснение мы рассматриваем как свойственный только человеку вариант отказа от поиска способов решения мотивационного конфликта. При этом неприемлемый для сознания мотив не интегрируется с приемлемыми для сознания установками по-

вестно со времен Фрейда, не адекватно латентному, основному содержанию, требующему расшифровки. Именно для латентного содержания, вероятно, важны многозначные контекстуальные связи между образами. Соотношение между манифестирующим и латентным содержанием сновидений соответствует соотношению сюжета и глубинного содержания подлинно художественного фильма. К основным поступкам героев, определяющим смысл всего фильма, приводит не формальный сюжет, не цепь событий, а только накладывающаяся на эту канву динамика их характеров, внутреннее развитие. Оно же определяется особенностями многозначных связей между персонажами и в свою очередь влияет на развитие сюжета.

ведения, не реализуется в поведении и, сохраняясь в бессознательном, вызывает эмоциональное напряжение, проявляющееся в виде невротической тревоги. Понятно, что, когда во время сновидений происходит успешный поиск путей «примирения», интеграции конфликтующих мотивов, необходимость в вытеснении устраняется. В тех случаях, когда такой поиск недостаточно успешен, тревога после сна не уменьшается, а в сновидениях доминируют образы, в которых более или менее явно проявляются вытесненные мотивы, поэтому сны носят аффективно-негативный характер. Если образы отражают вытесненный мотив в слишком явной форме, они сами вытесняются и сновидения не осознаются. Но как затрагивается вытесненный мотив сновидениями, в которых осуществляется поиск выхода из других, «подставных» ситуаций, лишь отдаленно напоминающих актуальный мотивационный конфликт или вообще с ним не связанных?

Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, необходимо вновь обратиться к анализу варианта успешного «примирения» мотивов. Выше мы уже показали, что такое примирение не может считаться окончательным и носит по существу условный характер — оно полномочно и действительно только в условиях сновидения, в его пространстве и времени. Только во время самого сновидения сохраняется неальтернативный подход к проблеме. Наше бодрствующее сознание не в состоянии полностью воспользоваться плодами творчества образного мышления, и вытесненный мотив интегрируется с другими только до тех пор, пока длится сновидение. В любом другом случае, повторяем, нам было бы достаточно одной-двух ночей, чтобы на длительный период решить все наши проблемы. Поэтому вопрос о том, что происходит с вытесненным мотивом после пробуждения и почему сновидения могут на достаточно длительный период понижать уровень тревоги, остается актуальным и для тех случаев, когда сновидения манипулируют с истинным мотивационным конфликтом, с реальной нерешенной задачей.

Исходя из этих рассуждений, мы и полагаем, что основным «действующим началом» сновидений является интенсивный поиск, а конкретная направленность поиска менее существенна. По механизмам положительной обратной связи поисковая активность может поддерживать себя сама (биохимические аспекты этой проблемы мы совместно с В. В. Аршавским рассматриваем в книге «Поисковая активность и адаптация», М., Наука, 1984 г.). Поиск, независимо от его направленности, находится в реципрокных отношениях с отказом от поиска, и поэтому сновидения, восстанавливая психические резервы, могут способствовать возобновлению попыток решения мотивационного конфликта и в условиях бодрствования. Вот почему положительное влияние оказывают и сновидения, в которых происходит поиск решения совсем не той проблемы, которая находится в центре внимания субъекта. Вот почему сновидения так легко используют такой разнообразный материал из случайных впечатлений недавнего прошлого и из мало связанных с актуальными проблемами событий далекого прошлого. Таким образом, основная задача сновидений — изменение состояния человека, характера его реагирования, его позиции по отношению к любой проблеме.

Здесь допустима следующая аналогия. Известно, что, если больного неврозом, находящегося в ситуации неразрешимого мотивационного конфликта, удается «переключить» на решение творческих задач, его состояние улучшается. Целые направления в психотерапии ставят перед собой именно такие задачи по изменению поведенческих установок, и в процессе такой психотерапии субъект сам, на неосознаваемом уровне находит путь к разрешению своего конфликта. Полагаем,

что это происходит не только благодаря дезактуализации вытесненного мотива, но и в связи со стимуляцией психофизиологических механизмов поиска. В этой связи симптоматично, что манифестирующее содержание функционально полноценных сновидений здоровых людей гораздо в меньшей степени отражает их глубинные конфликты, чем сновидения больных неврозами и психосоматозами.

V. В настоящее время не вызывает сомнений, что субстратом образного мышления и организации образного контекста является правое полушарие мозга.

В целом ряде исследований установлено повышение активности правого полушария в быстром сне, особенно в двух первых циклах. Высказано предположение [9; 10], что это усиление активности носит компенсаторный характер и необходимо для восстановления баланса межполушарных отношений: поскольку в бодрствовании в условиях нашей цивилизации доминирует активность левого полушария, во время сна должна доминировать активность правого. Но такое объяснение является, по-видимому, слишком упрощенным. Во всяком случае, наши исследования совместно с В. В. Аршавским, Ф. Б. Березиным и А .И. Ланеевым показали, что у представителей некоторых восточных народностей, у которых в бодрствовании выявлено доминирование правого полушария, это доминирование сохраняется и в быстром сне. С другой стороны, у больных неврозами и психосоматозами дефицит правополушарного, образного мышления (проявляющийся алекситемией, нарушением эмоционально-чувственного контакта с миром) сопровождается выраженным обеднением сновидений [16]. Кроме того, любой анализ соотношений между активностью правой и левой гемисферы должен проводиться с учетом того, что функциональные системы правого полушария могут активироваться по нескольким совершенно различным причинам. Одна из них — это организация образов по законам образного контекста. Сюда относится и медитация, и гипнотические состояния, и разрешение интрапсихического конфликта в сновидениях. Но активация правого полушария может отражать и представленность в нем вытесненных из сознания образов, связанных с неприемлемыми для субъекта мотивами.

По существу, эта последняя причина противоположна предыдущей, и есть основания считать, что функциональная включенность мозговых систем правого полушария имеет различное электрофизиологическое выражение при двух этих причинах [15; 16]. Очевидно, что и структура сна должна при этом меняться не однонаправленно: при вытеснении, представляющем собой вариант отказа от поиска, потребность в быстром сне и сновидениях растет, а при решении проблем в бодрствовании средствами образного мышления — снижается. Таким образом, мы вновь возвращаемся к выводу, что сдвиг межполушарной асимметрии в быстром сне определяется основной задачей сновидений — расширением возможностей поисковой активности за счет специфики образного контекста.

В согласии с представлениями школы Г. Аммона, мы полагаем, что сам факт осознаваемости сновидений отражает интеграцию сознания и бессознательного психического в этом состоянии. Если бы поисковая активность, осуществляющаяся в сновидениях, не соответствовала осознаваемым установкам личности, против ее проявления на уровне сознания был бы использован тот же механизм вытеснения, который и в бодрствовании препятствует осознанию неприемлемых мотивов и установок. Поскольку и сознание, и поисковая активность человека во многом детерминированы социальными отношениями, можно принять идею Г. Аммона [6], что сновидения представляют собой функцию развития не только отдельной личности, но и социальной группы, в которой эта личность формируется.

DREAM: A SPECIAL STATE OF CONSCIOUSNESS

V. S. ROTENBERG

Ist Moscow Medical Institute, Moscow

SUMMARY

The function of dreams in most cases is not finding an actual solution of tasks and emotional problems facing us in real life, but overcoming the state of giving up the very search for a solution, restoring the ability for active search and one's sense of competence. The realization of this function is made possible by a specific change of consciousness, which loses its reflective character and capacity for forming notions, while retaining its ability for forming personal meanings. This change correlates with the predominance in dreaming of non-verbal thinking, the chief characteristic of which is the organization of a polysemantic context. It is due to this fact that non-verbal thinking is non-alternative in principle and affords great possibilities for search in a freer semantic field.

ЛИТЕРАТУРА

1. АРТЕМЬЕВА Е. Ю., Психология субъективной семантики, М., Из-во Университета, 1980.
2. ВЕЙН А. М., ЯХНО Н. Н., ГОЛУБЕВ В. Л., Психофизиологические корреляты бессознательных процессов во время сна. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, II том, Тб., Мецниереба, 1978, 112—120.
3. РОТЕНБЕРГ В. С., Активность сновидений и проблема бессознательного. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования. II. том., Тб., Мецниереба, 1978, 99—111.
4. РОТЕНБЕРГ В. С., Разные формы отношений между сознанием и бессознательным. Вопросы философии, 1978, 2, 70—79.
5. РОТЕНБЕРГ В. С., Слово и образ: проблемы контекста. Вопросы философии, 1980, 4, 152—155.
6. AMMON G., Der Traum als ich—und Gruppenfunktion. Dynamische Psychiatrie, 1973, Heft, 3, N 20.
7. CARTWRIGHT R. D., Happy Endings for our Dreams. Psychology Today, December, 1978, 66 — 76.
8. CARTWRIGHT R. D., The Nature and Function of Repetitive Dreams: A Survey and Speculation Psychiatry, 1979, 42, 2, 131—137.
9. COHEN D. B., Sleep and Dreaming: Origin, Nature and Functions, Oxford, Pergamon Press, 1979.
10. COHEN D. B., The Cognitive Activity of Sleep. In: (Corner M. A. et al. Eds.) Adaptive Capabilities of the Nervous System: Progress in Brain Research, Amsterdam, Elsevier, 1980, 53.
11. GREENBERG R., PEARLAM Ch., The Private Language of the Dream. in: Natterson J., Aonaon J. (Eds.) The Dream in Clinical Practices, 1979, 85—96.
12. RECHTSCHAFFEN A., The Single-mindedness and Isolation of Dreams. Sleep, 1978, 1, 97—109.
13. ROTENBERG V. S., ARSCHAVSKY V. V. Search Activity and its Impact on Experimental and Clinical Pathology. In: Activitas Nervosa Superior, 1979, 21, 2, 105—115.

14. ROTENBERG V. S., ARSCHAVSKY V. V., REM Sleep, Stress and Search Activity. Waking and Sleeping, 1979, 3, 235—244.
15. ROTENBERG V. S., Sleep, Dreams, Cerebral Dichotomy and Creation. A New Approach to the Problem. Vortrag gehalten auf dem XIII International Symposium der DAP, Dezember 1981, München.
16. ROTENBERG V. S. Funktionale Dichotomie der Gehirnhemisphären und die Bedeutung der Suchaktivität für psychologische und psychopathologische Processe. In: G. Ammon (Ed.) Handbuch der Dynamischen Psychiatrie, B. II, Ernst Reinhardt Verlag, 1982, 276—336.
17. SELIGMAN M. E. P., The Structure of Dreaming: Cognitive Integration of Visual Episodes and Emotional Setting. Paper presented to International Conference on Life-Course Research on Human Development, West-Berlin, September, 16—2, 1982.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И СОЗНАНИЕ В АСПЕКТЕ МЕЖПОЛУШАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Л. Р. ЗЕНКОВ

Клиника нервных болезней I Московского медицинского института им. И. М. Сеченова, Москва.

1.1.0. Обнаружение у лиц с хирургически изолированными друг от друга полушариями мозга сложной гностической, эмоциональной и мнестической активности, происходящей в правом полушарии и, судя по словесным отчетам, не осознаваемой больным, стимулировало поиск решения проблемы мозгового субстрата бессознательного в рамках функциональной асимметрии мозга. При таком подходе необходимо рассматривать бессознательное не как изолированную психическую сферу, а как часть операционального единства «бессознательное—сознание» [I, 2] с системой активного взаимодействия и обмена информацией внутри него.

Имея в виду это исходное положение, попытаемся свести в систему парных оппозиций основные характеристики и типы поведения и психики, которые приписываются сознательному и бессознательному, а затем попробуем выяснить, к какому типу нейропсихологических и нейрофизиологических систем их можно по преимуществу отнести.

Сознательное	Бессознательное
Вербальное	Невербальное [I, 2]; [11]*.
Формально-логическое	«Нелогичное», неформальная логика [III, 168], [11].
Концептуальное, абстрактное	Образно-визуальное, конкретное [I, 52]; [I, 64].
Символическое	Иконическое [14], [I, 64].
Синтаксическая связанность знаков	Свобода комбинации знаков [I, 38]; [5].
Вторичные мыслительные процессы	Первичные мыслительные процессы [I, 21]; [II, 97].
Рациональное	Иррациональное [2,]; [11].
Интенциональное мышление	Сновидения, обман чувств, дневные фантазии, сновидное состояние, галлюцинации [I, 42]; [1].
Формализация	Творческие научные и эстетические процессы, инсайт, интуиция [17]; [22].
Научная систематизация	Мифологическая систематизация [18]; [22].
Сукцессивность	Симультанность [III, 170]; [12].
Ограниченность в пространстве и во времени	Несвязанность с пространством и временем [I, 38]; [11].
Стабильность отношений с окружающим	Динамичность, лабильность [I, 38]; [I, 64].
Дискретноть	Континуальность [III, 170]; [I, 64].
Цифровая операциональная система	Аналоговая операциональная система [14,]; [I, 64].

* Первая литературная ссылка относится к дихотомии «бессознательное—сознание», вторая — к вопросу межполушарной асимметрии.

Не требуется обширной аргументации и подробных сопоставлений, чтобы показать, что левая колонка (т. е. все, относящееся к сознательному) совпадает с характеристиками нейропсихологических систем и механизмов левого полушария. Правая же колонка в общем совпадает с характеристиками правополушарного мышления и психической и поведенческой активности.

1.2.0. Видимая простота решения проблемы становится еще более осязаемой, если, как это принимается довольно часто, тип мышления левого полушария обобщенно обозначить как вербальный, а правого — как невербальный. Тогда вся проблема решается по следующей схеме: правое полушарие — невербальная психика — бессознательное, и соответственно левое полушарие — вербальная психика — сознание. Однако, как показывает более внимательный анализ, такое упрощение не вполне соответствует реальным фактам, а в ряде случаев прямо противоречит им.

1. 2. 1. Одним из самых веских и, главное, впечатляющих аргументов в пользу представлений о необходимой связи сознания с вербализацией являются данные исследований больных с расщепленным мозгом. Драматичность феномена отказа с л о в е с н о признать собственную сенсорную, перцептивную поведенческую активность, связанную с левым полупространством и левой половиной тела демонстрирует, во-первых, по-видимому, неосознаваемый характер этой активности, а во-вторых, тот факт, что эта неосознаваемая активность связана с правым полушарием. Характерно, что такого рода выводы из публикаций этих исследований обычно делаются авторами, не имевшими собственных наблюдений над подобными пациентами. Sperry, Gazzaniga, Bogen и др., имеющие наиболее обширный, длительный и детально обработанный опыт изучения больных с расщепленным мозгом, настаивают на осознаваемом характере активности как левого, так и правого полушарий. Неосознаваемой активность данного полушария является не для самого полушария, а для его партнера, от которого оно отделено вследствие операции.

С методологической точки зрения отказывать в осознаваемой психической деятельности правому полушарию только на основании того, что оно не коммуницирует в явной вербальной форме этого осознания, равносильно отказу в осознаваемой психической деятельности человеку, говорящему на непонятном для нас языке. Очевидно, методологически можно принять тезис, по которому признаками наличия сознания для наблюдателя являются такие аспекты поведения, которые наблюдатель, руководствуясь интроспективным опытом, считает необходимо связанными с осознанием [III, 144]. В этом плане целенаправленная интерперсональная коммуникативная активность должна быть принята за один из видов наиболее высокоосознаваемой психической деятельности, независимо от того, какого рода коммуникативная система при этом используется. В качестве примера можно привести такие виды осознаваемой человеческой коммуникативной активности, как язык знаков, живопись, музыка, в осуществлении которых главная роль принадлежит правому полушарию [11]; [22]. Ряд данных показывает, что деятельность правого полушария, очевидно, является осознаваемой и у лиц с разделенными полушариями мозга. Прежде всего, при использовании невербальных знаков, а в определенных контекстах и вербальных, возможна целенаправленная непротиворечивая коммуникация с правым полушарием у таких больных. Кроме того, целенаправленная коммуникация левого полушария с правым выявляется очевидным образом в экспериментах, когда левому полу-

шарию предлагают ответить на вопрос о цвете, предъявленном в правое полушарие [15]. Эти эксперименты показывают, что: (1) правое полушарие (а) правильно понимает предъявленную вербальную задачу и (б) безукоризненно обнаруживает ошибки называния, совершаемые левым полушарием; (2) левое полушарие: (а) осознает свою неинформированность, (б) безусловно доверяет невербальным сигналам о результатах пробы, подаваемым правым полушарием в виде жестов и эмоциональных звуков. Надежность этой внемозговой межполушарной коммуникации такова, что при условии права на исправление ошибочного названия испытуемый дает стопроцентно правильные ответы, причем, ошибки называния, допускаемые левым полушарием, расцениваются больным не как таковые, а как оговорки: «Красный, простите, я имел в виду зеленый!». Очевидно, что левое полушарие признает осознаваемый характер активности правого, несмотря на то, что правое полушарие не пользуется моторной речью. Это, однако, не следует понимать в том смысле, что процесс решения задачи осознается испытуемым в форме диалога. На самом деле переживания какой-либо странности ситуации или расщепленности сознания субъективно нет, и больной воспринимает всю ситуацию эксперимента как нормальную. Очевидно, что процессы, происходящие как в левом, так и в правом полушариях, переживаются больным в этой ситуации как относящиеся к его личному опыту.

Многочисленные клинические наблюдения показывают, что правое полушарие является доминантным по ряду важнейших функций, связанных с личностным самосознанием. Известно, что психические расстройства типа делирия, онейроида, онеризма, синдромы деперсонализации, анозогнозии, дизморфопсии, неузнавания собственного лица в зеркале, аутотопагнозии, т. е. психические и неврологические расстройства, связанные с сознанием собственного состояния, целостности своего тела, его схемы, идентификации себя с собственным соматическим и окружающим пространством и временем развиваются преимущественно при поражении правого полушария мозга [1].

Обратим внимание также на тот факт, что не только правополушарные психические процессы в существенной части оказываются осознаваемыми, но достаточно общеизвестно, что левополушарные процессы могут протекать и на бессознательном уровне. В этом плане представляют интерес выявленные с помощью метода вызванных потенциалов сложные операции с вербальными стимулами, осуществляемые мозгом на неосознаваемом уровне [I, 54]. Тривиальным является известный каждому по собственному опыту факт чтения (про себя или вслух) без осознавания содержания прочитываемого [16]. Наиболее парадоксальной с этой точки зрения представляется психическая активность во сне: как известно, психическая активность в быстром сне в виде сновидений, связываемая с правым полушарием мозга, достаточно хорошо осознается, в то время как преимущественно концептуальная, абстрактная, дискурсивная, т. е. по современным представлениям относящаяся к левополушарному типу психическая активность, в медленном сне по большей части является неосознаваемой [II, 74—75].

1.2.2. Таким образом, попытка упрощенно подразделить нейрофизиологические механизмы осознаваемой и неосознаваемой психической активности с помощью простых опорных пунктов вербализации или межполушарной функциональной асимметрии без дальнейших уточнений оказывается недостаточно обоснованной.

Очевидно, что в большей части психической жизни неосознаваемой оказывается та активность, на которую не направлено в настоящий момент внимание или внимание это недостаточно. Обусловленное этой при-

чиной неосознание может касаться как вербальных, так и невербальных процессов. Клинические и нейрофизиологические данные позволяют считать, что такого рода механизм лежит не только в основе нормального исключения из поля сознания определенных аспектов психической деятельности, но и в генезе ряда неврологических синдромов диссоциации (синдромы одностороннего пространственного игнорирования, психическая слепота, конверсионные истерические синдромы, акинетический мутизм и др.) Hernandez-Péon выделяет специфическую «систему осознания», локализующуюся в мезо-диэнцефальной неспецифической области мозга. Эта система независима от системы общей активации и систем поддержания бодрствования, поскольку может функционировать в условиях, когда две последние функции находятся в состоянии подавления (в частности, в моменты сновидений в быстром сне, в акинетическом мутизме или coma vigile) или же быть инактивированной в условиях, когда система бодрствования, по-видимому, функционирует (психические нарушения, связанные со сложными формами поведения, осуществляемыми при отсутствии сознания). К аналогичным выводам на основе большого нейрохирургического опыта приходит Э. И. Кандель [II, 101]. Законы активации этой мезо-диэнцефальной системы сознания в настоящее время остаются в существенной мере неисследованными. В качестве предварительных наметок можно только выделить некоторые аспекты работы этой системы. В бодрствовании система осознания работает в связи с интенциональностью, активность ее носит по большей части целенаправленный характер.

Можно констатировать также важное отличие ее работы во сне — неинтенциональность, непроизвольность и явную связь с работой системы, определяющей циклические смены стадий сна. Неинтенциональный характер активности системы осознания во сне позволяет объяснить кажущуюся парадоксальность соотношения осознаваемости процессов правополушарного и левополушарного типа в этом состоянии. Рассмотрим сначала условия осознаваемости психической активности в бодрствовании. Очевидно, что осознаваемость вербальных процессов бывает в норме тогда, когда они наполнены конкретным невербальным содержанием [24]. У здорового человека это имеет место в том случае, когда производится непрерывный сознательный интенциональный отбор образов, иконических знаков из репертуара правого полушария в соответствии со значением вербальных символов левого. Если же элемент интенциональности отсутствует, осознания вербального текста не происходит. Таким образом, при осуществлении сознательной вербальной активности интенциональность, очевидно, в большей мере присуща правополушарным процессам, поскольку развитие осознаваемой вербальной деятельности требует прогнозирующей, соответствующей ей, образной динамической системы. Это положение получило в недавнее время прямые нейрофизиологические подтверждения [19]; [23]. Таким образом, условием осознаваемости процессов левого полушария является интенциональность процессов в правом [20].

Обратные соотношения имеют место при осознании в бодрствовании невербальной активности правого полушария. Как при создании иконического знака образа, так и при его восприятии необходимым условием его осознания является наличие определенной его логической, концептуальной структуры, сколь бы ограниченное значение

для всего образа она не имела. Очевидно, что необходимым условием восприятия образа является его понимание, т. е. преломление через понятие и, следовательно, через коммуникативную систему левого полушария [II, 97]; [20]. Очевидно, можно принять, что для осознания активности правого полушария в бодрствовании необходима интенциональная активность левого полушария [II, 97].

Интенциональный характер сознания в бодрствовании обусловливает, таким образом, функцию управления процессами, происходящими в одном полушарии, из другого полушария.

Отметим, однако, существенную асимметричность двух рассмотренных ситуаций. В случае осознания левополушарной активности набор образов и иконических знаков жестко регламентирован вербально-логической структурой левополушарного процесса, жесткой арбитрарной кодификацией знаков-символов и их связей с соответствующими им знаками-образами и объективными денотатами. Таким образом, весь вербальный процесс оказывается строго ограниченным в пространстве и во времени и оказывается в поле сознания. Отсюда — высокая и полная осознаваемость левополушарных процессов, если только осознание вообще имеет место. Осознание здесь работает по принципу, близкому к «все или ничего».

В случае осознания правополушарной активности набор иконических образов и возможных их свободных ассоциаций в силу специфических особенностей иконической системы коммуникации, присущей правому полушарию, практически безграничен [14]; [III, 170]. В связи с этим всякая концептуальная модель, полагаемая в основу правополушарной активности, оказывается только одним из возможных способов передачи и интерпретации развивающихся психических процессов, что и определяет весьма ограниченную, но зато подвижную и континуальную сферу осознания правополушарных процессов психики в бодрствовании.

Если исходить из некоторых нейрофизиологических данных, а также данных нейропсихологических исследований, то можно приписать процессам психической активности в быстром сне преимущественно правополушарный, а процессам, происходящим в медленном сне, левополушарный характер [III, 157]; [I, 52]. Отсутствие интенциональности сознания во сне, отмечаемое большинством исследователей, может означать то, что менее активное полушарие в определенной стадии сна играет роль пассивного «наблюдателя» тех психических процессов, которые протекают в более активном полушарии. Для быстрого сна это достаточно явно вытекает из характера отчетов при пробуждении. Возможность пересказать содержание сновидения свидетельствует о том, что левое полушарие было достаточно «сознательным», чтобы наблюдать и запоминать сновидение, происходившее в правом. С другой стороны, субъективные трудности, испытываемые при пересказе сновидения и обусловленные, главным образом, невозможностью передать своими словами абсурдность содержания сновидения, иррациональность развития событий, противоречие их логическому и лингвистическому синтаксису, свидетельствуют о том, что левое полушарие не принимало сколько-нибудь активной роли в организации самого сновидения.

Если принять, что в медленном сне правое полушарие не участвует активно в формировании психических процессов левого, то следует признать, что психические процессы, происходящие в левом полушарии, будут при этом носить характер абстрактного оперирования знаками-символами в соответствии с фиксированным набором логических синтаксических правил. Основной характеристикой знаков-символов

является отсутствие естественной связи знака с обозначаемым. В отсутствие активного взаимодействия содержательных процессов левого полушария с иконическими системами правого эти процессы оказываются полностью лишенными какого-либо конкретного содержания. Таким образом, в медленной фазе сна практически нечего осознавать, кроме наличия самого факта абстрактных мыслительных операций над отвлеченными символами, что и характерно для отчетов в пробуждениях из этих стадий сна.

Специфика психических процессов в медленном и быстром сне может объяснять количественные соотношения этих стадий. Иконические мыслительные процессы правого полушария обладают свойством симультанности и практически не связаны с временными параметрами. Объем информации, обрабатываемой в этой системе в единицу времени, по некоторым данным, оказывается в 10^6 большим, чем при вербальном оперировании [III, 144]. Левополушарные психические процессы абстрактного формально-логического мышления связаны с линейным последовательным типом синтеза и находятся в жесткой связи с пространственными и временными координатами. Объем информации, перерабатываемой в такой системе, пропорционален времени процесса. Очевидно, что для обработки одного и того же количества информации в быстром сне требуется намного меньше времени, чем в медленном, что соответствует временным соотношениям этих стадий.

1.3.1. Выше говорилось о таких психических явлениях, которые могут в зависимости от обстоятельств быть осознаваемыми или неосознаваемыми. Их включение в поле сознания определяется не столько их природой, сколько направлением активности мезо-диенцефальной системы сознания. Такого рода психические и мыслительные процессы соответствуют тому, что З. Фрейд определял как «предсознательное». Следует, однако, напомнить, что все школы, исследующие бессознательное, постулируют существование неосознаваемых сфер, которые принципиально не могут быть переведены в сознание и детектируются только по внешней феноменологии и тем проявлениям в сознании, которые они вызывают. Таким образом, неосознаваемость этого рода должна лежать в самой структуре психических процессов. Очевидно, что для вычленения ее характеристик наиболее целесообразно вернуться вновь к вопросу об особенностях психических процессов, присущих правому и левому полушариям мозга.

Как следует из изложенного выше, сама номинальная и феноменальная часть психического содержания правополушарного и левополушарного мышления не могут быть здесь разделительными признаками. При более пристальном рассмотрении функциональных особенностей полушарий мозга выясняется, что они различаются не классами объектов, которыми они оперируют. Правое полушарие, как это показывают многочисленные исследования, достаточно хорошо знает словесный язык, по крайней мере в его перцептивной части. Более того, по некоторым данным, высшие семантические операции в вербальной сфере являются функцией по преимуществу правого полушария [19]. С другой стороны, левое полушарие может опознавать образы и невербальную информацию. Следовательно, основное отличие заключается в способе обработки, кодирования и считывания информации. Упоминавшееся выше членение коммуникационных знаков на знаки-символы и иконические знаки-образы коренится не столько в их собственной физической природе, сколько в том, какого рода значение им придается и в какого рода коммуникативную структуру они включены. Изображение конкретного объекта в зависимости от контекста коммуникации и введения предварительных условий может

служить знаком-образом, означая то, что оно изображает, или же знаком-символом, означая то, что ему приписано в силу концепции [14]; [21]. Сильным подтверждающим аргументом в этом отношении являются данные исследования алексии у японцев. В японском языке существует два способа письма: алфавитное и иероглифическое, причем, в обоих используются одни и те же графические знаки. Оказывается, что при поражении правого полушария больной теряет способность иероглифического прочтения текста, знак не воспринимается как пиктограмма, однако сохраняется способность чтения тех же знаков в алфавитной системе. При поражении левого полушария возникают обратные расстройства чтения. В наших собственных наблюдениях мы обнаружили близкие по смыслу нарушения у больных с полушарными поражениями в шахматной игре. При поражении правого полушария наблюдается нарушение способности к творческой, комбинаторной игре, падает класс шахматиста, в то время как полностью сохраняется знание значения фигур, правил, ходов. При поражении левого полушария возникающие расстройства связаны с утратой значения фигур, непониманием правил игры и ходов [8].

Таким образом, правополушарное мышление отличается от левополушарного не исходным материалом психических процессов и их результатами, а самим способом обработки материала, процессом формирования образа. Очевидно, что именно эта часть психической активности правого полушария оказывается принципиально неосознаваемой. Причину неосознаваемости правополушарных механизмов обработки информации можно усматривать в том, что для осознания необходима фиксация осознаваемого факта в пространственных и временных координатах. А именно эта характеристика отсутствует в процессах правополушарной психики, поскольку важнейшими принципиальными особенностями ее являются нелокализованность информации и симультанный способ ее переработки (голографический принцип) [5]; [I, 48]. Таким образом, осознаваемость или неосознаваемость психического процесса определяется не мерой его вербализуемости, а особенностями его структурной организации, которая, очевидно, в существенной мере определяется функциональной организацией полушарий мозга.

2.0. Изложенные соображения открывают широкий диапазон проблем в этой области. Попытаемся выделить некоторые из них.

2.1. Очевидно, одной из актуальных задач является прямое обнаружение тех нейрофизиологических характеристик каждого из полушарий, которые могли бы быть связаны с особенностями их нейропсихологических механизмов. До настоящего времени представления о голографическом характере работы правого полушария зиждятся не на прямом обнаружении этого типа процессов в нейрофизиологических исследованиях, а на относительно косвенных данных логического анализа его высших функций и синдромов, возникающих при локальных поражениях правого полушария [I, 64]; [I, 48]. Вероятно, наиболее перспективными здесь были бы исследования процессов запечатления и воспроизведения информации в сочетании с методами вызванных потенциалов, корреляционного и спектрального анализа ЭЭГ.

2.2. Второй проблемой является выяснение нейрофизиологических механизмов взаимодействия полушарий мозга. Отмеченная реципрокность, а в ряде аспектов и антагонистичность функций правого и левого полушарий должна определенным образом проявляться в нейрофизиологической организации межполушарных связей. Косвенные данные о том, что эти взаимоотношения могут основываться на поперечном торможении, получены в исследованиях больных, которым по медицинским показаниям производились однополушарные электросудо-

рожные шоки. Инактивация одного из полушарий приводит как бы к растормаживанию функциональной активности его партнера [I, 61]. Нами получены достаточно прямые данные о наличии межполушарного поперечного торможения у человека с использованием метода усредненных вызванных потенциалов (6). Следует полагать, что поперечное торможение играет роль не только регулятора взаимного уровня активности двух полушарий, но и осуществляет кодирование и перенос содержательной информации между полушариями.

2.3. Учитывая ограниченность возможностей прямого психологического исследования «бессознательного», следует полагать, что в его изучении все большую роль будут играть методы нейрофизиологического тестирования, в частности, метод регистрации вызванных потенциалов головного мозга. Эти исследования уже позволили получить непосредственные данные о наличии нейропсихических процессов, связанных с обработкой неосознаваемой информации [7]; [I, 54]; [I, 52], а также о связи неосознаваемой психической активности с правым полушарием мозга [7]; [I, 54]. В ряде экспериментальных исследований получены также данные, говорящие о возможности предсказать на основании вызванных потенциалов, в каком плане интерпретируется предъявляемый визуально стимул — в символическом или иконическом, что близко к направлению исследований, связанных с проблемой межполушарной асимметрии в приложении к вопросу соотношения сознательных и бессознательных психических процессов [I, 52].

2. 4. 1. Включение проблемы бессознательного-сознания в общебиологическую проблематику ставит вопрос о приспособительной роли этой дуальности и неизбежно включает аспект изучения фило-и онтогенетической эволюции этого феномена с использованием данных и методов этносемиотики, этнопсихологии и археопсихологии. Исследования в этой области выявили наличие сферы подсознательной активности в психической жизни так называемых примитивных обществ и этнических изолятов, реализующейся в общественном бытии в форме мифа [18]; [20]; [1, 42]. Анализ значения мифов обнаруживает наличие семиотической неоднородности пространства в представлениях самых разных древних и современных культур. При этом семиотическое значение, приписываемое правой и левой сторонам, оказывается в основном совпадающим с семиотическими аспектами правого и левого перцептуальных полупространств и соответственно левого и правого полушарий мозга, выявляемых в нейропсихологических и нейрофизиологических исследованиях. Так, правое полупространство ассоциируется с правильностью, истиной, логичностью, ясностью, посюсторонним светлым миром, добром, рациональным началом. Левое полупространство наделяется противоположными свойствами, являясь областью неправильности, ложности, местом нахождения потустороннего темного мира, иррациональных сил, местом пребывания демонов и стихий, не поддающихся обычному рациональному управлению и требующих для овладения и контакта с ними специальных ритуализированных психических и поведенческих приемов [III, 157]; [11]; [22]. Соответствующие знаковые ассоциации зафиксированы в языковых формах многих народов мира (сравни: «правое дело», но «левые доходы»; sinister (англ.)—дурной, зловещий; но right—правый, справедливый, и т. д.) Учитывая особую чуткость первобытного человека к движениям собственного психического мира, а также тенденцию приписывать

своим внут ‹ нним состояниям свойства объективности, можно с определенным основанием связать эту семиотическую пространственную асимметрию с асимметрией мозга.

2.4.2. Такие соотношения у человека исторических эпох, отражающиеся в его визуопраксической деятельности (живописи), были показаны ранее [I, 64]. В дополнительной неопубликованной части того же исследования мы обнаружили определенные композиционные особенности, заключающиеся в том, что в подавляющем большинстве рассмотренных нами памятников средневековой живописи статистически достоверно преобладает лево-правое направление основного движения событий. Связь такой динамики с асимметрией перцептуального пространства и в конечном итоге с асимметрией мозга нам представляется вполне вероятной. Дело в том, что акт художественного творчества представляет собой процесс перевода многозначного и в существенной степени подсознательного содержания творческого процесса в однозначное выражение, представляющее собой с определенной точки зрения упорядоченный логический, хотя и невербальный, текст, чему способствует последовательный способ построения художественного образа из отдельных элементов первого семантического уровня, в определенной мере моделирующий процесс последовательного построения, свойственного системам символической коммуникации [20]. Учитывая дополнительно ведущую роль правой руки в изобразительном процессе, создание живописного произведения в определенном аспекте можно рассматривать как процесс перевода информации, первично содержащейся и обрабатываемой в правом полушарии, в левополушарную систему выражения. Поскольку полушария перекрестно связаны с полями перцептуального пространства, можно полагать, что перевод информации из правого полушария в левое семиотизируется в движении изображаемого из левого полупространства в правое. То, что в основе выбора право-левой композиции лежат неконвенциональные и, по-видимому, неосознаваемые пласты, проявляется, например, в том, что фотослайды, данные в обращенной право-левой проекции, воспринимаются как странные и раздражающие, даже если на них представлены чисто пейзажные сюжеты. Это же касается обращения изображения в произведениях живописи.

2. 4. 3. Признание того, что в организации пространства живописи отражается семиотическая асимметрия полушарий мозга человека, послужило бы основанием для весьма перспективных археопсихологических исследований генеза сознательного и бессознательного в эволюции человека. Важнейшим механизмом и одновременно процессом превращения неандертальца в homo sapiens было развитие у первобытного человека символической системы коммуникации, являющейся основным его отличительным признаком по отношению к животным. Основной знаковой системой животных является иконическая: о б р а з действия и поведения у животного в большинстве случаев полностью совпадают с самим действием и поведением.

Социальная трудовая практика человека необходимо потребовала создания символической системы коммуникации, обеспечивающей высокую стабильность значений, однозначность сообщения, простоту построения моделей реальности. Очевидно, все большее нарастание роли символической системы коммуникации и мышления представляет непрерывный и все более расширяющийся процесс в развитии человека: человек все меньше делает (в смысле непосредственного рукодельного творчества) и все больше символизирует. По существу, промыш-

ленная, а в особенности научно-техническая революция явилась переносом символической системы коммуникации из мира мышления и интерперсонального общения на общение уже с объектами живой и неживой внечеловеческой природы. Работая на станке с программным управлением, человек осуществляет символические операции, которые уже в самом техническом устройстве перекодируются в реальное непосредственные действия, приводящие к получению полезного результата в виде конкретных предметов.

Если принципиальная неосознаваемость связана, как гипостазировано выше, с иконической системой коммуникации, то логично считать, что сознание есть феномен, возникший непосредственно в связи с развитием символической коммуникации. Было бы, однако, ошибкой полагать, что психика человека есть продукт простой суммы иконической системы коммуникации (подсознание), присущей животным, и символической системы коммуникации (сознание), присущей дополнительно человеку. По-видимому, животные не обладают ни сознанием, ни подсознанием в том смысле и объеме, которые мы вкладываем в эти понятия при анализе человеческой психики. Бытие животного есть синтетическое общение с окружающим миром в смысле пластического, биологического приспособления к окружающей среде. В отличие от этого, бытие человека есть абстрагирование, отчуждение от окружающего мира и не столько приспособление к природной среде, сколько приспособление среды к потребностям своего бытия. И в этом смысле развитие человеческого сознания и подсознания есть качественное преобразование психики, обеспечивающее в зависимости от экологических и этологических обстоятельств оптимальное отражение реальности с целью построения моделей ее последующего целесообразного преобразования при сохранении неизменной собственной биологической природы.

Археологические исследования подтверждают эту концепцию эволюции человеческой психики. Показано, что в изобразительном творчестве первобытного человека, начиная с раннего неолита до мезолита, идет эволюция знака от наиболее его иконической формы: обозначение животного его натуральным макетом, смонтированным из наиболее характерных частей его же собственной туши, через скульптурное изображение к настенному изображению, в финале переводимому в наиболее абстрагированную форму, уже приближающуюся к знакам-символам [9].

Если полагать, что развитие дуальной системы подсознание-сознание у человека связано с развитием иконической и символической систем коммуникации и соответственно с асимметризацией мозга и перцептуального пространства, то следует ожидать, что в первобытном изобразительном искусстве этот процесс найдет свое отражение в появлении на определенном этапе эволюции семиотизации пространственной композиции.

В ряде исследований убедительно показано, что в восприятии и отражении пространства произошел существенный перелом при переходе от палеолита к неолиту. Палеолитическое искусство отличается отсутствием какого-либо значимого отношения к пространству собственно изображения. При переходе к неолиту исследователи отмечают коренное изменение в пространственной композиции изображения. Пространство не только становится важнейшим средством организации сюжета, но и приобретает знаковые свойства. В живописи выделяют верх, низ, правое и левое, причем, судя по этнографическим фольклорным реликтам той эпохи, эти членения принимают и определенные символические значения [10].

2.4.4. Для выявления особенностей право-левого построения ком-

позиции в неолитическом искусстве мы провели собственное полевое исследование петроглифического материала, относящегося к эпохе неолита и бронзы, в верховьях Енисея [3]; [4]. Петроглифы представляют в большей своей части (93—99%) изображения реальных животных, в существенно меньшем количестве — людей, фантастических зооморфных и антропоморфных существ, а также так называемые личины (изображения масок, использовавшихся шаманами в ритуальных действиях). Во всех обследованных группах наскальных изображений (Могур-Саргол, Терезенник-Бююк, Ортаа-Саргол, правый берег реки Чинге, Бежиктык-Хая) выявилась общая закономерность: подавляющее большинство композиций изображает животных, движущихся в направлении слева направо и представленных, таким образом, на изображении своим правым профилем. Для большей убедительности мы подвергли статистическому анализу материал изображений урочища Могур-Саргол, являющегося репрезентативным для данной группы петроглифических местонахождений. Выбор именно этой группы определялся отчасти наличием полной публикации всех петроглифов этого урочища, что обеспечивает введение его в общий научный обиход [4]. Нами получены следующие данные: из общего числа животных или зооморфных существ (556) правопрофильные изображения составили 393, левопрофильные — 163 (различие статистически в высокой степени достоверно: $X^2=82{,}4$; $p<0{,}001$). Таким образом, наши данные подтверждают наличие семиотической асимметрии право-левой ориентации у человека эпохи неолита. Эта асимметрия носит тот же знак, который наблюдается в более поздних памятниках изобразительного искусства и соответствует этнографической семиотике правого и левого перцептуального пространства. Не имея возможности давать здесь развернутую аргументацию, которая будет приведена в отдельной публикации, наметим только основные линии рассуждения. По данным большинства исследователей, акт творчества в неолитическую эпоху представлял собой ритуальное действие, прагматическое содержание которого включало в себя воздействие на окружающий мир с целью стимулировать плодородие. Изображая животных, художник тем самым вызывал их из небытия, потустороннего мира; акт творчества являл собой одновременный акт творения. Психологически это совпадало с процессом превращения в реальный знак потока образов в подсознательном правополушарном процессе. Согласно уже описанному выше механизму проекции полушарных гностических особенностей в перцептуальное пространство, этот перевод подсознательных процессов в осознаваемый знак изображения должен совпадать с движением изображаемого животного из левого перцептуального поля в правое. Этим можно объяснить закономерность воспроизведения именно этой динамики в изображении. Сравнение с петроглифическими публикациями из других географических ареалов, начиная от Монголии и кончая Европой и Африкой, доказывает наличие той же пространственной закономерности в искусстве неолита и поздней бронзы. Разумеется, настоящее сообщение, являющееся, по-видимому, одним из первых по данному вопросу, не может претендовать на полноту и завершенность, однако нам представляется, что приведенные данные позволяют нам предположить, что четкое выделение сферы подсознания и осознаваемого возникало в эпоху перехода от палеолита к неолиту и обусловлено развитием коллективного производства и применением достаточно совершенных орудий труда, формированием сложной социальной структуры, развитием символической коммуникации и, прежде всего, развитого звукового и появлением начатков письменного языка.

В заключение следует отметить, что приведенный обзор базирует-

ся в основном на данных исследований, не относящихся непосредственно к проблематике связи бессознательного с функциональной асимметрией мозга. Можно надеяться, что прямые исследования по этой теме в намеченных здесь направлениях позволят выяснить правильность сформулированных здесь выводов, достоверность и перспективность обсуждавшихся гипотез и методических подходов.

THE UNCONSCIOUS AND CONSCIOUSNESS IN THE ASPECT OF INTERHEMISPHERIC RELATIONS

L. R. ZENKOV

Clinic of Nervous Diseases, I. M. Sechenov Moscow First Medical Institute. Moscow

SUMMARY

The problem of the brain substrate of conscious and unconscious psychical processes is considered in the aspect of functional hemispheric asymmetry. In spite of an impressive coincidence of many characteristics of conscious and unconscious psychical processes with the peculiarities of left and right hemispheric thinking respectively, the notion of a simple relation of consciousness to the verbal, left hemisphere, and of the unconscious to the nonverbal, right hemispere, is not quite correct. Two types of the unconscious are identified: one, determined by the selectively directed activity of a special meso-diencephalic system of consciousness, and the other, lying in the very structure of right-hemisphere holographic type of information processing. Some peculiarities of the interrelation of conscious and unconscious in wakefulness and sleep and methods of their investigation are discussed. The development of conscious and unconscious thinking is traced with regard to the material of neolithic art in relation to the evolution of social structure.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАБЕНКОВА С. В., Клинические синдромы поражения правого полушария мозга при остром инсульте, М., Медицина, 1971.
2. БАССИН Ф. В., Проблема бессознательного, М., Наука, 1980.
3. ДЭВЛЕТ М. А., Петроглифы Мугур-Саргола, М., Наука, 1980.
4. ДЭВЛЕТ М. А., Петроглифы на кочевой тропе, М., Наука, 1982.
5. ЗЕНКОВ Л. Р., Новые направления в клинической неврологии. Советская медицина, № 11, 1976, 43—49.
6. ЗЕНКОВ Л. Р., Нейрофизиологические механизмы межполушарного взаимодействия у человека. В кн.: Мосидзе В. М. (ред.). Взаимоотношения полушарий мозга. Тб., Мецниереба, 1982, 33.
7. ЗЕНКОВ Л. Р., ПАНОВ Г. Д., Зрительные вызванные потенциалы правого и левого полушарий мозга на предъявление шахматнного рисунка при различных уровнях его четкости. Физиология человека, т. 2, № 5, 1976, 818—824.
8. ПОПОВА Л. Т., ЗЕНКОВ Л. Р., Нарушения семантической памяти при пораженях левого полушария мозга (в печати).
9. СТОЛЯР А. Д., О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении соз-

нания (к постановке проблемы). В кн.: Неклюдов С. Ю., Мелетинский Е. М. (ред.) Ранние формы искусства. М., Искусство, 1972, 31—76.
10. ТОПОРОВ В. Н., К происхождению некоторых поэтических символов (палеолитическая эпоха). В кн.: Неклюдов С. Ю., Мелетинский Е. М. (ред.) Ранние формы искусства. М., Искусство, 1972, 77—104.
11. BOGEN J. E., The other side of brain. Bull. Los Angeles neurol. Soc., vol. 34, 1969, 135—162.
12. COHEN G.. Hemispheric differences in serial versus parallel processing, J. Exper. Psychol., v. 97, 1973, 349—356.
13. DJIK T. A., van. Attitudes et comprehension de textes. Bull. Psycholog., v. 35, 1981—1982, 557—569.
14. ECO U., Pejaz semiotyczny. Warszawa, PIM, 1972.
15. GAZZANIGA M. S., The split brain in man. Sci. Amer., v. 217, 24—29.
16. HABERLANDT K., Les expectations du lecteur dans la comprehension du text. Bull. Psychol., v. 35, 1981—1982, 733—740.
17. HADAMARD J., An Essay on the Psychology of Invention in the Mathematical Field. N. Y., 1954.
18. JUNG C. O., Psychologia a religia. Ksiazka i wiedza, Warszawa, 1970.
19. KUTAS M. H., HILLGARD S. A., The lateral distribution of event-related potentials during sentence processing. Neuropsychologia, v. 20, 1982, 579—590.
20. LEVI-STRAUSS C. (Леви-Стросс К.), Сырое и вареное. В кн.: Лотман Ю. М., Петров В. М. (ред.) Семиотика и искусствометрия. М., Мир, 1972, 25—49.
21. MORRIS C. W., Foundations of the Theory of Signs. International Encyclopedia of United Science Series, v. 1, №2, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1938.
22. ORNSTEIN R. E., The Psychology of Consciousness. San Francisco, Freeman W. H. and Company, 1972.
23. ORNSTEIN R., HARRON J., JOHNSTONE J., SWENCIONIS C., Differential right hemisphere involvement in two reading tasks. Psychophysiology, v. 16, 1979, 398—401.
24. SANFORD A. J., CARROD S. Ver la construction d'un modele psychologique de la comprehension du langage ecrit. Bull. Psychol., V. 35, 1981—1982, 643—648.

ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ЕЕ СВЯЗИ С ВОПРОСАМИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИИ

А. Б. ДОБРОВИЧ

Психиатрическая больница № 13, Москва

(1) Вопрос о психосоматических отношениях, поднятый еще в античную эпоху [6; 18; 50], в наши дни приобретает особенно актуальное звучание [4; 7; 17; 49]. Взамен бесплодного противостояния «психиков» и «соматиков» сегодня время выдвигает требование синтеза всего ценного, что было накоплено обоими направлениями мысли. Свидетельством этого может служить эволюция взглядов за последние десятилетия многих представителей психоанализа, приведшая к их конструктивному диалогу с советскими специалистами на Тбилисском симпозиуме по проблеме бессознательного в 1979 году. Это подтверждают и материалы трехтомного сборника «Бессознательное», и работы, присланные для IV тома. Каковы же складывающиеся сегодня представления о связи психического и соматического?

Начнем с того, что психоаналитики все чаще отказываются от расширительного толкования основного постулата З. Фрейда в сфере общей патологии. Имеется в виду постулат о том, что главным источником как психических, так и соматических страданий являются «противоречащие биологической природе человека» социокультурные нормы, формирующие на бессознательном уровне индивидуальной психики «психодинамический конфликт», который далее конституирует болезнь. Многими последователями Фрейда сегодня отдается предпочтение мысли о том, что социокультурные факторы в их индивидуально-психологическом преломлении создают предрасположенность к заболеваниям разного рода [40; 48; 49], но лишь в особо оговоренных случаях детерминируют само заболевание. Отсюда вытекает ограничение показаний к психоанализу, а порой и отказ от этого метода [34; 44; 50].

Но, с другой стороны, даже исследователи, глубоко чуждые методологии фрейдизма, в наше время отнюдь не отвергают участия психологических факторов (в том числе неосознаваемых) как в этиопатогенезе разнообразных болезней, так и в динамике их излечения [8; 15; 20; 26]. Имеющееся заболевание может приобретать для субъекта различное значение в зависимости от общего смысла его деятельности [4; 21], занимая в осознаваемой и неосознаваемой иерархии его ценностей либо одно из первых, либо одно из последних мест, что, безусловно, влияет на характер течения и темп обратного развития заболевания. Хорошо известно, например, что в психологической атмосфере активной и целенаправленной деятельности, постоянно питающей оптимизм субъекта, болезнь может быть легче перенесена и эффективнее преодолена, чем в атмосфере пессимизма и фиксации на

страданиях. Но коль скоро это так, то анализ социокультурных влияний, формирующих предпосылки заболеваемости и устойчивости к болезням, перестает, при известных оговорках, казаться бесплодным умствованием. Важнейшая из таких оговорок заключается в том, что отношения «биологической природы» человека с его социальной средой, в принципе, не могут исчерпываться антагонизмом, а характеризуются (при всех антагонистических моментах) фундаментальной синергией [6; 32; 33].

Обратимся далее к традиционному спору о генезе собственно психических дисфункций. Достижения современной науки явно пошатнули былую убежденность сторонников психоанализа в психогенном происхождении всех этих дисфункций. Если иметь в виду область психозов, то современные данные клиники и параклинических дисциплин, в частности нейрохимии, выдвинули серьезную альтернативу психодинамическому «объяснению» генеза психозов, модному еще в первой трети века [36; 42]. Зафиксирован, в сущности, лишь один вид психозов, в возникновении которых можно считать ведущей роль психотравмы: речь идет о реактивных психозах. Все прочие виды психотических расстройств трудно было бы расценивать сегодня как следствие конфликта, осознанного или неосознанного, между носителем психики и его социальной средой. Сам упомянутый конфликт нередко оказывается следствием начавшегося психоза, т. е. патологии мозга у носителя психики. Вопреки многовековой беллетристической традиции, приходится отвергнуть табуированные влечения, муки нечистой совести, трудности в личной и социальной жизни и т. п. в качестве «причин» психозов (хотя все эти моменты могут, конечно, вести к неврозам). Нейрогуморальная природа психозов ныне сомнений не оставляет [3; 35; 46], хотя сам психотик склонен развивать «драматическую» интерпретацию происходящего, изыскивая причины и конкретных виновников своего состояния во внешнем мире (что, кстати, последовательно углубляет его конфликт с окружением)[1]. Итак, область психиатрии, в которой психодинамическая доктрина о генезе дисфункций психики еще сохраняет статус обоснованной клинической гипотезы, очерчивается сегодня границами неврозов и патохарактерологических развитий.

И в то же время даже противникам психоанализа нелегко отрицать сегодня участие личностных факторов в динамике психозов, не говоря уже о неврозах и патохарактерологических развитиях. Ведь сама только что упомянутая тенденция психотика к «драматизации» действительности, к бредообразованию с иллюзорным обнаружением врагов, преследователей, вредоносных сил и т. п. лишь с большой натяжкой может быть выведена непосредственно из патологии межнейрональных связей, обмена веществ и т. д. Зато здесь явно выступают вперед «поиски смысла» (см. «закон смысла» у Ф. В. Бассина [4; 5]), то есть проявления психологической, личностной активности индивида на фоне патологически измененной работы мозга. Нет надобности подчеркивать зависимость психического статуса от таких факторов, как действие токсинов или аутотоксинов на мозг, действие травм и т. п. Но это еще не дает оснований утверждать, что любая психическая дисфункция возникает в силу органических причин. Существуют и иные механизмы формирования психических дисфункций; в частности, механизмом такого рода является нарушение отношений между сознанием и бессознательной сферой психики человека.

---

[1] В свете этих данных клиники психодинамическая версия происхождения психозов подчас начинает выглядеть «драматизацией» действительности психиатрами по образцу бредообразования у больных.

При этом ссылка на «бессознательное» в понимании Фрейда, строго говоря, необязательна. Психологический уровень адаптации индивида, как ныне ясно, включает в себя, помимо сознания, систему неосознаваемых психологических процессов. С наибольшей полнотой и продуктивностью эти процессы осмыслены, очевидно, теорией установки Д. Н. Узнадзе [6; 16; 24; 33; 44]. Предполагаемое нейрофизиологическое «обеспечение» механизмов установки хорошо согласуется с воззрениями И. П. Павлова, А. А. Ухтомского, П. К. Анохина, Н. А. Бернштейна на организацию высшей нервной деятельности [2; 9; 22; 33]. Проблематика бессознательного оживленно дискутируется сегодня также в свете новейших данных о полушарной асимметрии головного мозга [6; 12; 25]. Иными словами, исследование бессознательных психологических факторов, влияющих на нарушения психики, в наше время становится общепризнанной сферой науки.

Коснемся теперь соматических дисфункций, предположительно связанных с психикой. Если позиция ортодоксального фрейдизма предписывала усматривать в любом соматозе не что иное как следствие интрапсихического конфликта, то уже в подходе Ф. Александера и представителей его школы безоговорочно принимается ограничительное толкование тезиса о «психогенном» происхождении болезней тела. Исследования этой школы позволили выделить лишь 7 соматических заболеваний, детерминируемых психодинамическим конфликтом. Это пептическая дуоденальная язва, язвенный колит, бронхиальная астма, нейродермит, ревматоидные артриты, артериальная гипертония и тиреотоксикоз [39; 48]. Однако психодинамический конфликт рассматривается данной школой как болезнетворный фактор, действующий совместно с такими факторами внепсихологического порядка как врожденные конституциональные особенности субъекта, родовые микротравмы, органические заболевания младенческого возраста и т. п. [47; 48]. Сам же психодинамический конфликт увязывается этой школой с особенностями ухода за субъектом в младенческом возрасте (способы отучения от груди, приготовления ко сну и т. п.), со случайными эмоциональными травмами младенческого и детского возраста, с эмоциональной атмосферой семьи и специфическими чертами личности родителей и, наконец, с дальнейшим эмоциональным опытом субъекта [48; 49].

Понятно, что в таком контексте принцип психогенного детерминирования некоторых соматических страданий становится более приемлемым для современных представителей противостоящей фрейдизму позиции. В таком контексте спор может идти лишь о значимости тех или иных психологических факторов в ряду всех прочих патогенных моментов, а также о том, каким конкретным образом указанные факторы приобретают свою соматическую патогенность. Отметим в связи с этим, что видные представители советской медицины, исходившие из совершенно иных методологических предпосылок, чем школа Ф. Александера, в свою очередь и абсолютно независимо также установили связь с психологическим фактором таких заболеваний, как пептическая язва, бронхиальная астма, артериальная гипертония и др. [II; 20].

Далее, по Фрейду и его ортодоксальным последователям (например, С. Ференчи, Ф. Дейчу, М. Клейн и др.), в любом соматическом заболевании следует искать «символическое» отображение психодинамического конфликта: заболевание любого органа коренится в «символическом использовании» этого органа для выражения психодинамических коллизий «на языке тела». Выражаясь клинически, всякий соматоз должен рассматриваться (если следовать этой доктрине) как возникший по механизму истерической конверсии. Это представление

находится, однако, в явном противоречии с фактами клиники. Конверсивно-истерические соматозы, имеющие достаточно очерченную синдромологическую картину, развивающиеся у лиц с известными особенностями психического склада [38] и встречающиеся относительно нечасто, разумеется, не могут расцениваться как «модель» формирования всех психогенных соматических заболеваний. Для современных последователей психоанализа более характерно представление об опосредствованном влиянии психологических факторов на соматическую сферу организма. С точки зрения школы Ф. Александера, таким опосредствующим звеном является «эмоциональный отклик» субъекта [39].

Мнение о болезнетворной роли отрицательных эмоций и целительной — положительных давно стало общим местом. Интересной и плодотворной является мысль Ф. Александера о том, что необходимо изучать влияние на соматику специфических эмоций, таких как испуг, заинтересованность, удовольствие, страдание, стыд, страх, гнев, настороженность и т. п. [47]. Ведь нет оснований заведомо отрицать, что специфика эмоционального состояния может иметь отношение к специфике соматического отклика организма. Действительно, именно со специфическими переживаниями этого рода сопряжены для индивида и способ отучения его от груди в младенчестве, и установившаяся в его детские годы психологическая атмосфера семьи, и прочие упоминавшиеся моменты. Стереотипы аффективного реагирования, сложившиеся в детстве, могут, видимо, наложить свой отпечаток на эмоциональные реакции последующей жизни, а это, в свою очередь, может за счет специфического вегетовисцерального отклика организма повысить уязвимость тех или иных органов и систем к болезнетворным факторам внепсихологического порядка [48][2].

Но подчеркнем, что концепция советской медицины о кортиковисцеральных связях также никогда не исключала роли аффективных факторов в развитии соматической патологии; напротив, эти факторы были в центре пристального внимания исследователей [11; 15; 17; 20]. Идея о том, что дисфункции кортикального уровня, детерминированные психологическими моментами, могут привести к дисфункциям внутренних органов и систем, отнюдь не вступает в противоречие с такими, например, положениями Ф. Александера, как его утверждение о том, что вегетативные реакции на различные эмоциональные состояния варьируют в зависимости от качества эмоций, или мысль о том, что физиологические реакции на эмоциональные стимулы зависят от предшествовавшего эмоционального состояния, и т. п. [39; 47; 48].

Итак, синтез представлений, которые развивались в рамках противоборствующих научных школ, не только возможен, но и неизбежен — это веление времени. Общая для всех исследователей проблема заключается в том, чтобы постичь, каким конкретным образом взаимосвязаны психическое и соматическое. Для решения этого вопроса необходимо прежде всего решительно преодолеть методологические ошибки, типичные для некоторых психологов и психиатров, занимающихся психосоматической проблемой.

(2) В этом плане заслуживает краткого обсуждения работа американского специалиста Г. Вайнера [49]. Автор приводит три «классические» модели психосоматических отношений: А — психическое и соматическое независимы друг от друга, В — то и другое суть «две

---

[2] При таком подходе к психосоматическими зависимостями вряд ли вызовет принципиальные возражения и концепция Г. Аммона [40], уделяющего особое внимание связи определенного типа личности и предрасположенности к определенным заболеваниям с теми особенностями «симбиоза» матери и младенца, которые сложились для субъекта в младенчестве.

стороны медали», они сопутствуют друг другу, но не находятся в причинно-следственной связи, С — психическое и соматическое взаимно детерминированы и могут «переходить» друг в друга. Решительно отдавая предпочтение модели «С», автор рассматривает несколько теоретических вариантов такого перехода. И все же сам этот переход остается для него непостижимым. «Каким образом, — спрашивает он, — нематериальный процесс (подчеркнуто нами — А. Д.), такой, как эмоциональная реакция на «стрессогенную» ситуацию, порождает такие материальные изменения, как повышение концентрации катехоламинов в моче или учащение сердцебиения?» [49, 269]. В тупик ставит автора и переход в обратном направлении: «Каким образом нервные импульсы, изменения в концентрации энзимов или концентрации веществ-медиаторов... могут «продуцировать» (подчеркнуто нами — А. Д.) идеи, мысли, впечатления, чувства, настроения и т. п.?» [49, 270].

Мы убеждены, что сама постановка этих вопросов в картезианском духе обрекает автора на бесплодное топтание по кругу. Задавая свой первый вопрос, Г. Вайнер игнорирует хорошо понимаемую школой Ф. Александера двойную роль эмоционального отклика: его роль переживания на уровне психического и одновременно его роль вегетовисцерального отклика на уровне соматического [39; 41; 47]. Кажется, Г. Вайнер упускает из виду, что, по данным современной нейрофизиологии, центры аффективного реагирования и центры вегетативной регуляции тесно взаимосвязаны посредством гипоталамуса и, скорее всего, являют собой единое целое как регуляторная система [2; 23; 31]. Задавая свой второй вопрос, автор игнорирует то обстоятельство, что по современным представлениям психический уровень адаптации индивида должен располагать собственной структурой (в системном смысле слова) и собственной динамикой, которые несводимы к структуре и динамике церебральных или иных материальных процессов. Здесь уместно напомнить высказывание В. И. Ленина [1]: «...Назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом». Это положение является прообразом информационного подхода к психике, который требует четкого разграничения категорий направляющего фактора и реализующего механизма психических феноменов. Если, например, реализующий механизм мысли вне всякого сомнения связан с церебральными процессами, то поиски направляющего (смыслообразующего) фактора мысли столь же несомненно выводят нас в «эстрацеребральное пространство» — в сферу отношений между субъектом и его средой (в первую очередь — социальной средой). Указанные отношения и определяют содержательную сторону психических процессов [14; 21; 30], что в принципе недоступно физиологическому или нейрохимическому исследованию.

Говоря языком нейрокибернетики, психический уровень адаптации индивида есть система информационная, а она не отождествима с материальной системой, на базе которой функционирует [14; 38]. Структурные элементы информационной системы — суть сигналы в контексте сигнальной деятельности, а не вещества или нервные импульсы, принадлежащие материальной системе (в данном случае — мозгу). При этом, как известно, один и тот же сигнал, в принципе, может быть реализован в информационной системе различными материальными средствами. Динамика сигналов и является «субстратом» таких психологических феноменов, как мысли, впечатления, настроения и т. п. Таким образом, о прямом «продуцировании» мыслей, впечатлений и т. п. из нейрохимических или биоэлектрических изменений в мозгу вообще говорить не приходится (здесь

мысль Г. Вайнера смыкается с известной максимой П. Кабаниса «мозг выделяет мысль, как печень желчь»). Указанные материальные изменения могут лишь модифицировать характер сигналов, перерабатываемых на психологическом уровне: приводить к зашумливанию одних сигналов, к усилению или искажению других, что в конечном счете и оказывает влияние на мысли, впечатления, воспоминания, настроения и проч. Последние «продуцируются» все же на собственно психологическом уровне, а не «до» него или «под» ним[3].

Сказанное, на наш взгляд, делает теоретические построения, подобные построениям Г. Вайнера, явным анахронизмом в науке, образчиком методологической беспомощности, все еще типичной для некоторых кругов специалистов.

(3) С нашей точки зрения, именно эмоционально-вегетативная сфера организма заслуживает наибольшего интереса как возможная инстанция «перевода» интрапсихических коллизий на язык соматических дисфункций и наоборот. Психогенный аффективный отклик может индуцировать через гипоталамические механизмы вегетовисцеральной регуляции определенные изменения в соматической сфере, а, с другой стороны, вегетовисцеральные изменения в организме могут отображаться через гипоталамус возбуждением центров аффективного реагирования диэнцефально-лимбической системы, что становится достоянием психики как эмоциональное переживание. То обстоятельство, что иные патогенные переживания как бы «отсутствуют» в сознании человека, не противоречит сказанному, а лишь подтверждает в очередной раз участие бессознательных процессов в психической жизни. Как указывал С. Л. Рубинштейн, «чувство может существовать и не будучи осознанным... Осознать свое чувство — значит не просто испытать связанное с ним волнение, а именно соотнести его с причиной и объектом, его вызывающим» (цит. по [34], 13).

При возбуждении аффективных центров межуточного мозга (или их торможении) меняется, очевидно, эмоциональная (сигнальная) окраска психически перерабатываемой информации, а уже вслед за этим меняется вся направленность психической деятельности. Можно думать, что указанное изменение состояния диэнцефально-лимбических аффективных центров модифицирует формирование актуальной установки индивида (как неосознаваемого звена его психологической активности), а вслед за этим неизбежно меняется и ассоциативный процесс, и мышление, и настроение, и т. д. [32]. Так, если на психологическом уровне возникает переживание тревоги, будь оно вызвано течением внешних событий или экспериментальной подачей слабого тока непосредственно в определенный участок диэнцефально-лимбической системы [23], то внимание, прошлый опыт, механизмы прогнозирования и все прочие блоки психической системы индивида, сознательные и бессознательные, начинают отслеживать во внешней или во внутренней среде организма возможные «причины» тревоги и формировать в организме предиспозицию к ожидаемому отрицательному фактору.

Конечно, конкретный способ перекодирования психического в соматическое и обратно пока неизвестен, и здесь возможны далеко идущие допущения. Например, по гипотезе И. Г. Беспалько [7], «...клетки организма обладают какими-то формами психического отражения... При этом высшие уровни отражения функциональной системы

---

[3] Как показывают в высшей степени убедительные исследования Д. И. Рамишвили [24], решающую роль в формировании подобных феноменов психики человека (восприятия-представления, мысли и т. п.) играет язык как достояние одновременно социально-историческое и индивидуальное.

определяют в известных пределах деятельность и условия отражения низших ее отделов и наоборот». Автор опирается на мысль П. К. Анохина: «...в организме, несмотря на принципиально различные средства перекодирования, информационный эквивалент сохраняется» [2]. Отдавая должное смелости идеи Г. И. Беспалько, мы находим, что она выглядит отнюдь не фантастической, если не принимать формулировки слишком буквально и считать, что именно эмоционально-вегетативный способ перекодирования содержаний психики используется для передачи информации на все уровни организации соматической сферы организма, вплоть до клеточного[4]. В пользу этой мысли свидетельствуют данные о сдвигах в организме, сдвигах биохимических и одновременно информационных, которые сопряжены с возникновением эмоций [41].

Коснемся в свете сказанного психосоматических отношений. В случаях истерии перевод психического в соматическое может выглядеть «дословным». В большинстве же других случаев мы имеем дело не с соматическим «изображением» подспудных психологических трудностей, а с более или менее специфическим телесным откликом на них. Как бы то ни было, есть основания утверждать следующее: психологические коллизии отражаются на соматическом состоянии постольку, поскольку они затрагивают эмоционально-вегетативную сферу [15; 20; 34]. Коснемся теперь сомато-психических отношений, изучение которых не менее актуально [8; 18]. Речь идет не о влиянии на мозг тех или иных агентов-«вредностей»; в центре нашего внимания — те соматические влияния на психику, которые могут быть детерминированы именно перекодированием сомато-вегетативных дисфункций организма в специфические аффективные состояния субъекта, пусть и неосознаваемые им. Наше рассуждение таково.

Точно так же, как, например, состояние страха имеет в организме свой вегетогуморальный эквивалент [15; 41], некоторые вегетогуморальные сдвиги в организме получают на диэнцефально-лимбическом уровне мозга свое отображение в виде страха. Соматические сдвиги другой специфики, согласно этой идее, могут давать другие сдвиги в аффективных центрах межуточного мозга: тоску, настороженность, гнев, веселость и т. п. Следует учитывать, что связанные с вегетатикой «темные ощущения», выхваченные гением И. М. Сеченова среди потока перерабатываемой мозгом информации, всегда приобретают для субъекта известную эмоциональную окраску: их повышенная интенсивность обычно имеет субъективный отклик в виде тревоги, угнетенности, страха, гневливости и т. п. Основываясь на этом, мы считаем возможным предположить, что соматическое заболевание в принципе способно оказывать влияние на психику, и именно через вегето-эмоциональное опосредствующее звено, т. е. еще на том этапе, когда токсические факторы, сопряженные с этим заболеванием, не проникают через гемато-энцефалический барьер.

Не случайно в среде врачей-интернистов сложилось мнение, что самым ранним признаком развивающейся болезни тела оказывается изменение характерологических особенностей пациента [3]. Специфика этого изменения иногда позволяет опытному интернисту догадываться о природе предполагаемой соматической дисфункции[5].

---

[4] Отрицать существование такой передачи в наше время было бы бессмыленным: достаточно сослаться на исследования Л. Шертока о внушенных под гипнозом ожогах [34], дающих на биопсии «совместимую с диагнозом ожога» гистологическую картину.

[5] Психиатр в таких случаях может ограничиться констатацией неврозо- или психопатоподобного состояния; психиатр психоаналитической школы нередко считает своим долгом приступить к анализу психодинамики пациента, постулируя психогенную при-

Изложенный подход к роли эмоционально-вегетативной сферы во взаимоотношениях соматического и психического позволяет иначе взглянуть на традиционный спор о «примате социального» или «примате биологического» в возникновении психосоматических заболеваний. Аффективный отклик как на социальные факторы, так и на факторы сомато-церебрального порядка осуществляется, несомненно, с помощью одного и того же диэнцефально-лимбического вегето-аффективного аппарата. Поэтому социальные влияния, актуальные либо преломленные через психический склад субъекта, не могут болезненным образом перестроить ни психику, ни соматику, минуя аффективный отклик организма. Точно так же — посредством этого отклика — перестраивают психику вегетовисцеральные дисфункции.

И, однако, социальные влияния, опосредствованные личностью человека, способны обеспечить на сознательном и бессознательном уровнях психики ту или иную форму психологической защиты индивида от аффективного отклика отрицательной окраски. Эта защита должна вводиться в действие независимо от того, имеет ли болезнетворный фактор социально-психологическое или биоорганическое, «эндогенное» происхождение. Развертывание механизмов психологической защиты парадоксальным образом приводит подчас к усугублению патологического статуса субъекта. Однако проблематика психологической защиты будет подробнее затронута ниже.

(4) Если диэнцефально-лимбические регуляторы вегето-аффективного статуса организма действительно играют столь важную роль для перекодирования психического в соматическое и обратно, то стоит задаться вопросом: какими могут быть последствия органического или функционального поражения самих этих регуляторов? Моделью такого поражения нам представляется эндогенная депрессия — ремиттирующее заболевание с преимущественной заинтересованностью диэнцефально-лимбической области мозга, связанное с периодическим дисбалансом обмена серотонина и моноаминов в организме.

Как известно, при этом заболевании в его типичной форме субъектом переживается длительное состояние непереносимой тоски, в некоторых случаях с мучительной тревогой, в других — с глубокой апатией и болезненным чувством «бесчувственности». Что касается сопутствующих расстройств в соматической сфере, то они исчерпываются именно вегетативными сдвигами (нарушение ритма бодрствования и сна, отсутствие аппетита, запоры, нарушения обменно-трофического и вазомоторного характера и т. п.). Если проанализировать собственно психологический отклик на это страдание, то обнаруживается, что пациент вначале не находит ему никаких объяснений, либо переживая безотчетную («плавающую») тревогу, либо же считая себя «уставшим от жизни», «утратившим силу воли» и т. п. Как бы то ни было на этом начальном этапе он затрудняется связать происшедшую с ним перемену с конкретными фактами своей личной социальной или духовной жизни. Однако в дальнейшем он неизменно приходит к «обнаружению» такой связи, к выведению своего состояния из своего осознанного бытия; причем его истолкование происходящего сразу приобретает характер некорригируемых идей. Это депрессивный бред, всегда имеющий вид убеждения в несостоятельности: моральной (идеи греховности), социальной (идеи неспособности к каким-либо достижениям), психической (идеи помешательства, потери памяти и т. п.), физической (ипохондрический бред — ожидание неотвратимой инвалидизации или смерти от неизлечимого недуга), либо тотальной.

Поставим себя на место психоаналитика, столкнувшегося со слу-

---

роду его состояния. А между тем его природа иная, и место психиатра вскоре занимает врач-интернист.

чаем эндогенной депрессии, но трактующего ее как следствие психодинамического конфликта [36]. Он приступает к постепенному вскрытию комплексов пациента, делает содержание этих комплексов доступным для осознания и отреагирования и со временем убеждается, что депрессия прошла. Уместен, однако, вопрос: не оказывается ли он введенным в заблуждение?

Следует иметь в виду, что длительность депрессивной фазы колеблется у разных больных от нескольких месяцев до нескольких лет; по прошествии этого срока депрессия проходит сама по себе, поскольку спонтанно восстанавливается оптимальный модус обмена серотонина и моноаминов в организме. Не может не броситься в глаза, что длительность депрессивных фаз соответствует эмпирически найденной длительности психоаналитического лечения. Следовательно, современным сторонникам психоаналитического метода предстоит нелегкая задача: привести научные доказательства того, что именно разрешение психодинамического конфликта способствовало избавлению пациента от эндогенной депрессии. Мы не отрицаем, что переносить это заболевание, так сказать, «рядом с психотерапевтом» легче, чем в одиночестве. Однако, по клиническим соображениям, психиатру, распознавшему эндогенную депрессию, следует как можно быстрее перейти к психофармакологическим средствам. Дело в том, что без применения антидепрессантов, анксиолитиков, ноотропов больной в состоянии депрессии нередко приходит к суицидальным намерениям, иногда внезпано реализуемым в состоянии отчаяния и страха. Мы не располагаем данными о том, сколь часто заблуждение психоаналитика, избравшего психотерапевтическую тактику лечения вместо психофармакологической, приводило к роковому для пациента исходу, но уверены, что такие случаи имели место.

Достаточно часто эндогенная депрессия имеет атипичное течение; в рамках данной работы нам наиболее интересны случаи «маскированной» депрессии, открытие которой [46] является, на наш взгляд, выдающимся событием психиатрии XX века. Маскированная депрессия характеризуется отсутствием отчетливого аффекта тоски; место этого аффективного расстройства здесь занимают обильные и разнообразные сенестопатии на фоне нарастающей тревоги больного за свое здоровье. Речь идет, по-видимому, о «темных ощущениях», которые в данном случае становятся чрезвычайно яркими и мучительными, поглощают все внимание больного и вызывают у него предположения о тех или иных тяжелых недугах[6]. Иногда при этом субъекта внезапно охватывает «животный страх», побуждающий его к суициду [3; 46]. Дальнейшее течение заболевания характеризуется обилием вегетовисцеральной симптоматики, имитирующей самые разные заболевания (от стенокардии до перемежающейся лихорадки, от экземы до почечной колики) и дающей повод для множества ложных диагнозов. (Отметим в скобках, что выделенные школой Ф. Александера 7 психосоматических заболеваний нередко фигурируют в ложной диагностике при маскированной депрессии). Далее болезнь может перейти в депрессивно-ипохондрический бред, и тогда она наконец распознается как атипичная эндогенная депрессия, но может и начать обратное развитие без того, чтобы быть распознанной, т. е. оставив у клинициста впечатление соматического либо «психосоматического» (в фрейдовском смысле) заболевания. Свою истинную природу она, тем не менее, высказывает целым рядом клинических признаков, из которых выделим здесь два: 1) соматические симптомы, будучи резистентны

---

[6] Сходное суждение о природе сенестопатий высказывают в своей работе С. М. Лившиц и Е. И. Теплицкая [22].

к какой бы то ни было форме терапии, проходят при применении антидепрессантов, 2) каким бы ни было лечение, пациенту в течение нескольких месяцев или лет становится лучше (что вполне понятно, т. к. эндогенная депрессия имеет фазное течение).

Поставим себя на место психоаналитика, не распознавшего маскированную депрессию. В данной ситуации шансы впасть в заблуждение (иногда роковое для пациента) резко возрастают. Внешняя сторона дела такова, как если бы за счет разрешения психодинамического конфликта исчезло «классическое» конверсионное заболевание. Фактически же закончилась депрессивная фаза, самопроизвольно восстановился метаболический баланс в организме. После всего сказанного нас не должно удивлять, если в ближайшее десятилетие интерес многих исследователей и врачей к психодинамическим коллизиям («фиксация либидо», «эдипов комплекс», «вытеснение», «перенесение» и т. д.) заметно угаснет. Факты исчезновения «психосоматической» симптоматики вместе с окончанием депрессивной фазы и вне зависимости от вмешательства психоаналитика переворачивают едва ли не вековую веру в необходимость такого вмешательства, и как раз это обстоятельство делает открытие маскированной депрессии выдающимся событием современной теории душевных болезней.

(5) И, тем не менее, складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, все большее число соматических и психических дисфункций «отвоевывается» у психоанализа данными клиники и параклинических дисциплин. С другой стороны, именно непредубежденный клинический взгляд на некоторые соматические заболевания, неврозы, патохарактерологические развития и даже на психозы выявляет несомненное участие бессознательных механизмов психологической защиты в формировании, течении и обратном развитии этих болезней [8; 9; 16; 26; 28].

Приглядимся хотя бы к той же эндогенной депрессии, о которой только что шла речь. Обратим внимание на одно уже упоминавшееся обстоятельство, а именно: если на первом этапе депрессии заболевший не находит постижимых для его сознания причин своей угнетенности, вялости и т. п., то в последующем его умственному взору открывается непререкаемо «убедительная» связь переживаемого с внешними и внутренними коллизиями его жизни либо с «точно угаданным» им медицинским диагнозом. Этот сдвиг в трактовке больным своего состояния было бы необычайно трудно вывести из динамики нейрохимических или биоэлектрических процессов (максима «мозг выделяет мысль, как печень желчь» оставалась бы единственным методологическим приемом для объяснения происходящего). Зато этот сдвиг со всей определенностью распознается как поиск смысла того, что происходит, — поиск и обретение, согласно «закону смысла», действие которого мы уже упоминали, касаясь механизма бредообразования вообще. Причем, такого рода осмысление, концептуализация атакующих сознание переживаний и ощущений явно принадлежит собственно психологическому уровню адаптации индивида, а не вегетовисцеральному, нейрогуморальному и т. п. Что же стоит за этой психологической процедурой, осуществляющейся вне сознательных интенций и превращающей непонятное и страшное для субъекта в осмысленное, «опредмеченное» и уже поэтому менее страшное? Очевидно, за этим стоит организуемая психикой на бессознательном уровне психологическая защита, которая способствует эффективности защиты других модальностей: вегетогуморальной, нейрохимической и т. д. [8; 9; 10; 32]. Особенно веские свидетельства этого получены, на наш взгляд, в исследованиях Ф. Б. Березина [8].

Именно защитно-психологический характер ложных убеждений

(например, ипохондрических при депрессии) объясняет нам их некорригируемость, их бредовую форму. Ведь известно, что лица с бредовыми идеями лишь в отдельных случаях являются, вообще, интеллектуально сниженными и необучаемыми; чаще можно наблюдать парадоксальную сохранность интеллекта у бредового больного, но сохранность применительно ко всему тому, что лежит за пределами его бредовой системы, будь то игра в шахматы, художественное творчество, изобретательство и даже житейские расчеты, если они не «агглютинированы» с бредом.

Упомянутая форма психологической защиты (концептуализация), как нетрудно заметить, тождественна динамизму «рационализации» у З. Фрейда. Мы убеждены, что проявления этого динамизма обнаруживаются не только в обыденной жизни и при неврозах, но и при психозах, способствуя в последнем случае бредообразованию. Здесь уместно напомнить, что Фрейдом выделен целый ряд феноменов этого рода, или динамизмов (сублимация, символизация, фантазия, вымещение, проекция и т. д.). Их функция — «предотвращение клинически проявляющихся следствий психогении», по мнению В. М. Блейхера и Л. И. Завилянской [9; 10], «а также соматогении», добавили бы мы. Саногенное, но в некоторых случаях и патогенное действие этих динамизмов в обыденной жизни и при неврозах общеизвестно и достаточно широко освещено в литературе [10; 16; 26; 28; 29; 34]; действие их при психозах раскрыто в меньшей степени. Мы попытались отчасти восполнить этот пробел, обратившись выше к клинике эндогенной депрессии. Не меньшего внимания заслуживают данные из клиники шизофрении.

Профессиональный клинический подход к этому заболеванию отчетливо контрастирует с психоаналитической доктриной, согласно которой причину психоза следует искать в «психогенно» измененной динамике либидо в форме аутоэротизма (нарциссизма), а доведение до сознания пациента вытесненных аутоэротических комплексов становится решающим «лечебным» фактором [36; 42]. Психологизация шизофрении, несомненно, потерпела крах [35; 43]. Тем не менее, странно было бы думать, что болезненные явления в мозгу больного шизофренией, имеющие нейрогуморальную природу и грубо изменяющие его душевную жизнь, как бы *отменяют* сам факт этой душевной жизни и, следовательно, лишают смысла изучение динамики сознания и бессознательного при этом заболевании. «Каковы бы ни были причины этого психоза, — писал о шизофрении Л. С. Выготский, — психология вправе изучать явления распада личности с психологической точки зрения, ибо этот распад происходит по психологическим законам, хотя бы первичным толчком, первопричиной этого распада служили причины внепсихологического порядка» [13].

(6) Наш собственный многолетний опыт изучения субъективной стороны переживаний больных шизофренией убеждает нас в том, что *личность* заболевшего, пока она полностью не разрушена болезнью мозга, является до какой-то степени «соавтором» психоза: «интерпрепаратом», «защитником» или «оппонентом» переживаемого. Даже на далеко зашедших этапах шизофрении личность больного, как бы ни была она «расщеплена» эндогенным процессом в мозгу, остается активизированной. Парадоксальным образом сам факт этого расщепления свидетельствует о ее сохранности — при глубочайшем изменении модуса ее существования. Это и неудивительно, принимая во внимание подтверждающийся нашими наблюдениями *аутоэротизм* больных. Он проявляется в клинически бесспорной регрессии либидо на все более ранние стадии: гомосексуальную, инцестуозную, генитальную, анальную, оральную. Но при этом объектом фиксации либи-

до все в большей мере становится психическое «Я» больного, что и обуславливает активные психодинамические процессы в сфере его личности, включая сознание и бессознательный уровень психики.

Мы отнюдь не придерживаемся ни мнения Фрейда о психогенной природе аутоэротизма при шизофрении, ни его концепции об «энергии либидо». Наша собственная точка зрения вкратце такова. Нейрогуморальный патологический процесс при этом заболевании вызывает еще в продромальной стадии явную дефицитарность субъекта в смысле возможности получать положительные эмоции от контакта с внешними стимулами. Это и есть аутоэротизм (нарциссизм) больного шизофренией. Собственное тело и собственное психическое «Я» оказываются единственным надежным источником положительных эмоций. Здесь приходится думать об особой перестройке всей той схемы функционирования мозга, которая в норме обеспечивает возбуждение «центров удовольствия» в диэнцефально-лимбической системе при контакте организма с соответствующими внешними раздражителями [23]. Данная гипотеза позволяет по-новому взглянуть на так называемый аутизм больных. По мере развития болезненного процесса они, в силу этого процесса, все меньше нуждаются в какой-либо коммуникации, кроме внутренней, обычно реализуемой в виде общения с «голосами». Но в самом появлении «голосов» немалую роль, на наш взгляд, играет сохранная психологическая защита, как бы отщепляющая одну часть содержаний психики от другой и создающая иллюзию «контакта с собеседниками». Здесь весьма уместен термин «патопсихологическая защита», предлагаемый В. М. Блейхером с соавторами [9]. Психодинамические процессы при шизофрении хорошо прослеживаются в тех случаях, когда традиционный синдромологический анализ дополнен клинико-психологическим.

Обратимся к одному из наших наблюдений, выступаемому в качестве своеобразной «модели» психодинамики при шизофрении. **Больная К.**, 26 лет. В десятом классе чрезвычайно привязалась к преподавательнице. Окончив школу, продолжала навещать ее дома, дарила цветы, книги. Когда у нее были гости, это огорчало К.: было ясно, что сегодня ей уделят меньше внимания, чем обычно. Однажды в такой ситуации ей пришло в голову, что столь уважаемая многими женщина в действительности является «агентом иностранной разведки», а ее жилье — «явочная квартира». К. стала часами регистрировать всех, кто входил в парадное, отмечала, как долго каждый остается в доме и с каким выражением лица выходит. Она не сомневалась, что разные люди, войдя в парадное, направляются именно в известную ей квартиру. «Обнаружила», далее, что иногда при появлении очередного посетителя у учительницы гаснет свет или задергивается штора на окне; «заметила», что, покидая дом, каждый посетитель «воровато озирается по сторонам», и т. п. Обратилась в органы госбезопасности, где ее поведение дало повод заподозрить психоз. После длительного стационарного лечения выписалась с диагнозом: «шизофрения, параноидная форма».

По-прежнему наблюдала за домом учительницы. Объяснилась с ней и «поняла», что теперь ей «несдобровать». Стала замечать за собой слежку на улицах. Набросилась на прохожего, который якобы сопровождал ее несколько кварталов. Снова прошла курс стационарного лечения; после выписки наблюдение за домом учительницы продолжала. Однажды по раскрасневшимся щекам мужчины, выходившего из дома, «поняла», что у него только что был половой акт с учительницей. В дальнейшем регистрировала десятки мужчин, с которыми будто бы та сожительствовала. Со временем обнаружила, что «для сексуальных оргий» к учительнице ходят также и женщины. Теперь

«догадалась», что та еще в 10-м классе приблизила ее к себе, чтобы сделать со временем сексуальной партнершей. Считала себя морально и физически обесчещенной, вспоминая «двусмысленные обнимки» учительницы. Идеи «шпионского гнезда» получили при этом новое развитие: учительница будто бы завлекает женщин для разврата, а затем, влюбив их в себя, использует как «связных агентов».

В последующем у К. появились идеи гипнотического воздействия со стороны учительницы на ее мозг (с «мысленной передачей» угроз и оскорблений), идеи сговора «шпионки-лесбиянки» с аппаратом милиции и госбезопасности («все через нее прошли») и т. п. Больная стационируется ежегодно; переведена во II группу инвалидности.

К анализу случая: трудно не заметить, что идея «шпионского гнезда» заместила в сознании К. вытесненное гомосексуальное влечение, которое можно трактовать как аутоэротическую ориентацию либидо (влечение к субъекту, в значительной мере идентифицированному с «Я»). Толчком к патологической фантазии (на фоне начавщегося болезненного процесса в мозгу больной) явилось не что иное, как чувство ревности. Гомосексуальное влечение к учительнице оказалось вытесненным, замещенным и лишь спустя определенное время вернулось в сознание больной в виде патологической проекции (это учительница, а не она, К., является будто бы извращенным субъектом). Далее мы наблюдаем явления патологической рационализации: больная по-своему «логично» приводит в систему то, что кажется ей «фактами». Чрезвычайно любопытно (с точки зрения психологической защиты), что бред шпионажа, преследований и т. п. поначалу маскирует для сознания больной истинные мотивы ее стойкого интереса к бывшей наставнице. Далее начинает действовать патологический динамизм диссоциации [16]: вытесненные собственные вожделения возвращаются в сознание больной как «дистанционные воздействия» со стороны объекта влечения, как передача «чужих» идей непосредственно в голову. Случай, как нам представляется, хорошо иллюстрирует участие механизмов патопсихологической защиты в формировании психотической продукции: от паранойяльного бреда до синдрома Кандинского—Клерамбо.

Согласно ряду наших исследований, аутоэротические побуждения, возникающие при шизофрении, изгоняются («вытесняются») из сознания как табуированные, несовместимые с нарциссически возвеличиваемым «Я». При дальнейших прорывах этих побуждений в сознание начинают действовать бессознательные патопсихологические защитные механизмы: фантазия, символизация, проекция, рационализация и т. п., способствующие бредообразованию. По мере углубления болезненного процесса действие этих динамизмов приобретает все более патологический характер, участвуя в возникновении и сюжетном оформлении иллюзорно-галлюцинаторной симптоматики. Далее динамизм диссоциации допускает в сознание вытесненный материал в виде «чужого» материала — «сделанных» мыслей, чувств, ощущений и т. п., переданных в голову (или другую часть тела) воображаемыми «партнерами контакта». Далее нарастающее нарциссическое возвеличивание собственного психического «Я» способствует формированию парафренных явлений (фантастический бред величия). Динамизм регрессии переводит поведение больного на инфантильный уровень. Лишь в кататоно-гебефренных состояниях шизофрении дезорганизация личности столь глубока, что больной может онанировать на глазах окружающих, пожирать собственный кал (регрессия к анальному аутоэротизму) или стремиться к изнасилованию матери (регрессия к инцестуозной стадии либидо). Но и в этих состояниях личность продолжает «звучать», по меньшей мере, как объект протеста, «сбрасываемое яр-

мо». Шизофренический психоз выступает, можно сказать, в роли психоаналитика, постепенно делающего тайное явным, обнажающего те пласты бессознательного в психике больных, которые не так-то легко наблюдать в начале болезни. С нашей точки зрения, шизофрения, гротескным образом раскрывая отношения сознания и бессознательного в психике человека (в данном случае на материале аутоэротической психодинамики), является уникальным и еще недостаточно используемым полигоном для изучения этих отношений как таковых на любом материале.

(7) Таким образом, мы прослеживаем участие бессознательных механизмов психологической защиты в самых разных случаях патологии, включая эндогенные психозы и не говоря уже о соматических, психосоматических заболеваниях, о неврозах и патохарактерологических развитиях, где действие этих механизмов многими считается неоспоримым [6; 9; 16; 22; 26; 28]. Коль скоро это так, то взамен устаревших концепций «тотальной» психогении либо «тотальной» соматогении современной науке предстоит, наконец, разработать системный, синтетический подход к проблеме психосоматических и соматопсихических отношений. Реалистической основой для такого подхода мы считаем теорию установки Д. Н. Узнадзе [32] как подлинную альтернативу психоаналитическим спекуляциям и в то же время инструмент для постижения и переосмысления всего ценного, что было накоплено практикой психоанализа [6; 16; 27; 33; 45].

На наш взгляд [16], установка, выступая как досознательное психическое, обеспечивает среди всего прочего прогнозирование отрицательных аффективных откликов, которые могут возникнуть в ходе деятельности или мышления индивида. За счет установки и обеспечивается своего рода «уклонение» сознательных процессов от соответствующих переживаний и ассоциируемых с ними представлений (т. е. «ущемление» этих переживаний на бессознательном уровне [2]), что, очевидно, соответствует фрейдовской метафоре «вытеснения». Такое вытеснение, будучи изначально средством защиты индивида (в полном соответствии с фрейдовским «принципом удовольствия»), иногда ведет к патогенным последствиям психического и соматического порядка. Неизбежные прорывы вытесненных переживаний в сознание стимулируют специфическую активность психики в плане замещений, искажений и толкований переживаемого согласно «закону смысла» [4, 5]. Эта специфическая продукция психики, будучи ассоциирована с отрицательными переживаниями и плохо согласуясь с рационалистическими нормами мышления, в свою очередь «вытесняется» из сознания, то есть, конкретно говоря, не актуализируется более установкой при формировании ею сознательных процессов. Тем самым упомянутая продукция и оказывается очередным пластом неосознаваемого в психике — инстанцией, которую мы обозначили бы как постсознательное и которая, вероятно, может быть в известной степени сближена с фрейдовским «Оно». Именно так, по нашей гипотезе, возникают сложные и чреватые патологическими последствиями отношения между сознанием и «бессознательным», включающим в себя до- и постсознательное в их взаимодействии.

Разумеется, все изложенное в настоящем сообщении носит характер постановки вопроса и нуждается как в теоретико-методологической, так и в эмпирической проверке. Однако, с точки зрения практической медицины, несомненным сегодня представляется следующее: а) невозможно игнорировать психологические (в том числе бессознательные, «глубинно»-психологические) моменты даже при безусловно соматогенных или цереброгенных заболеваниях; б) невозможно игнорировать

вегетовисцеральные и соматические моменты даже при несомненных психогениях. Для современной медицины характерно как использование психотерапии даже в случаях соматической патологии, включая церебральную [19; 37; 44; 50], так и использование психофармакологических средств и средств, нормализующих вегетовисцеральные функции, в случаях, безусловно, психогенной патологии [8; 15; 18; 38; 49]. Взамен «конкурирующих» тактик на повестке дня стоит их осмысленное взаимодополнение.

Резюмируя, подчеркнем еще раз, что в свете современных научных данных методологически несостоятельными, анахроничными оказываются и попытки психоанализа «все объяснить» за счет психогении, и физикалистские попытки редуцировать всю соматическую патологию и даже всю психопатологию к соматоцеребральным дисфункциям. И тот, и другой путь этиопатогенеза (если только теоретически допустимо отрывать один от другого) выступает лишь как частный случай в более общей и куда более сложной системе психосоматических зависимостей. Раскрытие подлинных закономерностей формирования и обратного развития соматических и психических заболеваний настоятельно требует системного подхода.

THE PROBLEM OF THE UNCONSCIOUS IN CONNECTION WITH THE QUESTIONS OF PSYCHOSOMATIC RELATIONS AND CLINICAL PATHOLOGY

A. B. DOBROVICH

Psychiatric Hospital № 13, Moscow

SUMMARY

The reality of psychosomatic and somatopsychic relations is at present recognized by scientists of all trends existing in medicine. There is no doubt that „the unconscious psychics“ takes part in these relations, being an element investigated by Psychoanalysis, though it should have the theory of set, developed by D. N. Uznadze, as a realistic basis of study. The particular mechanism of „transition“ of the psychic into the somatic and vice versa should be looked for in the activities of the diencephalic-libmic vegetative-affective apparatus. These activities cause the subject's situationally conditioned emotional response which (though conscious) is more often than not unconscious and is capable of influencing the vegetative-visceral area of the organism, as is observed. e. g. in somatoneuroses. On the other hand, the somatically conditioned changes in the activities of the diencephalic-limbic apparatus are capable of changing the character of emotions and the subject's way of thinking by influencing his psychology, as is observed, e. g. in endogenous depressions. In any case, the mechanisms of psychological defence, the impact of which can be traced not only in cases of neurosis and somatoneurosis but also in cases of psychoses, e. g. in schizophrenia, are formed on the unconscious level of the psychology of an individual. It is highly probable that the formation of the mechanism of psychological defence is connected in the first place with the activities of the subject's set which specifically influences his consciousness and „postconscious“ psychological structures.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЛЕНИН В. И., Соч., т. 14, 231.
2. АНОХИН П. К., Избранные труды, СМ., 1978.
3. АНУФРИЕВ А. К., Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова 1978, вып. 9, 1342—1347.
4. БАССИН Ф. В., Вопросы психологии, 1971, 4, 101—113.
5. БАССИН Ф. В., Вопросы психологии, 1973, 6, 13—124.
6. БАССИН Ф. В., ПРАНГИШВИЛИ А. С., ШЕРОЗИЯ А. Е., В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. II, Тб., 1978, 23—36.
7. БЕСПАЛЬКО И. Г., Психосоматика и гипотеза бессознательного психического организменного уровня (рукопись).
8. БЕРЕЗИН Ф. Б., В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, Тб., 1978, 281—290.
9. БЛЕЙХЕР В. М., ЗАВИЛЯНСКАЯ Л. И., ЗАВИЛЯНСКИЙ И. Я., В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования т. II, 403—410.
10. БЛЕЙХЕР В. М., ЗАВИЛЯНСКАЯ Л. И., О механизмах психологической защиты в психиатрической клинике (рукопись).
11. БЫКОВ И. М., КУРЦИН И. Т., Кортико-висцеральная патология, Л., 1960.
12. ВЕЙН А. М., РОДШТАТ И. В., СОЛОВЬЕВА А. Д., В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. II, Тб., 1978, 313—321.
13. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Избранные психологические исследования, М., 1956, 495.
14. ГЕОРГИЕВ Ф. И., В сб.: Тодор Павлов — юбилейный сборник Болгарской Академии наук, 118—135.
15. ГУБАЧЕВ Ю. М., ИОВЛЕВ Б. В., КАРВАСАРСКИЙ Б. Д., РАЗУМОВ Е. М., СТАБРОВСКИЙ Е. М., Эмоциональный стресс в условиях нормы и патологии человека, Л., 1976.
16. ДОБРОВИЧ А. Б., «Известия АН Груз. ССР», серия философии и психологии, Тб. вып. 4, 1982, 97—109.
17. ИВАНОВ В. В., В кн.: Бессознательное: природа функции, методы исследования, т. II, Тб., 1978, 412—418.
18. ИВАНОВ В. М., Сознательные и бессознательные механизмы психосоматической зависимости. Варна (рукопись).
19. КАБАНОВ М. М., Возрастающая роль психических факторов в современной клинической медицине (рукопись).
20. КУРЦИН И. Т., Теоретические основы психосоматической медицины, Л., 1973.
21. ЛЕОНТЬЕВ А. Н., Деятельность. Сознание. Личность, М., 1975.
22. ЛИФШИЦ С. М., ТЕПЛИЦКАЯ Е. И., В кн.: Бессознательное, т. II, Тб., 1978, 419—423.
23. МЭГУН Г., Бодрствующий мозг, М., 1960.
24. РАМИШВИЛИ Д. И., Сб.: Психология речи и некоторые вопросы психолингвистики, вып. II., Тб., 1982, 5—113.
25. РОДШТАТ И. В., О некоторых особенностях клинической модели неосознаваемой психической деятельности, (рукопись).
26. РОЖНОВ В. Е., БУРНО М. Е., В кн.: Бессознательное, т. II, Тб., I, 78, 346—353.
27. САКВАРЕЛИДЗЕ Р. Т., Методы психотерапии и теория установки, Тб., (рукопись).
28. САМОВИЧЕВ Е. Г., Концепция «Я» в психологии личности и психотерапии. М. (рукопись).
29. СВЯДОЩ А. М., В кн.: Бессознательное, т. II, Тб., 1978, 351—367.
30. СЭВ Л., Марксизм и теория личности, М., 1972.
31. ТРИУМФОВ А. В., Топическая диагностика заболеваний нервной системы, Л., 1965. 184—185.
32. УЗНАДЗЕ Д. Н., Психологические исследования, М., 1966.
33. ШЕРОЗИЯ А. Е., Психика. Сознание. Бессознательное, Тб., 1979.
34. ШЕРТОК Л., Непознаное в психике человека, М., 1982.
35. «ШИЗОФРЕНИЯ. МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ», под ред. А. В. Снежневского, М., 1972.

36. ШИЛЬДЕР П., Очерк психиатрии на психоаналитической основе. Одесса, 1928.
37. ШКЛОВСКИЙ В. М., Проблема «бессознательного» и вопросы патогенеза и психотерапии заикания, М., (рукопись).
38. ЯКУБИК А., Истерия, М., 1982.
39. ALEXANDER F., FRENCH T. M., POLLOCK G. H., Psychosomatic Specificity, v. 1, Chicago and London, 1968.
40. AMMON G., В кн.: Бессознательное, т. II, Тб., 1978, 253—267.
41. CANNON W. B., The Wisdom of the Body. N. Y., 1939.
42. FREUD S., Collected Papers. London, 1953.
43. JASPERS K., Allgemeine Psychopathologie. Berlin. 1965.
44. KATZENSTEIN A., В кн.: Бессознательное, т. II, Тб., 1978, 220—223.
45. KATZENSTEIN A., Conscious and Unconscious Processes in Normal and Neurotic Behavior. Berlin, GDR.
46. LOPEZ-IBOR J. J., Masked depressions. Brit. J. Psychiatr., 120, 1972.
47. POLLOCK G. H., В кн.: Бессознательное, т. II, Тб., 1978, 224—228.
48. POLLOCK G. H., В кн.: Бессознательное, т. II, Тб. 1978, 229—237.
49. WEINER H., В кн.: Бессознательное, т. II, Тб., 1978, 268—278.
50. WITTKOWER E. D., WARNES H., В кн.: Бессознательное, т. II, Тб., 1978, 239—249.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ, ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ, ЯЗЫК И ТВОРЧЕСТВО
(К постановке вопроса)

В. В. ИВАНОВ

Институт славяноведения и балканистики АН СССР, г. Москва

По примеру доклада Прибрама, напечатанного в материалах нашего симпозиума [16], и в духе внимания к индивидуальному больному, на котором особенно настаивал А. Р. Лурия, собиравшийся в последние годы своей жизни написать работу «в защиту отдельного клинического случая», я хотел бы начать с одной истории болезни. Во время лечения шизофрении односторонними электросудорожными шоками, которое проводит в Ленинграде группа, руководимая Л. Я. Балоновым, мне пришлось летом 1979 года наблюдать такой случай. Молодая девушка, одаренная художница, не выходит месяцами из тяжелейшего бреда. В него вплетено столько разнообразных символов, что один из психиатров, знакомившийся вместе со мной с историей ее болезни, жаловался на почти полную невозможность выделения основного ядра в этом потоке ассоциаций. После правостороннего шока, когда поведением больной управляло в основном левое (доминантное по речи) полушарие, она, отвечая на вопросы, стала четко описывать мучащий ее комплекс сексуальной вины перед своей матерью (ей чудится, что она потеряла невинность, хотя по данным медицинского обследования она — девушка). До описываемого шока при шоках с противоположной стороны девушка (чьим поведением в короткие промежутки после левостороннего шока управляло преимущественно правое полушарие, ведающее образным восприятием) сделала несколько хороших рисунков. После же правостороннего шока в ответ на просьбу нарисовать что-нибудь девушка изобразила нечто, что я не мог бы истолковать сразу же, если бы не занимался раньше сексуальной символикой наскальных рисунков пещер Верхнего палеолита (попутно замечу, что эти рисунки на протяжение длительного периода истории Homo sapiens характеризовались той схематизацией и установкой на деталь, поданную как бы «крупным планом», которая типична для левого полушария [8], видимо, игравшего особую роль в разных видах знаковой деятельности после победы звукового языка как главного средства общения). Психиатры, не имевшие культурно-антропологической подготовки, не поняли изображения и стали расспрашивать больную. Она им пояснила: «Это мои половые органы». В течение нескольких десятков минут после правостороннего шока левое полушарие больной сосредоточенно занималось самоанализом, результаты которого мы наблюдали и в ее словесных объяснениях своих комплексов, и в таких символических рисунках. Затем (по мере все большей активации правого полушария) снова стал проявляться комплекс вины

уже в достаточно трансформированных формах бреда, которые новому наблюдателю могли бы опять показаться загадочными. Рисуя, больная приговаривала: «Бумага, прости меня! Карандаш, прости меня! И фон, прости меня!» и падала на колени (отбитые от того, что она постоянно бухалась на колени). Завершая рассказ об этой больной, добавлю, что у нее же среди схематизированных рисунков был и рисунок руки с тем значением символа бога, который характерен для первобытного искусства и искусства шизофреников [4]. Для того, чтобы не возвращаться больше к результатам анализа поведения больных при односторонних электросудорожных шоках, я хотел бы также подчеркнуть, что метаязыковые операции весьма характерны для первого часа после правостороннего шока, когда левое полушарие демонстрирует все свои возможности, относящиеся к языку, в том числе и к его метаязыковому употреблению, при котором язык, оборачиваясь на самое себя, служит средством для собственного исследования, как это показано в докладе Р. О. Якобсона на нашем симпозиуме. Язык может использоваться для уяснения самим человеком себе не только языковой деятельности (в норме по отношению к родному языку бессознательной [3, 257]), но и для осознания других сторон поведения, без вербализации остающихся неосознанными.

Не приводя дальнейших аналогичных клинических данных, я перейду сразу к формулировке предлагаемой гипотезы. Несколько авторов в разных странах, занимающихся функциональной асимметрией мозга, независимо друг от друга пришли в последние годы к допущению, что бессознательное связано прежде всего с правым полушарием [5, 116; 6; 12 и др.], в норме немым. В частности, многими обращено внимание на возможность участия именно правого полушария в формировании сновидений (в этом смысле лечение депрессии посредством депривации сна в фазе REM, обсуждающееся в напечатанных материалах симпозиума, в принципе сходно с лечением депрессии правосторонним шоком). Но я позволю себе добавить к этому допущению, которое я неоднократно отстаивал, еще одно: осознанное понимание сферы пола, характерное для взрослого, относится к доминантному по речи (левому) полушарию (и к управляемым им подкорковым областям). Пенфилду при стимуляции электродами определенных зон правого полушария во время операций на мозге удавалось вызывать различные бессознательные воспоминания, но они никогда не относились к сексуальной сфере. Правое полушарие — неречевое (с точки зрения истории личности — в известных отношениях «доречевое») хранилище зрительных образов, но образов уже трансформированных или инфантильных и не содержащих в себе обычно их явной «взрослой» сексуальной интерпретации (даже в тех случаях, когда она весьма вероятна). Представляется целесообразным исходить из противопоставления речевого полушария, к которому по предлагаемой гипотезе относятся и осознаваемые через слово области половой жизни взрослого, и полушария неречевого, которое по характеру своей сексуальности может быть инфантильным и отражать доречевой (неосознанный) период развития сексуальности. Период словесного обучения сексу, в норме весьма длительный, следует за периодом, когда ребенок обучается родному языку. Это представляется возможным показать на таких предельных случаях, как «волчьи» дети (типа Маугли), воспитывавшиеся среди животных и не только не владеющие языком, но и оказывающиеся «сексуально необученными» и потому неспособными к половой жизни, и как слепоглухонемые, которые при отсутствии особого обучения долгое время (уже после совершеннолетия) остаются на весьма инфантильной стадии развития сексуальности. Вместе с тем в норме неречевое правое полушарие может быть источником обра-

зов, основанных на инфантильной и трансформированной (и сублимированной) сексуальности, в частности, оно связано с образным творчеством и с любовью как творчеством и источником творчества (достаточно напомнить хотя бы круг образов, лежащих в основе вступительных строф к «Витязю в барсовой шкуре» [9] и близких к ним представлений в других произведениях средневековой литературы). Правое полушарие отвечает за образность пушкинского «Я помню чудное мгновенье», но не за известный левополушарный авторский прозаический комментарий к биографическому эпизоду, отраженному в этом стихотворении. Личная драма Блока, как и соотношение между разными жанрами стихов (возвышенных, обращенных к Софии, и непристойных) Владимира Соловьева (подлинники которых, как и писем, продиктованных им самому себе от имени Софии, написаны разными почерками, возможно, разными руками, что очень возможно с точки зрения противопоставления функций полушарий), может объясняться тем же отличием образного (инфантильного или сублимированного надсексуального) содержания эмоций правого полушария и вербализуемой (в том числе в цинических или эротических высказываниях) половой активности левого полушария и контролируемых им подкорковых областей. Любовь и творчество в норме, как и бред (типа того случая комплекса вины, с которого я начал) в патологии могут быть соотнесены именно с правым полушарием, а осознаваемый разумом (в том числе и цинически) секс — с левым. Левое и правое полушария противопоставлены вместе с тем и как системы управления, с одной стороны, положительными эмоциями (вплоть до эйфории), с другой стороны, депрессией (чем и объясняется возможность ее лечения депривацией сна или правосторонним шоком) и тенденцией к саморазрушению (в этом смысле значительную опасность может представить неконтролируемое следование друг за другом правых или двусторонних шоков, что можно подтвердить некоторыми примерами из американской клинической практики минувших десятилетий).

В очень гипотетической форме можно было бы предположить, что, в частности, самоубийство (или близкие к этому формы поведения, например, провоцирующие дуэль у русских поэтов XIX в.) и фрейдовский «инстинкт смерти», на роль которого должное внимание было обращено лишь в недавнее время [II, 33, 259], можно связать с правым полушарием (самоубийство — предельный случай, который с этой точки зрения можно описать как убийство правым полушарием левого). Тогда не только различение «я» (соотносимого с левым полушарием), «сверх-я» и «оно» (соотносимого с правым полушарием), но и противопоставление Эроса (левополушарного) и Танатоса (правополушарного) у позднего Фрейда можно было бы истолковать (в духе его раннего опыта «Психологии для неврологов», лишь недавно напечатанного) с точки зрения функциональной асимметрии полушарий.

Для психоанализа характерна ориентированность на слово, доведенная до предела в школе Лакана, но заложенная уже во фрейдовском анализе оговорок (versprechen) и игры слов в каламбурных остротах. Если речевая деятельность прежде всего левополушарна, то естественно, что при речевом осмыслении (вербализации) бессознательного на первый план и выдвигаются словесно осознанные сексуальные влечения как таковые. Но остаются нерешенными вопросы, относяшиеся к области взаимодействия двух полушарий и тех нижних уровней организации мозга, которые с ними связаны. Вопрос первый: мы знаем, что субдоминантное (правое) полушарие пользуется зрительными жестовыми образами, во многом запечатленными (посредством imprinting) еще с раннего детства

(когда дифференциация функций полушарий только начинается). Остается выяснить поставленный еще в письмах Фрейда Флиссу вопрос о том, как рано могут датироваться первые словесные (еще не понимаемые до конца) впечатления. Новейшие работы, предполагающие весьма ранний возраст этих впечатлений [17; 14, 61], могут иметь решающее значение для выяснения того, каким образом ранние несловесные впечатления могут быть переведены на словесный язык. Возможно, что переводу способствует запись и первых услышанных слов, и других рано воспринятых образов в каждом из полушарий еще до закрепления латерализации. Но и позднее подобный перевод с языка неречевых образов на естественный язык необходим и для психоаналитического сеанса. Напрашивается глубокая аналогия с гипнозом, при котором с помощью слов гипнотизера, по-видимому, осуществляется отключение левого полушария и более или менее изолированное функционирование правого [5, 157] (напоминающее левосторонний шок). Далее следует выяснить, не навязывается ли сексуальная интерпретация символики правого полушария при ее вербализации левым, для которого характерна установка на осознанный секс.

Возникает и аналогичный по отношению к первому вопрос: как субдоминантное (правое) полушарие использует словесные символы, типичные для доминантного (левого)? Еще Джексон, открывший первым более 100 лет назад противопоставление функций двух полушарий, отмечал, что афатики сохраняют способность ругаться. Более того, снятие цензуры левого полушария, управляющего «официальными» нормами речевого поведения, способствует более свободному употреблению ругательств. Но нецензурируемая («неофициальная» в терминах М. М. Бахтина) речь правого полушария обычно не относится к сексуальной сфере как таковой. Правое полушарие использует соответствующие слова не в прямом, а в образном употреблении, соответствующем той карнавальной правополушарной образности «гротескного тела», которая по отношению к площадному языку толпы изучена тем же М. М. Бахтиным; в этом плане особый интерес представляет роль слова для осознания всего макрокосма через соответствия с человеческим телом у догонов [10]). Употребление этих же слов только в прямом смысле характерно для некоторых особых форм сексуального поведения (например, у гомосексуалистов), где, вероятно, участие левополушарных механизмов (эротическая роль, в частности, как вид извращенности). Более нормальным (в фольклоре некоторых народов обязательным [15, 551]) является использование таких слов в двух смыслах, напоминающее описанный Фрейдом механизм каламбура.

Правое полушарие в норме (когда осуществляется цензура левого полушария) — бессловесно, и именно в этом отчасти лежат истоки его творческого потенциала. Крупнейший лингвист современности Роман Якобсон в своем недавнем докладе к эйнштейновскому юбилею обратил внимание на особенности мышления Эйнштейна, которое опиралось не на слова, а на бессловесные образы [13; 1, 80—81], бесспорно правополушарные. В этой связи особый интерес представляет то, что уже в зрелом возрасте Эйнштейн хотел найти такие музыкальные и цветовые образы (явно относящиеся по самому своему характеру к сфере правого полушария), которые бы соответствовали его физическим и геометрическим идеям; по свидетельству Л. С. Термена, соответствующие работы в его студии в Нью-Йорке велись Эйнштейном

вместе с Бьют, позднее получившей известность как кинорежиссер. В том же плане следует обратить внимание на особенности речевого развития (или точнее раннего недоразвития) Эйнштейна. Еще в 9 лет Эйнштейн пользовался словами детского языка, позднее он испытывал затруднения при обучении чтению. Ретроспективно сам Эйнштейн видел в своем замедленном речевом развитии одну из причин, облегчивших открытие им основ теории относительности: он говорил, что понял по-новому пространство и время именно благодаря тому, что научился употреблять слова „Raum" и „Zeit" только в таком позднем возрасте, когда другие молодые люди давно уже их говорят, как правило, не задумываясь об их значении, полученном в готовом виде при обучении языку. В качестве проблемы, которая могла бы представить значительный интерес для психологической и биографической истории лингвистики XX в., следует отметить вероятную связь раннего заболевания Н. С. Трубецкого, приведшего к афазии и аграфии и последуюшим депрессивным состояниям (указывающим на эмоциональное преобладание правого полушария), с геометрической ориентированностью позднее им предложенных классификационных типов фонологических систем (в том же плане показательны и его продолжавшиеся занятия музыковедением).

Цензура левого полушария в некоторых случаях должна быть снята (заторможена) для усиления или хотя бы для обеспечения творческой образной деятельности. С этим связано четкое отрицательное отношение к психоанализу крупных художников слова. Всем известны часто повторявшиеся нападки Набокова на венскую школу. Стоило бы посвятить особый психоаналитический этюд выяснению причин этой враждебности автора «Лолиты» (фрейдистское истолкование которой естественно напрашивается) к Фрейду. Но я позволю себе привести и один пример из собственных воспоминаний. Как-то я спросил А. А. Ахматову, почему она так враждебна к психоанализу. На это она мне ответила, что, если она прошла курс психоанализа, искусство для нее было бы невозможно. Я поддерживал ее мысль, сославшись на два письма Рильке, написанных 24 января 1912 г. [2, 514]. В это время подруга Ницше, Рильке и Фрейда Лу Андреас-Заломе уговаривала поэта пройти курс психоанализа; он же ей ответил, что это было бы возможным только в случае, если бы он больше ничего не писал. Выслушав мой пересказ письма Рильке, Ахматова заметила: «Ну, вот видите, значит, я не ошиблась. Со мной это иногда бывает».

Конфликт между стереотипной психоаналитической терапией и поэтическим творчеством лежит в основе фабулы цикла повестей и рассказов Сэлинджера о поэте Симуре. Его герой, пройдя по настоянию своих свойственников-мещан курс психоанализа, кончает жизнь самоубийством. После того, как творческая образная функция правого полушария заторможена из-за включения психоаналитической вербализации, среди разных функций этого полушария побеждает депрессивная—деструктивная. В замысле Сэлинджера отчетливо противопоставлена психоаналитическая клиническая практика в ее вульгаризованном виде и поэтическое творчество, к представителям которых Сэлинджер склонен отнести Фрейда, но не его эпигонов. Любопытно, что в одном из писем к своей невесте сам Фрейд писал, что он надеется в науке достичь того, чего ему не удалось в поэтических опытах (сходно о себе говорил и Эйнштейн, считавший, что свое безграничное воображение он полностью мог использовать в физике, а не в искусстве). Отмеченное Эриком Эриксоном [11, 30] «зрительное любопытство» Фрейда, позволявшее основателю психоанализа проникнуть в сны и воспоминания своих пациентов еще до введения окончательных сло-

весных формулировок, бесспорно говорит о наличии в интуиции самого Фрейда этой правополушарной составляющей (для ее исследования представляет интерес и самонаблюдение Фрейда в письме Флиссу о его «обеих левых руках»). Этой интуиции не хватало многим его последователям (разумеется, среди его первоначальных единомышленников, рано от него отошедших, особняком стоит Юнг, много сделавший для глубинного понимания зрительных архетипов при всей спорности, а зачастую и фантастичности предложенных им словесных толкований). Наибольшие достижения Фрейда (в изучении сновидений и остроумия) связаны именно с проявлением этой его интуиции. Мне кажется, что художественная интуиция Фрейда сказывается и в таких его суждениях об искусстве, как приводимое в воспоминаниях Рейка замечание об излишнем увлечении Достоевского патологическими случаями.

В качестве последнего в ряду примеров, иллюстрирующих то, что я назвал бы дополнительностью (в смысле Бора) психоаналитической вербализации и творческой образной переработки цензурируемых (чаще всего левым полушарием, являющемся представителем коллектива в мозге) комплексов, приведу биографическую предысторию „Steppenwolf" Германа Гессе. Не повторяя уже сказанного в статье Р. Г. Каралашвили о Гессе, напечатанной в материалах нашего симпозиума [7], напомню последовательность основных фактов. Гессе, несколько лет страдавший тяжелейшей депрессией, сразу после окончания первой войны начал проходить курс психоанализа. Его жизненная ситуация все отягощалась, облегчение не наступало, невроз усиливался. В трагической, но на мой взгляд художественно еще не выкристаллизовавшейся форме, этот круг депрессивных переживаний выражен Гессе в позднее опубликованном стихотворном цикле «Степной волк». Но только художественная сублимация в замечательном одноименном романе принесла Гессе освобождение от страданий. Тогда и возникает тот просветленный взгляд на мир, который присущ позднему Гессе. Творчество оказалось завершением процесса лечения, начатого психоанализом. Отчетливое построение всего произведения как описания проведенных автором над самим собой опытов вербализации прошлого, частично сходных с психоаналитическими, лежит в основе книги Зощенко «Перед восходом солнца». По написании ее Зощенко в 1943 г. в моем присутствии говорил, что ему удалось избавиться от тоски, всю жизнь его мучавшей; он хотел с помощью книги сделать этот метод общедоступным.

Возвращаясь от художественной литературы к науке, в заключение я хотел бы привести слова одного крупного физика, познакомившегося с проблематикой функциональной асимметрии. По его выражению, суть состоит в достижении совершенной гармонии правого и левого. Как мне думается, это и есть современная форма той мысли Э. Сэпира о нормальном функционировании бессознательного, которую цитировал Р. О. Якобсон в своем выступлении на симпозиуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. АДАМАР Ж., Исследование психологии процесса изобретения в области математики, М., Советское радио, 1970.
2. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Психология искусства. Ред. и комментарий В. В. Иванова. М., Искусство, 1968.

3. ИВАНОВ В. В., Некоторые проблемы современной лингвистики. В кн.: Общее языкознание. Хрестоматия. Сост. Б. И. Косовский. Под ред. А. Е. Супруна, Минск, Вышэйшая школа, 1976, 23—43 (впервые напечатано в 1963 г.).
4. ИВАНОВ В. В., Об одном типе архаичных знаков искусства и по пиктографии. В кн.: Ранние формы искусства, под ред. Е. М. Мелетинского, М., Искусство, 1972, 165—147.
5. ИВАНОВ В. В., Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем, М., Советское радио, 1978 (серия «Кибернетика»).
6. ИВАНОВ В. В., Знаковая система бессознательного как семиотическая проблема. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III, Тбилиси, 1978, 168—172.
7. КАРАЛАШВИЛИ Р. Г., Функция персонажа как «фигуры» бессознательного в творчестве Германа Гессе. В кн.: Бессознательное. природа, функции, методы, исследования, III, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 529—536.
8. КОХ Е. П., Зрительные агнозии, М., Медицина, 1967.
9. МАРР Н. Я., Вступительные и заключительные строфы Витязя в барсовой коже Шоты из Руставa, СПб., 1910 (Имп. Академия Наук).
10. CALEME-GRIAULE G., Ethnologie et langage. Paris 6, Gallimard, 1965.
11. ERICKSON E. H., Life History and the Historical Moment. New York. W. W. Norton Company. Inc., 1975.
12. GALIN D. Lateral specialization and psychiatric issues: Speculations of development and the evolution of consciousness. In: Evolution and Lateralization of the Brain. Ed. by S. J. Dimond and D. A. Blizard (Annals of the New York Academy of Sciences). vol. 299, 1977.
13. JACOBSON R., Einstein and linguistics (pre-print, March 1979).
14. JACOBSON R., WAUGH L., The Sound Shape of Language, Bloomington-London, Indiana University Press, 1979.
15. LEACH E., Anthropological aspects of language: animal catogories and verbal abuse.— In: New directions in the study of language, ed. by E. H. Lenneberg, Cambridge, Massachusetts, The M. I. T. Press, 1964, 23—63.
16. PRIBRAM K. H., Conscious and Unconscious Processes: a neurophysiological and neuro psychological analysis. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, I, Тбилиси, 1978, 569—584.
17. TRUBY H. M., Prenatal and Neonatal Speech, „Prespeech“, and an Infantile Speech Lexicon. „Word“, vol. 27, 1971, („Child Language — 1975“, ed. by Walburga von-Raffler-Engel.), 57—101.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ПРОБЛЕМА СТРУКТУРНОГО ИЗОМОРФИЗМА МЕЖДУ ГЕНЕТИЧЕСКИМИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ КОДАМИ

Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

Институт востоковедения имени Г. В. Церетели АН Грузинской ССР, Тбилиси

В своем кратком по необходимости выступлении по проблеме бессознательного и высших форм психической деятельности я хочу коснуться вопроса о связях и аналогиях между структурами лингвистического и генетического кода, имеющего, как мне кажется, прямое отношение к дискутируемой теме.

Как известно, в пятидесятые годы нашего столетия в молекулярной биологии было сделано величайшее открытие века, пролившее свет на механизм наследственности. Было обнаружено, что наследственность соответствует сообщению, записанному вдоль хромосом с помощью определенного вида химического алфавита.

В качестве исходных элементов этого алфавита, ее «букв» используются четыре химических радикала, которые в комбинации друг с другом в бесконечных линейных последовательностях нуклеиновых кислот создают как бы химический текст генетической информации. Подобно тому, как фраза составляет сегмент определенного языкового текста, составленного с помощью линейной последовательности небольшого числа исходных дискретных единиц — букв или фонем, так отдельный ген соответствует определенному сегменту в длинной цепи нуклеиновых кислот, представляющих собой четыре исходных химических радикала. И как в лингвистическом коде эти исходные единицы — фонемы сами по себе лишены смысла, но служат для составления с помощью определенных комбинаций минимальных их последовательностей, выражающих уже определенное содержание в пределах данной системы, точно так же в генетическом коде информативен не отдельный элемент системы, не отдельный химический радикал, а особые комбинации этих исходных четырех нуклеотидов по три элемента, создающие так называемые «триплеты».

Поскольку можно составить всего 64 комбинации из четырех исходных элементов по три, генетический «словарь» состоит из 64 «слов», из коих три триплета представляют собой «знаки препинания», маркирующие в длинной последовательности нуклеиновых кислот начало и конец «фразы», а остальные соотносятся с одной из 20 аминокислот. Тут налицо не одно-однозначное соотношение, и среди таких «триплетов» выделяются «синонимичные слова», т. е. такие последовательности, которые соотносятся с одной и той же аминокислотой. Установление подобных соотношений между триплетами из четырех исходных элементов и 20 аминокислотами и перевод длинной цепи «триплетов» в протеиновую последовательность аминокислот, в пептидную цепь и есть считывание или декодирование наследственной информации, со-

держащейся в генетическом коде, подобно тому, как сообщение, закодированное «азбукой Морзе», считывается при переводе его на какой-либо язык. При этом становится очевидным, что все живое на земле обладает «знанием» генетического кода в том смысле, что оно способно правильно считывать генетические «слова», составляющие содержание генетической информации и синтезировать в соответствии с этим протеиновые последовательности. В этом отношении генетический код универсален, его ключом обладает все живое на земле.

Таким образом, бесконечное многообразие всего живого сводится в конечном счете к длиннейшим генетическим «сообщениям», составленным по особым правилам линейной комбинаторики элементов генетического кода, обладающего разительными чертами структурного сходства с кодом лингвистическим. И не случайно, что с самого момента расшифровки генетического кода молекулярная генетика стала обильно заимствовать лингвистические понятия и лингвистическую терминологию при дальнейшем изучении механизма наследственности. Однако характерной чертой лингвистического кода, лежащего в основе естественных языков, которая отличает его от кода генетического, является значительно большее, чем четыре, число исходных единиц-фонем, комбинации которых и составляют минимальные значимые элементы звукового языка. Это создает в языковой системе избыточность, в условиях которой становится возможным исправлять или восстанавливать искажения в сообщениях, возникающие в результате нарушения под влиянием внешних факторов комбинаторики установленных последовательностей исходных единиц. Таким свойством генетический код не обладает, и любая перемутация, или элиминация отдельных элементов в линейной последовательности нуклеотидов приводит неизбежно к искажению первоначально записанной генетической информации.

Выявляемый структурный изоморфизм между двумя различными информационными системами — генетической и языковой, строящимися на линейной комбинаторике исходных дискретных единиц, ставит феноменологический вопрос о природе этих систем и о причинах возникновения подобного структурного изоморфизма. Выдвигаются различные точки зрения.

Наиболее характерен в этом отношении научный спор между двумя крупнейшими учеными современности — лингвистом Романом Якобсоном, нашим нынешним председателем, и биологом-генетиком Франсуа Жакобом, лауреатом Нобелевской премии.

Является ли выявляемый структурный изоморфизм между двумя кодами — генетическим и лингвистическим — чисто внешним, возникшим в результате структурного сближения или совпадения двух различных систем, выполняющих аналогичные информативные функции или же этот изоморфизм есть результат филогенетического конструирования языкового кода по модели, по образцу и структурным принципам кода генетического? Это второе предположение отстаивается Романом Якобсоном, тогда как Франсуа Жакоб допускает скорее аналогичную структурированность различных информационных систем при аналогичных функциях.

Якобсоновское понимание структурного изоморфизма между генетическим и лингвистическим кодами предполагает эволюционный процесс наложения лингвистического кода непосредственно на генетический и скопирования его структурных принципов, осуществляющегося в условиях бессознательного владения живым организмом знаний о характере и структуре последнего. Это полностью относится к сфере бессознательного, к неосознаваемому владению организмом информацией о строении и структуре существенных его механизмов. И все это

выразилось не только в филогенетическом процессе оформления структур языкового механизма по модели генетического кода, но и в различных творческих актах отдельных выдающихся личностей, строящих особые информационные системы в общем по модели генетического кода без эксплицитного знания структуры последнего.

В этой связи уместно вспомнить о теории глоттогонического процесса другого выдающегося ученого-лингвиста Николая Яковлевича Марра, обладавшего тончайшей научной интуицией, доходившей порой до гениальности.

Н. Я. Марр сводит исторически возникшее многообразие языков именно к четырем исходным элементам, состоящим, как это ни странно, из своеобразных звуковых троек — бессмысленных последовательностей — сал, бер, йон, рош. Любой текст произвольной длины на любом языке мира есть в конечном счете результат фонетического преобразования только этих исходных четырех, самих по себе ничего не значащих элементов, скомбинированных в определенной линейной последовательности. Этим, по мнению Н. Я. Марра, и определяется единство глоттогонического процесса.

Глоттогоническая теория Н. Я. Марра не имеет под собой никаких рациональных оснований. Она противоречит и логике современной теоретической лингвистики, и языковой эмпирии, и в этом смысле она иррациональна. Но теория эта, представляющая своеобразную структурную модель языка, весьма близкую к генетическому коду, не иррелевантна для науки и может служить иллюстрацией проявления в ученом интуитивных и неосознанных представлений о структуре генетического кода, очевидно, подсознательно сконцентрированных им при создании оригинальной модели языка. Эксплицитных и осознанных знаний о такой структуре генетической информационной системы Марр иметь, конечно, не мог, как не могли ими обладать и те древнекитайские философы, которые примерно три тысячи лет назад разработали особую систему трансформаций четырех бинарных элементов, составленных из «мужского принципа» ян и «женского принципа» инь и сгруппированных по три, что дает всего 64 троичных последовательности, аналогичных генетическим «триплетам». С помощью сочетания подобных «троек» и описывается в этой древнекитайской символической системе многообразие всего живого и устанавливаются соотношения между ними. Эта символическая система, как и марровская модель языка, поразительно совпадает вплоть до количественных параметров со структурой генетического кода, выступающего, очевидно, в качестве их неосознаваемого субстрата.

THE UNCONSCIOUS AND THE PROBLEM OF THE STRUCTURAL ISOMORPHISM BETWEEN THE GENETIC AND THE LINGUISTIC CODES

Th. V. GAMKRELIDZE

G. V. Tsereteli Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the Georgian SSR, Tbilisi

SUMMARY

The paper deals with the unconscious involved in the interpretation of the structural similarities evidenced by the genetic and the verbal codes. These structural similarities between the two different kinds of informa-

tion-carrying systems—the genetic and the verbal codes—were duly characterized on several occasions by the linguist Roman Jakobson and the biologist François Jacob, who, however, differ profoundly in the interpretation of this structural isomorphism. Does the isomorphism exhibited by these two different codes result from a mere convergence induced by similar needs, or is it perhaps due to the fact that the foundations of the linguistic patterns superimposed upon molecular communication have been modelled directly upon its structural principles?

The latter assumption is the view held by Jakobson. It of necessity involves the mechanism of the unconscious in the process of such a modelling. As a matter of fact, structuring an information-carrying system on the patterns of an existing model presupposes in the living organism unconscious familiarity with the structural principles of the latter. This is true not only of the phylogenetic process of the linguistic code structuring in the form of natural languages, but also of the individual acts of creativity dealing with the formation of an original information-carrying system. In this connection N. Marr's language model should be adduced, postulating four sound triplets as basic units of the language code, different combinations of which yield linguistic sequences of higher order; reference should also be made to the ancient Chinese system of symbols described nearly 3,000 years ago in the Chinese book *I Ch'ng* ("Book" or "Classic of Changes"), the structure of which exhibits a high degree of analogy with the genetic code. The structures in the natural order described in the book just cited correspond exactly to those of the genetic code, all this supporting the idea that a strict relation is imposed by a kind of unconscious filiation between the discussed systems and the genetic code.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

В. Н. ЦАПКИН

ЦОЛИУ врачей, кафедра психотерапии, Москва

1. Еще основатели современной семиотики Фердинанд де Соссюр и Чарлз Моррис подчеркивали тесную связь науки о знаковых системах с психологией. Ярким примером плодотворной разработки теории знаков в психологии служат исследования Л. С. Выготского и Ч. Морриса о роли знаков в регуляции поведения [6]; [41], В. Н. Волошинова (М. М. Бахтина) о семиотической организации сознания [4], Ч. Осгуда в области экспериментальной психосемантики [42]. Хотя на стыке психологии и семиотики еще не сформировалась самостоятельная научная дисциплина подобно, например, психолингвистике, ряд работ советских и зарубежных специалистов [9]; [14]; [36]; [48] убедительно говорит о том, что связи этих наук крепнут и расширяются. Все отчетливее вырисовываются контуры научного направления, которое некоторые авторы называют психосемиотикой [48] или семиопсихологией [9]; [36]. Одной из перспективных областей психосемиотических исследований обещает стать проблема бессознательного.

2. Если осмысление языка как знаковой системы по существу заново открыло для лингвистов предмет их науки и послужило мощным стимулом к развитию структурной лингвистики и семиотики, то в психоанализе, благодаря успехам этих дисциплин, было совершено открытие нового Фрейда — Фрейда-семиотика. Открытие это принадлежит французскому психоаналитику Жаку Лакану[1]. В 50-х годах Лакан и группа его последователей (Лапланш, Понталис, Леклер и др.) провозглашают, что модель языка лежит в основе всей теории Фрейда. Структуралистское прочтение Фрейда получило в последние годы живой отклик и в других странах, где стали появляться исследования, посвященные семиотическому переосмыслению концепций психоанализа [25]; [47]; [26]; [30]; [46]; [49].

Но не является ли открытие семиотических прозрений в работах Фрейда своеобразным научным трюком — попыткой подать в «модной упаковке» старое учение, теряющее популярность? Действительно, элемент мистификации не чужд, например, работам Лакана. Кроме того, метафоричность многих категорий психоанализа (Эрос и Танатос, либидо, Эдипов комплекс и др.), каждая из которых — своеобразный миф в миниатюре, создает возможность самых широких трактовок. Однако трудно не согласиться с мнением современных интерпретаторов Фрейда, которые, отмечая крайнюю методологическую не-

[1] Следует отметить что первое исследование, посвященное семиотической реинтерпретации проблем психоанализа вышло в свет в 1927 г. Это была работа выдающегося советского филолога В. Н. Волошинова (М. М. Бахтина) «Фрейдизм» [5].

однородность его научного наследия, отчетливо прослеживают в нем переплетение двух основных тенденций[2] [44]; [46].

Первая — это построение биологизаторских, механистических моделей функционирования человеческой психики, продолжающих методологическую линию позитивизма XIX века[3]. Другая тенденция, сближающая психоанализ с гуманитарными науками, связана с попыткой Фрейда раскрыть символическую природу человека, объяснить смысловую динамику его поведения. По мнению как марксистских критиков психоанализа [13], [29], так и ряда его представителей (Лакан, Шендз, Эделсон и др.), именно в этой, семиотической области Фрейду удалось сделать свои важнейшие открытия. Например, советский философ Г. Х. Шингаров отмечает, что смысл всего учения Фрейда «сводится к изучению проблемы значения и знака в очень специфической области психической деятельности», т. е. бессознательного психического [24, 18], а американский психоаналитик М. Эделсон видит главную заслугу Фрейда в разработке теоретических основ психоанализа как семиологической науки [30].

В чем заключаются семиологические основы психоанализа? Какие положения фрейдовской концепции бессознательного наиболее созвучны идеям и методам современных семиотических исследований? Чтобы ответить на эти вопросы, последуем совету Лакана — вернемся назад к Фрейду.

3. Л. С. Выготский в «Психологии искусства» пишет: «Бессознательное влияет на наши поступки, обнаруживается в нашем поведении, и по этим следам и проявлениям мы научаемся распознавать бессознательное и законы, управляющие им» [8, 94]. В своих первых психоанатилитических трудах Фрейд показывает, что такими следами и проявлениями бессознательного являются невротические симптомы и сновидения [33], ошибочные и симптоматические действия [21], остроты [20], а также свободные ассоциации [18], [33]. Своим важнейшим открытием Фрейд считал то, что ему удалось обнаружить смысл этих явлений. И это открытие, по его словам, послужило основанием для психоаналитического метода. Анализируя процессы, лежащие в основе образования вышеназванных феноменов, Фрейд устанавливает их структурную гомологичность. Все они являются искаженным опосредствованным выражением бессознательных процессов: конфликта мотивов, вытеснения неприемлемых желаний и связанных с ним переживаний. Например, образование невротического симптома он описывает следующим образом: «...в бессознательном вытесненное желание продолжает существовать и ждет только первой возможности сделаться активным и послать от себя в сознание искаженного, ставшего неузнаваемым заместителя. К этому замещающему представлению вскоре присоединяются те неприятные чувствования, от которых можно было считать себя избавленным, благодаря вытеснению. Это замещающее представление — симптом... В симптоме, наряду с признаками искажения, есть остаток какого-либо сходства с первоначальной, вытесненной идеей, остаток, позволяющий совершиться такой замене». [18, 162].

Из работ Фрейда следует, что невротические симптомы, сновидения, ошибочные действия и т. п. можно рассматривать как своеобраз-

[2] Эти тенденции в работах Фрейда в значительной степени обусловили разделение, например, современного американского психоанализа на сторонников метапсихологического подхода и сторонников «клинической» теории. См. об этом [1, 40]; [III, 210].

[3] Главной причиной ревизии учения Фрейда его учениками и последователями послужило их стремление сгладить эту линию — десексуализировать и гуманизировать ортодоксально психоаналитическое понимание человека (Бинсвангер, Хорни, Фромм, Салливан и др.).

ные знаки (тексты), замещающие вытесненные переживания (конфликт мотивов) и репрезентирующие их в сознании и поведении.

4. Закономерности неосознаваемого образования таких знаков наиболее подробно Фрейд анализирует в «Толковании сновидений». В психической деятельности при образовании сновидений он выделяет две функции: производство мыслей сновидения (скрытое содержание) и их трансформацию в образы явного содержания. Мысли сновидения—это протекающая на уровне предсознательного внутренняя речь. В результате «деятельности сновидения» словесные репрезентации (Wortvorstellungen) мыслей сновидения регрессируют «через бессознательное» к восприятию в виде предметных репрезентаций или образов (Sachvorstellungen). Фрейд выделяет два типа преобразования скрытых мыслей в явное содержание: конденсацию и смещение. Конденсация—это совмещение разнородных элементов (скрытых мыслей) в единый образ (например, составление «коллективных личностей» на основании сходства внешности, имени или фамилии, общности черт характера, профессии и т. п.). Конденсированные образы представляют собой «узловые пункты» сновидения, в которых сходится множество «мыслительных цепочек». Такие образы оказываются сверхдетерминированными и требуют поэтому множества интерпретаций. Смещение—это репрезентация значимых мыслей посредством второстепенных деталей, это операции по де-контекстуализации элементов скрытого содержания. Конденсация и смещение становятся одними из центральных категорий психоанализа, когда Фрейд устанавливает, что эти операции лежат в основе образования всех продуктов бессознательного. Например, он пишет, что во время анализа невротических симптомов «...мы находим также ряд вполне рациональных мыслей, равнозначных нашему сознательному мышлению,.. эти нормальные мысли подверглись анормальной обработке (в результате вытеснения—В. Ц.): были трансформированы в симптом посредством конденсации и образования компромиссов; путем поверхностных ассоциаций, пренебрежения к противоречиям и, возможно, регрессии» [33, 636]. В конечном итоге, перевод «скрытых мыслей» может быть воплощен в самом различном знаковом материале: знаки-символы и иконические знаки сновидений, знаки-индексы и иконические знаки ошибочных и симптоматических действий и т. п.

В одной из работ Фрейд создает даже своеобразную семиотическую классификацию невротических симптомов: «...бессознательное говорит на нескольких диалектах. В соответствии с различием психологических условий, обуславливающих образование определенных форм неврозов и их отличие друг от друга, мы находим закономерные различия и в формах выражения неосознаваемых психических импульсов. Если язык жестов истерии согласуется в целом с пиктографическим языком сновидений, грез и т. п., то умозрительный язык обсессивного невроза... демонстрирует особые идиоматические черты... Например, то, что больная истерией выражает симптомом рвоты, обсессивная пациентка выразит посредством тщательных защитных мер против загрязнения... Все это представляет собой различные репрезентации или вытесненного в бессознательное желания пациентки забеременеть,

или защитной реакции на это желание» [31, 177—178]. Поскольку свое манифестное знаковое воплощение симптомы, сновидения и т. п. приобретают в результате конденсации и смещения, то задача интерпретации каждого такого «текста» заключается в де-конденсации и ре-контекстуализации составляющих его элементов при помощи анализа свободных ассоциаций к этим элементом.

Простейшим примером де-конденсации может послужить интерпретация сновидения Александра Македонского. В ночь перед взятием города Тира ему приснился пляшущий на его щите сатир (satyros). Древнегреческий предшественник Фрейда де-конденсировал это сновидение в предложение, выражавшее страстное желание Александра, обеспокоенного длительностью осады города: „Sa Tyros"—«Тир—твой» [33, 131].

5. Для понимания семантической структуры «следов» бессознательного как знаков особый интерес представляет так называемая модель ребуса. Широко известно, что приверженцы ортодоксального психоанализа рассматривают образы сновидений и невротические симптомы как однозначные, преимущественно сексуальные символы, зафиксированные в «архаическом мышлении» человека и культуре. Такое атомистическое, неконтекстуальное представление о единицах «языка» бессознательного согласуется со «второй» теорией символики, заимствованной Фрейдом у В. Штекеля.[4] Эта теория неоднократно подвергалась серьезной критике, в том числе и сторонниками психоанализа (Бинсвангер, Шендз, Лакан, Уайлден и др.). Например, американский семиотик К. Берк (Burke) называет аналоговые неконтекстуальные интерпретации символов одним из «легких путей, подменяющих длинные и извилистые маршруты». Сверхдетерминированность при таком подходе редуцируется до механистического однозначного детерминизма. Примерами такой редукции можно назвать гипертрофию сексуального в учении Фрейда, *эго*-компенсации в работах Адлера или травмы рождения у Ранка [49, 34]. Нужно отметить, что сам Фрейд рассматривал «символическое толкование» только как вспомогательную технику, применяемую к так называемым «типическим» сновидениям и неспособную заменить ассоциативную и даже сравниться с ней [16, 157]. Кроме того, теория символов с универсальными значениями находится в резком противоречии с его собственной первой теорией. В «Толковании сновидений» Фрейд пишет, что ошибки его предшественников сводятся к тому, что они пытались вывести смысл сновидений непосредственно из образов его явного содержания, а не из их связей (через поверхностные ассоциации) со скрытыми мыслями. Он сравнивает сновидение с ребусом, кажущимся совершенно абсурдным, если рассматривать его как композицию художника, и обретающим смысл, если последовательно заменять каждый изобразительный элемент соответствующим слогом или словом, которое этот элемент репрезентирует.

«Содержание сновидения дано нам в виде пиктографического текста (Bilderschrift), знаки которого нужно последовательно переводить на язык мыслей сновидения. Мы, несомненно, впадем в заблуждение, если

[4] «...постоянное отношение между элементом сновидения и его значением мы называем символическим, а самый элемент сновидения — символом...» [16, 157].

будем пытаться читать эти знаки как образы в соответствии с их изобразительной значимостью (Bilderwert), а не их знаковым отношениям (Zeichenbeziehungen)» [33, 312]. Понимание сновидения как ребуса говорит, во-первых, о неадекватности оторванного от языка «символического» прочтения образов явного содержания; во-вторых, о том, что анализу (т. е. деконденсации и реконтекстуализации) подлежит не «пиктографический», а словесный текст, поскольку «пиктографический» текст имеет смысл лишь как «означающее» словесное. А так как поверхностные ассоциации служат связующим звеном между скрытыми мыслями и явным содержанием, то их «знаковые отношения», о которых говорит Фрейд, выявляются на основе данных ассоциативной техники.

Проанализируем теперь в соответствии с рассмотренной моделью семантическую структуру сновидений и невротических симптомов. Вернемся к сновидению Александра Македонского. Визуальный образ сатира сам по себе не несет значимой информации, необходим его перевод в словесную форму: „satyros“. Словесный же текст де-конденсируется, как мы знаем, в „Sa Tyros“—„Тир—твой“, что репрезентирует скрытую мысль сновидения. Значит «пиктографический» образ сатира выступает в роли означающего по отношению к означаемому «satyros». «Satyros» в свою очередь является означающим по отношению к означаемому— „Sa Tyros“, что репрезентирует фрустрированное желание Александра, т. е. служит означающим этого желания (означаемого). Таким образом, следуя модели ребуса, мы приходим к представлению об образе сновидения как сложному «многоярусному» и многозначному коннотативному знаку. Подобной структурой обладают и многие невротические симптомы. Например, истерический блефароспазм сам по себе, т. е. только на уровне «пиктографического» означающего—соматических ощущений, бессмысленно, опосредствуясь словесной «жалобой» («Не могу видеть» или «У меня глаза закрываются»), может репрезентировать: «Не хочу видеть этого» или «Я закрываю глаза на это», что выражает какой-то неосознаваемый внутренний конфликт. Важнейшим условием, создающим возможность подобных семиотических переводов, которые Леви-Стросс [39] называет «действенностью символики», является многозначность лингвистических знаков. Так, в вышеприведенных примерах образ сатира—результат омонимии, а истерический блефароспазм—продукт полисемии. Согласно Фрейду [33], многозначные слова оказываются «ключевыми» (или «узловыми пунктами») в текстах сновидений или симптомов, поскольку, являясь конденсированным выражением и поверхностных, и глубоких ассоциаций, они позволяют перейти от явного уровня содержания к скрытому. Кроме того, «установка» на перевод словесных выражений в истерические конверсии создается изобилием зафиксированных в языке «психосоматических метафор»: «тошнит от одной мысли о...», «сердце разрывается на части» и т. п. Эти метафоры вошли в язык, по мнению французского философа П. Рикера [45], в результате противоположного перевода—с «языка тела» на естественный.

6. Из всех знаковых систем наибольшее внимание основатель пси-

хоанализа уделил языку. Примечательно, что еще в период неврологических исследований в своей первой монографии «Афазия» (1891) он даже предпринял попытку развить собственную теорию языка [27]. Лакан утверждает, что в полном собрании сочинений Фрейда на каждой третьей странице затрагиваются филологические проблемы, причем «...анализ вопросов языка становится тем подробнее, чем ближе обсуждение касается бессознательного» [37, 159]. Интерес Фрейда к языку объясняется, в первую очередь, той особой ролью, которую слово, речь играет в психоаналитическом методе. «При психоаналитическом лечении, — пишет он, — происходит только словесный обмен, разговор между анализируемым и врачом»[5] [16, 23]. Психоанализ — это «talking cure» — «лечение разговором», как метко заметила знаменитая пациентка Брейера. Работы Фрейда показывают, что те переживания пациента, которые в результате вытеснения не могут быть выражены им во внешней и внутренней речи (т. е. не осознаются), находят искаженное выражение в невротических нарушениях. Можно сказать, что эти переживания потеряли адекватное им «означающее». Отсюда задача психоаналитика: реконструировать на основании имеющихся текстов это вытесненное в бессознательное «означающее», помочь пациенту понять смысл его невротических проявлений. Возвращение утраченного дискурсивного «означающего» на свое место, т. е. на место замещающих его симптомов, это и есть осознание вытесненного содержания.[6] В одном из своих докладов Фрейд сравнивает психотерапевтический эффект осознания патогенных переживаний с магическим заклятием духов:

«...болезненные состояния не могут существовать, когда их загадка разрешается и разрешение их принимается больными. Едва ли найдется нечто подобное в медицине; только в сказках говорится о злых духах, сила которых пропадает, как только называешь их по настоящему имени, которое они держат в тайне» [17, 41].

Поиски утраченного в речи пациента смысла составляют самую суть созданного Фрейдом психоаналитического метода. Ведь главным инструментом этого метода является интерпретация — анализ знаковых структур, и, в первую очередь, структур языковых, поскольку как данное (жалобы, пересказ сновидений, ассоциации), так и искомое (вытесненные мысли) являются дискурсивными текстами. По мнению Ж. Лакана, специфика психоанализа заключается именно в том, что: «его средства — это речевые средства, поскольку речь придает функциям индивида смысл; его область — область конкрет-

[5] Речь не является единственным средством коммуникации. В конкретной ситуации речевого общения огромную роль играет целый комплекс паралингвистических факторов (фонация, ритмика речи, кинесика, мимика и. т. д.), и автор «Психопатологии обыденной жизни» придавал им бóльшое значение для понимания скрытого, бессознательного уровня коммуникации:

«Имеющий глаза, чтобы видеть, имеющий уши, чтобы слышать, может убедиться, что ни один смертный не способен скрыть секрета. Если губы его молчат, то проговариваются пальцы его рук» [32, 49].

[6] Вытеснение Фрейд понимал как диссоциацию определенных предметных представлений (аналоговая память) с соответствующими словесными представлениями (вербальная память). Соответственно осознание какого-либо переживания он рассматривал как восстановление (установление) этих связей [19], [22].

ной речевой ситуации как трансиндивидуальной реальности субъекта, его приемы суть приемы исторической науки...» [37, 117]. Как заметил П. Рикёр, «...далеко не все в человеке — речь, но в психоанализе все — речь и язык» [45, 308]. Остается только удивляться равнодушию, которое последователи Фрейда проявили к пониманию сути «аналитической ситуации», «функции и месту речи и языка в психоанализе»[7]. Но дело тут, по-видимому, не только в их близорукости.

7. Лингвистическая и семиотическая ориентации Фрейда получили наиболее яркое выражение в его ранних работах. Но даже в них равноправными голосами звучат и глубокие семиотические аналогии, и примитивные «механические» метафоры, и монотонные вариации на тему сексуальной гиперболы[8]. А во многих последующих его трудах первый из этих голосов будет уже едва различим. Причиной тому послужит благое стремление Фрейда дать естественнонаучное обоснование теории психоанализа. Но его попытки в этом направлении приведут лишь к тому, что человек в его учении предстанет, по ироничному замечанию кибернетика Э. Уайлдена, в виде «невротической паровой машины... управляемой конфликтующими kybernētai, Эросом и Танатосом, которые ведут между собой непрекращающиеся споры из-за расхода угля» [49, 126]. Кроме того, несмотря на действительно многочисленные ссылки на лингвистику (например, теорию Абеля об архаических словах с амбивалентными значениями), собственно лингвистические представления Фрейда были довольно наивны[9]. А его знакомство с учением Соссюра, которое, по словам Х. Шендза [46], могло бы коренным образом изменить судьбу психоанализа, так и не состоялось.

Как ни парадоксально, но если стремление к научности заставило Фрейда изменить своей первоначальной лингвистической ориентации, то сходный мотив побудил ряд современных психоаналитиков обратиться именно к лингвистике как дисциплине, способной вооружить психоанализ, по их мнению, наиболее адекватным его предмету — бессознательному — научным методом анализа[10].

Поскольку учение самого видного представителя этого направления Жака Лакана уже получило достаточно глубокую оценку с марксистских позиций [13], [29], остановимся только на некоторых важнейших моментах его структуралистского прочтения Фрейда. Наиболее общий вывод, который Лакан делает из его работ, состоит в том,

---

[7] „Fonction et champ de la parole et du langage en psychanalyse“ (1953)—название программной работы Лакана, ставшей своеобразным манифестом нового французского психоанализа.

[8] Множественность и неслиянность самостоятельных голосов-идей, говоря языком М. М. Бахтина [1], в исследованиях Фрейда придает им скорее полифонический чем монолитно-монологический характер. В этом, пожалуй, и сила и слабость Фрейда как ученого. Концептуальная полифоничность, а также образность стиля его научных работ и обусловили разноречивость их последующих интерпретаций: от пансексуальных (Джоунз, Ференчи и др.), нео-бихевиористских (Доллард, Миллер), до прочтений в духе современных кибернетических (Уайлден, Литовиц) и нейропсихологических (Прибрам) представлений.

[9] См. об этом: Э. Бенвенист [2], В. В. Иванов [11], П. Рикёр [45].

[10] Этот парадокс легко объясняется теми историческими изменениями, которые произошли в языкознании после выхода в свет «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Этот труд ознаменовал собой рождение нового научного подхода — системно-структурных исследований в гуманитарных науках.

что бессознательное — это не вместилище хаотических инстинктивных влечений, а «...та часть конкретной речи в ее трансиндивидуальном качестве, которой не хватает субъекту, чтобы восстановить целостность (континуальность) его сознательной (т. е. дискретной — В. Ц.) речи» [37, 49]. Понятие бессознательного в теории Лакана совпадает, по существу, с «символической функцией» К. Леви-Стросса [39], который определяет эту категорию как универсальный набор правил, организующих индивидуальный лексикон и позволяющий субъекту превратить его в речь. Таким образом, бессознательное, согласно Лакану, структурировано как язык, а важнейшими его правилами являются конденсация и смещение. Подтверждение этому положению Лакан находит в знаменитой работе лингвиста Р. Якобсона, посвященной проблемам афазии [35]. В этом исследовании устанавливается соответствие между парадигматической и синтагматической осями языка, т. е. выбором единиц (из кода) и их комбинацией (в конкретном сообщении), с одной стороны, и оппозицией метафоры и метонимии в риторике и стилистике — с другой. Лакан определяет, что конденсация и смещение эквивалентны метафорическим и метонимическим операциям, лежащим, согласно Р. Якобсону, в основе любого коммуникативного процесса.

Маршал Эделсон, один из наиболее ярких представителей «лингвистического» психоанализа в Соединенных Штатах [30], в своих работах проводит параллель между лингвистической трансформационной моделью, разработанной известным американским лингвистом Ноэмом Хомским, и деятельностью бессознательного в том виде, как ее описывает Фрейд в своих ранних трудах. Согласно теории Хомского, в речевой деятельности в соответствии с определенными трансформационными правилами происходит преобразование глубинных семантических структур (абстрактных «ядерных» предложений) в поверхностные (фонетические) структуры. Подобным образом в деятельности сновидения «скрытые мысли» — глубинные семантические структуры — трансформируются в пиктографические тексты сновидения — поверхностные структуры. В результате трансформационных операций любое предложение, образ сновидения или симптом, имеющие одну поверхностную структуру, могут репрезентировать несколько смыслов, несколько глубинных семантических структур. Это — эффект семантической конденсации. (Вспомним известный пример, приводимый Л. С. Выготским: «Часы упали» [7]). В то же время, несколько различных поверхностных структур способны выражать один и тот же смысл. Это — синтаксическое смещение. Таким образом, задача психоаналитика, согласно М. Эделсону, идентична по сути задаче лингвиста: восстановить «вычеркнутые» связи между поверхностными и глубинными структурами[11], или, говоря другими словами, деконденсировать и реконтекстуализировать поверхностные структуры.

Главный недостаток «лингвистической» ревизии психоанализа — отсутствие широкой коммуникативно-семиотической перспективы. Например, структуралистский «лингвоцентризм» Лакана приводит его к иллюзии симметричности системы и структуры естественного языка другим знаковым системам, служит причиной их десемантизации («означаемые» практически совсем «выскальзывают» из теории Лакана). Лингвистическая модель достаточно сильна в описании лишь одного аспекта активности бессознательного — трансформации и репрезентации вытесненных содержаний.

8. Наибольший интерес для построения семиотической модели

---

[11] Независимо от М. Эделсона к сходным выводам приходит и американский филолог Н. Брасс [26]; [27].

взаимодействия сознания и бессознательного представляет концепция Фрейда о двух принципиально различных «языках» и формах мыслительной деятельности «первичного» и «вторичного» процессов. Фрейд отождествляет бессознательное с первичным процессом, характеризующимся свободной циркуляцией энергии, а систему предсознательного-сознательного с вторичным процессом, где происходит задержка, «связывание» энергии. Язык и мышление первичного процесса характеризуются следующими особенностями: 1) оперирование предметными представлениями, т. е. мнемическими следами визуальных, тактильных, слуховых и других восприятий, отличающихся слабой дифференцированностью, семантической расплывчатостью, смещенностью и конденсированностью; 2) континуальный характер мышления, пренебрежение к логическим противоречиям; 3) вневременность или ориентация только в настоящем времени; 4) обращение со словами как с предметными представлениями (т. е. обработка только иконических аспектов словесных знаков)[12]. Особенности вторичного процесса таковы: оперирование преимущественно словесными представлениями; дискретность операций; абстрактно-логическое мышление [19], [40].

Переосмысление высказанных Фрейдом идей о структуре и функциях когнитивно-семиотических систем, которые он называет первичным и вторичным процессами, позволяет сделать ряд важных выводов.

Обращаясь к данным современной нейрофизиологии о функциональной специализации полушарий мозга человека, трудно не заметить принципиального сходства основных особенностей обработки информации в правом и левом полушариях, с одной стороны, и первичным и вторичным процессами — с другой. Этот факт знаменателен не только тем, что дает возможность построить ряд предположений относительно нейрофизиологической природы неосознаваемых психических процессов[13] [34], [40], но и тем, что позволяет ввести рассмотрение проблемы взаимодействия сознания и бессознательного в широкий контекст современных семиотических и кибернетических исследований, в которых вопросам церебральной специализации уделяется особое внимание [12], [15].

Первичный и вторичный процессы можно представить как деятельность двух важнейших динамических систем, составляющих единую макросистему — человеческую психику — благодаря комплементарности их когнитивно-семиотических структур и функций. Устойчивость и адаптивность этой открытой сверхсложной системы определяется синергическим взаимодействием функционально автономных подсистем в осуществлении единой целенаправленной деятельности всей системы, их информационным обменом (знаковой коммуникации) [15]. Первичный процесс — аналоговая система (функциональная система образных и действенных представлений [3], осуществляющая симультанную переработку информации, невербальную коммуникацию, образное континуальное мышление). Вторичный процесс — «цифровая» или дискретная символическая система (система, в первую очередь, языковых представлений, реализующая последовательную обработку информации, организующая речемыслительную деятельность и вер-

---

[12] Многочисленные примеры этого феномена Фрейд приводит в «Психопатологии обыденной жизни» и «Остроумии...» [21], [20].

[13] Например, Д. Гэлин [34] считает, что механизм «вытеснения» можно объяснить как функциональное расщепление активности правого и левого полушарий мозга вследствие торможения нейрональной трансмиссии в церебральных комиссурах.

бальную коммуникацию)[14]. В соответствии с гипотезой Фрейда о фиксации одного и того же психического содержания в форме двух различных мнемических «записей» [19], а также опираясь на исследования А. Пайвио [43], можно предположить, что как аналоговая, так и дискретная системы имеют свою долговременную память и кодируют поступающую информацию, соответственно, в форме символических и образных репрезентаций[15]. Информационная избыточность двойного кодирования характерна для сверхсложных систем, которые в поисках эффективного поведения при неполноте информации стремятся восполнить этот дефицит разнообразием [15], [49]. Следует отметить, что поскольку часть информации, хранящейся в памяти не только аналоговой, но и дискретной системы, не может актуализироваться в сознании (см., напр., [III, 156, 281]), то представляется неверным отождествление бессознательного с первичным процессом (или локализация бессознательного в правом полушарии мозга).

Однако синергическое взаимодействие рассматриваемых нами систем было бы невозможным без наличия интегрирующего их деятельность метамеханизма, который нейтрализовывал бы противоречивое разнообразие, служил бы метаязыком, осуществляющим внутрисистемную (интрапсихическую) коммуникацию [15]. Работы Л. С. Выготского [7] и Н. И. Жинкина [10] позволяют предположить, что функции такого метамеханизма и метаязыка в психической деятельности выполняет внутренняя речь. Благодаря своим семиотическим особенностям (смешанному дискретно-аналоговому коду) внутренняя речь способна переводить дискретные элементы языковой информации в непрерывные, аналоговые структуры, и наоборот [10], т. е. выполнять функции своеобразного аналого-цифрового и цифро-аналогового преобразователя. Так, например, во сне во время фазы сновидений внутренняя речь, по-видимому, трансформирует вербально закодированную информацию (скрытые мысли сновидения) в аналоговые поверхностные структуры (перцептивные образы), в бодрствующем же состоянии перцептивные образы (внешние и квазиперцептивные внутренние) переводятся на язык дискретной системы.

Поскольку Фрейд не видел различия между информационным и энергетическим обменом, вполне оправданным представляется прочтение Ж. Лапланшем [38] и Э. Уайлденом [49] «свободного течения энергии» первичного процесса как свободного течения смысла, а «связывание энергии» во вторичном процессе — как дискретизацию потока смысла, как процесс означения (т. е. связывание вычлененных аналоговых «предметных» представлений с соответствующими словесными представлениями во внутренней речи). Таким образом, внутреняя речь переводит неосознаваемые смыслы в значения, превращает бессознательные знания (аналоговые и символические) в со-знание.

Наш краткий экскурс в область психоаналитических концепций

---

[14] Детальный анализ структурных и функциональных особенностей аналоговых и «цифровых» коммуникативных систем в рамках общей теории поведения открытых целенаправленных систем содержится в исследовании Э. Уайлдена «Система и структура» [49]. Кроме того, в этой энциклопедической по охвату проблем работе проводится глубокий анализ как позитивистской, так и семиотической линий творчества Фрейда в контексте данных кибернетики, информатики, общей теории систем, математической логики, семиотики и лингвистики.

[15] Проблемы образного (аналогового) кодирования, психического статуса образных (визуальных) представлений, вернувшихся в психологию, по выражению Р. Холта [23], из бихевиористского изгнания, вызывают в последние годы оживленные дискуссии среди когнитивистов.

мы предприняли для того, чтобы показать, что во всей концептуальной полифонии творческого наследия Фрейда сегодня наиболее актуально звучат идеи Фрейда-семиотика. Хотя многие из них не являются бесспорными, они требуют серьёзного научного осмысления (и переосмысления) и могут послужить отправной точкой для современного психосемиотического изучения проблемы бессознательного.

SEMIOTIC APPROACH TO THE PROBLEM OF THE UNCONSCIOUS

V. N. TSAPKIN

Central Institute for Advanced Medical Training, Department of Psychotherapy, Moscow

SUMMARY

Emphasizing that Freud's psychoanalytic theory rests upon two different methodological approaches, i. e. the bioenergetic and the semiotic models of the unconscious, the author refutes the positivistic approach and focuses his attention on Freud's contribution to modern psychosemiotics.

The unconscious is viewed as a domain of psychic activity that generates meanings and transforms repressed signifiers and analog meanings into manifest semiotic structures (and vice versa) in accordance with the transformational rules of condensation and displacement. This thesis is supported by the analysis of the semiotic nature of structurally isomorphic manifestations of the unconscious (neurotic symptoms, dreams, etc.) and their semantic structure (implied by Freud's rebus model) as well as the reinterpretation of the primary and secondary processes as two complementary (analog and 'digital') cognitive-semiotic systems mediated by the analog/'digital' inner speech.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАХТИН М. М., Проблемы поэтики Достоевского, М., Советская россия, 1979.
2. БЕНВЕНИСТ Э., Общая лингвистика, М., Прогресс, 1974, 115—126.
3. БРУНЕР Дж., Психология познания, М., Прогресс, 1977.
4. ВОЛОШИНОВ В. Н. (Бахтин М. М.), Марксизм и философия языка., Л., Прибой, 1929.
5. ВОЛОШИНОВ В. Н. (Бахтин М. М.), Фрейдизм., М., Л., Госиздат, 1927.
6. ВЫГОТСКИЙ Л. С., История развития высших психических функций, Собр. соч., т. 3, М., Педагогика, 1983.
7. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Мышление и речь. Собр. соч., т. 2, М., Педагогика, 1982.
8. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Психология искусства. М., Искусство, 1965.
9. ДРИДЗЕ Т. М., Язык и социальная психология, М., Высшая школа, 1980.
10. ЖИНКИН Н. И., Речь как проводник информации, М., Наука, 1982.
11. ИВАНОВ В. В., Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики. В кн.: Труды по знаковым системам VI. Ученые записки Тартусского государственного университета, вып. 308, Тарту, 1973, 5—44.
12. ИВАНОВ В. В., Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем, М., Советское радио, 1978.
13. КЛЕМАН К., БРЮНО П., СЭВ Л., Марксистская критика психоанализа, М., Прогресс, 1976.

14. ЛОГВИНЕНКО А. Д., Зрительное восприятие пространства, М., Изд-во МГУ, 1981.
15. ЛОТМАН Ю. М., Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. М., ВИНИТИ, 1977.
16. ФРЕЙД З., Лекции по введению в психоанализ, т. I. М., Петроград, Госиздат, 1922.
17. ФРЕЙД З., Методика и техника психоанализа, М., Петроград, Госиздат, 1923.
18. ФРЕЙД З., О психоанализе: Пять лекции. В кн.: Хрестоматия по истории психологии, М., Изд-во МГУ, 1980.
19. ФРЕЙД З., Бессознательное. В кн.: Фрейд З., Основные психологические теории в психоанализе, М., Петроград, Госиздат, 1923.
20. ФРЕЙД З., Остроумие и его отношение к бессознательному, М., Современные проблемы, 1925.
21. ФРЕЙД З., Психопатология обыденной жизни, М., Современные проблемы, 1924.
22. ФРЕЙД З., Я и Оно, Л., 1924.
23. ХОЛЬТ Р., Образы: возвращение из изгнания. В кн.: Зрительные образы: Феноменология и эксперимент, вып. I, Душанбе, 1971.
24. ШИНГАРОВ Г. Х., Условный рефлекс и проблема знака и значения, М., Наука, 1978.
25. BAR E., Semiotic Approaches to Psychotherapy. The Hague: Mouton.
26. BRUSS N., Transformation in Freud. Semiotica, 17, 1976, 69—94.
27. BRUSS N., V. N. Vološinov and the structure of language in Freudianism. (Appendix II). In: Vološinov V., Freudianism: A Marxist critique. New York: Academic Press, 1976.
28. CHOMSKY N., Language and unconscious knowledge. In: [47], 3—44.
29. COWARD R., ELLIS J., Language and Materialism: Developments in Semiology and in the Theory of the Subject. London: Routledge and Kegan Paul, 1977.
30. EDELSON M., Language and Dreams: The interpretation of dreams revisited. Psychoanalytic Study of the Child, 27, 1972, 203—282.
31. FREUD S., The Claims of Psycho-analysis to Scientific Interest. London: Hogarth Press, 13, 1953, 177—178.
32. FREUD S., Dora: An Analysis of a Case of Hysteria. New York: Collier Books 1967.
33. FREUD S., The Interpretation of Dreams. New York: Avon Books, 1966.
34. GALIN D., Implications for psychiatry of left and right cerebral specialization: A neurophysiological context for unconscious process. Archives of General Psychiatry, 31. 1974, 572—583.
35. JAKOBSON R., Two aspects of language and two types of aphasic disturbances. In: JAKOBSON R., Halle M., Fundamentals of Language. The Hague: Mouton, 1956.
36. KULKA J., The Sign: Minor tractatus semiotico-psychologicus. Studia Psychologica, 23, 3, 1983.
37. LACAN J., Ecrits: A Selection. London: Tavistock Publ., 1980.
38. LAPLANCHE J., PONTALIS J., The Language of Psychoanalysis. London: Hogarth Press, 1973.
39. LEVI-STRAUSS C., Structural Anthropology. Harmondsworth: Penguin, 1958.
40. McLAUGHLIN J., Primary and secondary process in the context of cerebral hemispheric specialization. Psychoanalytic Quarterly, 47, 2, 1978, 237—266.
41. MORRIS Ch. W., Writings on the General Theory of Signs. The Hague: Mouton, 1971.
42. OSGOOD C. E., SUCI G. J., TANNENBAUM P. H., The Measurement of Meaning. Urbana: University of Illinois Press, 1957.
43. PAIVIO A., Imagery and Verbal Processes. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971.
44. RICOEUR P., Freud and Philosophy. New Haven: Yale University Press, 1970.
45. RICOEUR P., Image and language in psychoanalysis. In: [47], 293—324.
46. SHANDS H., MELTZER J., Language and Psychiatry. The Hague: Mouton, 1973.
47. SMITH J., (Ed.) Psychoanalysis and Language. New Haven: Yale University Press, 1978.
48. ULLMANN I., Psycholinguistik — Psychosemiotik. Göttingen: Vandeuhoeck and Ruprecht, 1975.
49. WILDEN A., System and Structure: Essays in communication and exchange. London: Tavistock Publ., 1972.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ГНОЗИС

(методологические аспекты)

Д. И. ДУБРОВСКИЙ

Московский государственный университет, философский факультет

Существенная роль бессознательного в актах чувственного отражения и мышления, в генезисе творческих новообразований сейчас уже не вызывает сомнений. Это подтверждают обширные феноменологические материалы, накопленные в последние десятилетия, многообразные исследования в психологии и в смежных с нею дисциплинах (психофизиологии, психиатрии, психолингвистики и др.), а также специальные философско-методологические разработки данной проблематики. Однако нужно признать, что успехи подобных исследований пока еще достаточно скромны. Они представляют собой по большей части результаты анализа лишь отдельных аспектов, фрагментов данной проблемы, первые попытки зондирования ее глубинного ядра и создания широких концептуальных подходов к ее разработке.

Вопрос о роли бессознательного в процессах гнозиса получил в материалах Международного симпозиума в г. Тбилиси сравнительно широкое освещение. Некоторые из них были специально посвящены указанному вопросу, в других он фигурировал на втором плане и затрагивался при обсуждении проблематики языка и речи, поведения, психотерапии, художественного творчества и др. Четкая систематизация всех этих материалов затруднительна, поскольку в них представлен весьма разнообразный набор подходов, плоскостей анализа, точек зрения, оценок, исходных концептульных установок.

Отметим, что для описания явлений бессознательного и тем более для объяснения их роли в процессах гнозиса используются не только специально-научные понятия, но вместе с тем широко привлекаются познавательные средства общенаучного и философского уровня (особенно такие общенаучные понятия как «информация», «код», «структура», «функция» и др.). Однако, важно подчеркнуть, что именно комплекс психологических понятий и представлений образует основу описания бессознательного как особой реальности и специфического предмета исследования. В силу этого все внепсихологические категориальные средства частно-научного уровня (взятые, скажем, из нейрофизиологии или из лингвистики), а также категориальные средства общенаучного уровня и даже некоторые понятия философского уровня оказываются с необходимостью «привязанными» (в семантическом и логическом смыслах) к указанному психологическому базису. Это означает, что проблема бессознательного в своем содержательном ядре есть проблема психологическая.

Специфика понятия бессознательного психического обусловлена его противопоставлением понятию сознательного психического. Оба

эти понятия являются по своему основному содержанию психологическими, а не философскими. В философском же понятии сознания охвачены и интегрально выражены не только сознательно-психические, но и нерефлексируемые компоненты и структуры субъективной реальности, т. е. то, что в психологии рассматривается как разновидность бессознательного психического. Отсюда следует, что, по крайней мере, некоторые бессознательно-психические феномены имеют существенное значение для интерпретации структурных, содержательных и процессуальных аспектов субъективной реальности. Но тут необходим конкретный анализ. Абстрактное же утверждение, что все бессознательное психическое есть субъективная реальность (т. е. идеальное), представляется нам некорректным, ибо в таком утверждении как раз и наблюдается диффузия философского и психологического категориальных уровней: психологическое понятие о сознании неявно отождествляется с философским, а понятие идеального берется в некоем психологичском смысле. Тем самым мы пересматриваем наши прежние суждения по этому вопросу [см. III, 71], ибо в них недостаточно учитывалась философская специфика понятия субъективной реальности.

Подчеркнем еще раз, что между психологическими и философскими понятиями, отображающими явления познавательной деятельности, существует особо тесная связь. Однако их употребление в одном контексте требует предварительного проведения специальной процедуры логической интерпретации. Поэтому вполне оправдано стремление некоторых авторов развести психологический и философский подходы к пониманию роли бессознательного в познавательной деятельности. Так, А. С. Кармин верно подчеркивает различие гносеологического и психологического аспектов исследования интуиции. По его мнению, взятая в гносеологическом плане, интуиция должна рассматриваться «как особого рода познавательный акт»; при этом нужно выявить «специфику познавательных операций, с помощью которых совершается интуитивный акт» [III, 91—92].

Думается, однако, что автор слишком суживает гносеологическое понимание интуиции, ограничивая ее лишь скачкообразным переходом от чувственных образов к понятиям, и наоборот [III, 93]. В этом случае остается, например, неясным смысл интуиции в художественном отображении действительности, по поводу которого неуместно говорить о переходе от чувственных образов к понятиям.

Среди материалов советских авторов, рассматривающих проблематику гнозиса, преобладают исследования с позиций концепции установки Д. Н. Узнадзе и его школы[1]. Эта концепция позволяет охватить не только содержательный, но и оперативный аспект бессознательного психического как активного фактора перцептивной и мыслительной деятельности. С этих позиций бессознательное предлагается рассматривать «как область и форму проявления неосознаваемых психологических установок» [III, 29]. Обладая определенным содержанием, скрытым от актуального процесса осознания, такого рода установка обусловливает направленность мыслительного акта, задает конкретный вектор активности всякого отражательного и оценочного процесса, выступает в качестве его организующего начала, но вместе с тем и как санкционирующий механизм результатов познавательной деятельности в данном интервале. Тем самым установка как бы интегрально охватывает многочисленные и разнопорядковые феномены бессознательного, которые обычно фиксируются лишь

[1] Значительный вклад в развитие теоретического содержания концепции установки был внесен в последние годы Ф. В. Бассиным [1]; см также редакционные статьи в трехтомнике «Бессознательное», написанные с участием Ф. В. Бассина.

аналитически — как компоненты чувственного отображения или абстрактно-понятийного мышления или мотивации и т. п., и в этом усматривают особую привлекательность концепции установки. Ее основные принципы и теоретические возможности подробно освещаются в ряде обобщающих статей [III, 140; 1, 4; 1, 2; 1, 6] и др.

Что касается того направления нашей психологической науки, которое объединяется концепцией деятельности, то оно оставляет проблему бессознательного в большинстве случаев вне поля своих главных интересов. Иногда представители этого направления трактуют бессознательные компоненты познавательной деятельности в качестве своего рода эпифеноменов, лишенных какой-либо активной роли. Это проявилось, в частности, в стремлении П. Я. Гальперина связывать понятие о бессознательном лишь с теми фрагментами деятельности, которые протекают, по его выражению, «автоматически» [I, 204]. Такое, слишком узкое истолкование бессознательного, конечно, заведомо неадекватно, на что справедливо обращалось внимание [I, 204—205].

Подобные трактовки бессознательного во многом проистекают из общего подхода к пониманию психического, характерного для представителей «деятельностной» концепции. Здесь отчетливо прослеживается тенденция сведения психического лишь к тому, что является осознанным или было им. Такое узкое истолкование психического влечет обычно слишком широкое истолкование сознательного, в которое включают «все, что когда-то вошло в психику через сознание, утвердилось в ней и теперь, хотя само не осознается, влияет на протекание нашего поведения» [I, 97]. Поэтому заслуживает, на наш взгляд, поддержки критические замечания Ш. Н. Чхартишвили [1, 5] и других авторов, высказанные в адрес концепции А. Н. Леонтьева, явно умаляющей значение бессознательных факторов в реализации познавательной деятельности.

Можно согласиться с В. П. Зинченко, что концепции установки и деятельности, хотя в ряде отношений и конкурируют между собой, в принципе могут рассматриваться как дополняющие друг друга [I, 8]. Тем не менее, остается несомненным, что категориальные средства «деятельностной» концепции в том виде, как она развита ее ведущими представителями [см., напр., 10], не ориентируют на актуализацию проблематики бессознательного и не создают достаточных теоретических оснований для ее разработки.

Концепция установки обладает в этом отношении неоспоримыми преимуществами. Она выражает собой содержательное и своеобразное развитие классической идеи диспозициональности, приобретшей фундаментальный характер в психологии XX века. Диспозициональные аспекты психики (и познавательных процессов, в частности) находились и продолжают оставаться в центре внимания целого ряда психологических направлений, в том числе и психоаналитического. Вспомним, что понятие установки выполняло важную теоретическую функцию в концепции К. Юнга [9], оно играет существенную роль в современной когнитивной психологии. К сожалению, в статьях А. Е. Шерозия [1, 2], А. С. Прангишвили [1, 4] и других представителей школы Д. Н. Узнадзе это обстоятельство не нашло отражения. Между тем критика фрейдизма и его основных модификаций вряд ли может быть полной без специального рассмотрения содержания идеи диспозициональности в психоанализе и особенно — понятия установки в аналитической психологии К. Юнга. Это необходимо было сделать для более основательного выявления оригинальных черт концепции установки в школе Д. Н. Узнадзе.

Для дальнейшего развития этой концепции важна реалистическая

оценка ее теоретических возможностей и результатов исследований, полученных на ее основе. Здесь неуместны преувеличения, встречающиеся иногда попытки универсализации понятия установки. Надо сказать, что в большинстве случаев представители указанной концепции проявляют должную умеренность, они отмечают, что «понятие бессознательного — это категория значительно более широкая, чем понятие психологической установки», что сводить концепцию бессознательного к концепции установки было бы «серьезной методологической ошибкой» [III, 29]. Понятийный аппарат этой концепции, конечно, не позволяет охватить все аспекты многомерного познавательного процесса. Он дает возможность поставить в фокус анализа, так сказать, интенциональный план гнозиса, причем именно уже определившуюся направленность познавательной деятельности, а также самые общие факторы операционального характера, которые, оставаясь за порогом осознания, тем не менее стимулируют движение к цели.

Однако ряд существенных аспектов познавательного процесса не фиксируется в должной степени (а иногда и вообще) указанным понятийным аппаратом. Сюда относится прежде всего само формирование творческого целеполагания, многие факторы реализации творческой интенции, т. е. те кардинальные пункты познавательной деятельности, которые определяют продуцирование новых, нетривиальных ходов мысли, новых содержательных синтезов, истоки которых, как правило, скрыты от прямого осознания.

Разумеется, проблемная ситуация предполагает известную степень определенности, т. е. несет в себе некоторое знание о незнании, а, следовательно, и познавательную задачу, цель, которая инициирует соответствующую направленность информационных преобразований на досознательном уровне. Однако более пристальное рассмотрение показывает, что проблемная ситуация всегда связана с допроблемной ситуацией (или, лучше сказать, с предпроблемной ситуацией) и вырастает из нее. Она может быть охарактеризована как незнание о незнании. Начальные фазы формирования проблемной ситуации, представленной на уровне конкретного индивидуального сознания, связаны с рядом слабо рефлексируемых психических состояний, не получивших пока еще четкого научного описания.

Эти слабо рефлексируемые психические состояния обозначаются обычно как смутные образы, предчувствия, не поддающиеся вербализации влечения и антиципирующие переживания и т. п. Они образуют исток возникающих затем более определенных предвосхищающих интенций, переживаний, метафорических ассоциаций, которые обретают, так сказать, пробное вербальное оформление, но все еще сохраняют высокую степень неопределенности, автономности, независимости от доминирующих в сознании категориальных схем и наличных концептуальных полей, воспринимаются личностью как «чужеродные тела» в потоке сознательного опыта, создают внутреннюю напряженность и своего рода амбивалентность, тенденцию дезинтеграции, которая выступает прелюдией к образованию новой целостности.

Подобные психические феномены, отображенные довольно широко, главным образом, в художественной литературе, знаменуют начальную стадию творческого процесса. Они могут расцениваться в качестве симптомов, ближайших проявлений тех бессознательных процессов, которые лежат в основе всякого подлинно творческого новообразования. Понятие установки вряд ли способно охватить и тем более объяснить весь диапазон подобных феноменов, взятых в их динамике. Тогда бы пришлось постулировать слишком большое число конкурирующих установок, не поддающихся к тому же четкому описанию. Однако без учета всего многообразия указанных феноменов

нельзя адекватно отобразить такой познавательный процесс, который увенчивается подлинно творческим результатом. И здесь необходимы иные концептуальные подходы, которые, впрочем, могут не противоречить представлениям школы Д. Н. Узнадзе, а выступать по отношению к ним как дополнительные и коррелятивные.

Психологические исследования бессознательного находятся сейчас на такой стадии, когда попытки их унификации на базе какой-либо одной концепции преждевременны. Вместе с тем заслуживают внимания те обобщения и частные объяснительные схемы, которые возникают в пограничных областях, на стыках психологии с другими науками. Важное значение для понимания роли бессознательного в процессах гнозиса имеют материалы лингвистики и психолингвистики, что хорошо показано в статье Р. О. Якобсона, в которой раскрывается положение о наличии «постоянного соучастия двояких компонентов в любой речевой деятельности» — сознательных и бессознательных [III, 165]. Тем самым фиксируется первостепенная роль неосознаваемых категориальных структур нашего мышления, задаваемых языком. Эти категориальные структуры во многом определяют не только когнитивные, но и ценностные параметры всякого познавательного процесса. Они обозначаются рядом авторов термином «надсознательное», чем подчеркивается их социокультурный статус, их формирующая и управляющая функция по отношению к текущим отражательным актам.

Разумеется, «основы словесной структуры» (см. там же) не следует отождествлять с наличными логическими и ценностными структурами (как нельзя отождествлять язык и мышление); тем не менее, общность их по целому ряду признаков не вызывает сомнений. Их активная роль прослеживается на всех уровнях познавательной деятельности, начиная с чувственного отражения. Как убедительно показано в последнее время Дж. Брунером [3], всякий чувственный образ оказывается, по его выражению, категоризованным, т. е. отнесенным к определенной категории объектов, причем, сам механизм категоризации не осознается. В то же время и высшие уровни абстрактного мышления, интеллектуальной деятельности обусловлены нерефлексируемыми категориальными структурами и ценностными установками (см., в частности, [16; II, 123]). К ним относится и тот неосознаваемый «эталон вероятного», о котором говорит А. А. Брудный, рассматривая скрытые механизмы понимания теста [III, 100].

Такого рода наиболее общие логические и ценностные инварианты как раз и связаны со скрытыми структурами языка, определяющими набор фундаментальных форм дискретности и целостности, которые присущи мышлению. Разумеется, творческая деятельность — как теоретическая, так и поэтическая —в той или иной степени добивается рефлексии этих скрытых структур и производит в них изменения, новообразования. Эта сложная тема требует специального исследования. Здесь же мы отметим только, что указанные фундаментальные структуры (логико-грамматические и ценностно-смысловые), относимые к уровню «надсознательного», выступают в качестве чрезвычайно существенной социокультурной детерминанты психики, а тем самым и гнозиса, ибо всякий познавательный процесс немыслим вне его языкового оформления и воплощения.

По сравнению с другими компонентами, регистрами, аспектами многомерной сферы бессознательного эти «надсознательные» структуры сравнительно доступны для рефлексирующего анализа, который издавна является объектом специального философско-методологического исследования, ставящего целью именно выявление скрытых глубинных оснований научного мышления (в современной западной фи-

лософской литературе данная проблематика представлена довольно широко; для примера укажем на концепцию «молчаливого знания» М. Поляни [18] и разнообразные феноменологические изыскания [11]. В советской литературе основательная разработка названной проблематики проведена М. Г. Ярошевским [III, 181; 16; 17] и другими авторами [8]). Добавим, что такого рода рефлексирующий анализ является непременным условием крупных концептуальных сдвигов в научном познании, приводящим к возникновению новых фундаментальных теорий.

В материалах Симпозиума значительное внимание было уделено вопросу о соотношении осознаваемости и вербализованности психических явлений. Действительно, в актах гнозиса то, что осознаваемо, зачастую хорошо вербализовано. Однако вряд ли уместно следующее слишком жесткое решение этого вопроса: «Осознание немыслимо без наименования, т. е. без обозначения осознаваемого словом, без вербализации» [III, 40]. Нам думается, что нужно учитывать различные степени осознаваемости и саму динамику осознания. В ряде случаев начальные моменты осознания имеют довербальный характер: мысль уже наметилась, уже «почувствована» мной, но еще не уловлена словами. Подобная ситуация типична для момента зарождения оригинальной мысли и не раз отмечалась великими творцами как «состояние невыразимости», совпадающее часто с начальной стадией оформления новой мысли. Когда процесс оформления достигает известного уровня, наступает первичное вербальное выражение во внутренней речи, для себя, а затем уже — для других. Здесь отчетливо обнаруживается отсутствие синхронности мысли и слова. Оригинальная мысль идет впереди слова, она вступает в сферу осознания раньше, чем обретает словесную плоть. И это обязывает различать осознанность и вербализованность. Тем более это относится к эмоциональным переживаниям, которые достаточно ясно осознаются, но часто лишь с трудом поддаются адекватному вербальному выражению. На необходимость разведения, различения осознаваемых состояний и вербализованных указывают многочисленные данные исследований функциональной асимметрии мозга, оценки процессов художественного творчества, материалы патологии, особенно в случае афазий (см. подробнее: [7, гл. II, § 3]).

Мы остановились на этом вопросе потому, что он имеет принципиальное значение для понимания всякой познавательной деятельности и роли в ней бессознательного. Ведь явление осознания рефлексивно — в том смысле, что оно включает самоотображение познающего субъекта (т. е. не только знание о внешних объектах, но и знание о собственных психических состояниях, в которых отображаются внешние объекты и свойства самого субъекта). Таким образом, всякий акт гнозиса содержит отображение текущей субъективной реальности, и это отображение оказывает существенное влияние на качество, результативность познавательной деятельности, хотя оно, к сожалению, не всегда учитывается в наших гносеологических моделях и концепциях. Между тем самоотображение является важным регулятивным и санкционирующим фактором познавательного процесса, которое также развертывается в сознательно-бессознательном контуре, но по сравнению с отображением внешних объектов, как правило, не достигает адекватной вербализации. Оно зачастую остается лишь на периферии поля сознания, его содержание организовано иначе, чем содержание отображения внешних объектов. И есть основания предполагать, что неосознаваемые механизмы самоотображения достаточно специфичны; их анализ — необходимое условие понимания всякого познавательного процесса. И это относится как к текущему само-

отображению (в данном познавательном акте), так и к интегральному образу своего «Я».

Наряду с попыткой корреляции бессознательного и невербализованного, в материалах Симпозиума мы встречаем попытку рассмотрения бессознательного как неформализуемого (см. [III, 143] и др.). Такой подход сопровождается иногда слишком жестким, не всегда правомерным разграничением осознаваемого и неосознаваемого как формализуемого и неформализуемого. Верно, что многие феномены, относимые к категории бессознательного и выполнявшие важную функцию в процессах познания, не поддаются формализации (об этом свидетельствует, например, малопродуктивный опыт моделирования интуиции). Однако нам думается, что указанное разграничение является все же некорректным. Остановимся на этом несколько подробнее.

Когда производят указанное разграничение, то в центре внимания находится операциональный аспект познавательной деятельности. Многие авторы не без оснований считают, что операциональный состав бессознательных процессов качественно отличается от тех операций, которые присущи осознаваемым интеллектуальным действиям; некоторые говорят даже о наличии тут «иной логики» [III, 168]. Трудность, однако, состоит в невыявленности конкретного содержания той операциональной специфики, о которой идет речь. Возникает своего рода замкнутый круг. С одной стороны, как будто ясно, что в реальном процессе мышления всегда есть такие операции, которые отличаются от известных логических процедур и не могут быть выражены средствами современной формальной логики. Но с другой стороны, этот столь существенный «остаток», не поддающийся формализации, должен быть все же описан в операциональных терминах, ибо иначе его сопоставление с известными логическими операциями теряет сколь-нибудь определенный смысл. Невозможность формализации некоторых психологически фиксируемых феноменов мыслительной (и шире — познавательной) деятельности допускает, в принципе, весьма различные интерпретации. Быть может, это связано с неопределенностью, нынешней невыразимостью того, что предлагается формализовать (ведь имеющиеся в психологии описания такого рода феноменов слишком расплывчаты, выражаются в слишком абстрактной форме). Отсюда — задача повышения степени определенности, конкретности описания операциональной стороны бессознательных процессов на психологическом языке. Лишь после ее решения можно будет с уверенностью говорить о принципиальной неформализуемости тех или иных уровней, регистров бессознательных процессов на основе наличных средств логики.

Однако не исключена и другая версия, которая, кстати, не противоречит первой, а именно: все дело в недостатке наличных средств формальной логики, но последняя быстро развивается, и со временем, надо надеяться, мы сможем формализовать то, что сегодня считается принципиально неформализуемым. Интенсивное развитие логики в последние десятилетия — особенно вероятностной, модальной, многозначной — существенно расширило диапазон формализуемого, но вместе с тем и поставило перед нами новые глубокие проблемы (см. подробнее: [2; 4; 15]).

Вместе с тем успехи формализации интеллектуальных функций открывают новые пласты неформализуемого. Несомненно, что осознаваемые психические функции, доступные формализации, образуют лишь один, зачастую «верхний», результативный слой многоуровневой системы переработки информации в головном мозгу. Эта система, наряду с иерархическим принципом организации, обнаруживает так же кооперативные и конкурентные отношения. Опираясь на современные

нейрофизиологические исследования мозговой нейродинамики, можно предположить наличие некоторого более фундаментального принципа работы мозга, объединяющего иерархический, кооперативный и конкурентный типы внутрисистемных отношений. В чем суть этого принципа, пока остается загадкой. Но, по крайней мере, со времени знаменитых публикаций Дж. фон Неймана [12] утвердилось мнение, что известные логические процедуры явно недостаточны для описания ряда специфических для мозга способов переработки информации.

Все это должно стимулировать дальнейшее развитие логики, ибо трудно допустить, что никакая будущая логическая концепция не сможет приблизиться к описанию основных принципов информационной деятельности мозга, что последняя несовместима ни с какими логическими описаниями. Поэтому когда говорят о «трудностях рационального раскрытия идей бессознательного» [III, 154], о «невыразимости» бессознательного «на языке рациональных категорий» [III, 44], то следует учитывать, что само понятие рационального исторично, что сфера рационального расширяется по мере развития логики, и то, что вчера полагалось как внерациональное, завтра может оказаться вполне рациональным и даже формализуемым.

Можно представить себе различные варианты будущих логических систем, которые способны резко расширить возможности моделирования функций мозга. В свое время нами была предложена гипотеза, согласно которой «целостное функционирование мозга сопряжено с такой логикой, в которой число значений истинности является переменной величиной» [6, 328]. Здесь используется идея нового типа многозначной логики, которая строится не на постоянном числе значений истинности, а на возможности его изменения в широком диапазоне, задаваемом некоторой программой. Мыслимы и другие проекты будущих логических систем и математических структур, способных продвинуть дальше дело рационализации и формализации в интересующей нас области. Такое продвижение происходит и будет продолжаться. В материалах симпозиума, например, справедливо отмечалась плодотворность концепции «расплывчатых множеств» Л. Задэ в исследовании неосознаваемых форм отображения [см. III, 36—37; III, 667 и др.].

Все это заставляет нас возражать против упрощающих суть дела, слишком прямолинейных корреляций сознательного и формализуемого, с одной стороны, и бессознательного и неформализуемого, с другой. Здесь требуется конкретный анализ возможных вариантов отношений, которые весьма разнообразны. Во-первых, многие осознаваемые процессы и аспекты познавательной деятельности тоже ведь не поддаются строгому логическому описанию и формализации (например, я сознательно воспринимаю и переживаю весенние запахи леса, но я не могу однозначно и строго логически описать содержание этого переживания, не говоря уже о его формализации). Во-вторых, многие неосознаваемые процессы и аспекты познавательной деятельности в операциональном отношении не отличаются от тех, которые осуществляются на осознаваемом уровне и могут быть формализованы в такой же мере, как и последние. Мы располагаем достаточными свидетельствами того, что некоторые бессознательные фрагменты познавательной деятельности, взятые в операциональном плане, представляют хорошо известные логические структуры, которые реализуются, если так можно выразиться, в энтимемном (сокращенном, свернутом) виде и протекают только с гораздо большей скоростью, чем на осознаваемом уровне. Вспомним отмечавшиеся еще Гельмгольцем «бессознательные умозаключения», которые могут иметь, кстати, четкую дедуктивную структуру. В равной степени допустимо говорить о бес-

сознательных обобщениях, которые представляют собой результаты типичных индуктивных операций, ничем не отличающихся от тех, которые мы используем на уровне сознательно производимых обобщений.

Поэтому трудно согласиться с О. К. Тихомировым, когда он, сравнивая мыслительную деятельность с машинным, искусственным интеллектом, связывает ее качественную специфику с наличием «бессознательных обобщений». По его словам: «Искусственный концептуальный интеллект» — это интеллект, лишенный бессознательных обобщений» [II, 63]. Но ведь «искусственному интеллекту» нельзя приписывать и сознательные обобщения. Если же имеется в виду операциональная сторона дела (а именно она и подразумевается автором), то тогда надо было показать, чем различаются логические структуры «бессознательных обобщений» и «сознательных обобщений». Признак осознаваемости (или неосознаваемости) сам по себе тут ни о чем не говорит. В равной степени неправомерна попытка автора постулировать в онтологическом смысле некие исконно «формальные» и «неформальные структуры» интеллектуальной деятельности (см. там же, 66), ибо эти определения зависят от тех или иных способов дискретизации интеллектуальной деятельности, выделения в ней соответствующих моментов, аспектов, что обусловлено данным уровнем ее познания, наличными концептуальными средствами ее исследования, прежде всего — уровнем развития логики, математики, методологии научного познания. Поэтому не существует неких изначально и абсолютно «неформальных структур» (как и наоборот). Соотношение «бессознательного» и «неформализуемого» носит весьма сложный характер, требующий в каждом случае конкретного анализа.

Изучение материалов Симпозиума показывает, что общенаучные понятия (особенно «информация») в той или иной степени привлекаются большинством авторов, затрагивающих проблематику гнозиса. Зачастую, однако, указанные понятия не выполняют концептуальной функции, а используются лишь в качестве дополнительного средства описания и анализа неосознаваемых уровней, факторов познавательной деятельности. Заметим, что применение общенаучного понятийного аппарата оказывается логически совместимым с самыми различными психологическими и нейрофизиологическими подходами к данной проблематике; в этом проявляются его широкие интегративные возможности [см., напр., III, 145].

Ниже мы попытаемся показать обоснованность информационного подхода к исследованию роли бессознательного в интеллектуальной деятельности. Это важно сделать, поскольку некоторые психологи [см., напр., 14], не утруждая себя аргументацией, отрицают продуктивность использования понятия информации в указанных целях.

Информация обладает не только синтаксическими (формальными), но также семантическими и прагматическими характеристиками. Она необходимо воплощена в своем материальном носителе, который выступает в качестве ее определенного кода, обладающего теми или иными пространственными и физическими, субстратными характеристиками. Все это обусловливает интегративные возможности «информационного языка», позволяющего объединить в одном концептуальном плане языки естественнонаучного описания (пространственные параметры, масса, энергия и др.) и гуманитаристского описания (содержание, ценность, смысл, интенциональность и др.).

Информацию можно рассматривать как содержание отражения самоорганизующейся системы некоторого объекта. Она несет в себе ценностное отношение и является фактором управления. Поэтому ис-

пользование понятия информации для описания и объяснения психических процессов вполне правомерно.

Допустимо утверждение, что всякое явление сознания есть информация о чем-то, ибо акт сознания отражателен, интенционален, не бывает «пустым», его содержание и есть получаемая субъектом информация о некотором объекте. Но это означает и правомерность использования понятия информации для интерпретации неосознаваемых психических явлений, поскольку они тоже всегда содержательны, представляют собой определенное отражение действительности. В этом отношении бессознательные явления обладают теми же общими признаками, что и сознательные.

Информационный подход, сохраняя психологические определения бессознательного и опираясь на них, позволяет рассматривать этот феномен в более широком теоретическом контексте, включающем нейрофизиологический, нейролингвистический, нейрокибернетический аспекты данной проблематики; при этом акцентируются вопросы исторического становления человеческого способа отражения действительности и перспектив его совершенствования.

Предлагаемый подход создает новый ракурс анализа психического отражения, концентрирует внимание на его генезисе и затем на формировании качества сознательного отражения, его объяснении под углом филогенетического развития самоорганизующихся систем. С этой позиции различие между психической и допсихической формами информационного процесса, обусловленное уровнем самоорганизации, рассматривается как различие способов представленности информации для самоорганизующейся системы, а тем самым и способов оперирования этой информацией. Специфика психического отражения связана с появлением субъективной представленности содержания информационного процесса. Наличие субъективной представленности означает, что здесь информация дана самоорганизующейся системе как таковая, в «чистом» виде, т. е. в ее «выделенности» из своего материального носителя. В результате самоорганизующаяся система приобретает способность оперирования информацией как таковой. Другими словами, наличие субъективного образа и субъективных состояний, наличие психических процессов означает такой уровень отображения и управления, когда информация «выделена» из своего носителя, из своего кода, когда на «высших этажах» управления, наряду с кодовым отображением объекта, отображается содержание этого отображения и элиминируется организация кода, т. е. полностью отсутствует отображение самого носителя информации.

Таким образом, качество психического обусловлено своего рода двойным отображением (объекта и самого отображения этого отображения); такое «вторичное» отображение и выражает данность информации в «чистом» виде. Возникновение этой способности в ходе биологической эволюции знаменует качественно новый уровень активности самоорганизующихся систем, резко расширяет диапазон отображения ею внешней действительности и самой себя (по сравнению с допсихическими формами информационного процесса, в которых отсутствует «выделенность» информации из своего носителя, отсутствует «вторичное» отображение). Психическое отражение возникает на основе допсихического уровня информационных процессов, надстраивается над ним, сохраняя с ним прямые и обратные связи в целостной информационной деятельности сложной самоорганизующейся системы, подобно тому, как новое филогенетическое образование, сохраняя связь со старыми и укореняясь на их основе, приводит к возникновению нового типа целостности. Не исключено, что становление психического уровня информационных процессов ведет к модификации,

преобразованию некоторого подкласса допсихических информационных процессов в данной самоорганизующейся системе, повышая или снижая их информационную емкость, скорость протекания, изменяя их операциональные механизмы.

Вместе с тем всякое психическое отражение обнаруживает двумерность, а именно, единство актуального и диспозиционального планов информационного процесса. Специфическая для психического отражения данность информации в «чистом» виде, «выделенность» ее из своего носителя есть явление актуальное, которое с необходимостью предполагает определенные диспозициональные основания (память, навыки, генерализации, предпочтения, установки и т. п.). Таким образом, уже в психической деятельности животных допустимо выделить особый уровень информационных процессов и образований, который в ряде существенных отношений аналогичен тому, что у человека мы обозначаем как бессознательное. Это как раз и есть диспозиционально-психическое, то, что непосредственно не фигурирует в текущем акте психического отражения, т. е. «сейчас», но что всегда оказывает существенное влияние как на его содержание, так и на его форму, на его значимость для самоорганизующейся системы и его управляющую функцию. Разумеется, указанная аналогия имеет свои конкретные границы, но учет ее весьма важен, ибо характерной чертой многих бессознательно-психических феноменов является именно то, что их содержание не дано нам актуально, а существует и действует лишь диспозиционально.

Описание бессознательного предполагает соотнесенность с сознательным, а последнее определяется как то, что «всегда сопровождается непосредственным знанием о его наличии» [III, 185; см. также I, 98—99]. В большинстве случаев мы не располагаем непосредственным знанием тех диспозициональных факторов, которые влияют на ход психического отражения и его результат, в том числе и на осознаваемую сферу наших психических состояний. Но у животных диспозициональное тоже находится за порогом непосредственно данной им в их психических актах информации(в виде текущих субъективных образов); это, если так можно выразиться, их квазибессознательное.

В ходе биологической эволюции наблюдается развитие психического отражения, т. е. расширение диапазона получаемой информации, возможностей оперирования ею и использования в качестве фактора управления и совершенствования самоорганизующейся системы. На этом пути в ходе антропогенеза возникает качественно новая форма психической деятельности — сознание. Здесь развитие способности оперировать информацией достигает уровня управления самим этим процессом. Точнее, суть нового качества заключается в возможности неограниченного производства информации об информации, что создает и развивает способность абстрактного мышления и творчества, рефлексирующего самоотображения, самосознания. Лишь при таком способе оперирования информацией возникает та неограниченная свобода движения в сфере субъективной реальности (в размышлениях, мечтах, упованиях, фантазиях, экзистенциальных рефлексиях и т. п.), которая характерна для человеческой психической деятельности, обусловливает творческий процесс отражения и преобразования действительности.

Что касается животных, то у них нет сколь-нибудь развитой способности производить информацию об информации и потому нет абстрактного мышления. Структура психического отражения у животных определяется, можно думать, лишь одним «двойным» отображением (создающим качество психического образа, т. е. данности информации в «чистом» виде), в то время как у человека оно многоступенчато,

развертывается в любых направлениях, что и создает свободу мыслительных преобразований, высокую степень их независимости от наличных внешних воздействий, отображаемых в виде чувственных образов. Способы этих мыслительных преобразований зависят от сложившихся логических и ценностных структур, которые выполняют свою организующую, селективную, управляющую функции, независимо от того, осознаются они или нет. Новые степени свободы возможных мыслительных преобразований открываются только в результате изменения указанных структур, причем, в большинстве случаев эти изменения первоначально не рефлексируются, возникая на уровне бессознательно протекающих процессов переработки информации.

Таким образом, человеческая отражательная деятельность обнаруживает три уровня информационных процессов: 1) *допсихический* (на котором отсутствует «раздвоение» информации и ее носителя, информация как таковая не «выделена»; она воплощена здесь в кодовой организации соответствующей подсистемы человеческого организма, заданной в основном генетически; эта кодовая организация не отображается непосредственно на психическом уровне, обладает высокой оперативной автономностью, но, конечно, оказывает на него существенное влияние, определяет его исходные параметры — это обусловлено морфологической, цитоархитектонической заданностью мозговых формаций, организацией и основными функциями отдельных нейронов и нейроглиальных клеток и т. д.); 2) *неосознаваемо-психический,* на котором «выделенность» информации дана лишь диспозиционально; здесь конкретное «содержание» информационного процесса «закрыто» для нас, хотя это «содержание» может косвенно и спорадически проявляться в тех или иных симптомах, субъективных символических формах и т. д.; 3) *осознаваемый,* — «содержание» которого «открыто» для нас и доступно зачастую для произвольного оперирования им.

Хотя первый уровень информационных процессов, будучи фундаментальным, непосредственно не входит в динамическую структуру познавательного акта и обычно не привлекается для его анализа, роль допсихического здесь далеко не безразлично. Особенно важна его связь, по-видимому, с диспозициональными регистрами психического отражения. Этот вопрос еще ждет четкой научной постановки и систематического исследования. Частично он затрагивается в области стыков генетики и психологии (когда речь идет о врожденных задатках, о генетических предпосылках индивидуальных особенностей психической деятельности [см., напр., 13]).

Что касается последних двух уровней (и типов) информационных процессов, то их отношение в структуре познавательного акта не может быть выражено каким-либо линейным способом (иерархическим, конкурентным и др.). Тут нужно вводить модель многомерного отношения: то, что принадлежит к бессознательному, может быть по своему содержанию и форме, по своим управляющим и санкционирующим функциям и т. п. как «низшим», так и «высшим» в структуре познавательной деятельности, может находиться и может не находиться в отношении конкурентности к осознаваемому; в ряде же случаев отношение между ними может обнаруживать типичную амбивалентность по большинству показателей. Поэтому бытующие до сих пор одномерные модели заведомо несостоятельны.

Познавательная деятельность осуществляется в едином сознательно-бессознательно-сознательном контуре, что исключает слишком жесткое противопоставление понятий сознательного и бессознательного, а вместе с тем и тенденцию принижения сознательного, ибо первостепенная функция последнего состоит еще и в том, что именно оно инициирует широкий класс содержательных компонентов бессознательного,

задает цели переработки информации на этом уровне, оформляет и проверяет его результаты, чтобы снова дать импульс и направленность бессознательной активности.

Неосознаваемый и осознаваемый уровни (и типы) информационных процессов различаются по своей кодовой организации, и для того, чтобы определенное содержание неосознаваемого уровня информационных процессов стало осознанным, необходима операция декодирования, т. е. перекодирования данной информации в специфическую для осознаваемого уровня кодовую форму, которая делает информацию «открытой» для личности. Наоборот, переход информации в «закрытую», инициирование со стороны сознательного уровня определенного по содержанию и целям информационного процесса на бессознательном уровне также предполагает соответствующие кодовые преобразования. Эти вопросы требуют, однако, специального исследования.

Таким образом, информационный подход к интересующей нас проблеме создает своеобразный концептуальный ракурс ее анализа. Такой подход, разумеется, не претендует на какие-либо априорные преимущества по сравнению с другими подходами, хотя и предлагает более широкий теоретический контекст рассмотрения феномена бессознательного. Сейчас мы находимся на той стадии исследования, когда поиски новых планов концептуального рассмотрения могут оказаться весьма полезными, и вполне уместна, более того — желательна, конкуренция различных научных подходов, гипотез, разных способов пробного теоретического объяснения.

При этом, ставя в фокус анализа проблематику гнозиса, важно учитывать сложную диалектическую структуру самого познавательного акта, по крайней мере, такие его основные параметры, как содержательный, формальный, истинностный, ценностный, деятельностно-волевой. Это означает, что любой акт познавательного отражения представляет собой определенное содержание, протекает в соответствующих формах, является адекватным или превратным отображением действительности, несет в себе ценностное отношение к отображаемому в нем содержанию и, наконец, обусловлен волевым напряжением и целеустремленностью, выражает активность субъекта. Каждый из перечисленных параметров позволяет фиксировать специфические феномены бессознательного (неосознаваемое содержание, которое может быть верным или ложным отображением действительности, неосознаваемые формы представленности этого содержания, оперативные структуры его преобразования, ценностные установки; диспозициональные факторы волеизъявления, целеобразования и вообще внутренней, в том числе творчески-ориентированной активности). Лишь при условии такого дифференцированного исследования с использованием результатов и средств марксистской гносеологии можно рассчитывать на серьезное продвижение в разработке интегральной модели бессознательного и его роли в процессах познания.

THE UNCONSCIOUS AND GNOSIS (METHODOLOGICAL ASPECTS)

D. I. DUBROVSKI

Moscow State University, Faculty of Philosophy, Moscow

SUMMARY

Fundamental methodological analysis of the problem of the unconscious is an important condition of its investigation at the modern stage. The broad and complex character of the problem calls for a critique and speci-

fication of various analytical planes of investigation and, above all, of the ways of their conceptual unification. Being psychological in its basic content, the problem of the unconscious implies the use—for conceptual purposes —of cognitive means of scientific disciplines related to psychology as well as of a general-scientific and philosophical conceptual apparatus. In this connection, the significance is stressed of general-scientific cognitive means for the construction of an integral model of the unconscious and its role in acts of gnosis.

The correlation between the unconscious and nonverbalized (conscious and verbalized) in thinking processes is discussed, as well as problems of formalization of the unconscious level and operations of intellectual activity. The feasibility of using the „informational approach" in explaining the unconscious mind and its role in cognitive and creative activity is substantiated.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАССИН Ф. В., Проблема бессознательного, М., Медицина, 1968.
2. БИРЮКОВ Б. В., ГУТЧИН И. Б., Машина и творчество, М., Наука, 1982.
3. БРУНЕР ДЖ., Психология познания, М., Прогресс, 1977.
4. ВЕЙЦЕНБАУМ ДЖ., Возможности вычислительных машин и человеческий разум, М., Мир, 1982.
5. ДУБРОВСКИЙ Д. И., Психические явления и мозг, М., Наука, 1971.
6. ДУБРОВСКИЙ Д. И., Информация, сознание, мозг. М., Высшая школа, 1980.
7. ДУБРОВСКИЙ Д. И., Проблема идеального, М., Мысль, 1983.
8. ИДЕАЛЫ НОРМЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, Минск, Изд-во БГУ, 1981.
9. ЛЕЙБИН В. М., Психоанализ и философия неофрейдизма, М., Политиздат, 1977.
10. ЛЕОНТЬЕВ А. Н., Деятельность, сознание, личность, М., Политиздат, 1977.
11. МОТОРИНА Л. Е., Взаимосвязь личностного и надличностного знания. Философские науки, №2, 1982.
12. НЕЙМАН ДЖ., фон, Общая и логическая теория автоматсв. В кн.: А. Тьюринг, Может ли машина мыслить? М., 1960.
13. РУСАЛОВ В. М., Биологические основы индивидуально-психологических различий, М., 1980.
14. ТИХОМИРОВ О. К., Теоретические проблемы исследования бессознательного. Вопросы психологии, №2, 1981.
15. УИНСТОН П., Искусственный интеллект, М., Мир, 1980.
16. ЯРОШЕВСКИЙ М. Г., Категориальная регуляция научной деятельности. Вопросы философии, 11, 1973.
17. ЯРОШЕВСКИЙ М. Г., Сеченов и мировая психологическая мысль, М., Наука, 1981.
18. POLANYI M., Personal Knowledge. London, 1959.

ПАМЯТЬ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Д. Ш. ПАРДЖАНАДЗЕ

Тбилисский государственный университет

Память по своей сущности неразрывно связана с бессознательными явлениями психики. Даже поверхностное описание функции памяти предполагает существование бессознательного (ведь память в латентном состоянии не что иное, как содержание, сохраняемое в бессознательном виде). Поэтому вызывает удивление, что исследований, в которых дана была бы попытка подойти к объяснению ряда вопросов памяти с позиции бессознательного, меньше, чем следовало бы ожидать.

Бессознательное в процессах памяти может проявиться в следующих ее аспектах: 1) в процессе отражения раздражителя, 2) в самой форме сохранения информации, 3) в динамической организации сохраненного материала и 4) в продуктивном применении его согласно актуальным потребностям и нуждам организма.

Где и как хранится информация и каким механизмом регулируется выход ее в сознание или включение ее в целостную деятельность личности, было одной из главных проблем, над решением которой работали целые поколения ученых. И хотя многие из них не обращались к понятию бессознательного, оно всегда присутствовало как существенная составная часть понимания памяти. Поэтому современный анализ и интерпретация результатов этих исследований выявляют ряд интересных фактов и закономерностей памяти и ее механизмов в плане проблемы бессознательного.

Ввиду сложности самой природы памяти на протяжение всей истории ее изучения ученые отдавали «предпочтение» то одному ее аспекту, то другому. Был период, когда функцию памяти сузили настолько, что ее понимали лишь как хранилище прошлых впечатлений, отняв у нее активность и динамику. Была и другая крайность, когда всю психику сводили к процессам памяти в широком смысле слова (правда, второй подход имел больший резон).

Однако, факты ведут ученых по своей логике. Значение памяти для человека не вмещалось в узкие рамки понятия хранилища. Память — нечто большее, чем простой склад впечатлений. Память — это динамическая система, без активного участия которой невозможен ни один процесс познания.

Действие памяти начинается с процесса восприятия. Но, в свою очередь, и восприятие зависит от прошлого опыта личности, который не только организует динамичный фон для приема информации, но и активно вмешивается в этот процесс. Признание такой активности было вызвано необходимостью объяснить особо демонстративные факты различий в восприятии, носящие интер- и интраиндивидуальный характер. Впервые на это указал Лейбниц [14], который ввел в психологию понятие апперцепции. Вначале апперцепцию связывали с действием

различных психических функций. Так, например, согласно Лейбницу, не вся совокупность восприятий входит в сознание, т. е. сознанием воспринимается не весь объект или явление, а та часть, на которую направлено внимание. Апперцепция для Лейбница есть результат пассивного принятия перцепций и активной деятельности субъекта при этом. По Лейбницу, апперцепции без внимания не бывает.

Авенариус считал [14], что апперцепция определена экономией мышления, которое ограничивает появление необходимых представлений из прошлого опыта. Не трудно заметить, что в обоих случаях апперцепция, по мнению авторов, направляется процессами сознания.

Очень важное влияние на последующее развитие понятия апперцепции имел взгляд Гербарта на механизм апперцепции. Гербарт [14] подчеркивает активную природу прошлого опыта, находящегося в неосознанном состоянии. Апперцепция данного предмета для него означает всплывание навстречу объективным ощущениям, идущим от предмета, соответствующих до того момента бессознательно существующим представлениям (апперцепирующей массы). Эти представления ассимилируются с ощущениями, и вследствие слияния представлений с актуальными ощущениями происходит восприятие определенного объекта. У Гербарта впервые встречаемся с «Я», которое строится из прошлых представлений. И хотя Гербарт фактически отождествляет личность (Я, субъект) с прошлым опытом, он тем самым подчеркивает огромную роль прошлого опыта (бессознательной апперцептирующей массы) для психической активности.

И для Вундта [3] апперцепция связана с вниманием. Вундт указывает на большую сложность анализа мотивов внимания. «В апперцептивных последовательностях участвует и влияет вся совокупность того, что было вообще пережито данным индивидумом, вся предшествующая история его развития, которую в каждом частном случае совершенно невозможно точно проанализировать» [3, 50]. Почему нельзя проанализировать? Потому, что весь прошлый опыт слился в одно целое. Это слияние произошло как бы самой собой. Здесь уже нет той однозначной зависимости, когда каждое следующее звено определено предыдущим.

Джемс термину «апперцепция» предпочитает термин «ассимиляция», считая, что этот последний лучше выражает активный характер процесса. «Прошлый опыт активно вмешивается в процесс познания и модифицирует его, но он и сам видоизменяется под влиянием новых впечатлений» [2, 275]. Джемс проводит аналогию между действием апперцепции и ассоциацией. «Данный объект опыта вызывает в нас то или другое представление в зависимости от нашего характера, привычек, памяти, воспитания, наших предшествующих опытов[1] и нашего настроения в данную минуту, в общем от всей нашей природы и нашего психического склада» [2, 276]. Не трудно заметить, что объем понятия апперцепции заметно расширился. Появилась возможность преодоления основного порока традиционной психологии, не учитывающей целостной личности, в которой все психические функции находятся во взаимосвязи. Однако Джемс не пользуется такой возможностью и в конце концов действие апперцепции сводит к функции мышления. «Победоносное ассимилирование нового со старым есть в сущности типичная черта интеллектуального удовольствия» [2, 279].

[1] Кажется немного странным, что Джемс не относит к функции памяти влияние прошлого опыта на познавательные процессы — странным потому, что именно американской психологии присуща тенденция чрезмерного расширения понятия памяти. Память, по Джемсу, есть «знание о минувшем душевном состоянии после того, как оно уже перестало непосредственно сознаваться нами».

Апперцепцию Джемс понимает, как сознательный процесс взаимодействия представлений между собой.

Специфика языка — быть носителем гораздо большей информации, чем это представлено осознанным его содержанием. Способность досознательно отразить с помощью слова общее между объектами делает возможным развитие познавательной активности субъекта, так как слова служат ориентирами для нее. Эту мысль на примере художественного слова и повседневных понятий убедительно доказала Д. И. Рамишвили, заключив, что общие отношения объективного мира находят отражение в психике человека лишь посредством речи, лишь через языковый процесс и тем самым обусловливают возникновение предметного сознания, восприятия мира как упорядоченного целого.

В языке, слове отражается не только значение объекта, но и вся система отношений, фиксированная как в социальном, так и в индивидуальном опыте человека. Однако не все моменты этой системы могут осознаваться человеком заранее. И, тем не менее, они активно участвуют в деятельности человека — в процессах отражения нового, при решении актуальных задач и т. д. Если новое не находит опоры в старой системе отношений, то это новое проходит для человека незамеченным.

Та же закономерность лежит в основе того факта, что каждое явление воспринимается человеком в зависимости от того, в какую систему оно вошло, т. е. одно и то же явление для разных людей может иметь разную «ценность». Так, например, историк совершенно иначе воспринимает даже неизвестные ему развалины крепости, чем человек, никакого отношения не имеющий к истории и не интересующийся ею.

«В наших умах, — пишет Джемс, — происходит постоянная борьба между стремлением сохранить наши идеи в неизмененном виде и стремлением к их обновлению» [2, 279]. Согласно Джемсу, это — осознанное стремление. Но о каком осознании может идти речь у двухгодичного ребенка, который, впервые увидев апельсин, называет его мячиком (пример Джемса). Именно этот пример говорит о бессознательной природе влияния прошлого опыта на восприятие. Прошлый опыт представлен в сознании ребенка словом «мячик», но когда ребенок впервые видит апельсин, он по некоторым признакам отождествляет его с мячиком. Но ведь никто не будет утверждать, что это отождествление у ребенка является результатом сознательного противопоставления признаков апельсина с признаками мячика.

Слово, речь является опорой для прошлого опыта. На это указывали многие, но соответствующих выводов не делали[2]. На наш взгляд, в этом отношении очень продуктивна теория Д. И. Рамишвили о системном характере отражения, утверждающая необходимость наличия на каждом определенном уровне развития психики, системы ориентиров для вступления в действие отдельного стимула. Нам кажется, что применение этой теории может пролить свет на многое [9].

Организм приобретает опыт на всех ступенях развития психики. Это — один из основных и специфичных ее законов. Однако отражение и применение опыта на разных уровнях развития происходит по разному, в соответствии с теми ресурсами и возможностями, которые имеются у организма на данной ступени. На основе анализа богатого этологического материала Д. И. Рамишвили заключает, что «тот или иной раздражитель может быть выделен, встать в центре перцептивного процесса живого существа и выполнить функцию стимула лишь на ос-

[2] Штайнталь пишет: «Ребёнок, никогда не видевший никаких столов, кроме четырёхугольных, видит в первый раз круглый стол — и его апперцепцирующая масса — «стол» — тотчас обогатилась. К его прежним сведениям о столе присоединяется новая черта: столы не должны быть обязательно четырехугольными, они могут быть круглыми» [2, 276]

нове данности системы определенных отношений» [9, 39]. Генетически ранними системами являются системы, построенные на временных и пространственных распорядках и действующие в наличной ситуации hic at nun. Каждому виду присуща «своя» система отношений, которая помогает ему уловить в процессе психического отношения конкретное явление — полезное и необходимое, либо угрожающее. Но психическое отражение развивается в процессе приспособления к изменяющимся условиям окружающей среды. Это осуществляется за счет подвижности и умножения новых систем. Именно этим можно объяснить на уровне антропоида возможность появления качественно новых систем, в частности, способность психики объединить две системы в одну при решении актуальной задачи (сравните с «практическим интеллектом» Кёллера). Однако, аналогичные случаи, правда единичные, даны и на очень низких ступенях развития (случаи Einsicht-a у крыс). Все это свидетельствует о том, что возникла новая совокупность отношений на базе имеющихся систем. Согласно Бойтендайку, в этом и заключается продуктивная природа психики.

На человеческом же уровне в роли ведущих систем ориентиров выступает язык, языковая активность. «В этой последней постоянно и непрерывно фиксируется социальный опыт, далеко выходящий за пределы всякого индивидуального существования и тем самым освобожденный от прикованности к конкретной ситуации и актуально данным содержаниям сознания. В соответствии с этим системы, данные посредством языка и направляющие человеческое сознание, отражают самые общие, самые абстрактные отношения объективного мира. Именно благодаря этому обстоятельству, человеческая психика может отразить такие моменты объективной действительности, которые лежат по ту сторону животного существования и возможностей» [9]. Вместе с этим Д. И. Рамишвили совершенно справедливо подчеркивает, что «под социальной природой языка следует понимать не только знания, которые выходят за пределы нашего опыта и включают в себя выводы, сделанные великими мыслителями и исследователями, жившими до нас, и которые сосредоточены в библиотеках, но что благодаря языку, даже если человек не переступал порога библиотеки, он все же является сыном своей эпохи» [9].

Если на низших ступенях развития поступление индивидуального опыта строго ограничено и происходит на основе специфичных (для данного вида) систем отношений[3], то на уровне вербальной психики данные в языке общие отношения в виде систем и их взаимопроникновения создают возможность неограниченного прохождения все новых и новых объектов и их признаков в отражательную.

Но не только новые впечатления способны взбудоражить старые системы. Находясь в нашей памяти, они не остаются неизменными. Там, в глубине нашей психики, за рамками сознания, они, будучи частями нашей личности, продолжают «работать»: влияют друг на друга, изменяются, перекрывают друг друга, соединяются, выявляя все новые и новые отношения и грани отраженных явлений. Иначе невозможно было бы объяснить множество фактов внезапного озарения при решении проблем, уверенности в воспоминаниях и т. д.

Симптоматичен анализ математического творчества, предпринятый Пуанкаре, который старается доказать «бессознательную работу» нашей психики. Согласно Пуанкаре, озарение, которое приходит к человеку в творчестве, — мнимое озарение. На самом деле это результат дли-

[3] В опытах Фолькельта паук не узнаёт и даже пугается мухи вне своей паутины. Совершенно логичен вывод, согласно которому зрительные или другие модальности приходят в активность при данности этой системы. Вне её они теряют свою силу.

тельной неосознанной работы, вследствие которой сознательная работа стала более плодотворной. И далее: «Математическое творчество не есть простая сумма силлогизмов. Математические факты — это такие факты, которые открывают нам связь между другими законами, известными уже давно, но ошибочно считавшимися не связанными друг с другом» [6, 361].

В этом контексте, по нашему мнению, уместно вспомнить Штерна, который одним из первых обратил внимание на интериндивидуальные различия способности человека применить прошлое при решении актуальной задачи в том случае, когда связь прошлого с настоящим не очевидна. К функции какой познавательной активности можно отнести эту способность — продуктивно применить свой прошлый опыт для решения актуальной задачи, — если не к памяти в широком смысле этого слова?

Здесь встает очень важный вопрос: как находит человек в своей памяти ту информацию, без которой решение задачи было бы невозможно. Для решения этого вопроса надо вспомнить о том, что действуют не отдельные психические процессы, а личность в целом и что строго ограниченных границ ни одна из психических функций не имеет.

Из числа исследователей психологии памяти одним из первых на этот вопрос попытался ответить Бартлетт. Он указывал на возможность неосознанной переработки материала в «схемах»[4]. По содержанию и функции отдельно взятая «схема» мало чем отличается от вышерассмотренной «апперцепирующей массы».

Схема, по определению Бартлетта, — активная организация прошлых реакций. Прошлое действует как унитарная масса, а не как сумма отдельных явлений. Каждое новое впечатление меняет эту схему и само меняется под влиянием схемы. Бартлетт особо подчеркивает, что для формирования и активации схем участие сознания не обязательно.

На человеческом уровне, когда в дело вступают социальные отношения с другими людьми, хронологическая организация схем, достаточная на низших ступенях развития психики, должна быть уже заменена более сложной организацией, которая обеспечивает нахождение необходимой для деятельности информации не только из непосредственно предшествующего опыта.

Именно для решения вопроса: как находит человек в прошлом опыте точно ту информацию, которая необходима в данный момент, — Бартлетт вводит понятие «аттитюда». Аттитюд и схема являются для Бартлетта основой психологического механизма памяти.

Согласно Бартлетту, человек воспринимает не отдельные детали сложного явления или ситуации, а получает общее впечатление от воспринимаемого явления, и на основе этого впечатления он конструирует детали. Ссылаясь на экспериментальные данные, Бартлетт указывает, что такое конструирование может оказаться в деталях не совсем точным, но, по его мнению, это неважно, так как в жизни точное воспроизведение не обязательно Главное — сохранить и воспроизвести суть явлений.

Общее впечатление и есть для Бартлетта аттитюд, который играет решающую динамическую роль в процессах памяти. Аттитюд, по словам Бартлетта, субъективно переживается как сложное психическое состояние, которое очень трудно описать словами, но которое носит аффектив-

[4] Следует отметить, что уже то обстоятельство, что представители различных школ и поколений на основе различных фактов и понятий приходят к одному и тому же заключению о существовании динамической организации прошлого опыта, указывает на существование динамической организации прошлого опыта, указывает на существование объективной закономерности, которая нуждается в нахождении соответствующего места в системе научных знаний о психике.

ный, чувственный характер. «При запоминании первое, что появляется у субъекта, это аттитюд, на основе которого происходит и запоминание, и воспроизведение. Аттитюд ведет за собой процесс репродукции и он же является индикатором ее достоверности» [13].

Однако, несмотря на то, что своей теорией Бартлетт внес значительный вклад в развитие психологии памяти, некоторые аспекты его теории не до конца разработаны.

В первую очередь это касается понятия схемы, которая, согласно Бартлетту, является формой хранения прошлых впечатлений. С введением понятия схемы. Бартлетт подчеркивает отношение субъекта к реальному миру, способность сохранить объективный мир не в виде отдельных представлений, а в виде общей картины, сути явлений. Однако из суждений Бартлетта не ясно, к какому психологическому явлению или процессу относится схема. Что это — обобщенный образ, мысль или что-то другое?

Если встать на позицию Д. Рамишвили и принять положение о первичности языка в ее интерпретации, понятие схемы приобретает бо́льшую реальность. И становится понятной неограниченная способность психики человека объединять прошлый опыт и вновь поступающую информацию во все новые и новые системы и тем самым обеспечивать поступательное движение психической активности.

Симптоматично, что положение о системном характере отражения объективной реальности [9] прекрасно объясняет подмеченную Бартлеттом закономерность, что схемы на низких ступенях развития (на довербальной ступени) должны быть построены по хронологическому принципу, т. е. ограничены во времени и пространстве (см. выше).

Что касается аттитюда, на первый взгляд может показаться, что это понятие имеет некоторое сходство с установкой Узнадзе. Эту иллюзию сходства создает динамизм обоих понятий. У Бартлетта аттитюд является ведущим фактором как при восприятии, так и при репродукции. Он ведет, регулирует отражение и познание. Однако, для Бартлетта аттитюд — это аффективное состояние субъекта, которое проявляется в ряде психических переживаний — сомнении, удивлении, негодовании. Бартлетт описывает случаи, когда испытуемые вначале характеризовали запоминаемый материал как знакомый, пропорциональный, интересный, приключенческий и через некоторое время воспроизводили его на основе этих характеристик.

По нашему мнению, данные примеры больше указывают на ассоциативную связь между материалом и его эмоциональной оценкой. Это является скорее доказательством сохранения сопровождающих эмоциональных состояний, чем аналогом установки Д. Н. Узнадзе.

Существенным и специфичным признаком установки, согласно Д. Н. Узнадзе, является то, что она не дана в виде феноменологического процесса. Д. Н. Узнадзе особо подчеркивает роль всей личности в процессах отражения и познания. «Установка является модусом субъекта как целостной личности. Поэтому вполне допустимо, чтобы содержание сознания, формированное на основе определенной установки, исчезло, а установка продолжала существовать, что значит, что прошлые переживания продолжают существовать не в виде следа или бессознательных представлений, а в виде установки» [10, 332].

Именно установка обеспечивает нахождение той информации, которая необходима в данный момент. Собственно говоря, эту же функцию приписывает Бартлетт аттитюду, однако методологическая основа этих двух понятий совершенно различна.

Д. Н. Узнадзе подчеркивает, что сохраняется установка совсем иначе, чем определенный след. «Когда говорим о сохранении установки, это значит, что продолжает существовать определенный модус

субъекта, сам субъект, определенно направленный. Несомненно, что в латентном периоде памяти установка не дана актуально. Актуальной она становится только в момент репродукции. Но, тем не менее, сам субъект ведь продолжает существовать. Это уже не тот субъект, который был до появления у него определенной установки. Если его поставить в соответствующие установке условия, он будет действовать совсем иначе, чем действовал бы до ее образования. В данном случае имеет место актуализация его установки. Таким образом, мы имеем полное право говорить о сохранении установки, о продолжении ее существования даже тогда, когда эта установка не актуальна. Однако это сохранение совершенно отлично от сохранения отдельных переживаний (сравните с Бартлеттом — Д. П.). Оно является сохранением самого субъекта, уже измененного в определенном направлении, субъекта, обладающего определенными диспозиционными возможностями» [10, 333].

Именно поэтому становится понятной возможность психики человека применить свой прошлый опыт при решении актуальных задач даже досознательно. На основе актуальной и актуализированной установки прошлый опыт модифицируется, трансформируется, происходит скрещивание старых и вновь поступающих систем, что и обеспечивает продуктивную реакцию на актуальные задачи, поставленные реальностью перед человеком. Если вспомнить указанные Штерном интериндивидуальные различия этой способности, то не трудно увидеть основу этих различий в особенностях самой установки.

В наших экспериментах [4] решение поставленной перед испытуемыми задачи было возможно только на основе прошлого опыта, хотя необходимость его применения была завуалирована и не очевидна. Оказалось, что результаты зависели от характеристик установки, в частности, статичность, высокая возбудимость и стойкость фиксированной установки коррелировали с эффективным применением прошлого опыта при решении задач. Причем, и это особенно важно, сами испытуемые не осознавали, что при решении задачи им был применен прошлый опыт. Этот последний оказался включенным в совершенно новую систему, осознать роль прошлого опыта в которой они были в состоянии только после вмешательства и наводящих вопросов экспериментатора. Эти результаты еще раз демонстрируют тот факт, что активность установки возможна без ее феноменологической данности.

Важные результаты в этом отношении были получены в экспериментах В. В. Григолава [1], в которых подтверждается возможность отражения и сохранения иррелевантных раздражителей. Причина различий этих результатов со сходными результатами Кюльпе, по автору, в том, что Кюльпе «следы восприятия иррелевантного раздражителя ищет в сознании (памяти)», а Григолава — в целостном состоянии личности, которое представлено в виде установки.

Однако, следует отметить, что упоминание памяти, наряду с сознанием в том контексте, который дан у В. В. Григолава, по нашему мнению, не совсем уместно, так как иррелевантные раздражители сохраняются именно в памяти в *широком* смысле этого слова. Ведь память не исчерпывается только сознательными процессами, сознательным поиском прошлой информации. Установочная теория памяти [10, 332] предполагает сохранение установки целостной личности. Поэтому в необходимых условиях личность на основе актуализированной, а также актуальной установки мобилизует свои ресурсы и возможности для решения насущных задач.

MEMORY AND THE UNCONSCIOUS

D. Sh. PARJANADZE

Tbilisi State University, Faculty of Philosophy and Psychology

SUMMARY

The article deals with the problem of the role of the unconscious in memory. The unconscious can be manifested in: 1) the reflection of stimuli, 2) preservation of information 3) dynamic organization of retained material, and 4) the productive satisfaction of the needs of the organism.

It is shown that on the basis of memory (in a broad sense of the word), considered as an active and dynamic system, every kind of cognitive activity is possible. An analysis of different psychological views on the unconscious aspects of memory has led the author to the conclusion that D. Uznadze's theory of set has the most productive explanatory value. Set is not given as a phenomenological process. According to Uznadze past experience is retained in set and regulates the subject's action.

The role of language in memory is also discussed, with consideration of language as an instance of unconscious fixation of social experience (D. Ramishvili). Although a large number of past relations remains unconscious, they play an important role in cognitive and creative processes.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГРИГОЛАВА В. В., Контрастная иллюзия, бессознательное и установка., В кн.: Бессознательное, под ред., А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия Ф. В. Бассина, Тбилиси, 1978, т. 1.
2. ДЖЭМС УИЛЛЬЯМ, Психология, Петрогр.д, 1916.
3. ЛАНГЕ Н. Н., Психология, М., 1920.
4. ПАРДЖАНАДЗЕ Д. Ш., К вопросу в взаимосвязи типов фиксированной установки и процесса памяти, В сб.: VII закавказская конференция психологов, Тбилиси, 1977.
5. ПАРДЖАНАДЗЕ Д. Ш., О некоторых видах переработки информации в процессе кратковременной памяти, «Сообщ. Акад. наук ГССР», т. 55, 1963.
6. ПУАНКАРЕ А., Математическое творчество, Хрестоматия по общей психологии, изд-во МГУ, 1981.
7. ПРАНГИШВИЛИ А. С., Уверенность и воспоминании. Экспериментальные исследования по психологии установки, Тбилиси, 1958.
8. РАМИШВИЛИ Д. И., Бессознательное в контексте речевой активности. В кн.: Бессознательное, т. III, под. ред. Прангишвили А. С., А. Е. Шерозия, Ф. Б. Бассина, Тбилиси, 1978.
9. РАМИШВИЛИ Д. И., Основная психологическая закономерность психологического процесса. В сб.: Психология речи и некоторые вопросы психолингвистики, Тбилиси, 1979.
10. УЗНАДЗЕ Д. Н., Общая психология, Тбилиси, 1940.
11. УЗНАДЗЕ Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, В кн.: Экспериментальные исследования психологии установки, Тбилиси, 1958.
12. ЯРОШЕВСКИЙ М. Г., АНЦЫФЕРОВА Л. И., Развитие и современное состояние зарубежной психологии, М., 1974.
13. BARTLETT F. G., Remembering, Cambridge, 1932.
14. PHILOSOPHISCHES WÖRTERBUCH, B. 1, Leipzig, 1971.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ, УСТАНОВКА, МУЗЫКА

Г. Н. КЕЧХУАШВИЛИ, Р. Ш. ЭСЕБУА

Тбилисский государственный университет
Тбилисская государственная консерватория

В развитии исследований в области психологии музыки, особенно в области психологии музыкального восприятия со второй половины 30-х годов XX века произошли определенные сдвиги. Если раньше, примерно до 1935 года, исследователей интересовали, главным образом, изоляция различных музыкальных стимулов и реакции на них психофизиологического характера, то впоследствии их внимание стало постепенно перемещаться к личностным механизмам восприятия музыки [16]. Эти исследования вскрыли не только зависимость музыкальной деятельности от индивидуальных особенностей личности (проблема музыкальных способностей), но и показали значительную зависимость этой деятельности от бессознательных механизмов. На поверку оказывается, что в одних случаях эта зависимость имеет генетический характер, а в других — она определена личностными установками, формирующимися и обнаруживающимися в процессе различных форм музыкальной практики, специального обучения и под воздействием различных социальных и культурно-исторических факторов. Правда, об установке в узнадзевском смысле в музыкальной психологии заговорили гораздо позже, с начала 50-х годов, однако этот термин, наряду с «бессознательной слуховой настройкой», «бессознательным ожиданием», «ладовым чувством» и т. п. начал широко применяться несколько раньше.

По проблеме места и роли бессознательного в структуре музыкального восприятия и творчества во II томе «Бессознательного» опубликовано шесть [I, 4, 5, 6, 8, 9] и прислано две статьи [2, 10]. Всех авторов объединяет идея признания фундаментальной роли бессознательного в музыкальной деятельности и попытки интерпретации бессознательного в смысле психологического понятия установки Д. Н. Узнадзе [13]. Однако, как трактовка конкретного содержания и роли бессознательного в музыкальной деятельности человека, так и апеллирование в этой связи к понятию установки школы Д. Н. Узнадзе различными авторами осуществляются по-разному.

Начнем с роли бессознательного в структуре музыкальной деятельности. Хотя все авторы сходятся на том, что музыкальная деятельность как бы насквозь «пронизана» активностью бессознательного на всех уровнях — от наиболее элементарных до наиболее высоких [12], а некоторые авторы [1, 4, 10] даже приписывают ему ведущую роль, конкретное содержание и функции бессознательного различными авторами трактуются по-разному. Так, одни авторы [2, 4, 6] прибегают к понятию бессознательного (установки) преимущественно для объяснения «функциональности» основных средств музыкальной

выразительности (лад, тональность, метроритм, стиль и др.), другие [1, 5, 8] используют его более широко для объяснения роли и значения всего прошлого опыта личности (обучение, память, традиции, национальность, культура и т. д.), а третьи — [10] для объяснения специфики вообще всех основных музыкальных универсалий (модусов). Необходимо заметить, что в общем эти точки зрения не только не исключают, а, напротив, в какой-то мере даже дополняют друг друга, хотя и определены различными подходами авторов.

Статья Г. Н. Кечхуашвили [6], которой начинается музыкальный раздел II тома «Бессознательное», — экспериментальное исследование, посвященное вопросу психологической сущности ладотонального тяготения. Автор не только попытался показать несостоятельность теорий «сравнения», «бессознательных умозаключений», «ладового чувства», «ожидания», «слуховой настройки», моторного ожидания и др., выдвинутых в разное время различными авторами для объяснения психологического феномена «тяготения», но поставил также целью экспериментально доказать, что в основе этого феномена звуковысотного тяготения лежит фиксированная в общественно-исторической музыкальной практике ладотональная установка личности.

Автор фиксировал у специалистов-музыкантов установку на восприятие характера устойчивости тетрахордов одних гамм, а затем наблюдал в критических опытах как действует эта установка на последующее восприятие характера устойчивости тетрахордов, сопряженных с ними по квинтовому кругу других гамм. Оказалось, что характер устойчивости одного из тетрахордов установочной гаммы полностью переносится (ассимиляция) на физикально идентичный тетрахорд критической гаммы, а восприятие целостной структуры гаммы нарушается. Как показали последующие экспериментальные исследования грузинских ученых [3, 14, 15], этот подход всецело себя оправдал. Его преимуществом является не только то, что узнадзевское понятие установки принципиально свободно от недостатка традиционного понятия бессознательного, заключающегося в обязательном апеллировании к своему осознанному двойнику (дублю), но и обладает преимуществом экспериментальной доказательности. К сожалению, эта статья единственная экспериментальная в томе на эту тему.

Существенного значения бессознательного для объяснения функциональности некоторых основных средств музыкальной выразительности касается также статья А. П. Милки [9]. На материале анализа феномена ладового тяготения и рукописей интродукции П. И. Чайковского к опере «Пиковая дама» автор пытается наметить наиболее адекватные пути подхода к проблеме бессознательного в структуре музыкального восприятия и творчества. Автор убедительно показал, что психологический аспект рассмотрения проблемы с вероятностных позиций является наиболее эффективным для ее решения.

Хотя А. П. Милка—не первый ученый, который попытался распространить вероятностный подход или статистику повторений интервалов на процесс образования «особенностей поведения бинарных сочетаний звуков-интервалов», он, несомненно, один из первых, кто заговорил у нас в свете теории информации об образовании на вышеуказанной основе психологических «систем ожиданий», традиционно именуемых «ладовым чувством» (Tonartgefühl). К сожалению, автор не разграничивает «ожидания» как специфические «ощущения тяготения» т. е., как феномены сознания, и хотя бы ладотональную установку как неосознаваемую целостно-личностную настройку, лежащую в основе не только характера ожиданий, но и реального ощущения (переживания) устойчи-

вости-неустойчивости тонов, их сочетаний, а также степени этих качеств. В этой работе содержится лишь в очень общей форме признание нобходимости включения в музыкальную теорию «активности слушательского восприятия» и в связи с этим призыв к учету возможностей и данных экспериментальной психологии установки Д. Н. Узнадзе.

Статья Г. В. Воронина [4] вызывает к себе двойственное отношение. Пока автор пытается доказать «биологичность» истоков музыкальной организации путем сведения специфики построения 12-звуковой равномерно темперированной системы со своей диатонической основой из 7 «чистых интервалов» к отражению некоторых закономерностей жизнедеятельности организма, все достаточно убедительно, и читателя не покидает чувство глубокого удовлетворения от тонкости авторской аргументации. Однако, как только дело доходит до обобщений, тут же возникают недоуменные вопросы.

Статья начинается с вопроса «Почему мы творим музыку?». Однако, нигде на протяжение почти десятка с лишним страниц читатель не встретит ответа на этот вопрос, кроме рассуждений о «биологичности» музыки [4, 608], о «мелодико-гармоническом инстинкте, направляющем слуховой отбор» [4, 608, 609], об «отражении в музыкальной системе общего характера организации биологических процессов в организме» [4, 618] и т. д. Апофеозом всех этих рассуждений является заключение, что «музыка — отражение общего принципа организации биологических систем» [4, 619], а музыкальные установки идут «изнутри» самой живой системы, отражая в конечном итоге ее собственную активность» [4, 618], а не общественно значимые музыкальные категории и особенности звучащей вокруг нас музыки.

Мы далеки от намерения приписать автору мысль о биологичности самого музыкального образа, музыкального искусства, если даже и имеются основания считать, что в основе музыкальной системы (музыкальной «грамматики») лежат определенные биологические особенности жизнедеятельности организма. Однако, мы не можем не требовать необходимых оговорок, чтобы не допускать возможности столь некорректных обобщений относительно музыки как вида искусства.

На недоразумении построено утверждение автора о том, что узнадзевской установке соответствует определенный им фрагмент циклической системы биологических процессов (ЦСПБ). Некоторое соответствие музыкальной системы — ЦСПБ — вовсе не обязывает психолога считать музыкальный слух (как психологический феномен и продукт музыкальной практики человека) отражением ЦСПБ. Напротив, множество самых разнообразных фактов и наблюдений, приводимых всеми без исключения авторами нашего раздела «Бессознательное», указывают на то, что музыкальная система как стержневая характеристика самой звучащей вокруг нас музыки отражается в нас с детства на бессознательном уровне, уровне разнообразных психологических установок. Они, как, к примеру, грамматические правила языка, усваиваются нами на уровне музыкальных установок и направляют любую нашу музыкальную активность (восприятие, музицирование, творчество и т. д.).

И, наконец, как справедливо подчеркнуто в неопубликованной статье М. Г. Арановского и др. [2], более чем спорно отождествление ЦСПБ с бессознательным. Бессознательное — категория психологическая, несводимая к физиологическому уровню, хотя, конечно, ни один акт психической деятельности немыслим без соответствующих физиологических процессов. Надо признать, что подобная «чисто» физиологическая интерпретация бессознательного (установки), имеющая место в статье Г. В. Воронина — исключение. Все остальные авторы

как опубликованных, так и неопубликованных статей ограничивают содержание бессознательного только категориями психологического порядка. Возникает вопрос: как же характеризуют эти авторы содержательно бессознательное, являющееся, по их единогласному признанию, неотъемлемым компонентом любой музыкальной активности человека?

М. Г. Арановский [1] приравнивает понятие установки Д. Н. Узнадзе к понятиям «интуитивного творчества», «интуитивного мышления», «интуитивного знания», «интуитивного обучения» и т. д. Складывается впечатление, что он не замечает принципиального отличия понятия установки в понимании Д. Н. Узнадзе и его школы и названных понятий. Когда Узнадзе определял свое понимание установки, он особо подчеркнул некорректность трактовки бессознательного «лишь отрицательно» [13, 138 и др.]. Он писал: «Я думаю, если бы удалось освободить понятие бессознательного от обычного для сознательной жизни психического содержания, если бы удалось найти для него иное содержание, которое, по существу, не было бы радикально оторвано от связи с психикой, то тогда мы бы получили в руки орудие, которое дало бы нам возможность глубже вникнуть в действительное положение вещей».

Как известно, таким понятием он считал именно установку. «Мы видели, — продолжает Д. Н. Узнадзе, — что понятие установки как раз и представляет собой концепт, который больше всего подходит для решения этой проблемы» [13, 179]. Что же касается бессознательного как интуитивного мышления, интуитивного творчества, обучения, знания и т. п., то научная ценность подобных определений или терминов более чем сомнительна, так как тем самым понятия, относящиеся к сознательной или осознаваемой психической жизни, некорректно переносятся в сферу, в которой наблюдать эти процессы (интуитивное мышление, творчество и т. п.) никому никогда не удавалось. Тем самым мы продолжали бы исходить из пресловутого «постулата непосредственности», столь убедительно отвергнутого Д. Н. Узнадзе [13, 158—162].

Это, конечно, не означает, что мы против методов, позволяющих реконструировать процессы, происходящие в бессознательном, убедительные примеры чего содержат статьи того же М. Г. Арановского и др. [1, 2, 5, 8, 9].

Статья А. И. Климовицкого [8] представляет собой очень интересную попытку реконструкции некоторых психологических условий, определивших написание Бетховеном квартета «Священное благодарственное песнопение выздоравливающего божеству», а статья Л. И. Долидзе [5] — аналогичную попытку в отношении национального стиля композитора И. Стравинского. Ссылаясь на значение факторов ситуации и личностной мотивированности (потребности — Г. К., Р. Э.) для формирования новой установки, А. И. Климовицкий констатирует, что в процессе работы над партитурой Палестрины „Gloria Patri“ у Бетховена, помимо его творческой воли, на бессознательном уровне происходило зарождение принципиально новой установки, дифференциация которой заняла определенное время и носила латентный характер вплоть до возникновения соответствующих этой установке «продуктивных переживаний». Так, по мнению автора, можно понять решение композитора создать свое песнопение, воссоздающее по стилю и форме „Gloria Patri“ Палестрины. Однако Бетховен не только воспроизводит черты стиля Палестрины в своем творческом опыте, но и вступает в напряженный «диспут» с избранной мо-

делью. На структурной основе доклассического имитационного мотета, заимствованного им у Палестрины, в песнопении развертывается динамичная сонатная драматургия, характерная для его индивидуальной логики мышления, а под покровом строфической формы возникают очертания сонатной формы, с которой связаны высшие достижения бетховенского гения. Именно в этом уже сказывается закономерность психологии музыкального творчества, в частности, бессознательная зависимость Бетховена от всего предшествующего музыкального опыта, т. е. собственного стиля. Таким образом, черты музыкального стиля Бетховена, проникнув, помимо сознательной воли композитора, в заимственную им из творчества Палестрины модель, способствуют ее преобразованию, совершенно новому ее переосмыслению и тем самым приближают эту модель к эпохе Бетховена. Статья А. И. Климовицкого (8) является наглядным примером продуктивного приложения общепсихологической теории Д. Н. Узнадзе к раскрытию глубинных процессов психологии музыкального творчества. Отрадно отметить, что музыковед под своим углом зрения столь профессионально увидел в психологической теории установки новые для себя грани и нашел возможность использовать эту теорию в практике анализа труднодоступных эмпирических фактов музыкального творчества.

В работе Л. И. Долидзе [5] проблема национального в музыке рассматриваетя в плане социально-психологических и историко-психологических закономерностей развития музыкальной культуры. Как показал автор, национальные традиции достигают на всех уровнях музыкальной активности личности, начиная с интонационного строя и кончая общими приемами формообразования.

Автор весьма убедительно пользуется возможностями методов исследования, предоставляемых такими дисциплинами, как социальная психология обучения, культурная антропология, общая теория личности и психология творчества для раскрытия характерных черт национального в современном музыкальном творчестве. На основе анализа процесса реализации образного замысла «Симфонии псалмов» И. Стравинским, осуществленного с привлечением категориального аппарата психологии установки, американской социально-психологической теории обучения и культурной антропологии, автор приходит к заключению, что «не культура в целом находит отражение в национальном характере личности, а ее «отборная версия». Усвоение с раннего детства конвенциональных норм своей страны приводит к проникновению различных проявлений и традиций национальной культуры с периферии внешнего поведения-подражания во внутреннюю сущность личности, превращаясь во вторую натуру» [5, 601].

Если отвлечься от единственной в сборнике статьи [6], написанной представителем психологической школы Д. Н. Узнадзе, то из всех работ, подлежащих нашему рассмотрению, пожалуй, ближе всех к понятию и теории установки — неопубликованная работа Е. В. Назайкинского [10] «Модус как музыкальная универсалия». Выше уже было отмечено, что этот автор выделяется своей попыткой распространить действие бессознательного буквально на все музыкальные категории. «В процессе музыковедческой и музыкально-педагогической работы, — пишет он, — постоянно приходится сталкиваться с теми или иными проявлениями установки в музыкальной деятельности, и наблюдения над ними, а также данные других исследователей позволяют выдвинуть предположение об универсальности действия

установки в музыке» [10, 1], что выражается в том, что музыкальное произведение одновременно и «носитель установок», и «механизм» их «трансляции». Особенностью концепции Е. В. Назайкинского является расширение границ применения психологического понятия установки Д. Н. Узнадзе с его распространением на все основные музыкальные универсалии — характеристические, эмоциональные, логические, стилевые, звуковысотные, склада, типов письма, типов фактуры, темповые, ритмические, громкостные и т. д. Музыкальное произведение, говорит Е. В. Назайкинский, выступает «как система внешних обнаружений внутреннего состояния музыканта, изоморфная его установка», или иначе, музыкальные модусы — это отражения различных модусов психических состояний (там же).

Путь доказательства этого положения автор видит в нахождении «общего» между музыкальными модусами и модусами установочных музыкальных универсалий. К примеру, ссылаясь на работы А. И. Климовицкого и Н. Д. Тавхелидзе [8; 14], он утверждает, что «Музыкальные стили — исторические, индивидуальные, национальные — несомненно, подчиняются закономерностям модуса как запечатленной к музыке установки: требуют соответствующей настройки, возникают в сфере бессознательного, являются целостными». Ссылаясь на работу Г. Н. Кечхуашвили [6], он констатирует подчиненность музыкального модуса лада ладовой психологической настройке (установке); исходя же из своих работ [11], утверждает о зависимости темпового модуса (темповой семантики)от соответствующих психологических установочных состояний и т. д.

Автор особо отмечает, что «музыкальное произведение, как правило, опирается сразу на несколько форм модуса, так как оно в едином целом сочетает звуковысотную, ритмическую, фактурную, композиционную и все другие стороны. К примеру, «модус» «минорного» настроения, подкрепляется модусом «мрачного» низкого регистра, модусом сдержанного темпа и т. д., или входит с ними в более сложные соотношения, что и обеспечивает многоплановость, сложность содержания музыки, соответствующую сложной, неоднозначной структуре авторского и исполнительского комплекса художественных установок, действующих в процессах создания и воспроизведения музыки». И, наконец, в заключение автор особо указывает на то, что «дифференцированность и разработанность системы модусов, отшлифованность ее средств говорит о том, что музыка развивалась, прежде всего, как инструмент художественной фиксации огромного диапазона жизненно важных установок и едва ли не самый мощный инструмент бессознательного в сфере искусства».

Таким образом, поскольку установки по существу определяют музыкальную деятельность личности, ясно, что их особенности, действующие, например, в процессе творчества, не могут не быть отражены в особенностях самого музыкального произведения, в его основных модусах. Получается, что не только особенности музыкальных установок содержат особенности музыкальных модусов, но и особенности музыкальных модусов определены музыкальными установками личности. Основной пафос статьи Е. В. Назайкинского направлен на доказательство именно этого последнего положения. Следовательно, разнообразные психологические установки и музыкальные модусы, определяя друг друга, друг без друга не существуют и друг без друга не имеют смысла. Повторяем, особенностью этой статьи, в отличие от всех остальных, является акцентирование роли именно психологических факторов формообразования музыкальных универсалий и призыв вплотную заняться этим аспектом проблемы музыкальных универсалий.

Как известно, пробным камнем любой сравнительно жизнеспособной научной теории является потенциальная способность верификации ее основных положений. Надо с сожалением признать, что в этом направлении в области установочной теории музыкальной деятельности сделано пока очень немного. Очень слабо по сравнению с содержащимися в установочной теории возможностями разрабатывается проблема установочной природы основных форм музыкальной деятельности, начиная с сравнительно простых, вроде реакций на гармонические или метроритмические и т. п. особенности музыки, и кончая наиболее сложными, являющимися выражением общественно значимых эмоций и идей. Хотя, по признанию А. П. Милки, «значительное влияние в этом отношении оказывают труды и экспериментальные методики, созданные психологической школой Д. Н. Узнадзе» [9, 581], однако подобных работ в области психологии музыки пока еще очень немного. И уж совсем не исследуется эта проблема в системном плане. А ведь от анализа сравнительно простых установок, например, ладовых, тональных, стилевых и т. п. надо переходить к их более сложным сочетаниям или системам, например, к ладотональным, национально-стилевым и т. д. Музыкальное произведение, повторяя слова Е. В. Назайкинского, «опирается сразу на несколько форм модуса» и, следовательно, музыкальная активность личности должна определяться либо сложной системой соответствующих установок, как это считают А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия и Ф. В. Бассин [12, 48], либо же единой установкой, имеющей сложную, и, возможно, многоуровневую структуру [7]. Изучение подобных вопросов вполне назрело, однако оно затруднено полной неразработанностью в психологии установки соответствующих экспериментальных методик.

Само собой разумеется, у нас не было возможности затронуть в настоящем обсуждении все аспекты проблемы, намеченные авторами статей или вытекающие из них. Однако нет сомнений в том, что эти работы получат дальнейшее развитие, послужат стимулом для будущих исследований.

THE UNCONSCIOUS, SET AND MUSIC

G. N. KECHKHUASHVILI
Tbilisi State University, Department of Philosophy and Psychology, Tbilisi

R. Sh. ESEBUA
Tbilisi State Conservatory, Tbilisi

SUMMARY

The paper is devoted to an analysis of eight articles that deal with psychological peculiarities of different kinds of musical activity (perception, creation). Six of these (by M. G. Aranovski, G. V. Voronin, L. I. Dolidze, G. N. Kechkhuashvili, A. I. Klimovitski, and A. P. Milka) are published in volume II of „The Unconscious: nature, functions and methods of study“, and two manuscripts (M. G. Aranovski, A. I. Klimovitski and A. P. Milka, A. V. Nazaikinski) were received by the editorial board later. The idea on the fundamental role of the unconscious in terms of the psychological concept of set of D. N. Uznadze's school is common to all the authors cited. However, the treatment of the concrete contents of the unconscious in man's

musical activity and the reference in this connection to the concept and theory of Uznadze's school differ from author to author, sometimes being even completely inadequate to the theory of set (e. g. M. G. Aranovski, G. V. Voronin). Barring the article written by G. N. Kechkhuashvili, a representative of this school, of all the other authors, A. V. Nazaikinski is closest to the concept and theory of set. In this article, Nazaikinski tries to substantiate the idea on the „universality" of the action of set in music. Unfortunately, in comparison with the opportunities provided by the theory of set for exploring the nature of musical activity, too little has hitherto been done towards the study of simple and more complex musical phenomena, and more so of more complex systems formations.

ЛИТЕРАТУРА

1. АРАНОВСКИЙ М. Г., О двух функциях бессознательного в творческом процессе композитора. В сб.: Бессознательное, т. II, 583—590.
2. АРАНОВСКИЙ М. Г., КЛИМОВИЦКИЙ А. И., МИЛКА А. П., О некоторых аспектах взаимодействия сознательного и бессознательного в музыкальном творчестве (рукопись).
3. БУСУРАШВИЛИ Д., Роль установки в восприятии характера музыкального произведения. Тезисы IV научной конференции по вопросам развития музыкального слуха, певческого голоса и восприятия музыки детей и юношества, М., 1972.
4. ВОРОНИН Г. В., Современная музыкальная система как самоотражение организации бессознательного. В сб.: Бессознательное, т. II, 607—622.
5. ДОЛИДЗЕ Л. И., О специфике проявления национального в музыкальном творчестве Стравинского в свете общей теории сознательного и бессознательного психического. В сб.: Бессознательное, II, 597—606.
6. КЕЧХУАШВИЛИ Г. Н., Музыка и фиксированная установка. В сб.: Бессознательное, II, с. 571—57,.
7. КЕЧХУАШВИЛИ Г. Н., Новая методика исследования структуры фиксированной установки, Ж. Вопросы психологии, 1972 г. № 2.
8. КЛИМОВИЦКИЙ А. И., Опыт исследования функции стилевой модели в творческом процессе Бетховена с точки зрения общей теории сознания и бессознательного психического. В сб.: Бессознательное, II, 591—596.
9. МИЛКА А. П., О психологических предпосылках функциональности в музыке. В сб. Бессознательное, II, 575—585.
10. НАЗАЙКИНСКИЙ Е. В., Модус как музыкальная универсалия (рукопись).
11. НАЗАЙКИНСКИЙ Е. В., О музыкальном темпе, М., 1965.
12. ПРАНГИШВИЛИ А. С., ШЕРОЗИЯ А. Е. БАССИН Ф. В., Об отношении активности бессознательного и творчества. В сб.: Бессознательное, II, 477—492.
13. УЗНАДЗЕ Д. Н., Психологические исследования, М., 1966.
14. ТАВХЕЛИДЗЕ Н. Д., Некоторые вопросы природы восприятия музыки. Автореферат канд. диссертации, Тб., 1978 г.
15. ЭСЕБУА Р. Ш., Влияние музыки на направленность визуального восприятия. Развитие музыкального слуха, певческого голоса и музыкально-творческих способностей учащихся общеобразовательной школы, М., 1982.
16. COLWELL R., Cultural Factors in the Perception of Musical Stimuli (рукопись).

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ПСИХИЧЕСКОЕ И ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Л. И. СЛИТИНСКАЯ

Грузинский политехнический институт им. В. И. Ленина,
кафедра русской литературы, Тбилиси

Творчество — высшая и наиболее сложная форма психической деятельности, отсюда — важность разработки вопроса о роли бессознательного в структуре художественного творчества и восприятия не только для психологии искусства, но и для исследования других видов психической деятельности. Как указывается во вступительной статье к шестому разделу второго тома «Бессознательное», соучастие неосознаваемой психической деятельности в процессе художественного творчества — факт реальный и настолько важный, что без учета его невозможно раскрытие ни психологических процессов творчества, ни психологической структуры художественного образа. Художественное творчество — особая форма обобщенного отражения действительности, говорящая на специфическом языке, и раскрыть своеобразие языка искусства невозможно без обращения к проблеме бессознательного, без учета закономерностей его деятельности. В акте творчества существует опора на бессознательное, которая обеспечивает художнику специфическую остроту видения, но бессознательное — лишь соучастник творческого процесса и может функционировать только в системе сознание-бессознательное, поэтому то, что утверждает произведение искусства, определяется не бессознательным и не сознанием, а личностью художника, включающей и его сознание и его бессознательное [4, 477—492]. Такова позиция советской психологии в вопросе о связи бессознательного психического с художественным творчеством. С этих позиций подходят к проблеме авторы представленных в разделе статей, в которых обсуждается целый ряд интересных и важных вопросов, связанных с активностью бессознательного в творческом процессе и проявлением его в структуре произведения.

Н. Я. Джинджихашвили и Т. А. Флоренская ставят вопрос о природе катарсиса, имеющий непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме.

В статье Н. Я. Джинджихашвили «К вопросу о психологической необходимости искусства» [4, 493—504] заново осмысливается идея социологизации потребности катарсиса, предложенная Фрейдом. В отличие от своих предшественников, Фрейд социологизировал потребность катарсиса, но определял ее лишь как средство компенсации нереализованных потребностей, а в искусстве видел способ иллюзорного примирения принципа реальности и принципа удовольствия, сузив тем самым познавательно-преобразовательную роль искусства. Л. С. Выготский указывал, что Фрейд правильно социологизировал катарсис как потребность компенсации, но следует при этом «ввести

в круг своего исследования всю человеческую жизнь, а не только ее первичные и схематические конфликты» [6, 113].

Н. Я. Джинджихашвили предлагает заменить понятие «компенсации» понятием «выравнивания» сознания с бытием, которое обозначает более широкое и диалектическое взаимодействие сознания и реальности и которое он называет «балансорной установкой сознания». Он различает пассивный и активный виды балансорной установки: пассивный подразумевает сугубо галлюцинаторное удовлетворение психики и выражается в замещении реальности грезой, галлюцинацией; она обусловлена состоянием эмоционального дефицита; активный дополнительно включает в себя эффект «отрезвления» от галлюцинаций и направлен на преобразование реальности. Удовлетворение балансорной установки сознания, ее активной формы, обеспечивается в искусстве, которое, в отличие от чисто игровой деятельности, не ограничивается устранением эмоционального дефицита, галлюцинаторной «отработкой чувств», но в конечном счете всегда направлено на преобразование самой реальности [4, 497]. Это и есть психологическая потребность катарсиса. «В то же время не следует забывать, — замечает автор статьи, — что этот процесс носит характер галлюцинаторный и провоцируется эмоциональным дефицитом психической жизни. Иными словами, не следует забывать, что существование художественной деятельности обусловлено также потребностью в той форме балансорного действия сознания, которую мы назвали пассивной. Сама по себе эта потребность неизбывна и непреходяща и сводится к устранению чувственного дефицита» [4, 498].

В статье Т. А. Флоренской «Катарсис как осознание (Эдип Софокла и Эдип Фрейда)» [4, 562—570] предпринята попытка на материале трагедии Софокла противопоставить катарсис как «расширение границ индивидуального сознания» психоаналитическому толкованию катарсиса. Вызывает возражение основной тезис этой статьи: «Катарсис — это осознание, но не в смысле фрейдовского погружения и низины подсознательного. Это — расширение границ индивидуального сознания до всеобщего» [4, 569].

Но «расширение границ индивидуального сознания до всеобщего» не может осуществиться без погружения в «низины» нашей психики, нашего бессознательного, ибо именно благодаря этому погружению совершаются познавательные процессы в акте художественного творчества и происходит синтез, являющийся результатом обобщения сугубо личного опыта с объективным общечеловеческим опытом. Это и создает познавательно-преобразовательную значимость искусства. Без учета специфики психических процессов совершающихся на уровне бессознательного, проблема катарсиса не может быть решена.

В статье Т. А. Флоренской содержится замечание о том, что метод Фрейда сосредоточен на осознании бессознательного и мало касается последующей работы с осознанными влечениями и что Фрейд не указывает, каковы методы сублимации [4, 566].

Следует сказать, что при психоанализе психосинтез происходит спонтанно, без специальных методов и приемов, как завершение познавательных процессов. Осознание бессознательного ведет к перестройке психологических установок личности. Не существует также специальных методов сублимации, ибо сублимация является естественным результатом синтеза, без синтеза сублимация не совершается. Поэтому Фрейд и сосредоточил свое внимание на методах осознания бессознательного.

В статье ставится вопрос: всегда ли возможно направить энергию инстинктов на другие цели, и почему это возможно? Принци-

пиально не исключено, по мнению автора, что «Джинн, вырвавшийся из бутылки, может не захотеть нового пленения» и освобожденные инстинкты овладевают личностью: либо приведут ее к полной дезорганизации, либо перестроят сознание «сообразно своему характеру» [4, 566].

В качестве Джинна, вырвавшегося из бутылки, неосознаваемые влечения проявляют себя в психозах и неврозах, создавая дезорганизацию психики и импульсивное поведение. При психоанализе эти инстинктивные влечения постепенно опосредуются сознанием и осознание их продолжается до тех пор, пока они полностью не включатся в нормальную работу психики. Соответственно переключается и их психическая энергия, поэтому они не могут в процессе опосредования овладеть сознанием и «перестроить» его «сообразно своему характеру». Инстинктивные влечения направляются на сознательные цели, т. е. сублимируются, при правильной методике и технике анализа бессознательного; недостаточное овладение ею, кустарщина в лечении неврозов может давать нервные срывы, т. н. ятрогении.

Статья Э. А. Вачнадзе [4, 671—678] ставит на обсуждение очень интересный вопрос о сходстве и различии между сюрреализмом и патологическим художеством. Вопрос сам по себе не нов: им занимались и психиатры и искусствоведы, нова попытка подойти к нему с точки зрения психологии установки Д. Н. Узнадзе.

Сюрреализм и художество психотиков объединяет символическое выражение, которое создается сгущением (агглютинация), алогичностью и другими процессами, характерными для закономерностей функционирования бессознательного. Творческая продукция обоих видов художества отличается интенсивностью непосредственного выражения бессознательного, говорит на его «языке», подчиняется его «особой логике». Различие между ними заключается в самой сущности продукции: художник-сюрреалист творит произведение искусства, психотик же создает нагромождение символических образов, выражающих его бредовое состояние и не имеющих художественной ценности.

В своем сопоставительном анализе Э. А. Вачнадзе исходит из учения Д. Н. Узнадзе о наличии в психике человека двух планов психической деятельности: плана импульсивного поведения и плана объективации; иерархическая связь между ними обусловливает адекватную структуру поведения, нарушение этой связи приводит к патологии. По мнению Э. А. Вачнадзе, у психотиков, страдающих дефектом объективации, т. е. нарушением познавательной способности, изобразительная деятельность протекает на первом уровне поведения, у сюрреалистов же — на уровне объективации.

К статье Э. А. Вачнадзе мы хотели бы прибавить следующее.

Чтобы ответить на вопрос о том, благодаря чему психика сюрреалистов при чрезмерной активности бессознательного сохраняет, в отличие от психотиков, способность к познавательным процессам, ее недостаточно сравнивать с психозами, но следует также сравнивать с т. н. неврозами перенесения — истерией и неврозом навязчивости. Патология неврозов перенесения заключается в том, что находящиеся в вытеснении, иногда давно забытые, переживания активизируются, но не объективируются и потому проявляют себя в сознании символически — в форме симптомов, симптомокомплексов, фобий и конверсий, запретов и навязчивых действий, но при этом у субъекта сохраняется к ним критическое отношение и осознание реальности. Когда и при психоанализе эти бессознательные содержания осознаются, психическая норма восстанавливается. Мы полагаем, что сюрреалисты сохраняют способность к познавательным процессам потому, что они, как и невротики, способны к процессу перенесения. В отличие

от них, психотики не обладают этой способностью [7, 151], т. к. не могут отделить свое «я» от объекта, что является условием логического мышления, и остаются слитыми с ним. Поэтому они не могут осуществить актов объективации и переносят в художество свои бредовые идеи и представления.

В ряде статей предпринята попытка дать анализ бессознательного психического в структуре художественного произведения, т. е. ввести его в практику литературоведческого исследования.

В статье Р. Г. Каралашвили [4, 529—536] дан тонкий анализ произведений Г. Гессе. Автор совершенно правомерно увязывает творчество Г. Гессе с его жизненным опытом и духовным формированием его личности, ссылаясь при этом на высказывания самого писателя, имеющие важное значение для понимания не только его собственного творчества, но и творческого процесса как такового. Г. Гессе сравнивал функцию искусства с функцией исповеди, а само искусство считал длинным, многообразным, извилистым путем самовыражения личности художника. Психоанализ вошел в жизненный опыт Г. Гессе, и Р. Г. Каралашвили рассматривает его художественные произведения как документацию самопознания и самовыражения, а его творчество как непрерывный процесс осознания таинственных бездн собственного бессознательного [4, 531].

Очень интересно понимание самим Г. Гессе природы и функции художественного персонажа. В романе «Степной волк» он пишет, что никакое «я» не являет собой единства, но всякое «я» представляет собой множество: эта многоликость души выражается писателем в персонажах произведения, на которые следует смотреть не как на независимые существа, а как на части, стороны, разные аспекты души писателя. Соответственно интерпретирует творчество Г. Гессе и автор разбираемой статьи: «...персонажи в романах и повестях позднего Гессе являются не отдельными и независимыми личностями, не суверенными литературными образами, а знаками-символами, репрезентирующими те или иные стороны души автора» [4, 532].

Представленный в статье анализ творчества Г. Гессе свидетельствует о том, что некоторые положения аналитической психологии Юнга — при подходе к ней с позиций диалектического материализма — могут быть использованы при комплексном изучении художественного творчества.

В статье Д. И. Ковды [4, 622—628] рассматривается весьма важный и мало разработанный в научной литературе вопрос о роли эмоций в творческом процессе. Автор совершенно правомерно увязывает эмоции со сферой бессознательного, где они объединяют ряды представлений и регулируют их течение; скрытые мотивы и личностные интересы оказывают влияние на осознанные переживания и обусловливают целостную психическую реакцию субъекта, которая определяет и направляет воображение и фантазию. Автор объясняет природу творческой фантазии, опираясь на учение Д. Н. Узнадзе: неосознаваемые психологические установки создают избирательную направленность внимания на соответствующие ситуации и свойства объектов, определяя тем самым идею и сюжет произведения; потребность в реализации этих установок обусловливает самовыражение; творческая индивидуальность писателя вытекает из всей системы его личностных установок.

Подход к проблеме с позиций учения Д. Н. Узнадзе о психологической установке, несомненно, следует считать позитивным, т. к. он помогает дать объяснение целому ряду вопросов, связанных с проблемой творчества. Однако для понимания всей сложности творческих процессов требуется проникновение в глубинные слои психики,

где функционируют особые «механизмы» бессознательного. Одно понятие установки не обеспечивает этой возможности, т. к. оно не исчерпывает всей сложной сферы бессознательного. Конкретный анализ художественных произведений, если он предпринимается только с позиций психологической установки, также оказывается малоэффективным и далеко не полным. Подойти к решению столь сложной проблемы дают возможность предложенная А. Е. Шерозия теория сознания и бессознательного психического [12] и концепция «значимых переживаний» Ф. В. Бассина [2; 3].

Мы в нашей работе «Бессознательное и художественная фантазия» [4, 549—561] попытались, основываясь на теории А. Е. Шерозия и концепции Ф. В. Бассина, а также введя в творческий процесс понятие о некоторых «механизмах» первичных психических процессов, разработанных Фрейдом, дать психологический анализ некоторых узловых моментов сюжета «Войны и мира» Л. Н. Толстого и показать участие бессознательного психического в замысле и становлении художественных образов романа.

В настоящей статье мы остановимся на вопросе о некоторых скрытых «механизмах» неосознаваемой психической деятельности, принимающих участие в творческом процессе.

Бессознательное психическое подчиняется своим собственным законам, не имеющим ничего общего с законами нашего сознательного мышления. Эта закономерность распространяется на все виды психического поведения: и на сновидения, и на неврозы, и на бодрственное поведение психически здорового человека, и на творческий процесс. Различие этих видов психической деятельности определяется не различными психологическими «механизмами», а тем, сохраняется ли между процессами бессознательного и сознания соотношение, необходимое для осуществления актов объективации, т. е. познавательных процессов. В бодрственном поведении нормального человека сохраняется равновесие между деятельностью обеих сфер психики, что дает возможность осуществляться актам объективации и целенаправленному поведению. То же происходит и в акте творчества, но специфика творческого процесса заключается в интенсификации нормальной психической деятельности [5], что способствует активизации познавательных процессов. В акте художественного творчества опора на бессознательное, эмоциональную сферу, приводит к эмотивному, чувственному, «нерасчленяющему» познанию, характерному именно для художественной деятельности [4, 482]. В патологии нарушение равновесия между сознанием и бессознательным вызывается чрезмерной активизацией бессознательного, не опосредуемого сознанием, благодаря чему часть энергии тратится на «психологическую защиту» сознания от натиска импульсивных сил. Это происходит — в разной степени — при неврозах и психозах, но при неврозах объективации не поддается лишь определенная часть вытеснения и способность к познавательным процессам сохраняется, а при психозах она в основном парализована. В сновидениях активность сознания минимальна, поэтому объективация не совершается. Таким образом, психологические «механизмы» бессознательного одинаковы для всех видов психической деятельности, а тот или иной вид ее зависит, как нам представляется, от соотношения активности бессознательного и сознания в едином психическом процессе и от сохранности способности к познавательным процессам. Фрейд изучал бессознательное на сновидениях и т. н. неврозах перенесения (истерия, невроз навязчивости) и сумел раскрыть тайные механизмы его работы. Это дает нам возможность судить о первичных психических процессах и в акте творчест-

ва и ввести понятие о психологических «механизмах» бессознательного в творческий процесс и в структуру художественного образа.

В художественном творчестве реализуется сущностная потребность человека в самовыражении. Фрейд указывал, что в психологическом романе писатель раздробляет свое «я» на части и вследствие этого персонифицирует в нескольких героях свои душевные конфликты [11, 187]. В каждом художественном образе выражаются те или иные аспекты личности писателя, тенденции его сознания и его бессознательного и в то же время находит отражение объективная реальность. Одни персонажи могут выражать по преимуществу тенденции сознания писателя, другие — преимущественно тенденции его бессознательного; часто в разных ситуативных положениях в одном и том же образе выступают на передний план то осознаваемые, то неосознаваемые побуждения автора, но во всех случаях можно говорить лишь о преобладающем выражении тех или других, т. к. сознание и бессознательное неоспоримо участвуют в создании художественного образа в качестве необходимых соучастников единого творческого процесса, как и всякого другого нормального законченного психического акта, и могут быть выражены не иначе, как через личность.

Самовыражение реализуется благодаря механизму проекции. Фрейд, который ввел это понятие в психологию, понимал под проекцией «перенесение внутреннего процесса вовне», заключающееся в том, что субъект отвергает чувства и побуждения, исходящие из влечения, переносит их из внутреннего восприятия во внешний мир и приписывает их другим [7, 142, 622, 170; 5].

Проекция, как указывает Фрейд, дает возможность познать психические акты, которые человек отказывается признать у самого себя, т. е. позволяет ввести их в общую душевную связь при помощи акта познания. Механизм проекции Фрейд приписывал как психопатологии, так и здоровой психике. Проекцией неосознаваемых желаний он считал истерические фобии, конверсии, симптомы невроза навязчивости, паранойю, сновидения.

Проекция в творческом процессе выступает как механизм «психологической защиты», которая считается советской психологической наукой эвристичным понятием и связывается с областью бессознательного. Идея «психологической защиты» разрабатывается в советской психологии в трудах Ф. В. Бассина с позиций теории установки Д. Н. Узнадзе и его школы [1; 4, 200—202].

Роль проекции в акте художественного творчества заключается в том, что благодаря этому психическому акту, определенные чувства и побуждения писателя, вытесняемые его сознанием, переносятся из внутреннего восприятия вовне и приписываются литературному персонажу. Таким образом, автор в созданных им героях снова находит свои внутренние душевные процессы, но переживает и объективирует их уже не как свои собственные, а как присущие «другому» — его персонажу. Именно это обстоятельство способствует самовыражению писателя в акте творчества. Проекция дает нам возможность заглянуть в самые затаенные глубины души писателя, а его творческая фантазия может рассказать нам о нем больше, чем самый усердный собиратель фактов и даже чем он сам, и позволяет судить о его психической конституции.

В структуре художественного образа главную роль играют механизмы идентификации и перенесения. Понятие идентификации Фрейд разрабатывал в связи со сновидениями и психопатологией. Он приписывал этот механизм и нормальному бодрственному мышлению.

Мы рассмотрим этот механизм с точки зрения его роли в структуре художественного образа.

Фрейд считал идентификацию самым ранним проявлением эмоциональной привязанности субъекта к другому человеку [9, 47, 49, 51] и первым амбивалентным в своем выражении способом, которым «я» выделяет какой-нибудь объект [7, 181]. Всякая эмоциональная привязанность к человеку реализуется только через идентификацию. Она способствует выражению наших чувств, как дружественных, так и враждебных, и участвует в формировании идеалов личности. Только благодаря этому механизму, по мнению Фрейда, возможно проникновение во внутренний мир другого человека, наше понимание чужого «я» [9, 54, 51]. От идентификации он вел путь к вчувствованию.

Механизм идентификации осуществляет отождествление субъекта и объекта, при котором соединяются в одно целое их отдельные свойства, качества, признаки; при этом идентификация является только частичной, в высшей степени ограниченной: она заимствует лишь одну черту [9, 50] или ограниченное число черт объектного лица. При объединении возникает новая единица, в которой каждое из идентифицируемых лиц может быть представлено всего-навсего какой-то особенностью, деталью, именем, внешностью, манерой или же ситуацией, характерной для него [10, 265—266]. Фрейд выделяет три типа идентификации, отличающиеся друг от друга мотивом выбора объекта: 1) идентификация с объектом, который принимается за идеал, — здесь идентификация стремится выразить то, чем субъект хочет быть, какими качествами он желает обладать; подобная идентификация носит дружественный характер; 2) идентификация с объектом из желания быть на его месте, находиться в его ситуации; здесь выражается тенденция соперничества и идентификация принимает враждебный характер; 3) идентификация с лицом, к которому субъект испытывает объектную привязанность.

Мы вводим понятие идентификации в творческий процесс и считаем, что указанные выше три типа идентификации участвуют в сложении структуры художественного образа. Приведем несколько примеров работы этого механизма в структуре художественного образа. Объектом идентификации в качестве идеала выбран для образа Пьера Безухова друг писателя Д. А. Дьяков, для образа Андрея Болконского — брат писателя С. Н. Толстой. По второму типу идентификации складывается, например, образ Анатоля Курагина (идентификация писателя с Анатолием Шостак на основе тенденции соперничества). Примером третьего типа идентификации (на основе объектной привязанности) может служить образ Наташи Ростовой (идентификация Л. Толстого с Таней Берс). Часто в одном и том же образе сходятся два типа идентификации, т. к. сама идентификация амбивалентна с самого начала. Например, идентификация Л. Н. Толстого с С. Н. Толстым в образе Андрея Болконского носит не только дружественный характер, но имеет своим мотивом также бессознательное желание писателя быть на месте брата в его любовной ситуации, т. е. носит и враждебный характер [4, 549—561]. В то же время один и тот же тип идентификации может дать несколько различных образов в одном произведении в зависимости от проецируемых тенденций автора: образы Пьера Безухова, Андрея Болконского, старого князя Болконского структурированы по первому из указанных типов идентификации, но выражают различные аспекты личности Толстого [4, 549—561].

Как нетрудно убедиться из сопоставления литературных персонажей с т. н. «прототипами», идентификация переносит в художест-

венный образ лишь ограниченное число черт или качеств объекта и некоторые из его жизненных ситуаций, в основном же образ «заполняется» сознательными и бессознательными тенденциями самого художника, за каждым художественным образом стоит одно из множественности «я» самого автора. Например, Сергей Николаевич Толстой выбран в качестве объекта идентификации для образа Андрея Болконского как идеал comme il faut, Д. А. Дьяков — для Пьера Безухова как высокий нравственный авторитет, но сами образы настолько не похожи на своих «прототипов», что на связь между ними обычно не указывают, несмотря на то, что эти лица принадлежали к ближайшему окружению Л. Н. Толстого. Однако об этой связи свидетельствуют жизненные ситуации, вошедшие в сюжет [4, 549—561]. Из жизни брата автор взял лишь историю его любовных отношений с Т. А. Берс, да и ту видоизменил, «придумав» измену Наташи и попытку ее побега с Анатолем; из жизни Д. А. Дьякова воспроизведено лишь его объяснение с Т. А. Берс в сцене разговора Пьера с Наташей после ее разрыва с князем Андреем, в остальном же судьба Андрея Болконского и Пьера Безухова — плод фантазии писателя, создавшей те ситуации, где его собственные желания и влечения нашли наиболее адекватное и желаемое выражение и реализацию.

В структуре художественного образа идентификация выступает в единстве с другим важнейшим механизмом первичных психических процессов — перенесением. Это понятие также введено Фрейдом. Согласно законам бессознательного, импульс может проявиться не там, где он возник, и перенестись в более поздние времена и отношения, — это явление Фрейд назвал перенесением. Перенесение вызывается склонностью бессознательных влечений в поисках путей удовлетворения направляться ассоциативным путем на все новые объекты. Благодаря перенесению происходит замещение одного представления другим вдоль ассоциационного ряда и слияние объектов перенесения, создающее в сновидениях и неврозах т. н. сгущение.

Перенесение можно непосредственно наблюдать при неврозах на перенесении невротика на врача. Невротик бессознательно идентифицирует его со всеми объектами своей аффективной направленности, в том числе и с вытесненными, врач становится как бы замещающим их объектом, на который невротик переносит свои значимые переживания и конфликты. Перенесение на врача дает возможность разгадать смысл бессознательных фантазий и понять истинные мотивы невротического поведения. Поэтому перенесение, подобно сновидению, можно было бы назвать «окном» в бессознательное. Перенесение на врача эффективно используется при психотерапии неврозов.

Роль перенесения в структуре художественного образа заключается в том, что оно создает агглютинацию, которая соответствует сгущению в сновидениях и неврозах. Агглютинация делает образ коллективным лицом, на который переносится психическая энергия составляющих его элементов. Наиболее эмоционально насыщены те образы, для образования которых потребовалась наибольшая работа агглютинации. Благодаря перенесению в фантазии находят способ проявить себя в качестве отпрысков бессознательного самые интимные влечения из глубинных слоев психики. Они скрываются в замаскированном виде под явным содержанием сюжета.

Перенесение с точки зрения установки Д. Н. Узнадзе можно определить как действие фиксированных установок, стремящихся к реализации.

Идентификация и перенесение тесно связаны между собой и в акте творчества, как и в сновидениях и неврозах, друг без друга не функционируют. Они определяют структуру художественного образа.

Таким образом, структура художественного образа складывается на уровне бессознательного.

Изложенное понимание психологических «механизмов» бессознательного в акте художественного творчества дает возможность проникнуть вглубь творческих процессов, установить связь литературного персонажа с личностью писателя, раскрыть структуру художественого образа, определить истинные побудительные мотивы творческой фантазии и художественных решений и ввести анализ бессознательного в практику литературоведческого исследования.

Мы полагаем, что очередная задача, стоящая перед литературоведением при комплексном подходе, — выработка методики анализа бессознательного в структуре художественного произведения, что обеспечит исследование творчества на уровне современной науки.

Выступления на Тбилисском симпозиуме по проблеме бессознательного (1979) и статьи, присланные после симпозиума для опубликования в IV томе монографии, свидетельствуют о том, что вопросы, обсуждавшиеся в разделе «Проявление бессознательного психического в структуре художественного творчества и восприятия» [4], вызвали большой интерес и оживленную полемику. К сожалению, эти материалы по техническим причинам в IV томе не публикуются, поэтому мы позволим себе лишь бегло коснуться некоторых из вопросов, обсуждаемых в них.

Вопрос о целесообразности применения психоанализа при исследовании художественного творчества. Исследование бессознательного в структуре художественного произведения методом психоанализа, по мнению Р. Г. Каралашвили, помогает раскрытию важных связей и аспектов, которые иначе остаются неясными и непонятными. Однако плодотворным психоаналитический подход к произведению искусства может быть лишь в том случае, если он не превращается в самоцель и способствует выявлению эстетической природы произведения и той имманентной ясности, которая в нем заключена.

Действительно, большинство работ, посвященных психоанализу литературного творчества, ограничивается поисками т. н. «комплексов» или сексуальной символики в структуре произведения, что преследует сугубо психоаналитические цели и практически бесполезно для литературоведческого исследования. В частности, у нас этим грешит книга о Гоголе И. Ермакова, известного издателя психоаналитической литературы в России в 20 гг. Сам Фрейд, неоднократно обращавшийся к творчеству писателей и художников (Шекспир, Гете, Достоевский, Леонардо да Винчи и др.), не ставил себе целью психологическое исследование того или иного произведения искусства, он лишь показывал отдельные проявления бессознательного в структуре сюжета, демонстрируя, как неосознаваемые мотивы и влечения могут направлять творческую фантазию художника. Даже его наиболее фундаментальная работа, посвященная литературному произведению, — «Бред и сны в «Градиве» Иенсена» является отнюдь не литературоведческим, но психиатрическим исследованием.

Анализ бессознательного в структуре художественного творчества имеет смысл и позитивное значение лишь тогда, когда он увязывается с личностью автора, включающей и его сознание и его бессознательное, ибо смысл произведения и значение его в системе эстетических ценностей эпохи определяется не бессознательным и не сознанием автора, а его личностью [4].

Вопрос о том, является ли искусство, говоря словами Л. С. Выготского, «средством для разряда нервной энергии» [6].

Для художника творчество, — действительно, «средство для разрядов нервной энергии», ибо в акте творчества происходят познава-

тельные процессы, осуществляемые в акте объективации, которые ведут к разрешению внутренних конфликтов и разрядке аффективной напряженности. Творчество служит удовлетворению сущностных потребностей человека (познавательной, потребности творчества, самовыражения и самореализации и др.), что вызывает положительные эмоции. То же происходит и в акте восприятия художественного творчества. Для воспринимающего изображаемое действие служит как бы проекцией его собственных переживаний; идентифицируя себя с персонажами произведения, он психически проигрывает роли, которые имеет потребность реализовать в объективной действительности. Таким образом, переживаемое действие служит для воспринимающего ситуацией, где его потребность находит возможность своего удовлетворения.

И, наконец, вопрос о том, ставит ли писатель свой талант под угрозу, подвергаясь психоанализу.

Опосредование бессознательного при помощи техники психоанализа никоим образом не ведет к понижению творческого потенциала писателя потому, что резервы его бессознательного, его эмоциональной сферы, не могут иссякнуть до тех пор, пока личность сохранна биологически и психически; наоборот, психоанализ — это путь к активизации потенциальных творческих возможностей личности.

THE UNCONSCIOUS MENTAL AND THE CREATIVE PROCESS

L. I. SLITINSKAYA

V. I. Lenin Polytechnical Institute, Tbilisi

SUMMARY

The paper deals with the problem of the activity of the unconscious in the act of literary-artistic creativity. Artistic creation occurs with the undeniable participation of the unconscious—indeed, resting on it. Hence, to gain an insight into the entire complexity of creative processes it is necessary to consider the work of the deep layers of the psychics that function by their own laws differing from those of logical thinking. The psychological regularities of the operation of the unconscious are the same for all kinds of mental activity: dreams, neuroses, psychopathological states, waking behaviour of mentally normal persons, and creative process. This calls for the introduction into the creative process of the concept of such 'mechanisms' of the unconscious as projection, identification, transfer — developed by Freud for dreams and neuroses.

The role of projection, identification, and transfer in the creative process and in the structure of a literary image is studied in the paper. This approach facilitates a deeper penetration into the creative fantasy of the writer, the unravelling of the structure of the literary image, and introduction of the analysis of the unconscious in the structure of a literary text into the practice of literary criticism. This is the immediate task of the psychology of literary creativity.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАССИН Ф. В., О силе «Я» и психологической защите. Вопросы философии, 1969, № 2.
2. БАССИН Ф. В., О развитии взглядов на предмет психологии. Вопросы психологии, 1971, № 4.
3. БАССИН Ф. В., «Значащие» переживания и проблема собственно-психологической закономерности. Вопросы психологии, 1972, № 3.
4. Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. 2, Тбилиси, 1978.
5. ВУНДТ Ф., Фантазия как основа искусства, М., 1912.
6. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Психология искусства, М., 1968.
7. ФРЕЙД З., Основные психологические теории в психоанализе, М., 1923.
8. ФРЕЙД З., Тотем и табу, М., 1924.
9. ФРЕЙД З., Психология масс и анализ человеческого «Я», М., 1925.
10. ФРЕЙД З., Толкование сновидений, М., 1913.
11. ФРЕЙД З., Поэт и фантазии. Психотерапия, 1911, № 4—5.
12. ШЕРОЗИЯ А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического, т. I, Тб., 1969; т. 2, Тбилиси, 1973.

БИОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

В. А. ФАЙВИШЕВСКИЙ

Психоневрологический диспансер № 11, Москва

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье мы, как и ряд других авторов [I; 17, III, 189, III, 181], исходим из представления о личности человека как о многослойном образовании, в котором с определенной степенью огрубления можно различать три уровня: 1) допсихический биологический, 2) психический эмоциональный, тесно связанный с биологическим уровнем, и 3) сознание, связанное, с одной стороны, с эмоциональным уровнем, а с другой — с социальными факторами. При возникновении в эволюции новых, высших функциональных систем старые во многих случаях не исчезают бесследно и деятельность их не прекращается. Она лишь перекрывается деятельностью новых систем, включаясь в них, интегрируясь ими. Вместе с тем, старые системы, продолжая функционировать в рамках новых или параллельно им, могут оказывать на деятельность последних то или иное влияние. В свою очередь, и новые системы, возникающие в филогенезе для того, чтобы функционирование организма стало более совершенным, помимо этой подчиненной нуждам организма деятельности, могут порождать особые формы поведения, не служащие непосредственно организму, а обусловленные свойствами самой новой системы, которая таким образом становится источником новых потребностей. При этом каждая новая функциональная система может вступать не только в синергичные, но и в антагонистические отношения с предшествующими системами.

Трудно сомневаться в том, что человеку, коль скоро он является продуктом биологической эволюции, присущи наиболее фундаментальные биологические закономерности и инстинкты самых различных уровней организации живого. Поэтому мы полагаем, что невозможно понять закономерности, по которым формируется и действует личность, не поняв влияния, которое оказывают на психический и социальный уровни ее проявления биологические, «для себя функционирующие», компоненты человеческой природы.

Обычно влияния, которые сознание испытывает со стороны эволюционно более древних систем мозга, либо с трудом поддаются осознанию (это нераспознанные в себе, понятийно не дифференцированные эмоции), либо являются в принципе субъективно неосознаваемыми. Здесь уместно уточнить содержание, вкладываемое нами в термин *бессознательное.*

Мы разделяем точку зрения тех психологов, которые под бессознательным понимают не все то, что просто не осознается (например,

физиологические и автоматизированные психические процессы), а лишь те неосознаваемые явления, которые обладают мотивационным действием, т. е. влияют на побуждения, эмоции, образ мыслей и действия индивида. При этом бессознательное психическое неоднородно по своей природе и происхождению. Следует различать, по крайней мере, два типа неосознаваемых психических явлений. Один из них — это бессознательные явления вторичные по происхождению и, так сказать, постсознательные, которые уже прежде были содержанием сознания, но оказались вытесненными из него (психоаналитическая литература, в основном, касается именно такого рода бессознательных явлений).

Другой тип бессознательного представляют собой те психические явления, которые никогда не были (и часто так и не становятся) содержанием сознания и по времени предшествуют ему. В частности, это те психические явления, которые существовали до возникновения сознания как в филогенезе, так и в онтогенезе человека. В сущности, бессознательное этого рода возникло только с появлением сознания и поэтому бессознательные психические явления этого типа являются досознательными. Именно вопрос об участии в структуре личности бессознательного 2-го типа мы намерены обсудить в настоящем сообщении и рассмотреть в данном аспекте работы, представленные на Международном симпозиуме по проблемам бессознательного.

То, что было сказано выше о взаимоотношениях эволюционно новых и старых физиологических систем, относится также к взаимодействию досознательных психических процессов и сознания. Последнее эволюционно возникло в качестве инструмента, способствующего наилучшей адаптации организма к окружающей среде, и функция его заключается в том, чтобы управлять психикой. Однако отсюда вытекают неизбежные и имеющие свои закономерности коллизии между сознанием как руководящей инстанцией, с одной стороны, и руководимой им (а порой «сопротивляющейся» этому руководству) системой более древних психических (досознательных) и даже физиологических процессов, оказывающих со своей стороны известное влияние на деятельность управляющей инстанции. Поэтому в психике человека невозможно наблюдать раздельно деятельность сознания и бессознательного, ибо ни одна из этих сторон психики не существует сама по себе.

О бессознательных механизмах смыслообразования

Хотя поведение животных никак нельзя назвать осмысленным, однако объективно оно всегда *имеет смысл,* то есть направлено на удовлетворение потребностей, более или менее непосредственно связанных с поддержанием жизни и воспроизводством потомства. Поведение человека, как правило, бывает субъективно осмысленным, то есть сознательно направленным на достижение желаемого. Однако стремления человека далеко выходят за рамки чисто биологических потребностей, а порой и противоречат им. Более того, стратегия поведения человека подчас не соответствует тем целям, которые он осознанно преследует, хотя эта стратегия может им субъективно восприниматься как адекватная этим целям, то есть *имеющая смысл.* И это ощущение смысла своей деятельности, вызывая чувство удовлетворения, служит положительным подкреплением для продолжения деятельности, нередко по существу иррациональной. И наоборот, субъективное ощущение своей деятельности как бессмысленной, безусловно, прекращает ее. Этот фундаментальный принцип, которому подчиняется душевная жизнь человека, названный Ф. В. Бассиным «зако-

ном смысла» [2; 3], часто преобладает над реальной целесообразностью в иерархии факторов, организующих течение психических процессов. Каковы же эти, по нашему мнению, имманентно присущие психике человека механизмы, которые лежат в основе смыслообразования? Глубинность и абсолютность этих механизмов побуждают искать их истоки в недрах эволюционно древнейших регуляторов поведения. К ним должна относиться, пожалуй, самая фундаментальная и всеобщая мотивация поведения животных — стремление быть ориентированным в среде обитания. По определению самого общего характера *ориентированность* организма — любой сложности, начиная с самого элементарного, — заключается в его пространственной *отграниченности* от окружающей среды, *наряду с постоянным контактом* с ней, необходимыми для поддержания живой системой своего равновесного состояния. Ориентированность в таком понимании является обязательным свойством любого живого образования.

Свойство и способность быть постоянно ориентированным в среде обитания является первейшим из необходимых условий для выживания живого, и поэтому направленное на ориентировку поведение не может не регулироваться соответствующей потребностью на всех ступенях эволюции.

Предтечу этого типа поведения можно наблюдать уже у растений в форме гео- и гелиотропизма, а у простейших в виде фото- и хемотаксиса. У животных для более совершенной их ориентировки в окружающей среде возникают особые инструменты в виде специализированных органов чувств, а также специфические физиологические механизмы и формы поведения. Наблюдения этологов дают в изобилии свидетельства того, что стремление к ориентированности в обстановке является одним из доминирующих мотивов поведения животных [23].

Единственная реальность, в которой приходится ориентироваться животным, — это объективно имеющееся в данный момент и воспринимаемое ими непосредственно-чувственным образом пространство, а у стадных и стайных животных — также другие особи сообщества. На местности главным ориентиром для нестадных животных является их жилище. Ориентирование в сообществах у стайных или стадных животных обусловливается ранговой стратификацией членов группы, где главным ориентиром для всех служит вожак.

Мы полагаем, что стремление быть ориентированным в окружающей среде — эта одна из самых фундаментальных, всеобщих и первичных мотиваций, формирующих поведение животных, — существует и широко проявляется в качестве неосознаваемого инстинкта также и у человека. И у него имеется потребность — осознаваемая и неосознваемая — быть ориентированным в пространстве и выделять в нем ориентиры. Люди, неожиданно оказавшиеся в незнакомом месте, обычно испытывают растерянность (можно думать, что растерянность — это чувство, являющееся специфическим негативным подкреплением инстинкта ориентировки).

Однако, в отличие от животных, у человека, обладающего стойкой памятью, способностью к образному и абстрактному мышлению, кроме *объективной* реальности пространства, данной ему в непосредственном ощущении, имеется вторая реальность — *субъективная*, которую образует совокупность интрапсихических явлений, отражающих весь жизненный опыт индивида. Именно через посредство этой субъективной интрапсихической реальности человек в основном и воспринимает реальность внешнюю. В сущности, для нас субъективно значимой является не вся окружающая нас действительность, а лишь те ее фрагменты, которые становятся содержанием нашего со-

знания и оцениваются в контексте установок, создаваемых прошлым и ожидаемым будущим.

Можно предполагать, что у древнего человека эта субъективная реальность была не менее яркой, чем объективная. На это, видимо, указывает яркое воображение у детей, феномены эйдетизма и грезоподобных фантазий. Поэтому есть основания думать, что и в отношении субъективной, интрапсихической реальности — образов, представлений, мыслей, обладающих к тому же известной степенью спонтанности, — действовал и действует поныне тот же инстинкт ориентировки, тот же неосознаваемый поиск опорных ориентиров, то же неосознаваемое стремление организовывать эти ориентиры и иерархически структурированные (по степени их субъективной значимости) системы, которые, как мы утверждаем, существуют в отношении объектов внешней реальности. Предположение о наличии такой неосознаваемой потребности в организации своих психических процессов в качестве имманентного свойства человеческой психики логически вытекает из того, что она, эта потребность, должна порождаться тягостным субъективным состоянием, близким к невротическому, при неупорядоченности этих процессов, сопровождающейся ощущением неуправляемости ими и, как следствие, чувством смятения и тревоги. Эта неосознаваемая потребность могла сыграть существенную роль в антропогенезе и в формировании человеческого общества. Можно думать, что на ранних этапах развития человеческой психики — как в антропогенезе, так и в онтогенезе, — когда уже сформированный анатомо-физиологический субстрат речевой системы только начинал осваивать свою функцию, эта потребность первобытного человека (а ныне — детей) в организации своих психических процессов способствовала формированию речи, поскольку слово, как указывает Л. С. Выготский [6], является организатором мышления, и дети потому быстро овладевают речью, что активно ищут слова́, испытывая потребность в них.

На стадии возникновения у первобытных людей осознания своей этнической (родовой, племенной) общности представляется вероятным появление у этноса потребности ориентироваться в таких категориях своего бытия, как время и мироздание.

Потребность в ориентировке во времени могла быть одной из причин зарождения у каждого этноса весьма напряженного, хотя и лишенного конкретно-практической ценности, интереса к своему прошлому, проявляющегося в создании мифов о происхождении[1] и в гаданиях[2], дающих чувство ориентированности в будущем.

Стремление к постижению своего места в мироздании, в мире невидимых сил природы и своей связи с ними могло сыграть определенную роль в возникновении религиозного чувства, в выработке различных форм религио ного мировоззрения.

Сам феномен мифотворчества, как и вообще универсальная тенденция к формированию мировоззрений, становится более понятным, если рассматривать его как проявление присущей человеческому мышлению, в первую очередь коллективному, потребности иметь ориентиры во всех сферах своего бытия. Поразительная устойчивость мифов и религий на всех этапах развития общества и культуры, даже когда эти мировоззрения, казалось бы, уже не соответствуют уровню достигнутых позитивных знаний о мире, свидетельствует о том, что причина устойчивости таких схем состоит не столько в том, что

[1] Другая причина создания таких мифов могла заключаться в ощущении необходимости обоснования потбребности во взаимном сопричастии, в консолидации членов сообщества.

[2] Иные причины имеет смежная по характеру ритуалов магия, направленная на рациональную цель — повлиять на будущее.

они помогают *понять* мир в его объективных причинно-следственных связях, сколько в том, что помогают *объяснить* его себе, то есть привести в порядок (в систему) совокупность субъективных интрапсихических впечатлений о мире и о своем месте в нем.

Высказанные соображения касаются не только коллективных представлений. Инстинкт ориентировки, как мы полагаем, оказывает не меньшее влияние и на формы организации индивидуальной психики.

Так, с возникновением предощущения и ощущения своего «Я» (как чего-то отличающегося от «не-Я») инстинкт ориентировки должен был проявиться и в отношении этого психологического феномена в нескольких аспектах.

В феномене «Я»[3], заключающемся в ощущении субъектом своей отдельности, самостоятельности, отличия от других индивидов, можно наблюдать две сосуществующие и противоположно направленные тенденции в отношении к другим индивидам. Они проявляются в стремлении, с одной стороны, к эмоциональному *сопричастию* с другими людьми, в чувстве «приязни» и в потребности быть объектом такой же приязни («потребность любить и быть любимым»), а с другой стороны — в желании сохранять свою *отдельность,* что в оптимальном варианте проявляется в стремлении к независимости, свободе, в чувстве собственного достоинства. В определенных случаях эта *потребность в отдельности* может включать в себя в качестве компонентов эмоции оборонительного и даже агрессивного характера, обусловленные деятельностью соответствующих физиологических систем, о чем будет идти речь ниже.

Исходя из вышеприведенного определения ориентированности, можно предположить, что эти две тенденции (стремление к контакту и к отгороженности) гомологичны поведенческим тенденциям, отмечающимся у животных, начиная с одноклеточных, и являются производными инстинкта ориентировки, проявляющегося на уровне психологического феномена «Я». Эти тенденции имеют характер весьма напряженных потребностей, неудовлетворенность которых может вызывать сильнейшие страдания — страдания одиночества при неудовлетворенности первой из них и чувство зависимости, несвободы при неудовлетворенности второй.

Амбитендентность «Я», то есть стремление к контакту, наряду со стремлением к отграничению от других, возможно, составляет психологическую основу этногенеза. Во всяком случае, этнографы и историки первобытного общества считают, что «система отношений *«мы — они»* составляет объективную (правильнее сказать — субъективную — *В. Ф.)* основу всякого этнического сознания и самосознания» [5; 12; 18].

Другим проявлением инстинкта ориентировки при возникновении ощущения «Я» является отмечавшаяся еще Э. Фроммом [25] неосознаваемая потребность у человека поиска места своего «Я» среди других членов общества. При этом каждый субъект в зависимости от своих психофизиологических качеств и в контексте конкретных обстоятельств может (в крайних вариантах) опираться на один из двух ориентиров в качестве главного — либо на свое «Я», либо на «Я» другого (который, в свою очередь, может иметь собственные ориентиры в сообществе). Похожая, по крайней мере, по форме, ранговая стратификация (от особи «Альфа» до особи «Омега») наблюдается в

---

[3] Мы разделяем представления А. Б. Добровича [8, 9] о том, что ощущение «Я» возникает в онтогенезе как следствие интериоризованного диалога с более или менее обобщенным образом «Другого», формирующимся в интрапсихической реальности субъекта в процессе овладения им речью в результате социальных контактов.

сообществах животных, причем, по наблюдениям этологов [21; 23], эта иерархия поддерживается инициативой не только особей высших, но и низших рангов. Элементы аналогичного механизма, как мы предполагаем, лежат в основе спонтанной иерархизации человеческих, так называемых, «малых групп».

Психологическая готовность к восприятию общества как системного множества и ощущение себя в качестве одного из его элементов могла быть одной из предпосылок спонтанной иерархической самоорганизации прачеловеческих и человеческих коллективов на ранних стадиях социогенеза и принятия социально стратифицированной системы обществ на более поздних исторических этапах.

В условиях сформированного человеческого общества психика человека с содержательной стороны является социально-детерминированной, и в этом смысле личность, по выражению К. Маркса [14], представляет собой «совокупность общественных отношений». При этом следует иметь в виду, что у человека имеется субъективное отношение к этому содержанию своей психики. М. Кофта [24] пишет, что «принимая решения, субъект учитывает (мы бы сказали, что бессознательно оценивает — *В. Ф.*) личностные стандарты собственного поведения, социальные требования и ожидания, иерархию ценностей и целей. При этом личность поддерживает определенное постоянство между своим поведением и внутренними моральными ценностями и нормами».

Мы полагаем, что это постоянство, как и «целостность системы фундаментальных отношений личности», о котором пишет А. Е. Шерозия [24], обусловлены тем, что имеющаяся у каждого человека совокупность индивидуальных субъективно значимых ценностей организована в иерархическую систему по степени их субъективной значимости относительно некой высшей ценности как главного ориентира (доминирующей ценности). Наличие такой системы есть субъективно-личный «смысл» бытия, а сохранение или достижение главного ориентира системы (доминирующей ценности) — личная цель. Исчезновение этого ориентира (физическое, либо вследствие обесценивания или даже в результате достижения цели и обеспечения ее прочности) влечет за собой и означает распад всей системы, когда равнозначимым (или равнонезначимым) становится все. Возникающий при этом хаос в сфере интрапсихической реальности субъективно ощущается как тягостное переживание (смятение, растерянность, тревожность), представляющее собой состояние, сходное с невротическим[4]. Ф. В. Бассин с соавт. [4] расценивают такие ситуации как психическую травму, справедливо замечая, что «наиболее травмирующим является нарушение «порядка» в том, что является наиболее «значимым».

Существует, по крайне мере, два типа неосознаваемой психологической защиты от таких состояний. Один из них заключается в неосознании субъектом происшедших изменений в объективной ситуации, игнорировании ее несоответствия уже имеющейся интрапсихической картине мира. Такого рода защитный механизм, по нашему мнению, лежит, в частности, в основе обнаруженного М. Л. Гомелаури [24] в ее экспериментах явления, которое состоит в том, что уровень притязаний личности, обычно зависящий от успеха или неуспеха, адекватно менялся только тогда, когда успех и неуспех находились в зоне так называемого «автопортрета» (то есть в системе интрапсихических представлений о себе — *В. Ф.*). Если же успех и неуспех резко отклонялись от зоны «автопортрета», то уровень притязаний ос-

---

[4] Психотерапевты нередко встречаются с пациентами, у которых после успешного завершения трудной работы или окончания длительных неприятностей вместо предвкушаемого облегчения возникали истинные неврозы.

тавался неизменным. Мы полагаем, в этих условиях для адекватного изменения уровня притязаний потребовалась бы столь радикальная перестройка субъектом всей системы представлений о себе, что защитные механизмы не допускали этого и неадекватность притязаний оставалась незамеченной ради сохранения неизменности данной системы. К. Кофта [24], описывая подобный тип психологической защиты, расценивает его как «снижение уровня сознания».

Интрапсихическая реальность, действительно, в определенных пределах может быть субъективно более значимой, чем реальность объективная, что, возможно, является одной из существенных причин, обусловливающих известный консерватизм человеческих мнений и убеждений. Однако эта высокая значимость интрапсихической системы ценностных ориентиров отнюдь не обязательно сопряжена со снижением уровня сознания. Она может сочетаться и с адекватным критическим восприятием действительности и в этих случаях, по мысли Ф. В. Бассина [24], служит источником активности личности. В сущности, под термином «личность» в обиходном его употреблении понимается именно прочность субъективной системы ценностных ориентиров, ибо именно эта прочность является основой стабильной целеустремленной активности.

Другой тип психологической защиты — это, как пишут Ф. В. Бассин с соавт. [4], «перестройка в субъективной иерархии значимого», благодаря которой происходит установление соответствия между интрапсихической системой ценностных ориентиров и объективной реальностью при невозможности изменить последнюю. Этот тип психологической защиты обеспечивает личности пластичность и адаптабильность.

При всем различии вышеописанных психологических защитных механизмов у них имеется одна общая, главная черта. Она заключается в направленности защиты на сохранение или достижение *«порядка* в значимом». Этот порядок состоит в наличии иерархически структурированной системы внутренних (интрапсихических) ориентиров (ценностей). Неосознаваемая защита от нарушения этого сложившегося порядка, от душевного хаоса и смятения составляет, на наш взгляд, один из важных компонентов целеобразования. Таким образом, важность и необходимость цели, ощущаемой в качестве субъективно-актуальной, определяется не только и не столько теми материальными и социальными благами, которые обретает субъект при ее достижении, сколько тем, что она является фактором, организующим душевный порядок, предохраняющим индивида от тягостного ощущения душевного беспорядка и растерянности. В этом свете само целеполагание представляется специфически человеческой потребностью, вытекающей из неосознаваемого стремления к ориентированности в сфере объектов своей интрапсихической реальности по признаку их субъективной ценности, а организация и поддержание «порядка», то есть ориентированности в этой реальности, является фундаментальным принципом, которому неосознаваемым образом автоматически подчиняется душевная жизнь человека.

Неосознаваемые побуждения, обусловленные активностью нейрофизиологического субстрата

Как отмечалось выше, возникшие в эволюции новые функциональные системы, служа организму своей функцией, одновременно требуют реализации этой своей собственной функции и таким образом могут порождать новые потребности, которые, в свою очередь, способны модифицировать поведение организма. Так, у животных извест-

ны такие формы поведения, которые не вызваны внешними стимулами, а с той или иной периодичностью проявляются спонтанно, например, исследовательское поведение, охотничье (в условиях сытости животного) и др.

Влияние на поведение физиологических систем, обусловливающих оборонительно-агрессивные реакции

Этологами детально изучено так называемое агрессивное поведение. Установлено, в частности, что у различных видов животных время от времени спонтанно возникает повышенная агрессивность, которая разрешается в стычках по таким поводам и в отношении таких объектов, которые в другое время не провоцируют нападений. Так, петух, лишенный объекта нападения, время от времени начинает сражаться со своим хвостом [23]. К. Лоренц, используя представления Тинбергена [35; 36], объясняет спонтанные вспышки агрессивного поведения накоплением мотивационной энергии в «центрах агрессии» [31].

Действительно, у млекопитающих, в том числе у человека, в области структур лимбической системы мозга обнаружен ряд пунктов, стимуляция которых электрическим током вызывает агрессивно-оборонительное поведение, а у людей, по их самоотчетам, — эмоции неприязни, враждебности, злобы [20; 27; 28; 30]. Предполагается, что эти пункты являются элементами специализированной анатомо-функциональной системы, генерирующей агрессивно-оборонительное поведение. Формирование в эволюции этого типа реакций и самой физиологической системы, продуцирующей их, обусловлено положительной биологической ролью соответствующего поведения, направленного на выживание особи в процессе внутривидовой борьбы и обеспечивающего более сильному животному преимущество в воспроизводстве потомства над более слабым. Однако существование таких систем обусловливает возможность их функционирования и вне связи с ситуацией опасности или конкуренции, требующих их активности. Для предположения возможности функционирования этих систем «вхолостую» имеются нейрофизиологические основания.

Действительно, являясь нейрональными образованиями, эти системы должны функционировать, по крайней мере, согласно самым общим и основным законам деятельности нервных элементов вообще. Одним из основных свойств нейронов является их возбудимость. Она заключается в том, что под влиянием приходящих к нейронам по нервным проводникам возбуждений (вызванных внешними раздражителями) они разряжаются нервными импульсами, в которых отражается функция данных нервных элементов. Но и при отсутствии внешнего раздражителя нейроны в результате деятельности внутриклеточных и межклеточных механизмов время от времени разряжаются спонтанно [26; 34]. Таким образом, импульсная активность нейронов является неотъемлемым их свойством и, по-видимому, обязательным условием их существования.

Обычно в нервной системе целенаправленное распределение потоков импульсации обеспечивается наличием аппарата фильтрации, пропускающего закодированную в импульсах информацию соответственно ее значению. Однако, как было установлено А. А. Ухтомским [22], при повышенной возбудимости нейронов они могут реагировать разрядами на стимуляцию иной, чуждой им модальности, «привлекая» к себе импульсы, предназначенные для других функциональных систем и становясь таким образом доминантными очагами.

В ситуации отсутствия врагов и соперников нейроны физиологи-

ческих систем агрессивно-оборонительного поведения, лишенные притока адекватных раздражителей, оказываются в состоянии сенсорного голодания (депривации), вследствие чего должна спонтанно повышаться их возбудимость. В результате нейроны этих систем могут стать доминантными очагами, «привлекающими» к себе неадекватные по своей специфике импульсы из других нейрональных структур, прежде с этими депривированными системами не связанные. Вместе с тем эти нейроны могут становиться источниками спонтанных импульсов.

Описанные нейрофизиологические механизмы могут лежать в основе спонтанного агрессивного поведения животных, которое проявляется в периодических, не обусловленных реальными жизненными интересами животных, стычках между особями одного вида.

Такое поведение могло бы нанести серьезный ущерб виду, однако у животных существуют выработавшиеся в эволюции механизмы, которые предотвращают драматические последствия подобных действий. К ним относятся так называемая «поза покорности», мгновенно и полностью блокирующая агрессию, переадресовка агрессии и незавершенные, неполные ее проявления, носящие символически-знаковый характер.

У человека также существуют физиологические системы, генерирующие злобные («агрессивные») эмоции, и эти системы в соответствии с описанным нейрофизиологическим механзимом, очевидно, также способны к спонтанному возбуждению. Проявления неадекватных эмоций раздражения, злобы, гнева, ярости достаточно часто наблюдаются и хорошо известны, чтобы требовались доказательства их существования. Однако у человека отсутствуют или, по крайней мере, недостаточно эффективно действуют присущие животным механизмы блокады агрессии (потому, как полагает К. Лоренц, что человек от природы не является сильно вооруженным хищником). Тем не менее, спонтанно возникающая у человека агрессивность проявляется отнюдь не беспорядочно, а, как мы полагаем, регулируется механизмами рационализации, опирающимися на два вышеназванных инстинкта. Прежде всего, вследствие подчинения у человека психической деятельности «закону смысла», вытекающему из инстинктивной потребности в «порядке» в интрапсихической реальности, спонтанно возникающие у него злобные эмоции выступают в сознании как адекватные ситуации, то есть как имеющие смысл. В соответствии же с инстинктивным стремлением человека к социальным контактам, с потребностью в одобрении, в «любви» со стороны других людей, к которым он считает себя сопричастным, смысл злобного аффекта субъективно, хотя и ложно, интерпретируется сознанием как общественно полезное негодование против общественно вредных действий или намерений некоего «чужого» или «чужих», то есть тех, кто не включен в сопричастную группу (и, следовательно, противопоставляется ей как враг).

Часто наблюдающееся (например, при склоках в коллективе) сосуществование враждебности по отношению к «чужим» («врагам»), с одной стороны, и стремления к объединению со «своими» (для их защиты и совместной борьбы), с другой, а также одновременное нарастание напряженности этих чувств наводит на мысль о том, что обе эти противоположные эмоции функционально взаимосвязаны и сенсибилизируют друг друга. Зло почти никогда не совершается с субъективным пониманием его как такового, а всегда выступает под маской «блага» для общества и «справедливого возмездия» для тех, против кого оно направлено. Даже в тех случаях, когда человек творит зло в сугубо эгоистических целях, он искренне полагает, что кем-

то когда-нибудь будет понята и оценена правомерность его действий. Таким образом, зло для своей реализации нуждается в моральной санкции других людей («своих»), пусть даже представляемых абстрактно или воображаемых.

Когда человека постигает сознание, что его поступок будет осужден абсолютно всеми и он сам не находит ему оправдания даже со стороны инстанции внутреннего «другого» («Я»), тогда возникают угрызения совести, чувство вины, которое сопровождается резким снижением самооценки (с точки зрения внутреннего «Другого»), чувством утраты права на любовь других людей и, отсюда, — ощущением разъединенности, потери контакта с ними.

Хотя физиологические механизмы, формирующие злобный аффект, несомненно, существуют у человека и способны, функционируя спонтанно, создавать между людьми конфликтные отношения, не вытекающие с необходимостью из объективных ситуаций, тем не менее, нельзя согласиться с К. Лоренцом в том, что войны между государствами, особенно современными, обусловлены именно этой биологической мотивацией.

Это неверно прежде всего потому, что в современную эпоху войны возникают не стихийно, не вследствие эмоционального состояния народных масс, а инициируются относительно небольшим количеством лиц, стоящих у власти, и, разумеется, отнюдь, не только по мотивам эмоционально-аффективного характера. Но верно то, что и правители для того, чтобы начать войну, также нуждаются в моральной санкции (моральной поддержке) своего народа, и для того, чтобы получить ее, используются средства искусственной активации агрессивных эмоций масс (версия: «нам грозят враги»), наряду с моральной санкцией на эти агрессивные чувства (версия: «мы правы»).

Гораздо большую роль играет спонтанная агрессивность в генезе конфликтов такого рода, как феномены психологической несовместимости в «малых группах», межнациональная, религиозная вражда и т. п. Мы полагаем, что, наряду с традиционной просветительской работой, широкое, систематическое психологическое воспитание, направленное на разъяснение внутренней природы такого рода эмоций и конфликтов, могло бы в какой-то мере содействовать их смягчению, поскольку оно способствовало бы выведению соответствующих бессознательных мотиваций в сферу сознания, где они выступали бы как неадекватные провозглашаемым целям, то есть бессмысленные.

Влияние на поведение человека систем общей мотивации

На определенном этапе эволюции у млекопитающих возникли особые центральные анатомо-функциональные образования [32; 33; 15; 20], специальной функцией которых явилось формирование положительных и отрицательных эмоций. Биологическая роль этих образований, часто называемых «системой положительной мотивации» (СПМ) и «системой отрицательной мотивации» (СОМ), состоит в том, чтобы придавать эмоционально-чувственные знаки удовольствия и неудовольствия («страдания») различным ощущениям и создавать таким образом положительные и отрицательные подкрепления («поощрение и наказание») различным формам поведения животного.

Этот аппарат тесно связан с деятельностью центров, регулирующих специфические витальные потребности так, чтобы удовлетворение какой-либо из них сопровождалось активацией СПМ, а восприятие вредных стимулов активировало деятельностью СОМ. Данная система возникла в эволюции для создания внутреннего побуждения к

активности, к действиям, направленным на выживание и воспроизводство животных посредством эмоционального подкрепления соответствующего поведения.

Как и в случае систем агрессивного поведения, существование особого аппарата общей мотивации обусловливает принципиальную возможность его функционирования вне связи с деятельностью центров специфических потребностей. Эта возможность реализуется лишь в тех случаях, когда длительное время отсутствует активация СПМ и СОМ со стороны центров специфических потребностей, что может иметь место при полном удовлетворении этих потребностей и в условиях устойчивой безопасности для организма. При этом данные системы по существу оказываются в состоянии сенсорной депривации. Для животных такие условия не являются типичными, но для человека, обитающего в искусственной среде, обеспечивающей ему больший или меньший комфорт и безопасность, они составляют скорее правило, чем исключение.

Какие же последствия может иметь сенсорная депривация систем общей мотивации, которая, согласно нашей посылке, характерна для человека в большей степени, чем для животных?

Что касается СПМ, то, очевидно, при удовлетворении витальных потребностей эта система, не получая импульсации со стороны центров соответствующих потребностей, должна оказываться в состоянии сенсорного голодания с вытекающим отсюда снижением порога возбудимости своих нейронов.

Согласно теории Тинбергена [35; 36], у животных при накоплении в нервных центрах мотивационной энергии и при отсутствии разрешающего импульса, исходящего от объекта-цели, может возникнуть искаженная или неполная форма поведенческой реакции — так называемые реакции «заполняющей» деятельности. Согласно этой модели, как мы полагаем, у человека в условиях «насыщения» центров витальных потребностей энергия, накапливающаяся в депривированной вследствие этого СПМ, также должна была бы высвобождаться посредством «заполняющей» деятельности. Однако деятельность человека, если она даже по своему физиологическому механизму является «заполняющей», все же не может быть бессмысленной вследствие действия описанного выше инстинкта ориентировки в сфере своей интрапсихической реальности, порождающего потребность в «смысле». Поэтому у человека (в норме) спонтанно возникающее общее влечение к эмоционально положительным переживаниям может быть реализовано только в форме стремления к цели. Мы полагаем, что состояние сенсорного голодания СПМ, сопровождающееся спонтанным повышением возбудимости нейронов этой системы, может порождать у человека поиск внутренней модели такой ситуации, в которой может быть получена адекватная стимуляция данной системы («мечты»), а предвкушение реализации этой модели субъективно ощущается как предвкушение «счастья». Хотя это переживание, обусловленное депривацией СПМ и одновременной активацией СОМ, является психологическим фантомом, тем не менее, оно служит сильным стимулом для возбуждения действий, направленных на реализацию этой модели, которая приобретает доминантное значение (и вследствие этого организует систему ценностных ориентиров) и становится целью.

Хотя потребность в цели обусловлена у человека, как мы заключили выше, факторами биологически-инстинктивного характера, однако выбор целей определяется, в основном, факторами социальными: системой общепризнанных (и этим модифицированных субъективных) ценностей, комплексом имеющихся средств и т. п. — все это в кон-

тексте психофизиологических особенностей индивида, предрасполагающих к принятию тех или иных ценностей.

Аналогичным образом и СОМ при длительном отсутствии импульсации (несущей, например, информацию об опасности) должна оказываться в состоянии сенсорной депривации с такими вытекающими отсюда следствиями: 1) ее нейроны должны спонтанно разряжаться, генерируя импульсы, которые формируют отрицательные эмоции; 2) в этих условиях СОМ может порождать потребность в получении некоего оптимума адекватных раздражений, то есть потребность в отрицательных эмоциях — тревоги, страха и т. п.

Что касается первого из этих следствий, то, как было показано в соответствующих исследованиях [13], у людей, находившихся более или менее длительное время в ситуации, обусловливающей депривацию преимущественно СОМ, возникали эмоциональные расстройства в виде угнетенного настроения, тревоги, доходящей порой до паники, причем сами испытуемые обычно не могли указать источников подобных состояний.

Аналогичные явления, объясняемые нами спонтанной импульсацией нейронов СОМ, нередко наблюдаются в обычной жизни, когда на фоне объективно благополучного периода в судьбе возникает тревожность, вначале необъяснимая, а затем вследствие рационализации оформляющаяся в какой-либо сюжет (например, опасений за здоровье — свое или близких — и т. п.). Чаще всего такие состояния возникают у лиц с психастеническим характером, физиологической основой которого, возможно, является повышенная возбудимость СОМ.

Рассмотрим теперь вопрос о возможности возникновения вследствие сенсорной депривации СОМ влечения к неприятным переживаниям.

Уже у животных (причем, только в состоянии сытости) наблюдается так называемое исследовательское поведение, при котором, например, крысы, исследуя обстановку, перебегают пол, к которому подведено электрическое напряжение [23]. Некоторые исследователи предполагают, что крысы исследуют те или иные ситуации именно потому, что они вызывают слабый страх.

Существует ли, однако, влечение к отрицательным эмоциям, например, к страху, у человека? Во многих случаях поведение человека бывает таким, что с внешней стороны его невозможно объяснить иначе, как интенсивным влечением к опасности. Достаточно вспомнить завзятых дуэлянтов прошлого, различных авантюристов — кондотьеров и конквистадоров, путешественников-землепроходцев, азартных игроков, ставивших на карту все свое состояние, любителей рискованных видов спорта наших дней. Отметим при этом три обстоятельства. Во-первых, чаще всего это люди материально обеспеченные, во всяком случае настолько, чтобы не беспокоиться о поддержании своего повседневного существования. Во-вторых, их сопряженные с опасностью действия доставляют им удовольствие. В-третьих, они субъективно не считают причиной своих поступков стремление к опасности, а обосновывают их прагматическими целями, риск же рассматривают как нежелательное препятствие к их достижению.

Роль комфортных условий в создании сенсорного голодания СОМ мы уже обсуждали выше. Поэтому остановимся на втором аспекте иррационального влечения к риску: как биологически отрицательная ситуация может вызывать положительные эмоции? Мы объясняем данное явление тем, что депривация СОМ может возникнуть только при наличии депривации СПМ, обусловленной удовлетворением витальных потребностей (поскольку высокая степень их неудовлетворенности, являясь страданием, активирует СОМ). В этих комфортных ус-

ловиях обеспечить приток разрешающих импульсов в СПМ можно только путем ее сенсибилизации, которая достигается посредством нескольких механизмов. Так, резкое снижение активности возбужденной СОМ (контрастная смена трудной ситуации комфортной, например, внезапная ликвидация опасности) может вызвать усиленную активацию СПМ, вплоть до возникновения эйфории и гипоманиакального состояния [13].

Эмоционально-положительному восприятию негативной ситуации может содействовать также и то, что в психологически трудных обстоятельствах обычно возникает стресс, при котором сенсибилизируются нейроны СПМ [16], возможно, до такой степени (особенно у лиц с конституционально высокой их возбудимостью), что они могут приобретать способность положительно реагировать и на неадекватные для них негативные раздражители, вследствие чего объективно отрицательная ситуация будет сопровождаться возникновением положительных эмоций. Таким образом, стремление к активации СОМ («поиск неприятностей») обусловливается в конечном счете стремлением к получению удовольствия. Как следует из этого, в неэкстремальных, комфортных условиях жизни обе мотивационные системы, противоположные по своему биологическому знаку, действуют синергично, при этом СОМ играет подчиненную роль по отношению к СПМ, «работает на нее», что обусловлено анатомическими [7] и физиологическими [15] факторами. Однако в нормальных (комфортных) условиях СПМ для того, чтобы выполнять свою функцию генератора положительного подкрепления в поведении человека, нуждается в сенсибилизирующем влиянии со стороны СОМ. Действительно, участие СОМ в форме «поиска неприятностей» (выраженного в различной степени) можно проследить в чрезвычайно разнообразных видах человеческой деятельности — от туризма и спортивных состязаний до любого вида творчества, всегда связанного с беспокойством из-за неопределенности результатов и с преодолением трудностей.

Наблюдения М. Л. Гомелаури [24], показавшей, что успех имеет тенденцию повышать уровень пртязаний и настойчивость в достижении целей, хорошо объясняются именно стремлением постоянно ощущать в процессе успешной деятельности известную степень ее трудности и неопределенности результата.

Потребность в биологически и психологически отрицательных ситуациях проявляется в более или менее явном виде столь широко, что эта тенденция, будучи абсолютизирована без учета ее подчиненной роли по отношению к потребностям в положительной мотивации, создает иллюзию существования у живого существа, в частности, у человека, стремления к опасности как к самоцели. Очевидно, такой иллюзией отчасти объясняется создание З. Фрейдом концепции о существовании так называемого «инстинкта смерти».

Мы полагаем, что стремление к оптимальной стимуляции СОМ в сочетании с деятельностью СПМ, подчиненное инстинкту ориентировки (и вытекающей из него «потребности в смысле»), является одной из мощных мотиваций, определяющих поведение человека.

Эта мотивация обладает рядом особенностей. Она характерна именно для человека, поскольку он живет в созданной им относительно комфортной среде, обусловливающей депривацию СОМ. Данная мотивация, как, впрочем, и мотивация, вызванная депривацией СПМ, неудовлетворима по своей физиологической природе. Если депривация СПМ создает у человека вечную неудовлетворенность достигнутым, то афферентное голодание СОМ обеспечивает эту неудовлетворенность способностью к дерзанию и риску, то есть мужеством.

Далее, поскольку влечение к стимуляции СОМ само по себе ан-

тибиологично, не имеет самостоятельного подкрепления, специфической формы реализации и находится в противоречии с «потребностью в смысле», то оно как таковое не осознается, а возникает в сознании только за фасадом положительных влечений (рационализируется). Если по каким-либо причинам рационального мотива не возникает, то данное неосознаваемое влечение может явиться источником психопатического поведения. Хотя форма реализации этого влечения определяется социальными факторами (главным образом, интериоризованными), однако некоторая предрасположенность к принятию того или иного смыслового содержания, к «стилю» реализации подобных влечений в определенной степени зависит от конституционально-физиологических особенностей индивида.

Итак, системы положительной и отрицательной мотиваций, назначение которых — содействовать пребыванию животных в пределах биологического гомеостаза, у человека приобретают парадоксальную, специфическую именно для него, функцию. Сохраняя свою роль в качестве источников мотивационной энергии, они при своем совместном функционировании как бы противодействуют биологическому инстинкту «порядка», обусловливая периодически возникающую у человека потребность *в нарушении* «порядка». Эти две сосуществующие и перемежающие друг друга потребности — в «порядке» и в «беспорядке» — представляют собой как бы релеподобную, маятникообразную систему с закономерной периодичностью, отклоняющую человека от некоего «нулевого» эмоционального состояния, но, вместе с тем, и ограничивающую размах этих отклонений пределами гомеостаза. Такой механизм обеспечивает постоянную активность человека в любых социальных условиях. Деятельность именно этих систем приводит его к постановке целей, далеко выходящих за рамки не только биологических, но и вообще конкретно-практических нужд.

Влияние нейрофизиологического субстрата — носителя латентных характерологических черт — на сознание и поведение

Мы полагаем, что физиологический механизм, согласно которому функциональные системы «требуют реализации своих функций» даже в отсутствие адекватных для этого ситуаций, может лежать в основе не только тех психологических состояний, которые обусловлены деятельностью специализированных анатомо-физиологических образований, но и действовать в более широком спектре психических явлений.

Признание реальности конституционально-типологических личностных особенностей (хотя различные авторы выделяют их по разным признакам), с одной стороны, постулирует доминирование у различных людей определенных типов темперамента (Гиппократ), характера (Э. Кречмер), стиля мышления (И. П. Павлов), установок (К. Юнг) и даже склонность к выполнению различных социальных ролей в обществе (Я. Я. Рогинский), а с другой стороны, означает *нежесткость* этого доминирования, то есть существование у тех же лиц недоминирующих, латентных психологических свойств.

Само существование определенных стереотипов психологических черт, определяющих тип личности (в существенной степени конституционально-врожденный) в конечном счете зависит от определенных стереотипов организации нейронов мозга в функционально-динамические констелляции. Можно думать, что и латентные психические свойства также определяются наличием стереотипных нейронных констелляций, существование которых, как правило, в явной форме не проявляется в действиях индивида. Независимо от того, каков конкретный физиологический характер объединения нейронов в эти констел-

ляции, в них не могут отменяться основные физиологические механизмы деятельности нервной системы. Поэтому, когда в течение длительного времени латентная функциональная система не имеет возможности реализовать свою функцию, входящие в ее состав нервные элементы должны спонтанно возбуждаться (в силу действия описанного выше механизма). Вследствие этого «бездействующая» система может приобретать свойства доминантного очага и начать оказывать влияние на деятельность других, в том числе «действующих», систем. Таким образом, недоминирующие (латентные) функциональные системы, которые обеспечивают носителю того или иного конституционального типа потенциальную (хотя и редко реализуемую) возможность и способность реагировать нехарактерным для него образом, в сущности, не являются совсем бездействующими: они постоянно оказывают модулирующее, а порой и противодействующее влияние на деятельность других систем.

Сами же эти латентные нейродинамические системы, согласно выдвигаемой гипотезе, должны актуализироваться с тем большей вероятностью, чем более длительное время они пребывали в бездействии. Отсюда можно предположить, что чем дольше оставались непроявленными те или иные личностные черты, тем сильнее они «требуют» своей реализации. Этот нейрофизиологический механизм, вероятно, лежит в основе той закономерности, о которой А. Н. Ткаченко пишет [24], что на высшем, личностном, уровне организации «наиболее характерной установкой является тенденция к самореализации...».

Реальность существования латентных нейродинамических систем, составляющих основу психологических черт, отличных от тех, которые определяют эксплицитную психобиологическую конституцию индивида, подтверждается не только общеизвестной сложностью человеческого характера, но и нередко наблюдающейся у людей потребностью в более или менее периодической смене всей системы своего поведения. Эта потребность, можно думать, составляет основу актерского призвания, а возможно, и стремления писателя как бы перевоплощаться в образы персонажей своих произведений, а также и удовольствия, испытываемого читателем от идентификации себя с этими персонажами (сопереживание им). Примерами проявления такой потребности могут также служить и случаи «двойной жизни», многократно описанные в художественной литературе, и некоторые серьезные увлечения («хобби»), требующие порой личностных качеств, существенно отличающихся от тех, которые доминируют у индивида в его профессиональной деятельности. Крайним проявлением тех же механизмов, надо думать, являются феномены так называемой «второй жизни» (судьбы Паскаля, Гогена, гусар, уходивших в монастыри, и т. п.). Я. Я. Рогинский [19] рассматривает как определенную закономерность коренное изменение социально-ролевых установок у выделяемых им социально-психологических типов характера.

Важно отметить, что сам субъект обычно не замечает иррационального характера своих поступков, либо их мотивы остаются не вполне осознанными для него самого. Тем не менее, возникнув, эти неосознаваемые побуждения не могут не оказывать влияния на осознаваемые мотивы: они либо включаются в последние, модифицируя их субъективный смысл, либо, если это в содержательном отношении оказывается невозможным, реализуются иными способами, например, в форме фантазий или сновидений, которые по своему содержанию нередко бывают чуждыми сознательным установкам субъекта. Не заключается ли частично биологическая роль этих психических явлений, в том, что они способствуют снятию такого возбуждения латент-

ных нейродинамических систем, которое не может разрешиться иным способом?

Положительная биологическая роль латентных нейродинамических систем (включая и противодействующие) многогранна. Они обеспечивают возможность взаимопонимания между людьми, создавая способность к эмпатии. Своим противодействием доминирующим системам, причем, возрастающим тем больше, чем активнее функционируют последние, латентные системы ослабляют ригидность доминирующих установок, компенсируют тенденцию их к односторонности, расширяя возможности адаптации индивида к меняющимся условиям жизни. Эта адаптация может отчасти осуществляться путем актуализации различных латентных нейродинамических систем, более соответствующих условиям, в которых оказывается субъект, особенно когда он не в состоянии изменить эти условия. Подобное явление, возможно, составляет один из механизмов психологической защиты, заключающейся в перестройке системы субъективно значимых ценностей и, таким образом, в дезактуализации травмирующих переживаний, которые травмируют уже тем, что не могут быть включены в прежнюю систему значимых ориентиров. Так, в случаях напряженного ригидного аффекта (например, при длительных реактивных состояниях) латентные нейродинамические противодействующие системы, будучи особенно глубоко депривированными и вследствие этого особо возбудимыми, могут актуализироваться и тем самым способствовать смене установок и переоценке личностно-значимых ценностей.

Об эффектах совместного действия инстинктивных побуждений и о мнимых инстинктах

Биологически обусловленные инстинктивные побуждения, как правило, не проявляются в изолированном виде, а сочетаются друг с другом в различных комбинациях, участвуя в них в различной степени. Эти сочетания инстинктивных побуждений могут составлять основу некоторых форм специфически человеческой деятельности. Некоторые побуждения, доминирующие в этих комплексах, в той или иной степени осознаются, другие же либо с трудом поддаются осознанию, либо остаются полностью неосознанными.

Так, например, у одних людей доминирующим побуждением их деятельности является потребность приведения в порядок объектов внешней реальности, в частности, деятельности людей (личностный тип преобразователя, организатора, администратора) сооветственно субъективным представлениям о «порядке». К этому доминирующему побуждению подключаются и другие, «подпитывающие» его энергией и попутно реализующиеся в процессе деятельности. Например, организаторская деятельность позволяет реализовать потребности «Я» в повышении своего рангового уровня в социальной среде. Эта потребность, в свою очередь, актуализирует (и одновременно допускает к реализации) потребности, порождаемые СОМ и системой, генерирующей агрессивно-оборонительные эмоции, что вызывается объективной необходимостью борьбы. Повышение рангового уровня субъекта способствует удовлетворению его потребности в контакте с людьми, то есть потребности в «любви» с их стороны.

У других доминирует потребность приведения в порядок (в систему) сведений (знаний), идей, представлений о мире (тип мыслителя, исследователя). Это побуждение косвенным образом способствует реализации потребности в повышении рангового уровня субъекта и потребности «быть любимым», поскольку успешные результаты

деятельности обеспечивают индивиду авторитет, влиятельность, славу. Потребности систем, генерирующих агрессивно-оборонительные эмоции, и потребности, порождаемые СОМ, удовлетворяются в процессе познавательной деятельности за счет преодоления трудностей познания.

Варианты типов организации инстинктивных потребностей и побуждений в иерархические системы могут быть расширены и они будут соответствовать различным известным типам социально-психологической ориентации, составляя их психобиологическую основу. Мы опускаем здесь анализ несомненного значения воспитания, способного в определенной степени изменить и «амортизировать» роль инстинктивных побуждений.

Нам представляется любопытным, вероятно, неслучайное совпадение между различными вариантами организации вышеописанных инстинктивных потребностей, с одной стороны, и некоторыми постулатами, выдвигаемыми различными психотерапевтическими школами в качестве принципов организации душевной жизни личности.

Так, по-видимому, наблюдение пациентов, у которых доминировали потребности СПМ и СОМ, дали основания З. Фрейду постулировать в качестве руководящего мотива человеческого поведения его известный «принцип удовольствия».

Анализ психологического склада тех лиц, у которых доминировали потребности, обусловленные активностью физиологических систем, генерирующих агрессивно-оборонительные эмоции, мог привести Адлера к заключению о «принципе власти» в качестве интегрирующей человеческой мотивации.

Изучение же индивидов, в психологической структуре которых доминировала «потребность в порядке», надо полагать, способствовало формированию у В. Франкля концепции «стремления к смыслу» как глубинного свойства человеческой психики.

В некоторых случаях совместная деятельность нескольких биологических механизмов может проявляться в таких стереотипно-устойчивых сочетаниях, которые способны породить иллюзорное представление о результирующем поведении как о проявлении самостоятельно существующего инстинкта.

Так, мы полагаем, что, возможно, является ошибочным мнение о существовании особого биологического «инстинкта самосохранения» или «инстинкта жизни». На самом же деле у животных имеется, с одной стороны, ряд влечений, направленных на сохранение биологического гомеостаза (голод, жажда и т. п.), а с другой — эмоции страха и ярости, которые в совокупности формируют поведение, способствующее поддержанию жизни и избежанию гибели.

Соответственно, как мы полагаем, нет и врожденного инстинктивного страха смерти и тем более влечения к ней, существование которого постулируют вслед за Фрейдом многие психоаналитики[5]. У жи-

[5] Здесь следует, однако, упомянуть о концепции В. Д. Гаврилова, касающейся роли мазохистических механизмов, существующих в психике человека. Под влиянием бессознательных импульсов совести эти механизмы способны приводить индивида к причинению себе биологического и социального ущерба, вплоть до того, что они могут толкать человека на физическое уничтожение самого себя, т. е. могут приобретать танатологический характер. Развитие этих механизмов, по Гаврилову, обусловлено генетически — гормональными влияниями, именно действием эстрогенов, входящих в состав половых гормонов женщины и мужчины. Мазохистические механизмы участвуют также в сексуальных переживаниях человека, главным образом у женщин, и играют роль в создании эмпатического состояния пациента в процессе психотерапевтического воздействия на него (В. Д. Гаврилов. Концепция функции защиты вида и некоторые стороны учения Фрейда. См.: «Психологический журнал» — в печати).

вотных отсутствует представление о смерти. Эмоция же страха у них генерируется специальными физиологическими механизмами [23] и возбуждается либо при повторной встрече с факторами, прежде вызывавшими боль, либо при внезапном и быстром изменении обстановки (дезориентировка в ней), что биологически оправдано опасностью такой ситуации.

Так, например, животные пугаются быстро увеличивающихся в размере предметов, ибо такое восприятие сопряжено с нападением со стороны другого животного. Но такой же страх может вызвать и быстрое раскрытие зонтика перед глазами животного [23].

У человека, как мы полагаем, также не существует врожденного страха именно перед смертью, ибо у него нет врожденного представления о ней. Понятие о смерти как о небытии появляется на довольно высоком уровне культурного развития человечества. На ранних же этапах его развития, покуда бытовали детально разработанные мифические представления о смерти как о загробной жизни, согласно данным историков и этнографов, сама смерть как таковая не вызывала страха, хотя первобытным людям были присущи многочисленные напряженные страхи мистического характера, не связанные с конкретными опасениями за жизнь. Отсутствует страх смерти и у некоторых глубоко религиозных людей нового времени, верящих в загробную жизнь, которую они также представляют себе более или менее определенно.

Страх смерти, по нашему мнению, обусловлен высшей степенью непредставимости для обыденного сознания (именно сознания) небытия и является проявлением негативного эмоционального компонента инстинкта ориентировки при невозможности ориентироваться в чем-то абсолютно неведомом. Этот страх стимулируется еще и наивным переносом в воображении своего прижизненного переживания на состояние после смерти («когда я буду мертв, то буду переживать, что больше не живу»). Согласно имеющимся данным [10], у людей, получивших субъективный опыт пребывания в состоянии так называемой «клинической смерти», существенно снижается страх смерти. Да и самого Фрейда на мысль об «инстинкте смерти» навел случившийся с ним глубокий обморок, после которого он сказал: «Как приятно быть мертвым!» [29].

Зключение

Мы изложили свои предположения о необходимом, с нашей точки зрения, существовании некоторых досознательных (не бывших содержанием сознания) неосознаваемых влияний на протекание ряда фундаментальных психических процессов у человека, составляющих основу его личности. Эти влияния неодинаковы и неоднородны как по своим источникам, так и по сущности.

Один вид неосознаваемых влияний на психику человека — это деятельность конкретных физиологических эмоциогенных и латентных нейродинамических систем. Неосознаваемые влияния (на сознание) другого типа — это те, которые несут в себе само сознание в силу имманентно присущего ему свойства функционировать в соответствии с «законом смысла». Этот закон заключается в том, что сознание имеет *неосознаваемую* потребность выстраивать в иерархически структурированную систему элементы своего содержания по признаку их субъективной значимости. Данное свойство сознания проявляется в автоматическом смыслообразовании и имеет следствием такое же автоматическое целеполагание. Таким образом, сознание в своей структуре содержит неотъемлемые от своей же сущности как

сознания компоненты бессознательного. Принцип смыслообразования интегрирует и неосознаваемые влияния, идущие из эмоциогенных структур и латентных нейродинамических систем, которые, со своей стороны, модифицируют ход сознательных процессов.

Исходя из вышеизложенных соображений, а также на основании наблюдений разнообразных проявлений человеческой психологии можно сделать вывод о существовании, по крайне мере, двух типов взаимоотношений сознания и бессознательного. Один из них состоит в коррекции сознанием влияния спонтанных иррациональных неосознаваемых побуждений с целью удержания их в русле «смысла». Другой тип взаимоотношений этих инстанций психики, как можно думать, заключается в придании сознанием субъективного смысла спонтанно возникающим иррациональным по своей природе побуждениям. Другими словами говоря, в принципе (и так бывает в действительности) деятельность сознания может быть направлена на создание у субъекта иллюзорного ощущения разумности своих неразумных, по существу, побуждений и поступков.

Это явление составляет механизм такой, например, формы психологической защиты, как рационализация, суть которой заключается в отыскании места для иррационального побуждения или поступка в имеющейся у субъекта системе внутренних ориентиров (ценностей) без разрушения этой системы. Без рационализирующей обработки сознанием спонтанно возникающих эмоций и побуждений они ощущались бы субъектом в качестве чуждых его личности, и тогда они осознавались бы как таковые (что и происходит, например, в начале острых психотических состояний до сформирования бредовой системы [11]).

Потребность в «смысле» (который мы выше определили как иерархически упорядоченную систему ценностей-ориентиров) может лежать в основе таких пограничных состояний, как ипохондрический «уход в болезнь», субклинические паранойяльные состояния (включая фанатизм, уход в мистику и т. п., которые могут рассматриваться как патологические формы психологической защиты).

Своеобразный феномен бессознательного связан с ощущением своего «Я», относящегося к высшему проявлению сознания — самосознанию. Определив сознание как отдавание отчета в своих психических процессах некой инстанции — «Я», мы наталкиваемся на невозможность уловить эту бесконечно удаляющуюся инстанцию, может быть, являющуюся единственным принципиально неосознаваемым феноменом.

Итак, ряд фактов и рассуждений побуждают высказать предположение о том, что некоторые *неосознаваемые* психические феномены, даже не будучи продуктом вытеснения, являются *функцией деятельности самого сознания* и представляют собой не параллельно с сознанием протекающие процессы, а как бы изнаночную — неосознаваемую — сторону самих процессов сознания.

*
* *

Хотя предметом рассмотрения в нашей статье были те психические явления, которые обусловлены, так сказать, биологической «ипостасью» природы человека, совершенно ясно, что его поведение не является жестко предопределенным врожденными биологическими факторами. Однако не менее очевидно, что человек может совершать поступки совсем не по тем причинам, по которым, как он думает, он их совершает, и не осознавать, что эти поступки не ведут его к той

цели, которую он преследует. Развитие представлений о бессознательном и психологических защитных механизмах, на первый взгляд, приводит к заключению, что сознание, которому человечество давно привыкло доверять как инструменту познания, может являться средством сокрытия истины, орудием самообмана, когда дело касается самопознания. На самом же деле правильный вывод, который следовало бы сделать из сложившейся кризисной ситуации, заключается в том, что человеческий разум просто не исчерпал еще своих познавательных и деятельных возможностей и что для познания человеком своей душевной жизни требуются какие-то иные методические приемы и методологические принципы.

Действительно, ныне в свете нашего знания о «коварстве» сознания нельзя уже простодушно доверять его подсказкам, когда дело касается самооценки и постижения субъектом причин своих действий. Это знание побуждает искать методы перевода, перекодировки показаний субъективного сознания на язык объективных данных. Широкая и постоянная популяризация сведений такого рода может сыграть известную роль в нейтрализации отрицательных последствий «биологического детерминизма» в поведении людей. Надежду на небезрезультативность такой просветительной работы дает существующее, как мы полагаем, инстинктивное стремление человека всячески эмансипироваться от своей биологической природы, что, по нашему мнению, также является одной из неосознаваемых мотиваций, определяющих человеческое поведение. Ведь сущность доблести, всегда почитавшейся людьми, состоит именно в преодолении духом инстинктивных чувств («кодексы чести»).

Главным проявлением доблести всегда считалось преодоление страха. Но указания на биологически-инстинктивный характер гнева и злобы могут способствовать проявлению доблести в подавлении и этих чувств. Есть основания надеяться, что эта попытка мобилизовать агрессивные побуждения на борьбу с самими собой сможет когда-нибудь принести свои добрые плоды. Может быть, осознание ограниченных возможностей логически-рассудочной деятельности в деле регулирования своего поведения и межчеловеческих отношений побудит человечество предоставить высшие полномочия в этой сфере иному уровню разума, а именно, опирающемуся на объективное знание нравственному чувству.

*
* *

В заключение — несколько слов об определении личности с учетом изложенных нами представлений о взаимоотношениях бессознательных психических процессов и сознания.

Можно было бы сказать, что личность определяется системой внутренних ценностей-ориентиров, тем, в какую иерархию они выстроены, каков приоритет этих ценностей, какие из них избраны субъектом в качестве главных, а какие являются для него второстепенными и третьестепенными. Однако такое определение личности было бы неполным. Выбор чего-либо одного одновременно означает отказ от чего-то другого. И хотя, в принципе, индивид свободен в своем выборе, однако разным людям в разной степени трудно отказаться от внешне как будто одинаковых ценностей и в разной степени трудно отстаивать также как будто бы одинаковые ценности. Так, физически слабому человеку храбрость дается труднее, чем сильному. Поэтому личность характеризуется также и степенью усилий, которые ей необходимо применить для построения и сохранения своей системы ценностей.

Личность также характеризуется *прочностью* системы внутренних ценностей (ориентиров), то есть *степенью субъективной актуальности интрапсихической реальности по сравнению с реальностью внешней.* В этом отношении объективное научное психологическое определение личности совпадает с житейским пониманием этого термина, под которым подразумевается «сила духа», «духовность», то есть значительная независимость внутреннего мира человека (его интрапсихической реальности) от реальности внешней. И именно это качество, по мысли Ф. В. Бассина [24], является источником активности личности, поскольку побуждает человека воздействовать на внешний мир с целью привести его в соответствие со своей интрапсихической реальностью.

Данное определение личности описывает ее лишь как психологический феномен, но не включает в себя морально-оценочные признаки. И сила, и активность, и духовность, и бескорыстие, и даже субъективно позитивные идеалы личности вовсе не тождественны ее реальной социально-положительной роли. Эта роль определяется тем, какова объективная ценность субъективной интрапсихической системы ориентиров личности.

BIOLOGICALLY DETERMINED UNCONSCIOUS MOTIVATIONS IN THE STRUCTURE OF PERSONALITY

V. A. FAIVISHEVSKI

11th Psychoneurological Prophylactic Centre, Moscow

SUMMARY

A hypothesis is advanced on the necessary occurrence of unconscious influences on man's emotions, consciousness and behaviour on the part of instincts and functional systems in the evolution as regulators of behaviour formed at the preconscious and even psychic (mental) stages of phylogenesis.

The activity of physiological systems forming defensive and aggressive emotions and general motivation systems constitutes one such unconscious influence. Ranked with these are latent neuro-dynamic brain systems, postulated as a hypothesis, in which some congenital typological psychological traits are engrammed.

Another type of unconscious influences on consciousness is due to the property — immanently inherent in consciousness — of arranging the content of the mind into hierarchically structured systems. It is supposed that this characteristic originates from the primordial instinctual need of every living being to be oriented in its environment.

This property of consciousness constitutes the essence of the „law of meaning" — formulated by F. V. Bassin — which integrates man's entire mental activity.

Various collisions of the interrelations of consciousness and unconscious relations are considered in the light of the above ideas.

ЛИТЕРАТУРА

1. АНАНЬЕВ Б. Г., Человек как предмет познания, Ленинерад, 1968.
2. БАССИН Ф. В., Значение переживания и проблема собственно психологической закономерности. Вопросы психологии, 1971, 4, 101—113.
3. БАССИН Ф. В., К развитию проблемы значения и смысла. Вопросы психологии, 1973, 6, 13—24.
4. БАССИН Ф. В., РОЖНОВ В. Е., РОЖНОВА М. А., К современному пониманию психической травмы и общих принципов психотерапии. В кн.: Руководство по психотерапии. Ред. Рожнов В. Е. М., Медицина, 1974, 39—53.
5. БРОМЛЕЙ Ю. В., Этнос и этнография. цит. по 12.
6. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Мышление и речь. Психологические исследования, М.—Л., Государственное социально-экономическое издательство, 1934.
7. ГЕЛЬГОРН Э., ЛУФБОРРОУ Дж., Эмоции и эмоциональные расстройства, М., Медицина, 1966.
8. ДОБРОВИЧ А. Б., Фонарь Диогена, М., Знание, 1981.
9. ДОБРОВИЧ А. Б., Я — театр одного актера. Знание — сила, 1979, 28—31.
10. ЗИННУРОВ Ф., Вознесение младшего сержанта. Знание — сила, 1982, 8, 36—37.
11. КЕРБИКОВ О. В., Острая шизофрения, М., Медгиз, 1949.
12. КУББЕЛЬ Л. Е., Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества. В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе, М., Наука, 1982, 124—146.
13. КУЗНЕЦОВ О. Н., ЛЕБЕДЕВ В. И., Психология и психопатология одиночества, М., Медицина, 1972.
14. МАРКС К., Тезисы о Фейербахе. Сочинения, т. 3.
15. МИЛНЕР П., Физиологическая психология, М., 1973.
16. МОГИЛЕВСКИЙ А. Я., Современные представления о роли серотонина в деятельности нервной системы. Успехи современной биологии, 1963, 3, 322—336.
17. НАДИРАШВИЛИ Ш. А., Понятие установки в общей и социальной психологии, Тбилиси, 1973.
18. ПОРШНЕВ Б. Ф., Социальная психология и история, М., 1966.
19. РОГИНСКИЙ Я. Я., Проблемы антропогенеза, М., Высшая школа, 1969.
20. СМИРНОВ В. М., Стереотоксическая неврология, Ленинград, Медицина, 1976.
21. ТИХ Н. А., Предыстория общества, Ленинград, 1970.
22. УХТОМСКИЙ А. А., Собрание сочинений, 192—197.
23. ХАЙНД Р., Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии, М., Мир, 1975.
24. Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т.т. I—III, Тбилиси, «Мецниереба“, 1978.
25. FROMM E., Man for Himself, Greenwich, Con., 1947.
26. GALAMBOS R., Davis H., Inhibition of Activity in single auditory nerve fieber by acoustic stimulation. J. Neurophysiology, 7 (1944), 227—303.
27. HEATH R. G., MONROE R. P., MICKLE W. A. Stimulation of the amygdaloid nucleus in a schizophrenic patient, American Journal of Psychiatry, III (1955), 862—863.
28. HEATH R. G., Electric stimulation of the brain in man. American Journal of Psychiatry, 120 (1963), 571—577.
29. JONES E., The Life and Work of Sigmund Freud, I. New York, Basic Books, 1953.
30. KING H. E., Psychological effects of excitation in the limbic system. In: Electrical Stimulation of the Brain, Austin, 1961.
31. LORENZ K., On Aggression, New York, Bantam Books, 1971.
32. OLDS J., MILNER P., Positive reinforcement produced by electrical stimulation of sep-

tal area and other regions of rat brain. Journal of Comparative and Physiological Psychology, 47 (1954) 419—427.
33. OLDS J., Hypothalamic substrates of reward. Psychological Review, 42 (1962), 554—604.
34. RIESEN A. H., Sensory deprivation. In: Stellar E. and Sprage J. M. (Eds.). Progress in Physiological Psychology. New York, Academic Press, 1 (1966), 117—147.
35. TINBERGEN N., The Study of Instinct. Oxford, Clarendon, 1951, 35.
36. TINBERGEN N., Derived activities: their causation, biological significance, origin and emancipation during evolution. Quarterly Review Biology, 27 (1952), 1—32.

ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФИЗИКИ

Э. Б. ФИНКЕЛЬШТЕЙН

Московский областной педагогический институт

Глубокий теоретический анализ проблемы бессознательного, проводимый в настоящей коллективной монографии, отличается большим разнообразием позиций и точек зрения. В то же время эти позиции и точки зрения могут быть сгруппированы в ряд близких по содержанию тем. Среди этих тем нам хотелось бы выделить такие, которые непосредственно связаны с фундаментальными физическими принципами. Согласно развиваемой в настоящей работе точке зрения, основные утверждения, составляющие содержание этих тем, в значительной степени могут рассматриваться как следствие принципов, аналогичных принципам квантовой физики, и тем самым оказываются тесно связанными между собой. К числу таких тем можно отнести следующие:

1. Взаимоотношения наблюдателя и наблюдаемого и теорема о передвижении границы.
2. Аналогия между взаимоотношением сознательного и бессознательного и отношением классической физики к квантовой.
3. Голографические принципы организации информации и их связь с квантовыми принципами композиции амплитуд вероятности.
4. Неклассическая, «иная» логика бессознательного и квантовая логика.
5. Размытые множества, физическая непрерывность и толерантные пространства.
6. Предречевая форма мышления и предгеометрия Уилера.
7. Тема целостности.
8. Бессознательное, искусство и интуиция.

I. Вопрос о взаимоотношении наблюдателя и наблюдаемого затрагивается во многих работах настоящей монографии, и ему, а также его связи с принципом дополнительности Н. Бора посвящены специальные работы И. М. Фейгенберга и А. Е. Шерозия. Одна из основных мыслей, которую можно проследить в указанных работах, состоит в том, что во всех случаях, когда наблюдатель и наблюдаемое явление составляют единое целое, единый неразрывный комплекс, описание явлений предопределяет необходимость использования принципа дополнительности. Тем самым понимание психологических явлений и экспериментов облегчается ссылками на один из фундаментальных принципов квантовой физики. Нас здесь, однако, будет интересовать другая сторона вопроса, а именно, в какой мере тонкие наблюдения психологов и особенно Джемса облегчили понимание трудных физических проблем и способствовали разрешению драматической ситуации в физике в процессе создания квантовой механики. Джемс выделяет четыре основных свойства сознания:

«1. Каждое «состояние» сознания стремится быть частью личного сознания.

2. В каждом личном сознании состояния постоянно сменяются.

3. Каждое личное сознание чувствуется, как непрерывное.

4. Оно заинтересовано в некоторых частях своего объекта, а в других нет, и все время оно или принимает или отвергает те или другие части, — одним словом, выбирает среди них» [1].

Нетрудно увидеть, что такие свойства, как описание системы с помощью основного понятия «состояние», движение состояний, непрерывность этого движения и наличие актов выбора вполне соответствуют описанию движения квантовомеханических систем в так называемой шредингеровской картине. Аналогично описанию поведения атомных систем Джемс вводит в рассмотрение устойчивые и переходные состояния сознания.

Далее Джемс в яркой и образной форме описывает трудности интроспективного анализа процесса мышления:

...«Попытки анализа потока мысли посредством самонаблюдения столь же мало состоятельны, как если бы, схватив вертящийся волчок, мы мнили захватить его движение, или как если бы мы старались закрыть кран газовой горелки с такой быстротой, которая дала бы нам возможность рассмотреть, какой вид имеет тьма».

На языке квантовой теории можно сказать, что Джемс описывает хорошо известные трудности процесса измерения.

Но это еще не все. Джемс вводит представление о «психическом обертоне» или «психическом ореоле». Это представление соответствует в квантовой механике принципу суперпозиции состояний. Понятие «психического обертона» естественным образом приводит Джемса к представлению о континууме различных альтернативных способов или путей перехода к одной и той же мысли. В современной физике Р. Фейнманом разработан соответствующий формализм континуального интегрирования, позволяющий определять вероятности конечных состояний физических систем. В фейнмановском формализме каждому альтернативному пути ставится в соответствие комплексное число — амплитуда вероятности.

Вероятность достижения конечного состояния определяется как квадрат модуля амплитуды, равной сумме (или интегралу) амплитуд по всем возможным путям. Естественно предположить, что альтернативные пути, которым в психике ставится в соответствие амплитуда, описывают бессознательные процессы. Если же пути описываются классическими вероятностями и, следовательно, имеют характер брауновских траекторий, то можно считать, что они характеризуют осознанные процессы, причем точкам излома траекторий отвечают фиксации мысли сознанием в соответствующие моменты времени.

Особый интерес представляет данный Джемсом анализ личности и, прежде всего, та часть этого анализа, которая рассматривает вопрос о взаимоотношении объекта и субъекта познания, познающего и познаваемого. Джемс дает подробную классификацию различных «я», составляющих личность, рассматривая отдельно материальное, социальное и духовное «я». Вместе с тем Джемс подчеркивает, что «провести черту между тем, что человек называет самим собой и что просто обозначает словом «мое», затруднительно».

Как бы глубоко ни анализировать понятие «я», все равно в какой-то момент необходимо остановиться и сказать: а это воспринимается наблюдателем, нашим внутренним познающим «я». «Это «я» есть то, которое в любую данную минуту сознает, тогда как опытное «Ego» — один из предметов, о котором получается сознание». Соответствующая ситуация в квантовомеханической теории измерений бы-

ла глубоко проанализирована фон Нейманом В своей основополагающей работе он пишет: «Пусть измеряется температура. Мы можем, если захотим, продолжить теоретическое вычисление этого процесса до тех пор, пока не получим температуру окружения ртутного сосуда термометра. Однако в любом случае, сколь далеко ни продолжали бы мы вычисления — до ртутного сосуда термометра, до его шкалы, до сетчатки или до клеток мозга, в некоторый момент мы должны будем сказать: а это воспринимается наблюдателем. Это значит, что мы всегда должны делить мир на две части: наблюдаемую систему и наблюдателя. Границы между ними в высокой степени произвольны» [2]. Фон Нейманом была доказана фундаментальная теорема о том, что (понимаемую в указанном выше смысле) границу между наблюдаемой системой и наблюдателем можно смещать произвольным образом.

Мы видим, таким образом, что не только психология может использовать фундаментальные физические принципы в качестве эвристической предпосылки к исследованию, но и физика в свое время использовала психологические наблюдения для открытия фундаментальных принципов.

II. Обсуждение проблемы бессознательного практически всегда сталкивается с трудным вопросом о взаимоотношении сознательного и бессознательного.

Если следовать принятой нами точке зрения, то, естественно, принять утверждение о том, что все тонкие и сложные отношения между сознательным и бессознательным можно усмотреть, анализируя взаимоотношения между квантовой и классической физикой и учитывая неизбежность использования классических понятий при интерпретации любых экспериментальных данных. Целью науки является получение объективного знания о действительности, а всякое знание должно быть выражено в языке. Поэтому Н. Бор неоднократно подчеркивал, что необходимым условием функционирования науки является возможность передать другим, что мы сделали и что мы узнали. А для этого «настоятельно необходимо уяснить себе, что во всяком отчете о физическом опыте нужно описывать как условия опыта, так и результаты наблюдений теми же словами и средствами, какие употребляются в классической физике» [3].

Анализируя соотношение классической и квантовой физики, Н. Бор опирался не только на принцип дополнительности, но и на сформулированный им принцип соответствия. Принцип соответствия в самом общем случае выражает преемственность человеческого знания и используется в науке, с одной стороны, как средство построения новых теорий, а с другой стороны, как способ проверки их истинности.

Основное утверждение принципа соответствия состоит в том, что из более общей теории при определенных условиях (например, в случае приближения характерных параметров к предельным значениям) выводится теория менее общая. Применение принципа соответствия к квантовой теории приводит к следующей познавательной трудности, характерной не только для физики, но и при анализе взаимоотношения сознательного и бессознательного психического. С одной стороны, квантовая теория является более общей по сравнению с классической (основные соотношения классической теории могут быть получены из квантовомеханических уравнений с помощью предельных переходов). С другой стороны, понятия и представления классической физики по необходимости используются в структуре квантовой теории на всех уровнях и служат для ее обоснования, являясь в этом смысле предпосылочными. Бор подчеркивал: «как бы

далеко ни выходили явления за рамки классического физического объяснения, все опытные данные должны описываться при помощи классических понятий». Аналогичная ситуация возникает в интересующей нас проблеме взаимоотношения сознательного и бессознательного психического. Как бы далеко не выходили явления бессознательного психического за рамки объяснения на языке сознания, все экспериментальные факты должны описываться при помощи понятий, доступных сознанию. Аналогично положению дел в физике, можно сказать, что, с одной стороны, понятия и представления, с помощью которых описываются сознательные процессы, принципиально ограничены в их применении к описанию бессознательных явлений. В этом смысле будущую полную теорию бессознательного мы должны рассматривать, опираясь на принцип соответствия, как более общую по сравнению с теорией, описывающей процессы сознания. С другой стороны, истолкование любых экспериментальных фактов, относящихся к бессознательным процессам, и основанное на таком истолковании построение теории, по необходимости нуждается в использовании понятий и представлений, доступных сознанию. Другими словами, теория бессознательного претендует на новое содержание и в то же время это содержание может быть истолковано лишь в рамках естественного языка.

По существу принцип дополнительности возник как следствие такого рода языковой ограниченности и как средство ее преодоления.

Другим средством преодоления языковой ограниченности является различение в составе теоретического языка нескольких слоев, отвечающих разным уровням осмысления.

Понятие амплитуды вероятности не имеет аналога в языковом слое классических физических понятий. Первоначально результаты экспериментов по интерференции микрочастиц осмысливались в терминах классической волновой теории. На этом этапе возникало предварительное понимание, необходимое для продолжения исследований. Однако такое «понимание», использовавшее только один языковый слой, не могло дать полного теоретического объяснения наблюдаемой интерференционной картины — ведь, согласно классической физике, частицы не могут интерферировать. Понятие амплитуды вероятности возникло как средство, необходимое для более глубокого объяснения существа дела, и оно, наряду с такими понятиями, как «спин», четность, кварк и т. п., относится уже к другому языковому слою — слою квантовых понятий. Различение и выделение такого рода языковых слоев — естественный процесс, характерный для любой познавательной ситуации, и можно предположить, что при исследовании бессознательного его роль будет возрастать. Мы видим, таким образом, что анализ взаимоотношений квантовой и классической теорий в сильной степени проясняет и взаимоотношение сознательного и бессознательного. Можно сказать, что если бы Фрейд был знаком с квантовой теорией, то он вряд ли стал бы определять бессознательное как «психику минус сознание».

Такое определение в сущности аналогично определению квантовой физики, как «всей физики минус классическая физика».

III. С тех пор как появились первые лазерные голограммы, они сразу же привлекли к себе внимание многих психологов и нейрофизиологов своими необычными свойствами. В настоящей монографии голографические принципы организации информации обсуждаются в работах Ф. В. Бассина, К. Прибрама и наиболее подробно в статье Л. Р. Зенкова, в которой эти принципы рассматриваются как лежащие в основе объяснения целого ряда клинических фактов и экспериментальных наблюдений и, в частности, таких фундаментальных яв-

лений, как перевод звуковой информации в зрительную, процессы распознавания образов, процессы разложения образов на отдельные элементы и восстановления целого образа из сохранившихся фрагментов и т. п.

В литературе рассматривалось много различных голографических моделей, выполненных как на нейрофизиологическом уровне, так и на достаточно абстрактном уровне «сети, реализующей представление информации». Интересно, что первые абстрактные модели были построены П. Грином [4] еще до появления лазерных голограмм. В этих моделях Грин исходил из предположения, что каждый элемент информации должен содержать частичное представление многих других элементов и схемы их взаимосвязи. Было предположено также, что имеет место суперпозиция сложных образов или, наоборот, разложение сложного образа на линейную комбинацию базисных образов.

Самое важное для нас, что математические свойства этой модели эквивалентны математическому формализму квантовой механики. Наиболее подробная модель функционирования мозга, основанная на аналогии с оптическими голографическими процессами, разработана Ф. Р. Вестлейком [5]. В этой модели рассматриваются уравнения, заимствованные из оптической голографии, которые дискретизируются в пространстве и времени и преобразуются таким образом, чтобы сделать возможным замену форм нервного спайка набором синусоидальных колебаний.

Модель Вестлейка — не единственная. Так, например, можно предложить нейрофизиологическую модель, в которой интерференционная картина — нейроголограмма возникала бы в результате корреляции флуктуаций мембранного потенциала. Такая модель, во-первых, ближе своему оптическому прототипу, а во-вторых, предполагает, что информация содержится не только в межспайковых интервалах, но также и возникает из «шума».

Экспериментальная проверка такой возможности представляла бы несомненный интерес. Однако на каком бы уровне мы ни рассматривали голографические модели, все основные свойства голограмм являются прямыми следствиями фундаментальных квантовых принципов — принципов композиции амплитуд вероятности. Вместе с тем верно и обратное. Трудно представить себе полную реализацию голографических свойств без предположения о справедливости квантовых принципов.

IV. Большинство исследователей бессознательного отмечает, что основные трудности понимания бессознательной психики связаны с тем, что бессознательные процессы протекают согласно совершенно иным законам, принципиально отличающимся от законов, управляющих сознательным поведением. Возникает предположение, не являются ли эти законы проявлениями иной логики, в корне отличающейся от классической аристотелевской логики и ее различных модификаций, рассматриваемых математиками. Именно такой вопрос был поставлен в статье С. Леклера «Бессознательное: иная логика», и на этот вопрос Леклер дал положительный ответ.

В соответствии с принятой нами неформальной аналогией между квантовыми принципами и описанием бессознательных психических процессов, естественно задать вопрос, нельзя ли рассматривать квантовые принципы, как проявление некоторой неклассической логики высказываний, описывающих поведение квантовых систем. Положительный ответ на этот вопрос был дан в пионерской работе фон Неймана и Бирхгофа «Логика квантовой механики» [6]. Фон Нейман и Бирхгоф показали, что утверждения квантовой механики для своей формализации требуют исчисления высказываний, в которых не вы-

полняются законы формальной логики и, в частности, аксиомы дистрибутивности.

Законы логики имеют алгебраическую интерпретацию, согласно которой дизъюнкция может рассматриваться как сложение, а конъюнкция как умножение. Оказывается, что алгебра квантовой логики соответствует алгебре так называемых нечетких множеств. Тождество

$$/A+B/\cdot C=AC+BC,$$

справедливое в алгебре множеств в традиционном понимании этого термина, оказывается несправедливым для суммы и произведения нечетких множеств. В дальнейшем, при обсуждении нечетких множеств, мы рассмотрим условия, при которых это тождество выполняется.

Вслед за фон Нейманом и Бирхгофом был сконструирован еще целый ряд вариантов различных «квантовых логик» [7, 8], однако для наших целей различие между этими конкретными вариантами несущественно. Отметим только, что наиболее интересный и глубоко разработанный вариант был предложен Вайцзеккером [9]. В этом варианте развивается квантовая логика с бесконечным числом значений истинности, промежуточных между I (истина) и 0 (ложь). Вайцзеккеру удалось показать, что отношение классической логики к «логике дополнительности» совпадает с отношением классической физики к квантовой, и при этом «логика дополнительности» так же не отменяет обычную классическую логику, как язык квантовой механики не отменяет языка классической физики. В переводе на язык психологии последнее утверждение означает, что логика подсознательного не отменяет классической логики сознания.

Разработка квантовой логики подняла вопрос об эмпирической природе логики, также как в свое время в результате разработки общей теории относительности и неевклидовой геометрии был поднят вопрос об эмпирической природе геометрии. Сравнение с множественностью возможных неевклидовых геометрий приводит к выводу о множественности неклассических логик. Заметим, что под геометрией мы здесь понимаем не «чистую» геометрию в том смысле как ее понимают математики, а модель физического пространства-времени, физическую геометрию. Аналогично мы понимаем и термин «логика» как некоторую логическую структуру событий квантовой физики. Как было показано еще Пуанкаре, в физическом опыте мы всегда имеем дело с системой «геометрия+физика», так что отличить чисто физические утверждения от чисто геометрических невозможно. Разработка квантовой логики показала, что аналогичное утверждение можно сделать и о системе «логика+физика». Продолжая эту цепочку, мы можем заключить, что и при описании психологических наблюдений мы всегда имеем дело с системой «логика+психика».

V. Основоположник теории нечеткости американский математик Лотфи А. Заде считал, что элементами мышления человека являются элементы некоторых нечетких множеств, для которых переход от «непринадлежности» к «принадлежности» не скачкообразен, а непрерывен. Традиционное определение множества, восходящее к Кантору, гласит:

«Под множеством понимают объединение в одно общее объектов, хорошо различимых нашей интуицией или нашей мыслью» [10]. Это определение в сущности означает, что должен существовать критерий, с помощью которого относительно каждого объекта можно судить, является он элементом данного множества или нет. Чтобы определить нечеткое множество, необходимо установить для каждого элемента из некоторого универсального множества степень принадлежности этого элемента нечеткому множеству. Иначе говоря, нечет-

кое множество характеризуется функцией (так называемой функцией принадлежности), ставящей в соответствие каждому элементу универсального множества степень его принадлежности нечеткому множеству. Обычные множества — это частный случай нечетких, в котором функция принадлежности принимает только два значения: нуль, если элемент не входит в множество, и единица, если входит.

Рассматривая вопрос о квантовой логике, мы говорим, что в алгебре нечетких множеств тождество

$$/A+B/\cdot C=AC+BC$$

оказывается в общем случае несправедливым для суммы и произведения нечетких множеств. Теперь мы можем уточнить, что это равенство выполняется тогда, и только тогда, когда для любого элемента универсального множества либо функция принадлежности хотя бы одного из множеств A, B, C равна нулю, либо функция принадлежности C равна единице.

Теория нечеткости позволяет сопоставить большинству математических понятий их нечеткие аналоги. Так, в частности, можно говорить о нечеткой логике, в рамках которой рассматриваются утверждения, которые в какой-то степени истинны, а в какой-то — ложны. Здесь само собой напрашивается сравнение с вайцзеккеровским вариантом квантовой логики, содержащей бесконечное число значений истинности. Чрезвычайно интересное сравнение возникает и при рассмотрении основного парадокса теории нечеткости. Внимательный анализ показывает, что и аргумент и значение функции принадлежности следует считать нечеткими. Но это означает, что рассматриваемый аргумент является не строго определенной величиной, а некоторым нечетким множеством величин со своей функцией принадлежности и со своим аргументом, который снова нечеток, и так далее. Поэтому, чтобы оборвать эту бесконечную цепочку, где-то надо остановиться и сказать: «а это наблюдатель считает четким». Мы видим, таким образом, что эта ситуация полностью соответствует квантовомеханическому требованию об отделении наблюдаемой и наблюдающей систем и о свободе передвижения границы между ними.

В настоящей монографии проблема использования «расплывчатых» множеств как средства изучения неосознаваемой психической деятельности рассматривалась с разных сторон в статьях М. А. Котика, Л. Б. Шошина и Д. И. Шапиро.

Чтобы еще раз проследить связи теории нечеткости с квантовыми принципами, обратимся к истокам идеи нечеткости. По-видимому, впервые эта идея была сформулирована А. Пуанкаре, проанализировавшим представление о так называемой «физической непрерывности», которое он использовал для описания ощущений или впечатлений и противопоставлял математической непрерывности. Определение «физической непрерывности» естественным образом приводит к понятию нечеткого множества, вместо обычных теоретико-множественных понятий, используемых при определении математической непрерывности.

Пуанкаре рассматривал измерения различных величин с помощью органов чувств, например, веса или температуры. Пусть мы определяем ладонью температуру трех сосудов с водой A, B, и C, и пусть наш эксперимент дает следующие результаты:

$$T/A/=T/B/,\ T/B/=T/C/,\ \text{но}\ T/A/\neq T/C/.$$

Характерной особенностью этих соотношений является нетранзитивность отношения равенства. Согласно Пуанкаре, «система элементов образует непрерывность, раз есть возможность перейти от любого

из них к какому угодно другому через ряд последовательных элементов — таких, что каждый из них не мог бы быть различен от предыдущего» [11]. Нетранзитивность отношения равенства противоречит классической логике, но соответствует логике квантовой механики. Действительно, если заменить операции измерения температуры сосудов А, В и С квантомеханическими операторами импульса энергии и координаты, то достаточно вспомнить, что импульс и энергия одновременно измеримы, энергия и координата тоже одновременно измеримы, а импульс и координата одновременно неизмеримы в силу соотношения неопределенностей. Современное развитие идеи физической непрерывности связано с математической концепцией толерантных пространств, развиваемой известным топологом Э. Зиманом Понятие «толерантность» в психологии соответствует «наименьшему воспринимаемому различию» (дифференциальному порогу).

Обозначим через X множество стимулов. Тогда, если два стимула X_1 и X_2 из X настолько близки, что не поддаются различению, то говорят, что они связаны отношением толерантности или находятся в пределах толерантности и пишут $X_1 \sim X_1$. Толерантность есть, по определению, множество пар (X_1, X_2), таких, что $X_1 \sim X_2$. Множество X с заданной толерантостью называется толерантным пространством.

Толерантное пространство напоминает «размазанное» топологическое пространство, и многое из того, что относится к топологическим пространствам, можно перенести и в теорию толерантных пространств. При приближении к дифференциальному порогу мы всегда приходим к нетранзитивности, и действительно толерантность в общем случае не транзитивна, т. е. из $X_1 \sim X_2$ и $X_2 \sim X_3$ не следует, что $X_1 \sim X_3$.

VI. Большинство психологических исследований прямо или косвенно связано с идеей целостности. Это в значительной мере относится и к работам, помещенным в настоящей монографии. Идея целостности может быть сформулирована на самых разных уровнях, и она касается взаимодействия всех психологических структур. Так, например, Сартр утверждал, что каждая личность есть целостность, и она в каждом своем стремлении, в каждой склонности выражает себя целиком по аналогии с тем, как субстанция Спинозы выражает себя в каждом своем атрибуте. Тем самым отрицается возможность сведения свойств целого к свойствам частей и, наоборот, утверждается, что свойства частей объясняются свойствами целого. То же самое утверждали и гештальтисты, отдавшие много сил исследованию различных конфигураций. Ими было показано, что конфигурация не есть сумма частей и их отношений. Конфигурации обладают свойствами, выходящими за рамки свойств их частей и отношений.

Перейдем теперь опять к квантовой теории. Принцип целостности и неделимости квантовых явлений, символизируемый существованием кванта действия h, является краеугольным камнем этой теории. Д. Бом формулирует этот принцип следующим образом:

«Вселенную следует рассматривать как неделимую единицу, а представление об ее отдельных частях может быть хорошим приближением только в классическом пределе. Этот вывод основан на тех же предположениях, которые привели к принципу дополнительности. Именно, что свойства материи представляют собой неточно определенные и противоположные возможности. Поэтому в микромасштабах объект не имеет каких-то внутренних свойств (например, волна или частица), принадлежащих только ему одному: он делится всеми своими свойствами взаимно и органически с системой, с которой он

взаимодействует» [13]. Целостность и неделимость квантовых явлений находит свое отражение в терминах логико-алгебраического формализма. Согласно этому формализму, общая структура высказываний о квантовых явлениях представляется частично булевой алгеброй. Частично булева алгебра, в свою очередь, «склеена» из максимальных булевых подалгебр. Каждой максимальной булевой подалгебре отвечает совокупность высказываний, удовлетворяющая законам классической логики. Каждая такая совокупность высказываний представляет одно из дополнительных описаний в соответствии с принципом Бора.

Естественно принять, что полная совокупность высказываний о бессознательных процессах представляется также частично булевой алгеброй.

VII. Основные проблемы взаимоотношения бессознательного и речи сфокусированы в статье Ф. В. Бассина «У пределов распознанного: к проблеме предречевой формы мышления», помещенной в настоящей монографии. Эта статья, как и работы Джемса, пронизана квантовомеханическим духом и с рассматриваемой нами точки зрения представляет особый интерес. Однако, прежде чем подойти к ее обсуждению, необходимо сделать короткое отступление о геометродинамике.

Мы уже упоминали о неформальной аналогии между геометрией (точнее, отношением геометрии к общей теории относительности) и логикой (отношением логики к квантовой механике). Известный американский физик Дж. Уилер, развивающий чрезвычайно плодотворную концепцию геометродинамики, рассматривает еще одну очень интересную связь между ними. Со времени появления общей теории относительности пространство перестало быть лишь пассивной ареной физических явлений, а стало их полноправным участником, причем, геометрия пространства определяет движение материи, а материя в свою очередь определяет кривизну пространства.

Учет квантовых принципов приводит к выводу, что сами пространство и время — понятия, справедливые только в классическом приближении, а подходящей ареной для динамики геометрии Эйнштейна является так называемое суперпространство, имеющее бесконечное число измерений, причем динамика геометрии описывается распространением амплитуды вероятности через суперпространство. При анализе квантовых флуктуаций геометрии и топологии Дж. Уилером был поставлен вопрос о том, можно ли построить геометрию с помощью квантового принципа, исходя из основных элементов, которые сами по себе не обладают какой-либо специфической размерностью [14]. Он указывает на тот факт, что в самой геометродинамике нет места изменению топологии, и поэтому необходимо обратиться к какому-то другому естественному способу описания квантовых флуктуаций связности пространства, который он называет предгеометрией, считая его «магическим строительным материалом Вселенной, рожденным из комбинации надежды и необходимости, философии и физики, математики и логики». Оказывается, что наиболее простой и наглядной моделью предгеометрии является модель, рассматривающая предгеометрию как исчисление высказываний, как квантовый механизм для комбинирования элементов «да—нет» или «истинно—ложно». В такой модели переход от предгеометрии к геометрии осуществляется так же естественно как переход от предречевой формы мыслительной деятельности к речи.

В модели автоматически содержатся квантовые принципы, так как они естественным образом формулируются на языке исчисления высказываний. Заметим, что в рамках геометродинамики геометрия

пространства-времени не строится из элементарных объектов-точек, называемых событиями, а, напротив, первичным является понятие «3-геометрия», и из него уже конструируется событие как элемент пересечения одной «3-геометрии» с другой.

Нельзя не заметить удивительный параллелизм между описанной выше картиной и картиной предречевой формы мышления. Для этого достаточно заменить термин «3-геометрия» на термин «чистый смысл». Рассматриваемое Ф. В. Бассиным представление поля смыслов обладает многими качественными чертами квантованного поля. Здесь и принципиальный динамизм, являющийся проявлением неустранимых ни при каких условиях квантовых флуктуаций, и вероятностная связь между высказываниями и смыслами, и голографические эффекты. Вполне естественно выглядит и представление о непрерывно возникающих и разрушающихся связях между смыслами, соответствующее представлению о виртуальном обмене. Становится понятной также и необходимость отбора при постепенном переходе от более глубоких планов речи к более поверхностным, и проясняется понятие ширины диапазона, в котором происходит увязывание предречевых смыслов. Ясно также, что этот диапазон столь разнообразен, что его нельзя свести к классической «просеке», к некоторому алгоритмическому процессу. Принцип целостности находит свое отражение в размазывании различий не только между содержаниями мысли, но и между разными формами психической деятельности. И, наконец, в духе квантовой теории снимается вопрос о гегемонии бессознательного над сознанием как неадекватно поставленный.

VIII. Переходя к обсуждению взаимосвязи бессознательного и искусства, необходимо попытаться понять в чем состоит сущность искусства, какова его основная функция, почему художественная деятельность является одним из необходимых условий существования человечества. Хорошо известно, что искусство осуществляет одновременно много разных функций и в этом его прелесть. Мы говорим, что искусство дает наслаждение и называем эту функцию гедонистической.

Мы утверждаем также, что искусство отражает действительность, что оно необходимо для постижения мира. Искусство является средством передачи эмоций от художника к зрителю, выполняя тем самым коммуникативную функцию. Часто искусство осуществляет воспитательную функцию. Согласно психоаналитической концепции искусство позволяет в сублимированной форме выразить имеющиеся у человека «комплексы». Этот перечень различных функций можно было бы продолжить, но какая же из них главная, т. е. такая, к которой можно было бы свести все остальные. И существует ли такая специфическая функция, с которой неизбежно связаны все остальные функции, и которую можно принять за основу. Глубокий анализ всех этих вопросов был дан Е. Л. Фейнбергом. Им была высказана и в значительной степени доказана точка зрения, согласно которой полное постижение объективного — как материального, так и духовного — мира требует использования и дискурсии и интуиции, а потому целью и назначением искусства является обеспечение авторитета и убедительности интуитивного суждения, чтобы «убедить в недоказуемом». Искусство обнаруживает силу и плодотворность синтетической интуиции, развивает способность к интуитивному суждению в противовес авторитету логического и вообще дискурсивного пути постижения истины [15]. Присутствие всех остальных функций искусства может быть понято в свете указанной основной задачи. Интуитивное постижение истины является главным, специфическим элементом искусства, выходящим за рамки классической логики. Что же

представляют собою интуитивные суждения и как они протекают. Мы знаем, что они возникают в результате синтетического усмотрения основанного на переработке и оценке континуального множества чувственных и интеллектуальных элементов, и протекают в значительной мере бессознательно. В работе [16] отмечаются основные черты интуитивного познания. Интуитивно достигаемый результат непредсказуем. Характерной чертой является наличие определенного познавательного «барьера» на пути к открытию интуитивной истины. Познавательным «барьером» является система традиционных воззрений, понятий, принципов и правил. Преодоление этого барьера является необходимым звеном интуитивного «озарения». Сознательный перебор всех в действительности учитываемых элементов, всех путей, ведущих к разрешению проблемной ситуации, невозможен.

Для усмотрения интуитивной истины необходимы бессознательные процессы, имеющие вероятностный характер. Интуитивному «озарению» всегда сопутствует сознательный анализ, который остается неполным и незавершенным. При этом сознание человека с ходу отвергает многие «бессмысленные» комбинации элементов проблемной ситуации, рассматривая только те пути, которые могут приводить к цели с наибольшей вероятностью. Интуитивное «озарение» часто воспринимается сознанием как скачок. Можно сказать, что акт «озарения» имеет пороговый характер. Всякий протекающий в психике процесс проявляется в первую очередь эмоционально, так что о нем можно судить лишь в смысле его приятности или неприятности. Поэтому исходный психологический порог рассматривается в статье [16] как эмоциональный. Наряду с эмоциональным порогом, вводится также представление о пороге сознания и пороге самосознания.

Нетрудно заметить, что все отмеченные черты интуитивного постижения имеют типично квантовый характер.

В самом деле, предсказание результата квантового процесса имеет вероятностный характер. Квантовая теория позволяет системе преодолевать потенциальный барьер, т. е. попадать в классически запрещенную область. Соответствующий процесс называется туннельным переходом. Возможность такого процесса связана с тем, что в квантовой теории каждой альтернативе, даже «неразумной» в классическом смысле слова, предписывается определенная амплитуда вероятности. Неполноту сознательного анализа, сопутствующего интуитивному «озарению», можно понимать в том смысле, что совокупность высказываний, доступных сознанию, образует булеву подалгебру частично булевой алгебры и дает одно из дополнительных описаний. Приписывая каждому альтернативному варианту некоторую амплитуду, естественно в качестве фазы этой амплитуды принять произведение интенсивности эмоции на время. Тогда минимально возможное значение определенной таким образом фазы будет иметь смысл психологического порога и играть роль, аналогичную роли постоянной Планка. Сложение амплитуд, близких по фазе, приводит к открытию предметного происхождения переживания, к осознанию, или другими словами, к выделению классического пути, который реализует экстремальное значение фазы. Заметим, что при такой интерпретации введение нескольких порогов является излишним, так как переход в сферу сознания можно рассматривать путем последовательных приближений.

Ограниченность объема не позволяет нам провести анализ таких важных и интересных тем как сон, измененные состояния сознания, гипноз и искусственный интеллект, тесно связанных с квантовыми принципами.

Мы можем только сказать, что квантовые принципы позволяют

с единой точки зрения взглянуть на целый ряд вопросов теории бессознательного, установить новые связи, а также служить в качестве эвристических соображений при постановке экспериментов и построении моделей.

THE UNCONSCIOUS AND FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF PHYSICS

E. B. FINKELSTEIN

Moscow.Regional Pedagogical Institute

SUMMARY

Some problems of the theory of the unconscious, which are intimately related to the fundamentel principles of physics, are analysed. The topics under discussion are: the relationship between the observer and the observed object, the boundary shift theorem, the similarity of the relationship between the conscious and the unconscious to the relationship between classical and quantum physics, holographic principles of information processing, nonclassical logic of the unconscious, fuzzy sets and physical continuity, pre-verbal form of thinking, wholeness, the art and intuition. It is suggested that the quantum principles provide a unifying approach to the understanding of the whole body of these problems of the theory of the unconscious and permit to establish new links and can serve as a heuristic basis for experimentation and modelling.

ЛИТЕРАТУРА

1. ДЖЕМС В., Научные основы психологии, СПб., 1902.
2. НЕЙМАН, ИОГАНН фон, Математические основы квантовой механики, 1964.
3. БОР Н., Избранные научные труды, т. 2, М., 1971.
4. ГРИН П., Сети, реализующие модель представления информации. Сб., Принципы самоорганизации, М., 1966.
5. ВЕСТЛЕЙК Ф. Р., О возможности протекания нейроголографических процессов в мозге. Сб.: Кибернетические проблемы бионики, М., 1972.
6. BIRKHOFF G., NEUMANN J., The logic of quantum mechanics. Ann. Math., 1936, vol. 37, № 4.
7. REICHENBACH H., Philosophic foundations of quantum mechanics. Berkeley, 1946.
8. FINKELSTEIN D., Matter, space and logic, Boston, 1969.
9. WEIZSÄCKER C. F., von. Komplementarität und Logik. Stuttgart, 1958.
10. БУРБАКИ Н., Элементы математики, кн. 8, Очерки по истории математики, М., 1963.
11. ПУАНКАРЕ А., Наука и гипотеза, М., 1904.
12. ЗИМАН Э., БЬЮНЕМАН О., Толерантные пространства и мозг, на пути к теоретической биологии, М., 1970.
13. БОМ Д., Квантовая теория, М., 1965.
14. РИС М., РУФФИНИ Р., УИЛЕР Дж., Черные дыры, гравитационные волны и космология, 1977.
15. ФЕЙНБЕРГ Е. Л., Кибернетика, логика, искусство, М., 1981.
16. НАЛЧАДЖЯН А. А., Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания, М., 1972.

АКТ «ОСОЗНАНИЯ» И СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ИЗМЕРЕНИЙ

И. Л. ВУНЦЕВИЧ, Э. Б. ФИНКЕЛЬШТЕЙН

Московский областной педагогический институт

Проблема бессознательного и акт «осознания», с нашей точки зрения, тесно связаны с квантовомеханической теорией измерений, наиболее глубоко развитой фон Нейманом. Как известно, каждое измерение состоит из двух актов. Первый акт состоит в том, что исследуемый объект подвергается внешнему, изменяющему ход событий воздействию. Этот акт может быть описан с помощью некоторого динамического уравнения для всей системы, объединяющей объект и прибор. В результате взаимодействия между прибором и объектом состояние объекта, описываемое некоторым вектором $\varphi(q)$, переходит в смесь состояний.

Второй акт измерения, называемый редукцией, выбирает из бесконечно большого числа состояний смеси некоторое вполне определенное, как действительно реализованное. «Этот второй шаг представляет собой процесс, который сам не воздействует на ход событий, но который только изменяет наше знание реальных соотношений» [1]. Этот второй акт измерения не описывается никаким динамическим законом. В соответствии с [2] разделим мир на три части: I, II и III. Пусть I означает собственно наблюдаемый объект, II — измерительный прибор, а III — собственно наблюдателя. Применительно к обсуждаемому нами вопросу наблюдаемый объект I может иметь смысл фотонов, измерительный прибор II, по показаниям которого определяется значение некоторой величины R, относящейся к I, — это нейроны зрительной зоны коры головного мозга наблюдателя, причем, роль положения стрелки на шкале прибора могут играть значения потенциалов M нейронных мембран. Под собственно наблюдателем III можно понимать совокупность всех уровней психики, не связанных непосредственно с II или I, и относительно которой не строится формальная модель. На другом уровне рассмотрения иерархической организации психики роль измеряемой системы могут играть неосознаваемые субсенсорные ощущения, роль прибора — ощущения, которые могут быть осознаны, а роль наблюдателя — совокупность высших уровней психики.

Пусть значения R будут r_1, r_2,.... и значения M — m_1, m_2, ..., и нумерация выполнена так, что r_n и m_n связаны друг с другом.

Если первоначально система I находилась в некотором неизвестном состоянии φ (q), а прибор II — в известном состоянии $\psi(l)$, то система I+II (объект + прибор) до измерения была в состоянии $\Phi(q,l)=\varphi(q)\cdot\psi(l)$. В результате измерения, проводимого прибором II над объектом I в течение времени t посредством некоторого оператора $\hat{H}$, состояние системы I+II $\Phi(q, l)$ перейдет в состояние $\Phi^1=e^{-i\hat{H}t}\cdot\Phi(q, l)$. С позиции наблюдателя III об измерении имеет смысл говорить только в том случае, если применение редукции наблюдателем для определения величин R и M приведет

к тому, что пары значений r_n, m_k при $n \neq k$ будут появляться с вероятностью О, а пары с $n=k$ с некоторыми определенными вероятностями $w_n = = /(\varphi, \varphi_n)/^2$. Фон Нейманом [2] показано, что можно построить такой унитарный оператор $\Delta = e^{-i\hat{H}t}$, что из условия $\Phi^1 = \Delta \cdot \Phi$, следует представление $\Phi'(q, l)$ в виде ряда $\sum_{n=1}^{\infty} C_n \varphi_n(q) \varphi(l)$, причем $(C_n)^2 = /(\varphi, \varphi_n)/^2$.

Как следует из самой формы оператора Δ, должен существовать такой момент времени t*, при котором выполняется требование фон Неймана. Именно в этот момент наблюдатель III «осознает» результат измерения, совершая операцию логического вывода. Можно показать, что синхронно с таким осознанием происходит изменение состояния наблюдаемого объекта. Это целостный акт, происходящий в момент времени t* и органически сочетающий в себе «психические» и «физические» элементы. Подчеркнем, что в результате «процесса» осознания, наблюдатель приобретает знания не о том, в каком из двух альтернативных состояний находился объект до момента времени t*, в который наблюдатель делает один из двух возможных выводов, а о том, в каком из двух альтернативных состояний будет находиться объект после этого момента.

Более того, если с классической точки зрения «процесс» осознания есть только процесс приобретения знаний об объекте (так как всегда найдется такой момент $t < t^*$, в который система находится в одном из двух альтернативных состояний, но неизвестно в каком), то с квантовой точки зрения — это процесс приобретения знаний и одновременно «процесс» перехода объекта из состояния суперпозиции, в котором он находился до измерения, в одно из двух альтернативных состояний, причем, этот переход происходит в момент t*.

Развиваемая в данной работе точка зрения согласуется с современным расширенным философским толкованием принципа дополнительности Н. Бора, согласно которому, в любом случае акт познания направлен на некоторый срез действительности, создаваемый человеческой деятельностью, и невозможен без определенного возмущения структуры объекта. В результате субъект незримо присутствует в создаваемой им картине действительности и перед человеком предстает не «чистый объект», а система «объект—субъект»... Конечно, человек познает при этом прежде всего внешний мир, но вместе с тем он познает и себя, и свою антропоцентрическую «тень», которую он отбрасывает на изучаемые объекты [3].

THE ACT OF CONSCIOUS APPREHENSION AND THE MODERN MEASUREMENT THEORY

I. L. VUNTSEVICH AND E. B. FINKELSTEIN

Moscow Regional Pedagogical Institute

SUMMARY

Unconscious mental activity and the act of conscious apprehension are analysed in terms of von Neumann's quantum-mechanical measurement the-

ory. The act of conscious apprehension is considered as a process which cannot be described by any dynamic law. It is demonstrated that the knowledge the observer acquires as a result of this "process" refers not to one of the two alternative states the object has been in before the moment the observer draws one of the two possible conclusions but rather concerns one of the two alternative states it will come to after that moment.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГЕЙЗЕНБЕРГ В., Физические принципы квантовой теории, Гостехиздат, 1932.
2. НЕЙМАН, ИОГАНН фон, Математические основы квантовой механики, 1964.
3. КАРМИН А. С., МАЙЗЕЛЬ И. А., К анализу субъективно-объективного отношения в научном познании. В кн.: Вопросы теории познания и методология научного исследования, 1969.

О КОМПОНЕНТАХ ЕСТЕСТВЕННОГО И МАШИННОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

В. В. ЧАВЧАНИДЗЕ

Тбилисский государственный университет, кафедра кибернетики

Общепринято убеждение, особо утвердившееся в эпоху «ЭВМ эйфории», что интеллектуальная деятельность полностью предопределяется, формируется, развивается и активно продуцирует новые знания, рациональные цепочки актов поведения и деятельности лишь в пределах сознательной, точнее, полностью осознаваемой интеллектуальной и психической когнитивной сферы деятельности (см., напр., [1]). С другой стороны, многочисленные, не поддающиеся перечислению научные исследования, свидетельства почти всех людей творческого труда, науки, медицинской практики, людей самых различных профессий, несмотря на их многочисленность, фактически игнорируются на том лишь «научном» основании, что они, видите ли, не подкрепляются измерениями (напр., в форме «кило» страх новизны и т. п.), выраженными в числах, чуть ли не в «CGS-системе», но которые почему-то не воспроизводимы при наблюдениях над другими людьми и другими наблюдателями и т. п. Эти аргументы ни в методологическом, ни в научном смысле не выдерживают критики (см. об этом [2, 3, 4]). Однако из этого не следует, что нельзя критиковать авторов этих физикалистских утверждений о закономерностях мышления. Для них нет сомнений, что все на свете должно быть выражено с помощью десятка ранее найденных элегантных формально-логических символов или при помощи программ-моделей, которые подтверждаются при помощи ЭВМ, которые вычисляют именно то, что имели в виду авторы, и не более того. Им в голову не приходит, что ЭВМ должна не только конкретизировать модели, но и проверять их всесторонне.

Неопозитивизм, физикализм и программистско-компьютерные иллюзии этих авторов и без нас являются мишенью для критики, но нас в данном случае интересует особый феномен науки, при котором «оппонент-субъекты» с такой страстью сами себе отказывают в способности мыслить вне формул, логики предикатов или вне программ. Ведь нет на свете и двух ученых, которые бы в одинаковых словах, высказываниях, предложениях, идеях, теориях и т. п. излагали бы свои мысли об одном и том же объекте. Разве из этого следует, что они не мыслят, не существуют?

Наблюдал ли кто-либо у себя в семье и в других семьях детей, которые бы одинаково учились произносить слова, складывать их в предложения? Разве от несовпадения этих неизмеряемых и невоспроизводимых слов, мыслей, предложений следует, что они плохо моделируют окружающий мир? Почему до сих пор не описали представители ИИ [5, 6] модель внешнего мира ребенка?

Так что же делать, отрицать самих детей? Существование мыслительного аппарата у них? Или начать дотошно измерять длительность звуков, фонем, слов и т. п., сравнивать их между собою и только после этого лишь признать «законность» их источников и признать их существование? Признать достоверность факта правильного их восприятия, истинность того, что все, что достоверно фактически, покомпонентно измерено, только то истинно, а все остальное — лишь бледная тень истины?

В самом деле, что-то, видимо, не в порядке с нашим здравым и неформально-логическим мышлением, если нами же воздвигнутые за последние десятилетия частоколы из «истины», «лжи», и «предикатов» мы принимаем за описание феномена реального мышления, а то и порой за теорию феноменов психического мышления, сознания и т. п. (см. критику в [1, 5, 6]. Не будем ссылаться на философов, не будем ссылаться на критиков теории и программ-моделей феноменов, интеллекта, памяти, знания и понимания [7, 8, 9]. Поставим перед собою более простые вопросы: не пора ли, как это было характерно в свое время для реально становящейся истории физики как науки, на протяжение более чем трех веков, прийти к выводу о том, что высказанные гипотезы, модели, схемы, программы, теории требуют проверки, более того, научного внимания, хотя бы с точки зрения их экспериментальной, наблюдательной, машинно-программной, теоретико-аналитической проверки. Недопустимо требовать, чтобы новые, ранее не изученные, не исследованные закономерности, модели и разделы науки о мышлении, в обязательном порядке были бы полно, ясно и машинно воспроизводимо истолкованы в терминах ранее созданных концепций, формально-логических или программистских средств, включая машинные программы, опирающиеся по существу на подходы теории ИИ. В противном случае мир был бы вправе поиздеваться над тем, что уже произошло со сторонниками искусственного интеллекта в духе X. Дрейфуса или Дж. Вейценбаума [5, 6]. Следует признать науку как исторический феномен социально обусловленного уровня знания и сознания и, следовательно, как феномен «субъект—объект воздействия» производительных сил на ученых, инженеров, специалистов и др. на стиль, размах, уровень и глубину мышления и тем самым признать «обратный эффект воздействия» активно мыслящих людей на то, что ведет в «страну того, что будет и может быть». С этой точки зрения никто не вправе смеяться над первыми машинными моделями мышления Ф. Розенблатта [10] или программными моделями Г. Саймона [11, 12] и др. Мы забываем, что являемся свидетелями того, что произошло с коллективным сознанием нашего поколения за период сверхбыстрого расцвета компьютерных наук и «эйфории компьютерщиков», инженеров, программистов и специалистов во всем мире. Что же произошло с человеческим разумом, вдруг поверившим, подсознательно, что при помощи ЭВМ вполне процедурно, шаг за шагом можно исследовать мышление, да, именно мышление?. Что же произошло? Ничего как будто особенно отличного от того, что происходило и ранее в науке, когда применяли «старые секстанты», «компасы», часы, различные приборы, лоции, когда, благодаря ясному ответу на ясные вопросы, понемногу продвигались вперед, измеряли, проверяли предположения и снова продвигались вперед и, «попав на острова», их «принимали за материки», снова продвигались дальше, вглубь и натыкались на море или океан. Что тут плохого в принципе? Произошла быстрая эволюция знаний, т. е. наступил период революционных ломок и введения корректив в знания —эта кропотливая, но счастливая работа, длящаяся веками, была эпохой отчаянной борьбы с научными и профессиональными ил-

люзиями, не более и не менее. Это характерно для любого вида знания. Это касается и наших знаний как об интеллекте, так и об имитаторах интеллекта, т. е. «ЭВМ с интеллектом». Но следует ли до такой степени терять чувство реальности, чтобы отказаться от исследования мозга, самого мышления, психики и интеллекта? Любое объявление о том, что уже написанные «музыкальные ноты» каким-либо «композитором-программистом» для такого-то «пианино» есть и когнитивная или информационная теория мозга, мышления, психики, интеллекта, есть научная иллюзия или примитивизм. Методы, схемы, программы, теории и т. д., необходимые для обнаружения расхождений между полуаприорными моделями и экспериментами, между представлениями о механизмах мышления, выраженных на машинном языке, и реального мышления, есть нормальный путь становления новой науки — науки об интеллекте, и в то же время это есть особая новая форма симбиотической мыслительной деятельности человека с ЭВМ. Это характерно для наук эпохи интеллектуализации компьютеров, это характерно для сверхускоренной, становящейся на ноги за 30—40 лет, науки. Это сверхважно для выработки нового стиля «ускоренного» научного мышления. Но вся эта история с «компрессией науки» ставит перед нами совершенно новые вопросы: существует ли коллективное сознание и бессознательное у ученых? А у теоретиков и практиков вместе? Что и как управляет механизмом выдвижения «опережающих время» догадок, мыслей, предсказаний, планов, прогнозов? Что позволяет ученым чем-то пренебрегать, а в другой раз вспоминать о них? Если все это коллективный интеллект, то что следует думать о тех, чьи попытки не смогли смоделировать интеллект в действии, интеллект, придумывающий идеи, переменные, понятия, названия для них и т. д. Воспроизвести на ЭВМ интеллектуальные акты, не использовав предварительный анализ данных и задачи, алгоритмирование и программирование на одном из «машинных языков высокого уровня» (напр., LISP), пока еще никому не удавалось. Программы типа LISP, грубо говоря, «развивают в деталях то, что человеку было лень самому сделать». Единственным выходом из этого общего тупика для мира сознающей и неосознающей себя коллективной науки, для «упрощенцев» от CS («Компьютер Сайенс») в сторону «усложненцев» (напр., психологов, когнитивистов, сторонников гештальттеории, неогештальтистов, теории установки и др.) явилось бы внимательнейшее, серьезное, научное, т. е. машинная обработка опытных, экспериментальных данных, интерпретационных и словесно-модельных (тоже модели!) данных, гипотез, схем, теорий. Фиксация и анализ накопленных в этих областях новых знаний, но без предваряющих выводов и умозаключений о том, что мышление всего-навсего лишь феномен, похожий на эффект работы компьютеров в процессе прохождения программ через них. Если бы эти мысли так же грубо, в той же форме, в какой они выше приведены в чуть-чуть преувеличенной форме, были бы выражены и повторялись бы сотнями «искусственников», дело борьбы с их научными концепциями и деятельностью было бы весьма просто. Но тонкость, одностороннее глубокомыслие, остроумие и эффективность средств, ими применяемых, столь новы и соблазнительны, столь привлекают молодежь к новому аппарату моделирования, что многие и сейчас верят в успех «чисто программистской программы» {0, 1} моделирования, как мышления, так и всех психических феноменов. «Искусственники» все еще не собираются привлекать в свою науку никакие бор-овские «сверхбезумные идеи», так как считают, что их «компьютерная эйфория» побеждает. Вся эта круговерть «инженерно-компьютерной атаки» на мышление, на ин-

теллект и вообще на психофеномены заставляет в ответ так же грубо, т. е. ребром поставить перед ними старые вопросы в новой форме. Рассмотрим, например, такой вопрос:

Не является ли актом явного самообмана, научной иллюзией тот факт, что многие ученые сознательно или бессознательно схвачены в тиски неопозитивистских взглядов на предмет их собственной интеллектуальной деятельности? В сфере философии в этом они могут быть вольны, но в сфере компьютерных наук они явно сдерживают темп развития и науки и техники.

Но стоит ли сомневаться в том, что эти «компьютерные неопозитивисты», изучающие мышление математиков, например, при доказательстве теорем, вправду опираются на логику, и только на логику? А может они не признают или не читали работу А. Пуанкаре о том, что без подсознания, скрытой эмоционально-мотивационной деятельности математика-ученого не может быть осуществлен никакой научный поиск, и поиск доказательства теорем в том числе? Подсознательное усмотрение путей вывода есть выдумка А. Пуанкаре? Опровержение этой «старой мысли» (более 70 лет назад высказанной) невозможно никакими «строго логическими организованными через ЭВМ выводами».

Сама суть попыток представителей ИИ научить ЭВМ самой выводить (доказывать) новые теоремы, делать умозаключения, принимать решения, планировать, стремиться к цели, не обходиться без людей, уже умеющих это делать, также бессознательна. Мы хотим знать механизмы, а не делать выводы после «пропуска программ через машину-мясорубку». Если даже «чисто логический вывод» необъясним в пределах психологии сознательных форм мышления человека, то что следует думать о претензиях тех, кто теоретически или при помощи ЭВМ еще ни разу не смог представить доказательство того, что они симитировали автоматический механизм выработки нового знания, механизм сознательного управления формами автономной без программистов) интеллектуальной деятельности?

Не попали ли представители «классической теории ИИ» и «классической психологии мышления и интеллектуальной деятельности» в плен (бессознательного, конечно) очередной теории «психического флогистона», но уже без совершения открытия позитивного научного эффекта, по обнаружении нового интегрального характера закона, связанного с энтропией? То, что многие процессы техническо-экономического порядка отображаются на «языке» $\{0, 1\}$, («программирование на ЭВМ»), не означает еще, что сознание и подсознание как функциональные подсистемы мышления не существуют. Это все еще не означает, что идея о всевыразимости явлений на языке теорий предикатов первого порядка есть истина последней инстанции и что искусственный интеллект уже создан. Такие модели интеллекта и его функционирования заставляют думать, что мы имеем дело с детским периодом развития «КС», с сознательной иллюзией увлеченных игрой детей. Их самоубеждение, что мысли «высокого уровня программистов» равно применимы и для расчета ракетно-ядерной войны и для мышления, что именно им пришли в голову самые гениальные планы и модели (конечно, с помощью ЭВМ и, конечно, в явно предельно законченной форме), есть не только величайший «самообман компьютерного происхождения». Они уже потерпели поражение в концепциях «когнитивной психологии», но они не боятся новых ошибок. С другой стороны, опасен самообман и всех тех «чистых психологов» мира, которые последовали за модой и стали уверять всех, что они «не так уже грубо мыслят», как «компьютерщики» или представители ИИ. Вот тут и «зарыта собака» психологического самообмана, ко-

торый следует разрушить не только путем предложения такой системы утверждений, опровержение и доказательство которых даст дополнительный позитивный научный выход, но и путем утверждения убеждения в том, что любые программистские, вполне осознаваемые, процедурно прослеживаемые планы «системного», например, подхода к планированию любых реальных операций, имеющих дело со сложными человеко-машинными системами, ведет к ошибкам, т. к. не существует гарантий того, что такой подход логически полон, что обычный, здравомыслящий человек без «рисования блок-схем» не превзойдет их, не перечеркнет их в деталях рассчитанный «красивый план» одним творческим решением, что, наконец, те, которые по невежеству или по «ЭВМ эйфории» слишком поверят «своим интеллектуалам», могут совершить роковую для себя, для своих сограждан и для всего мира ошибку, приняв «логически ясное», за единственно возможное решение. А разве психология преступников не такова? Они же в себе никогда не сомневаются. Здесь уже непонятно, кто кого «гипнотизирует» — «человек-программист «гипнотизирует» ЭВМ» или наоборот. «Взаимный человеко-машинный гипноз» существует [6], и пора спросить, а есть ли у такой новой научной системы возможность разрушить кольцо субъект-объектной патологической обратной связи? Х. Дрейфус и Дж. Вейценбаум [5, 6] этот акт совершили, но они тем самым вышли из «круга профессионалов ИИ», Они указали на опасность, и их невзлюбили. Таким образом, проблема сознательного и бессознательного компонентов касается не только человеческого интеллекта, но и «человеко-машинных систем», в которых программистов, «давно покинувшие мирские занятия», сами себя все убеждают (а точнее, гипнотизируют), что человеку его мышление, его психику, его интеллект, их компоненты не надо изучать, а надо как можно быстрее засесть за дисплеи ЭВМ систем и «составлять программы, программы, программы...».

Согласитесь, что «холодный душ реальности» тут бы не помешал, но как и кому это сделать? Ни одна программа по ИИ не позволяет учесть эволюцию от незнания к знанию, появления гипотез под влиянием случайных, неясных, не совсем полных данных, фактов, мнений, оценок и т. п. Представители ИИ упускают из виду, что наш «естественный интеллект» всегда развивался и прижизненно активно развивается именно в окружении такой среды, где еще не все дано, не все ожидаемо, не все дано достоверно, не все одинаково, не все ясно и закономерно и т. д. и т. д. Вот такой «одинокий мозг» стал нуждаться в бессознательных механизмах постепенного «всплывания» новых выводов, если долго наблюдать, думать, пробовать, проверять и делать. Вот почему чрезвычайно важно поставить новые вопросы, пытаясь заново осмыслить и разграничить компоненты персонального в мышлении, в психике, в интеллектуальной деятельности людей. Фундаментальной значимости для науки факт издания 4-х томов, посвященных проблеме бессознательного психического [14], делает необходимым осветить вопрос и о том, как следует смотреть на бессознательную сферу с точки зрения естественников, обнаруживающих новые машинные средства и механизмы проверки догадок, моделей, гипотез, идей?

ЭВМ может и должна стать тем, чем для Ж. Пиаже в течение десятилетий были дети, на которых он с бесконечной любовью и остроумием при помощи своего клинического метода проверял эпохальную для истории психологии гипотезу о том, какие именно стадии генетически-функционального развития проходит интеллект человека. Итак, ЭВМ — средство для ученого, конкретный фиксатор и имитатор его моделей, наводчик на новые идеи о том, как еще можно было

бы «примыслить себе предмет мысли», а не «машина Зингера», которая «как шьет, так и шьет», и что все машины для шитья должны быть именно такими и других быть не может, даже если это «биологические машины» (как пауки, шелкопряды и другие членистоногие и жесткокрылые), которые в ткачестве и «тканесоединении» как будто бы неплохо разбираются. Обожествление «машины Зингера — ЭВМ» — болезнь века, и она пройдет, и больной ими мир, «планирующий сценарии будущего до 2025 года», выздоровеет, если до того не случится что-то страшное, «не так рассчитанное программистами высокого уровня» или представителями более «гуманистического крыла компьютерщиков», т. е. представителями искусственного интеллекта («ИИ»).

Пора поставить обещанные вопросы:

1. Самый главный вопрос: не следует ли признать необходимость поставить по единой программе машинные эксперименты, организовать теоретические и полуэмпирические проверки, гипотезы о раздельном существовании:
двух видов мыслительной деятельности вообще (сознательного и бессознательного),
двух видов психической деятельности,
двух видов интеллектуальной деятельности,
двух видов восприятия,
тем самым двух видов механизмов принятия решения, вообще исполнения речевой и языковой деятельности и т. п.?

Если такая постановка вопроса (а не ответов) вытекает из анализа, накопленного наукой, что в предельно отчетливой форме было выражено в материалах международного симпозиума по проблеме бессознательного психического, и в особенности в четких целенаправленных подходах и беспрецендентных усилиях ее организаторов — акад. АН ГССР А. С. Прангишвили, проф. Ф. В. Бассина и проф. А .Е. Шерозия [14], то не следует ли пойти дальше и поставить ряд других вопросов?

2. Не пора ли нейрофизиологам классического направления сдать свои позиции и окончательно признать, что все их попытки «быстрой разгадки тайн мышления» были в чем-то очень сильно похожими на «компьютерное моделирование мышления», т. е. так же грубы, так же односторонни, так же неполны и так же упускали главное в мышлении, а именно, то фундаментальное различие в функционировании нейрофизиологических и психических процессов и всех тех феноменов, которые перечислялись в вопросе 1. Вынужденное открытие этих различий все-таки состоялось столь поздно потому, что в головах нейрофизиологов классического направления господствовали «проволочные или нейронно-сетевые теории» мышления, сознания, психики, интеллекта, деятельности человека. То, что десятилетиями интуиция, опыт, знания и научный опыт подсказывали психологам всех стран, упорно не доходило до вульгарно-упрощающего все сознания нейрофизиологов классического направления. Многие ученые и сейчас думают, что действующие ЭВМ — это большие арифмометры, в которых срабатывают «зацепленные колесики». Но примерно так думали и сейчас думают и представители «классической нейрофизиологии», хотя тонкость их мышления, накопленные ими знания, факты глубоки и сами по себе поразительны. Но это им не помогает освободиться от вековой парадигмы: «мозг — это гигантская АТС». Эта метафора близка к истине хотя бы потому, что существует целая ими упущенная сфера — сфера психического. Эта сфера настолько существенна, что она влияет на психику и самих нейрофизиологов, и многие, очертя голову, кидаются, посвящая жизнь поиску

«соответствующих проволок». Но методологически это не полно. Такой грубый подход дорого обходится науке, медицине, обществу вообще. Сфера психиатрии, соматическая медицина, вся сфера педагогики, правовых наук, сфера воспитания и обучения молодежи и т. д. во всем мире испытали на себе влияние изоляции и отчуждения от «законных наук» физиологии и «компьютерных наук».

3. Распространяется ли на сферу психологии мышления, на сферу интеллектуальной деятельности, на сферу психического в целом идея о том, что любая такого уровня сложности система может быть уподоблена объектам теоретической физики, математической логики и изучена на основе ранее оправдавших себя критериев: «воспроизводимости результатов эксперимента», «однозначности результатов», «детерминированного характера всех законов» в сфере биологических, психических, интеллектуалистических, мыслительных и социально-трудовых феноменов?

Еще грубее: можно ли «все разрезать», «все анализировать, доводя до кирпичиков», «изучать, разрезая на части» и т. п.? Против таких рецидивов редукционизма, неопозитивизма, физикализма выступали многие ученые, но особенно четко критический подход к этим застарелым, но живучим предрассудкам науки осуществлен в книге Б. С.Флейшмана «Системология» [2]. Математики, логики, физики, физиологи, психологи старых направлений вовсе не заметили появления целого класса новых наук, связанных с кибернетикой как с фундаментальной наукой, они не заметили и появления совершенно новых, эпохальных понятий — понятий самоорганизации, адаптации, целеустремленности активных систем, энтропии, информационной связанности источников и приемников сигналов и сообщений, автоматных трансформаций сообщений в машинах, сетях и нервных сетях, игр и конфликтных взаимодействий, нечетких множеств, логик и сетей и т. д. и т. д. Это все не только теоретический или технический (через ЭВМ) аппараты анализа и моделирования явлений и процессов, но и неиссякаемый концептуальный источник для порождения новых гипотез, идей, догадок, теорий по нахождению общих механизмов между совершенно разнородными, разнопостроенными структурами, объектами и процессами. «Мышление только лишь в пределах той математики, которой обучали в Вузе или Втузе», — явление международного масштаба, которое можно было бы простить ученым в том случае, если бы они утверждали, что это их мысли, а не мысли всех высшего уровня математиков мира, если бы они не сражались со всем тем новым, что рождается на передовых позициях сражения кибернетиков за овладение тайнами механизмов функционирования «самопрограммирующегося мышления», подобно тому, как это происходило в течение сотен лет с теоретической физикой. «Лакировка теоретической физики» не приходила в голову Э. Ферми и академику Л. С. Соболеву в период, когда делались прикидочные расчеты для создаваемых «начерно» ядерных реакторов. Надо же в конце концов таким математикам консервативного (точнее, «инерционного») толка понять, что им не следует путаться на передовых позициях, там, где идут жаркие бои за познание природы вещей, где при помощи на ходу выдумываемых (не всегда элегантных) символов, формул, процедур, программ добиваются успеха смелые разведчики нового, математики, кибернетики, компьютерщики и др. Полушутя утверждают, что «математики делают то, что можно, как нужно, а теорфизики то, что нужно, как можно».

Вот почему психологам, нейрофизиологам, социал-психологам, психолингвистам и др. следует смелее привлекать математиков, кибернетиков, моделировщиков от ИИ, физиков, желающих активно

изобретать, придумывать новые аппаратные средства для эффективного, в том числе и через ЭВМ, моделирования мышления человека, феноменов психического, сознания, деятельности человека. Эта проблема № 1 века, и ее не скрыть в пределах журналов «Компьютер Сайенс».

4. Не следует ли образовать и спланировать международную программу на 10 лет по исследованиям, машинному накоплению знаний и банков знаний в сфере психических явлений, в сфере изучения феноменов сознания и бессознательного, в сфере интеллектуальной, трудовой и целенаправленной деятельности человека и человеко-машинных систем?

Эта программа не может быть выполнена силами ученых отдельно взятой страны. Эта программа послужила бы лучшему взаимопониманию людей, ученых, профессиональных групп и народов разных стран. Это послужило бы целям мира, целям осознания необычайной, непостижимо сложной уникальности социально-исторического явления существования планетарного мышления, целям поиска прогресса для всего человечества. Эта программа, в конечном счете, в явной форме выразила бы все то, что столь долго, подспудно (бессознательно) зрело в стенах науки, в стенах медицинской практики, в сфере социальных теорий и практики, в сфере всего того, что люди искусства в течение веков чувствовали, понимали, интуитивно осознавали, постигали и с величайшей эмоциональной силой пытались передать другим людям, будущим поколениям., средствами музыки, художества, изящной словесности, литературных произведений, скульптуры, архитектуры, градостроительства, материальной культуры, т. е. путем фиксации, создания, овеществления тех «мыслительно-эмоциональных сознательных и бессознательных программ», развертывающихся в пространстве и во времени, которые неведомыми самим творцам путями в них возникали, развивались и исчезали, неистребимому зову которого они подчинялись, не зная ничего, «кто, что и как сочинял в их головах» то, что они спешили реализовать в словах, красках, символах, кладках, мраморе и т. д.

И вот всю эту непостижимо богатейшую гамму социально-психологической жизни людей мира ярые компьютерщики, редукционисты от физики, вооруженные сомнительной новизны математическими средствами, пытаются объявить или несуществующими, или уже до конца освоенными при помощи простейших машинных моделей.

Компоненты интеллекта, как сознательный, так и бессознательный, их взаимодействие между собой, с субъектами мышления, одновременно с объектами социального существования достаточно сложны, чтобы их не следовало серьезно изучать как фундаментальную проблему науки XX века всеми доступными средствами современной науки, тем более, что это требуется всем людям без исключения, всем наукам на земле, фундаментальным и прикладным наукам и общественной практике. Человек должен не только быть творческой личностью, он еще должен уметь развивать свои интеллектуальные способности [16] и управлять собою как субъектом, пользуясь своим общением с ЭВМ, как «зеркалом-тестом» своих способностей и возможностей, подобно тому, как это делал Марио Дель-Монако, проверявший порождаемые им звуки и пение при помощи системы резонаторов, связанных с ЭВМ. ЭВМ может и должна стать «скрипкой» в руках ученых-композиторов и инженеров, дирижеров и исполнителей во всех без исключения сферах творческой деятельности.

Критический период настал для человечества, и в настоящее время, как никогда раньше, он связан с распространением болезни «компьютерного бессознательного» тех, кто сознательно или бессозна-

тельно, по незнанию или по невежеству, без убеждений или по убеждению подбрасывает «ядерное горючее» в мирный реактор общечеловеческого сознания, находящийся на грани неуправляемого далее процесса патологии, как сознания, так и бессознательного. Психологи и кибернетики, системщики и философы, программисты и компьютерщики, математики и физики, медики и психиатры-аналитики обязаны объединить свои усилия по преодолению кризисного периода в жизни человечества, когда десятки и сотни тысяч людей «от планирования гигантских операций в масштабах планеты через ЭВМ» вообразили, что они в самом деле в деталях, программно и управляемо «предвидят через ЭВМ мирное и немирное будущее человечества». «Новые жрецы от компьютеров», если они все еще владеют реальной логикой, могли бы на ЭВМ «проиграть» само это явление и его опасности. Надо думать, что им хватит знаний, аппарата и смелости взглянуть реальности в лицо, какова бы она ни была.

CONCERNING THE COMPONENTS OF NATURAL AND MACHINE-INTELLIGENCE KNOWLEDGE

V. V. CHAVCHANIDZE

Tbilisi State University, Department of Cybernetics

SUMMARY

It is shown in the paper that the long-standing controversy over the existence or non-existence of the sphere of the unconscious mind has totally obscured the need for organizing a planned, comprehensive theoretical-experimental-observational investigation of the phenomena of the unconscious mind in all its manifestation forms (perception, speech, writing, movement, etc.)

Questions of developing a special programme based on the techniques and potentialities of modern cybernetics are discussed.

The publication of the four volumes devoted to the unconscious mind should serve as the basis for the development of research on an international scale, drawing on all the devices and potentialities of modern sciences connected with the analysis, recording, and processing of observational and experimental data.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВЕЛИЧКОВСКИЙ Б. М, Современная когнитивная психология, Изд-во Московского университета, 1982.
2. ФЛЕЙШМАН Б. С., Основы системологии, Радио и связь, М., 1982.
3. Математическая энциклопедия, Изд. Советская энциклопедия, М., 1982.
4. ТАУБЕ М., Вычислительные машины и здравый смысл. Пер. с англ. М., Прогресс, 1964.
5. ДРЕЙФУС Х., Чего не могут вычислительные машины. Пер. с англ. М., Прогресс, 1978.
6. ВЕЙЦЕНБАУМ Дж., Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям, Радио и связь, М., 1982.

7. Representation and Understanding. Studies in Cognitive Sciences. Edited by Daniel G. Bobrow and Allan Collins. Academic Press, Inc., New York, San Francisco, London, 1975.
8. ВИНОГРАД Т., Программа, понимающая естественный язык, М., 1976.
9. WINOGRAD T, Frame representations and the declarative procedural controversy. In D. Bobrow, A. Collins, Ed. см. [7].
10. РОЗЕНБЛАТ Ф., Принципы нейродинамики. Перцептрон и теория механизмов мозга, М., Мир, 1965.
11. МИНСКИЙ М., Фреймы для представления знаний, М., Энергия, 1979.
12. КЛИЛАНД Д., КИНГ У., Системный анализ и целевое управление. Пер. с англ., М., Прогресс, 1974.
13. КИНГ У., КЛИЛАНД Д., Стратегическое планирование и хозяйственная политика. Пер. с англ. М., Прогресс, 1982.
14. Бессознательное: природа, функции, методы, исследования Мецниереба, Тб., 1978.
15. БАССИН Ф. В., Проблема бессознательного, ИМ., 1968.
16. Проблемы управления интеллектуальной деятельностью. Психоэвристическое программирование. Под ред. В. В. Чавчанидзе, Изд-во Мецниереба, Тб., 1974.
17. СИМОНОВ П. В., Эмоциональный мозг, М., 1981.

О МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ КАК БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ПСИХИЧЕСКОГО

В. Г. НОРАКИДЗЕ

Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Грузинской ССР, Тбилиси

Во вступительной статье к X разделу монографии «Бессознательное», посвященному методам исследования бессознательного, представленным в статьях, дана их классификация. Они разделены на 5 групп; охарактеризованы существенные стороны каждой группы, определена их ценность для исследования сферы бессознательного психического. Авторы редакционной статьи правильно отмечают, что такое разнообразие методов исследования указывает на сложность ситуации в этой области и в то же время отмечают односторонность подхода к проблеме. В настоящее время основной задачей является установление взаимосвязей между этими методами и их объединение в единую концептуальную систему [1]. Этой же проблемы касается и наша статья, помещенная в монографии [7]. В ней представлена попытка установления такого комплексного метода, на основе которого возможно исследование целостной структуры установки как бессознательного психического и ее отдельных компонентов.

Содержание большинства методов, опубликованных в монографии, указывает на реальность существования объекта исследования (бессознательного психического) и показывает возможность изучения природы отдельных аспектов этого феномена, но вместе с тем они требуют специального исследования для определения роли каждого при изучении многогранной структуры личности, в которой сознательное и бессознательное представлены нераздельно и функционируют во взаимодействии.

Некоторые авторы статей монографии вообще отрицают возможность экспериментального исследования бессознательного психического, так как, по их мнению, таковой реальности в человеке не существует, а исследование несуществующего — бессмысленно. Беспочвенность подобных суждений раскрыта во вступительных статьях и во многих исследованиях монографии. Мы остановимся лишь на статье В. Л. Какабадзе на той ее части, в которой проблема бессознательного психического рассматривается в соотношении с теорией установки Д. Н. Узнадзе. В. Л. Какабадзе, отрицая возможность существования психических содержаний за пределами сферы переживания, независимо от сознания, высказывает следующее соображение: «В советской психологии лишь в теории установки Д. Н. Узнадзе решается положительно психологическая проблема бессознательного; допускается существование такой психики, которая отличается качественно от переживания, от частного психического факта и является целостно-личностным состоянием готовности к определенной активности, в чем своеобразно отражена действительность» [4, 198]. В приведен-

ном отрывке В. Л. Какабадзе правильно излагает основные положения Д. Н. Узнадзе, но неправильным является понимание автором сущности смысла теории установки, неправильно то, что для Д. Н. Узнадзе якобы установка не является бессознательным психическим феноменом и что, если считать бессознательной, то исключается ее изучение объективными методами. Чтобы доказать необоснованность этого мнения, считаем целесообразным обратиться к трудам Д. Н. Узнадзе: «Установка не может быть отдельным актом сознания субъекта, она — лишь модус его состояния как целого. Поэтому совершенно естественно считать, что если что̀ у нас протекает действительно бессознательно, так это, в первую очередь, конечно, наша установка. Итак, мы видим, что бессознательное действительно существует у нас, но бессознательное — ничто иное, как установка субъекта. Следовательно, понятие бессознательного перестает быть отныне лишь отрицательным понятием, оно приобретает целиком положительное значение и должно быть разрабатываемо в науке на основе обычных методов исследования» (подчеркнуто нами — В. Н.) [II, 138]. Из вышесказанного ясно, что, согласно теории Д. Н. Узнадзе, бессознательное действительно существует в виде установки, а не в том понимании и не с теми признаками, как оно представлено в концепции психоанализа. Невозможно истинное бессознательное характеризовать признаками сознательного, как это дано в концепции Фрейда. По этим вопросам мнение Д. Н. Узнадзе крайне радикально: бессознательное не только невозможно характеризовать терминами сознательного, но даже невозможно осознать. Как известно, это совершенно не исключает возможности его научного изучения. В советской психологии известна дискуссия по вопросу осознания установки, в которой Ф. В. Бассин занял следующую позицию: установка как направляющая психические процессы «промежуточная переменная», со своей стороны, постоянно «коррегируется на основе той информации, которая поступает в порядке обратной связи в результате сознательной активности, развернутой в плане объективации» [8, 92].

Д. Н. Узнадзе подчеркивает то обстоятельство, что Фрейд не смог установить положительных характеристик бессознательного, а для доказательства реальности явления необходимо установить положительные признаки этого явления. Установка именно и является тем бессознательным феноменом, который можно характеризовать положительными признаками, этот феномен обладает совершенно определенной психологической закономерностью, и, главное, изучение установки возможно объективными методами .Основные положения теории установки возникли и основаны на результатах экспериментального исследования.

Так как бессознательное психическое — установка — является реальностью, все экспериментальные методы, исследовавшие любой из аспектов бессознательного, можно рассматривать с точки зрения того, в каком они находятся соотношении с методами исследования структуры установки личности. В данном случае неважно, понимается ли бессознательное как один из частных аспектов структуры психического или как глобальный интегрирующий и направляющий модус всей психической жизни. Методы, представленные в III томе монографии «Бессознательное» (Г. В. Гершуни, Ю. Л. Забродин и Е. З. Фриман, В. Л. Райков и О. К. Тихомиров, М. А. Котик, П. Б. Шошин, Ф. И. Шапиро, Е. А. Умрюхин), безусловно, являются методами исследования отдельных компонентов структуры бессознательного. Они могли бы иметь определенное значение для разрешения проблем комплексного исследования структуры личности. Но, как было

сказано выше, их анализ с этой точки зрения требует специального экспериментального исследования (исключением может служить только представленный С. Я. Рубинштейном метод изучения неосознанных мотивов, который в комплексном методе исследования структуры установки может сыграть существенную роль в установлении фиксированных ценностных ориентаций личности).

Мы коснемся только тех методов исследования личности, интерпретация которых возможна в аспекте психологии установки, в частности, мы разберем взаимоотношения между методом фиксированной установки и проективными методами. Наши соображения по этому вопросу кратко изложены в нашей статье в III томе монографии «Бессознательное» [7]. Здесь мы попытаемся дополнить приведенные в статье доводы и более убедительно обосновать их.

Согласно теории установки, множественность психической жизни формируется в одну целостную структуру конкретным субъектом, который в каждый момент своей активности дан как установка или такая настройка целостного субъекта, такое динамическое состояние, которое обеспечивает возникновение психических действий, необходимых для правильного отражения среды и формирования актуализированных переживаний в одну целостную структуру деятельности. Структура же деятельности дана в единстве со структурой установки; она формируется согласно законам последней ее существенными признаками. Включенная в деятельность и организованная в виде одной целостности, множественность переживаний представляет собой проявление установки. Поэтому в каждый данный момент личность как субъект активной деятельности (но не вся личность в целом) является установкой и системой данных в единстве с этой установкой психических переживаний и свойств, охваченных структурой деятельности на почве установки.

Рассмотрение деятельности в единстве с установкой подразумевает и то, что деятельность и ее компоненты находятся в теснейшей связи с породившими эту установку факторами — средой и потребностью; они являются продуктом взаимоотношений этих факторов. Вследствие того, что деятельность включена в систему потребностей личности, она имеет для нее определенный смысл, значение, т. е. она мотивирована.

Структура деятельности подчиняется общим закономерностям установки, но эта структура является в то же время и структурой конкретного индивида; она в каждый данный момент формируется и под влиянием находящейся в единстве с общими законами специфической для индивида фиксированной установки, т. е. свойств как диспозиций. Поэтому описываемая структура всегда выступает и как общая и как индивидуальная, что является основой решения как проблемы структуры личности, так и типологии этой структуры.

Своеобразие модуса активности установки личности накладывает свой отпечаток на все стороны личности в целом, на все ее отдельные компоненты, в частности, на характер, который является сердцевиной личности.

Если под понятием диспозиции подразумевать не только врожденную возможность, но и фиксированные установки большой личностной ценности, воссозданные на почве взаимоотношения потребностей и среды, подразумевать способность легкой актуализации, т. е. легкого возникновения этих установок в соответствующих условиях, тогда ясно, что характер представляет собой способность актуализации фиксированных установок большой личностной ценности как на первом (импульсивном), так и на втором уровнях (ступень объективации, воли) психического.

При изучении характера личности необходимо рассмотреть его отдельные компоненты в их взаимосвязи. Отдельные компоненты характера следующие:

1) черты характера личности — диспозионные установки. Они в большинстве случаев выработаны на почве единства биологических и социальных потребностей и соответствующих ситуаций. Вследствие частых повторений или большой личностной ценности они превратились в диспозиционные установки, поэтому в соответствующих условиях легко возникают и становятся основой мотивации поведения личности;

2) имеет значение, на каком из уровней психического происходит проявление этих свойств — на установочно-импульсивном или на уровне объективации;

3) какова диспозиция эмоции личности — темперамент, на фоне которого разворачивается волевое поведение человека (сангвиник, флегматик, холерик или меланхолик);

4) какова связь между отдельными компонентами характера, в частности, каково отношение между первым и вторым уровнями психического, какова взаимосвязь между чертами личности, ставшими импульсом деятельности, и целями воли, между обязанностью, долгом и потребностью целесообразной адаптации к среде. С этой точки зрения можно выделить: цельные гармонические типы людей; конфликтные типы, когда между отдельными сторонами личности — между естественными импульсами и целями воли — нет соответствия; импульсивные, конфликтные люди, в которых преобладает первый уровень психического — импульсивно-установочный (невротические люди) [5, 178].

Для постижения структуры установки личности, природы интегрирующего фактора психической жизни, характеризующейся множеством различных аспектов, должен, несомненно, быть использован комплексный метод исследования. Центральное место среди таких методов занимает классический метод изучения фиксированной установки — метод исследования формально-структурных аспектов установки. Модель этого метода такова: с помощью инструкции у испытуемого создается потребность в сравнении различных величин (познавательная потребность), после чего в установочных опытах испытуемому, у которого закрыты глаза, даются в руки для сравнения два различных по объему шара (сферы). Экспозиция данных объектов производится несколько раз. Повторение установочных опытов необходимо для упрочения актуально возникающей при каждой отдельной экспозиции первичной установки — различения величины (больше и меньше) объектов. В условиях этого эксперимента установка возникает как результат взаимодействия потребности (различить объем сфер) и объективной ситуации (существование различия в величинах подаваемых сфер). После установочных проводятся критические опыты. На сей раз субъекту подаются абсолютно равные сферы. Под воздействием выработанной и зафиксированной в предыдущей серии опытов установки испытуемый воспринимает равные шары как неравные. Установочные экспозиции создали у субъекта такое состояние, которое вызвало иллюзорную оценку равных сфер. Это состояние можно рассматривать как некую готовность — установку личности к совершению определенного действия. В сформировавшейся у субъекта установке эскизно в виде предварительной программы дано то поведение субъекта, которое должно осуществиться в дальнейшем. У субъекта можно выработать установку на количественные соотношения во всех известных модальностях. По вышеуказанному принципу можно сформировать установку также и на

качественном материале (метод нейтрального шрифта З. Ходжава), в сфере представления (опыты Р. Натадзе), на смысловом материале (опыты Н. Элиава) и т. д. Во всех этих опытах имеют место факты иллюзорного переживания, обусловленные фиксированной установкой. Установленные иллюзии, выработанные любым путем и на любом материале, подчиняются в своем проявлении в основном одному общему закону, поэтому в данном эксперименте изучаются процессы формирования установки и основные характеристики уже сформированной установки.

В этом случае иллюзия установки является достаточно надежным препаратом для изучения природы установки. В результате проведенного исследования был установлен целый ряд общепсихологических и дифференциально-психологических черт личности, имеющих характериологическое значение [11; 6].

Если проследить общее направление проводимых психологией установки экспериментальных исследований, то выяснится, что здесь в основном намечается путь преодоления тех трудностей, которые имеют место при изучении структуры личности как независимой переменной, поскольку в данном случае исходной точкой исследования личности является не анализ ее отдельных компонентов — зависимых переменных, а структура основного модуса целостного субъекта. Этот модус, по выражению А. С. Прангишвили, представляет собой высший уровень организации «человеческих сущностных сил», они как бы фиксируют все те внутренние динамические отношения, которые определяют в индивиде психологический эффект стимульных воздействий на него и на базе которого возникает деятельность, имеющая определенную направленность как уравновешивание отношений между индивидом и средой [8].

В результате экспериментальных исследований установлено, что классический метод исследования фиксированной установки дает возможность постичь формальный аспект структуры личности. Постижение данного аспекта структуры личности, ее схемы, каркаса открывает надежный путь к воплощению этой схемы в жизнь, поиску соответствующих ей содержаний. Такой путь исследования позволит нам создать портрет структуры личности, в котором, как в едином целом, будут отражены как ее формальные, так и содержательно-мотивационные аспекты.

Если метод фиксированной установки дает возможность постигнуть формальную структуру личности и таким путем выяснить фундаментальную психологическую основу активности личности, постичь схему структурных особенностей установки, вызывающей и направляющей поведение и переживания субъекта, то другие методы, в частности, проективные методы, позволяют развернуть широкую аналитическую работу, создать такую экспериментальную ситуацию, при которой становится возможным выявить другие аспекты установки, в частности, ее мотивационные стороны в реальной активности человека, путем наблюдения над которой можно будет постигнуть содержательную природу установки [5; 6].

Наш подход к изучаемому вопросу аналогичен известному подходу в современной психологии личности. Однако, в отличие от него, мы начинаем свою аналитическую работу не с пустого места, а с изучения выявленного в эксперименте первичного переменного — формального аспекта структуры установки и некоторых соответствующих ему содержательных компонентов, с целью более глубокого раскрытия природы данной структуры. Посредством выяснения формального аспекта установки можно многое сказать о самой личности, о тех личностных особенностях и содержательно-мотивационных

моментах, которые могут быть характерны для личности. Выяснилось, что в основе возникновения определенного комплекса свойств характера личности лежит определенный тип структуры установок. Ориентировочно выступающие при этом отношения можно обрисовать следующим образом:

Чем более динамична и пластична установка, чем более стабильны и константны ее динамичность и пластичность, тем более интегрирована и стабильна личность, тем более она адаптирована, обладает способностью к объективации, экстравертна, или же экстраверсия и интраверсия уравновешены в ней. Личность обладает при этом способностью приспособления к внешней среде, способностью реализации адекватных ее целям стратегий; она целостна, гармонична.

Чем более косна, статична установка личности, чем более константна, стабильна и иррадиирована эта статичность, тем более дисгармонична структура личности, затруднена ее адаптация к среде; она трудно переключаема, ригидна, резко интравертивна; у личности с такой установкой поиски нужных путей для достижения ее целей в сложной и изменчивой среде протекают на фоне невротических переживаний. Если такая личность обладает высокой способностью к объективации, то ее внутренние конфликты заторможены, внутренне личность конфликтна, но с точки зрения приспособления к среде она стабильна, адекватна, даже гармонична.

В случае ослабления и тем более при полном отсутствии способности к объективации личность приближается к острому неврозу или психозу. Например, установка шизофреника в большинстве случаев косно-статична, иррадиирована, у него полностью отсутствует возможность выработки установок посредством воображения на уровне объективации.

Чем больше ослабляется константность установок личности, тем больше характер личности утрачивает внутреннюю логику, последовательность, личность становится импульсивной, экспансивной, в ней сильны невротические переживания.

Когда, наряду с константностью установка теряет признак стабильности, т. е. становится вариабильно-лабильной, развивается истеричный характер, в котором в зависимости от характера взаимозамены типа установок невротические нарушения проявляются в различных формах [5; 6; 7].

Однако, результаты исследования формы установки не идут дальше этого, они ничего не говорят об интимной, содержательно-мотивационой жизни конкретного индивида. Этот метод не дает нам знаний о содержании уникальных фиксированных установок личности, особенно о свойствах ее нереализованных установок.

Большими возможностями с точки зрения изучения нереализованных фиксированных установок обладают проективные методы. Е. Т. Соколова в статье, помещенной в III томе монографии «Бессознательное», рассматривая проективные методы и само понятие проекции, совершенно обоснованно приходит к выводу: «Термин «проекция» многозначен и, как это ни парадоксально, лишен психологического содержания. Он лишь фиксирует эмпирически наблюдаемые явления, но психологически квалифицировать их не может» [10, 629]. Действительно, проекция является психологическим фактом, который состоит в следующем: субъект воспринимает среду или отвечает на различные раздражители среды с позиций собственных интересов, возможностей, привычек, мгновенных аффектов, длительных страстей, ожиданий, желаний, иными словами, он выражает восприятие внешнего мира в соответствии с внутренней структурой своей личности и природой отдельных компонентов этой структуры, отражает интим-

ные взаимосвязи между субъектом и внешним миром, представляя собой в большинстве случаев процесс ассимиляции, уподобления собственных бессознательных наклонностей, стремлений. Объяснение и понимание этого факта становится возможным на основе теории установки. Механизм этого феномена в психологическом плане следует искать в понятии установки. С этим положением согласны и авторы статей, помещенных в III томе монографии «Бессознательное»: Е. Т. Соколова [10], Ю. С. Савенко [9] и Л. Ф. Бурлачук [2], однако правомерность этого положения станет еще более очевидной, если факт проекции мы рассмотрим применительно к феномену фантазии.

Ставится вопрос: как при помощи проективного метода, в частности, метода тематической апперцепции, возможно изучение содержания мотива поведения личности — фиксированных установок? На этот вопрос можно ответить следующим образом. Тесты тематической апперцепции вызывают в личности образы фантазии. Действие же фантазии опирается на установку личности, особенно на действие нереализованных фиксированных установок. Согласно концепции Д. Н. Узнадзе, причина и смысл происхождения фантазии заключается в следующем. Объективная действительность имеет свое независимое существование, свои закономерности; она не всегда считается с нашими желаниями и потребностями, тогда как их удовлетворение зависит именно от нее. Очень часто наши потребности остаются неудовлетворенными, понятно, что в таком случае у субъекта появляется импульс: если существующая действительность не удовлетворяет его потребность, он сам создает такую действительность, которая обеспечивает возможность удовлетворения этой потребности, ибо человек — активное существо и с самого начала стремится к полному выявлению и разворачиванию своего существа. Фантазия дает ему эту возможность в определенных границах, в пределах психической реальности, в частности, в сфере представлений. В случае восприятия и памяти существует заранее данная действительность, выполняющая ведущую роль; в случае же фантазии в субъекте заранее дан определенный комплекс сил с тенденцией приведения в действие этих сил в соответствующем направлении. Действительность фантазии появляется только потом как результат воздействия этого фактора. Построенная на основании фантазии психическая действительность представляет собой реализацию тенденции приведения в движение всех сил индивида в отмеченном направлении. В основе активации фантазии лежит тенденция реализации определенных установок, оставшихся нереализованными, невыявленными установками субъекта, выявление которых затрудняет реальная действительность. Картина фантазии представляет реализацию таких установок. Д. Н. Узнадзе определяет и симптоматическую ценность фантазии: по его мнению, если в основе фантазии лежит неудовлетворенная потребность, тенденция проявления определенных сил, определенных нереализованных установок, если, следовательно, действие фантазии направлено на их реализацию, тогда обязательно, чтобы продукты работы фантазии имели значение симптома и символа, которые дают возможность говорить о скрытой установке субъекта, о потребности, о тенденции активности.

Согласно психоанализу, образы фантазии представляют собой определенные символы: каждый из них как бы что-то означает и появляется для передачи этого значения. Д. Н. Узнадзе утверждает, что неправомерно провозглашать представления фантазии символами столь устойчивого, определенного, неизменного значения: «Сегодня для нас бесспорно, что не существует элемента, отдельной части, независимой от этого целого, куда он входит как элемент. Фантазия

создает не отдельные представления, а целую систему; случай и отдельное представление встречаются в том или ином контексте целого; следовательно, они подчиняются влиянию целого и по этому признаку приобретают символическое значение» [12, 576].

Итак, подобное понимание сущности фантазии дает возможность применить проективный метод для изучения скрытых, нереализованных, фиксированных установок, для изучения бессознательно данных установок, имеющих большой личностный вес, превратившихся в свойства личности. Посредством этого метода можно вызвать творческую фантазию личности и на основе анализа соотношения содержания фантазии с поведением личности установить своеобразие содержания мотивов поведения — установок.

В пользу того положения, что механизмом проекции как психологического феномена является установка, помимо тех аргументов, которые приведены в нашей статье в III томе монографии «Бессознательное» [7], свидетельствует и известное исследование Д. Н. Узнадзе, посвященное проблеме постижения значения. Экспериментально доказано, что возникновение завершенного структурного восприятия (когда восприняты и форма и значчние) возможно только после сформирования соответствующей этому восприятию установки. Восприятие является продуктом определенной реализации созданной установки [13].

Вообще природа процесса структурирования предметов со слабой структурой, в частности, природа тестов Роршаха как метода исследования внутренней структуры личности, оставалась бы непонятной без использования понятия установки [5; 3].

Результаты нашего исследования подтверждают, что типы характера, определенные методом анализа фиксированной установки, находятся в высокой положительной коррекции с теми свойствами личности, которые определяются на основе тестов тематической апперцепции. Выяснилось, что в структуру характера личности, выявленную методом анализа фиксированной установки, включаются с определенной закономерностью мотивы, которые являются содержательно-мотивационой стороной установки большого личностного веса. Характер отношений между результатами исследования этими двумя методами очень кратко таков:

1) чем пластичнее и динамичнее установка, тем больше свойств выявляется методом тематической апперцепции, отражается высокий уровень адаптации личности к среде, развитию коммуникативных свойств;

2) чем статичнее установка личности и константнее и стабильнее эта статичность, тем у личности сильнее, по данным тестов тематической апперцепции, мотивы, выражающие сензитивность, пессимистические эмоции, автономность, эгоцентризм, субъективность, скрытую агрессивность, интраверсию.

Таким образом, свойства характера, соответствующие типам установок и выявленные посредством клинико-биографического метода и метода тематической апперцепции, в основных чертах совпадают друг с другом, причем данные указанного текста включаются в структуру установки. То же самое можно сказать об образах фантазии, возникающих во время созерцания чернильных пятен Роршаха. Например, по исследованиям З. Джапаридзе, между типами установок и типами переживания имеется статистически достоверное соответствие. Динамическому типу фиксированной установки здоровых испытуемых статистически достоверно соответствует интравертированный тип переживания; статическому типу установки — экстратензивный тип переживания. Вариабильный тип установки представлен обо-

ими типами переживания (интравертированным и экстратензивным) [5; 3] и т. д.

Тесты Роршаха представляют ситуации, вызывающие актуализацию представлений фантазии. Анализ образов фантазии, вызванных этим методом, дает возможность постичь глубокие слои личности, выяснить важные стороны ее структуры, и, что главное, дает достаточно надежные сведения о природе тех сил личности, которые необходимы для реализации установок: каковы особенности интеллекта как свойства характера, каковы интеллектуальные интересы, чувство реальности, какова в поведении роль эмоций и фантазии, творческая энергия, способность саморегуляции и т. д. Материалы, полученные этим методом, обогащают и углубляют знания о структуре личности и в основных чертах согласуются с данными, полученными методом анализа фиксированных установок.

Следует отметить то обстоятельство, что в исследованиях советских и некоторых зарубежных авторов, особенно в работах советских ученых, посвященных проблеме изучения психологических механизмов проекции, подчеркивается плодотворность понимания природы проекции и добытых посредством проективных методов результатов с позиции теории установки (Ю. С. Савенко [9], Л. Ф. Бурлачук [2]), а также проводимых в этом направлении исследований. Как указывалось в начале статьи, анализ структуры установки и находящихся в единстве с ней многообразных содержательных и формальных компонентов возможен лишь при наличии адекватного комплексного метода, в котором центральным, основополагающим является метод фиксированной установки (ТАТ, тесты, Роршаха, Айзенка, MMPI, метод клинической беседы). При экспериментальном изучении личности мы руководствуемся: анализом взаимосвязи диспозиционной природы установки как структурой бессознательной психики и находящейся в единстве с ней сознательной психической жизнью; тем, в какой мере адекватность переживаний и поведения личности, трудность или легкость адаптации (пластичность и ригидность в поисках путей самореализации), целенаправленность действий, внутренние конфликты и т. п. связаны со структурой установок, ставших существенными чертами личности. Было установлено, что составленный по этому принципу комплексный метод имеет психодиагностическую ценность [5; 7].

Для изучения содержательного аспекта структуры личности, который представлен, главным образом, в виде нереализованных установок, нередко являющихся источником затруднений при адаптации к среде, внутренних и внешних конфликтов, наиболее адекватными являются проективные методы. Однако целесообразное использование указанных методов с этой целью все еще нуждается в интенсивной исследовательской работе, в частности, в уточнении путей интерпретации полученного посредством проективного метода материала на основе закономерностей установки, освещении вопросов взаимосвязи качественных сторон проективных методов и методов фиксированной установки в клинической практике, осмыслении на основе теории установки всех аспектов т. н. «защитных механизмов», обоснованных психоанализом.

CONCERNING THE METHODS OF STUDY OF THE STRUCTURE OF A PERSON'S SET AS THE UNCONSCIOUS MENTAL

V. G. NORAKIDZE

The D. N. Uznadze Institute of Psychology, Georgian Academy of Sciences, Tbilisi

SUMMARY

The paper discusses the controversial problems of the study of the structure of set as the unconscious mental. It is shown that the study of the structure of set (implying the unity of a number of meaningful and formal components) is feasible by a complex method (the method of fixed set, projection techniques, clinical interview questionaire, Eisenck inventory) in which the method of fixed set is central and basic. The study of the set structure by a complex method is based on the following principle: analysis of the interrelationship of the dispositional nature of set as the structure of the unconscious mind and the conscious mental life, the two being integrally united; determination of the extent to which the adequacy of the experiences of personality, the difficulty or facility of adjustment, purposeful actions (plasticity or rigidity in the search of ways of self-realization), inner conflicts, and so on are linked with the structure of sets that have become essential traits of the personality. The indicated complex method, formed on the basis of the principle just cited, was found to have psychodiagnostic value.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III, Тбилиси, 1978, 513—536.
2. БУРЛАЧУК Л. Ф., Проблема исследования бессознательного психического проективными методами. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III, Тбилиси, 1978, 638—643.
3. ДЖАПАРИДЗЕ З. С., Исследование структурных аспектов установки личности при слабоструктурной зрительной стимуляции, Автореферат, Тбилиси, 1979.
4. КАКАБАДЗЕ В. О., Проблема бессознательного. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. I, Тбилиси, 1978.
5. НОРАКИДЗЕ В. Г., Методы исследования характера личности, Тбилиси, 1975.
6. НОРАКИДЗЕ В. Г., Типы характера и фиксированная установка, Тбилиси, 1966.
7. НОРАКИДЗЕ В. Г., Методы исследования установки как бессознательного психического. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III, Тбилиси, 1978, 611—621.
8. ПРАНГИШВИЛИ А. С., К проблеме бессознательного в свете теории установки. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. I, Тбилиси, 1978.
9. САВЕНКО Ю. С., Проективные методы в исследовании бессознательного. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы, исследования, т. III, Тбилиси, 1978, 632—637.
10. СОКОЛОВА Е. Т., К теоретическому обоснованию проективного метода исследования

личности. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III, Тбилиси, 1978, 632—631.
11. УЗНАДЗЕ Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961.
12. УЗНАДЗЕ Д. Н., Общая психология, Тбилиси, 1964.
13. УЗНАДЗЕ Д. Н., К проблеме постижения значения. Психологические исследования, Тбилиси, 1966.
14. MURRAY H. Thematic Apperception Test, Manual. Cambrige, 1946.
15. BECK A. S. Rorschach Test, I—II, 1946, H. Rorschach, Psychodiagnostik, Bern, 1946.

К ВОПРОСУ О ФАКТОРЕ ЗНАЧИМОСТИ И МЕТОДАХ ЕГО КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ

М. А. КОТИК

Тартуский государственный университет

1. Анализ докладов, опубликованных в трех томах «Бессознательное», убедительно свидетельствует о том, что наиболее ярким и выразительным проявлением бессознательного в человеческой психике являются значащие переживания. И, естественно, что именно им — природе возникновения этих переживаний, их проявлениям и оценкам непосредственно или косвенно были посвящены многие доклады симпозиума по бессознательному.

Однако при изучении этих материалов обращает на себя внимание тот факт, что, описывая, анализируя, даже измеряя это психическое явление, большинство авторов не уточняет, что они понимают под термином «значимость». Это заметили и составители монографии «Бессознательное», отметившие, что «параметр значимости остается в теоретическом плане еще очень плохо раскрытым» [17]. Такое положение вещей они оправдывают тем, что «понятие значимости сохраняет при любой форме его конкретного выражения значительную степень неопределенности» (там же). И уже само такое признание невозможности четко определить это понятие, как нам представляется, препятствует познанию стоящего за ним содержания.

На отсутствие четкости в психологической терминологии, используемой для определения не только бессознательных, но и осознанных проявлений, обратил внимание в своем докладе П. Б. Шошин [17]. Однако, указав на сожаления по этому поводу, высказанные Б. Ф. Скиннером, он пессимистически констатирует неизбежность такого явления, объясняя его спецификой психологической науки. П. Б. Шошин пишет: «Надо полагать, что психология вынуждена будет и далее игнорировать призывы к устранению расплывчатой терминологии и замене ее однозначными символами — иначе она перестанет быть психологией» [17].

При этом четкие определения понятий в психологии он сравнивает с кибернетическими моделями, в которых неизбежно присутствуют упрощения и связанные с ними искажения. И в данном, более широком вопросе, мы стоим на точке зрения, что любая наука, будь то психология или ее область, изучающая бессознательные проявления человека, должна иметь четкую и строгую терминологию. Наука с расплывчатой терминологией напоминает сооружение с зыбким фундаментом, и никакая специфика этого сооружения не может сделать его достаточно устойчивым. А говоря о психологии, можно привести множество примеров, когда из-за отсутствия строгих общепринятых дефиниций ее фундаментальных понятий (таких, например, как мотив, потребность) возникает множество разночтений, и в каж-

дом отдельном случае автору приходится оговаривать, что он имеет в виду, употребляя тот или иной термин, — поэтому использование термина становится просто бессмысленным.

Возвращаясь к понятию «значимость», следует отметить, что составители монографии все же сохраняют надежды на более строгое его определение за счет использования теории нечетких множеств Л. А. Заде [17]. Однако надежды эти представляются нам нереальными, поскольку эта теория является лишь строгим математическим аппаратом, позволяющим оперировать нечеткими оценками, но едва ли с помощью этой теории возможно расплывчатое теоретическое понятие сделать более точным. Другое дело, что эта теория и используемые в ней «мягкие» оценки оказываются удобным инструментом для выявления отношения человека к тем или иным явлениям, их субъективной значимости для количественного выражения этого показателя. И подтверждением этого являются представленные в III томе монографии «Бессознательное» доклады Д. И. Шапиро [17, 205], П. Б. Шошина [17], М. А. Котика [17]. В этом сообщении далее мы также будем говорить об использовании нечетких множеств для оценки значимости различных событий.

Итак, обобщая сказанное, мы приходим к заключению, что понятие значимости, если оно используется в научном исследовании, должно быть непременно четко определено — по крайней мере, в пределах, необходимых для проводимого исследования.

Вопросы значимости на симпозиуме рассматривались с самых разнообразных точек зрения — роли подобных переживаний в развитии неврозов и других патологий психики, их влияния на восприятие речи или письменных текстов, на мотивацию, межличностные отношения и пр. и пр. Однако влияние фактора значимости на обыденную предметную деятельность человека там было отражено очень слабо. В то же время, как было показано многими исследованиями [11; 14; 16; 6 и др.], этот фактор выступает как один из основных регуляторов деятельности. На ряде исследований различных видов операторской деятельности мы могли убедиться, что наиболее распространенной причиной ошибок здесь является недооценка степени значимости выполняемых действий. Так, была экспериментально установлена явно выраженная связь между числом аварий водителей троллейбусов и недооценкой ими значимости решаемых задач [9]. Аналогичное влияние недооценки фактора значимости на число несчастных случаев было выявлено у электриков высоковольтных сетей [7]. Были описаны случаи, когда опытные пилоты и машинисты электровозов после выполнения сложных задач допускали серьезные ошибки в относительно простых действиях из-за недооценки их значимости — ошибки, которые приводили к тяжелым последствиям [10]. Все эти данные свидетельствуют о том, что назрела необходимость специальных исследований закономерностей формирования значащих переживаний для решения конкретных практических задач трудовой и, в частности, операторской деятельности.

В своем докладе на данном симпозиуме О. К. Тихомиров [17], обратил внимание на то, что в исследованиях по проблемам искусственного интеллекта не учитываются бессознательные проявления человека, в том числе и эмоциональные переживания. И в этом он усматривает двойное зло: с одной стороны, психика человека моделируется односторонне, следовательно, неадекватно; с другой — исследования, ведущиеся в плане искусственного интеллекта, не вносят прямого вклада в изучение бессознательного. Таким образом, второе заключение, которое вытекает из сказанного в данном пункте, свидетельствует о том, что имеется необходимость исследования фак-

тора значимости и поиска путей его формализации и количественной оценки с целью разрешения практических задач и использования этих данных для моделирования психики человека.

2. В своем докладе на симпозиуме [17] мы определили понятие «значимость», исходя из утвердившихся в психологии понятий «значение» и «смысл». Значение того или иного явления или информация о нем расценивается как некоторое представление об объекте, сложившееся в данной социальной среде, а смысл — как субъективное отражение этого объекта в индивидуальном сознании человека. В смысле общепринятое значение получает свою индивидуальную интерпретацию, преломляется под углом психических особенностей данной личности, ее преобладающих потребностей, мотивов, интересов. Поэтому в смысле проявляется пристрастность данной личности [13]. В то же время смысл, по определению Л. С. Выготского, «представляет собой единство аффективных и интеллектуальных процессов» [2, 54], поэтому, ограничивая изучение смысла только его интеллектуальной стороной, мы закрываем себе дорогу к пониманию причин человеческого поведения.

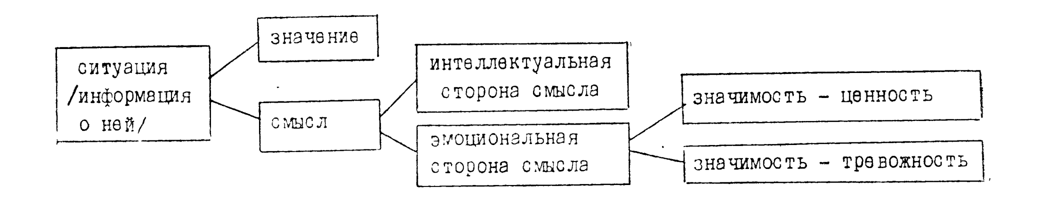
О необходимости анализа эмоциональной и содержательной стороны смысла пишет и Ф. В. Бассин, который отмечает, что «смысл в отрыве от переживаний — это логическая конструкция, а переживания в отрыве от смысла — это скорее физиологическая категория» [1, 22]. Следует отметить, что цитируемая статья Ф. В. Бассина послужила поводом для возникновения бурной дискуссии на страницах журнала «Вопросы психологии» о роли фактора значимости в психологии, которая продолжалась в течение года. И примечательно, что все ее участники, независимо от занимаемой ими позиции, отмечали важность изучения этого аспекта психики.

Условимся же именовать эмоции, порождаемые смыслом для данного субъекта рассматриваемого явления, как переживания его значимости. Такие эмоции являются продуктом, с одной стороны, осознания индивидом содержания этого явления в связи с настоящим, прошлым и ожидаемым будущим, и с другой — выражением всего того, что отложилось в психике индивида в процессе его прошлой жизни и деятельности, что обусловливает его бессознательное и интуицию [16]. Таким образом, переживания значимости мы связываем как с эксплицитным компонентом сознания (ясно актуализируемым, вербализуемым), так и с имплицитным его компонентом (невербализуемым, смутно представляемым) — по терминологии П. Б. Шошина [17], а также и с бессознательными проявлениями психики. Эти переживания оказываются обусловленными как устойчивыми ценностными критериями данной личности, так и текущими ситуативными факторами. Так мы трактуем понятие значащих переживаний. *Уровень же этих переживаний, вызванных смыслом того или иного события, будем расценивать как показатель значимости этого события.* Причем заметим, что под «значимостью» здесь понимается не объект, вызывающий эти переживания, а мера таких переживаний. При подобном подходе к определению этого понятия открываются возможности оценки и сопоставления по значимости событий любого значения, любой природы.

В зависимости от содержательной стороны смысла, а также его связи с потребностями и мотивами данной личности ему могут сопутствовать самые разнообразные эмоции. Однако при изучении производственного труда, и в частности операторской деятельности, и тех смыслов, которые приобретают для человека различные трудовые ситуации, можно, в первом приближении, выделить две основные категории эмоциональных проявлений в труде. Во-первых, эмоции от ус-

пеха достижения цели, удовлетворения потребностей или факторов, благоприятствующих этому событию. Во-вторых, эмоции, возникающие в связи с появлением трудностей, препятствующих достижению цели, удовлетворению потребностей, а также в связи с появлением опасностей для человека и выполняемой им деятельности. Соответственно этим двум категориям эмоций можно говорить о *значимости-ценности* и *значимости-тревожности* для оператора различных событий и сообщений.

Исходя из сказанного, может быть построена схема, связывающая между собой иерархическую цепочку понятий, из которых видно место среди них понятия «значимость»:

При использовании указанных понятий приходится учитывать их относительность. Так, например, информация о возможности появления аварии является для оператора, естественно, значимой-тревожной. Однако, поскольку эта информация предупреждает его об опасности и тем самым способствует ее избежанию, она одновременно является и значимой-ценной. Следует также отметить, что в операторской деятельности переживания, связанные с тревогой, играют более важную роль, чем переживания успеха. Это объясняется прежде всего тем, что успех для подготовленного оператора является обычной нормой, достижение которой является само собой разумеющимся событием, и оно со временем перестает вызывать существенные эмоции. Угроза же недостижения цели или каких-либо иных опасностей для оператора, его деятельности воспринимается им значительно более эмоционально. И именно в связи с такими переживаниями значимости-тревожности ситуации возникает та психическая и энергетическая мобилизация организма, которая способствует преодолению возникающих трудностей и опасностей [6; 11; 14; 16]. Когда же по тем или иным причинам (из-за недостатка знаний, опыта, самонадеянности или других обстоятельств) человек сочтет ситуацию менее значимой-тревожной, чем она является на самом деле, то мобилизация его организма может не достичь требуемого уровня и он не справится с задачей, которую при большей мобилизации он успешно решил бы. И в данном случае важно отметить, что требуемая мобилизация организма для разрешения значимых тревожных задач возникает непроизвольно. Поэтому нет нужды говорить человеку, что при решении данной задачи нужно особое внимание и старание, а достаточно довести до его сознания степень ее важности и ответственности, и возникающие в результате этого значимые-тревожые переживаия сами собой породят такую энергетическую мобилизацию организма (в том числе и активацию нервной системы), которая будет способствовать успешному разрешению этой задачи.

Таким образом, мы приходим к следующему заключению: для повышения надежности работы операторов имеется практическая необходимость в выявлении психологических механизмов формирования переживаний значимости-тревожности, в разработке методов оценки, а может быть, и методов вычисления соответствующих показателей.

3. В своем докладе на Тбилисском симпозиуме С. Я. Рубинштейн [15] показал, что отношение к располагаемому времени может явиться показателем осознанных и неосознанных проявлений человека. Как можно было предположить, время и, в частности, временные ограничения, налагаемые на оператора решаемой задачей, могут явиться аргументом, определяющим его переживания значимости-тревожности. Для установления связи между этими двумя показателями мы провели специальное экспериментальное исследование на пилотах, в деятельности которых особенно ярко проявляется влияние ограничений во времени.

Нами был создан специальный экспериментальный стенд в виде приборной доски пилота с действующими пилотажными приборами. Исследование проводилось методом экспертных оценок. В роли экспертов выступали опытные пилоты. Оно выполнялось в следующей последовательности. Пилот располагался на расстоянии около 1 мм от приборной доски, закрытой специальной шторкой. Ему сообщался режим полета, который он обязан выдерживать, а также говорилось, что после сбросов шторки на приборной доске ему будут предъявляться различные нарушения этого режима. Он должен оценить каждое нарушение с точки зрения его опасности в реальных условиях полета — невыполнения задания, аварии — и выразить оценку своей тревоги в баллах (от 0 до 7). В опытах участвовало 9 пилотов разной летной квалификации, и каждый из них оценивал 45 различных «картин», где в динамике иллюстрировались показания приборов при больших и малых нарушениях режима полета относительно трех пространственных осей самолета. Таким образом, для каждого нарушения режима полета были получены соответствующие балльные оценки экспертов по степени его значимости-тревожности для пилота.

С другой стороны, по каждой «картине» нарушения, предъявляемой экспертам для оценки, так называемый «резерв времени» (t_{res}), которым в среднем располагали пилоты для ликвидации возникшего нарушения и сохранения безопасности полета, рассчитывался по следующей формуле:

$$t_{res}=T-\Sigma\, t_{min}, \qquad (1)$$

где T — время, которым располагали пилоты с момента обнаружения нарушения до момента отклонения любого параметра режима полета за допустимые ограничения,

$\Sigma\, t_{min}$ — среднее минимальное время, необходимое пилотам для предупреждения в данных условиях отклонений параметров полета за допустимые пределы.

Таким образом появлялась возможность соотнесения резерва времени, которым в среднем располагали пилоты в каждой предъявляемой им ситуации, с той средней оценкой значимости-тревожности, которую они давали этой ситуации. Усредненные результаты эксперимента представлены на рис. 1. Здесь тонкими линиями изображена зависимость значимости ситуации (C) от располагаемого резерва времени для нарушений самолета по крену ($C^*_z(t_{res})$) и тангажу ($C^*_x(t_{res})$). Как видно из этих кривых, уменьшение резервного времени ведет к росту значимости ситуации неравномерно: пока резервное время относительно велико, его сокращение мало сказывается на значимости, при малых же резервах времени их сокращение уже существенно увеличивает значимость ситуации.

Анализ полученных кривых показал, что связь между резервным вре-

менем, которым располагает пилот в данной ситуации, и уровнем значимости-тревожности для него этой ситуации может апроксимироваться экспоненциальной зависимостью вида:

$$C(t_{\text{res}}) = e^{-\lambda t_{\text{res}}}, \qquad (2)$$

где $C(t_{\text{res}})$ — значимость-тревожность ситуации, обусловленная временными ограничениями пилота,

λ — интенсивность потока событий, равная $\lambda = \frac{1}{\bar{t}_{\text{res}}}$,

$\bar{t}_{\text{res}}$ — среднее резервное время, при котором действует пилот.

В соответствии с формулой 2 на рис. 1 построена жирной линией рас-

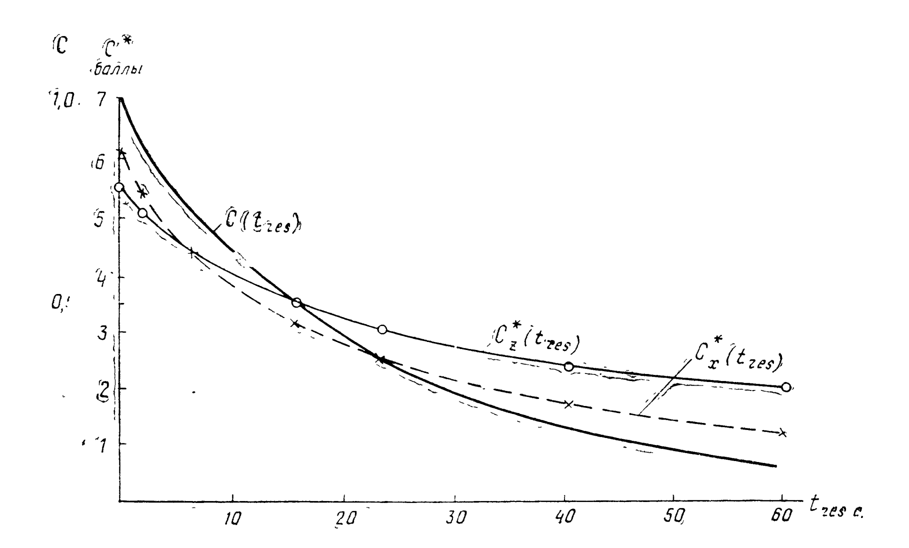

Рис. 1. Зависимость значимости задач от располагаемого резервного времени (t_{res}). C^*_z—значимость нарушений режима полета по крену. C^* — значимость нарушений режима полета по тангажу.

четная кривая $C(t_{\text{res}})$, которая, как показал статистический анализ, совпадает с экспериментальными с доверительной вероятностью 0,95. На рис. 2 представлены экспериментальные кривые, построенные отдельно для пилотов I-го, II-го и III-го классов. Там же жирной линией изображена расчетная кривая, полученная по формуле 2. Наиболее близкими к теоретической кривой оказались оценки пилотов I-го класса.

Итак, данное исследование позволило установить, что оценки значимости-тревожности различных нарушений заданного режима полета формируются у пилотов в соответствии с располагаемыми средними резервами времени при этих нарушениях. Причем, давая оценки значимости отдельных ситуаций, пилоты не подозревали, что они это делают, исходя из располагаемого резерва времени. *Полученная формула (2) позволяет по наличному резервному времени априорно прогнозировать средний уровень значимости-тревожности для пилотов различных ситуаций, связанных с нарушениями заданного режима полета.* Причем следует заметить, что резерв времени остается показателем значимости события независимо от природы возникающих

нарушений — отклонился ли самолет по крену или тангажу. Это свидетельствует об *универсальности резерва времени, как показателя значимости-тревожности ситуации.*

При этом, естественно, может возникнуть вопрос: для чего нужны такие усредненные показатели значимости, полученные безотносительно к уровню подготовленности пилота, к его индивидуальным особенностям? Такие средние оценки нужны хотя бы потому, что в сравнении с ними можно уже судить об индивидуальных особенностях отдельных пилотов. Ведь, когда мы говорим: «это хороший пилот» или «это добрый человек», мы всегда исходим из сравнения с каким-то средним, сложившимся в данной социальной среде, уровнем качества пилотов или человеческой доброты. Так же и в данном случае, получив от конкретного пилота его оценку значимости определенной ситуации и рассчитав по резервному времени его характеристику, мож-

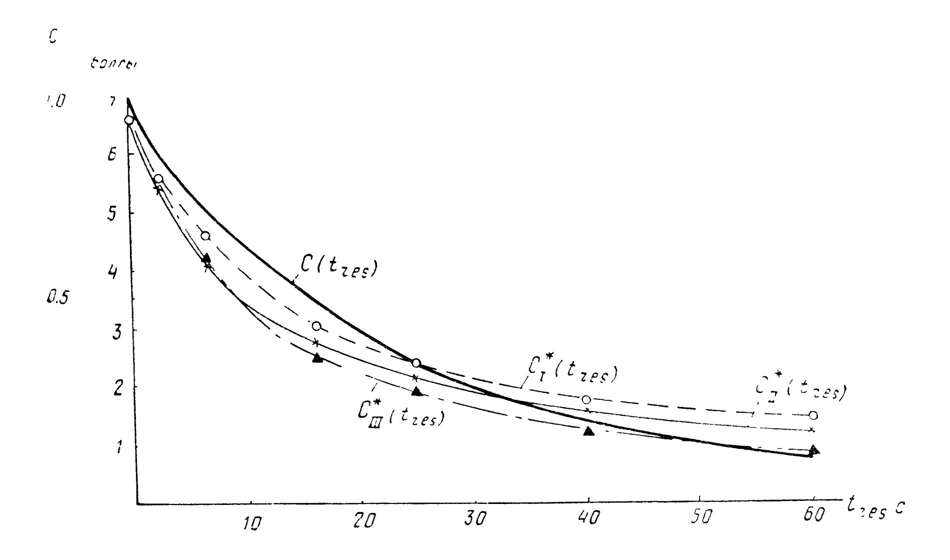

Рис. 2. Зависимости значимости задач от квалификации пилотов.
C^*_{I} — значимость для пилотов I класса,
C^*_{II} — значимость для пилотов II класса,
C^*_{III} — значимость для пилотов III класса.

но уже сказать, завышает он или занижает значимость ситуации и в какой мере он это делает.

Поскольку оператору, и в частности пилоту, приходится действовать не только в условиях ограничений во времени, но также укладываться и в заданные ограничения по точности, было высказано предположение, что значимость-тревожность ситуации нарушения заданного режима полета будет зависеть и от степени ограничений по точности действий, которые налагаются на пилота. Исходя из этих соображений, мы ввели понятие «резерва точности» оператора — той наибольшей допустимой погрешности (относительно минимально возможной в рассматриваемой ситуации), которую оператор еще вправе допускать, не нарушая заданный режим работы управляемой системы.

Резерв точности (δ_{res}) определяется выражением:

$$\delta_{res}=D-\Sigma\,\delta_{min}, \quad (3)$$

где D — предельно допустимая погрешность управляемого параметра,
$\Sigma\delta_{min}$ — средняя минимальная погрешность, с которой операторы способны в рассматриваемых условиях управлять данным параметром.

Исходя из высказанной гипотезы и располагая показателем резерва точности, мы провели исследование, подобное описанному выше. Пилотам, которые выступали в роли экспертов, предлагались хорошо известные им пилотажно-навигационные задачи, которые требовалось решать при различных ограничениях по точности. Исходя из своих возможностей решения таких задач, они должны были оценивать их значимость-тревожность. В исследовании участвовали пилоты разной квалификации (22 человека), и каждый из них оценивал таким образом семь различных задач. Соотнося оценки пилотов с располагаемыми средними резервами точности по каждой задаче, мы получили зависимости $C^*(\delta_{res})$, связывающие эти средние показатели. На рис. 3 тонкой сплошной, пунктирной и штрих-пунктирной линиями представлены результаты эксперимента по 1-ой и 4-ой задачам, причем по 1-ой задаче отдельно показаны результаты пилотов I-го и III-го класса. Как видно из рис. 3, кривые оказались близки к экспонентам.

Проведенный анализ этих кривых показал, что между резервом точности задачи и ее значимостью для пилотов существует связь, которая может апроксимироваться следующей формулой:

$$C(\delta_{res}) = e^{-\eta_{res}}, \qquad (4)$$

где $C(\delta_{res})$ — значимость-тревожность задачи как функция резерва точности,

η — интенсивность потока событий, равная $\eta = \frac{1}{\delta_{res}}$,

$\bar{\delta}_{rns}$ — средний резерв точности в рассматриваемых условиях.

С помощью формулы 4 на рис. 3 были построены расчетные кривые для 1-ой и 4-ой задач (в первом случае — отдельно для пилотов 1-го и III-го класса). Как можно заключить из этого рисунка, расчетные кривые оказались близки к экспериментальным.

Таким образом, и в данном исследовании *удалось установить закономерность формирования у пилотов оценок значимости-тревожности различных задач в зависимости от располагаемого резерва точности*. Причем, здесь уже были получены существенно разные осредненные зависимости для пилотов высокого уровня подготовки (1-го класса) и более низкого уровня (III-го класса). Для менее подготовленных пилотов те же задачи оказались более значимыми, чем для пилотов с лучшей подготовкой. Итак, располагая подобными осредненными зависимостями, можно по тем оценкам значимости, которыми данный пилот соответствующего класса определяет отдельные задачи, выводить заключение об адекватности подобных оценок решаемым задачам при данном уровне его подготовки.

4. Теперь опишем серию наших исследований, направленных на выявление закономерностей формирования оценок значимости-тревожности отдельных задач управления, отдельных управляющих дейст-

вий. Условимся для краткости определять это понятие одним словом «тревожность».

Чтобы яснее представить проблему, воспользуемся конкретным примером. Представим себе, что человеку требуется пройти по толстой, но узкой дубовой доске длиной в пять метров. Доска эта положена на высоте около метра над землей. Такая задача, естественно,

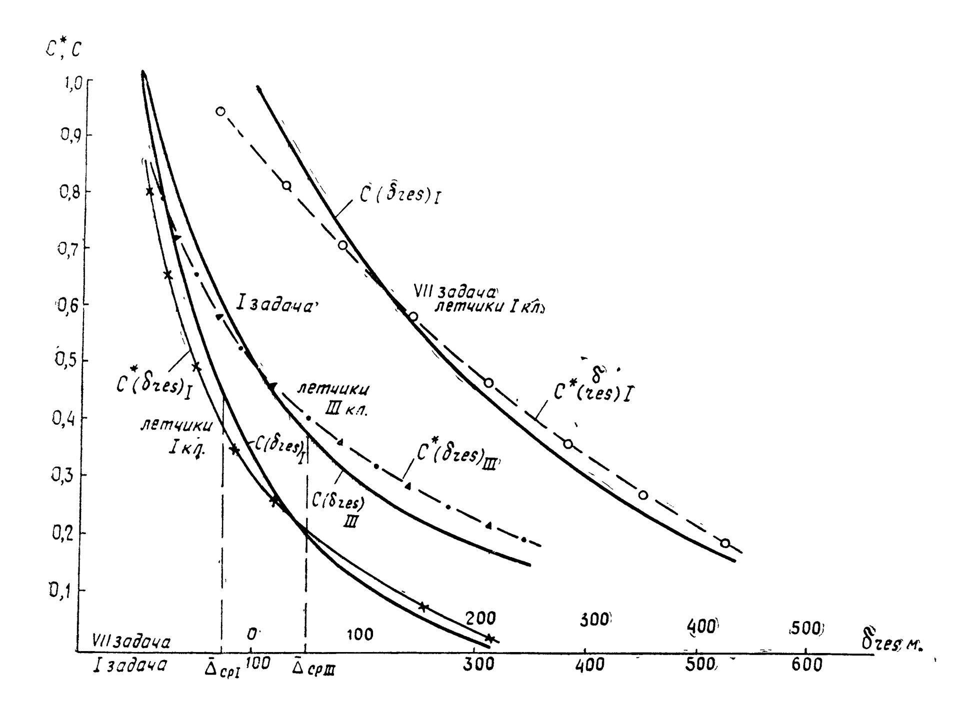

Рис. 3. Зависимость значимости задач от располагаемого резерва точности (δ_{res})

окажется для него довольно простой и не особенно тревожной. Теперь предположим, что та же доска переброшена над глубоким оврагом. Новая задача, конечно, станет для него намного более тревожной, причем, только потому, что в ней существенно возрастет цена ошибки. Тревожность задачи является функцией, с одной стороны, возможности возникновения ошибки, а с другой — тяжести вытекающих из нее последствий.

Для проверки этой гипотезы мы провели специальное исследование. В нем участвовало 50 человек студентов — психологов и инженеров.

В первой части этого исследования испытуемым предъявлялось шесть вариантов возможных последствий ошибки, возрастающих по степени их тяжести: 1) микротравма, 2) легкая травма, 3) средняя травма, 4) тяжелая травма, 5) инвалидность и 6) смертельный исход. Каждому испытуемому выдавался лист миллиметровой бумаги, где были начерчены оси координат длиной по 10 см. По горизонтальной оси откладывался показатель тяжести последствий ошибки (S), причем в начале этой оси была отмечена точка 1, соответствующая микротравме, а в конце — точка 6, обозначающая смертельную травму. Испытуемые должны были на этой оси проставить точки 2, 3, 4 и 5, определяющие травмы промежуточной степени тяжести, причем сделать это таким образом, чтобы расстояния между точками соответствовали различиям в отношении испытуемых к степени тяжести этих событий.

После градуировки горизонтальной оси по шкале тяжести последствий испытуемым предлагалось выполнить вторую часть задания. Здесь требовалось оценить те же шесть вариантов последствий ошибки с точки зрения возможности возникновения каждого из них. Они должны были указать шансы, при которых возможность возникновения каждого последствия делает задачу уже тревожной. Эти шансы по каждому варианту последствий они должны были отложить в виде ординат вертикальной шкалы графика (P), проградуированной в процентах (от 0 до 100). Затем, соединив отмеченные на плоскости координат точки, каждый испытуемый получал кривую P (S). Эта кривая определяла на графике границу между задачами, которые еще нельзя назвать тревожными (под построенной кривой), и задачами тревожными — над этой кривой.

Построенные таким образом графики были подвергнуты статической обработке, в результате которой была получена осредненная по всему массиву испытуемых кривая, представленная на рис. 4. Там

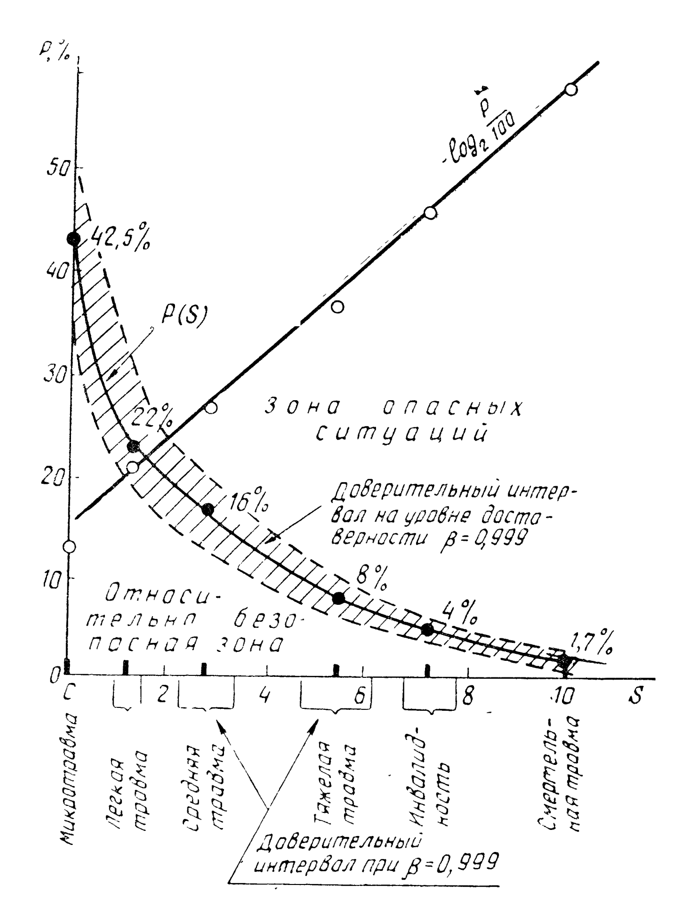

Рис. 4. Граница, с которой задача начинает воспрниматься как тревожная, в связи с возможностью и тяжестью отрицательных последствий. Доверительные интервалы на уровне достоверности 0, 999

же показаны доверительные интервалы статистических оценок на уровне достоверности 0,999.

В результате была построена кривая, описывающая связь сте-

пени тяжести последствий ошибки (S) и шансов на ее возникновение (P), при которых задача становится для испытуемых уже тревожной. Кривая получилась спадающей по экспоненциальному закону. Следует отметить, что индивидуальные кривые имели ту же форму, но располагались на разных уровнях относительно осредненной кривой. Как можно предположить, у людей более тревожного типа, менее уверенных в себе эти кривые легли ниже средней, а у менее тревожных и более самонадеянных — выше среднего уровня. Следовательно, данную методику можно считать своего рода тестом, оценивающим индивидуальные уровни тревожности испытуемых.

Третий этап данного исследования был аналогичен второму и отличался от него лишь тем, что здесь испытуемым давалось задание указать шансы и построить кривую для условий, когда задачи воспринимаются ими лишь как *слегка тревожные,* затем построить еще две кривые для задач, которые являются для них *очень тревожными* и *исключительно тревожными.* Таким образом, каждый испытуемый строил, кроме первой кривой, описывающей тревожные (T_1) задачи, также кривые задач, слегка тревожных (T_2), очень тревожных (T_2) и исключительно тревожных (T_3).

После статистической обработки результатов исследования последних двух этапов были построены четыре осредненные кривые, соответствующие четырем расположенным по возрастанию уровням тревоги (рис. 5). Все эти кривые, как видно из рис. 5, оказались примерно экспоненциальными. Это означает, что задача будет сохранять свой уровень тревожности, если с увеличением тяжести последствий возможных в ней ошибок будет пропорционально возрастать неопределенность появления таких последствий.

Итак, мы получили четыре осредненные зависимости различных уровней тревоги как функции возможности и тяжести физической опасности. С помощью этих зависимостей можно, зная оценки субъекта тяжести ожидаемой физической опасности и возможности ее реализации, сделать заключение о том, в какой мере индивидуальный уровень тревоги адекватен общепринятым уровням тревоги в подобных случаях.

Аналогично тому, как была установлена зависимость влияния возможности и тяжести физической опасности на тревожность задачи, были получены зависимости этого показателя от возможности и тяжести социальных наказаний, а также материальных потерь. Из-за ограниченности объема настоящей статьи мы не будем останавливаться на этих исследованиях (см. [7]). Здесь же мы только отметим, что в этих исследованиях были получены кривые, очень близкие по форме и расположению представленным на рис. 5. Это свидетельствует о том, что независимо от природы действующей опасности (физической, социальной или связанной с материальными потерями), вызываемая ею тревога как функция уровня тяжести опасности и возможности ее реализации формируется примерно по одним и тем же законам.

Если уровень тревоги определить отношением $A_т = \frac{S}{H}$, то на основе анализа характеристик, представленных на рис. 5, можно заключить, что четыре рассматриваемых уровня тревоги будут определяться величинами: $A_{т1} \approx 1{,}5$, $A_м \approx 2{,}0$, $A_{т2} \approx 2{,}5$ и $A_{т3} \approx 3{,}0$.

Используем описанную методику для оценки уровня тревоги, связанного с решением двух рассмотренных выше задач прохождения по узкой доске. Когда доска расположена на высоте метра над землей и возможность

падения с нее человек определит шансами $P=10\%$, а тяжесть последствий этого — микротравмой, то, как следует из рис. 5, такая задача будет соответствовать уровню его тревоги много ниже $A_{\text{то}}$ (немного тревожного). Когда же доска будет располагаться над глубоким оврагом и вероятность падения будет оцениваться так же ($P=10\%$), а его последствия как «инвалидность», то, согласно тому же рисунку, получим, что такая задача будет восприниматься как очень тревожная (соответствовать уровню $A_{\text{т2}}$).

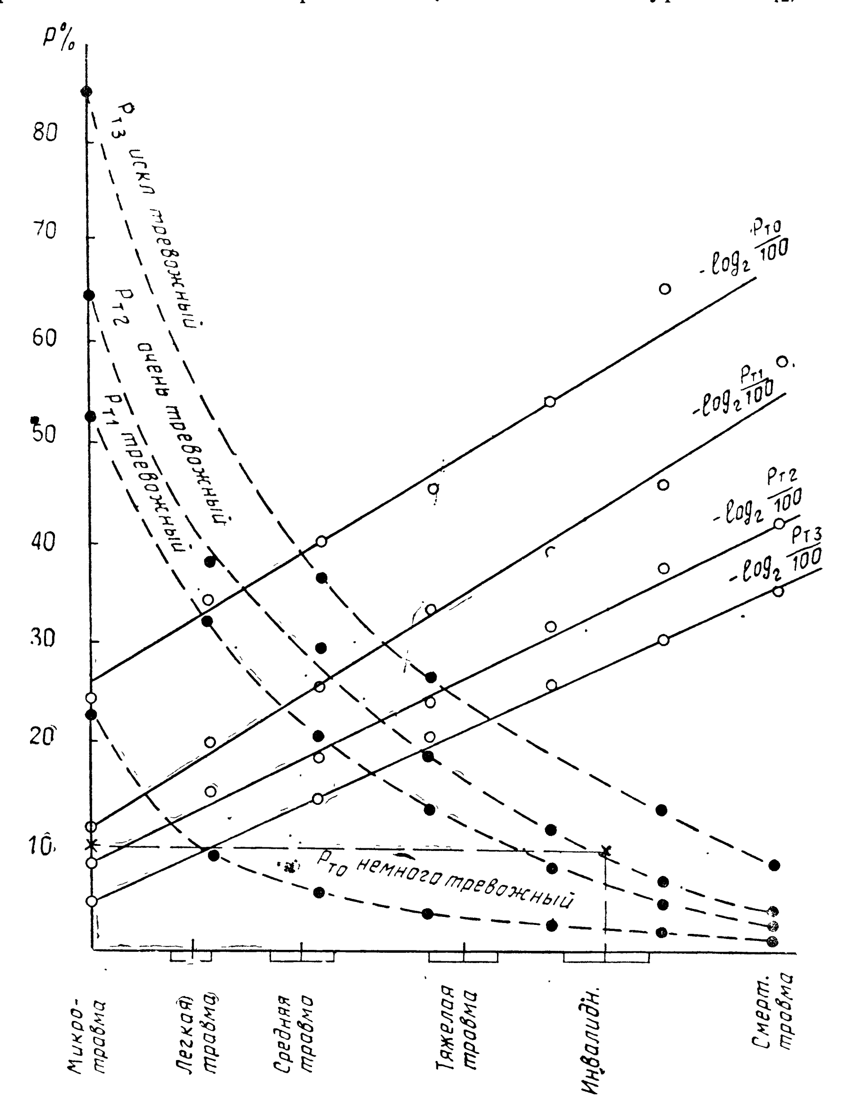

Рис. 5. Различные уровни тревоги в связи с физической опасностью

Таким образом, *по тому, как человек оценивает возможность появления ошибки (ее шансы) и тяжесть ожидаемых ее последствий, можно определять его уровень тревоги, связанной с разрешением этой задачи.* Следовательно, появляется возможность учитывать фактор значимости-тревожности при проектировании роботов в расчете, что в соответствии с ростом значимости разрешаемой задачи их механизм будет автоматически перестраиваться на более точную и на-

дежную работу. Тогда роботы будут действительно имитировать поведение людей, которые в зависимости от значимости задач решают их с разной энергетической мобилизацией [9]. Это, очевидно, будет способствовать устранению недостатков исследований «искусственного интеллекта», на которые указывает в своем докладе О. К. Тихомиров [17].

5. В описанном выше исследовании в целях выявления значимости для испытуемых решаемых задач предусматривались количественные оценки шансов возникновения ошибок с теми или иными последствиями. Однако, как отмечается в ряде упомянутых выше докладов (О. К. Тихомиров, Д. И. Шапиро, П. Б. Шошин), людям свойственно в мышлении и общении оперировать нечеткими оценками. «Элементами мышления человека,—пишет Л. А. Заде [5, 7],—являются не числа, а элементы некоторых нечетких множеств или классов объектов, для которых переход от «принадлежности» к «непринадлежности» не скачкообразен, а непрерывен». Когда человека спрашивают о возможности наступления того или иного события, ему легче определить ее нечетким понятием типа «редко» или «часто», чем называть в цифрах его шансы. Более того, при выборе слова, выражающего нечеткое понятие, человек волей-неволей передает свое отношение к явлению, стоящему за этим понятием. Это легко показать на примере. Предположим, имеется высказывание: «Петр получил премию 30 рублей». Оно вполне конкретно определяет, кто получил премию и какую. Однако, представим себе, что кто-то по этому поводу сказал: «Петр получил большую премию», а кто-то другой — «Петр получил маленькую премию». В двух последних высказываниях дискретное значение премии заменено словами, относящими величину премии к некоторому нечеткому множеству, в одном случае — «большая», а в другом — «маленькая». С информационной точки зрения новые высказывания стали менее информативными. Однако использование нечетких слов позволило людям выразить свое отношение к этому событию — высказывания выиграли в эмоциональном плане.

Все сказанное навело нас на мысль проведения дополнительного исследования данного вопроса, в котором испытуемые могли бы оценивать опасные события, относя их к тем или иным категориям нечетких множеств. Следует отметить, что и в описанном исследовании были использованы нечеткие понятия, определяющие степень тяжести последствий ошибки (микротравма, тяжелая травма и т. п.) — там они выступали как квалификаторы. В данном же исследовании были применены нечеткие множества несколько другого рода.

Как следовало из предшествующей серии экспериментов, в них значимость-тревожность задач оценивалась, исходя из двух критериев: степени тяжести последствий ошибки и возможности реализации этих последствий. Оба эти критерия можно выразить рядами нечетких множеств. Так, критерий тяжести можно определить по тому, к какому из следующих множеств интенсивности будет отнесено рассматриваемое событие: «нулевая», «исключительно слабо», «очень слабо», «слабо», «не слабо — не сильно», «сильно», «очень сильно», «исключительно сильно», «предельно сильно». Критерий же *возможности* можно определить, исходя из того, к какому из следующих множеств будет она отнесена: «никогда», «исключительно редко», «очень редко», «не редко — не часто», «часто», «очень часто», «исключительно часто», «всегда». В данном случае мы используем нечеткие множества, которые относятся к классу модификаторов.

В исследовании участвовали студенты университета отделения математики и физики (30 человек). Проводилось оно примерно в той же последовательности, что и предшествующее. В первой части ис-

следования стояла задача построения шкал двух рассматриваемых групп нечетких множеств. Вначале испытуемым предъявлялись указанные выше девять наименований множеств интенсивности и предлагалось каждое из них оценить по десятибалльной системе. Аналогичным образом они оценивали и множества возможности. После этого им раздавались листы миллиметровой бумаги, на которые были нанесены оси координат (каждая длиной по 10 см): ось абсцис была названа осью «интенсивности», а ось ординат — осью «возможности». На эти оси испытуемые должны были в соответствии с указанными ими баллами нанести шкалу интенсивности и возможности.

Далее им предлагалось отметить на плоскости координат точку «сильно-часто» и давалась следующая инструкция: «Представьте себе, что Вы — работник электросети и в результате Вашей ошибки Вы можете получить повреждение различной степени тяжести. Сложилась ситуация, когда «часто» возникают «сильные» повреждения. Вдумайтесь в эту ситуацию, отмеченную точкой «сильно-часто» и справа, а также слева от этой точки отметьте на плоскости все другие точки, равнозначные заданной». Отобрав такие точки, испытуемые должны были их и исходную точку соединить кривой. Таким путем, т. е. методом построения «кривых безразличия» [12], строились кривые относительно еще четырех точек: «очень слабо-очень редко», «слабо-редко», «не слабо-не сильно — не редко-не часто» и «очень сильно-очень часто». Каждый испытуемый строил в общей сложности пять кривых, соответствовавших различным уровням тревожности.

После статистической обработки всех построенных графиков были получены осредненные кривые пяти уровней тревожности, представленные на рис. 6. Около каждой кривой пунктиром показаны границы доверительного интервала на уровне достоверности — 0,99. Нижние кривые — меньших уровней тревожности оказались близки к кривым, полученным в ранее описанном исследовании.

Последнее исследование несколько раз повторялось. Использовались иные способы шкалирования нечетких множеств интенсивности и возможности, предлагалось строить кривые тревожности для ситуаций, где опасность заключалась в социальных показаниях. В отдельных опытах испытуемые строили «кривые безразличия» для задач, где шла речь о различных положительных подкреплениях разных интенсивностей — здесь уже строились кривые разных уровней значимости-ценности. И примечательно, что кривые значимости получались примерно такими же, как на рис. 6.

Данные кривые могут использоваться для определения уровня значимости различных событий. Для этого достаточно, чтобы человек в терминах указанных множеств интенсивности и возможности определил оцениваемое событие. Если вернуться к примеру с задачей, где требовалось пройти по узкой доске, то в первом, простом, случае возможность падения могла оцениваться выражением «очень редко», а тяжесть повреждения — словами «очень слабо». В таком случае, как видно из рис. 6, мы попадаем в точку R_2, расположенную на кривой самого низкого уровня тревоги. Когда же нужно было пройти по той же доске над глубоким оврагом, то возможность падения здесь могла оцениваться словом «часто», а тяжесть повреждения — выражением «очень сильно». При таких оценках, как видно из того же рисунка, мы попадаем в точку, близкую к кривой самого высокого уровня тревожности. Однако попробуем представить себе, что вторую задачу решает цирковой канатоходец. Он, вероятно, оценит возможность падения с такой доски как «исключительно редко», но если это случится, то интенсивность повреждения тоже как «очень сильно».

При таких оценках, как можно заключить из полученных кривых, уровень его тревоги будет таким же низким, как и в первой задаче.

Полученные в данном исследовании характеристики были использованы для автоматизированного анализа ошибок управления [3]. Опрашивая подобным образом оператора, допустившего ошибку, о различных вариантах решения возникшей задачи и вытекающих

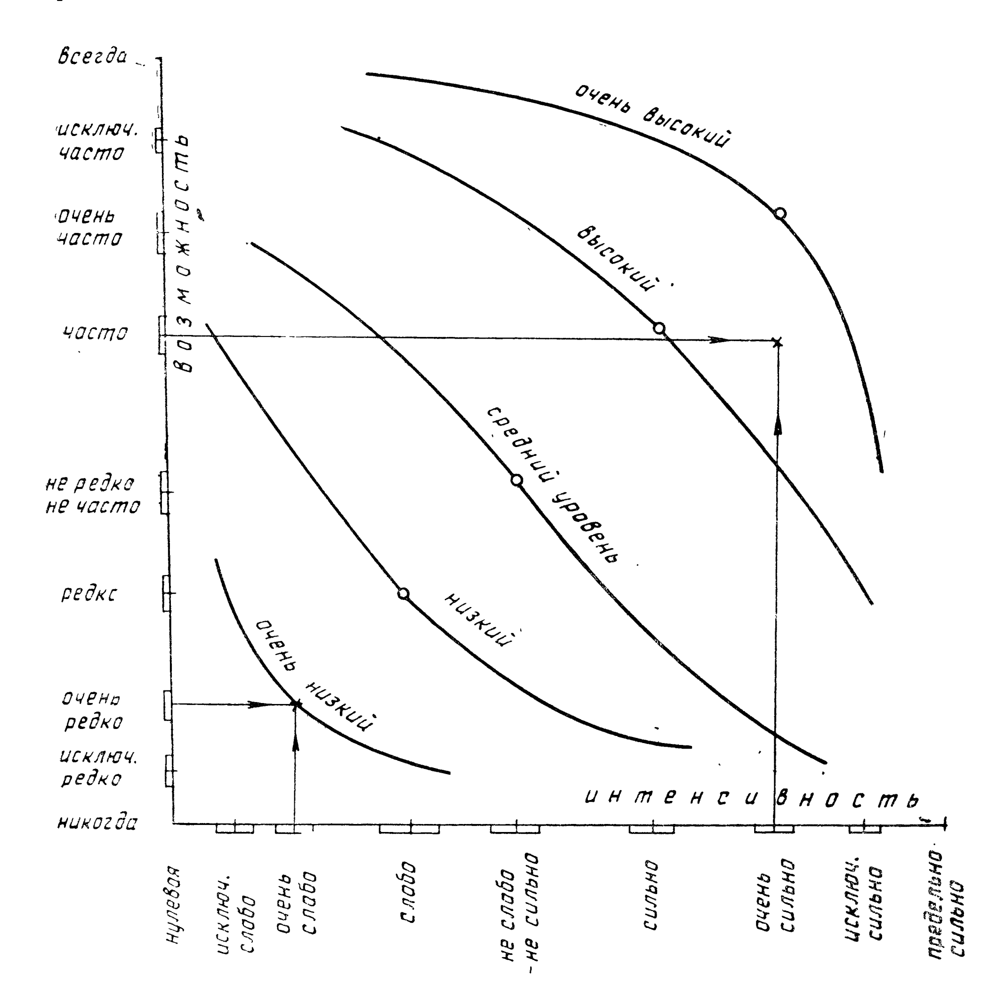

Рис. 6. Зависимость уровня тревоги от возможности и интенсивности отрицательных воздействий. Доверительные интервалы на уровне достоверности 0, 99

из них возможностях и «интенсивностях» выигрышей и проигрышей, можно с помощью специальной программы ЭВМ [4] определять значимость для оператора различных вариантов решений, взвешивать их и на этой основе делать заключение о психологических причинах допущенной им ошибки. Тем самым появляется возможность не только количественно оценивать значимость для человека тех или иных действий, задач, но и учитывать фактор значимости при автоматизированном анализе его поступков.

Поскольку фактор значимости является продуктом как осознанных, так и бессознательных проявлений человека, то можно сказать, что открывается возможность учитывать и бессознательные проявления индивида при автоматизированном анализе его поведения.

Данное исследование показало, что по нечетким оценкам, которые используются человеком, можно судить о значимости для него различных событий. И нам представляется, что в дальнейшем, более глубоком изучении других нечеткостей, свойственных поведению людей, кроются большие возможности для выявления механизмов человеческой психики, в том числе — ее бессознательных проявлений.

CONCERNING THE FACTOR OF SIGNIFICANCE AND THE TECHNIQUES OF ITS QUANTITATIVE ESTIMATION

M. A. KOTIK

Tartu University

UMMARY

The papers presented at the Symposium and dealing with the determination and evaluation of significance as a psychological index are analysed. An attempt is made to refute the pessimistic assertions of some authors on the impossibility of a rigorous definition of the indicated concept. A variant definition is proposed. A number of methods of quantitative estimation of the significance index are described, as well as the results of a practical use of such estimation in studying the activity of a human operator and in computerized analysis of errors of control.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАССИН Ф. В., К развитию проблемы значения и смысла. Вопросы психологии, 1973, № 6, 13—24.
2. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Избранные психологические исследования, М., 1956.
3. ЕМЕЛЬЯНОВ А. М., Метод анализа управляющей деятельности человека посредством фреймов и специальной модальной логики, Изв. АН СССР, Техническая кибернетика, 1980, № 4.
4. ЕМЕЛЬЯНОВ А. М., Алгоритм и программа управляющей деятельности диспетчера автоматизированной информационно-поисковой системы АИПС — ГосФАП СССР ПОО4328. Информационный бюллетень «Алгоритмы и программы», ВНИТЦентр, 1980а, 3/35/.
5. ЗАДЕ Л. А., Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решения. В кн.: Математика сегодня, М., 1974, № 7, 5—48.
6. КОТИК М. А., Саморегуляция и надежность человека-оператора, Таллин, 1974.
7. КОТИК М. А., Психология и безопасность, Таллин, «Валгус», 1981.
8. КОТИК М. А., СИРТС Т. К., Влияние отношения к опасности на аварийность, Сб. Восприятие и социальная деятельность. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 638, Труды по психологии, Тарту, 1983, 121—133.
9. КОТИК М. А., Влияние цены ошибки на представление о неопределенности задачи. Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по кибернетике, т. III, М., Научный Совет по проблеме «Кибернетика» АН СССР, 1981, 80—82.
10. КОТИК М. А., ЕМЕЛЬЯНОВ А. М., Ошибки управления, Таллин, «Валгус», 1985.
11. ЛАЗАРУС Р., Теория стресса и психофизиологические исследования. В сб.: Эмоциональный стресс, Л., 1970, 178—208.
12. ЛАРИЧЕВ О. И., Наука и искусство принятия решения, М., 1979.
13. ЛЕОНТЬЕВ А. Н., Деятельность, сознание, личность, М., 1975.

14. ПРИБРАМ К., Языки мозга, М., 1975.
15. РУБИНШТЕЙН С. Я., Использование времени как показателя осознаваемых и неосознаваемых мотивов личности. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 644—650.
16. СИМОНОВ П. В., Эмоциональный мозг., М., 1981.
17. Бессознательное: природа, функции, методы исследования, VIII, Тбилиси, Мецниереба, 1978.
18. KOTIK N. A., On the influence of dangerousness on the conception of task uncertainty. В сб.: Проблемы когнитивной психологии. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 522. Труды по психологии, т. VI, Тарту, 1980, 3—21.

ПСИХИЧЕСКАЯ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

(некоторые методические подходы к изучению бессознательного)

Ф. Б. БЕРЕЗИН

I Московский медицинский институт им. И. М. Сеченова

Постановка вопроса о природе, функциях и методах исследования бессознательного, как совокупности процессов неосознаваемой психической деятельности, очевидно требует рассмотрения связи между осознаваемыми и неосознаваемыми аспектами этой деятельности, проблемы интрапсихической интеграции. Это тем более необходимо, поскольку без рассмотрения такой связи указанная постановка вопроса может создать впечатление, что бессознательное представляет собой некоторую обособленную целостность, которая может быть противопоставлена сознательному и исследована вне контекста единой, интегрированной психической деятельности.

Важность изучения неосознаваемых психических процессов не только не исключает, но и предполагает необходимость сбалансированного рассмотрения осознаваемой и бессознательной психической деятельности.

Представление о постоянном взаимодействии осознаваемых и неосознаваемых аспектов психической деятельности является существенной предпосылкой для разработки методических подходов к изучению обоих этих аспектов. С одной стороны, неосознаваемые психические процессы могут вызывать изменения в осознаваемой психической деятельности и могут регистрироваться за счет этих изменений. С другой стороны, понимание осознаваемых психических проявлений не может быть достаточно полным без учета влияния неосознаваемых механизмов, без учета взаимодействия осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности. И, наконец, очевидно, что осознаваемые психические процессы могут не только видоизменяться в результате воздействия неосознаваемых аспектов психической деятельности, но и оказывать влияние на эти аспекты.

Постоянная, ни на минуту не прекращающаяся, живая динамическая связь между бессознательным и сознанием делает невозможным исследование бессознательного как изолированного феномена и позволяет считать, что методические подходы могут быть адекватными только в том случае, если они учитывают постоянное взаимодействие между осознаваемым и неосознаваемым, поскольку, как это отметил А. Е. Шерозия на симпозиуме по проблеме бессознательного, «нет никакого сознания и бессознательного психического вне единой системы их отношений».

В этой связи при разработке таких подходов должны определяться не только соответствующие методы, но и адекватные направления исследования, а также пути анализа, полученных с помощью из-

бранных методов результатов, которые позволили бы оценить участие неосознаваемых психических процессов в формировании выявляемых феноменов.

При всем многообразии теоретических подходов и исследовательских приемов, по-видимому, возможны только два направления, позволяющие исследовать неосознаваемые аспекты психической деятельности. Первое из этих направлений базируется на изучении осознаваемых психических проявлений, характер которых может быть поставлен в зависимость от неосознаваемых процессов, второе — на исследовании физиологических параметров, которые могут рассматриваться как корреляты определенных особенностей актуального психического состояния и личностных характеристик. Таким образом, в основе изучения неосознаваемой психической деятельности явно или неявно лежат представления о психической и психофизиологической интеграции.

К первому из указанных направлений относятся, в частности, исследования, выполненные с применением психодиагностических методик. Вне зависимости от той или иной классификации этих методик (разделение личностных методик на прожективные и анкетные, выделение среди прожективных методов методик на структурирование, конструирование, интерпретацию и т. п.) в основе их применения лежит представление испытуемому недостаточно определенного материала. Структурирование субъектом этого материала, которое осуществляется при участии механизмов неосознаваемой психической деятельности, позволяет получить данные, дающие возможность судить о характере и особенностях этих механизмов.

Эти методики различаются степенью неопределенности и способом представления материала. В качестве классического метода с высокой степенью неопределенности материала может быть назван тест Роршаха, в котором материал сам по себе в минимальной степени определяет объем, сферу, сюжет конструируемых образов. Именно благодаря этому, указанные характеристики дают представление о психической сфере субъекта, о его внутреннем мире, определяемом взаимодействием осознаваемых и неосознаваемых аспектов.

По мере уменьшения неопределенности материала возрастает роль его смыслового содержания в формировании реакций индивидуума и уменьшается число возможных их разновидностей. Это, в частности, можно отнести к тематико-апперцептивному тесту и в особенности к его специализированным вариантам (например, к варианту для изучения мотивации достижения, предложенному Хекхаузеном). При применении этих последних ограничение области исследуемых реакций позволяет использовать жесткий ключ и количественно оценивать всю полученную информацию. Однако, и в этом случае степень неопределенности ситуаций, отражаемых сюжетными изображениями, достаточно велика, чтобы особенности ее структурирования представляли материал для суждения об изучаемых психодиагностических параметрах вне зависимости от степени их осознаваемости испытуемым.

Еще больше возможные реакции ограничиваются при использовании анкетных личностных тестов. Крайний вариант такого ограничения представляет собой принудительный выбор между «да» и «нет», «верно» и «неверно». Благодаря этому, достигается четкое количественное выражение всей информации, абсолютное совпадение данных, полученных независимыми исследователями. В то же время множество, образуемое совокупностью выборов, обеспечивает необходимую многомерность оценки особенностей психической деятельности субъекта, его личностных характеристик и актуального психическо-

го состояния независимо от того, в какой степени эти особенности осознаются самим субъектом и в какой мере выявляемая картина соответствует его представлению о собственной личности.

Использование анкетных тестов (как и предъявление сюжетных изображений) не ориентировано на установление прямого соответствия между смысловым содержанием ответов испытуемого и реальными фактами его жизни, его личностными чертами. Указанное множество выборов позволяет судить о личности испытуемого только в силу объективно установленной связи между склонностью субъекта к определенным утверждениям и теми или иными особенностями его личности, его психического состояния. Очевидно, что поскольку значимой является только корреляция между частотой тех или иных суждений и выраженностью какого-то качества, не выводимого из смыслового содержания вопроса или утверждения, субъективность этих суждений, наличие осознаваемых или неосознаваемых искажений не ставят под сомнение ценность теста, а напротив представляют для исследователя необходимый диагностический материал.

Таким образом, общим для всех перечисленных методов является получение информации о психической деятельности испытуемого благодаря проявлению его индивидуальных особенностей в структурировании более или менее неопределенных совокупностей образов и суждений, в результате чего субъективные особенности становятся доступными объективному изучению.

Аналогичная ситуация возникает и в том случае, если испытуемый конкретизирует недостаточно определенный образ, обозначенный исследователем в инструкции (например, «нарисуйте дерево» при применении Baum test) или вносит определенность, завершая незаконченный текст (например, при завершении незаконченных предложений).

Очевидно, что исследование неосознаваемых аспектов психической деятельности путем изучения осознаваемых психических проявлений не ограничивается областью применения психодиагностических тестов. По существу, с этим подходом связаны любые психологические или клинические методы исследования рассматриваемой проблемы. Не являются исключением и методические приемы, традиционные для психоаналитического направления. Так, анализ сновидений, который Фрейд считал «королевским путем в сферу бессознательного», базируется на предположении, что бессознательное находит свое выражение в образах сновидений, вполне осознанных, вербализованных и только благодаря этому доступных анализу. Внимание, уделенное психодиагностическим тестам, связано с такими существенными преимуществами этих методик, как наличие формализованной процедуры проведения исследования и последующего анализа результатов, возможность эмпирически устанавливать валидность и надежность методики, количественно выражать и статистически контролировать оценку, обеспечивая сопоставимость и воспроизводимость результатов.

Эти преимущества психодиагностических методик проявляются в тем большей мере, чем меньше включенность в процедуру обследования исследователя (при значительной степени такой включенности особенности личности исследователя будут существенно отражаться на результатах) и чем более формализована (т. е. чем меньше зависит от опыта исследователя) процедура обработки данных. Поэтому трудно согласиться с высказывавшимися на Тбилисском симпозиуме мнениями о том, что активная включенность исследователя в саму процедуру исследования является желательной (или даже необходимой) при изучении области бессознательного.

При проведении психодиагностических процедур с целью изучения неосознаваемых психических процессов необходимо иметь в виду, что хотя испытуемым не осознается связь между определенным типом реакции и теми или иными аспектами его психической деятельности, личности, состояния, сами эти аспекты могут быть и осознаваемыми, а исследуемые психодинамические характеристики, как уже отмечалось, формируются в результате постоянного взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых компонентов психики. Соответственно, рассмотренные и аналогичные методы не могут расцениваться как инструмент направленного изучения неосознаваемых психических процессов, а отражают особенности психической деятельности субъекта, в которые неосознаваемые процессы входят как одна из составляющих и оцениваются только в связи с типом осознаваемых реакций индивидуума.

Второе направление предполагает исследование физиологических характеристик как компонента единой психофизиологической реакции. Вне зависимости от выбора этих характеристик (спонтанные или вызванные биоэлектрические потенциалы мозга, те или иные показатели вегетативного регулирования и т. п.) их изучение может быть использовано для исследования психических процессов (в том числе и неосознаваемых) только при наличии воспроизводимых зависимостей между этими характеристиками и определенными психическими явлениями. Таким образом, перспективность рассматриваемого направления может быть связана с представлениями об относительной стабильности психофизиологических соотношений, отражающей закономерные зависимости между психической деятельностью, определяющей поведение человека, и физиологическими механизмами, которые это поведение обеспечивают. [2; 5]. Исходя из этих представлений, можно, в частности, полагать, что тому или иному типу психического состояния будет соответствовать определенный стереотип вегетативных, гуморальных и моторных характеристик. Поскольку формирование психофизиологических соотношений, физиологической основой которых является функционирование вертикально-организованного комплекса интегративных церебральных механизмов (в котором ведущую роль играют гипоталамические структуры), происходит вне зависимости от желаний и намерений индивидуума и от степени осознавания им особенностей своего психического состояния, изменения указанного стереотипа могут быть использованы и для суждения о неосознаваемых психических процессах.

С другой стороны, изменения психофизиологических соотношений и связанные с ними вегетативно-гуморальные и моторные сдвиги могут способствовать возникновению и поддержанию определенных психических состояний, в свою очередь имеющих осознаваемые и неосознаваемые аспекты, образуя в результате этого еще один канал взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого. В свете изложенного можно ожидать, что изменения психофизиологических соотношений, вызванные даже заведомо неосознаваемым (например, субсенсорным стимулом) будут сопровождаться осознаваемыми сдвигами, в существенной мере влияющими на последующие изменения состояния.

Таким образом, при различных условиях исследования, различных типах функциональных нагрузок значение неосознаваемых механизмов в изменении психофизиологических соотношений может быть выражено в большей или меньшей степени, но в любом случае характер и динамика этих соотношений будет отражать особенности интегрированной психической деятельности, протекающей в постоян-

ном взаимодействии осознаваемых и неосознаваемых психических процессов.

Выделение психофизиологических изменений, преимущественно отражающих неосознаваемые аспекты психической деятельности, облегчается в ситуации строго контролируемого эксперимента. Примером эффективного использования такого подхода могут служить на Тбилисском симпозиуме сообщения Э. А. Костандова и Shevrin [10; 23] о физиологических механизмах психологической защиты и безотчетных эмоций. Однако следует иметь в виду, что ценные данные, которые позволяют получить исследования такого рода, дают возможность оценить только непосредственную реакцию на неосознаваемый стимул, поскольку при дальнейшей его переработке неизбежно будут возникать осознаваемые феномены, которые, как уже указывалось выше, неизбежно будут оказывать влияние на развитие и трансформацию этой реакции, и в этой связи должны оцениваться и учитываться. Область экспериментального изучения может быть расширена за счет экспериментальной психосоматики [19, 598—610], позволяющей создать условия, в которых наблюдаемые сдвиги могут быть отнесены за счет неосознаваемых механизмов.

В то же время необходима разработка методов, позволяющих создать представление о роли неосознаваемых механизмов в условиях реальной, а не экспериментальной, ситуации, об участии этих механизмов в обеспечении эффективной психической адаптации или генезе ее нарушений, в формировании и динамике психофизиологических соотношений. Возможность такого исследования базируется на использовании обоих указанных направлений: применении психодиагностических методов и изучении физиологических коррелятов психических явлений. Комплексное построение таких исследований дает возможность учитывать взаимоотношение различных психодиагностических характеристик, выявлять их связи с теми или иными физиологическими параметрами, совокупность которых определяет психофизиологические соотношения. Этот подход в силу своей значимости и перспективности для оценки роли неосознаваемых психических процессов и закономерностей взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых аспектов психической деятельности в формировании целостной психической активности, а также психофизиологической интеграции целесообразно рассмотреть более подробно с привлечением материала конкретных исследований[1].

Исследования, базирующиеся на указанном подходе, позволяют более подробно проанализировать представляемые им возможности.

Во-первых, комплексные исследования дают возможность оценить раздельно влияние того или иного психодиагностического параметра, отражающего как осознаваемые, так и неосознаваемые психические процессы и его осознаваемую компоненту. Сопоставление полученных данных в этом случае дает основание и для суждения о роли компоненты неосознаваемой. Значимость полученных в этом случае результатов будет тем больше, чем более существенен избранный параметр для целостной психической деятельности, для организации поведения. В проведенных исследованиях в качестве существенной характеристики, в значительной мере определяющей поведенческую активность и требования к интегративным механизмам, так была рассмотрена напряженность неудовлетворенных потребностей.

[1] Приведенные результаты получены в исследованиях, которые были выполнены в отделе психофизиологии и психодиагностики (руководитель Ф. Б. Березин) ЦНИЛ I ММИ им. И. М. Сеченова, а в части, касающейся обмена катехоламинов и кортикостероидов, совместно с межклинической гормональной лабораторией (руководитель Т. Д. Большакова) того же института.

Во-вторых, такое исследование предусматривает изучение психических процессов, эффективность которых тесно связана с взаимодействием осознаваемых и неосознаваемых аспектов психической деятельности. В качестве характеристики, в наиболее общем виде отражающей указанное взаимодействие, может быть оценена интеграция поведения.

И наконец, в-третьих, проведенные исследования позволяли получить данные для суждения о роли механизмов, которые являются неосознаваемыми в силу своей природы. Это относится, в частности, к механизмам интрапсихической адаптации (психологическим защитам), само функционирование которых оказывается возможным, благодаря неосознаваемости их воздействия.

Значение изучения напряженности потребностей определяется тем обстоятельством, что мотивация, которая представляет собой выражение той или иной актуальной потребности, является необходимым условием поведенческой активности. Как отмечает П. В. Симонов [16], «признание потребностей в качестве определяющей причины человеческих поступков представляет величайшее завоевание марксистской философской мысли, послужившее началом подлинно научного объяснения целенаправленного поведения людей». Однако далеко не все аспекты мотивации, не все актуальные потребности, играющие столь важную роль в поведении, могут быть осознаны. В простейшем случае неосознавание потребности может быть обусловлено наличием неосознаваемой стадии ее становления (как это было показано, в частности, В. М. Ривиным и И. В. Ривиной при изучении эндокринного механизма мотивации [13]. Более сложным механизмом является предотвращение осознавания потребности в результате функционирования психологических защит.

Психодиагностическое изучение напряженности неудовлетворенных потребностей и степени осознанной неудовлетворенности позволяет оценить роль неосознаваемой компоненты неудовлетворенных потребностей, а одновременное определение физиологических коррелятов психической деятельности — особенности, которые вносит в психофизиологические соотношения осознаваемый и неосознаваемый компоненты потребностей.

Такое изучение позволяет исследовать воздействие общей напряженности потребностей и осознаваемой неудовлетворенности на характер психической интеграции, благодаря возможности проследить связи каждого из этих параметров с другими психодиагностическими характеристиками. При таком рассмотрении обнаруживается корреляция[2] напряженности обеих компонентов потребностей (осознаваемого и неосознаваемого) с вегетативными сдвигами и изменениями психического состояния, однако выраженность вегетативных сдвигов, носящих эрготропный характер (таких как укорочение минимального и среднего интервала R—R на ЭКГ, увеличение амплитуды спонтанных кожно-гальванических потенциалов и кожно-гальванической реакции на различные функциональные нагрузки), судя по полученным результатам, более тесно связана с неосознаваемой компонентой.

Осознаваемая неудовлетворенность в бо́льшей мере коррелирует с суммарной экскрецией веществ катехоламиновой природы, отражающей общую гуморальную активность симпатоадреналовой системы [6], тогда как напряженность неудовлетворенных потребностей, включающая и неосознаваемую компоненту, была более тесно связана с повышением кортикостероидной активности. С неосознаваемой ком-

[2] В приведенном материале учитываются только достоверные корреляции при коэффициенте корреляции 0,3 и более.

понентой в значительной степени связана зависимость между напряженностью потребностей и уровнем тревоги. С другой стороны, осознавание неудовлетворенности сочетается с расширением круга заинтересованных психологических характеристик, в частности, с длительной идеаторной переработкой фрустрирующей ситуации, уменьшением реалистичности ее оценки, с более низким уровнем энергетического потенциала, необходимого для достижения удовлетворения потребностей.

Наконец, следует отметить различия в степени связи сопоставляемых компонентов потребностей с право- и левополушарными механизмами переработки информации, о которой можно судить, в частности, по реакции на предъявление зрительного образа, т. е. функциональной нагрузки, адресованной правополушарным (пространственно-образным, а не вербально-логическим) механизмам переработки информации: кожно-гальваническая реакция при этой нагрузке и уровень церебральной активации обнаруживают сильные корреляции с суммарной напряженностью неудовлетворенных потребностей (включающей неосознаваемый компонент) и только слабые — с осознаваемой неудовлетворенностью.

Рассмотренные различия зависимостей, которые могут быть связаны с напряженностью неудовлетворенных потребностей, включающей неосознаваемый компонент, и с осознаваемой неудовлетворенностью в наибольшей мере проявляется в тех случаях, где фрустрация потребностей приводит к нарушению психической адаптации. Если психическая адаптация оказывается достаточно эффективной, эти различия выражены значительно слабее. В то же время, своеобразие неосознаваемой компоненты напряженности неудовлетворенных потребностей обнаруживается и в группе лиц с эффективной психической адаптацией при сопоставлении связи этой компоненты и уровня церебральной активации при предъявлении нагрузок, адресованных правому и левому полушариям. При таком сопоставлении обнаруживается корреляция осознаваемой неудовлетворенности с нарастанием активации при функциональных нагрузках, адресованных левому полушарию, тогда как включение неосознаваемой компоненты приводит к нарастанию церебральной активации при нагрузках, адресованных правому полушарию.

Мотивационный уровень может рассматриваться как первичный уровень организации целенаправленного поведения в связи с тем, что формирование мотивированного поведения предполагает выделение из многих потребностей наиболее значимых, распределение в соответствии с этим энергии между отдельными линиями поведения, сопоставление значимости потребностей и усилий, необходимых для достижения их удовлетворения. Поскольку сказанное касается всей сферы потребностей, вне зависимости от степени их осознавания, интеграция поведения уже на этом уровне предполагает взаимодействие механизмов осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности.

Такое взаимодействие реализуется и на других уровнях системы интеграции, к которым относят [18] установки, отношения и ролевые структуры.

Возможность существования установок, которые субъектом непосредственно не осознаются, была убедительно показана работами школы Узнадзе. Неосознаваемые установки, очевидно, влияют на последующие осознаваемые переживания, их характер и динамику и соответственно воздействуют на целостное поведение. Однако может быть рассмотрен и обратный процесс. Поскольку установки обусловливают в той или иной ситуации ожидание определенного типа пе-

реживаний и готовность к определенному типу поведенческого ответа, следует ожидать, что опыт предшествующих осознанных переживаний и поведенческих реакций будет использоваться при формировании установок, в том числе и неосознаваемых.

Примером такого взаимного влияния могут служить приведенные в уже цитированной работе Э. А. Костандова данные исследования психопатических личностей, находящихся в тяжелой жизненной ситуации, у которых отмечается увеличение времени опознания эмоционально значимых слов, выбор которых определялся их непосредственной связью с ситуацией. Увеличение времени опознания может рассматриваться, как результат влияния неосознаваемой установки, которая в свою очередь сформировалась под влиянием опыта предшествующих вполне осознаваемых переживаний и поведенческих реакций, а ценность представленных данных тем более велика, что автором детально проанализирован нейрофизиологический механизм, лежащий в основе описанного явления.

В значительной степени на основе установок формируются отношения, т. е. система предпочтений или аверсий, сгруппированных вокруг определенных представлений, субъектов или объектов. В психологии отношений, развитой В. Н. Мясищевым, личность рассматривается, исходя из ее отношений, поскольку она определяет стереотипы отношений к действительности и проявляет себя сложившимися системами отношений [9]. Однако, накопленный опыт изучения бессознательных психических процессов показывает, что характер предпочтений или аверсий, не говоря уже об их генезе, далеко не всегда осознается индивидуумом и построение поведения и на этом уровне интеграции реализуется в результате рассматриваемого взаимодействия.

Ролевые структуры, т. е. стереотипы поведения, связанные для индивидуума с той или иной конвенциональной или межличностной ролью, зависят от взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых аспектов психической деятельности уже в силу того, что они в значительной мере базируются на системе установок и отношений. Но, помимо этого, включение неосознаваемых компонентов в ролевые структуры может происходить при формировании образа той или иной роли. Осознаваемые аспекты этой роли, которые поддаются логическому анализу и вербализуются, не исчерпывают этого образа.

Приведенную схему интеграции поведения целесообразно дополнить двумя моментами. Зависимость между мотивациями, эмоциями и поведением, при реализации которой различные эмоции связываются с интенсивностью потребности и вероятностью ее удовлетворения [16] и в свою очередь влияют на поведение, позволяет рассматривать эмоции как привод от потребностей к соответствующей форме поведения. На этом уровне взаимодействие бессознательных и осознаваемых процессов проявляется в возникновении безотчетных эмоций, которые сами по себе осознаются, но связаны с неосознаваемыми потребностями, с неосознаваемыми аспектами ситуации. Это в наибольшей мере относится к тревоге, изучение которой сыграло значительную роль во всей истории исследования бессознательных психических процессов. Вместе с тем, вполне осознаваемые аспекты мотивации могут быть связаны с эмоциями, доступными объективному наблюдению, но неосознаваемыми субъектом в результате психологической защиты (отрицание на уровне перцепции внутреннего состояния).

Второй момент, которым может быть дополнена схема интеграции поведения, связан с тем, что индивидуум воспринимает себя не как совокупность различных ролевых структур, а как целостную личность, и имеет о своей личности определенное представление. Образ

собственной личности также формируется на основе взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых механизмов. В той мере, в какой этот образ осознается и вербализуется, он представляет собой концепцию своего «Я», но не может быть к ней сведен. На физиологическом уровне взаимодействие образа «Я» и «Я-концепции» отражает взаимодействие право- и левополушарных механизмов переработки информации. Сохранение образа «Я» и поддержание «Я-концепции» представляет собой одну из существенных потребностей индивидуума, благодаря чему, осуществляется обратная связь между наиболее высоким уровнем интеграции поведения и первичным, мотивационным уровнем. При этом поддержание «Я-концепции» реализуется как это рассматривает, в частности, М. Kofta [20, 402—413] в существенной мере благодаря функционированию неосознаваемых психологических защит.

То обстоятельство, что интеграция поведения осуществляется на всех уровнях в результате взаимодействия механизмов осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности, позволяет расценивать степень интеграции поведения как важный показатель эффективности этого взаимодействия. Понижение способности к интеграции поведения (и соответственно, уменьшение эффективности взаимодействия механизмов осознаваемого и неосознаваемого) сопровождается усилением осознанной неудовлетворенности, снижением порога фрустрации, усилением тревожности, снижением сознательного контроля, уменьшением способности к организации адекватного межличностного взаимодействия.

В психофизиологических соотношениях понижению уровня интеграции поведения соответствует усиление восходящей церебральной активации в покое и при всех формах функциональных нагрузок. В меньшей мере этот уровень сказывается на вегетативных и гуморальных характеристиках, хотя и обнаруживает значимые корреляции с частотой сердечных сокращений и длительностью кожно-гальванического ответа при ориентировочной реакции. Относительно слабое влияние рассматриваемого показателя на психовегетативные и психогуморальные соотношения может быть обусловлено тем обстоятельством, что на вегетативно-гуморальных характеристиках сказывается не столько способность к интеграции поведения сама по себе, сколько соответствие этой способности степени напряженности потребностей.

Поскольку целенаправленное поведение связано с реализацией актуальных потребностей, требования к интеграции поведения возрастают по мере роста напряженности потребностей. Все это обусловливает целесообразность исследования изменения психодиагностических характеристик и физиологических коррелятов психической деятельности при разном соотношении напряженности неудовлетворенных потребностей, в том числе и неосознаваемых, и эффективности интеграции поведения. Такое исследование тем более существенно, что интеграция поведения может облегчаться в случае синергичности осознаваемых и неосознаваемых мотиваций или затрудняться при наличии осознаваемых и неосознаваемых потребностей, сравнимых по силе, но различных по направлению (ситуация интрапсихического конфликта).

Увеличение отношения напряженности потребностей к уровню интеграции поведения (это отношение будет тем выше, чем выше напряженность потребностей и чем менее эффективна интеграция поведения) даже при достаточной эффективности психической адаптации достоверно коррелирует с повышением уровня церебральной активации (преимущественно в правой гемисфере и при нагрузках, адресо-

ванных правому полушарию, что, как уже отмечалось, может быть связано со своеобразием переработки неосознаваемых потребностей) и усилением эрготропных вегетативно-гуморальных реакций (увеличением частоты сердечных сокращений, снижением уровня кожного сопротивления, усилением кожно-гальванических потенциалов в покое и при функциональных нагрузках, повышением интенсивности синтеза катехоламинов, в особенности норадреналина, и повышением уровня экскреции свободного норадреналина и дофамина).

При эффективной психической адаптации не обнаружены значимые корреляции между увеличением отношения напряженности потребностей к интеграции поведения и уровнем осознанной неудовлетворенности, что может рассматриваться как подтверждение значения неосознаваемых механизмов в формировании обоих компонентов, определяющих это отношение. Связь указанного отношения с осознаваемой неудовлетворенностью возникает при нарушении психической адаптации и сопровождается увеличением интенсивности идеаторной переработки отрицательных аспектов ситуации, снижением способности к сознательному контролю, увеличением уровня реализации потенциальной неустойчивости к фрустрирующим воздействиям.

Для изучения связи механизмов осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности может быть существенно, что возникновение корреляций с осознаваемой неудовлетворенностью сопровождается также появлением значимых корреляций с левополушарной активацией и усилением церебральной активации при нагрузках, адресованных левому полушарию.

Значение изучения отношения напряженности потребностей к эффективности интеграции поведения, как одного из методических подходов к исследованию неосознаваемых аспектов психической деятельности, подтверждается тесной корреляцией между уровнем этого отношения и интенсивностью тревоги, которая представляет собой одно из центральных звеньев в механизмах неосознаваемой психической деятельности и во взаимодействии осознаваемых и неосознаваемых ее аспектов.

Это значение тревоги определяется следующими обстоятельствами. Тревога, как уже отмечалось выше, в значительной степени связана с неосознаваемыми потребностями и неосознаваемыми элементами ситуации. Она может рассматриваться как результат несоответствия сложившегося стереотипа поведения и изменившейся системы потребностей, в которой потребности неосознаваемые могут играть существенную роль и должны быть интегрированы с осознаваемыми. Механизмы неосознаваемой психической деятельности играют важную роль в генезе явлений тревожного ряда, в их феноменологии и динамике, как это было подробнее рассмотрено в ходе Тбилисского симпозиума [4].

При неосознавании причин тревоги сами явления тревожного ряда могут ясно осознаваться и подвергаться осознаваемой идеаторной переработке, участвуя таким образом во взаимодействии механизмов осознаваемого и неосознаваемого. И, наконец, с тревогой связано включение неосознаваемых механизмов интрапсихической адаптации, которые в свою очередь оказывают влияние на уровень и характер структурированности ситуации, на степень осознаваемости тех или иных ее элементов.

Именно при изучении тревоги наиболее широко использовалось исследование физиологических коррелятов. Тесная зависимость между аффектом тревоги, вегетативными, гуморальными и моторными сдвигами давало основание считать эти сдвиги компонентами самого синдрома тревоги. Однако, роль тревоги, значение неосознаваемости при-

чин, ее вызывающих, и психофизиологические соотношения могут существенно изменяться в зависимости от выраженности тревоги, характера и интенсивности явлений тревожного ряда, в которых она феноменологически проявляется, от степени стабильности и фиксированности тревоги.

Большинство исследователей, изучавших состояние тревоги, возникающее при фрустрирующем воздействии, реально существующем или ожидаемом, отмечали связь тревоги с эрготропным синдромом, с повышением активности симпатоадреналовой системы, проявляющейся увеличением секреции катехоламинов, усилением выделения их предшественников и метаболитов и соответствующими изменениями вегетативного регулирования (см. обзоры [11; 12]). В то же время острая и интенсивная тревога может сопровождаться выраженным вагоинсулярным сдвигом, а тревога при подостром стрессе — неустойчивым равновесием между симпатоадреналовой и вагоинсулярной активацией.

Для рассматриваемой проблемы существенно, в какой мере указанные изменения могут быть связаны с функционированием механизмов неосознаваемой психической деятельности, с тревогой как таковой или с теми или иными механизмами интрапсихической адаптации (психологическими защитами), неизбежно включающимся при нарастании интенсивности тревоги. В этой связи существенно, что характер психофизиологических соотношений, определяемых тревожными явлениями, в существенной мере зависит от интенсивности и стабильности тревоги и от ее влияния на эффективность психической адаптации.

При умеренной выраженности тревоги напряженность защитных механизмов относительно невысока и между активностью тех или иных механизмов интрапсихической адаптации и интенсивностью тревоги корреляции либо отсутствуют, либо отрицательны (исключение составляет механизм фиксации тревоги). В этом случае вегетативно-гуморальные соотношения определяются умеренно выраженными эрготропными сдвигами, связанными с интенсивностью тревоги.

При высокой интенсивности тревоги обнаруживаются выраженные положительные корреляции между интенсивностью тревоги и активностью защитных механизмов и, хотя возрастание ряда эрготропных вегетативно-гуморальных изменений, а также уровня церебральной активации по мере увеличения интенсивности тревоги сохраняется, психофизиологические соотношения во все большей степени определяются характером механизмов интрапсихической адаптации.

Влияние собственно тревожных явлений на психофизиологические соотношения в наиболее чистом виде может быть прослежено в том случае, если тревога развивается пароксизмально. При этом в течение короткого промежутка времени, не превышающего нескольких часов, могут наблюдаться все явления тревожного ряда любой интенсивности: от ощущения внутренней напряженности до чувства неотвратимости надвигающейся катастрофы. В то же время влияние психологических защит на психофизиологические соотношения будет оказываться в минимальной мере.

Такая пароксизмальная тревога, феноменологические проявления которой вполне осознаются и интенсивно переживаются, но воспринимаются как беспричинные, необъяснимые или болезненные, резко нарушает интеграцию поведения, нередко сопровождается чувством беспомощности и невозможности осуществления целенаправленной деятельности и, по-видимому, может рассматриваться как классическая модель нарушения адекватного взаимодействия механизмов осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности. Хотя пароксиз-

мальная тревога нередко протекает с эрготропным сдвигом вегетативно-гуморального регулирования, систематические исследования в период самих пароксизмов и в относительно спокойные промежутки, разделяющие эти пароксизмы, показывают, что идентичные по феноменологическим проявлениям пароксизмы тревоги могут сопровождаться прямо противоположными по характеру вегетативно-гуморального регулирования симпатоадреналовыми и вагоинсулярными кризами или сменой (нередко неоднократной) характера физиологических сдвигов в течение одного пароксизма. С другой стороны, однотипные вегетативно-гуморальные нарушения могут сочетаться с психическими проявлениями, различными по характеру и выраженности расстройств тревожного ряда и по структуре психопатологических явлений, сопровождающих эти расстройства. Наконец, в течение светлых промежутков, разделяющих пароксизмы, направленные исследования могут обнаруживать объективно регистрируемые изменения вегетативно-гуморального регулирования, не сопровождающиеся субъективными реакциями и закономерными изменениями психического состояния. Все эти факты указывают на нарушение стабильности психофизиологических соотношений.

Аналогичные нарушения выявляются также и при исследовании психомоторной интеграции. Моторные характеристики, отражающие ажитацию или скованность, уровень эмотивности, психомоторный тонус, выраженность и направленность агрессивных реакций, обнаруживают крайнюю неустойчивость, вариабельность в течение одного исследования, нарушение стабильности психомоторных корреляций.

Полученные данные дают основание считать, что нарушение адекватного взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого, характерное для пароксизмально возникающих тревожных расстройств, закономерно проявляется нарушением интрапсихической и психофизиологической интеграции.

Связь тревоги с изменением соотношения между системой потребностей (включая потребности неосознаваемые) и стереотипом поведения, направленного на удовлетворение этих потребностей, предполагает, что ее минимизация может быть обеспечена либо изменением ситуации, позволяющим удовлетворить ранее фрустрированные потребности, либо изменением системы потребностей при относительно неизмененной ситуации, что обеспечивает реориентацию субъекта по отношению к среде. Соответствие осознаваемого и неосознаваемого в первом случае восстанавливается в результате исчезновения неосознаваемого источника тревоги, во втором — в результате изменения осознаваемых аспектов психической деятельности в значительной степени, благодаря включению механизмов интрапсихической адаптации.

В той мере, в какой становление и динамика явлений тревожного ряда связаны с неосознаванием причин тревоги (что делает невозможной направленную деятельность с целью их ликвидации), восстановление нарушенной интеграции может быть обеспечено только благодаря бессознательным механизмам интрапсихической адаптации.

Психодиагностическое и психофизиологическое изучение механизмов интрапсихической адаптации и сопоставление полученных данных с существующими классификациями психологических защит позволяет придти к выводу, что воздействие механизмов интрапсихической адаптации может приводить либо к тому, что вызывающие тревогу факторы не воспринимаются или не осознаются, либо к тому, что тревога связывается с каким-то конкретным объектом, независимо от того, как он согласуется с реальными причинами тревоги, с по-

требностями, фрустрация которых привела к ее возникновению, либо, наконец, к идеаторной переработке тревоги, результатом которой становится формирование новых представлений, касающихся частных или более общих ситуаций и определяющих поведение индивидуума.

Психологические защиты, выделяемые в принятых классификациях [22], могут быть соотнесены с этим подходом. В случае психологических защит типа отрицания или вытеснения анкзиогенные факторы не воспринимаются и не осознаются; при перенесении и некоторых формах изоляции тревога связывается с иррелевантным стимулом; наконец, проекция, рационализация и некоторые другие формы защиты придают поведению вторичную ориентацию, благодаря формированию определенных концепций. Наряду с этим, возможна еще одна форма психологической защиты. Поскольку тревога возникает в связи с фрустрацией актуальной потребности, уменьшение ее интенсивности может быть достигнуто при уменьшении актуальности этой потребности, ее обесценивании, снижении общего уровня побуждений [3].

Такой подход позволяет рационально классифицировать механизмы интрапсихической адаптации, разделяя их на механизмы, препятствующие осознаванию факторов, вызывающих тревогу, или осознаванию самой тревоги (отрицание, вытеснение); устраняющие неопределенность за счет фиксации тревоги на определенных стимулах (фиксация тревоги); снижающие уровень побуждений (обесценивание исходной потребности); устраняющие тревогу за счет формирования устойчивых концепций (концептуализация).

Классифицированные таким образом механизмы интрапсихической адаптации образуют иерархию. В случае нарастания тревоги и недостаточной результативности менее эффективных защит они могут сменять друг друга в указанной последовательности.

В соответствии со сказанным наиболее мощный механизм интрапсихической адаптации представляет собой концептуализация, которую в зависимости от того, относится ли концепция к собственному организму или к окружению субъекта, правомерно разделять на соматизацию тревоги и вторичный контроль эмоций.

При соматизации тревоги в основе формирования концепции лежит перенесение угрозы из сферы межличностного взаимодействия в сферу процессов, происходящих в собственном организме, чему способствуют неприятные физические ощущения, возникающие на базе связанных с тревогой нарушений вегетативно-гуморального регулирования. При вторичном контроле эмоций тревога, эмоциональная напряженность, отрицательная эмоциональная окраска ситуации подвергаются интенсивной идеаторной переработке и находят удовлетворяющее субъекта объяснение в результате отбора информации, подтверждающей их адекватность. При этом противоречащая информация не учитывается в достаточной мере при построении концепции или полностью игнорируется, благодаря чему переживаемый аффект субъективно воспринимается как хорошо контролируемый и обоснованный объективными обстоятельствами.

Следует иметь в виду, что понятие «психологическая защита» отнюдь не означает, что выраженность действия соответствующих механизмов обязательно способствует эффективной психической адаптации. Реориентация индивидуума в относительно стабильной среде, которая достигается в результате включения механизмов интрапсихической адаптации, может быть целесообразной, и в этом случае психологические защиты действительно позволяют сохранить низкий уровень тревоги и улучшают качество психической адаптации. По-види-

мому, именно об этом свидетельствует отмеченная выше отрицательная корреляция между уровнем тревоги и активностью защитных механизмов в случае сохранения эффективной психической адаптации. В то же время, если реориентация оказывается неадекватной (что обычно имеет место при чрезмерной выраженности, ригидности или излишней стереотипности защитных механзимов), механизмы интрапсихической адаптации способствуют нарушениям психической адаптации, определяя при клинически выраженных нарушениях тип психопатологического синдрома. Положительные корреляции, возникающие при нарушении психической адаптации между интенсивностью тревоги и активностью психологических защит, по-видимому, отражают указанную неадекватность, свидетельствуя не только о напряженности защитных механизмов, но и о недифференцированности их. Как было показано ранее [1; 2], при определенной форме патологии характер психофизиологических соотношений может определяться именно типом психопатологического синдрома.

Результаты исследования особенностей психофизиологических соотношений при преобладании различных типов механизмов интрапсихической адаптации и при различной эффективности адаптационного процесса показывают, что и в этом случае имеет место относительная стабильность психофизиологических соотношений, постоянная связь между типом защитных механизмов и характером физиологических сдвигов. В частности, механизму фиксации тревоги соответствуют стабильные эрготропные сдвиги, которые в гуморальном регулировании проявляются усилением активности синтеза и замедлением метаболизма катехоламинов и повышением в результате уровня их содержания в крови и экскреции (это в наибольшей степени относится к норадреналину), усилением активности системы гипофиз — кора надпочечников (увеличение интенсивности кортикотропной и адренокортикальной реакции). Этому соответствуют и изменения вегетативного регулирования, которые выражаются в учащении сердечных сокращений, уменьшении минимального интервала между двумя сердечными сокращениями, повышении уровня тонического напряжения артерий, снижении электрического сопротивления кожи, увеличении амплитуды спонтанных кожно-гальванических потенциалов, а также в увеличении изменения перечисленных параметров под влиянием функциональных нагрузок. Наконец, в моторном регулировании фиксации тревоги соответствует увеличение амплитуды движений, первичных отклонений при совершении движений в сагитальной плоскости и вторичных отклонений (т. е. отклонений в плоскости, перпендикулярной плоскости движений). Эти отклонения, отражающие соотношения двигательных и тормозящих импульсов, а также характер структурированного моторного тонуса могут рассматриваться как моторные корреляты тревоги, эмотивности и степени направлённости индивидуума на внешний объект [21].

При устранении тревоги за счет обесценивания исходной потребности характер изменений вегетативно-гуморального и моторного регулирования по большинству показателей имеет противоположную направленность. Это, в частности, в гуморальном регулировании относится к изменениям в обмене катехоламинов (снижение интенсивности синтеза и ускорение метаболизма, уменьшение уровня содержания в крови и экскреции), активности системы гипофиз — кора надпочечников (снижение фонового уровня АКТГ и глюкокортикоидов, уменьшение интенсивности адренокортикотропной и адренокортикальной реакций). В вегетативном регулировании отмечается увеличение минимального интервала между двумя сердечными сокраще-

ниями, низкая амплитуда спонтанных КГР и уменьшение вегетативных реакций на функциональные нагрузки. Наконец, в моторном регулировании отмечается уменьшение амплитуды движений и рассмотренных выше моторных девиаций.

Аналогичным образом преимущественной выраженности каждого из указанных механизмов интрапсихической адаптации закономерно соответствует определенный характер вегетативно-гуморального и моторного регулирования. При этом, хотя характер изменения отдельных показателей при преобладании различных механизмов интрапсихической адаптации может совпадать, комплексы этих показателей сохраняют свойственное каждому механизму своеобразие. Так, при соматизации тревоги характер обмена катехоламинов в значительной степени приближается к типу, наблюдаемому при устранении тревоги за счет обесценивания исходной потребности, однако фоновая активность системы гипофиз — кора надпочечников изменяется при этом в противоположном направлении.

Наличие определенного стереотипа вегетативно-гуморального и моторного регулирования, соответствующего каждому из механизмов интрапсихической адаптации, подтверждает правомерность выделения рассмотренных типов этих механизмов и в то же время показывает, что включение механизмов интрапсихической адаптации, эффект которых по самой своей природе зависит от неосознаваемости их воздействия, восстанавливает не только интрапсихическую интеграцию (и соответственно закономерное взаимодействие между механизмами осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности), но и нарушающуюся за счет тревоги психофизиологическую интеграцию. Поскольку характер этой интеграции в существенной мере определяется типом указанных механизмов, исследование психофизиологических соотношений может рассматриваться как один из путей изучения этих механизмов. При этом существенное значение приобретают данные, указывающие на то, что вероятность включения при эмоциональном стрессе тех или иных механизмов интрапсихической адаптации и формирование определенного типа психофизиологических соотношений могут быть связаны с исходными психофизиологическими особенностями субъекта.

Все изложенное позволяет считать, что возможность изучения бессознательного базируется на двух фундаментальных посылках: на постулировании постоянного взаимодействия механизмов осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности на всех уровнях психической интеграции и на представлениях об относительной стабильности психофизиологических соотношений. Использование комплекса психодиагностических методик, допускающих количественную оценку и статистическую обработку данных, параллельное исследование психодиагностических характеристик и широкого круга физиологических параметров обеспечивает при этом возможность научного анализа, объективность и воспроизводимость результатов.

Приведенные данные подтверждают продуктивность указанного подхода при изучении психологического и психофизиологического значения таких существенных характеристик, как осознаваемые и неосознаваемые компоненты мотивации, эффективность взаимодействия механизмов осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности, тревога и механизмы интрапсихической адаптации.

PSYCHIC AND PSYCHOPHYSIOLOGICAL INTEGRATION

F. B. BEREZIN

Ist Moscow Medical Institute, Moscow

SUMMARY

The possibility of studying the unconscious as a combination of processes of unconscious psychic activity is based on the following two fundamentals: (a) postulation of a constant interaction of the conscious and the unconscious at all levels of psychic integration, and (b) notions of the relative stability of psychophysiological correlations, determining the two possible directions of research. The effectiveness of a combined use of these two directions simultaneously in the author's work is illustrated by a study of the essential psychodiagnostic characteristics, including: (a) the conscious and unconscious components (tension of unsatisfied needs), those connected by the interaction of the conscious and the unconscious (integration of behaviour; (c) those which are unconscious by virtue of their nature (psychological defences). Note may be made of (a) the difference of psychophysiological correlations of the conscious and unconscious components of frustration tension and (b) a closer connection — at disturbed mental adjustment—of the unconscious component with activational and vegetative changes and loads addressed to the right cerebral hemisphere becoming unconscious with the expansion of the scope of the psychodiagnostic characteristics involved.

The role of an effective behavioural integration grows with an increase of frustration tension: the ratio of frustration is behaviour integration correlates with the level of anxiety and change of a number of physiological parameters. Anxiety paroxisms are characterized by a disturbance of intrapsychic and psychophysiological integration. Activation of psychological defences restores integration, with the type of psychophysiological correlations depending on the defence mechanism type. Parallel research of a wide range of psychodiagnostic characteristics and physiological parameters ensures objectivity and replicable results, indispensable for scientific analysis.

ЛИТЕРАТУРА

1. БЕРЕЗИН Ф. Б., Роль гипоталамуса в механизме действия психотропных средств в системе изучения психопатологии гипоталамического синдрома. В кн.: Современные психотропные средства, М., 1967, вып. 2, 61—70.
2. БЕРЕЗИН Ф. Б., Психопатология гипоталамических поражений. Клиника, нейрогуморальное регулирование, закономерности действия психотропных средств. Автореферат докт. дис., Москва, Минздрав ССР, I ММИ им. И. М. Сеченова, 1971.
3. БЕРЕЗИН Ф. Б., МИРОШНИКОВ М. П., РОЖАНЕЦ Р. В., Методика многостороннего исследования личности, М., Медицина, 1976.
4. БЕРЕЗИН Ф. Б., Некоторые механизмы интерпсихической адаптации и психосоматические соотношения. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. II, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 281—291.
5. БЕРЕЗИН Ф. Б., Некоторые аспекты психической и психофизиологической адапта-

ции человека. В кн.: Психическая адаптация человека в условиях Севера, Владивосток, 1980, 4—43.

6. БОЛЬШАКОВА Т. Д., Некоторые показатели обмена катехоламинов при физиологических и патологических состояниях у людей. Автореф. докт. дис., М., Минздрав СССР, I ММИ им. И. М. Сеченова, 1973.

7. БУРЛАЧУК Л. Ф., Проблема исследования бессознательного психического проективными методами. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 638—643.

8. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Психология искусства, М., 1965.

9. ГУБАЧЕВ Ю. М., СТАБРОВСКИЙ Е. М., Клинико-физиологические основы психосоматических соотношений, Л., Медицина, 1981, 216.

10. КОСТАНДОВ Э. А., О физиологических маханизмах «психологической защиты» и безотчетных эмоций. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 633—651.

11. МАТЛИНА Э. Ш., БАРУ А. М., ВАСИЛЬЕВ В. Н., Эмоции: значение некоторых медиаторов и гормонов в механизмах включения и поддержания эмоциональных состояний. В кн.: Физиология человека и животных, т. 15, М., 1975, 30—93.

12. МИРОШНИКОВ М. П., Одна из концепций психического стресса по данным зарубежных исследований. В кн.: Проблемы психологии спорта, М., 1971, вып. I, 137—165.

13. РИВИН В. М., РИВИНА И. В., Об эндокринном механизме осознаваемых и неосознаваемых стадий развития мотивации. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 751—759.

14. САВЕНКО Ю. С., Проективные методы в исследовании бессознательного. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 632—637.

15. СОКОЛОВА Е. Т., К теоретическому обоснованию проективного метода исследования личности. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования т. III, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 622—631.

16. СИМОНОВ П. В., Эмоциональный мозг. Физиология, нейроанатомия, психология эмоций, М., Наука, 1981.

17. ШЕРОЗИЯ А. Е., Психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки: итоги и перспективы. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 37—66.

18. CATTELL R. B., The Scientific Analysis of Personality, 1967 (Penguin Books).

19. CHERTOK L., Psychosomatique experimentale. La vésication. В кн.: Бессознательное природа, функции, методы исследования, т. III, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 598—610.

20. KOFTA M., Some Interrelations Between Consciousness, Behavior Integration and Defense Mechanisms. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. III, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 402—413.

21. MIRA y LOPEZ E., Miokinetic Psychodiagnosis, New York, Logos Press, 1967.

22. Personality. Dynamics, development and assessment. Harcourt, Brace, World, Inc., 1969.

23. SHEVRIN H., Neurophysiological Correlates of Psychodynamic Unconscious Proceses. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. I, Тбилиси, Мецниереба, 1978, 676—691.

ПРОБЛЕМА НАУЧНОГО СТАТУСА ПСИХОАНАЛИЗА

Г. Л. ИЛЬИН

Институт истории естествознания и техники АН СССР, Москва

Основным принципом научного исследования является утверждение детерминированности изучаемых явлений, их закономерной причинной обусловленности. Этот принцип характерен, прежде всего, для естественно-научных исследований. Этот же принцип сохраняет свое значение и для гуманитарных исследований, если они стремятся быть научными.

Утверждение о строгой детерминированности психических процессов следует признать одним из основных постулатов системы взглядов, развитых Фрейдом. Это утверждение нигде не доказывается, и вместе с тем оно лежит в основе всей его теории: «Аналитик отличается особо строгой уверенностью в детерминации душевной жизни. Для него в психической жизни нет ничего мелкого, произвольного и случайного, он ожидает повсюду встретить достаточную мотивировку, где обыкновенно таких требований не предъявляется» [I, 171].

Казалось бы, основное требование научности соблюдено, налицо, по меньшей мере, стремление сохранить научный подход. Однако, как хорошо известно, именно научность теории Фрейда чаще всего ставилась под сомнение его критиками. И это сомнение имеет немало оснований. До сих пор не утихают споры о том, является ли психоанализ наукой.

На симпозиуме по проблеме бессознательного проблема соотношения психоанализа с академической психологией и научными методами исследования не раз поднималась в выступлениях участников — И. Бреса, Ж. Нассифа, Г. Поллока, К.-Б. Клеман, Е. Рудинеско. Особенно остро ее обсуждение проходило за «круглым столом» в выступлениях М. Мамардашвили, Т. Мейна, С. Леклера, А. Шерозия, Е. Шороховой.

Итак, с одной стороны, утверждение в соответствии с принципом научного исследования строгой детерминированности психических процессов, а с другой стороны — постоянные сомнения в научном статусе психоанализа, — вот проблема, которую мы попытаемся исследовать.

Исследование проблемы будет состоять из двух частей. В первой части мы обратимся к вопросу происхождения идей Фрейда о детерминации психических явлений. Во второй части попытаемся установить реальность существования предмета психоанализа и научность его метода.

Можно предположить, что постулат о детерминированности психических процессов является убеждением Фрейда, вытекающим из предшествующей физиологической, т. е. тем самым естественно-научной ориентации Фрейда. Однако известно, что эта ориентация была

оставлена Фрейдом, и в дальнейшем он отказался от своих планов анатомо-физиологического объяснения психических явлений, изложенных в «Проекте», относящемуся к 1895 году. По этому предположению убеждение Фрейда носит реликтовый характер.

Можно также считать постулат Фрейда простой декларацией, служащей прикрытием от нападок и создающей видимость научного исследования.

Можно, наконец, считать, что детерминизм действительно присутствует в объяснениях Фрейда, но это детерминизм особый, неизвестный науке или неприемлемый ею. Следовательно, если Фрейд и сохранил веру в детерминизм, то нашел его совершенно иную форму.

Как бы там ни было, начиная с 1900 года — года выхода в свет книги «Толкование сновидений» (во французском переводе более четко — «Наука снов»), наблюдается резкое изменение взглядов Фрейда на проблему детерминации человеческого сознания и мышления.

Несомненно, что, подобно бихевиористам и гештальтистам, Фрейд поднял «бунт» против традиционной психологии с ее интроспективным анализом сознания. Но почему Фрейд выбрал именно этот путь решения, почему он решал общие проблемы психологии именно таким образом?

Обращение к логике развития психологии и социально-психологическим факторам оказывается недостаточным, ведь и бихевиористы, и гештальтисты, и генетические психологи — современники Фрейда, и создатели психологических теорий находились в тех же условиях и занимались той же наукой, а между тем они предложили иные решения.

Выводить же решение Фрейдом проблем психологии из своеобразия его личности, скажем, из его собственных невротических наклонностей можно и интересно, но тоже явно недостаточно — все это условия формирования и развития взглядов, а не объяснение появления самих взглядов.

Иначе говоря, мы утверждаем, что идеи Фрейда, его представления о детерминации психических процессов не были рождены в его голове, но были заимствованы извне и трансформированы в соответствии с условиями и задачами исследования.

Подтверждением нашего утверждения и тем самым объяснением появления фрейдовских идей, в частности, его понимания детерминизма,могло бы стать нахождение сходных идей в других теориях и науках. В этом случае стало бы ясно, что Фрейд не изобрел свои идеи сам, а реализовал и развил в сфере психологии идеи и представления, сформированные в другой области знания. Именно такие сходные представления мы обнаруживаем в работе Д. Фрейзера «Золотая ветвь».

Сразу же заметим, что речь пойдет не о заимствовании этнографического материала, а о сходстве идей в понимании Фрейзером первобытного мышления и понимании Фрейдом бессознательного мышления. Для нас неважно, было ли это заимствование сознательным или неосознанным. Кроме того, мы не настаиваем на факте прямого заимствования, которое устанавливается нахождением цитаты или упоминанием о предшественнике. В случае с Фрейдом это сделать особенно трудно и вот почему.

Фрейд, по-видимому, был не лишен честолюбия и стремился утвердить свой приоритет в решении научных вопросов всюду, где это было возможно. Об этом свидетельствует история с открытием анестезирующих свойств кокаина в начале научной карьеры Фрейда в середине 80-х годов. По словам Фрейда, К. Келлер украл у него пра-

во открытия и лишь потому он «не стал знаменит уже в эти юные годы» [2, 38].

Эта «психическая травма» в дальнейшем сделала Фрейда более осторожным. Так, в ответ на замечания о сходстве учения о бессознательном с идеями философов Фрейд писал в своей научной автобиографии: «Я читал Шопенгауэра очень поздно. Ницше — другой философ, чья интуиция и взгляды согласуются часто удивительным образом с результатами, с трудом добытыми психоанализом» [2, 74]. Таким образом, соглашаясь с замечаниями о сходстве, Фрейд дает понять, что свои идеи он развивал совершенно самостоятельно.

Здесь стремление к независимости наводит на мысль о невежестве, в которое трудно поверить. И если даже в отношении столь популярной в то время идеи бессознательного Фрейд стремился отстоять свою независимость, то в отношении других его идей можно предполагать то же самое. Вот почему мы не беремся доказать факт прямого заимствования и попытаемся установить лишь аналогию идей в этнографии и психоанализе.

Вместе с тем, речь пойдет не просто об аналогии, а об известного рода зависимости, т. е. прямое заимствование не исключает непрямое заимствование, более того, мы его предполагаем. В пользу непрямого заимствования свидетельствует тот факт, что книга Фрейзера впервые вышла в 1890 году, быстро приобрела широкую популярность, выдержала подряд несколько изданий и вряд ли могла пройти мимо внимания Фрейда, находившегося именно в то время в состоянии мучительного научного поиска.

Итак, мы полагаем, что непрямое заимствование было определено идейной атмосферой того времени, ярким выражением которой явилась книга Фрейзера. Усвоение этих идей и представлений вызвало перелом в научной судьбе Фрейда, который был отмечен выходом в свет книги «Толкование сновидений», положившей начало развитию психоанализа.

Если попытаться обобщить основные положения работы Фрейзера в интересующем нас аспекте, то они могут быть сформулированы следующим образом.

1. Утверждение наличия неизменного пласта в мышлении и поведении людей всех времен и народов, основанного на вере в возможность магического воздействия на мир: «В то время как религиозные системы различны не только в разных странах, но и в одной стране в разные эпохи, симпатическая магия всегда и везде в своей теории и практике остается по существу одинаковой. У невежественных и суеверных прослоек современной Европы система магии во многом та же, что существовала тысячелетия назад в Индии и Египте и продолжает существовать у самых диких племен, сохранившихся до настоящего времени в отдаленных уголках мира» [3, 69].

2. Этот пласт не остается пассивным, отжившим придатком современной жизни, его существование является постоянной угрозой для цивилизованных форм поведения: «Проникнув в глубины магии, беспристрастный наблюдатель увидел бы в ней не что иное, как постоянную угрозу цивилизации. Мы, как видно, движемся по тонкой корке, которая может в любой момент треснуть под воздействием дремлющих подземных сил» (там же).

3. Магическое и научное мышление имеют общий принцип — принцип детерминированности исследуемых явлений: «Фундаментальное допущение магии тождественно... воззрению современной науки: в основе как магии, так и науки лежит твердая вера в порядок и единообразие природных явлений. У мага нет сомнения в том, что одни и те же причины всегда будут порождать одни и те же следствия...

В обоих случаях допускается, что последовательность событий совершенно определенная, повторяемая и подчиняется действию неизменных законов, проявление которых можно точно вычислить и предвидеть. Из хода природных процессов изгоняются изменчивость, непостоянство и случайность. Как магия, так и наука открывают перед тем, кто знает причины вещей и может прикоснуться к тайным пружинам, приводящим в движение огромный и сложный механизм природы, перспективы, кажущиеся безграничными» [3, 61].

4. В основе магического мышления лежат два фундаментальных принципа: ассоциация идей по сходству и ассоциация идей по смежности. «Сами по себе эти принципы ассоциации безупречны и абсолютно необходимы для функционирования человеческого интеллекта. Их правильное применение дает науку; их неправильное применение дает незаконнорожденную сестру науки — магию» [3, 62]. «Первый из них гласит: подобное производится подобным, или следствие похоже на свою причину. Согласно второму принципу, вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта» [3, 20]. «Ошибка гомеопатической магии заключается в том, что подобие вещей воспринимается как их идентичность. Контагиозная магия совершает другую ошибку: она исходит из того, что вещи, которые однажды находились в соприкосновении, пребывают в контакте постоянно» [3, 21].

Если теперь обратиться к Фрейду, то можно утверждать следующее.

1. Фрейд, так же как и Фрейзер, установил наличие двух пластов мышления — сознательного (рационального, зрелого) и бессознательного (иррационального, инфантильного). Бессознательное мышление сохраняется неизмененным на протяжение тысячелетий.

2. Оба пласта находятся в состоянии конфликта, поскольку существование инфантильного мышления представляет угрозу для рационального мышления, ввиду чего сознание вынуждено принимать репрессивные меры, осуществляя вытеснение неприемлемых образов и представлений.

3. Фрейд, как и Фрейзер, убежден, что бессознательное мышление, как и магическое мышление, обладает внутренними закономерностями. Он убежден, что по видимости хаотичные, бессмысленные, нелепые образы сновидений по существу подчинены определенной логике, подобно тому, как нелепые на вид магические действия или ритуальные обряды, остатки которых, как показал Фрейзер, мы наблюдаем и по сей день в поведении современного человека, приобретают известный смысл, если мы становимся на точку зрения первобытного человека и используем его принципы понимания действительности, его принципы мышления.

4. Ассоциация идей в бессознательном мышлении осуществляется по принципам, сходным с принципами подобия и заражения. Фрейд назвал их сгущением и передвиганием. Правда, в книге «Остроумие и его отношение к бессознательному» он говорит еще об одном принципе — принципе непрямого изображения. Однако, современный последователь Фрейда Ж. Лакан вновь возвращается к двум основным принципам, которые он связывает с лингвистическими принципами трансформации значений — метафорой (связь значений по сходству) и метонимией (связь значений по смежности).

Итак, общие в той и другой концепции неизменность на протяжение веков, угроза сознательным и цивилизованным формам мышления, жесткий детерминизм и сходные принципы ассоциации идей — все это является достаточным основанием для утверждения аналогии

между магическим мышлением, описанным Фрейзером, и бессознательным мышлением, описанным Фрейдом.

Поскольку теперь установлена аналогия между магическим мышлением и мышлением, исследуемым и описываемым психоанализом, казалось бы, проблема научного статуса психоанализа в значительной степени сводится к проблеме отношения науки и магии. Однако, одно дело — сближать предметы исследования (магическое и инфантильное мышление) и другое — утверждать, что психоанализ — это современная разновидность магии.

Таким образом, мы считаем, что установление указанной аналогии недостаточно для решения проблемы научного статуса психоанализа. Для ее решения необходимы ответы минимум на два вопроса. Первый — существует ли предмет, который изучает психоанализ, ведь наука не может быть беспредметной, предмет этот должен существовать в реальной действительности, или, точнее, в действительной реальности. Второй — является ли научным метод изучения этого предмета, представленный психоанализом.

В дальнейшем изложении мы попытаемся показать, что предмет, о котором в своеобразной форме и на своем языке говорит психоанализ, существует в действительности. Под этим предметом мы будем понимать, прежде всего, особый способ мышления, который Фрейд называл инфантильным и сходство которого с магическим мышлением мы установили в предыдущем анализе.

Итак, если предыдущий анализ имел целью уяснение идей Фрейда, путем увязывания их с идеями Фрейзера, то последующий анализ имеет целью уяснение предмета и метода исследований Фрейда.

Современная советская психология проводит достаточно четкое различие между двумя отношениями человека к действительности и, соответственно, между двумя видами этой действительности — предметной и социальной, т. е. между отношениями человека к предметному миру и к другим людям. Оно зафиксировано в различии категорий предметной деятельности и деятельности общения. Это различие существует, очевидно, на всех этапах психического развития индивида, но точно так же на всех этапах развития общества.

Вот некоторые из проблем, возникающих при анализе этого различия: в чем специфика каждого из отношений? Какое из них является первичным? Каковы их взаимоотношения на разных этапах психического развития? Как показывают исследования Пиаже, способность различения социальных и физических запретов формируется у ребенка лишь к 4—5 годам, до того они не различаются. Какое же отношение доминирует в более раннем возрасте?

Мы принимаем точку зрения, согласно которой, на ранних этапах психического развития доминирующим является отношение ребенка к другому человеку. Мать — это первая реальность, с которой сталкивается индивид в своем развитии. Отношение к себе подобным является первичным отношением человека к миру в начале его как онто-, так и филогенетического развития. Основная особенность этого отношения — наличие понимания со стороны другого человека.

Если обратиться к отношению ребенка к матери, то можно увидеть, что без этого понимания развитие ребенка было бы невозможным, на этом понимании как на необходимом условии строится все поведение ребенка — это демонстрация желаний, требование желаемого, эгоистическое стремление выразить себя, сообщить о себе, добиться понимания, это призыв к любви, жалости, сочувствию, короче говоря, — пристрастному отношению. Одна из характерных форм такого поведения — «посмотри, как я страдаю, неужели ты меня не пожалеешь и не сделаешь того, что я хочу!?». В общем, это разверну-

тое свободное выражение и тем самым развитие субъективности в условиях заботы, любви и всепрощения.

Напротив, отношение к миру как к объекту исключает такое понимание. Объект бездушен, на него нельзя воздействовать ни слезами, ни угрозами. Он может быть опасным, но его можно и использовать в своих целях, если изучить его. Для этого вовсе не нужно сообщать ему свои намерения. Воздействия, которыми исследуется объект, имеют целью его изучение, т. е. выявление его природы, а не демонстрацию намерений, т. е. тем самым природы исследующего. Чем больше беспристрастности и меньше предвзятости, т. е. субъективности, будет при изучении объекта, тем полнее он проявит себя.

Заметим, что и в первом случае тоже налицо воздействие на другого субъекта, подчинение его своей цели, использование его, но это использование совершенно иного рода, оно предполагает понимание этой цели со стороны другого субъекта, иначе оно оказывается невозможным.

Следовательно, такого рода отношение к миру предполагает определенные условия — или может возникнуть в условиях, — когда другой субъект испытывает сильную привязанность или интерес и готов выслушивать и принимать всерьез все желания, выражаемые индивидом, и, более того — исполнять их.

Такого рода отношение полного доверия и полной откровенности существует не только между ребенком и матерью, оно возможно также между любящими друг друга взрослыми людьми и между верующим и его божеством.

Нечто подобное возникает в отношениях аналитика и пациента. Фрейд, пораженный сходством этого отношения, которое он назвал «трансфером», с сексуальным отношением, получил дополнительный аргумент в пользу своей теории детерминации человеческого поведения. А ведь будь он не столь атеистичен, он мог бы отвести психоаналитику роль посредника между верующим и богом: экстатическое состояние общения с богом также, как и сексуальное отношение, очень сходно с трансфером.

Актуализация описываемого отношения возможна также в условиях беспомощности, в условиях отсутствия реальных, объективных средств воздействия на окружающий мир или отсутствия способов адекватного реагирования. Такого рода актуализация характерна для истероидных личностей, и именно поэтому они стали первыми пациентами доктора Фрейда.

Заметим, что, хотя возникновение отношения предполагает наличие другого субъекта, само отношение реализуется лишь одним из членов пары — ребенком, влюбленным, верующим или пациентом. При этом второй член пары наделяется всеми необходимыми для реализации отношения качествами, хотя в действительности может ими не обладать. При этом чем сильнее стремление к реализации отношения, тем большим может быть разрыв между реальными и воображаемыми качествами. Возможны состояния, когда другой субъект является полностью продуктом воображения.

В соответствии с двумя описанными отношениями к миру — как к объекту и как к субъекту — возможны два мировосприятия, два способа связывания событий и явлений. Либо они рассматриваются как результат деятельности другого существа, действующего с определенной целью и намерением, расположение или внимание которого можно получить, если действовать должным образом. Либо они рассматриваются как проявления объективного процесса без цели и намерения, совершающегося в соответствии с внутренними закономер-

ностями безотносительно к индивиду, его желаниям, радостям и горестям, самому его существованию.

Решение вопроса, как следует относиться к тем или иным событиям, происходящим с ним лично, является далеко не простым для каждого отдельного индивида. В особенности это касается решения таких мировоззренческих вопросов, как смысл жизни, судьба, воздаяние за страдания и т. п. Одни и те же события могут рассматриваться по-разному в зависимости от психического состояния индивида и на разных этапах его жизни.

Для нашего анализа важно отметить, что оба способа мировосприятия свойственны одному и тому же индивиду, они сосуществуют в нем, причем, на разных этапах жизненного пути, при решении определенных вопросов может преобладать тот или другой способ.

Эти способы сосуществуют не только в онтогенезе, но и в филогенезе человеческого мышления. Первый способ обнаруживается на всем протяжении человеческой истории, начиная с древнейших анимистических верований и до современных рафинированных форм религии. Второй способ характерен для научного мировоззрения, которое, исторически появившись сравнительно недавно, в современном мире стало господствующим.

Подведем итоги.

1. Мы приходим к выводу, что реальность, о которой идет речь в психоанализе, действительно существует. Это — способ мировосприятия, возникающий в специфических условиях общения. Как можно видеть, устанавливая существование предмета психоанализа, мы обошли проблему сознание—бессознательное, а также проблему вытеснения. Признавая их значение для понимания природы психического, мы считаем, что их решение должно вестись в ином концептуальном контексте.

2. Отношение между психоанализом и наукой не сводится к отношению между магией и наукой, а определяется их отнесенностью к двум различным способам мировосприятия, двум фундаментальным отношениям к реальности, поскольку трансфер — основное условие успешного психоанализа представляет собой особое отношение между аналитиком и пациентом, родственное отношению к миру как к субъекту, которое в корне отличается от научного отношения.

3. Психоанализ не является научным методом исследования, поскольку ни одна из существующих наук не предполагает в объекте исследования отношения полного доверия и самозабвенной откровенности, как условия его изучения.

4. Если верны результаты нашего исследования, психоанализ является, прежде всего, средством особого рода реализации субъективности, средством актуализации особого рода отношения к миру. В детском возрасте эта реализация является необходимым условием развития ребенка. Вполне возможно, что реализация такого рода у взрослого индивида может способствовать развитию его личности (сходная идея была высказана на симпозиуме К.-Б. Клеман). Но ориентация психоанализа на задачу развития взрослой личности, задачу, чуждую его первоначальному назначению, потребует коренного переосмысления его теоретических основ.

Несколько слов в заключение.

Спор о научном статусе психоанализа затрагивает более важную проблему взаимоотношения научного мышления с мышлением до- и ненаучным. К этому мышлению относится не только детское, первобытное, религиозное, но и мышление художественное. Все эти виды мышления объединяет отношение к объекту мышления как к одушевленному предмету, как к другому субъекту.

Развитие науки, научного мышления, как и развитие отдельной личности, предполагает выход за существующие границы, существующие определения, следовательно, выход в область до-науки, не-науки, в область иного отношения к объекту мышления. В диалектическом познании противоположности не только сходятся, но и превращаются друг в друга, т. е. объект становится субъектом, а субъект — объектом. А это означает, что познание возможно не только в беспристрастном объективном исследовании, но и в заинтересованном общении с объектом мышления. Особенно это касается познания человека.

Нам представляется необходимым создание метода психологического анализа не только индивидуального, но и общественного сознания и мышления, в частности, таких его форм, как религия и искусство, выступающих в свете проведенного исследования, как характерные формы субъективного выражения особой, социальной реальности.

THE PROBLEM OF THE SCIENTIFIC STATUS OF PSYCHOANALYSIS

G. L. ILYN

Institute of the History of Natural Science and Engineering, USSR Academy of Sciences, Moscow

SUMMARY

Three questions are considered in the paper: (a) the genesis of Freud's ideas on the unconscious determination of the psychical; (b) the existence of infantile thinking as the subject of psychoanalysis; (c) the scientific character of the method of psychoanalysis. A similarity has been found between Freud's understanding of unconscious thinking and Frazer's concept of magic thinking. The existence of infantile thinking as a variety of a special attitude to the world, emerging under specific conditions of communication between human beings, is confirmed. The incongruity of the method of psychoanalysis with modern conceptions of scientific method is argued. The possibility of using psychoanalysis as a way of development of adult personality is assumed.

ЛИТЕРАТУРА

1. ФРЕЙД З., О психоанализе. Пять лекции. В кн.: Хрестоматия по истории психологии, М.. МГУ, 1980.
2. FREUD S. Ma vie et la psychanalyse. Paris, 1950.
3. ФРЕЙЗЕР Д., Золотая ветвь, М., МПЛ, 1980.

ПРИЧИНЫ НЕПРИНЯТИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Г. Л. ИЛЬИН

Институт истории естествознания и техники АН СССР, Москва

В истории психоанализа, как и в современном его состоянии, поражает не только разнообразие его оценок и толкований, но и неослабевающий интерес и столь же неослабевающая критика. Что же такое открыл Фрейд, что вызывает столь упорное сопротивление научной общественности, всегда выступавшей носительницей передовых взглядов?

Сам Фрейд определил как основные открытия психоанализа следующие положения своей теории: утверждение существования бессознательных психических процессов, отвергаемых сознанием, и утверждение важности событий детства, связанных с развитием сексуальности, для объяснения психологии взрослого человека. С этими открытиями он связывал основное сопротивление, встречаемое психоанализом: «Психоанализ вынудил принять всерьез концепцию бессознательного. Согласно этой концепции, вся психика была вначале бессознательной, качество сознания могло затем появиться или нет. Тем самым было вызвано сопротивление философов, для которых сознание и психика были идентичны и которые протестовали, не в силах представить себе такой абсурд, как «бессознательное психическое» [9, 40]; «Детская сексуальность — еще одно новшество, столкнувшееся с одним из наиболее сильных человеческих предрассудков. Немногие из констатаций психоанализа вызвали отвращение столь общее, такой взрыв негодования, как утверждение, что сексуальная функция начинается вместе с жизнью и проявляется с детства в характерных феноменах» [9, 42].

В психоанализе понятие сексуальности приобрело расширенное толкование. «Во-первых, сексуальность была отделена от своего слишком тесного отношения с генитальными органами и представлена как функция организма, пронизывающая всю жизнедеятельность и стремящаяся к удовольствию; функция, лишь во вторую очередь служащая воспроизводству»[9, 47]. Во-вторых, все сентиментальные и нежные чувства являются по своему происхождению стремлениями полностью сексуальными, ставшими затем «заторможенными» или «сублимированными» [9, 49].

Это положение психоанализа подрывало романтические представления о человеческих чувствах, свойственные западной культуре прошлого века. По шокирующему воздействию его можно сравнить с дарвиновским выводом о животном происхождении человека.

Наконец, еще одну причину сопротивления психоанализу Фрейд видел в наличии защитных механизмов у каждого из людей: «В деле признания психоанализа обстоятельства чрезвычайно неблагоприятны... всякий, судящий о психоанализе, — сам по себе человек, у ко-

торого также существуют вытеснения и который, может быть, с трудом достиг такого вытеснения. Следовательно, психоанализ должен вызывать у этих лиц то же самое сопротивление, которое возникает и у больного. Это сопротивление очень легко маскируется как отклонение разумом... Потому-то так трудно привести людей к убеждению в реальности бессознательного и научить их тому новому, что противоречит их сознательному знанию» [4, 171—172].

В этом последнем объяснении сопротивления психоанализу обращает на себя внимание аналогия, которая проводится между бессознательными психическими процессами и идеей бессознательного, между сознанием «обыденным» и сознанием научным. Нельзя не видеть слабости этой аналогии. По замечанию редакторов настоящей монографии, «основным фактором вытеснения является, как известно, определенная эмоциональная тональность бессознательного. Почему, однако, существование бессознательного, как элемента психики, должно обусловить наличие подобной тональности у идеи бессознательного, понять трудно [1, т. III, 220].

Вместе с тем именно последнее объяснение представляет наибольший интерес в плане понимания причин сопротивления психоанализу. Тогда как первые две причины следует отнести, прежде всего, к начальному этапу развития психоанализа, эта последняя не только предлагает объяснение продолжающегося сопротивления, но и предполагает его в дальнейшем. В соответствии с этим объяснением идея бессознательного обречена на вытеснение в силу самого своего характера, и, соответственно, психоанализ всегда будет встречать сопротивление.

Кроме того, в пользу приведенной аналогии говорит тот факт, что идея бессознательного, как и само бессознательное, по мере того как разгорались научные страсти, приобретала все более выраженную эмоциональную тональность, которая необходима для вытеснения. Разумеется, это тональность совершенно иного рода, но она существует.

Все эти соображения вынудили нас с большим вниманием отнестись к последнему объяснению и провести тщательный его анализ. Замысел работы состоит в том, чтобы, приняв вышеупомянутую аналогию всерьез, изучить отношение со стороны «научного сознания» к самой идее бессознательного и проверить утверждение, что это отношение порождается самим характером психоаналитической истины, в отношении которой Ж. Лакан заметил, что «к реальности привыкают, а истину стремятся вытеснить».

* * *

В известном смысле идея бессознательного действительно оказалась в том же положении по отношению к научному сознанию, как и бессознательные психические процессы по отношению к сознанию. Более того, можно продолжить эту аналогию, сказав, что, подобно бессознательному побуждению, идея бессознательного стала искать выход в научное сознание, модифицируясь и принимая более приемлемые формы.

Одной из первых таких модификаций была концепция Юнга. Как писал Фрейд, «Юнг пытался толковать психоаналитические факты абстрактно, не учитывая особенностей личности и истории индивида, посредством чего он надеялся избежать необходимости признания детской сексуальности и эдипова комплекса, так же как необходимости анализа детства» [9, 66].

Другой попыткой модифицировать идею бессознательного была концепция Адлера. «Адлер, — замечает Фрейд, — видимо, отошел

еще дальше от психоанализа, он отбросил полностью утверждение важности сексуальности, занявшись исключительно образованием характера на основе невроза воли к власти и потребности компенсировать конституциональную неполноценность» [9, 66].

Не менее кардинальные изменения в концепцию бессознательного вносили и другие последователи Фрейда. Может возникнуть вопрос: что же оставалось от психоанализа и можно ли называть последователями Фрейда людей, столь по-разному толковавших идею бессознательного? Характерно в связи с этим высказывание К. Хорни: «Ответ зависит от того, что принимать за главное в психоанализе. Если понимать под психоанализом все до одной теории, выдвинутые Фрейдом, тогда изложенная мною концепция не есть психоанализ (имеется в виду теория тревожности как основы невротического поведения — Г. И.). Если, однако, считать, что основные идеи психоанализа заключаются в определенной системе взглядов относительно роли бессознательных процессов и путей их выражения, а также в определенной форме терапии, с помощью которой эти процессы доводятся до сознания, то тогда моя система есть психоанализ» (цит. по [5, 245]).

Приведенные примеры модификации психоаналитических идей показывают, что даже у последователей Фрейда идея бессознательного в ее «классическом» виде вызывала сопротивление. По материалам Тбилисского симпозиума можно выделить три основные формы непринятия психоанализа.

Первая форма непринятия — полный отказ от идеи бессознательной психической активности, иначе говоря, сохранение той позиции, при которой сознание и психика являются идентичными понятиями, а бессознательная психика представляется абсурдом. Такова позиция А. Т. Бочоришвили, П. Я. Гальперина и В. Л. Какабадзе [1, т. I, 187—190, 191—200, 201—205].

Примером второй формы непринятия может служить коррекция идей Фрейда в вышеприведенных концепциях Юнга, Адлера и Хорни. Особенностью этой формы является отказ от отдельных положений или выводов теории Фрейда с сохранением в то же время либо его методологии, либо его фактологии, либо его основных понятий. К этой форме непринятия можно отнести большую часть статей в материалах симпозиума, авторы которых, в отличие от представителей первой формы, признают важность проблемы бессознательного, но предлагают свое позитивное решение, отвергая решение Фрейда.

Наконец, третью форму отношения к психоанализу представляют работы, в которых идея бессознательного получает совершенно новое толкование. Можно сказать, что идея бессознательного получает в них сублимированный вид. Это работы, в которых показано аналогичное преобразование идеи бессознательного, метафорическое ее истолкование. Таковы, прежде всего, работы направления, возглавляющегося Лаканом (статьи Леклера [1, т. III, 260—271], Клеман [1, т. I, 410—417]), в которых бессознательное понимается как язык и анализируется в лингвистических понятиях. Таково же направление работ Фуко, в котором конфликт сознания и бессознательного проецируется на историю культуры и становится конфликтом научного сознания и «непромысливаемой» практики (медицинской, судебной и т. п.) [1, т. I, 338—346].

Итак, действительно можно установить некоторое сходство в отношениях сознания к бессознательному и отношениях научного сознания к идее бессознательного, сходство, которое можно установить, несмотря на то, что идея бессознательного утверждается в научном сознании вполне осознанным образом с использованием всего доступного арсенала логической аргументации. Теперь можно перейти ко

второй части поставленной задачи — насколько сопротивление психоанализу порождается характером психоаналитической истины. Поскольку речь идет о научном сознании, необходимо проанализировать возражения, выдвигаемые против психоанализа, выделив те из них, которые связаны с самой этой истиной. Итак, необходимо найти возражения, которые не встречает никакое другое научное направление.

Как научное направление, психоанализ встречает возражения прежде всего методологические и идеологические. Начнем с последних.

Идеологические затруднения психоанализа вызываются в значительной мере социальным пессимизмом Фрейда, его неверием в управляемое общество, в возможность формирования поведения людей, перевоспитания человека в соответствующих социальных условиях. Эта позиция шла вразрез с потребностями современного мира, когда решение задачи управления обществом и людьми является не только желательным, но и жизненно необходимым. Неизменяемость бессознательных влечений на протяжение всей человеческой истории, их постоянное и непримиримое противодействие социальному давлению, — эти положения психоанализа значительно ограничивали его распространение как в США, где обещание Уотсона сформировать человека с западными свойствами обеспечило ему бурный и продолжительный успех, так и в СССР, где создание нового общества предполагало формирование нового человека, с новой психологией, лишенной пережитков прошлого.

Устанавливая общее в идеологических затруднениях, встреченных психоанализом, как в социалистических, так и в капиталистических странах, нельзя не отметить различий в отношении к психоанализу разных идеологий. Одно из таких различий, например, состоит в том, что социалистическая идеология разделяет пессимизм Фрейда в отношении буржуазного общества и отрицает его в отношении социалистического общества и человека этого общества.

Однако пессимизм Фрейда нельзя считать главной причиной сопротивления психоанализу. Этот пессимизм приобрел выраженную форму в конечной стадии развития психоанализа, тогда как сопротивление психоанализу оказывалось с момента его зарождения.

Методологические затруднения, встречаемые психоанализом, чрезвычайно разнообразны. Остановимся на них подробнее.

1. Наиболее часто объектом критики выступает характерный для психоанализа поиск причин актуального поведения не в актуальных событиях, а в событиях далекого прошлого, поиск начала, истока, корней, первопричин. Эта особенность психоанализа не случайна. Фрейдовская теория создавалась в период торжества эволюционных идей, в период создания целого ряда «генетических психологий» (Холла, Болдуина, Чемберлена и др.), ряд из которых сохранился и до наших дней (Пиаже). У Фрейда речь идет о генезисе мотиваций поведения.

С ростом популярности функциональных и структурных объяснений эта сторона фрейдовской теории, естественно, была подвергнута критике. Так, Оллпорт описал целый ряд феноменов, подтверждающих, в противовес фрейдовским объяснениям, функциональную автономию мотивов. И хотя концепция Оллпорта, в свою очередь, была подвергнута критике, стало ясно, что аргументирующие возможности фрейдовской концепции мотивации следует значительно ограничить.

Тем же генетическим образом мышления и увлечением эволюционной биологией следует объяснить биологизацию человеческого поведения и так называемый редукционизм фрейдовского учения. Утверждаемая в нем гибкость связи мотива поведения с внешним раздражителем (установленная и в исследованиях И. П. Павлова) по-

зволила Фрейду свести все многообразие детерминации человеческого поведения к одной единственной детерминанте. Заметим, что та же гибкость связи мотива с внешней причиной поведения позволила затем Адлеру установить совершенно иной источник детерминации, который казался не менее эффективным в объяснении поведения.

Таким образом, ни обращение к истокам, ни редукционизм, ни биологизация не были исключительной особенностью фрейдовской теории. Они были присущи многим научным направлениям того времени и отражают его идейную атмосферу. Следовательно, они не объясняют сопротивления, оказываемого психоанализу.

2. Другим распространенным возражением Фрейду был упрек в использовании клинических, психопатологических фактов для объяснения поведения здорового человека, а также в утверждении, что именно эти факты и должны составить основу новой психологии. Возражая против такого подхода, Маслоу отмечал, что теория мотивации должна опираться не только на исследования защитных механизмов у больных, но и на высшие способности здоровых людей.

Однако использование психопатологических фактов для построения психологической теории нормального индивида также не было исключительной особенностью фрейдизма. Проблема соотношения нормы и патологии была чрезвычайно популярна во второй половине прошлого — начале нынешнего века, когда она муссировалась и в психологии, и в судебной практике, и в литературе, и в философии. Этот всеобщий интерес дал основание М. Фуко уже в наше время провозгласить, что „homo psychologicus происходит от homo mente captus“ [8, 634].

Иначе говоря, традиция рассматривать больного, как модель здорового человека или устанавливать закономерности нормальной психики в сравнении с психикой больного, является достаточно давней, широко используется и в наше время и не может потому считаться причиной сопротивления психоанализу.

3. Следующим распространенным упреком психоанализу является положение о доминировании бессознательного. Это положение сформулировано Фрейдом в известном высказывании о сознании, которое «не хозяин в своем доме».

Потерю сознанием центрального положения и решающей роли в организации психической жизни нельзя рассматривать как особенность фрейдовской теории. Снижение роли сознания характерно и для ряда других психологических теорий, современных фрейдовской. Это и бихевиоризм, с его отказом от изучения сознания, и гештальтизм, с обращением к структурам, не зависящим от воли и мышления и определяющим мышление и сознание индивида. Напомним высказывание Уотсона: «Необходимо.... начать разрабатывать психологию, делающую поведение, а не сознание объективным предметом исследования» [3, 32]. Таким образом, и здесь мы не находим специфической причины сопротивления психоанализу.

4. Едва ли не главным объектом критики является используемая психоанализом аналогия истории индивида и истории общества. Острейшую критику этого положения психоанализа можно найти у Л. Сэва. Наиболее разработанной Фрейдом является идея сравнимости религии с детским неврозом, религиозных актов с невротическим поведением, идея воспроизведения в религиозном мышлении архаических форм и мышления, свойственных «детству человечества». Подтверждения этой аналогии Фрейд искал в антропологических теориях и этнографических исследованиях.

Напомним, что, согласно этой аналогии, «ребенок в ходе своего

психического развития повторяет в сокращенной форме эволюцию вида так же, как это давно установлено эмбриологией в отношении тела» [цит. по 3, 23]. Мы привели эту аналогию в формулировке Фрейда, чтобы сопоставить ее с другой формулировкой, данной Ж. Пиаже: «Эмбриология разума может играть по отношению к генетической эпистемологии ту же роль, какую играет эмбриология организма по отношению к сравнительной анатомии или теории эволюции» [10, 5]. Как и Фрейд, Пиаже строит свою генетическую эпистемологию на аналогии индивида и общества, только речь идет не о мотивации, а о мышлении и познании. Как и Фрейд, Пиаже считает возможным использовать психологию для объяснения истории культуры — «первая цель, которую преследует генетическая эпистемология, это, если можно так выразиться, принять психологию всерьез и использовать для получения доказательств во всех вопросах, которые поднимает... эпистемология» [10, 5]. Итак, можно считать, что использование аналогии истории индивида и истории общества нельзя считать исключительной особенностью психоанализа.

5. Можно также назвать в качестве причины сопротивления психоанализу понимание Фрейдом отношений сознания и бессознательного, общественных требований и индивидуальных влечений как исключительно конфликтных. Против такого понимания, как единственного, выступают, в частности, редакторы сборника, предлагающие рассматривать не только конфликтные, но и синергические отношения сознания и бессознательного. Ранее против описания отношений индивида с обществом, как исключительно конфликтных, выступала Рут Бенедикт.

Фрейд не изобрел, конечно, понятия конфликта в психологии, но он утвердил его в качестве центрального понятия и на этом понятии строил всю свою историю. Поэтому признание синергии требует пересмотра всей фрейдовской теории, что означает, по существу, построение новой теории бессознательного, которой, по мнению редакторов сборника и многих его авторов, должна стать теория установки Д. Н. Узнадзе.

Здесь мы подошли к таким положениям психоанализа, которые составляют его ядро, и, по-видимому, этим обусловлено сопротивление, встречаемое психоанализом, если верна принятая нами аналогия между «обыденным» и «научным» сознанием. Утверждение конфликтности как основной причины сопротивления психоанализу можно найти в статье Л. Альтюссера [1, т. I, 239—253]. Правда, его точка зрения оспаривается редакторами сборника, но их возражения касаются содержания конфликтности психоанализа как ее понимает Альтюссер, и здесь с ними можно только согласиться [1, т. I, 215]. Итак, продолжим рассмотрение психоанализа для уточнения содержания конфликтности психоанализа.

6. Обратимся к такой особенности психоанализа, как уход от метода эксперимента, метода, ставшего столь популярным в психологии конца прошлого — начала нынешнего века и оставшегося по сей день гарантом объективности и научности исследования. Конечно, характерное для психоанализа изучение казусов, отдельных случаев давно используется и в медицине и в юриспруденции. В самой приверженности Фрейда к клиническому методу нет ничего удивительного — ведь и он начинал с психопатологии.

Вопрос о правомерности использования анализа казусов и отказа от эксперимента возник лишь потому, что выводы, сделанные психоанализом, требовали проверки, а эта проверка оказалась затруднительной. В медицине проверкой теории служило выздоровление или ухудшение здоровья больного. А в психоанализе лечение не было

задачей исследования [7]. Более того, экспериментальным методом эти факты не ухватывались, как и никаким другим методом. Так возникла изоляция психоанализа.

7. Другой особенностью психоанализа, определившей его обособление от других областей знания и других методов исследования, был отказ от опоры на реальные события, определяющие психические развития. Этот отказ, составивший суть «революции 1897 года», произошел с переходом от «теории совращения» к «теории фантазмов», когда Фрейд установил, что в рассказах его пациентов речь идет не о реальных событиях, а о событиях воображаемых, связанных с их эдиповым комплексом. Объектом анализа стали воспоминания, которые отражали не реальные события, а некие переживания пациента.

Тем самым психоанализ потерял интерес к реальной истории пациента. Психоаналитическое пространство, заключавшее в себе психические фантазмы, формировалось независимо от реальности. Оно обладало свойствами, не встречающимися в действительности, — вневременностью, нечувствительностью к противоречиям, способностью к символическим превращениям. Все это привело многих критиков Фрейда к выводу, что его учение представляет собой научную мифологию, вернее, наукообразную мифологию.

Это суровый приговор, но он оставляет нерешенной проблему жизнеспособности психоанализа, проблему популярности его идей, его возрождения в наше время, после периода упадка 40—50 годов. Остается неясным, почему Фрейд придерживался своих взглядов на протяжение всей своей научной жизни, что питало его убеждения.

По-видимому, особенности фрейдовской теории определяются не только заблуждениями ее автора, но и сложностью самого объекта исследования — психической реальности. По-видимому, в исследованиях Фрейда были подняты такие проблемы, которые остаются актуальными и сейчас. Вероятно, многие положения Фрейда нельзя понимать буквально, его собственная речь, как и речь его пациентов, нуждается в особой интерпретации, и внешне бессмысленная форма может скрывать истинное содержание.

Итак, обратимся к проблемам психологии. Начнем с того, что парадоксальна сама ситуация научного, объективного исследования в психологии, где в качестве объекта исследования выступает субъект, т. е. такой же человек, как и исследователь. Это противоречие (подлинное contra dictio in adjecto) традиционно преодолевалось двумя путями. Первый путь состоял в сведении изучаемого субъекта к объекту, то есть понимании его по аналогии с физическим телом, механическим или каким-либо другим устройством. Другой путь состоял в изучении душевного мира субъекта по аналогии с собственным опытом субъекта-исследователя. Суть заключалась в том, что исследователь стремился вжиться в образ исследуемого, представить себя на его месте, пережить его чувства, его глазами увидеть мир.

Специфика объекта психологии определяла и проблему метода исследования в психологии — экспериментальные научные методы, заимствованные психологией из естественных наук, были неадекватны содержанию психических явлений, а «субъективные» методы исследования не отвечали критериям научности, объективности.

Эта двойственность психологии, как науки, отразилась у Фрейда в конфликтности психоанализа. Естественно-научная ориентация Фрейда проявилась и в его убежденности в строгой детерминирован-

ности психической жизни, и в его ориентации на идеи эволюционной биологии, в противовес психологии интроспективного сознания, и в самой идее бессознательного, как детерминанты, определяющей сознание индивида.

Однако, в отличие от естественных наук, принципом которых могут служить слова Эйнштейна: «природа хитроумна, но не злонамеренна», в психоанализе человеческая природа выступила именно как «злонамеренная». Вначале эта «злонамеренность» определялась просто несовместимостью с социальными запретами и нормами, а позднее, с введением понятия «влечения к агрессивности и саморазрушению», бессознательное приобрело откровенно злонамеренный характер.

Таким образом, Фрейд совершенно по-новому определил объект психологии. Эта новизна определялась тем, что та часть человеческой природы, которая до сих пор рассматривалась в качестве объекта, считалась неодушевленной и неосознаваемой и исследовалась объективными методами, была одушевлена, наделена волей, противостоящей воле субъекта сознания. В какой-то мере Фрейд произвел с этой частью объекта психологии то же, что делали первобытные люди с окружающим миром. Характерно в связи с этим его высказывание в отношении его антропологических изысканий: «Я открыл в первобытной концепции одушевленного мира принцип переоценки психической реальности, «всемогущества мысли», на котором основана также магия» [9, 83]. Но то же самое он мог бы сказать и в отношении концепции бессознательного в психике современного человека.

Однако, для нас важно, что Фрейд не только приписал современным людям «архаические» формы мышления, но и сам мыслил этими «архаическими» формами — отсюда обилие в его работах аналогий, метафор, художественных и мифологических образов. Заметим, что даже строгий детерминизм, утверждаемый Фрейдом в отношении психических явлений, не отделяет, а роднит его с магическим мышлением. По определению Д. Фрейзера, «фундаментальное допущение магии тождественно... допущению современной науки: в основе как магии, так и науки лежит твердая вера в порядок и единообразие природных явлений. У мага нет сомнения в том, что одни и те же причины будут порождать всегда одни и те же следствия... Из хода природных процессов изгоняются изменчивость, непостоянство и случайность» [5, 61]. А вот высказывание Фрейда: «Психоаналитик отличается особо строгой уверенностью в детерминации душевной жизни. Для него в психической жизни нет ничего мелкого, произвольного и случайного» [4, 171]. Можно констатировать почти дословное повторение одного текста в другом.

Далее Фрейзер проводит различие между наукой и магией: «Данное различие обусловлено различием методов, с помощью которых люди пришли к представлениям об упорядоченности мира. Упорядоченность, к которой стремится магия, является не более чем экстраполяцией посредством ложной аналогии представления о порядке, в котором зарождаются идеи в нашем уме, а упорядоченность в ее научном понимании является результатом кропотливого и точного наблюдения природных явлений» [5, 791]. В этом определении метод магии как нельзя более подходит к методу, используемому Фрейдом — вначале экстраполяция посредством аналогии собственных представлений о собственных переживаниях на других людей и построение теории невроза как нарушения в развитии сексуальной функции, затем экстраполяция представлений о развитии ребенка на развитие общества и построение теории невротического общества.

Следует отметить, что у Фрейда, как и в магии, используется не просто аналогия, предполагающая сравнение двух вещей, но аналогия, предполагающая проекцию собственных представлений на окружающий мир. Этот ход мышления обратен познанию. Если познание есть отражение вещей в уме познающего, их интроекция, то у Фрейда происходит проекция идей на вещи, навязывание идей вещам, систематизация и обобщение фактов в соответствии с логикой желания субъекта, т. е. самого Фрейда.

Итак, причину сопротивления психоанализу и лежащей в его основе идее бессознательного мы видим в совершенно особенном и никому, кроме Фрейда, не свойственном понимании объекта психологии и характерном методе его исследования. Ни то, ни другое несовместимо с существующими и господствующими представлениями о науке и научном объекте.

Остается еще один, самый сложный вопрос: является ли понимание Фрейдом предмета психологии истинным, или насколько истинным является это понимание, и соответственно — насколько адекватен этому предмету метод Фрейда? В силу специфики объекта психологии речь идет о степени соответствия представлений Фрейда, построенных путем самоанализа, представлениям других людей. Фрейд предлагает: «Используйте мой метод, и вы убедитесь, что я прав, что именно так можно достичь истины». Возможно, что он прав, но не задается ли при этом истина самим методом, не получим ли мы другую истину, создав другой метод? А с другой стороны, не может ли метод, оказавшийся неприемлемым в изучении объектов внешнего мира, оказаться более эффективным в изучении внутреннего мира человека?

Сложность решения вопроса определяется сложностью объекта психологии, и мы ограничимся описанием вариантов оценки психоанализа.

1. Психоанализ является регрессией от научного мышления к архаичным формам мышления, характеризующимся одушевлением непонятного, т. е. является уходом от реальных проблем психологии.

2. Психоанализ является шагом вперед по пути познания психической реальности, признания ее сложного и противоречивого строения, является попыткой говорить с нею на одном языке, языке образов и фантазий, метафор и аналогий.

3. Психоанализ является своего рода научным мифом, который создан в соответствии с потребностями общества и служит их удовлетворению.

Фрейдовская теория многим представляется убедительной, но с научной точки зрения она ничего не доказывает (уточняем, с естественно-научной точки зрения). И все же есть немало оснований полагать, что, подобно тому, как гегелевское мировоззрение, построенное на аналогии развития субъективного сознания и объективного духа, явилось идеалистическим предзнаменованием материалистического биогенетического закона Геккеля, установившего соответствие между онто- и филогенезом, фрейдовская теория бессознательно явилась предвестником диалектико-материалистической психологии личности.

THE REASONS FOR THE NON-ACCEPTANCE OF PSYCHOANALYSIS

G. L. ILYN

Institute of the History of Natural Science and Engineering, USSR Academy of Sciences, Moscow

SUMMARY

It is assumed that in analysing the reasons for the non-acceptance of Psychoanalysis Freud's texts as well as the stories of his patients stand in need of scientific interpretation. The principal reason for the non-acceptance of Psychoanalysis is seen in Freud's peculiar solution of a paradox of scientific psychology, viz. the necessity of objectively studying the subjective world. This solution was expressed in Freud's singular understanding of the unconscious as being an animate object — a kind of another object endowed with will and desire. The new definition of the object of psychology led to the evolvement of a method of its study differing from the methods of natural sciences to which scientific psychology was oriented. The method in question presupposes a course of thinking that is the reverse of cognition. Cognition is a reflection of things or their introjection, whereas with Freud we observe a projection of ideas into the object under study. It is assumed that a relevant interpretation of Freud's ideas will permit their use in the construction of a dialectical-materialistic psychology of personality.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессознательное: природа, функции, методы исследования, т. т. I—III, Тбилиси, Мецниереба, 1978.
2. СЭВ Л., Психоанализ и исторический материализм. В кн.: Клеман К.—Б., Брюно П., СЭВ Л., Марксистская критика психоанализа, М., Прогресс, 1976, 207—276.
3. УОТСОН Д., Психология с точки зрения бихевиориста. В кн.: Гальперин П. Я., Ждан А. Н. (ред.,) Хрестоматия по истории психологии, М., МГУ, 1980, 17—33.
4. ФРЕЙД З., О психоанализе. Пять лекций. В кн.: Гальперин П. Я., Ждан А. Н. (ред.), Хрестоматия по истории психологии, М., МГУ, 1980, 148—183.
5. ФРЕЙЗЕР Д., Золотая ветвь, М., ИПЛ, 1980.
6. ЯРОШЕВСКИЙ М. Г., Психология в XX столетии, ИПЛ., 1974.
7. BRESS Y., La psychanalyse est elle une science? (Из материалов, присланных после симпозиума).
8. FOUCAULT M., Folie et deraison: Histoire de la folie a l'age classique. Paris, Plon, 1961.
9. FREUD S., Ma Vie et la psychanalyse. Paris, PUF, 1950.
10. PIAGET J., Introduction a l'epistemologie genetique. Paris, PUF, 1950.

О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ «БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО»: УСТАНОВКА И ЗНАЧИМОСТЬ

(заключительная статья)

Ф. В. БАССИН

НИИ неврологии АМН СССР, Москва

1. II (Тбилисский) симпозиум, посвященный идее неосознаваемой психической деятельности, оказался весьма разнородным не только по составу его участников. При его рассмотрении и оценке следует обратить особое внимание на то, что не менее разноликим он обрисовывается также в отношении методологических и конкретных научных трактовок проблемы бессознательного, которые на нем прозвучали. Это обстоятельство делает, естественно, не легкими попытки любой систематизации, любого обобщения его материалов и, особенно, принципиальных подходов к проблеме бессознательного, которые иногда объединяли или, хотя бы, несколько сближали его участников, а иногда, напротив, резко противопоставляли их друг другу.

И, однако, анализ подобных разграничивающих или сближающих позиций и тенденций остается при всех его трудностях в теоретическом отношении главным. Именно в этих тенденциях проявляется непрекращающееся противоборство идей, отражающее, как это однажды подчеркнул В. И. Ленин, самую *суть их истории*: «История идей есть история смены и, *следовательно*, *борьбы* идей»[1].

В настоящей, заключительной, статье к материалам IV, завершающего, тома монографии мы хотели бы охарактеризовать две основные из таких позиций. Они особенно важны потому, что их истолкование предопределяет и многое другое в идеологии многочисленных участников происходящего доныне большого спора о «бессознательном». Они отражают иногда открыто декларируемую, иногда же завуалированную приверженность их сторонников к определенному стилю научной мысли, к определенным интеллектуальным традициям, под влиянием которых соответствующие воззрения постепенно формировались. Эти позиции проявляются в истолковании самого существа категории бессознательного и в защите возможности и целесообразности (или, наоборот, невозможности и нецелесообразности) использования этой категории в психологии, философии, социологии, клинике, в теории воспитаня и во множестве других областей знания и практики. И они же, эти позиции, позволяют лучше понять не только причины многоликости интерпретаций идеи бессознательного, соз-

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е, т. 25, М., 1961, с. 112.

дававшихся в разные времена, по разным поводам в разных странах (в предыдущих томах настоящей монографии эти разнородные интерпретации освещались детально), но и характерную внутренюю противоречивость самой категории бессознательного, обусловившую причудливые, а порой, и драматические парадоксы ее уже более, чем вековой эволюции.

Мы сейчас эти позиции кратко определим, чтобы затем их проанализировать. Это, во-первых, позиция, занимаемая разными исследователями в отношении вопроса о реальности неосознаваемой психической деятельности, как категории принципиально психологической. И, во-вторых, это вопрос о том, как, в каких формах, на основе каких закономерностей бессознательное проявляется в осознаваемой душевной жизни человека, ее иногда позитивно в социальном отношении направляя, организуя, способствуя достижению ею ее целей, а иногда, напротив, ее искажая и патологизируя.

О первой из этих позиций и о выступающих при ее обсуждении альтернативах было немало сказано в предыдущих томах монографии, особенно в томе первом. Мы хотели бы сейчас, однако, вновь кратко вернуться к ней, так как она и связанные с нею разногласия довольно резко прозвучали как на самом симпозиуме, так и в статьях, опубликованных уже после симпозиума, но продолжавших, по существу, все тот же старый, не легко разрешимый спор. Что же касается второй позиции, то при ее обсуждении мы вступаем в область, по поводу которой было также немало говорено как на симпозиуме, так и до и после него, но в которой намечаются скорее лишь фрагменты частных решений, чем отчетливый и обобщенный ответ. А между тем, потребность в таком ответе и важность попыток хотя бы только наметить какой-то путь к нему очевидны.

2. Чл.-корр. АН СССР Е. Л. Фейнберг, физик, являющийся автором ряда также весьма интересных философских работ, оказал, однажды, большую услугу ценителям ясности изложения и понимания, напомнив изящный поэтический образ Д. Самойлова: «Люблю обычные слова как неизведанные страны. Они понятны лишь сперва, потом значенья их туманны. Их протирают как стекло, и в этом наше ремесло». Не подлежит сомнению, что Самойлов коснулся здесь обстоятельств, вызывавших неоднократно ожесточенные, но отнюдь не наиболее продуктивные споры в науке: неопределенности, возникающей вследствие недостаточной строгости изложения, а иногда и в силу исторической изменчивости значений, которые придаются исследователями разных эпох одним и тем же словам, одним и тем же способам вербального выражения неидентичных мыслей.

Можно сказать даже более того. Теоретические категории, используемые в определенной области знания, имеют нередко каждая свою особую историю, а тем самым и свою особую судьбу. Категория, рассматриваемая на разных этапах ее развития, оказывается в этой связи, подчас, довольно резко отличающейся по характеру, содержанию и роли от того, какой она выступала ранее. И с особой отчетливостью эти обстоятельства проявляются, когда пытаются проследить их на материале категорий психологических.

Хорошо известно, например, что ряд концептуальных представлений, идей, понятий, введенных в западную науку в конце предыдущего — начале текущего века — теорией экзистенциализма Бинсвангера и Сартра, персонализмом Мунье, антропологией Леви-Стросса, «психологией судьбы» Сонди, «логотерапией» Франкля и др. — не мог быть принят и продуктивно использован советской психологией главным образом из-за их неустранимого философского «подтекста» — из-за их тяготения к иногда рафинированным, иногда же грубым

идеалистическим интерпретациям, из-за биологизирующего редукционизма, которым сопровождались попытки их конкретного раскрытия или, как бы это ни звучало парадоксально, из-за механистических упрощений, которые вносились ими в общее представление о природе психики человека и его связей с окружающим его миром. Постепенно, однако, становилось все более ясным, что определенная опасность, которая создавалась в этой связи для психологии, заключалась в том, чтобы, говоря словами известной пословицы, «не выплеснуть из ванны вместе с водой и ребенка», т. е. чтобы не отказаться из-за кажущейся убедительности подобных методологически неприемлемых для нас истолкований, из-за их соблазняющей, подчас кажущейся простоты и эвристичности от философски-адекватного понимания лежащих в их основе объективных (и «субъективных») фактов и закономерностей.

Недоучет этой опасности означал бы, по существу, развитие психологических теорий по пути наименьшего сопротивления, ибо, конечно, гораздо легче просто отказываться от использования тех или иных понятий или категорий, чем вскрывать и анализировать их подлинный, не всегда умело, чаще метафорически, с оглядкой на бытующие на Западе интеллектуальные традиции и потому искаженно выражаемый скрытый смысл.

Не трудно было бы показать, что подобное «выплескивание с водой и ребенка» уже нанесло немалый ущерб при анализе многих психологических проблем. Мы отказывались от использования методологически скомпрометированных слов и терминов, не учитывая, что на современном этапе подлинное значение этих терминов уже далеко не то, каким было когда-то, что старое их понимание, не выдержав испытания временем, уже давно отброшено. Хорошо известно, например, насколько сложным был путь, который пришлось пройти, прежде чем было найдено методологически адекватное решение проблемы «проективного» метода или даже просто психологического «теста». Оба эти приема исследования психических функций и состояний продуктивно используются теперь во многих наших психологических лабораториях, хотя споры по поводу правомерности их применения звучали одно время в нашей литературе весьма остро, а их западные апологеты интерпретировали их нередко (и продолжают это делать поныне) на основе грубо реакционного фальсифицирования представлений о природе психики человека, вплоть до попыток обоснования на их основе откровенно расистских трактовок. И то же самое относится к некоторым из идей З. Фрейда.

Оценивая ретроспективно, в свете указанного выше, работы Фрейда, мы не можем не обратить внимания на одну их характерную черту. Десятилетия, истекшие после периода появления этих работ, отчетливо показали, что в них во многих случаях было впервые указано на ряд в высшей степени важных особенностей психики человека. Однако, пытаясь интерпретировать природу этих особенностей, Фрейд оказывался нередко (возможно, даже как правило) безнадежным пленником неадекватных, спекулятивных, клинических, психологических, а в дальнейшем, особенно, социологических и «культурологических» воззрений своего времени. И это, естественно, не могло не снизить резко научную ценность всего его обширного литературного наследия. Этой же неадекватностью истолкования многих его теоретических построений и терапевтических приемов объясняются бесконечные расхождения мнений, возникновение множества взаимно отрицающих друг друга течений среди тех, кто пытался на Западе его идеи как-то далее развивать.

В подобных условиях отнюдь не должно вызывать удивления,

что и перед нами неоднократно возникала по разным поводам нелегкая задача «перепрочтения» работ Фрейда, истолкования некоторых его положений в плане их более строгого, более последовательного и точного соответствия, лежащим в их основе объективным фактам, а тем самым и в плане их адекватности (или, напротив, неадекватности) основным принципам теории диалектического материализма.

Уклонение от задачи такого «перепрочтения» приводит, несомненно, только к нежелательному упрощению психологических представлений, и на примеры подобного упрощения неоднократно указывалось в предшествующих томах настоящей монографии.

В 80-х гг., в условиях нашего, уже близящегося к завершению неимоверно обогатившего нас знаниями XX века, вряд ли можно сколько-нибудь серьезно думать, что обращение к проблемам, например, памяти и эмоций не упрощается, если полностью игнорируется (а не интерпретируется!) теория т. н. «вытеснения»; что общая теория сознания может методологически адекватно разрабатываться, если отвергается само существование неосознаваемых форм психической деятельности; что теория активности человека, его взаимоотношений с окружающим его миром, с социальными коллективами, в которые он включен, не требует обращения к идеям типа «психологической защиты»[2]; что истолкование психической деятельности в фазе сна может быть достигнуто без апелляции к высшей степени своеобразной символизирующей функции сновидно измененного сознания; что эта функция с ее закономерностями, качественно отличными от закономерностей сознания бодрствующего, не оказывается фактором возникновения при определенных условиях также ряда т. н. психосоматических клинических феноменов; что игнорирование многолетних, оказавшихся в конечном счете весьма продуктивными, споров, которые велись в школе Д. Н. Узнадзе о природе и функциях неосознаваемых психологических установок (и, в первую очередь, вопроса о том, являются ли подобные установки неосознаваемыми их субъектом всегда или же они могут при определенных условиях также им осознаваться), не является фактически недопустимым игнорированием одной из *центральных, принципиально важных проблем всей теории бодрствующего сознания* и т. д.

А между тем ни одному из этих вопросов, во всяком случае в форме, соответствующей степени их важности, в нашей литературе внимания почти не уделяется.

С аналогичным положением мы встретились и на недавно проходившем обстоятельном совещании, посвященным вопросам психосоматических отношений [3]. Является почти трюизмом, что конфликт мотивов, эмоционально напряженных психологических установок, стремлений оказывается одним из наиболее важных патогенетических факторов возникновения невротических и истерических расстройств, а также психосоматозов. Между тем, этой фундаментальной (по крайней мере, для т. н. «малой» психиатрии) проблеме эмоционального конфликта на упоминаемом совещании специально, во всяком случае, внимания уделено не было. И думаю, что мы не ошибемся, если скажем, что одной из причин такого умолчания явилось понимание многими исследователями, что производить сколько-нибудь глубокий анализ проблемы эмоционального конфликта, отвлекаясь от идей теории неосознаваемой психической деятельности и ее крайне

[2] О необходимости использования в психологии этой идеи для более глубокого понимания законов поведения человека нам пришлось писать еще в 1972 г. (см. журнал «Коммунист», № 2, 1972, статью Ф. В. Бассина, В. Е. Рожнова и М. А. Рожновой, с. 105, затем в том же журн., в 1974 г., № 14, с. 60—70).

своеобразных и сложных закономерностей, принципиально невозможно. И фактов сходного рода можно было бы привести немало.

Вместе с тем нельзя не вспомнить, что совсем недавно в нашей литературе было авторитетно подчеркнуто, что «реальность неосознаваемых компонентов психики несомненна. Исследуя психические явления, мы, конечно, не можем ограничиваться анализом только их осознаваемых компонентов. Проблема соотношения осознаваемого и неосознаваемого является в психологии одной из важнейших» (подчеркнуто мной — Ф. Б.). И хотя далее автор этих строк отмечает, что, по его мнению, «решение этой проблемы не является обязательным требованием к любому психологическому исследованию», весомость проблемы бессознательного выступает в свете подобных высказываний достаточно отчетливо [4].

Мы приходим, таким образом, к выводу, что наблюдаемое в какой-то степени в нашей литературе, а также при разных формах общественного обсуждения научных вопросов, уклонение от детального критического анализа проблем, так или иначе связанных с концепцией неосознаваемой психической деятельности, является позицией не вполне правильной, движением мысли, как мы это уже отметили, по пути наименьшего сопротивления и, в конечном счете, приводит к серьезному обеднению категориального аппарата психологии, препятствующему ей находить плодотворный путь к той тематике, к тем предметам изучения, внимание к которым всегда считалось даже убежденными противниками психоанализа и родственных ему течений его сильной стороной.

Хотя ссылки автора на его же собственные работы отнюдь не являются наилучшим аргументом в пользу правильности его убеждений, я позволю себе, тем не менее, напомнить строки, написанные мною более 15 лет назад: «Даже наиболее строгие критики психоаналитической концепции никогда не отрицали, что привлечение этой концепцией внимания к трудно вообразимой сложности аффективной жизни человека, к проблеме отчетливо переживаемых и скрытых влечений, к конфликтам, возникающим между различными мотивами, и к трагическим, подчас, противоречиям между сферой «желаемого» и «должного», является сильной стороной и заслугой фрейдизма. Аналогичным образом очень многие оценивали рассмотрение этим учением «бессознательного», как одного из важных элементов психической деятельности и факторов поведения. Но теоретическая концепция... никогда не ограничивается одним только «привлечением внимания» к тому, что она изучает. Она всегда... пытается это изучаемое объяснять. И вот именно на этом, самом главном для всякой рациональной теории этапе ее применения открыто выступила концептуальная несостоятельность фрейдизма. А судьба теории, которая не может объяснять, заранее печально предрешена, какими бы сильными сторонами она в других отношениях не обладала»[3].

Я счел целесообразным привести эту длинную цитату потому, что в ней отчетливо, как мне кажется, звучит противопоставление между тем, к чему психоанализ «привлекает внимание», тем, что является в душевной жизни человека неоспоримой реалией, и тем, как подобные реалии следует интерпретировать. Если в отношении первого Фрейд, благодаря его острой клинической наблюдательности и психологической проницательности, был силен, то в отношении второго он был слаб.

---

[3] Ф. В. Бассин, Проблема бессознательного, Москва, Изд. «Медицина», 1968, с. 385.

Как бы то ни было, перед теми, кто ощущает все более настоятельную потребность повернуться к изучению тех или других реальных проявлений «душевной» (не будем бояться этого термина!) жизни конкретного человека, т. е. существа не только «говорящего» (и поэтому определяемого Лаканом и его школой как «parlêtre)[4], но также чувствующего, мыслящего и стремящегося, неустранимо возникает задача и отклонения, и реинтерпретации, и дополнения во многом систем понятий, созданных современной западной психологией, с неизбежной заменой, — там, где это допускается достигнутым уровнем знаний, — ее интуиций, метафор и (выражаясь ее же языком!) «фантазмов» логически обосновываемым рациональным, экспериментально аргументируемым пониманием, созвучным общему стилю нашего мировоззрения. Иначе в сложнейших картинах, которые рисует психология современного человека, будут оставаться «белые пятна», мимо которых мы будем проходить, никак на них не реагируя. А давать ответы на лавинообразно нарастающее количество вопросов, с которыми обращаются к психологии сегодня самые различно ориентированные области общественной практики и теории межчеловеческих отношений, будет становиться все более трудным.

Хорошо понимая всю рискованность интерпретации чужих мыслей, я позволил бы себе, тем не менее, именно в духе только что сказанного истолковать краткое, но весьма убедительно сформулированное предупреждение, сделанное при обобщении одного из заседаний VI Всесоюзного психологического съезда проф. Л. П. Буевой. Она указала на грозящее современной психологии своеобразное «отчуждение от проблемы субъекта»; на отвлечение от психологических закономерностей и процессов, которые опосредуют связь между информацией, вводимой в сознание субъекта, и его поведением; на игнорирование вопроса, почему возникает, не так уж редко, трудно объяснимое сопротивление субъекта призывам, которые, казалось бы, должны были бы им легко и охотно восприниматься и усваиваться; почему в поисках ответов на вопросы явно психологического, даже более того — специфически психологического, характера мы так часто испытываем потребность обращаться не столько к «академической», «университетской», «официальной» психологии, сколько к вековому опыту, отраженному в великих произведениях художественно-литературной классики, например, к Ф. М. Достоевскому, В. Шекспиру, Л. Н. Толстому, А. П. Чехову; почему так много внимания и усилий уделяется современной психологией оттачиванию изолированно, статически определяемых категорий «мотива», «потребности», «цели», «установки» и так мало интеграции этих категорий в структуре личности, единственно превращающей их из полезных, но абстрактных моделей в психологические реалии? И других вопросов аналогичного характера можно было бы, конечно, задать немало.

Думается, что в том, о чем мы говорили выше, касаясь довольно отчетливо, к сожалению, проявляющегося иногда стремления современной психологии двигаться по пути наименьшего, а не наибольшего сопротивления, уходить от критического анализа сложных категорий и проблем вместо того, чтобы их решать, содержатся определенные подсказы к ответам на эти нелегкие вопросы.

3. Теперь мы хотели бы вернуться к тому, о чем говорили в начале нашей статьи, — к анализу отношений, которые обрисовались на симпозиуме между теоретическими позициями его участников, подчеркнув, прежде всего, одно основное противопоставление. Основ-

---

[4] „Parlêtre“ — неологизм, составленный Лаканом путем сочетания двух слов: “parler“ (говорить“) и „être“ (существо).

ное — поскольку оно предопределяло и многие другие разногласия. Это — бескомпромиссное расхождение между теми, кто признает существование бессознательного как психологической реальности, и теми, кто такое понимание отвергает. Эта альтернатива была детально рассмотрена в предыдущих томах настоящей монографии, особенно в томе первом, как и аргументы каждой из спорящих сторон, и возвращаться к ее детальному обсуждению мы, конечно, не станем. Мы ограничимся только тем, что приведем два высказывания, характеризующие категоричность и резкость противопоставления звучащих в данном случае взаимоисключающих формулировок.

Г. Рорахер (один из широко известных западно европейских психологов): «Не существует неосознаваемой психической деятельности, как промежуточного звена между мозговыми процессами и активностью сознания, существуют только разные степени ясности сознания. В мозге... непрерывно разыгрываются процессы возбуждения, которых мы совершенно не замечаем: это процессы неосознаваемые в точном смысле этого слова, но это не неосознаваемые психические процессы — неосознаваемые мысли, представления, стремления и т. д., — а неосознаваемые процессы нервного возбуждения, т. е. органические, электрохимические проявления. Необходимо ясно понимать это различие, чтобы избежать недоразумений». И далее этот автор добавляет: «Учение Фрейда достигло больших успехов, но внесло и немало путаницы, оно создало опасность все непонятное объяснять неосознаваемыми психическими процессами» и имеет в настоящее время «лишь исторический интерес» [6, 164—165].

И другая позиция. Ее в не менее решительных выражениях сформулировал (еще в 30-х гг.) Л. С. Выготский:

«Бессознательное не отделено от сознания какой-то непроходимой стеной. Процессы, начинающиеся в нем, часто имеют свое продолжение в сознании, и, наоборот, многое сознательное вытесняется нами в подсознательную сферу. Существует постоянная, ни на минуту не прекращающаяся, живая динамическая связь между обеими сферами нашего сознания. Бессознательное влияет на наши поступки, обнаруживается в нашем поведении, и по этим следам и проявлениям мы научаемся распознавать бессознательное и законы, управляющие им» [7, 94].

Вряд ли можно отрицать, что каждая из этих трактовок, имеющая в литературе многочисленных адептов, располагает и сильными сторонами. Первая — проста, доходчива, логически совершенна, не требует пересмотра традиционных представлений, и это придает ей, неоспоримо, немалую убедительность.

Вторая же подчеркивает взаимосвязанность осознаваемого и неосознаваемого в психике человека, динамизм возникающих на этой основе отношений, что хорошо согласуется с идеей единства психики, при одновременном признании сложности ее внутренней структуры и дифференцированности ее влияний на поведение.

Дискуссию на симпозиуме характеризовала приверженность большинства ее участников ко второму из этих подходов. Однако, согласия в понимании природы неосознаваемой психической деятельности, закономерностей, форм и способов ее проявления, ее роли в активности индивидов и в межперсональных отношениях на симпозиуме, безусловно, не прозвучало. Мы позволим себе поэтому кратко повторить только основную мысль, которая, будучи детально изложена в редакционных статьях I тома монографии, неизменно заставляла нас рассматривать «бессознательное», как неосознаваемую именно психическую деятельность, как «бессознательное психическое» (термин, вве-

денный в литературу А. Е. Шерозия), т. е. как категорию принципиально психологическую.

Исходным, фундаментальным, многократно в самых разных формах подтвержденным фактом является то, что неосознаваемая психическая деятельность способна выполнять те же психические функции, которые мы традиционно рассматриваем как прерогативу бодрствующего сознания. Это — факт действительно исходный и действительно фундаментальный, лежащий в основе всей современной теории неосознаваемой психической деятельности. А его разнообразные экспериментальные доказательства (относящиеся к роли бессознательного в переработке информации; в художественном творчестве; в актах восприятия сигналов; в планировании предстоящей деятельности; в постановке целей и принятии решений; в формировании эмоционально окрашенных межиндивидуальных отношений; в поддержании и в нарушениях здоровья; в вычленении человеком тех элементов окружающего его мира, которые оцениваются им как существенные, или, напротив, как второстепенные, мало или даже вовсе не «значимые», — и во множестве других специфических «собственно» психических функций) излагаются почти в каждой из статей предыдущих трех томов монографии. Их разностороннее описание проходит красной нитью через статьи и настоящего, IV тома. Поэтому задерживаться на них мы сейчас не будем, сделав по их поводу только одно замечание общего порядка.

Фактом хрестоматийного, если можно так выразиться, уровня, является то, что ни один акт неосознаваемой психической деятельности немыслим без реализации его, как и деятельности вполне осознаваемой, физиологическими и биохимическими процессами и механизмами. Но это обстоятельство столь же мало превращает идею бессознательного в категорию физиологическую, сколь мало оно превращает в таковую и саму идею сознания. По этому поводу нельзя не вспомнить слов, сказанных однажды В. И. Лениным. «...что и мысль и материя «действительны», т. е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом»[5].

Приводя это высказывание В. И. Ленина, Ф. М. Георгиев напоминает, что оно было сделано В. И. Лениным при критике им Дицгена «за ошибочную формулировку, сводящую психическое к материальным явлениям» и, что «вопреки прямым высказываниям классиков марксизма-ленинизма, и ныне еще существует в советской науке ложное мнение, что психическое, сознание, по своей природе — материальное явление. Это вульгарное, упрощенное понимание...» и т. д.[6] К этому можно было бы присовокупить, что, признавая за бессознательным участие в выполнении психических функций и отвергая, вместе с тем, рассмотрение его как психического, мы вынуждаемся, например, к согласию с тем, что у ребенка до тех пор, пока у него не возникает осознание его собственных психических процессов (а это, как известно, требует определенной степени развития в постнатальном онтогенезе), вообще психика отсутствует. Вряд ли, однако, найдется много желающих защищать парадоксы подобного типа.

4. Мы испытываем желание принести извинения читателям за то, что задержали их внимание на вопросах, казалось бы, уже давно решенных. Однако, дискуссии на симпозиуме, а также материалы, в ко-

---

[5] В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 231.

[6] Ф. И. Георгиев, Противоположность гегелевского и марксистского понимания физиологического, психического и логического (Тодор Павлов — юбилейный сборник Болгарская Академия наук, София, 1961, с. 122).

торых обсуждение проблематики симпозиума было продолжено уже после завершения последнего, показали, что в этих вопросах остается еще немало недоговоренного и неясного. Мы сочли поэтому целесообразным кратко повторить то философски основное, что характеризовало подход к проблеме реальности бессознательного, представленный в предыдущих томах монографии. Теперь же можем пойти в развитии этого подхода несколько дальше.

Итак, неосознаваемая психическая деятельность существует, проявляясь при самых разных видах конкретного поведения человека. Но каковы же тогда формы этого проявления и последствия этого вмешательства? В большинстве случаев мы заключаем о включенности бессознательного в структуру актов целенаправленного поведения по «успеху» последнего, хотя путь, психологический «механизм», средства достижения поставленной цели остаются от нас скрытыми, как это бывает, например, при неосознаваемой переработке информации, при интуитивных решениях, в условиях художественного творчества и т. д. Но не существует ли у бессознательного пути более непосредственного и более специфического его выражения, пути, говорящего о вмешательстве бессознательного, независимо от успеха деятельности, в структуру которой оно включено? Ответ на этот вопрос имеет свою уже довольно долгую историю. Проследим некоторые ее более характерные этапы.

Хорошо известно, как представлял Фрейд формы и пути проявления бессознательного в поведении на первых этапах своей работы над теорией психоанализа.

Он отправлялся при этом от трех своеобразных схем: либо от схемы как бы прорыва активности бессознательного сквозь какие-то преграды неизвестной природы, отграничивающие процессы ясно осознаваемые от процессов неосознаваемых; либо от схемы замещения переживаний бодрствования образами сновидений; либо, наконец, от отождествления бессознательного с неким всепроникающим, «энергетизирующим» любые проявления жизнедеятельности человека полубиологически, полусоциально понимаемым принципом, т. н. «либидо» (близким в начале развития представлений Фрейда к фактору полового влечения, но затем испытавшим сложную эволюцию, в результате которой идея «либидо» Фрейда оказалась во многом близкой идее «élan vital» Бергсона).

Ранее всего, как основная форма выражения бессознательного в психике человека, стала Фрейдом рассматриваться символика сновидений, этого «царственного пути», по его выражению, к постижению бессознательного. Почти одновременно выступили в той же роли внешне случайные, но в действительности жестко детерминированные бессознательным разнообразные нарушения целенаправленных действий — описки, очитки, оговорки. А несколько позже, по мере углубления представлений о психосоматических зависимостях, возникает схема «конверсии на орган», схема выражения «вытесненного» бессознательного в форме той или иной разновидности клинической патологии.

Для всех этих схем характерным является, таким образом, особый стиль описания отношений между осознаваемым и неосознаваемым, стиль, широко использующий своего рода «пространственно-динамические» метафоры: «разграничение на сферы», «прорывы преград», поиск и использование «обходных путей», «символическое замещение» вытесненного с целью «обмана цензуры» сознания и т. д. Не следует поэтому удивляться, что у остроумно-язвительного, как всегда, Гилберта К. Честертона эти картины вызвали даже едкий образ: мысль о том, что бессознательное, по Фрейду, напоминает жи-

вущую, якобы, в душе каждого человека слабоумную обезьяну, все усилия которой направлены на поиск недозволенных и неотсроченных наслаждений, добываемых путем разных форм обмана человека — ее носителя.

Сказано это зло. Весьма возможно, что некоторым эта холодная ирония Честертона сможет даже импонировать. Однако — и в этом выражается, по-видимому, только необыкновенная сложность феноменологии бессознательного — каждая из перечисленных выше, намеченных Фрейдом форм проявления последнего, действительно (как это показали десятилетия, истекшие после того, как Фрейд впервые дал этим проявлениям интерпретацию, основанную на идее бессознательного) таковой и является, выступая как феномен, который позволяет бессознательное изучать объективно, выявляя его скрытые закономерности и характерные свойства.

Фрейд, несомненно, допускал ошибки, и подчас довольно грубые, но заключались они не в том, над чем иронизировал Честертон.

5. Легко понять, что внимание Фрейда обращалось, с самого начала его работы над теорией психоанализа, — особенно при контактах с широким кругом лиц, не связанных с психоанализом профессионально, — преимущественно к наиболее ярким, впечатляющим проявлениям активности бессознательного. Это была позиция, вполне естественная для исследователя, пропагандировавшего идеи новые, не легко понимаемые и ломавшие устоявшиеся традиции. Однако при всей эффектности подобных проявлений неосознаваемой психической деятельности последние обнаруживали, как правило, пусть весьма важные, но, тем не менее, лишь частные аспекты этой активности. Более же ее общие принципы и функции, проявляющиеся не в форме отдельных клинических или психологических эпизодов, а, скорее, как постоянно присутствующий в психической жизни человека ее скрытый фон, как некий ее психологический Hintergrund, интересовали Фрейда, по-видимому, меньше. Возможно, что в этом сказалось то, что его взгляды формировались в гораздо большей степени под влиянием французской психиатрии и психотерапии, французских концепций истерии и гипноза, чем классической немецкой философии XIX века с ее настойчивыми попытками интуитивного разрешения проблемы бессознательного, для рационального и экспериментального исследования которой этот век, несмотря на весь блеск порожденных им идей, еще совсем, конечно, не был готов.

О каких же общих, не эпизодических, а скорее перманентно проявляющихся при бодрствующем состоянии сознания формах активности бессознательного мы можем сегодня говорить? Здесь нам хотелось бы напомнить четыре таких формы, в условиях которых неосознаваемые психические процессы выполняют особенно важную роль: это (а) переработка на неосознаваемом уровне осознанно или неосознанно воспринятой информации с последующим вынесением осознаваемых решений; (б) роль неосознаваемой психической деятельности в формировании осознаваемого речевого высказывания; (в) продолжающаяся зависимость поведения человека от его неосознаваемых психологических установок даже в фазе переключения его внимания на события большей для него значимости (феномен «оттеснения» переживаний от «области ясного осознания»); и, наконец, (г) перестройка под влиянием переживаний, «вытесненных» из сознания, «значимости» для субъекта осознанно или неосознанно

воспринимаемых им элементов его внешнего или внутреннего мира. К этой последней динамике, которую можно определить как **семантический аспект** выражения бессознательного, следует отнести также неосознаваемость человеком степени значимости для него определенных фактов и соотношений, длящуюся до тех пор, пока в силу неудовлетворения каких-то его потребностей эти соотношения и факты не начинают им более или менее отчетливо осознаваться.

Каждая из этих четырех форм проявления неосознаваемой психической деятельности имеет на сегодня уже свою историю, хорошо иллюстрируя ту эволюцию смысла научных категорий, о которой мы говорили в начале статьи. Мы остановимся сейчас на каждой из этих форм проявления активности бессознательного, — кратко на первых двух и детальнее на двух последних, как наиболее для нас в настоящем контексте важных и сравнительно еще мало изученных.

6. Вопрос о роли бессознательного в процессах переработки осознанно или неосознанно воспринятой информации подвергался рассмотрению на протяжение десятилетий исследователями самой различной ориентации, — от Вундта, Джемса, Гефтинга, до Пиаже, Валлона, Адамара, Арнаудова и всех тех, кто пытался связывать вопросы этой переработки с идеями современной теории машинного интеллекта. И если в старой литературе реальность процессов неосознаваемой переработки информации широко обосновывалась данными самонаблюдений и другими психологическими аргументами[7], то в более позднее время с этой же целью стали использовать данные, указывающие на существование форм работы мозга, порождающих негэнтропические эффекты (т. е. стремящихся к наведению информационного «порядка», каким является, по существу, любой логический вывод, нахождение решения любой задачи).

Обо всех этих вопросах говорилось довольно подробно в предыдущих томах монографии, в более обобщенной форме к этим вопросам возвращаются также некоторые авторы статей настоящего тома. Поэтому задерживаться на них мы не станем и перейдем ко второй из перечисленных выше форм проявления бессознательного — к его роли в формировании осознаваемых речевых высказываний.

Здесь мы можем опереться на солидную традицию, уже пустившую глубокие корни в советской литературе. Я имею в виду необыкновенно тонкий анализ истоков, генеза осознаваемых речевых высказываний, произведенный Л. С. Выготским еще в 30-х годах и изложенный им на заключительных страницах его основного труда «Речь и мышление» (1935). Главная идея этой концепции заключается, как известно, в том, что мысль, находящая свое завершенное выражение в осознаваемой вербализованной форме (в системе словесных «значений»), зарождается как нерасчленимый внутренне «сгусток смысла», как психологическая структура,[8] для вербального выражения которой еще не «найдены» нужные слова, и поэтому, как структура не-

[7] Вундт, например, еще в 60-х гг. прошлого столетия сформулировал на характерном телеологическом и спиритуалистическом языке идеалистической психологии своей эпохи мысль, которая, будучи и тогда не новой, породила в позднейшей литературе неисчислимое количество откликов: «Наша душа так счастливо устроена, что, пока она подготовляет важнейшие предпосылки познавательного процесса, мы не получаем о работе, с которой сопряжена эта подготовка, никаких сведений. Как постороннее существо противостоит нам эта неосознаваемо творящая для нас душа, которая предоставляет в наше распоряжение только зрелые плоды проведенной ею работы» (10). В аналогичном духе высказывался Моцарт, много позже Ф. Кафка и очень многие другие.

[8] О доводах, по которым эту неосознаваемую активность мозга неправильно рассматривать как активность только физиологическую, мы уже говорили выше.

осознаваемая и некоммуницируемая, не способная быть средством межличностного общения. Л. С. Выготский проследил фазы, через которые проходит процесс постепенного превращения подобных неосознаваемых «смысловых» структур в системы вербализованных «значений» в раннем онтогенезе, в процессе формирования высказываний у взрослого, а также в условиях художественного творчества, и описал выступающие при этом закономерности. Эта его концепция является, несомненно, одной из наиболее глубоких существующих в современной психологической литературе попыток проникнуть в самые истоки формирования осознаваемой мысли, проследить процесс ее зарождения и даже более того — понять в какой-то степени то, невыразимое словом, что предшествует ее рождению, как механизма общения.

Выступая на Тбилисском симпозиуме 1979 г., выдающийся, недавно скончавшийся психолингвист Р. О. Якобсон высказал мнение, что одной из наиболее важных задач современной психологии является раскрыть, как неосознаваемое, превращается в осознаваемое и наоборот. Очень трудно в этой связи удержаться от мысли, что в решении такой задачи дальше других пошел именно Выготский. И читатели настоящей монографии найдут во всех четырех ее томах немало и иллюстраций и аргументов в пользу справедливости подобного понимания.

Поэтому мы и на этой проблематике задерживаться сейчас не станем и перейдем к последним двум из упомянутых выше «перманентных» функций бессознательного, тесно между собою связанным: к проблеме форм зависимости поведения человека от организующих это поведение и проявляющихся в нем неосознаваемых психологических установок, и к вопросу о том, как изменяется в результате актов «вытеснения» определенных переживаний (или только временного «оттеснения» этих переживаний от области ясного сознания — к теме различия между этими двумя терминами мы еще вернемся) «иерархия» ценностей субъекта, т. е. степень «значимости» для него того, что его окружает или непосредственно в нем самом психологически заключено.

Каждая из этих проблем нам представляется особенно важной для дальнейшего развития теории неосознаваемой психической деятельности. Эскизно они уже затрагивались в статьях, как предыдущих трех томов монографии, так и настоящего, четвертого тома. Сейчас мы остановимся на них несколько подробнее.

7. Огромное значение, роль и смысл введенной в психологию Д. Н. Узнадзе категории психологической установки раскрывались далеко не сразу. Чтобы этот процесс точнее охарактеризовать, следует напомнить, прежде всего, тот небезынтересный факт, что как «модель будущего» Н. А. Бернштейна, так и «акцептор» действия П. К. Анохина оказались, имплицитно, уже в какой-то степени предвосхищенными идеей установки, хотя зарождение последней более, чем на два десятилетия предшествовало вхождению в литературу двух других членов этой «великолепной тройки» («модель будущего» представлена в идее установки, потому что последняя — это всегда установка на что-то определенное, на «модель» действия, которой еще только предстоит реализоваться в будущем; установка оказывается одновременно и своеобразным «санкционирующим акцептором действия», потому что, активировав действия, приводящие к удовлетворению потребности, она как бы самоликвидируется). Подобные календарные сопоставления, конечно, второстепенны, но логическая близость этих трех фундаментальных категорий несомненна, хотя дальнейшая их эволюция пошла очень разными путями (я имею в виду

прогрессировавшее сближение представлений П. К. Анохина и Н. А. Бернштейна с категориальным аппаратом нейрофизиологии и нейрокибернетики, в то время как установка и поныне остается, если отвлечься от некоторых оставшихся, к сожалению, незавершенными идей и работ И. Т. Бжалавы, категорией психологической par excellence).

Чем же, однако, является, как это показали многолетние теоретические и экспериментальные исследования школы Д. Н. Узнадзе, психологическая установка и в чем заключается ее основная функция?

В 1955 году А. С. Прангишвили, обобщая и завершая известную дискуссию по проблеме установки, происходившую в то время в Москве, подчеркнул, что в строгом соответствии с идеями, введенными в советскую психологию Д. Н. Узнадзе, установка всегда рассматривалась учениками Узнадзе как состояние, выражающее «готовность к определенной деятельности». Однако понимал А. С. Прангишвили эту готовность не просто как «предрасположенность» субъекта ориентировать свои действия в каком-то специфическом плане (позиция, занятая, в частности, Пайяром и др. на симпозиуме по проблеме установки, происходившем в 1959 г. в Бордо [11]), а как фактор, «определяющий конкретную направленность этих действий», как состояние, детерминирующее характер, качественные особенности, функциональную организацию этих действий, т. е. по существу управление ими, или, по крайней мере, как участие в таком управлении. Но в таком случае мы оказываемся перед вопросом не легким для ответа.

Если неосознаваемая установка[9], не исчерпываясь идеей предрасположенности к действию, выступает как фактор, участвующий в регуляции, в управлении действием (и даже деятельностью), то как она вписывается в конкретную структуру уже развернувшегося, уже реализуемого действия? Какие опосредования, какие связи и отношения позволяют ей выполнять эту ее, по-видимому, основную роль? Ответ на этот вопрос есть. Но родился он под явно несчастливой звездой: так труден был путь его проникновения в психологию.

В своей крупной монографии известный американский специалист по вопросам управления Ф. Розенблат [12] обратил внимание на тот, казалось бы, очевидный и, тем не менее, несколько парадоксально звучащий факт, что поступления одной только (даже предельно детальной) информации о событиях принципиально недостаточно для управления этими событиями. Использование полученной информации в целях управления может быть произведено только в том случае, если предъявление информации предваряется созданием какой-то системы «оценок», «правил», определяющих значимость поступившей информации, определенных «критериев предпочтения», на основе которых выносится решение; определенной (предшествующей, повторяю, по отношению к поступившим сигналам) системы «запретов» или, напротив, системы «облегчений» реагирования, единственно позволяющих превращать поступающую информацию в средство для получения негэнтропических эффектов («порядка»), которых добивается любое адекватное управление. И эти системы «правил» должны быть достаточно гибки, чтобы изменяться синхронно с изменением ситуации или зада-

[9] Для простоты изложения мы пока полностью отвлекаемся от спора, происходившего на протяжении нескольких лет в школе Узнадзе (и еще не завершенного): является ли психологическая установка неосознаваемой всегда или же наряду с установками неосознаваемыми могут существовать и такие установки, которые более или менее ясно осознаются их субъектом.

чи, и одновременно достаточно инертны, чтобы продолжать оказывать влияние, вопреки множеству потенциально возможных мешающих воздействий («шумов»).

Так, водитель машины не может ее вести, если он не усвоил систему правил движения транспорта; так, рефлекс не может образоваться, если не преформированы, генетически или в результате обучения, определенные взаимоотношения в состоянии различных двигательных структур; так, шахматист не может рассчитывать на выигрыш партии, если он не овладел принципами тактики и стратегии шахматной игры. А если говорить более обобщенно, то информация может быть средством управления только, если она включается в структуру действия по принципу, который на используемом в кибернетике языке «Алгол» называется принципом «условного переключения» («if ... then»).

Мы позволили себе напомнить эти, в общем-то довольно банальные положения, относящиеся к логике современной теории управления, из-за их подлинно у н и в е р с а л ь н о г о характера. С неразрывным, логически, единством трехчленной формулы, — «информация (о том, что произошло) — система «правил» («предпочтений», «запретов», «критериев») — негэнтропический эффект», — приходится считаться совершенно независимо от того, имеем ли мы дело с управляющим техническим устройством, биологической структурой в ее наиболее широком понимании или, как со специальным случаем, с поведением человека. Но если в управляющих технических системах «правила», опосредующие связь между поступающей информацией и актом управления, воплощаются в заранее фиксированных «программах», неотрывно включенных в процесс технической переработки информации, и тем самым, повторяю, единственно превращающих эту информацию в фактор управления, то у человека в аналогичной роли выступают с и с т е м ы п с и х о л о г и ч е с к и х у с т а н о в о к. Ибо з н а ч е н и е воспринятого человеком сигнала, — а, следовательно, и вся цепь событий, которые этим сигналом вызываются, — в о г р о м н о й с т е п е н и з а в и с и т о т т о г о, к а к а я у с т а н о в к а и л и к а к и е с и с т е м ы у с т а н о в о к х а р а к т е р и з о в а л и п с и х и ч е с к о е с о с т о я н и е с у б ъ е к т а в м о м е н т, к о г д а с и г н а л и м в о с п р и н я т.

Выражая эту же мысль другими словами, можно сказать так. Если мы полагаем, что неосознаваемые психические процессы, как и осознаваемые, связаны с функцией переработки информации и на этой основе — с функцией управления поведением, то мы вынуждены допустить, что не менее интимно они связаны также с формированием и использованием психологических установок, ибо без опосредующей роли последних, б е з п р и д а н и я у с т а н о в к а м и о п р е д е л е н н о г о з н а ч е н и я в о с п р и н и м а е м ы м с и г н а л а м, т. е. без превращения сигналов установками в нечто о ц е н и в а е м о е, никакой детерминации сигналами дальнейшего поведения произойти принципиально не может. Не трудно понять как всю фундаментальность этого положения для теории бессознательного, так и то, что имплицитно такое понимание уже давно содержится в хорошо известном отрицании Д. Н. Узнадзе возможности «прямой» (неопосредованной) связи между стимулом и реакцией. Всю глубину этой мысли Узнадзе и вытекающие из нее последствия мы, однако, по-видимому, только сейчас начинаем как следует понимать.

Сказанное выше подчеркивает также, что психологическая установка это, безусловно, нечто большее, чем просто «готовность» к развитию активности определенного типа. Ее функцией является не только создание потенциального «предрасположения» к еще не наступив-

шему действию, но и актуальное управление уже реализующейся эффекторной реакцией (или процессом восприятия сенсорного образа) на основе того, что в условиях данной психологической установки является для субъекта наиболее значимым.

8. Идея связи проблемы установок с проблемой значимости нам представляется важной по нескольким причинам. И первая из них заключается в следующем.

Выше, говоря о характере объясняющих категорий, к которым прибегал Фрейд в начале своей работы над теорией психоанализа, мы подчеркнули одну их интересную особенность. Это были категории, если можно так выразиться, своеобразного «пространственно-динамического» типа. Фрейд (как и вслед за ним Л. С. Выготский) говорил о существовании разных «сфер» осознаваемого и бессознательного; о «перемещении» психических содержаний из одной из этих сфер в другую; об «обходных путях», используемых бессознательным для прорыва преград, отделяющих его от «области» осознаваемого; о существовании, наряду со сферой бессознательного, также ограниченности «области» подсознания. Даже сам, ставший в наши дни общеупотребительным термин «вытеснение», несет на себе неизгладимый отпечаток этого «пространственно», или, если угодно, «топографически-динамического» подхода к проблеме функциональной архитектуры сознания. Именно отсюда вытекает, что почти все создаваемые психологией картины работы сознания имеют форму систем метафор, т. е. попыток изобразить эту работу с помощью категорий, формируемых не ad hoc, а заимствуемых для «наглядности» у других областей знания, в которых предметом изучения являются разновидности процессов материальных.

Почему возникает такое «заимствование»?

Ответ на этот вопрос довольно прост, но он принижает ценность или, точнее, совершенство того главного, что создал человек, — возможностей его речи и поэтому довольно неохотно нами принимается. А суть дела заключается в том, что речь человека возникла и развивалась вовсе не для того, чтобы он занимался самопознанием, анализом своих чувств и мыслей и спорами о «вечных ценностях», а для того, чтобы он изготовлял материальные орудия труда, защищался от опасностей, добывал пищу и воспитывал своих детей. Для удовлетворения именно этих его основных потребностей формировалась его речь и создавался ее категориальный аппарат. И поэтому, когда развитие цивилизации позволило человеку перейти к изучению его собственного внутреннего мира, он оказался воином без соответствующего оружия, и ему не оставалось ничего другого, как применять категории, предназначенные для познания мира «внешнего», к анализу мира «внутреннего», т. е. пойти дальше только путем широкого использования различных, в том числе и «пространственно-динамических», метафор.

После всего, что было сказано выше о связи категории установки с категорией значимости, естественно, возникает вопрос: а что же, описание психической деятельности на основе категории «значимости», освобождает ли оно нас от власти метафор? Позволяет ли оно нам перейти к описанию психических процессов и состояний на основе системы понятий, не заимствованных психологией у других дисциплин, а выработанных ею же самой и потому способных отражать неповторимое качественное своеобразие *психического,* выявлять и формулировать специфические собственно-психологические закономерности, которым подчинены его природа и движения?

Ответ на этот вопрос сложен и в окончательной форме вряд ли сейчас может быть дан, и притом по двум причинам. Во-первых, по-

тому, что, как полагает не только ряд западных исследователей (например, французская школа Ж. Лакана), но и некоторые авторитетные советские исследователи, в частности, один из соавторов настоящей монографии Б. В. Налимов, метафорический характер имеют понятия, используемые не только психологией, но и наиболее «точными» естественными науками. Во-вторых же, потому, что, даже согласившись с весомостью категории значимости, как понятия собственно психологического, мы вряд ли быстро откажемся от использования языка психологических метафор — из-за его образности и легкости усвоения картин, которые с его помощью создаются. Мы оказываемся здесь в положении, весьма сходном с положением физика, хорошо знающего, что движение электронов происходит в направлении, противоположном тому, которое традиционно приписывается электрическому току, распространяющемуся по проводнику, но который предпочитает все-таки придерживаться для облегчения описаний и практики упрочившейся фикции.

Однако главное в вопросе о целесообразности более широкого использования в теории бессознательного категории значимости заключается, конечно, не в этой полушутливо звучащей проблеме «изгнания» метафор, а в том, углубляется ли практически наше понимание природы бессознательного, его закономерностей и функций, если мы начинаем его более пристально рассматривать под углом его связей с феноменом значимости. А на этот вопрос мы можем уверенно ответить утвердительно. Остановимся на этом подробнее.

Чтобы точнее охарактеризовать проблему связи категорий бессознательного и значимости (в частности, проблему сохранения значимости сигналов в условиях неосознаваемой установки), напомним широко известный психологический феномен, который не имеет, однако, до сих пор в литературе общепринятого названия. Мы назовем его условно феноменом «оттеснения», и заключается он в следующем [13].

Хорошо известно, что, говоря о «вытеснении», Фрейд имел в виду невозможность реализации в поведении эмоционально напряженных стремлений субъекта из-за несоответствия этих стремлений нравственным установкам самого же этого субъекта, из-за их запрещенности социальным укладом и т. д. «Оттеснение» же является гораздо более часто наблюдаемым нормальным адаптационным феноменом, проявляющимся в невозможности непрерывного длительного сосредоточения внимания на том, что является даже весьма эмоционально возбуждающим или высоко значимым. Через более или менее длительные интервалы времени субъект ловит себя на мысли, что он думает о чем-то «совсем ином». Заставлять же себя произвольно концентрировать мысль на протяжение даже весьма короткого времени на содержаниях эмоционально безразличных оказывается для большинства людей крайне трудным: то, что должно быть в «фокусе» («центре») осознания, непрерывно как бы «оттесняется», замещаясь другими мыслями, словно стремящимися завладеть этим «фокусом».

Пользуясь понятием «оттеснения», мы можем, в частности, точнее сформулировать, во что преобразуется переживание, когда оно перестает непосредственно субъектом осознаваться, перестает ощущаться им как некая психологическая данность. Чтобы говорить об этом яснее, обратимся к примеру.

Допустим, что субъект испытал какое-то сильное чувство — возмущение чем-либо или, наоборот, приязнь, любовь к кому-либо или к чему-либо. Были моменты, когда это чувство отчетливо им осознавалось, когда внимание стойко приковывалось к этому чувству. Спустя какое-то время, субъект неизбежно переключался в связи с «тре-

вогами дня» мысленно на что-то другое. Можно спросить: что же происходит с чувством, когда субъект перестает думать о нем, перестает его непосредственно осознавать? Что же оно, это чувство, перестает вообще существовать? Или, оставаясь психологически тем же, чем было раньше, оно лишь «переходит» в какую-то особую область, находясь в которой оно становится недоступным осознанию и переживанию? Нетрудно заметить искусственность и даже, сказали бы мы резче, некоторую наивность и, одновременно, механистичность подобных представлений.

Когда мы перестаем фиксировать внимание на определенной эмоции, например, на чувстве любви, эмоция от этого, конечно, не исчезает. Но в какой форме, в каком смысле она сохраняется? Она сохраняется в том смысле, что, будучи однажды испытана, она перестраивает определенным образом всю систему нашего поведения, создает (независимо от того, осознается ли она в данный момент или нет) определенную направленность, избирательность наших действий, стремление реагировать определенным образом на стимулы, бывшие ранее индифферентными, предпочтительность одних поступков и избегание других, словом, создает то, что не только в психологии, но и в обыденной речи называется определенной психологической установкой. Именно в этом, и только в этом смысле мы можем говорить, что наши чувства стойко сохраняются в нас, несмотря на то, что явления, к которым приковывается наше внимание, содержания наших осознаваемых переживаний (будучи непрерывно «оттесняемыми») калейдоскопически динамичны. Можно поэтому, обобщая, сказать, что наши эмоции, аффекты, стремления существуют в нас стойко только потому, что на протяжение определенных фаз своего существования они выступают как системы неосознаваемых психологических установок, обеспечивая тем самым единство личности субъекта и последовательность его поведения. Представление же, по которому неосознаваемость переживания объясняется сдвигом этого переживания в «особую» психическую сферу, следует оценивать, в лучшем случае, как попытку описывать очень сложные психологические факты только метафорически, без помощи специально для этого разработанных достаточно строгих научных понятий.

Мы видим, таким образом, что в ряду многих функций, выполняемых психологическими установками, фигурирует не только управление нашим поведением (о чем мы подробно говорили выше). Психологические установки образуют как бы остов, стержень, психологический «костяк», обеспечивающий внутреннюю увязанность разных фаз нашего существования, вопреки бесконечному разнообразию конкретных содержаний сознания, с которыми каждая из этих фаз связана.

9. Теперь мы хотели бы сказать несколько слов о феномене «вытеснения» и о том его истолковании, которое преобладает в современной западной литературе.

Введя выше понятие «оттеснения», мы указали, что оно отнюдь не предназначается для замещения уже пустившей в психологии глубокие корни идеи «вытеснения», являющегося одной из наиболее эффективных форм «психологической защиты». Останавливаться на проблеме реальности вытеснения мы сейчас не станем, — об этом немало было сказано в целом ряде статей настоящей монографии; эта реальность была многократно показана и клинически, особенно при исследовании мнестических и аффективных расстройств, входящих в структуру синдромов невротических и истерических; проводились также систематические теоретические и экспериментальные исследования

процессов вытеснения. Мы хотели бы поэтому подойти к проблеме вытеснения в несколько ином плане: продолжая критику упрощенной психоаналитической схемы, по которой вытеснение трактуется как всего лишь своеобразное перемещение переживаний из одной психической сферы в другую.

Такое объяснение является, по существу, псевдообъяснением, так как вместо одной загадки (почему перестает осознаваться определенное конкретное переживание) оно ставит нас перед лицом другой (что это за сфера, попадая в которую переживание перестает осознаваться). Объяснение причин феномена здесь замещается, по существу, только его описанием. Нам представляется, что критике такого подхода целесообразно отправляться опять-таки от некоторых довольно широко наблюдаемых фактов, указывающих на тесную связь динамики «осознания-неосознания», и, в частности, вытеснения, с параметром значимости, которую имеют для субъекта вытесняемые им переживания.

Обсуждая выше феномен «оттеснения», мы уже касались проблемы связи, существующей между этим феноменом и категорией значимости (связи, проявляющейся хотя бы в том, что, чем ниже значимость оттесняемого переживания, тем ниже и «порог» его оттеснения, т. е. тем меньшее сопротивление оно оказывает содержаниям сознания, стремящимся его оттеснить, — и наоборот). В случае же вытеснения аналогичная связь не только также наблюдается, но приобретает даже более глубокий и полиморфный характер.

Хорошо известно, что, согласно исходной схеме Фрейда, тенденция к вытеснению определенных переживаний возникает главным образом в тех случаях, когда эти переживания в силу разного рода социальных запретов или конфликтов с другими антагонистично ориентированными переживаниями не могут найти своего адекватного выражения в поведении. Такая ситуация провоцирует обычно, в порядке психологической защиты субъекта, весьма болезненный для него процесс перестройки предсуществующей у него «иерархии ценностей», внося изменения в значимость, которую имеют для него различные элементы окружающего его внешнего или его собственного внутреннего мира. Поэтому вытеснению предшествует, как своеобразный его «пролог», активная работа сознания по понижению значимости того, что вносит «беспорядок» в душевную жизнь, дезорганизует ее, повышая, если можно так выразиться, уровень ее энтропии, и именно поэтому подлежит вытеснению.

С особой отчетливостью можно наблюдать подобные процессы, например, при психических травмах типа обиды, оскорбления, нанесенного субъекту другим конкретным лицом, или утраты чего-то ценного. В подобных случаях вся энергия психологической защиты обиженного или утерявшего полностью направляется на постепенное понижение значимости, которую имеют для него ситуация обиды или то, что было утрачено. Если работа этой формы защиты оказывается успешной, то возникает постепенное устранение из осознаваемой душевной жизни эпизода обиды или эпизода потери, вплоть до полной их амнезии. Если же нет, то развиваются сложные картины, в которых осознаваемое причудливо переплетается с неосознаваемым, а исход может быть в психологическом отношении весьма полиморфным.

При рассмотрении всех этих феноменов исходным для анализирующего является то обстоятельство, что наличие конфликтов, внутренних противоречий в области переживаний, имеющих высокую степень значимости для субъекта, является серьезным фактором риска для его душевного здоровья и потому его психика стремится самыми разными способами устранить подобные конфликты.

Если поэтому понижение значимости психически травмировавшего фактора, о котором мы упомянули выше, не удается, то может активироваться другой тип психологической защиты, имеющий характер своеобразного «замещения» того, что подлежит вытеснению, другой «иерархией ценностей», т. е. создания вместо системы травмирующих переживаний другой системы значимого, выступающей как структура компенсирующая, но зато более легко выразимая в поведении.

Так, тоскующий, страдающий от одиночества старик может глубоко привязаться эмоционально к домашнему животному (вспомним «Муму» И. С. Тургенева); так, подросток, соскользнувший на путь аморального поведения, может окружить последнее ореолом «романтики», ореолом «вызова», который он бросает не признающему его обществу и тем самым восстанавливает в своих собственных глазах свой престиж, заглушая этим в действительности лишь вытесняемое чувство недовольства собою; так, подавляемый страх, в котором субъект из соображений престижа ни другим, ни самому себе признаваться не хочет, может способствовать возникновению у него резко выраженной агрессивности в отношении того, кто этот страх внушает. Возможность защитной организации подобных «замещающих» смысловых структур крайне полиморфна и встречается, по-видимому, гораздо чаще, чем это принято думать.

Сходны ли между собою подобные семантические образования компенсирующего типа? По-видимому, да и притом в нескольких отношениях. Во-первых, потому, что в истоках их возникновения лежит обычно настойчивое, не легко удающееся стремление к устранению из сознания определенных травмирующих переживаний с последующим их замещением более «конформными» смысловыми структурами. Во-вторых, потому, что они заставляют задуматься над психологической сложностью самого феномена «вытеснения» и над тем, насколько неадекватна упрощенная схема его организации (как перемещения переживания из «сферы» ... в «сферу»...). И, наконец, в-третьих, вследствие особой роли, которую подобные «компенсирующие» семантические структуры могут выполнять в плане межиндивидуальных отношений и даже более широко — в плане социальном. Возникая не на основе нормальной логики взаимосвязей человека с миром, не на основе нормальной деятельности человека, а как результат его неосознаваемого, обычно, стремления — освободясь от тяготящих его переживаний, понизить «уровень энтропии» его душевной жизни, — эти компенсирующие смысловые системы остаются и при дальнейшем своем развитии мало опирающимися на логику и поэтому высоко резистентными, торпидными при попытках их логической перестройки. Вместе с тем, они способны придавать поведению упорядоченный и целенаправленный характер. Сочетание же этих их черт — жесткости логической организации и стойкой целенаправленности — может придавать активируемому ими поведению оттенок, приближающийся к паранойяльности и даже к инкапсулированному бредообразованию.

Подобные структуры могут не иметь грубо выраженного клинического характера, но они относятся к той трудно определимой и еще труднее практически выявляемой области душевной жизни человека, которая связана с клиникой цепью едва уловимых тончайших переходов, системой нюансов и оттенков поведения. В ее рамках проведение каких-либо жестких разграничений между «нормой» и «патологией» в высшей степени затруднено. Учитывать, однако, существование подобных сложных картин, плохо или даже вовсе не осознаваемых их субъектами, крайне подчас необходимо.

10. И, наконец, последний неустранимый вопрос. Что же происходит со страдающим человеком или с больным, если охарактеризованные выше «замещающие» смысловые структуры также себя не оправдывают, также оказываются «аутопсихотерапевтически» недостаточно эффективными? Чтобы на него ответить, вернемся вновь к противопоставлению представлений о природе бессознательного, о котором мы уже немало раз упоминали выше.

Если «замещающие» смысловые структуры бессильны, то человек остается наедине, лицом к лицу со своим страданием. Но в чем оно, это страдание, заключается? Какова его хотя бы феноменология?

Хорошо известный, безвременно ушедший от нас талантливый французский психиатр Анри Эй так охарактеризовал однажды положение бессознательного в системе психики человека: «Бессознательное — это нечто, таящееся в скрытых глубинах психики человека, нечто, противостоящее сознанию и живущее по своим особым, своеобразным, не характерным для сознания законам... Бессознательное — это глубина существа, это то, что не выступает на поверхность не только потому, что оно не находится на поверхности, но потому, что оно не должно там находиться... Существование этого бессознательного часто отрицают, говорил Бергсон, потому что не знают, куда его поместить. Бессознательное не может быть простым отрицанием, простым отсутствием «сознания»... Бессознательное не подчиняется закономерностям сознания... Отсюда возникает его вытеснение... Бессознательное вынуждено скрываться, оно заключено под стражу и, если можно так выразитьоя, приговорено к тому, чтобы не появляться и не манифестировать, если только не возникают толерантность и ослабление законов сознания... Ему дозволено появляться только как иероглифу, который нуждается в расшифровке... Только психоанализ позволяет ему обнаруживаться» [14, 47].

В этих фразах с обычным для Эя литературным мастерством обрисована картина, глубоко характеризовавшая западную психологическую мысль на протяжение десятилетий и вплоть до последнего времени. Бессознательное это, говоря простым языком, мятежный, не покорившийся сознанию и потому «заточенный» обитатель «глубин души». А расстройства и тенденция поведения человека — это проявление протеста этого «заточенного» обитателя или результаты давления, которое он оказывает на противящееся ему, но, тем не менее, непрерывно ему уступающее сознание. Идея существования особой «сферы» бессознательного, отграниченной от сферы сознания, идея антагонизма этих «сфер», миграции переживаний из одной из последних в другую и роль психоанализа, как единственного метода, позволяющего выявлять бессознательное, создавать ему возможность выхода в поведение, снижая создаваемое им патологическое напряжение и, тем самым, ликвидировать болезнь, — доведены здесь до логического конца и предельно заострены. Но именно поэтому с особой яркостью выступают как заманчивая простота этой схемы, так и... принципиальная ее неправильность, недопустимое ее отвлечение от фактора значимости переживаний и ее схематизм, вследствие которого язык метафор полностью вытесняет в ней все то, пусть немногое, но тем более важное, что нам стало известно, ценой огромных усилий, о реальных механизмах активности бессознательного.

Чтобы охарактеризовать столь же кратко, как это было сделано сейчас в отношении концепции «сфер», точку зрения на природу бессознательного, представленную в большинстве статей настоящей монографии, мы сказали бы так: бессознательное для нас — это не «обитатель глубин», а только *обобщение,* к которому мы прибегаем, чтобы отразить способность человека к целенаправленному регулиро-

ванию поведения и его соматических коррелятов (в широком понимании этих терминов, включающем процессы переработки информации и активность речи), происходящему без непосредственного участия феномена «осознания». А на предыдущих страницах монографии мы пытались показать, к каким категориям, понятиям и методам были вынуждены прибегать те, кто пытался разрабатывать теории такого регулирования, учитывая в высшей степени сложную диалектику отношений, существующих между «осознаваемым»» и «неосознаваемым». Акцент же при обсуждении структуры поведения и клинических феноменов мы ставили не на проявлениях активности бессознательного, *как такового*, а на нарушениях «упорядоченности» или, напротив, на уменьшении, устранении противоречий, конфликтности в душевной жизни индивида, видя именно в *этой* динамике, *а не в «осознании» или «неосознании» вытесненного* важнейший фактор и пато- и саногенеза. Роль, которую в этой связи играет и в здоровье и в болезни человека консонанс или, напротив, диссонанс его психических установок, очевидна.

Упоминая об этой позиции, нельзя не отметить, что среди более прогрессивных представителей западной психологии и психотерапии (А. Аммон, Л. Шерток и др.) также наблюдается все более ускоряющаяся эволюция мысли в сходном направлении. Чтобы это проиллюстрировать, мы приведем сейчас диалог, сымпровизированный одним из современных наиболее крупных французских теоретиков психоанализа С. Видерманом:

«Среди самих психоаналитиков все больше проявляются признаки разлада, оговорки, оспариваемые положения, а в последнее десятилетие все более внятно звучат голоса, указывающие на прогрессирующую растерянность... Но в конце концов на фундаментальный вопрос нужно будет отвечать без уверток: являются ли клинические симптомы эффектом *вытеснения*? Вполне вероятно. Становится ли *устранение вытеснения невозможным или затрудненным* вследствие контрсилы, называемой сопротивлением? Уверенный ответ здесь невозможен. *Являются ли устранение вытеснения путем интерпретации (симптомов) и ликвидация (на этой основе) клинических нарушений твердо* УСТАНОВЛЕННЫМИ *достижениями психоанализа?* СТРОГО ГОВОРЯ, ОТВЕТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ» [15, 24—25].

Для тех, кто знаком с представлениями о природе бессознательного, о роли вытеснения, о терапии, основанной на его осознании, и т. п., звучавшими в западной литературе последнего десятилетия, должно быть очевидно из приведенного отрывка, какой глубокий кризис переживает современная западная клиническая психология, затрагивая проблему бессознательного, и какой трудный процесс переоценки традиционных для нее толкований в ней происходит. Это, конечно, не может не укреплять уверенности в том, что перед совсем иным подходом к проблеме бессознательного, характерном для советской психологии, и прежде всего перед подходом, разрабатываемым на протяжение десятилетий в школе Д. Н. Узнадзе, открыты широкие и благоприятные перспективы дальнейшего развития.

11. Теперь мы хотели бы подвести некоторые итоги сказанному выше, связав их, с одной стороны, с пересмотром традиций, который все более явственно переживает в наши дни психоанализ, а с другой, с определением роли, которую играют, как в поведении и деятельности, так и в развязывании и преодолении болезней человека его психологические установки.

Мы проследили выше разнообразную роль психологических уста-

новок в душевной жизни человека. Исходными явились для нас закономерности установок и деятельности субъекта, много лет назад установленные в классических работах школы Д. Н. Узнадзе. Затем мы уточнили, каким образом установка продолжает оказывать свое направляющее влияние на действие, которое уже началось. При этом мы обратили внимание на те изменения в поведении человека, которые вызываются установкой в фазе ее невыраженности как непосредственного предмета осознания (в фазе ее «оттеснения»), а также на сложные трансформации, которые претерпевает установка, не имеющая возможности выразиться в поведении. В качестве своеобразного «пролога» здесь выступает понижение значимости ситуации, так или иначе связанной с возникновением установки, а если этот процесс не дает нужных результатов, то возникают разные преобразования того, что должно было быть вытеснено из-за своей нереализуемости, в другие переживания, более конформные окружающей обстановке и потому не встречающие столь резкого противодействия для своего превращения в жизненные реалии.

Но если все происходит именно так, то возникает возможность проведения определенной аналогии с положением, создавшимся на сегодня в области психоанализа. Возможность устранения вытеснения путем соответствующей интерпретации симптомов, в которых это вытеснение проявляется, — это альфа и омега классического психоанализа на протяжение десятилетий, о которой говорит в только что процитированном высказывании С. Видерман, — *в настоящее время подвергается все более и более острой критике даже со стороны тех, кто еще совсем недавно считался убежденным адептом традиционных психоаналитических воззрений.* И этот новый виток в эволюции психоанализа не является неожиданным для тех, кто следит за перепитиями его сложной судьбы.

Мне уже пришлось однажды, анализируя взгляды на развитие психоанализа Л. Шертока [16], обратить внимание на то, что в истории психоанализа оказывались альтернативно противопоставленными друг другу два различных подхода. С одной стороны, это исходная, десятилетиями вырабатывающаяся традиционная концептуальная трактовка психоанализа (идеи вытеснения, символической переработки вытесненного, «интерпретация» психоаналитиком продуктов этой переработки, осознание больным вытесненного благодаря дешифровке аналитиком маскирующих наслоений, отражающих защитную активность бессознательного и т. д.), а с другой, — идея эмоционально аффективных отношений (в системе «больной—врач»), всегда бывшая для психоанализа подлинным enfant terrible Она неотступно сопровождала развитие психоанализа с первых же его шагов, никогда, однако, не включаясь органически в систему других его категорий, а, напротив, только подчеркивая этой своей логической изолированностью от остальных концептуальных элементов психоаналитической системы их какую-то скрытую, лишь очень постепенно выявлявшуюся неполноценность.

То, что Л. Шерток, показывая это особое положение проблемы «эмоционального отношения», так называемого «трансфера», подчеркивает значение этого фактора как элемента главной альтернативы, вокруг которой разгораются споры и в современной психоаналитической литературе, является, несомненно, сильной стороной обосновываемого им теоретического подхода. Л. Шерток напоминает, что если в результате психоаналитических процедур терапевти-

ческий эффект все-таки наступает, то это происходит, по-видимому, потому, что в его основе оказываются не столько сдвиги, вызываемые устоявшимися методическими приемами психоанализа, сколько создание в системе «врач-больной» некоего специфического эмоционального отношения, а далее он подчеркивает: «Эта проблема встала перед Фрейдом, как только он начал практиковать катартический метод.... он обнаружил, что восстановление забытых воспоминаний (осознание вытесненного — Ф. Б.) оказывает лечебное действие только в том случае, если оно сопровождается «эмоциональным отреагированием». Впоследствии, после разработки метода свободных ассоциаций, упор был сделан на роли интерпретаций: осознание пациентом значения его симптома должно было повлечь за собой исчезновение последнего. Фрейд, однако, скоро заметил, что эффективность интерпретации зависит от того, как переживается больным в аффективном плане его отношение к аналитику» (подчеркнуто нами — Ф. Б.). А далее Л. Шерток с грустью — и не без основания — замечает, что при всей важности идеи эмоционального отношения этот термин — «отношение», «трансфер» — «остается одним из самых темных в теории психоанализа. И в лечении, и вообще в психической жизни все, что касается проблемы аффекта, нам еще очень плохо известно» [16, 163].

Мы оказываемся, таким образом, подведенными в начале 80-х гг. к очень своеобразному моменту в истории двух основных конкурирующих течений в теории бессознательного. Психоанализ в наши дни является как бы «обезглавленным» — иначе, менее резким словом, трудно определить шок, вызванный в нем отказом от его многолетней опоры на представление, по которому наилучший способ выявления вытесненного (и устранения клинического синдрома) — это раскрытие перед больным символической природы того феномена, которым это вытеснение замещается.

А что касается теории установок, то здесь возникает более сложная ситуация, которой мы до сих пор намеренно избегали касаться. Речь идет о споре, который на протяжение уже долгих лет идет в школе Д. Н. Узнадзе по поводу того, неосознаваема ли психологическая установка всегда или же наряду с установками неосознаваемыми существуют также установки осознаваемые. Сейчас же мы хотели бы высказать гипотезу, которую уже сформулировали однажды [18] и согласно которой установки осознаваемые не только существуют, но переход их в установки неосознаваемые (и наоборот) — это главное в их динамике и судьбе, без чего эти динамика и судьба вряд ли вообще могут осуществляться.

Согласно этой гипотезе, события развертываются, примерно, так (по крайней мере, в тех случаях, когда невозможность реализации установки вызывает клинический или субклинический эффект).

После того, как разыгрался вполне осознаваемый «пролог» понижения значимости того, что было субъектом утрачено, того, что причиняло ему боль, словом того, что психически его травмировало, наступает либо «обесценивание», забвение травмы (психологическая защита сработала), либо, напротив, этот этап оказывается безрезультатным. В последнем случае возникает как бы второй этап защиты — этап «замещающих» семантических структур, примеры их мы уже приводили выше. Если же и эта фаза (связь которой с инициировавшим ее, исходно, травмировавшим событием осознается уже значительно слабее) не достигает цели, то возможность спонтанной осознаваемой защиты субъекта как бы исчерпывается и в его распоряжении остается только одно средство — вытеснение. Так и рождается неосознаваемая психологическая установка, самому зарождению

которой предшествуют напряженные попытки субъекта преодолеть действие исходной травмы.

Возможно, повторяем, конечно, что так дело происходит в случае только клинически звучащих психологических установок, сопровождаемых развитием тех или других мер психологической защиты. В таком случае приведенная выше схема имеет только ограниченное значение, но, тем не менее, представляется, что для клинических процессов, развивающихся под влиянием психологических факторов, она во многом типична.

Однако, какова судьба психологической установки, ставшей неосознаваемой? Здесь намечаются пути ее дальнейших трансформаций, говорящие о глубоком качественном своеобразии решения этого вопроса с позиций школы Узнадзе.

Психоанализ сам отказывается в наши дни, как мы это видели выше, от своего классического метода «интерпретации». А что же приходит ему на смену? По остроумному выражению одного из соавторов настоящего тома В. С. Ротенберга, симптом исчезает не потому, что субъект осознает его символическое значение, а, наоборот, субъект осознает символическое значение симптома потому, что он выздоравливает. Но вследствие чего же происходит его выздоровление и освобождение от вытесненного? Чтобы ответить на этот последний вопрос, мы позволим себе небольшой экскурс в теорию человеческого общения.

Органическая включенность эмоционального, эффективно-чувственного аспекта в процессе общения заостряет вопрос о существующей у человека неодолимой потребности находиться с окружающим миром не только в связи смысловой, но и в определенных эмоциональных отношениях. На ранних фазах онтогенеза подобные чувственные связи составляют основу общения с окружающим, в то время как у взрослого, наряду с ней, существует и рационально-логический аспект общения. Последний может у взрослого даже преобладать, но предпосылки и, главное, стремление к активному, непосредственно чувственному взаимодействию с окружающим, и прежде всего, с окружающим миром людей, потребность во включенности в этот мир у взрослого также, конечно, сохраняется. Вспомним хотя бы трагедию Раскольникова из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», возникшую именно из-за разрыва его чувственных связей с другими людьми, из-за его «отчужденности» от других людей, — и таких примеров и классическая литература, и жизнь дают бесконечно много.

Учитывая, какое большое значение имеет для душевного здоровья человека его нормальная включенность в систему эмоциональных контактов с другими людьми, легко понять огромную терапевтическую ценность подобных контактов. Эмпатия, сочувствие, сопереживание являются факторами, которые более всего способствуют эмоциональной интеграции человека с миром, восстановлению его нарушенных чувственных связей с окружающим. Поэтому там, где речь идет о лечении нефармакологическом и нехирургическом, там, где в центре клинической картины — синдромы преимущественно функциональные (истерические, фобические и др.), *можно почти всегда видеть, как эти нарушения редуцируются, тускнеют по мере углубления эмоционального контакта, создающегося между врачом и больным* и устраняющего ту «внутреннюю напряженность», ту атмосферу одиночества, покинутости, которая почти всегда скрыто питает подобные симптомы.

Означает ли все это приближение в какой-то мере к трактовкам психоаналитиков, подчеркивающих роль эмоциональных отношений в

психоаналитической ситуации, как главного фактора терапевтического процесса? Да, безусловно, но в еще большей степени это означает возвращение к гораздо более ранним настойчивым призывам целого ряда выдающихся русских и грузинских гуманистов, терапевтов и философов, которые еще в конце XIX — начале XX вв. указывали, вслед за Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, А. П. Чеховым, на роль «стремления к благу больного», на «бережение больного», на «любовь» к больному, на необходимость «жалеть» больного *как на «главную силу», на которую должен опираться врач.*

Поддержка такого понимания требует со стороны психоаналитиков большого мужества, потому, что оно бросает вызов неоправданным претензиям психоаналитического профессионализма. Ведь за этим пониманием довольно отчетливо обрисовывается мысль, что весь почти вековой путь психоанализа может завершиться идеей, звучавшей неоднократно и *вне какой бы то ни было связи с психоанализом,* — идеей о том, что главная сила психотерапевта в... человечном отношении к больному, в его желании исцелять, в «сердечности» связей, которые возникают между ним и больным. При наличии этой аффективной тональности осуществится и лечебный эффект (и что самое обескураживающее для профессионалов) — относительно независимо от того, какая методика, какая техника будет применена терапевтом. *А не будет этой тональности, не произойдет и исцеления,* сколь бы глубоким ни было теоретическое осмысление врачом сложных законов психической жизни человека, ибо одного только теоретического понимания болезни при попытках психологического воздействия (на человека!), по-видимому, принципиально недостаточно*.

В заключение хотелось бы отметить следующее.

Мы пытались оттенить различия между объяснениями психотерапевтических эффектов, которые даются советскими и западными исследователями. Естественно, возникает вопрос: нет ли среди различных направлений западного психоанализа более близких к нашим представлениям? Отвечая, нельзя не указать на концептуальный подход, который связывает психотерапевтические сдвиги прежде всего с

* На Тбилисском симпозиуме 1979 г. один из его участников В. Д. Гаврилов, предложил разработанную им и основанную на представлениях сходного типа теорию бессознательной «функции защиты вида (выживания вида)». Эта функция представляет собою, по В. Д. Гаврилову, неосознаваемое начало, руководящее всей психодинамикой (движением психических процессов) человека в направлении сохранности и развития полезных для вида признаков. Одним из проявлений функции защиты вида является совесть, существующая у человека в неосознаваемой и осознаваемой форме. Совесть стремится, вслед за функцией защиты вида, к утверждению в социальной деятельности человека прогрессивных тенденций, к сохранению альтруистической морали. Совесть настаивает на отказе человека от антивидовых и антисоциальных направлений деятельности и мышления. В случае более резких уклонений от прогрессивных форм существования, совесть приводит человека, действуя через неосознаваемые им нередко механизмы психики, к отрицательным событиям в его личной судьбе — к болезням, лишениям, потерям и т. д. Они, эти отрицательные события, снижают возможность для человека активности в обществе и тем самым — возможность для него антивидовой деятельности. Содержание неисчислимого количества произведений художественной литературы — это неудавшаяся судьба человека, корни которой скрыты в его антивидовой активности и в последующих действиях его совести, заставляющей человека, помимо его сознательной воли, вносить разрушение в ход своей собственной жизни. Тем самым обнаруживается значение интеграции человека с окружающим его миром как одного из наиболее мощных, имеющихся в нашем распоряжении, психотерапевтических факторов.

особенностями процессов общения, происходящих в малых социальных группах. Это — «динамическая» психиатрическая концепция, разрабатываемая Г. Аммоном и его школой*.

Подчеркивание важности социальных факторов формирования сознания; решительное отклонение бытующих поныне в западно-германской психиатрии представлений о генетической предопределенности агрессивности человека; акцент на особой зависимости черт личности от рано возникающих эмоциональных связей между ребенком и микрогруппой, в состав которой он входит; и, соответственно, стремление не столько расшифровывать в условиях психотерапии символику синдромов, сколько добиваться на основе контакта с больным его эмоциональной интеграции со всем окружающим его реальным миром — вот основные черты, характерные для направления, созданного Г. Аммоном. Они, несомненно, не тривиальны для современного психоанализа и во многом перекликаются с идеями, защищаемыми советскими учеными.

И вторая мысль.

Хорошо известно, какой разрушительной силой обладает слово, несущее тягостную, трагическую информацию, и мы представляем себе патофизиологические и биохимические механизмы таких воздействий. Но знаем ли мы, как, подчиняясь каким закономерностям стимулируют психологическую и физиологическую защиту слова противоположного регистра, слова, говорящие об эмпатии, слова, преодолевающие чувство одиночества, углубляющие связь человека с миром? Утверждать это было бы иллюзией.

К этому надо добавить, что более широкое использование в клинической практике идей «сочувствия», «добра», «любви» — это отнюдь не отказ от научного подхода к проблеме этих нравственных и философских категорий. Напротив, это подъем их проблематики на новый, более высокий теоретический уровень. Это — придание подобным категориям необычного для них клинического и психофизиологического смысла.

Но здесь мы касаемся вопросов, рассмотрение которых уже явно выходит за рамки задач настоящей монографии, посвященной вопросам теории бессознательного, а не психотерапии.

А в заключение пусть мне будет дозволено завершить эту статью фразой, сказанной одним из наших французских оппонентов (Ш. Бриссе) много лет назад при завершении нашей с ним дискуссии по проблеме бессознательного: «Я полагаю, что каждый из нас должен остерегаться думать, что только он располагает научным методом. Девизом Маркса было: „De omnibus dubitandum“. Этот девиз предостерегает против догматизма, за которым скрывается призрак всемогущества науки, это неизбежное перевоплощение нарциссизма знания» [17].

Если мы вспомним еще раз, как неимоверно сложна проблема бессознательного и что мы делаем в ее разработке лишь самые первые и весьма пробные шаги, то скромность, к которой призывает приведенная цитата, обрисовывается как важнейшее условие успеха на этом нелегком пути.

---

* Г. Аммон—один из ведущих западногерманских психиатров, автор двухтомной монографии „Dynamische Psychiatrie“ и мн. др.

PSYCHOLOGICAL SET AND EMOTIONAL SIGNIFICANCE

F. V. BASSIN

Institute of Neurology, USSR Academy of Medical Sciences, Moscow

SUMMARY

Two principal approaches to the problem of unconscious mental activity (the unconscious, „unconscious mental“), current in present-day literature are discussed: (a) the negative point of view denying the existence of this form of mental activity, and (b) the positive view recognizing the reality of this problem. It is emphasized that the latter view prevailed at the Tbilisi symposium (1979) at which various theoretical considerations and experimental arguments were adduced in its favour. Further, the author overviews evidence suggesting the active role played by the unconscious in: a) processing of consciously and subconsciously perceived information; b) the formation of conscious speech statements.

The second part of the paper deals with two questions: a) the role psychological sets play when the individual is temporarily unaware of his experiences owing to the switch of his attention to a content of greater significance to him (the phenomenon of „repression“; b) the change—under the influence of the experience repressed from the sphere of conscious awareness — of the (emotional) significance of elements of the outer or inner world consciously- or unconsciously perceived by the subject (the phenomenon of „compensatory“ hierarchy of values or „substituting“ psychological sets).

In conclusion attention is paid to the growing scepticism (even in the West) toward the traditional psychoanalytic conception according to which the disappearance of disturbances is ascribed to the insight into the symbolic meaning of these disturbances. Emphasis is made on the leading role played in the psychotherapeutic process by the specific relation taking shape between the patient and the therapist (empathy). It is suggested that the feelings of loneliness, abandonment, and emotional disintegration with respect to the outer world gives rise to a chronic nervous stress in the patient, the reduction of which leads to an attenuation and gradual removal of all other psychopathological syndromes.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. ЛЕНИН, Полное собр. соч., изд. 5-е, М., 1961, 112.
2. БАССИН Ф. В., РОЖНОВ В. Е., РОЖНОВА М. А., Коммунист, 1972, 2.
3. Психология и медицина (материалы к симпозиуму). Ин-т психологии АН СССР, М., 1978.
4. ЛОМОВ Б. Ф., Психологический Журнал, 1982, 6.
5. БАССИН Ф. В., Проблема бессознательного, М., 1968, 385.
6. ROHRACHER H., Die Arbeitsweise des Gehirns und psychischen Vorgänge, München, 1967, S. 164—165.
7. ВЫГОТСКИЙ Л. С., Психология искусства, М., 1965, 94.
8. В. И. ЛЕНИН, Соч., т. 14, 231.

9. ГЕОРГИЕВ Ф. И., Противоположность гегелевского и марксистского понимания физиологического, психического и логического. В кн.: «Тодор Павлов». Юбилейный сборник. Болгарская Академия наук, София, 1961, 122.
10. WUNDT W., Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmung, Leipzig, 1862. Цит. по Hartmann E. Philosophie des Unbewussten. Berlin, 1876.
11. Les attitudes (symposium). Paris, 1961.
12. РОЗЕНБЛАТТ Ф., Принципы нейродинамики, М., 1965 (перев с. англ. яз.).
13. Впервые термин «оттеснение» был применен, насколько нам известно, Р. М. Самсоновым (см. сб.: Соц. идеология и психика. Ереван, 1970), но затем этот автор от его использования отказался.
14. L'inconscient, VI Colloque de Bonneval, Paris, 1966, p. 47.
15. VIEDERMAN, S. Confrontation, № 3, 1980, p. 24—25.
16. БАССИН Ф. В., Вступ. статья к кн.: Шерток «Непознанное в психике человека», М., 1982, 163 (перев. с француз. яз.)
17. Цит. по: Ф. В. Бассин. Проблема бессознательного, М., 1968, 459.
18. БАССИН Ф. В., К проблеме осознавемости психологических установок. В сб.: Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рожд. Д. Н. Узнадзе, Тбилиси, 1973, 45—51.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

Настоящий IV том монографии «Бессознательное: природа, функции, методы исследования» является последним, завершающим томом этого издания. Предыдущие три тома были опубликованы издательством «Мецниереба» (Тбилиси) в 1978 г. как материал, предварявший открытие II Международного симпозиума, посвященного проблеме бессознательного (Тбилиси, 1979). Будучи написанными до симпозиума, тома I, II и III содержали работы, подготовленные широким коллективом советских и зарубежных ученых и предназначенные служить основой для дискуссий по этой проблеме, — вопросу в высшей степени сложному, многоаспектному, до сих пор разноречиво толкуемому, но имеющему, тем не менее, принципиальное значение для методологии подхода ко всей по существу теории психики человека. Концептуальная позиция инициаторов созыва симпозиума — АН Груз. ССР, Института психологии им. Д. Н. Узнадзе, Тбилисского Гос. университета (сформировавших редакционную коллегию первых трех томов монографии в лице акад. А. С. Прангишвили, проф. А. Е. Шерозия и проф. Ф. В. Бассина) была изложена в статьях, которыми открывался каждый из основных проблемных разделов монографии.

Очевидно, что изложить теоретическое понимание разных аспектов проблемы бессознательного («неосознаваемой психической деятельности», «бессознательного психического») можно было в рамках этих редакционных статей только в самых общих чертах, лишь фрагментарно. Поэтому при подготовке IV тома перед создавшим его авторским коллективом возникла иная и более сложная задача: изложить представления, предназначенные не только для продолжения дискуссий (которые менее всего, конечно, следует рассматривать как завершенные), не столько для продолжения критического анализа идеи бессознательного, уже прозвучавшего в связи с симпозиумом в советской и зарубежной литературе, сколько для того, чтобы сформулировать конструктивные соображения, которые можно было бы рассматривать как итог споров, происходивших по поводу этой идеи на протяжение последних одного-двух десятилетий. Одновременно подобный итог явился бы попыткой предварительного хотя бы обобщения с исходных для нас диалектико-материалистических позиций того основного, что обсуждалось на симпозиуме, а тем самым и попыткой пояснить, с какой целью этот симпозиум был организован и что он в конечном счете в теоретическом отношении дал.

О предварительном характере подобных попыток следует говорить потому, что подвергнуть детальному анализу весь огромный материал, так или иначе связанный с симпозиумом (содержание предыдущих трех томов, предъявленных для рассмотрения участникам симпозиума за несколько месяцев до его открытия; доклады и прения на самом симпозиуме и, неожиданно, большое количество статей, поступивших в Оргкомитет симпозиума уже после завершения его работы), было практически немыслимо.

Редакция приносит поэтому свои извинения авторам тех работ, которые по техническим причинам оказалось невозможным включить в настоящий четвертый том монографии, вопреки немалому интересу, который почти все они, несомненно, представляют. Она выражает надежду, что в дальнейшем еще сможет вернуться к этому ценному материалу и, с разрешения авторов соответствующих статей, опубликовать их (возможно, как «Дополнение» к IV тому). Пока же она оказалась вынужденной просить авторов статей IV тома касаться, критически, — если это требовалось для развития их собственных представлений, — материалов главным образом только предыдущих трех томов. Упоминание же о докладах и дискуссиях, состоявшихся на самом симпозиуме, как и о статьях, присланных после симпозиума, дается в IV томе лишь в форме общих высказываний, подчеркивающих их наиболее, с точки зрения редакции, интересные и ценные мысли, — без, разумеется, какой-либо критики этого, еще не опубликованного, материала. Подобное ограничение, однако, естественным образом снималось, если доклады на симпозиуме, отклики на них и статьи, присланные с запозданием, были их авторами за время, истекшее после симпозиума, уже самостоятельно в каких-либо других монографиях или периодических изданиях опубликованы. А таких случаев было немало.

В заключение редколлегия выражает искреннюю признательность всем членам авторского коллектива IV тома за присланные ими материалы. Она убеждена в том, что только благодаря этому материалу работа II Международного симпозиума по проблеме бессознательного приобретает в какой-то мере характер завершенный и способный занять со всеми ее достоинствами и недостатками определенное место в бесконечно продолжающейся дальнейшей эволюции наших знаний о природе и психике человека.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

РАМИШВИЛИ Д. И. (160), Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Грузинской ССР, Тбилиси, СССР.

РАПОХИН Н. П. (129), ВНИИ комплексных проблем АН СССР, Москва, СССР.

РОТЕНБЕРГ В. С. (93, 211), I Московский медицинский институт, Москва, СССР.

САКВАРЕЛИДЗЕ М. А. (67), Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе, АН Грузинской ССР, Тбилиси, СССР.

САРДЖВЕЛАДЗЕ Н. И. (56), Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Грузинской ССР, Тбилиси, СССР.

СИМОНОВ П. В. (149), Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР, Москва, СССР.

СЛИТИНСКАЯ Л. И. (307), Грузинский политехнический институт им. В. И. Ленина, кафедра русской литературы, Тбилиси, СССР.

СМИРНОВ И. Н. (93), Институт философии АН СССР, Москва, СССР.

ФАЙВИШЕВСКИЙ В. А. (318), Психоневрологический диспансер № 11, Москва, СССР.

ФИНКЕЛЬШТЕЙН Э. Б. (341, 353), Московский областной педагогический институт, Москва, СССР.

ЦАПКИН В. Н. (265), ЦОЛИУ врачей, кафедра психотерапии, Москва, СССР.

ЧАВЧАНИДЗЕ В. В. (356), Тбилисский государственный университет, кафедра кибернетики, Тбилиси, СССР.

ШЕРТОК Л. (106). Институт Ларошфуко, центр психологической медицины им. Дежерина, Париж, Франция.

ШОШИН П. Б. (170), Московский государственный университет, факультет психологии, Москва, СССР.

ЭСЕБУА Р. Ш. (299), Тбилисская государственная консерватория, Тбилиси, СССР.

LIST OF CONTRIBUTORS

ASMOLOV A. G. (77), Moscow State University, Department of Psychology, Moscow, USSR

AVTONOMOVA N. S. (115), Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR

BAKHTADZE-SHEROZIA N. V. (140), Tbilisi State University, Department of Philosophy and Psychology, Tbilisi, USSR

BASSIN F. V. (93, 429), Institute of Neurology of the USSR Academy of Medical Sciences, Moscow, USSR

BEREZIN F. B. (394), Ist Moscow Medical Institute, Moscow, USSR

CHAVCHANIDZE V. V. (356), Tbilisi State University, Department of Cybernetics, Tbilisi, USSR

CHERTOK L. (106) Institut la Rochefoucauld. Centre de Medecine Psychosomatique Dejerine, Paris, France

DOBROVICH A. B. (237), Psychiatric Hospital № 13, Moscow, USSR

DROGALINA Zh. A. (185), Moscow State University, Laboratory of the Mathematical Theory of Experiment, Moscow, USSR

DUBROVSKI D. I. (277), Moscow State University, Faculty of Philosopy, Moscow, USSR

ESEBUA R. Sh. (299), Tbilisi State Conservatory, Tbilisi, USSR

FAIVISHEVSKI V. A. (318), 11th Psychoneurological Prophylactic Centre, Moscow, USSR

FINKELSTEIN E. B. (341, 353), Moscow Regional Pedagogical Institute, Moscow, USSR

GAMKRELIDZE T. V. (261), G. V. Tsereteli Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the Georgian SSR, Tbilisi, USSR

GRIGOLAVA V. V. (24), The D. N. Uznadze Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, Tbilisi, USSR

ILYN G. L. (411, 419), Institute of the History of Natural Science and Engineering, USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR

IOSEBADZE. T. Sh. (36), Tbilisi State University, Department of Philosophy and Psychology, Tbilisi, USSR

IOSEBADZE T. T. (36), Tbilisi City Psychiatric Hospital, Tbilisi, USSR

IVANOV V. V. (254), Institute of Slavic and Balkan Studies, USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR

KECHKHUASHVILI G. N. (299), Tbilisi State University, Department of Plilosophy- and Psychology, Tbilisi, USSR

KOTIK M. A. (377), Tartu State University, Tartu, USSR

LEONTYEV A. A. (199), A. S. Pushkin Institute of the Russian Language, Moscow, USSR

NALIMOV V. V. (185), Moscow State University, Laboratory of the Mathematical Theory of Experiment, Moscow, USSR

NORAKIDZE V. G. (366), The D. N. Uznadze Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, Tbilisi, USSR

PARJANADZE D. Sh. (291), Tbilisi State University, Department of Philosophy and Psychology, Tbilisi, USSR

PRANGISHVILI A. S. (16), The D. N. Uznadze Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, Tbilisi, USSR

RAMISHVILI D. I. (160), The D. N. Uznadze Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, Tbilisi, USSR

RAPOKHIN N. P. (129), All-Union Scientific Research Institute of Complex Problems, USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR

ROTENBERG V. S. (93,211), 1st Moscow Medical Institute, Moscow, USSR

SAKVARELIDZE M. A. (67), The D. N. Uznadze Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, Tbilisi, USSR

SARJVELADZE N. I. (56), The D. N. Uznadze Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, Tbilisi, USSR

SHOSHIN P. B. (170), Moscow State University, Department of Psychology, Moscow, USSR

SIMONOV P. V. (149), Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology, USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR

SLITINSKAYA L. I. (307), V. I. Lenin Polytechnical Institute, Tbilisi, USSR

SMIRNOV I. N. (93), Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR

TSAPKIN V. N. (265), Central Institute for Advanced Medical Training, Department of Psychotherapy, Moscow, USSR

VUNTSEVICH I. L. (353), Moscow Regional Pedagogical Institute, Moscow, USSR

ZENKOV L. R. (224), Clinic of Nervous Diseases, I. M. Sechenov First Medical Institute, Moscow, USSR

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Грузинской ССР

Рецензенты: доктор психологических наук, профессор
Н. В. Имедадзе
кандидат психологических наук
И. В. Котетишвили

ИБ 2836

Редакторы издательства: М. Г. Мачабели, Д. С. Бакрадзе
Художник А. Ф. Думбадзе
Худож. редактор Г. А. Ломидзе
Техредактор Ц. В. Камушадзе
Корректор Т. Г. Китиашвили
Выпускающий О. С. Осадзе

Сдано в набор 19.3.1985; Подписано к печати 6.9.1985; Формат бумаги 70×108 1/16; Бумага № 1; Гарнитура литературная; Печать высокая; Усл.-печ. л. 40.6; Усл. кр.-отт. 40.9; Уч.-изд. л. 36.5; УЭ 01664; Тираж 8000; Заказ 767;
Цена 5 р. 40 к.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Типография АН Груз. ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: ПРИРОДА, ФУНКЦИИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

«МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1985

არაცნობიერი: ბუნება, ფუნქციები, გამოკვლევების მეთოდები

ტომი მეოთხე